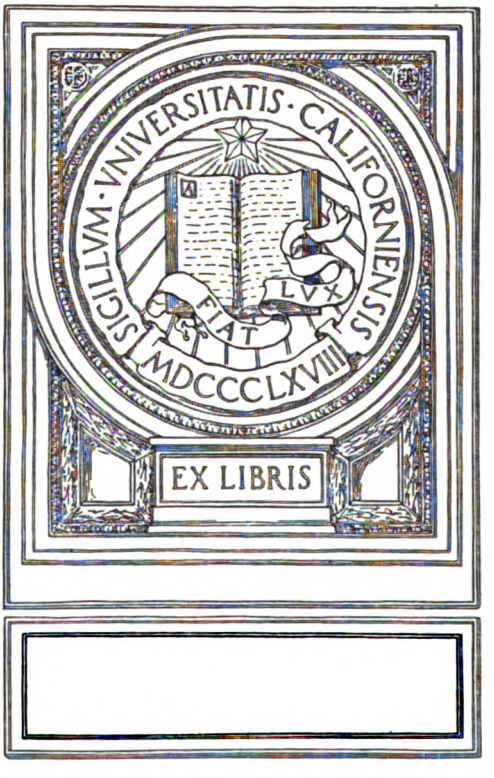

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT
LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Fig. 5

Годъ VII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1898

ІЮЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. **А. Горбунова.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПРОЩАНІЕ. **А. Ѳедорова.** 17
3. «СУХАЯ БѢДА». **Н. Телешова** 19
4. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РОСКОШИ. **Сергѣя Маковскаго** . . 55
5. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика **А. Фаминцына** (Окончаніе). 92
6. КАРТИНКИ ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ **Маріи Конопницкой.** (Съ польскаго). 114
7. ФИЛОСОФІЯ ЛѢНИ ИЛИ ПОЭЗІЯ ПРАЗДНОСТИ. (Изъ исторіи нѣмецкаго романтизма). **Вл. Фриче.** 134
8. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко.** 147
9. БОРЬБА БУДУЩАГО МЕЖДУ БѢЛОЙ И ЖЕЛТОЙ РАСАМИ. **Э. Мецгера.** Перев. съ нѣмецк. **Т. Стрѣльниковой.** . . 178
10. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Книга третья). 197
11. СТИХОТВОРЕНІЕ СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДЪ. **П. Я.** 231
12. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова.** 233

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Очерки и разсказы» Максима Горькаго, два тома. — Міръ босяковъ и его бытописатели, Левитовъ и г. Горькій.—Реализмъ послѣдняго. — Различные типы босой команды.—Безпокойныя души.—«Бывшіе люди».—Философія приволья и свободной жизни.—Бодрое настроеніе очерковъ г. Горькаго. **А. Б.** 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Разорившаяся губернія.—Движеніе на заработки и условія труда.—Курьерскій сквозной поѣздъ на сибирскомъ пути.—Новая бѣда въ Забайкальѣ.—Событіе въ Андижанѣ 13

Годъ VII-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

1809

ІЮЛЬ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

UNIV. OF CALIFORNIA

Дозволено цензурою 25 іюня 1898 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1898:7
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. **А. Горбунова.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПРОЩАНІЕ. **А. Ѳедорова.** 17
3. «СУХАЯ БѢДА». **Н. Телешова** 19
4. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РОСКОШИ. **Сергѣя Маковскаго** . . 55
5. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. **Академика А. Фаминцына** (Окончаніе). 92
6. КАРТИНКИ ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ **Маріи Конопницкой.** (Съ польскаго). 114
7. ФИЛОСОФІЯ ЛѢНИ ИЛИ ПОЭЗІЯ ПРАЗДНОСТИ. (Изъ исторіи нѣмецкаго романтизма). **Вл. Фриче.** 134
8. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть вторая. **И. Потапенко.** 147
9. БОРЬБА БУДУЩАГО МЕЖДУ БѢЛОЙ И ЖЕЛТОЙ РАСАМИ. **Э. Мецгера.** Перев. съ нѣмецк. **Т. Стрѣльниковой.** . . 178
10. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Книга третья). 197
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДЪ. **II. Я.** 231
12. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова.** 233

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Очерки и разсказы» Максима Горькаго, два тома. — Міръ босяковъ и его бытописатели, Левитовъ и г. Горькій. — Реализмъ послѣдняго. — Различные типы босой команды. — Безпокойныя души. — «Бывшіе люди». — Философія приволья и свободной жизни. — Бодрое настроеніе очерковъ г. Горькаго. **А. Б.** 1
14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Разорившаяся губернія. — Движеніе на заработки и условія труда. — Курьерскій сквозной поѣздъ на сибирскомъ пути. — Новая бѣда въ Забайкальѣ. — Событіе въ Андижанѣ 13

884301

стр.

15. ДНИ БѢЛИНСКАГО ВЪ ПЕНЗѢ. (26-е и 27-е мая 1898 г.). Письмо изъ Пензы. **Виктора Острогорскаго**. 20
16. **За границей.** Что читаетъ нѣмецкій народъ? **М. Рафаилова.**— Лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ. — «Бюро новостей» въ Нью-Іоркѣ.—Японскій министръ о просвѣщеніи. 26
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue scientifique».—«Nineteenth Century». — «Revue des deux Mondes». — «Ethical World». — «Revue des Revues» 36
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новости ботаники за истекшій 1897 годъ. **И. Б.** 42
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Каналы Марса и каналы луны. 2) Разстояніе отъ земли звѣздъ «Большой Медвѣдицы». **Физика и физическая географія.** 1) Превращеніе водорода въ жидкое состояніе. 2) Морскія глубины. **Біологія.** 1) Пахучія железы у насѣкомыхъ. 2) Вліяніе сильно сжатыхъ газовъ на микроорганизмы. 3) Чума и муравьи. **Техника. Агрономія.** 1) Утилизація силы морскихъ волнъ. 2) Нитрагинъ.—**Некрологъ.** Бессемеръ. **В. Агафонова.** 48
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Е. Водовозовой.** 56
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Исторія. — Соціологія. — Юридическія науки.—Философія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 58
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Эволюція вѣрующаго духа. **Ив. Иванова.** 82
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 103

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ. Романъ **А. Лундегорда.** Переводъ со шведскаго **В. Фирсова.** 1
25. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ.** (Продолженіе) 59

UNIV. OF CALIFORNIA

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА *).

Среди тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуютъ нынѣ всѣ культурныя государства, одной изъ самыхъ сложныхъ является общественное призрѣніе. Цѣлью этой отрасли внутренняго управленія является въ оказаніе помощи бѣднымъ, т. е. лицамъ, находящимся въ состояніи той крайней и безвыходной нужды, которая грозитъ самому ихъ существованію.

Соотвѣтственно съ разными категоріями лицъ, находящихся въ такомъ безпомощномъ состояніи, государство прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ и формамъ помощи. Такъ, для сиротъ и подкидышей оно устраиваетъ разнаго рода пріюты и школы; съ цѣлью спасти дѣтей отъ жестокихъ или порочныхъ родителей государство вторгается даже въ семью, лишая родителей отцовской власти и помѣщая дѣтей въ пріюты или частныя семьи. Аналогичные пріюты или школы устраиваются государствомъ для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, убогихъ и престарѣлыхъ. Для больныхъ, алкоголиковъ и сумасшедшихъ государство устраиваетъ больницы, для бродягъ и нищихъ—исправительные пріюты и, наконецъ, для безработныхъ — народныя кухни, ночлежные дома, посредническія конторы, рабочіе дома, колоніи и разнаго рода другія учрежденія.

Уже одно перечисленіе средствъ помощи бѣднымъ показываетъ, какъ тѣсно соприкасается и переплетается общественное призрѣніе съ разными отраслями государственнаго управленія и политики, какъ-то: общественнымъ здравіемъ, народнымъ образованіемъ, уголовной и экономической политикой. Но наиболѣе тѣсная связь наблюдается между общественнымъ призрѣніемъ и той частью экономической политики, которая имѣетъ цѣлью улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ классовъ и называется въ настоящее время соціальной политикой.

Взглядъ на бѣдность, какъ на общественное явленіе, вытекающее изъ лѣни, пьянства, расточительности, непредусмотрительности и разныхъ другихъ человѣческихъ недостатковъ, все болѣе и болѣе теряетъ подъ собой почву. Каждое новое изслѣдованіе тѣхъ условій, въ кото-

*) Пробная лекція, читанная въ московскомъ университетѣ 26-го февраля 1898 года.

рыхъ живутъ низшіе слои народа, доказываетъ, что главной причиной ихъ бѣдности является скудность и непостоянство ихъ заработка. Эта причина обусловливаетъ невѣжество и разные недостатки этихъ классовъ, отсутствіе или слабое развитіе среди нихъ самопомощи и полнѣйшую невозможность дѣлать какія-либо сбереженія на черный день. Вполнѣ понятно, что лица, живущія въ такихъ условіяхъ, при болѣзни или другомъ какомъ-либо несчастіи, принуждены бываютъ обращаться къ общественной помощи.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ изслѣдованій, подтверждающихъ справедливость приведенныхъ разсужденій, особеннаго вниманія заслуживаетъ анкета, произведенная въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ извѣстнымъ англійскимъ писателемъ Чарльсомъ Бусомъ. При содѣйствіи многочисленныхъ опытныхъ сотрудниковъ этотъ изслѣдователь постарался всесторонне выяснить всѣ тѣ условія, среди которыхъ жили бѣдняки одного Лондонскаго участка, и тѣ причины, которыя привели ихъ къ бѣдности. Путемъ весьма тщательнаго индивидуальнаго разслѣдованія 4.000 случаевъ, онъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Среди той голи, изъ которой вербуются преступники и пенсіонеры общественнаго призрѣнія, лишь 18% дошло до такого состоянія вслѣдствіе лѣности, пьянства и другихъ личныхъ недостатковъ; 27% пришло въ это состояніе по причинѣ болѣзни, многочисленной семьи и другихъ подобнаго рода обстоятельствъ; всѣ же остальные, т. е. 55%, впали въ бѣдность вслѣдствіе ничтожности или нерегулярности заработной платы и разныхъ другихъ условій труда и заработка.

Среди лицъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія, стоящихъ, такъ сказать, на краю бѣдности, процентъ лицъ, дошедшихъ до этого состоянія вслѣдствіе личныхъ недостатковъ, понижается до 13%, процентъ же лицъ, обязанныхъ этимъ состояніемъ условіямъ труда и заработка, повышается до 68%.

Аналогичные результаты были получены и въ Германіи при переписи лицъ, пользовавшихся общественной помощью.

По даннымъ этой переписи оказалось, что среди лицъ, пользовавшихся въ 1885 г. общественной помощью, около трети—30% было вынуждено прибѣгнуть къ ней вслѣдствіе болѣзни и увѣчья; 18,1%—вслѣдствіе смерти кормильца; 14,8%—по старости; 12,4%—по своимъ природнымъ недостаткамъ; 7,2%—вслѣдствіе многосемейности; 7,8%—по разнымъ невыясненнымъ причинамъ; 6%—вслѣдствіе безработицы и лишь 3,4%—вслѣдствіе пьянства и лѣни.

Всматриваясь въ эти данныя, нельзя не замѣтить, что онѣ какъ будто рѣзко противорѣчатъ вышеприведеннымъ результатамъ изслѣдованій Чарльса Буса, совершенно умаляя въ качествѣ причины бѣдности значеніе экономическихъ условій.

Но не слѣдуетъ забывать, что при тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ была произведена германская перепись 1885 г., немыслимо было то

детальное разслѣдованіе каждаго отдѣльнаго случая, какое было произведено Чарльсомъ Бусомъ; по необходимости приходилось регистрировать не столько причины, сколько тѣ внѣшніе поводы, которые заставляютъ людей обращаться къ общественной помощи. Но врядъ ли нужно доказывать, что болѣзнь, старость, смерть кормильца и другія несчастія могутъ послужить такими поводами лишь для тѣхъ людей, которые принуждены существовать на скудный и случайный заработокъ.

Изъ всего вышесказаннаго съ необходимостью вытекаетъ: чѣмъ раціональнѣе экономическія условія производства и чѣмъ болѣе государство заботится объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ, тѣмъ меньше лицъ, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, и, наоборотъ, чѣмъ хуже экономическое положеніе страны и чѣмъ менѣе экономическая политика имѣетъ въ виду благо трудящихся классовъ, тѣмъ бо́льшіе размѣры должно принять общественное призрѣніе. Такимъ образомъ, послѣднее является какъ бы необходимымъ и неизбѣжнымъ коррелатомъ экономической политики, дополняя и завершая ее. Къ сожалѣнію, подобное соотношеніе между двумя разсматриваемыми отраслями внутренняго управленія наблюдается въ дѣйствительности далеко не всегда. Современный экономическій и общественный строй даже наиболѣе культурныхъ странъ земного шара еще далекъ отъ совершенства. Между тѣмъ общественное призрѣніе въ силу нѣкоторыхъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ еще впереди, способно удовлетворить своему назначенію лишь при ограниченномъ кругѣ лицъ, нуждающихся въ помощи. Отсюда даже въ тѣхъ государствахъ, которыя, какъ, напримѣръ, Англія, не мало заботятся объ улучшеніи судьбы рабочихъ классовъ и стараются оказать помощь каждому нуждающемуся, каковы бы ни были его нравственныя качества и прошлая жизнь, даже въ этихъ странахъ поставленная цѣль не вполнѣ достигается. Гораздо хуже обстоитъ дѣло въ тѣхъ странахъ, гдѣ государство по тѣмъ или другимъ причинамъ оказываетъ помощь не всѣмъ нуждающимся, а лишь нѣкоторымъ категоріямъ ихъ, какъ это имѣло мѣсто до самаго послѣдняго времени во Франціи или Бельгіи; или же тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Россіи общественное призрѣніе находится въ зачаточномъ состояніи. Въ этихъ странахъ нуждающіеся въ помощи поневолѣ должны обращаться къ частной благотворительности; но проявленія частной благотворительности случайны, капризны, несистематичны: помощь оказывается ею не всегда и не вездѣ тамъ, гдѣ ощущается наибольшая нужда, и приноситъ нерѣдко болѣе вреда, чѣмъ пользы. Въ результатѣ такого положенія дѣлъ недостатки экономическаго строя отражаются на болѣзненности, нравственности и смертности населенія, на развитіи эпидемій и преступленій; словомъ, на соціальныхъ явленіяхъ, болѣе грозныхъ, чѣмъ бѣдность, и борьба съ которыми обходится государству въ концѣ концовъ болѣе дорого, чѣмъ самыя сложныя мѣропріятія экономической политики и общественнаго призрѣнія.

*

Имѣя дѣло съ общественнымъ явленіемъ, коренящимся главнымъ образомъ въ строѣ экономическихъ отношеній, и ставя своей цѣлью не одно только удовлетвореніе элементарныхъ потребностей лицъ, впавшихъ въ бѣдность, но также и обезпеченіе имъ возможности стать на ноги, общественное призрѣніе тѣмъ самымъ до того тѣсно переплетается съ экономической политикой, что провести какую-либо опредѣленную грань между этими двумя отраслями внутренняго управленія нѣтъ никакой возможности. Обыкновенно указываютъ, что экономическая политика задается цѣлью развить производительныя силы страны, дать имъ возможно лучшую организацію и тѣмъ самымъ предупредить бѣдность; тогда какъ общественное призрѣніе преслѣдуетъ лишь оказаніе соотвѣтствующей помощи бѣднымъ при наличности данныхъ общественныхъ и экономическихъ отношеній. Но историческій опытъ показываетъ, что мѣры общественнаго призрѣнія, преслѣдуя столь ограниченную цѣль, отражаются и на существующихъ экономическихъ условіяхъ, видоизмѣняя ихъ нерѣдко въ довольно значительной степени.

Возьмемъ хотя бы милостыню,—способъ помощи, раціональность котораго въ настоящее время врядъ ли признается кѣмъ-либо изъ образованныхъ лицъ. Между тѣмъ въ средніе вѣка, когда нищенство считалось чуть ли не подвигомъ и существовали даже особые нищенствующіе ордена монаховъ, когда, наконецъ, въ подачѣ милостыни видѣли своего рода религіозный актъ, врядъ ли милостыня могла оказать на просящихъ ее то развращающее и унижающее человѣческое достоинство вліяніе, какое приписываютъ ей современные писатели. Можно даже съ увѣренностью предположить, что въ то время частыхъ войнъ и междоусобій и при отсутствіи всякой личной и общественной безопасности, милостыня принесла много добра. Но въ то же время, будучи подаваема безъ разбора всѣмъ и каждому, она побудила многихъ производительныхъ членовъ общества бросить свой тяжелый трудъ и заняться нищенствомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ концѣ прошлаго вѣка въ Англіи органы общественнаго призрѣнія, желая оказать помощь рабочему населенію, рѣшили увеличить его заработокъ путемъ соотвѣтствующихъ приплатъ изъ фонда общественнаго призрѣнія. Результатомъ этой мѣры было соотвѣтствующее пониженіе заработной платы и ухудшеніе положенія тѣхъ самыхъ рабочихъ, ради блага которыхъ была предпринята эта мѣра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе трудолюбивые рабочіе, видя, что, несмотря на всѣ свои труды и старанія, положеніе ихъ ничѣмъ не лучше положенія безработныхъ и лѣнтяевъ, получающихъ общественныя пособія, предпочли сдѣлаться пенсіонерами общественнаго призрѣнія. Въ конечномъ итогѣ разсматриваемая мѣра вызвала необычайно быстрый ростъ числа бѣдныхъ и расходовъ на общественное призрѣніе и полнѣйшее разстройство экономическихъ условій труда и заработка. Все это побудило англійское правительство выступить въ 1833 г. съ коренной реформой законовъ о бѣдныхъ.

Наконецъ, возьмемъ всѣ тѣ учрежденія, которыя задаются цѣлью оказывать такъ называемую «трудовую помощь» и которыя подъ разными названіями возникали и возникаютъ почти во всѣхъ странахъ Европы. Мы имѣемъ въ виду рабочіе дома (въ Англіи), рабочія колоніи (въ Голландіи и Германіи), дома трудолюбія (въ Россіи) и другія подобныя заведенія. Цѣль всѣхъ этихъ учрежденій въ высшей степени симпатична: доставить своимъ посѣтителямъ работу и тѣмъ самымъ дать имъ возможность перебиться впредь до пріисканія постояннаго занятія. Подобнаго рода трудовая помощь теряетъ, очевидно, тотъ унизительный для здоровыхъ и честныхъ рабочихъ характеръ, какимъ обладаетъ даровая помощь. Кромѣ того, и расходы на трудовую помощь окупаются до нѣкоторой степени выручкой отъ продажи сработанныхъ издѣлій.

Отличаясь такими достоинствами, трудовая помощь имѣетъ въ то же время и свою обратную сторону, которая вредно отражается на положеніи рабочаго класса. Въ самомъ дѣлѣ, продукты, изготовляемые посѣтителями вышеупомянутыхъ учрежденій, поступая на рынокъ, неизбѣжно должны понизить рыночныя цѣны однородныхъ продуктовъ, и тѣмъ самымъ ухудшить положеніе свободныхъ рабочихъ, занимающихся ихъ производствомъ. А такъ какъ въ разсматриваемыя учрежденія поступаютъ главнымъ образомъ бывшіе преступники, бродяги и нищіе—въ германскихъ рабочихъ колоніяхъ эти лица составляютъ постоянно около 75% всѣхъ посѣтителей, то въ конечномъ результатѣ трудовой помощи можетъ произойти вытѣсненіе съ рынка честныхъ и кое-какъ еще перебивающихся рабочихъ названными сомнительными элементами. Явленіе тѣмъ болѣе возможное, что издѣлія и продукты, поставляемые рабочими колоніями и домами трудолюбія, продаются часто ниже рыночной цѣны.

Съ цѣлью избѣжать подобныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ нежелательныхъ послѣдствій, устроителями всѣхъ подобныхъ учрежденій принимаются обыкновенно разныя мѣры предосторожности. Въ однихъ заведеніяхъ стараются завести лишь такія производства, которыя не имѣютъ мѣста въ данной странѣ и продукты которыхъ ввозятся въ нее изъ-за границы. Другія учрежденія строго держатся правила не продавать изготовляемыхъ въ нихъ издѣлій ниже рыночной цѣны. Наконецъ, въ англійскихъ рабочихъ домахъ изъ работъ въ ходу только битье щебня и щипанье пеньки, — занятія, которыя никакой серьезной конкурренціи свободнымъ рабочимъ оказать не могутъ.

Но всѣ эти предосторожности не достигаютъ, очевидно, своей цѣли. Продажа, напримѣръ, издѣлій не ниже рыночной цѣны, никоимъ образомъ не устраняетъ конкурренціи этихъ издѣлій съ однородными издѣліями самостоятельныхъ рабочихъ, живущихъ на волѣ. Производство такихъ продуктовъ, которые ранѣе въ данной странѣ не производились, оказываетъ конкурренцію производству тѣхъ продуктовъ, которые шли ранѣе въ обмѣнъ на нихъ.

Ломаніе же щебня и щипаніе пеньки, практикуемое лишь для того, чтобы отвадить отъ поступленія въ рабочій домъ настоящихъ лѣнтяевъ, теряетъ всякій raison d'être по отношенію къ тѣмъ честнымъ рабочимъ, которые имѣли несчастіе попасть въ рабочій домъ, являясь по отношенію къ нимъ безцѣльной и унизительной жестокостью. Отмѣченная тенденція расшатать существующія въ странѣ условія труда и заработка, помимо разсмотрѣнныхъ заведеній, присуща въ одинаковой степени и всѣмъ тѣмъ исправительнымъ учрежденіямъ, которыя задаются цѣлью пріучить къ труду бродягъ и нищихъ. Насколько сильна указанная тенденція, это зависитъ, конечно, отъ числа учрежденій, занимающихъ своихъ питомцевъ трудомъ, отъ характера работъ, условій продажи выработанныхъ издѣлій и цѣлаго ряда другихъ условій.

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, что мѣропріятія общественнаго призрѣнія отнюдь не остаются на почвѣ существующихъ уже общественныхъ и экономическихъ отношеній, а, наоборотъ, имѣютъ нерѣдко тенденцію видоизмѣнять ихъ.

Обнаруживая сходство въ этомъ отношеніи съ мѣропріятіями экономической политики, мѣры общественнаго призрѣнія отличаются въ то же время отъ послѣднихъ нѣкоторыми особенностями, давшими поводъ къ выдѣленію ихъ въ особую самостоятельную группу.

Такъ, прежде всего общественное призрѣніе имѣетъ дѣло не со всѣми классами населенія, подобно экономической политикѣ, а лишь съ тѣми категоріями его, которыя находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи и оказать которымъ дѣйствительную помощь представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Воспитать и образовать безпризорнаго ребенка, обучить ремеслу слѣпого, вылѣчить алкоголика, исправить и пріучить къ труду бродягу и нищаго, и поставить всѣхъ этихъ лицъ на ноги—все это задача крайне сложная. По отношенію къ работоспособнымъ лицамъ, заболѣвшимъ или потерявшимъ заработокъ, задача общественнаго призрѣнія также не легка. Оно по необходимости оказываетъ имъ помощь лишь тогда, когда отчаянная борьба за существованіе заставила этихъ лицъ распродать свое имущество, задолжать, надорвать свое здоровье и начать пить. Въ силу этихъ условій помощь опять-таки осложняется въ высшей степени, если только не становится совершенно запоздалой.

Преслѣдуя столь сложную и трудно осуществимую задачу, общественное призрѣніе въ то же время крайне стѣснено въ способахъ достиженія ея. Оно по необходимости должно ограничиваться лишь безусловно необходимой помощью, предоставляя частной благотворительности восполнять и дополнять ее. Въ противномъ случаѣ призрѣваемые могутъ оказаться въ лучшемъ положеніи, чѣмъ лица, кое-какъ перебивающіяся на волѣ, и у послѣднихъ можетъ явиться побужденіе бросить свои мытарства и перейти въ разрядъ пенсіонеровъ общественнаго призрѣнія.

Опытъ Англіи, о которомъ упоминалось выше, какъ нельзя лучше доказываетъ основательность выставленнаго принципа.

Въ силу подобныхъ условій, пособія выдаваемыя органами общественнаго призрѣнія, крайне малы; всякая другая помощь недостаточна, оказывается сплошь и рядомъ слишкомъ поздно и обставлена, кромѣ того, для призрѣваемыхъ крайне тяжелыми послѣдствіями. Всѣ призрѣваемые, по законодательствамъ всѣхъ странъ, ограничиваются въ гражданской и политической правоспособности. Если они въ силахъ работать, то обязаны выполнить всякую работу, какая только будетъ имъ указана; въ противномъ случаѣ они подлежатъ уголовной карѣ. Особенно сурово въ этомъ отношеніи общественное призрѣніе въ Англіи. Оно послѣдовательно и строго придерживается принципа, оказывать помощь неимущимъ лишь въ такой степени, чтобы получающій ее отнюдь не становился въ лучшее положеніе, чѣмъ положеніе низшаго класса независимыхъ и кормящихся своимъ трудомъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого помощь оказывается, главнымъ образомъ, въ рабочихъ домахъ. Члены семьи при поступленіи въ эти заведенія разлучаются; работа назначается крайне тяжелая, содержаніе едва достаточное. Вполнѣ естественно, что населеніе относится къ этимъ заведеніямъ съ крайнимъ отвращеніемъ. Этимъ можетъ быть и объясняется тотъ фактъ, что несмотря на совершенно свободный доступъ въ рабочіе дома, въ Англіи все еще встрѣчаются случаи смерти отъ голода. Въ 1890 г., напримѣръ, умерли отъ этой причины 101 человѣкъ, изъ нихъ 31 человѣкъ въ Лондонѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, не мало осложняющее раціональную постановку общественнаго призрѣнія. Для того, чтобы оказать помощь лицамъ, дѣйствительно нуждающимся въ ней, и притомъ раціональную помощь, требуется тщательное изслѣдованіе тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ данный проситель, и притомъ неоднократное изслѣдованіе, а періодически повторяемое и повѣряемое. Отсюда полнѣйшая децентрализація и демократизація названной отрасли управленія и привлеченіе къ ней массы частныхъ добровольцевъ, безъ дѣятельнаго участія которыхъ сколько-нибудь раціональная постановка общественнаго призрѣнія прямо-таки немыслима.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что общественное призрѣніе, преслѣдуя крайне сложную и трудно осуществимую задачу и нуждаясь для достиженія ея въ цѣлой массѣ добровольныхъ и преданныхъ своему дѣлу работникахъ, по необходимости отличается суровымъ и недоконченнымъ характеромъ большинства своихъ мѣропріятій и нерѣдко отражается на ухудшеніи участи тѣхъ наименѣе обезпеченныхъ классовъ народа, изъ которыхъ вербуется бѣднота.

Эти особенности, присущія общественному призрѣнію, послужили однимъ изъ поводовъ, побудившихъ нѣкоторыя государства усилить свои заботы объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ и такимъ

путемъ предупредить ихъ обѣднѣніе и освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ общественной помощи.

Однимъ изъ такихъ государствъ была Германія, выступившая въ восьмидесятыхъ годахъ съ попыткой замѣнить нѣкоторыя отрасли общественнаго призрѣнія обязательнымъ страхованіемъ рабочихъ классовъ. Эта попытка заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что ея результаты послужили предметомъ многихъ частныхъ и оффиціальныхъ изслѣдованій и подверглись всестороннему обсужденію какъ въ литературѣ, такъ и на съѣздахъ извѣстнаго нѣмецкаго «Общества для изслѣдованія вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности» (т. н. Verein für Armenpflege und Wohlthätigkeit).

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ, посмотримъ, какова юридическая конструкція страхованія и чѣмъ отличается оказываемая имъ помощь отъ аналогичной помощи общественнаго призрѣнія.

По законодательству всѣхъ странъ земного шара бѣдный не имѣетъ никакого субъективнаго права на полученіе помощи отъ органовъ общественнаго призрѣнія, почему эта помощь и носитъ характеръ благодѣянія. Въ случаѣ отказа въ помощи бѣдный можетъ только жаловаться тѣмъ органамъ государства, которымъ ввѣренъ надзоръ за разсматриваемой отраслью управленія; и лишь эти органы имѣютъ публичное право по отношенію къ низшимъ органамъ, завѣдующимъ выдачей пособій. Но и это право носитъ довольно неопредѣленный характеръ, такъ какъ опредѣлить въ законѣ сколько-нибудь точно характеръ, размѣры и продолжительность пособій не представляется возможнымъ по самому существу дѣла.

Совсѣмъ иныя отношенія возникаютъ при страхованіи. Здѣсь застрахованному предоставляется строго опредѣленное правовое полномочіе, которое, въ случаѣ спора, осуществляется путемъ сложнаго судебнаго разбирательства, отчасти въ особыхъ административныхъ и третейскихъ судахъ, отчасти же въ обыкновенныхъ гражданскихъ.

Далѣе. Полученіе пособій отъ органовъ общественнаго призрѣнія сопровождается для получающаго значительнымъ умаленіемъ гражданской и политической правоспособности.

Полученіе страховой ренты не влечетъ за собой ничего подобнаго. Германское законодательство постановило даже, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда выдача страховой ренты почему-либо затянется и застрахованный будетъ вынужденъ вслѣдствіе этого прибѣгнуть къ общественному призрѣнію, чтобы въ этихъ случаяхъ пособія, которыя будутъ ему выдаваться, не сопровождались никакими невыгодными для него послѣдствіями.

Наконецъ, что касается до финансовой постановки страхованія, то и въ этомъ отношеніи оно выгодно отличается отъ общественнаго призрѣнія. Въ то время, какъ на послѣднее идутъ средства всѣхъ налого-

плательщиковъ, расходы по страхованію несутъ лица, наиболѣе въ немъ заинтересованныя — рабочіе и, главнымъ образомъ, предприниматели.

Все вышесказанное относительно юридической природы страхованія съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что помощь, оказываемая имъ, носитъ болѣе опредѣленный, гуманный и достойный современнаго культурнаго государства характеръ, чѣмъ помощь, оказываемая путемъ общественнаго призрѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, страхованіе оказываетъ болѣе своевременную и дѣйствительную помощь, чѣмъ общественное призрѣніе. На это ссылалось и германское союзное правительство, мотивируя и обосновывая свой первый законопроектъ о страхованіи на случай болѣзни.

«Обѣднѣніе многочисленныхъ рабочихъ семей,—указывало правительство,—обусловливается въ значительной степени тѣмъ, что онѣ во время болѣзни своихъ кормильцевъ лишаются средствъ существованія. Разъ эти семьи не застрахованы отъ болѣзни, онѣ вынуждены обращаться исключительно къ органамъ общественнаго призрѣнія; и въ такомъ случаѣ эти семьи получаютъ помощь лишь тогда, когда онѣ истратили на лѣченіе и свое содержаніе всѣ свои сбереженія, домашнюю утварь, инструменты и одежду. Но даже, если общественное призрѣніе поспѣваетъ на помощь и раньше этого, то поддержка эта оказывается настолько ничтожною, что она не можетъ удовлетворить нужды больного и предотвратить разоренія его семьи. Поэтому всякая сколько-нибудь серьезная болѣзнь становится для многихъ рабочихъ причиною ослабленія или потери на долгое время, или даже навсегда, ихъ способности добывать себѣ средства къ существованію работой... Возстановить разъ нарушенное благосостояніе оказывается потомъ часто невозможнымъ».

Аналогичные мотивы легли въ основаніе и другихъ законопроектовъ.

Выяснивъ юридическую природу страхованія и тѣ мотивы, которые легли въ основу германскаго законодательства о страхованіи рабочихъ, намъ слѣдуетъ ознакомиться съ содержаніемъ этого законодательства, съ характеромъ и размѣрами той помощи, какую оказываетъ оно застрахованнымъ *).

Страхованіе на случай болѣзни, введенное закономъ 1882 г., распространяется на рабочихъ и другихъ служащихъ въ разныхъ про-

*) Главными источниками для послѣдующаго изложенія послужили: *D-r T. Bödiker*. «Die Arbeiterversicherung in den Europäischen Staaten». Leipzig, 1895. *R. Freund*. «Was hat d. Deutsche Arbeiterversicherung im ersten Jahrzehnt ihrer Wirksamkeit für die Arbeiter geleistet», Berlin, 1897. «Schriften des deutschen Vereins für Armenpflege und Wohlthätigkeit», Heft 21. «Armenpflege und Arbeiterversicherung», Heft 23. «Stenographischer Bericht über d. Verhandlungen der 15 Jahresversammlung», Heft 29. «Die Armenpflege in ihren Beziehungen zu den Leistungen der Socialgesetzgebung», Leipzig, 1895 n 1897. Статья Лёнинга «Arbeiterversicherung und öffentliche Armenpflege» во II Suptlementband'ѣ. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», herausgegeben von Conrad, Elster Lexis und Löning. Jena 1897.

мышленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ предпріятіяхъ. Всѣмъ застрахованнымъ лицамъ законъ обезпечиваетъ безплатную медицинскую помощь на дому или въ больницѣ; опредѣленное пособіе, выдаваемое, въ случаѣ болѣзни, въ продолженіе 13 недѣль самому застрахованному или же его семьѣ; опредѣленное пособіе, выдаваемое въ случаѣ смерти застрахованнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ его жены и ребенка, оставшимся членамъ семьи, и, наконецъ, пособіе родильницамъ, выдаваемое имъ въ продолженіе четырехъ недѣль послѣ родовъ.

Выдаются всѣ эти пособія разнаго рода страховыми кассами, въ которыхъ предприниматели или общины должны страховать своихъ рабочихъ, внося изъ ихъ заработка двѣ трети страховой преміи, а остальную треть внося за свой собственный счетъ. Размѣръ преміи колеблется отъ $1^1/_2\%$ до 3% обычной мѣстной поденной платы.

Второй видъ страхованія—страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было распространено первоначально (въ 1884 г.) лишь на рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ, въ рудникахъ и нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ. Но впослѣдствіи (законами 1885, 1886 и 1887 гг.) оно было распространено также и на служащихъ въ крупныхъ транспортныхъ предпріятіяхъ, на гражданскихъ чиновниковъ, войско, флотъ и, наконецъ, на лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ лѣсныхъ и строительныхъ предпріятіяхъ.

Разсматриваемый видъ страхованія обезпечиваетъ пострадавшимъ отъ несчастнаго случая: лѣченіе, начиная съ 14-й недѣли и пенсію въ размѣрѣ до $^2/_3$ заработной платы. Въ случаѣ смерти получившаго увѣчье, рента выдается его семьѣ, которая получаетъ, кромѣ того, и пособіе на погребеніе.

Расходы по этому виду страхованія возложены исключительно на предпринимателей, соединенныхъ для этой цѣли въ особые страховые союзы (Berufsgenossenschaften), въ которыхъ принимаютъ участіе и представители рабочихъ.

Разсмотрѣнные виды страхованія получили свое завершеніе въ страхованіи на случай инвалидности и старости, которое было введено закономъ 1889 года.

Распространяется этотъ видъ страхованія главнымъ образомъ на рабочихъ и служащихъ въ разнаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ, торговыхъ приказчиковъ и учениковъ, а также на лицъ, служащихъ въ экипажѣ германскихъ судовъ внутренняго плаванія. Страхованіе это обезпечиваетъ застрахованнымъ лѣченіе, когда имъ можно предупредить инвалидность; инвалидную ренту, въ случаѣ наступленія послѣдней, и, наконецъ, старческую ренту, выдаваемую по достиженіи застрахованнымъ 70 лѣтъ. Размѣръ ренты устанавливается путемъ довольно сложныхъ вычисленій по годичному заработку застрахованнаго. Веденіе всего дѣла лежитъ на особыхъ страховыхъ учрежденіяхъ (Versicherungsanstalten).

Таково страховое или, какъ выражаются нѣмецкіе писатели, соціальное законодательство Германіи. О крупномъ значеніи и развитіи его могутъ дать понятіе слѣдующія цифры, взятыя изъ послѣднихъ отчетовъ. Отъ болѣзней было застраховано въ 1894 году 7.282.609 человѣкъ; случаевъ заболѣваній произошло 2.492.309 и на одно только лѣченіе и пособія было издержано 99.588.457 марокъ (около 45 милліоновъ рублей). Отъ несчастныхъ случаевъ было застраховано въ 1895 году 18.389.468 человѣкъ, изъ нихъ около 12 милліоновъ рабочихъ. Сумма выданнаго вознагражденія равнялась 50.125.782 маркамъ. На случай инвалидности и старости, наконецъ, было застраховано до 11½ милліоновъ человѣкъ; изъ нихъ 130.900 лицъ получило въ 1895 году 15.525.632 марки инвалидной ренты и 217.600 человѣкъ—26.576.370 марокъ страховой ренты.

Если принять во вниманіе, что всѣ эти милліоны застрахованныхъ лицъ принадлежатъ къ наименѣе обезпеченнымъ классамъ населенія, живущимъ своимъ трудомъ и заработокъ которыхъ не превышаетъ 2.000 марокъ въ годъ, то съ увѣренностью можно будетъ предположить, что германское «соціальное» законодательство должно было въ значительной степени облегчить и сократить размѣры общественнаго призрѣнія.

Желаніе выяснить въ точности характеръ и степень этого вліянія побудило вышеупоминавшееся общество для изслѣдованія вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности произвести въ 1893 году соотвѣтствующую анкету. Съ этой цѣлью оно обратилось къ органамъ общественнаго призрѣнія съ просьбой сообщить за нѣсколько лѣтъ цифры относительно расходовъ на общественное призрѣніе, численности населенія вообще и разныхъ категорій призрѣваемыхъ въ особенности и дать, наконецъ, отзывъ о вліяніи страхованія на судьбу рабочихъ классовъ и на положеніе общественнаго призрѣнія.

На эти вопросы отвѣтило болѣе 100 городскихъ и сельскихъ общинъ. Но доставленный ими цифровой матеріалъ, вслѣдствіе сложности и неудачной формулировки нѣкоторыхъ вопросовъ, оказался крайне неполнымъ, противорѣчивымъ и непригоднымъ для пользованія.

Столь же неудачной и по тѣмъ же причинамъ оказалась аналогичная анкета, произведенная германскимъ правительствомъ въ 1894 году.

Вслѣдствіе этого для освѣщенія интересующаго насъ вопроса приходится обратиться къ цифровому матеріалу, касающемуся одной только Саксоніи и полученному при производствѣ въ ней переписей бѣдныхъ. Эти образцовыя переписи заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что производились онѣ по одному и тому же плану какъ до введенія страхованія, такъ и послѣ него, а результаты ихъ были весьма тщательно обработаны извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Бёмертомъ.

Разсматриваемыя переписи констатировали, что число бѣдныхъ въ Саксоніи постепенно уменьшается, какъ абсолютно, такъ и относительно.

Въ 1880 г. до введенія страхованія бѣдные составляли 3,15% всего населенія, въ 1885 г.—2,78% и въ 1890 г.—2,31%. Наибольшее уменьшеніе обнаруживается въ той категоріи бѣдныхъ, которые впали въ бѣдность вслѣдствіе болѣзни. Въ 1880 г. число этихъ бѣдныхъ вмѣстѣ съ дѣтьми и прочими членами семьи равнялось 15.160 чел.; въ 1885 г. оно понизилось до 11.583 чел., а въ 1890 г. до 8.856 чел. Такимъ образомъ за 10 лѣтъ число обращавшихся къ общественной помощи вслѣдствіе временной болѣзни уменьшилось почти вдвое (на 40,9%), несмотря на то, что все населеніе за это время возросло на 17,8% (съ 2.972.895 на 3.502.684 г.). Что отмѣченное уменьшеніе разсматриваемой категоріи бѣдныхъ произошло главнымъ образомъ благодаря закону о страхованіи рабочихъ отъ болѣзней, это видно изъ того, что число призрѣваемыхъ, нуждавшихся въ болѣе продолжительной лѣчебной помощи, каковую помощь страховыя кассы не обезпечиваютъ, не только не уменьшилось, но даже нѣсколько увеличилось.

Аналогичные результаты дало страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, что видно изъ слѣдующей таблички.

	Число лицъ, которымъ, вслѣдствіе полученнаго ими или ихъ кормильцами увѣчья, была оказана			
	Продолжительная помощь.		Временная помощь	
	Число лицъ, получившихъ увѣчье.	Вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и прочими членами семьи.	Число лицъ, получившихъ увѣчье.	Вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и прочими членами семьи.
Въ 1880 г.	652	1.640	427	803
» 1885 г.	676	1.665	466	735
» 1890 г.	399	981	218	397

Такимъ образомъ, въ то время, какъ съ 1880 г. по 1885 г. число лицъ, которымъ, вслѣдствіе полученнаго ими увѣчья, была оказана общественная помощь, нѣсколько увеличилось,—съ 1885 г. по 1890 г., т. е. послѣ введенія разсматриваемаго закона о страхованіи, число это понизилось: для лицъ, получившихъ продолжительную помощь, на 41%; для лицъ же, которымъ была оказана временная помощь, еще болѣе—на 53,2%.

Вліяніе страхованія отъ инвалидности и старости невозможно было выяснить, потому что этотъ видъ страхованія вступилъ въ силу лишь въ 1891 году.

Избавивъ рабочіе классы отъ необходимости прибѣгать въ случаѣ болѣзни къ общественной помощи, страхованіе обезпечило имъ въ то же время болѣе дѣйствительную и раціональную врачебную помощь, чѣмъ какую оказывало имъ ранѣе общественное призрѣніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ единодушно почти всѣ опрошенныя вышеупомянутымъ Verein'омъ городскія и общинныя власти. Въ то время, какъ раньше

рабочіе обращались къ врачу лишь въ случаѣ серьезнаго заболѣванія, обращались обыкновенно черезчуръ поздно, и при малѣйшемъ улучшеніи, не оправившись какъ слѣдуетъ отъ болѣзни, спѣшили приняться за работу. теперь, при обязательномъ страхованіи, рабочіе стали обращаться къ врачу при малѣйшей болѣзни и приниматься за работу по окончательномъ выздоровленіи. Такимъ путемъ врачебная помощь оказывается теперь во-время и доводится до конца.

На ряду съ этимъ благотворнымъ вліяніемъ закона о страхованіи отъ болѣзней всѣми вышеупомянутыми изслѣдованіями, были обнаружены пробѣлы этого закона: было указано, что общественное призрѣніе вынуждено приходить на помощь тѣмъ лицамъ, болѣзнь которыхъ продолжается болѣе 18 недѣль или у которыхъ большая семья. Точно также приходится общественному призрѣнію оказывать помощь лицамъ, получающимъ инвалидную и старческую ренту, такъ какъ размѣры этихъ рентъ слишкомъ малы.

Благотворное вліяніе страхованія отъ несчастныхъ случаевъ отразилось прежде всего на томъ, что предприниматели, заинтересованные въ уменьшеніи несчастныхъ случаевъ, стали предпринимать для предотвращенія ихъ соотвѣтствующія мѣры предосторожности, устраивая въ своихъ предпріятіяхъ различнаго рода техническія приспособленія. Вслѣдствіе этого число опасныхъ увѣчій, сопровождавшихся смертью, упало за 10 лѣтъ почти втрое—съ 25,7% до 9,1%. Руководимые тѣмъ же эгоистическимъ расчетомъ, страховыя товарищества предприниматели стали добровольно брать на себя лѣченіе получившихъ увѣчье рабочихъ, хотя по закону обязанность лечить ихъ впродолженіи 13 недѣль лежитъ на больничныхъ страховыхъ кассахъ. Но въ то время, какъ послѣднія относились къ своей обязанности довольно равнодушно, страховыя товарищества не пожалѣли ни достойное выполненіе ея ни средствъ, ни усилій. Нѣкоторыя товарищества завели особыя лѣчебныя станціи (такъ называемыя Unfallstationen), въ которыхъ рабочимъ, получившимъ увѣчье, доставляется такой уходъ и лѣченіе, которые не оставляютъ желать ничего лучшаго. Затѣмъ, съ цѣлью возстановить вполнѣ здоровье лицъ, уже не нуждающихся въ лѣчебной помощи, страховыя товарищества стали устраивать особыя учрежденія для выздоравливающихъ, такъ называемыя Rekonvalescentenanstalten — новый видъ помощи, совершенно неизвѣстный и чуждый общественному призрѣнію. О развитіи этой дѣятельности страховыхъ товариществъ можно судить по тому, что ими издерживается на нее болѣе трехъ милліоновъ марокъ ежегодно.

Аналогичную дѣятельность развили и тѣ страховыя учрежденія, которыя завѣдуютъ страхованіемъ на случай инвалидности и старости. И эти учрежденія стали энергично заботиться о лѣченіи тѣхъ рабочихъ, которымъ грозила инвалидность, въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда надлежащимъ лѣченіемъ и уходомъ возможно было предупредить

ее. Въ результатѣ рабочихъ стали посылать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ на воды, морскія купанья, чахоточныхъ стали помѣщать въ санаторіи, и вообще рабочіе получили возможность пользоваться такими способами лѣченія, которые ранѣе были привилегіею богатыхъ.

Стремясь возстановить такимъ путемъ работоспособность застрахованнаго рабочаго, страховыя товарищества и учрежденія уменьшали, конечно, свои расходы на выдачу премій, но въ то же время оказывали громадную услугу самому застрахованному, сохраняя ему единственное его достояніе—здоровье.

Подобная политика не осталась безъ вліянія на положеніе незастрахованныхъ классовъ населенія и на постановку общественнаго призрѣнія. Изъ многочисленныхъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ вліяніи, приведу лишь одинъ изъ отчета объ изслѣдованіи, произведенномъ въ Баденѣ. «Не подлежитъ сомнѣнію,—говорится въ этомъ отчетѣ,—что за послѣднія 10—20 лѣтъ, среди народныхъ массъ сильно возрасли запросы на болѣе высокій уровень жизни (Ansprüche an die gesammte Lebenshaltung). Это поднятіе existenzminimum'а, которое съ экономической точки зрѣнія можетъ быть лишь привѣтствуемо, въ то же время повлекло за собой поднятіе того минимальнаго размѣра пособій, какой выдавался ранѣе органами общественнаго призрѣнія. Послѣдніе уступали давленію общественнаго мнѣнія обыкновенно лишь неохотно... Органами общественнаго призрѣнія неоднократно указывалось на то, что, благодаря главнымъ образомъ законодательству о страхованіи рабочихъ, запросы лицъ, обращающихся за общественною помощью, повысились, вслѣдствіе чего увеличился нѣсколько и бюджетъ этой отрасли управленія. При этомъ указывалось обыкновенно на то, что незастрахованные бѣдные въ случаѣ болѣзни предъявляютъ къ органамъ общественнаго призрѣнія притязаніе на точно такую же помощь, какую оказываютъ застрахованнымъ страховыя кассы. Въ этомъ сказывается то несомнѣнное и немаловажное вліяніе законодательства о страхованіи рабочихъ, которое оказало оно на ростъ жизненныхъ запросовъ среди наименѣе обезпеченныхъ классовъ. Что касается до возрастанія бюджета общественнаго призрѣнія наблюдаемаго вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то не слѣдуетъ забывать, что это явленіе съ соціально-политической и культурной точки зрѣнія можетъ быть только привѣтствуемо: оно находится въ полномъ соотвѣтствіи съ основными тенденціями такъ называемаго соціальнаго законодательства».

Таковы результаты «соціальнаго законодательства», которымъ Германія попыталась замѣнить нѣкоторыя отрасли общественнаго призрѣнія,—результаты, крайне наглядно доказывающіе все преимущество экономическихъ мѣропріятій сравнительно съ аналогичными мѣрами общественнаго призрѣнія. Но разсматриваемая попытка Германіи поучительна также и въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ большинство

ученыхъ держалось такого взгляда, что бѣдность всегда и вездѣ существовала и всегда будетъ существовать; что такая радикальная перемѣна общественнаго строя, при которомъ она исчезла бы, несовмѣстима съ недостатками человѣческой природы; частичныя же реформы этого строя обнаруживаютъ свое вліяніе черезъ продолжительный промежутокъ времени и способны не столько уменьшить бѣдность, сколько предупредить ея дальнѣйшее распространеніе.

Соціальный экспериментъ Германіи съ страхованіемъ рабочихъ вноситъ въ этотъ пессимистическій взглядъ нѣкоторыя довольно существенныя поправки.

Прежде всего опытъ Германіи съ несомнѣнностью доказываетъ, что устраненіе бѣдности не требуетъ непремѣнно обновленія всего общественнаго строя; что значительное сокращеніе ея возможно не въ далекомъ будущемъ, а въ настоящее время при современномъ даже капиталистическомъ строѣ народнаго хозяйства.

Уже по тому, какъ значительно сократилось число бѣдныхъ въ Саксоніи въ теченіе уже первыхъ годовъ по введеніи лишь первыхъ двухъ законовъ о страхованіи, можно съ увѣренностью предположить, что соціальное законодательство сильно уменьшило бѣдность въ Германіи. Въ недалекомъ будущемъ, когда успѣетъ обнаружиться вліяніе страхованія на случай старости, когда соціальное законодательство будетъ исправлено согласно съ указаніями опыта и въ полномъ своемъ объемѣ будетъ распространено на мелкихъ ремесленниковъ, кустарей, сельскихъ рабочихъ и прислугу, тогда сокращеніе бѣдности воспослѣдуетъ несомнѣнно еще болѣе значительное. Объ этомъ можно судить уже потому, что изъ бѣдныхъ, пользовавшихся въ 1885 г. общественною помощью, около двухъ третей впало въ бѣдность вслѣдствіе болѣзни, старости и смерти кормильцевъ, т. е. вслѣдствіе такихъ причинъ, которыя при страхованіи не влекутъ за собой бѣдности. Въ томъ же, что указанное исправленіе и дополненіе соціальнаго законодательства является лишь вопросомъ времени, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться: и представители науки, и само германское правительство, и представители народа, убѣждены въ необходимости завершить это законодательство въ указанномъ выше направленіи.

Сокращеніе бѣдности, а вмѣстѣ съ нею и размѣровъ общественнаго призрѣнія, каковое воспослѣдуетъ, когда Германія завершитъ свой опытъ съ страхованіемъ рабочихъ классовъ, должно будетъ благопріятно отразиться и на постановкѣ этой отрасли государственнаго управленія. Общественное призрѣніе въ состояніи будетъ въ большей степени примѣняться къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго даннаго случая и тѣмъ самымъ оказывать болѣе раціональную и дѣйствительную помощь.

Изъ всего вышесказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, конечно, что страхованіе является какою-то панацеей. Достаточно напомнить, что всѣ по-

пытки организовать страхованіе отъ безработицы оканчивались до сихъ поръ неудачей. Но вѣдь и предполагать, что человѣчество не въ состояніи будетъ найти другихъ соотвѣтствующихъ экономическихъ мѣропріятій, которыя, улучшая положеніе трудящихся классовъ, предупреждали бы тѣмъ самымъ бѣдность, предполагать это нѣтъ никакихъ основаній. Что же касается до недостатковъ, присущихъ человѣческой природѣ и являющихся будто роковымъ препятствіемъ для коренного усовершенствованія человѣческаго общежитія, то и они не до такой ужъ степени неустранимы, какъ это принято думать. Правда, человѣческая природа до сихъ поръ, если и измѣнилась къ лучшему, то въ незначительной степени. Но вѣдь и наука о воспитаніи получила прочное обоснованіе лишь въ самое послѣднее время. Вопросъ же о необходимости сдѣлать школы очагами не только образованія, но и раціонально поставленнаго воспитанія, только что возникаетъ въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы. Все это позволяетъ намъ менѣе мрачно смотрѣть на будущее.

Такимъ образомъ, опытъ Германіи съ страхованіемъ рабочихъ, характеризуя ту стадію въ эволюціи общественнаго призрѣнія, на которой послѣднее начинаетъ постепенно замѣняться экономической и соціальной политикой, позволяетъ надѣяться, что то безпомощное и безвыходное состояніе крайней нужды, въ которомъ человѣку приходится выбирать между голодной смертью, порокомъ, преступленіемъ, прошеніемъ милостыни и общественнымъ призрѣніемъ, что это состояніе со временемъ исчезнетъ совсѣмъ.

А. Горбуновъ.

ПРОЩАНІЕ.

Осеннимъ вечеромъ, деревню покидая,
Прощаясь съ ней, увы! быть можетъ, навсегда,
Широкой улицей я брелъ Богъ вѣсть куда,
Какъ очарованный, любуясь и мечтая.
Былъ вечеръ такъ хорошъ, какъ будто вся краса
Природы, все ея живое обаянье,
Душа, отрада, міръ, раскрылось на прощаньи,
Чтобъ завтра отлетѣть въ родныя небеса.
Но не было ни слезъ, ни даже тѣни горя
Въ земной покорности: былъ свѣтлой грусти мигъ.
Я шелъ, и вдругъ, въ тиши услышалъ дѣтскій крикъ,
Свободный, искренній... Гляжу,—а на заборѣ
Два мальчика; они безъ шапокъ, босикомъ
На немъ, какъ на конѣ, держались верхомъ
Такъ ловко и легко! Ихъ гибкія фигуры
Казались бронзовы; головки—бѣлокуры;
Глазенки устремивъ въ задумчивую высь,
Руками черными махая, въ знакъ прощанья,
Они кричали такъ, что плечи ихъ тряслись:
„Прощайте, милые! Прощайте! До свиданья!“
Кому? Я въ небеса взглянулъ, и вижу: тамъ,
На фонѣ розовомъ, мечтательномъ и кроткомъ,
Подобно змѣйкою разсыпавшимся четкамъ,
Чернѣютъ журавли: привѣтъ былъ—журавлямъ.
Къ нестынущимъ морямъ, къ теплу и нѣгѣ юга
Летятъ станицы ихъ и ласково другъ друга
Скликаютъ... Этотъ кликъ изъ глубины небесъ
Звучитъ гармоніей торжественной и чудной:

Какъ будто тихій дождь какой-то изумрудный
Чуть слышно падаетъ на желтый лучъ и лѣсъ.
И въ этомъ воздухѣ, недвижномъ и хрустальномъ,
Мнѣ чѣмъ-то дорогимъ, несказанно-печальнымъ
Звучалъ прощальный крикъ играющихъ ребятъ.
Ихъ лица, голоса,—мнѣ дороги и милы;
И если у дверей зіяющей могилы
Я вспомню родину и осени закатъ,
И дѣтскія черты, и нѣжность восклицанья,—
Безъ муки проводивъ послѣднюю зарю,
Я смерти улыбнусь и съ міромъ повторю:
„Прощайте, милые! Прощайте... До свиданья...“

А. Ѳедоровъ.

„СУХАЯ БѢДА“.

I.

Въ студеную зимнюю ночь, когда вокругъ все было черно и беззвучно, чувашъ Максимка безмятежно спалъ на своей койкѣ, накрывшись тулупомъ... Вдругъ ему показалось, что дверь со двора, которая была съ вечера заперта на крючокъ, распахнулась внезапно сама собою и въ комнату ворвался сильный вѣтеръ, а вмѣстѣ съ нимъ въ клубахъ морознаго пара появился на порогѣ высокій старикъ, весь въ бѣломъ, съ бѣлою бородою, и поплылъ точно по воздуху прямо къ тому мѣсту, гдѣ было окно; но, проходя мимо койки, онъ обернулся и взглянулъ на Максима ясными, строгими глазами, затѣмъ поднялъ руку, махнулъ ею куда-то впередъ, точно повелѣвалъ идти за собою,—и исчезъ...

Обомлѣвшій отъ ужаса Максимка почувствовалъ, что холодный потъ капаетъ у него съ лица, а сердце прыгаетъ и колотится въ груди, точно сорвавшись съ своего мѣста.

Зачѣмъ явился къ нему этотъ бѣлый старецъ? Какая новая бѣда грозитъ Максимкѣ, и куда велѣно бѣжать отъ этой бѣды?.. Онъ знаетъ его въ лицо, знаетъ его бѣлую бороду и его одежду, сотканную будто изъ снѣга... Бывши еще мальчишкой, онъ видѣлъ его однажды во снѣ, когда съ товарищами собирался на Волгу: старикъ погрозилъ ему, и Максимка остался со страха дома, а по утру на Волгѣ подломился ледъ, и много рыбаковъ утонуло... Отъ какой же бѣды онъ отзываетъ его теперь?

Предчувствіе чего-то недобраго волновало его всю ночь, а когда за окнами чуть забрезжилъ разсвѣтъ и церковный колоколъ возвѣстилъ объ утрѣ, Максимка, дрожа и озираясь, спрыгнулъ съ постели, быстро одѣлся и выбѣжалъ за ворота. Снѣгъ хрустѣлъ подъ его быстрыми шагами, морозъ щипалъ ему носъ и уши, но Максимка спѣшилъ, ни на что не обращая вниманія, даже наткнулся на какого-то прохожаго, который сердито крикнулъ ему:

— Чего, дуракъ, въ самое рыло лѣзешь? Нѣтъ тебѣ, что ли, дороги?

Среди площади стояла старая церковь, въ которой Максимка былъ всего только разъ, но теперь именно къ ней онъ и направилъ свой

путь. Трепеща и зажмуривъ со страха глаза, онъ переступилъ порогъ и вошелъ въ холодныя церковные сѣни, гдѣ было безлюдно и темно; горѣлъ лишь фонарь передъ большой, почернѣвшей отъ давности, иконой святителя Николая. Едва Максимка взглянулъ на образъ, какъ схватился обѣими руками за голову и повалился на полъ ничкомъ.

— Микола-богъ! Микола-богъ!—въ ужасѣ шепталъ онъ, не смѣя поднять головы, и не могъ ничего выговорить больше. Онъ боялся, ужъ не хозяйка ли, Емельяниха, которую онъ ненавидѣлъ, наговорила старцу на него чего-нибудь злого, и ему хотѣлось сказать, что все это не правда, что она сама злѣе другихъ и всѣхъ обманываетъ и вѣрить ей не нужно, она не чтитъ Миколу-бога, а чтитъ его только одинъ онъ—Максимка, и даже готовъ сейчасъ положить въ кружку пятачокъ, который вчера онъ вымѣнялъ въ кабакѣ на хозяйскія бутылки, и мало ли чего хотѣлось ему сказать въ эту минуту, но онъ лежалъ и твердилъ только одно.

— Микола-богъ, помилуй!

Когда онъ поднялся на ноги, глаза его дико блуждали, а сердце, также какъ и ночью, тревожно колотилось въ груди. Задыхаясь и робѣя, онъ снова взглянулъ на икону: строгіе, ясные глаза святителя смотрѣли ему въ упоръ и Максимка смутился; трясущимися руками онъ вынулъ изъ кармана кошель, отыскалъ въ немъ двѣ мѣдныхъ монеты и опустилъ въ кружку сначала одну, которую утаилъ отъ хозяйки, а потомъ, подумавши, опустилъ и другую.

На душѣ у него сразу сдѣлалось легче и онъ, успокоившись, побрелъ, не торопясь, домой.

Это былъ сухощавый, но крѣпкій парень, лѣтъ 23; Родомъ онъ былъ чувашъ, одинъ изъ тѣхъ приволжскихъ чувашей, которыхъ русскій народъ прозвалъ въ шутку «Василіями Иванычами», и Максимка по привычкѣ всегда оборачивался на такой окрикъ, къ удовольствію уличныхъ мальчишекъ, кричавшихъ ему при встрѣчѣ: «Василій Иванычъ!» и съ хохотомъ разбѣгавшихся, когда тотъ обертывался и наивно спрашивалъ: «А?..»

Надъ нимъ всѣ издѣвались, всѣ почему-то думали, что Максимка можетъ чувствовать только тогда, когда его бьютъ, а понимать—когда его ругаютъ; всѣ считали его дуракомъ, но самъ о себѣ онъ былъ совершенно иного мнѣнія: онъ умѣлъ играть на *шыбырт* *), могъ дѣлать пряники и *перемечи* **), умѣлъ пѣть сколько угодно пѣсенъ, а надуть на базарѣ торговца, да еще самаго ловкаго, было его любимымъ занятіемъ,—поди-ка, много ли найдется такихъ людей! Онъ очень гордился этимъ и, когда его бранили дуракомъ, не обижался, а только думалъ про себя: «Ладно! погоди ужо!..» Онъ любилъ весеннее щебе-

*) Пузырь, въ родѣ волынки.

**) Картофельныя ватрушки.

таніе птицъ, любилъ тихія звѣздныя ночи, когда глядитъ на него съ высоты ясная *Семизвѣздица*, похожая на ковшикъ, а поперекъ неба бѣлѣетъ *дорога дикихъ гусей* *), про которую разсказывалъ ему дѣдъ такъ много страшнаго и таинственнаго. Максимка любилъ въ такія ночи посидѣть на воздухѣ и помечтать о своей судьбѣ; это доставляло ему большое удовольствіе, а если случалось стащить у хозяйки комочекъ соли, или луковицу, то звѣздная ночь, да этакое лакомство дѣлали его почти счастливымъ. Онъ переносился мыслями на родимую Волгу, вспоминалъ, какъ она широка, вспоминалъ окрестныя поля и деревни, свои милыя, далекія картины. Помечтать о нихъ Максимка всегда любилъ; иногда и тосковалъ по родинѣ, но вернуться на Волгу не собирался: что ему тамъ дѣлать? Развѣ найдешь еще гдѣ-нибудь такую дѣвушку, съ такими ясными глазами, какъ Ѳеня, такую ласковую, но строгую-престрогую, которой даже страшно сказать, что она хороша. А на родной сторонѣ Максимкѣ жилось тоже не сладко: въ жены ему досталась злая баба, вдвое старше его. Что ни день, то выходила ссора, что ни ссора, то бабьи побои, да жалобы, и не стерпѣлъ, наконецъ, Максимка; а когда онъ бывалъ взволнованъ, либо пьянъ, то становился жестокимъ. Онъ зарычалъ на жену, какъ дикій звѣрь, отколотилъ ее напослѣдкахъ веревкой, сорвалъ у нея съ головы *сарпанъ* **), соблюдая дѣдовскій обычай, разодралъ его надвое: половину бросилъ женѣ, другую часть взялъ съ собою и ушелъ; но когда уходилъ, растрогался и заплакалъ.

За судьбу свою онъ не страшился: лучше его никто не умѣлъ играть на шыбырѣ, и Максимка твердо вѣровалъ, что не пропадетъ, если станетъ показывать это умѣнье по далекимъ ярмаркамъ, о которыхъ слыхалъ много соблазнительнаго. На его счастье, была пора, когда съ утра до ночи тянулись по Волгѣ обозы съ товарами, когда въ людяхъ нуждались, и Максимка, нанявшись въ обозники, исходилъ много дорогъ и городовъ, много видывалъ разныхъ людей и многому научился отъ нихъ, пока, наконецъ, не попалъ въ здѣшній городъ. Надѣясь всѣхъ удивить своей музыкой, онъ, съ волынкою за плечами, отправился въ первый же кабакъ съ предложеніемъ, но кабатчикъ смѣрилъ его взглядомъ съ головы до ногъ и, замѣтивъ, что лицо у парня глупое, одежда рваная, отвѣтилъ кратко, но вразумительно:

— Къ чорту-съ!

Музыкантъ не обидѣлся и пошелъ дальше. На постояломъ дворѣ, куда онъ обратился съ тѣми же услугами, хозяинъ былъ внимательнѣе и переспросилъ, глядя на шыбыръ.

— Это что жъ за исторія?

— Шыбыръ,—повторилъ Максимка.

---

*) Такъ называютъ чуваши Млечный Путь.

**) Повязка изъ длиннаго полотенца. Разрывая сарпанъ, чуваши исполняютъ обрядъ развода.

— Нука-сь, послушаю.

Максимка задудилъ, а хозяинъ въ раздумьи почесалъ затылокъ; потомъ Максимка запѣлъ; тогда хозяинъ съ сокрушеніемъ чмокнулъ губами и, вздыхая, промолвилъ:

— Нѣтъ! этакой подлости намъ не требуется.

Куда ни обращался потомъ Максимка, вездѣ ему отвѣчали одно и то же; наконецъ, онъ и самъ понялъ, что его заунывный пыбыръ и его грустныя пѣсни здѣсь не по мѣсту, а веселыхъ онъ пѣть не умѣлъ. Отовсюду его стали гонять съ его музыкой; сначала выгоняли попросту, потомъ начали толкать въ шею, а если гдѣ и не колотили, то обѣщались поколотить въ слѣдующій разъ... Какъ провелъ онъ цѣлую зиму, чѣмъ кормился и гдѣ ночевалъ,—до этого никому не было дѣла; извѣстенъ Максимка сталъ только черезъ годъ, когда, бросивъ мечту о пѣсняхъ, онъ благополучно служилъ у Емельянихи въ ея пряничномъ заведеніи, отпиралъ ворота, кололъ дрова, а во время ярмарки бѣгалъ на посылкахъ отъ хозяйскихъ жильцовъ. Особенно любилъ онъ Аѳанасія Львовича Курганова, который, бывало, пріѣдетъ къ нимъ на ярмарку и начнетъ сорить деньгами: того ему купи, за этимъ сбѣгай,— и Максимку сразу примѣтили всѣ, кто раньше не хотѣлъ его знать.

Благодаря наступившей ярмаркѣ, Максимка и теперь былъ въ такомъ же почетѣ по сосѣднимъ кабакамъ, а пріѣздъ Аѳанасія Львовича, ожидавшійся со дня на день, его веселилъ и радовалъ, какъ праздникъ: опять у него будутъ и деньги въ карманѣ, и, главное, ненавистная Емельяниха, гроза и бичъ Максимки, будетъ гнуться передъ Курганова, говорить тихимъ и сладкимъ голосомъ, точно добренькая, да и мало ли удовольствій ожидалось отъ этихъ дней!

Однако Максимка вернулся домой невеселымъ и долго рѣшалъ, что могло означать это ночное видѣніе, и куда нужно было бѣжать отъ бѣды? И отъ какой бѣды? И когда бѣжать? Вѣдь не бѣжать же ему сейчасъ, въ самый разгаръ ярмарки, когда что ни день—то польза. Въ раздумьи и волненіи онъ крутилъ головою и окончательно не зналъ, что дѣлать.

Емельяниха, у которой служилъ Максимка, была извѣстна всему городу подъ именемъ «вѣдьмы», и это прозвище не разъ смущало суевѣрную душу Максимки. Емельяниха была старая, злая и ворчливая женщина, съ лицомъ желтымъ и сморщеннымъ, какъ печеное яблоко. Сначала она жила бѣдно, а потомъ выписала откуда-то племянницу, Степаниду Егоровну, молодую вдову съ черными глазами, и жизнь потекла у нихъ сытая, довольная; потомъ обзавелись онѣ домикомъ, который на ярмарку сдавали пріѣзжимъ; затѣмъ на подмогу выписали Ѳеню, бѣлокурую, худенькую сиротку, кормили и растили ее четыре года, одѣвали вродѣ барышни, но только изъ Ѳени не вышло того, что вышло изъ Степаниды Егоровны: вмѣсто того, чтобы пѣть подъ гитару, Ѳеня читала Библію, отъ гостей, къ которымъ ее выводили, она убѣгала, отъ

ихъ шутокъ, вмѣсто того, чтобы покраснѣть и опустить глазки, она блѣднѣла и сверкала глазами такъ сердито, что подгулявшему гостю не было никакого удовольствія. Не предвидя отъ нея проку, на Ѳеню безнадежно махнули рукой, прогнали на кухню и взвалили на нее всю черную работу.

— Наплевать!—сказала Емельяниха.—Ежели дура настоящаго счастія не понимаетъ, такъ пускай съ своимъ лѣшимъ зубы точатъ. Туда и дорога!

«Лѣшимъ» былъ никто иной, какъ Максимка, котораго Ѳеня всегда утѣшала, разсказывала ему про Бога и ангеловъ, а когда самой приходилось жутко, горевала съ нимъ вмѣстѣ. Раннее дѣтство ея прошло въ иномъ кругу, она воспитывалась въ губернскомъ городѣ у своего дяди, стараго одинокаго дьякона, который научилъ ее думать о Богѣ и любить ближняго. Уже четыре года прошло, какъ умеръ дьяконъ, уже третью ярмарку проводитъ здѣсь Ѳеня, но примириться съ новою жизнью она не могла; здѣсь все для нея было чуждо и враждебно, все не согласовалось съ послѣднимъ завѣтомъ дьякона, который, умирая, говорилъ ей:

— Прощай, Ѳеня... Молись обо мнѣ... Бога не забывай ни въ горѣ, ни въ радости, темными людьми не гнушайся: въ нихъ много сердца и правды много. Запомни мое послѣднее слово: береги себя. Не надѣйся на свою красоту. Выростешь—тогда поймешь, о чемъ я говорю, а сейчасъ только запомни.

— Запомню, запомню!—шептала дѣвочка, стоя передъ нимъ на колѣняхъ и обливая слезами его холодѣвшую руку.

— Не плачь, зачѣмъ плакать,—говорилъ умирающій.—Всему свое время... Честно живи, Ѳенюша... темныхъ людей полюби, просвѣти ихъ словомъ Божіимъ... утѣшай скорбящихъ...

Съ этимъ завѣтомъ и умеръ дьяконъ, когда Ѳеня была еще подросткомъ. Долго старалась она понять эти послѣднія слова, она знала ихъ наизусть, но многое стало ей ясно только теперь, когда она выросла. Она съ удовольствіемъ промѣняла роль хозяйской родственницы на роль прислуги, терпѣливо работала на Емельяниху, безропотно переносила попреки кускомъ хлѣба, но когда становилось уже не подъ силу терпѣть, то приходила къ Максимкѣ и отводила съ нимъ душу.

— Что мнѣ дѣлать, Максимъ?—жаловалась иногда Ѳеня.—Съ бабушкой просто житья нѣтъ...

— У, йомзя!—сердито ворчалъ Максимка, браня по своему ненавистную Емельяниху.

— Я убѣгу отъ нихъ!

— А куда?

— Куда глаза глядятъ.

Максимка съ безпокойствомъ глядѣлъ на ея свѣжее, почти дѣтское лицо съ ясными голубыми глазами, и чувствовалъ въ это время, какъ

въ груди у него переворачивается что-то. Онъ никогда не могъ равнодушно слышать, если Ѳеня начинала при немъ мечтать о побѣгѣ, о томъ, какъ она уйдетъ куда-нибудь въ монастырь и будетъ тамъ молиться и поститься до самой смерти.

— А то какая моя жизнь?—пригорюнивалась Ѳеня, складывая на колѣняхъ руки и глядя задумчиво вдаль.—Тамъ лучше будетъ: стану молиться, пѣть на клиросѣ... Я за тебя, Максимъ, буду молиться, чтобъ и ты тоже въ рай попалъ, а то вѣдь ты—нехристь! Тебя за это въ аду станутъ мучить...

Отъ такихъ предположеній оба они задумчиво вздыхали; потомъ Ѳеня добавляла:

— Ходи, Максимъ, въ церковь почаще, да побольше Богу молись; тогда, можетъ, мы вмѣстѣ съ тобой въ раю будемъ жить...

— А чего жъ дѣлать тамъ будемъ? — съ интересомъ спрашивалъ Максимка, не имѣвшій никакого понятія о религіи, хотя былъ крещенымъ и этимъ званіемъ очень гордился.

— Какъ—что дѣлать?—удивлялась Ѳеня.—Будемъ праведными... съ Богомъ будемъ бесѣдовать, видѣть Его будемъ всегда!

Максимка разочарованно вздыхалъ, либо говорилъ на это: «Гм!..» либо молча чесалъ затылокъ.

Въ церковь онъ не ходилъ, во-первыхъ, потому, что не понималъ, по каковски тамъ поютъ и читаютъ; объ евангеліи слыхалъ только отъ Ѳени и интересовался одними чудесами; о Богѣ онъ зналъ лишь одно, что гдѣ-то на небесахъ живетъ «русскій Богъ»—такой добрый и милостивый, что пересталъ не только бояться Его, но даже о Немъ и помнить.

Страшнѣе всего на свѣтѣ была для Максимки полиція, поэтому, когда Ѳеня упрекала его въ чемъ-нибудь и говорила: «Побойся ты Бога Максимъ!»—тотъ возражалъ безпечно:

— Чего Бога бояться? Богъ, небось, не исправникъ.

Между нимъ и Ѳеней общаго не было ничего, но сдружила ихъ печальная участь. Вѣчно обруганный и озлобленный, одичалый въ одиночествѣ, Максимка вызывалъ къ себѣ жалость. Глядя на него, она вспоминала всегда завѣтъ воспитателя—полюбить и просвѣтить темнаго человѣка, и, какъ умѣла, уѣшала Максимку, просвѣщала его, а когда приходилось самой искать утѣшенія, то Максимка дѣлался ей незамѣнимымъ другомъ.

II.

Городъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ маленькій уѣздный городишко, стоявшій далеко на Сѣверѣ, за Ураломъ, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги и отъ большихъ путей. Судьба закинула его въ такое захолустье, что ни черезъ него, ни мимо него ѣхать было некуда.

Въ обыкновенное время здѣсь все бывало спокойно, власти не знавали ни тревогъ, ни сомнѣній, а городской голова, простякъ и труженикъ, не брезговалъ иногда нарубить собственноручно вязанку дровъ, и дѣлалъ это не ради моціона или принципа, а больше по простотѣ душевной; по модѣ онъ не одѣвался, ходилъ въ рубахѣ съ высокимъ жилетомъ, въ простыхъ шароварахъ и въ валенкахъ. Однако, не всегда бывало такъ просто и пусто въ городѣ, иначе про него не зналъ бы никто, что онъ существуетъ на свѣтѣ, а онъ былъ не только извѣстенъ, но даже знаменитъ въ своемъ родѣ: ежегодно зимою здѣсь открывалась ярмарка на цѣлый мѣсяцъ. на которую съѣзжалось такъ много всякихъ людей изъ столицъ, съ Волги и Сибири, что становилось тѣсно; съѣзжались купцы, доктора, фотографы и артисты, съѣзжались губернскіе жулики и столичные шулера... Какихъ только именъ и профессій ни красовалось тогда на вывѣскахъ, какихъ ни привозилось товаровъ! Но, помимо товаровъ и денегъ, пріѣзжіе завозили съ собою необыкновенный шумъ и веселье: открывались трактиры на всевозможные вкусы, съ арфистками и безъ арфистокъ, съ музыкой и безъ музыки, до кабака включительно; открывался театръ для болѣе взыскательной публики, гдѣ исполняли «Гамлета» и «Донъ-Карлоса» вперемежку съ такими оперетками, о какихъ въ столицѣ не всякій имѣетъ понятія, открывался циркъ съ забавными пантомимами и—свыше десятка бань, которыя считались здѣсь почему-то тоже за мѣста увеселительныя...

Для города ярмарка была все: она прославила его имя на тысячи верстъ, кормила и поила всѣхъ жителей, поэтому и готовились къ ней, какъ къ великому празднику, и всѣ горожане мѣнялись передъ нею, точно по мановенію волшебства; они бросали обычныя дѣла, отколачивали забитыя квартиры, готовили лучшія платья, и многіе уже заблаговременно ходили съ опухшими глазами, увѣряя, что это будто отъ хлопотъ и безсонныхъ ночей. Городской голова на время ярмарки облачался въ черный сюртукъ, надѣвалъ крахмальную манишку, нѣмецкіе сапоги и разъѣзжалъ по почетнымъ купцамъ, отдавая визиты. Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что, явясь во всемъ парадѣ къ пріѣзжему, представитель города важно входилъ въ переднюю и здоровался сначала съ лакеемъ за руку, разспрашивалъ, какъ онъ поживаетъ, все ли въ добромъ здоровьѣ, а затѣмъ уже позволялъ ему снять съ себя шубу и ботики. Происходило это по очень простой причинѣ: наниматься въ лакеи къ ярмарочнымъ гостямъ имѣли большую склонность мѣстные мѣщане, не считавшіе никакую работу унизительной, была бы лишь доходна, а съ ними со всѣми городской голова былъ круглый годъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, съ иными даже пріятель и кумъ.

Въ одинъ изъ морозныхъ февральскихъ дней, когда ярмарка была въ полномъ разгарѣ, въ городскую заставу въѣхала старомодная повозка съ большимъ лубочнымъ чепчикомъ, запряженная тройкой потныхъ коней и, звеня колокольчиками, не спѣша, поплелась по дорогѣ.

— Куда прикажете?—оборачиваясь къ сѣдоку, спросилъ ямщикъ.

Изъ повозки выглянула на минуту голова въ сибирской оленьей шапкѣ, закутанная по уши въ доху, и прозвучалъ въ отвѣтъ рѣзкій молодой голосъ.

— Сказано къ Емельянихѣ!

На улицѣ было людно. Вездѣ кипѣла дѣятельность и спѣшка; озабоченныя лица и торопливая походка—все свидѣтельствовало о дѣлахъ и недосугѣ.

Вотъ, выйдя за двери магазина, ловкій торгашъ встряхиваетъ мѣхъ передъ покупателемъ; вонъ двое горячо спорятъ, очевидно, изъ-за цѣны и взмахиваютъ уже руками, какъ бы готовясь закрѣпить рукобитьемъ сдѣлку; тутъ соблазнили кого-то сверкающіе за окномъ брилліанты, тамъ — вывѣшиваютъ на показъ цвѣтные лоскуты. Всѣ спѣшатъ, суетятся, волнуются... Эта лихорадочная жизнь сразу охватила пріѣзжаго.

— Да ну, живѣй! — крикнулъ онъ ямщику и при этомъ толкнулъ его въ спину.

Должно быть, и ямщикъ успѣлъ проникнуться общимъ настроеніемъ поспѣшности; не обидясь на толчокъ, онъ подобралъ возжи и, лихо загикавъ на коней, погналъ усталую тройку такъ быстро, что снѣжная пыль залѣпила ему всю бороду, лицо и одежду.

Домъ Емельянихи стоялъ вдалекѣ отъ центра. Это было небольшое строеніе съ мезониномъ въ три окошка, съ пошатнувшимся заборомъ и ветхими воротами, на которыхъ лѣпилась ржавая желѣзка съ лаконической надписью: *Пряники*. Ворота всегда были заперты и чтобы проникнуть во дворъ, нужно было долго звонить; на звонокъ обыкновенно выходилъ Максимка развалистой неторопливой походкой; а иногда выбѣгала Ѳеня. Осадивъ лошадей передъ этими воротами, ямщикъ не успѣлъ еще соскочить съ облучка, какъ изъ повозки, распахнувъ шубу, вышелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 28, и направился прямо къ калиткѣ. Оттуда на встрѣчу ему уже выбѣжали изъ дома двѣ женщины, Емельяниха и Степанида Егоровна, обѣ въ накинутыхъ наскоро шубейкахъ; за ними опрометью бѣжалъ Максимка, а въ верхнемъ окнѣ, чего пріѣзжій уже вовсе не успѣлъ замѣтить, прислонясь щекою къ стеклу, глядѣла на него бѣлокурая головка, что называется, «во всѣ глаза», точно желая его разглядѣть раньше, чѣмъ другіе.

— Съ пріѣздомъ, Аѳанасій Львовичъ! Добро пожаловать! Милости просимъ, гость дорогой!—почти вырывая изъ рукъ поклажу, говорила ему старуха, стараясь кланяться ниже.

Кивнувъ ей головой, Кургановъ подошелъ прямо къ Степанидѣ Егоровнѣ и, снявъ передъ нею шапку, протянулъ руку.

— Здравствуйте, Степанида Егоровна!—проговорилъ онъ съ улыбкой, слегка заигрывающимъ тономъ.—Вы на меня и взглянуть не хотите?

Дѣйствительно, Степанида потупила передъ нимъ глаза, но, услы-

шавъ упрекъ, быстро окинула его взглядомъ, улыбнулась и опять опустила голову.

Черезъ минуту они всѣ трое входили уже по лѣстницѣ въ мезонинъ, а слѣдомъ за ними тащилъ на спинѣ чемоданъ Максимка, чуть не плясавшій отъ радости подъ своею ношей. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что дождался, наконецъ, человѣка, который точно красное солнышко обогрѣваетъ всѣхъ живущихъ здѣсь въ домѣ, передъ которымъ молчитъ и ежится даже сама Емельяниха.

Аѳанасій Львовичъ имѣлъ видъ молодцоватый; голосъ у него былъ громкій, взглядъ упорный и смѣлый. Пріѣзжая къ Емельянихѣ, онъ распоряжался у нея, какъ въ собственномъ домѣ, и всѣ его здѣсь слушались и любили, потому что онъ ни на что не скупился, былъ всегда веселъ, денегъ не считалъ и обладалъ удивительной способностью подчинять себѣ всѣхъ окружающихъ. Бывало, крикнетъ во весь духъ: «Максимка!» И Максимка являлся передъ нимъ свѣжій, бодрый, смотрящій во всѣ глаза въ ожиданіи приказаній.—«На почту!»—скажетъ Кургановъ, подавая пакетъ. «Да живо!» Или крикнетъ внезапно: «Бѣги, размѣняй!...» Давая Максимкѣ сторублевую бумажку, а иногда двѣ и три, онъ подкупалъ его довѣріемъ, какого тотъ отродясь не видывалъ ни отъ кого даже на двугривенный.

Когда Аѳанасій Львовичъ, войдя въ свою комнату, помѣщавшуюся наверху рядомъ съ комнатой Степаниды, умылся и переодѣлся, молодая хозяйка пригласила его къ чаю. На столѣ, кромѣ самовара, стояла водка, закуска и на черной сковородѣ шипѣла яичница.

— Прошу покорно, Аѳанасій Львовичъ!

Кургановъ вошелъ, неся въ рукахъ большой свертокъ.

— Сначала возьмите гостинецъ, Степанида Егоровна,—сказалъ онъ, передавая подарокъ.—Недавно ѣздилъ въ Москву... Какія теперь тамъ матеріи стали вырабатывать, что твоя заграница!

Степанида раскраснѣлась отъ удовольствія, притворно смутилась и, принимая свертокъ, молча улыбалась, не зная, что сказать.

— Что вы это, Аѳанасій Львовичъ... Вы совсѣмъ меня избалуете..

— Ну, ну,—возразилъ тотъ, ласково махнувши рукою.—За кѣмъ другимъ, а за вами не пропадетъ.

Онъ пододвинулъ стулъ и сѣлъ къ самовару.

— Чайку не угодно ли? Или, можетъ, позавтракать? Небось проголодались въ дорогѣ.

Кургановъ оглядѣлъ быстрымъ взглядомъ бутылки и, потирая руки, отвѣтилъ:

— Отъ чая откажусь, а вотъ водочки выпью. Удивительно вы понимаете мой характеръ, Степанида Егоровна! Что дорожному человѣку требуется? Чарка водки да поцѣлуй на закуску!

Онъ не спѣша открылъ бутылку, налилъ двѣ рюмки и предложилъ чокнуться.

— За счастливый пріѣздъ, Степанида Егоровна.

— Кушайте на здоровье!

Онъ выпилъ, крякнулъ и, притянувъ свободной рукой къ себѣ Степаниду, поцѣловалъ ее въ губы, потомъ началъ закусывать и разспрашивать про нынѣшнюю ярмарку—много ли пріѣзжихъ, хорошо ли торгуютъ и въ какомъ трактирѣ лучше поютъ арфистки?

Степанидѣ было на видъ около 30 лѣтъ. Высокая, дородная, съ крупными, черными глазами и съ непонятной улыбкой, не то застѣнчивой, не то задорной, она производила загадочное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка, но Кургановъ былъ не изъ тѣхъ, которые задумываются надъ чѣмъ-нибудь въ жизни, а тѣмъ болѣе надъ женскими взорами и улыбками. Степанида считалась вдовою, но о вдовствѣ своемъ, кажется, не печалилась; для развлеченія у нея имѣлась гитара, на которой ее выучилъ кто-то играть «За рѣкой, на горѣ», а въ шкафчикѣ стояла наливка для хорошихъ знакомыхъ, и покойный приставъ, не тѣмъ будь помянутъ, въ долгіе зимніе вечера нерѣдко засиживался здѣсь до разсвѣта. Да и не одному приставу знакома была «вдовья» наливка...

Наскоро позавтракавъ, Аѳанасій Львовичъ спросилъ вина.

— Ну, выпейте, Степанида Егоровна! Говорятъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ... Много новыхъ-то друзей завели за зиму?

Онъ поднялъ стаканъ и молча смѣялся, ожидая отвѣта. Степанида чуть было не смутилась подъ его взглядомъ; она хотѣла отвѣтить упрекомъ, но раздумала и сказала игриво:

— А хошь бы и много, Аѳанасій Львовичъ?

Однако сейчасъ же раскаялась въ такомъ отвѣтѣ и печально вздохнула, словно желая сказать, что никакіе друзья не могутъ замѣнить ей *одного* человѣка, а какого—поди угадай!

Выпивъ залпомъ стаканъ, Кургановъ лукаво погрозилъ ей пальцемъ и, поклонившись, вышелъ изъ комнаты, а затѣмъ уѣхалъ на ярмарку.

III.

Когда свечерѣло и дѣловая ярмарка затихла до утра, то до утра же зашумѣла веселая ярмарка. Магазины давно уже заперты, но по трактирамъ пѣсни, хохотъ и музыка; всюду набилось народа, что́ мухъ на медъ, и некуда присѣсть запоздавшему посѣтителю.

У Емельяныхи хотя и не трактиръ, но гостей набралось тоже не мало; хлопаютъ пробки, льется вино, а табачный дымъ словно туманъ виситъ въ комнатѣ и щиплетъ глаза. Это дѣловая компанія празднуетъ пріѣздъ Аѳанасія Львовича. Степанида Егоровна, улыбаясь и отшучиваясь, сама подноситъ гостямъ стаканы, и всѣ съ нею чокаются, всѣ кричатъ и глядятъ на нее полувлюбленными глазами;

всѣмъ она нравится, но напрасно стараются гости закручивать стрѣлкой усы, приглаживать бороды, капули и проборы; всѣ для нея одинаковы; развѣ только къ Курганову, сидящему на диванѣ поодаль отъ компаніи, подходитъ она чаще, да и то по дѣлу, потому что онъ настраиваетъ ея гитару.

— Знать попортилась, Аѳанасій Львовичъ, давно ужъ въ руки не брала,—говоритъ она и снова отходитъ къ столу.

То поднося вина, то разсказывая о гитарѣ, то жалуясь, что разучилась играть, Степанида Егоровна все время, пока Кургановъ подвязывалъ и пробовалъ струны, переговаривалась съ нимъ, возбуждая зависть въ гостяхъ, а когда тотъ и самъ подошелъ къ столу и, настроивъ гитару, предложилъ спѣть, то хозяйка, а за нею гости хоромъ затянули «Милую», но сбились, расхохотались и запѣли «Крамбамбули», продолжая чокаться и подливать въ стаканы.

Ѳеня, притаившись за дверью, не спускала глазъ съ Аѳанасія Львовича. Ей было пріятно смотрѣть, какъ онъ неожиданно встанетъ, чокнется и выпьетъ вина, или проведетъ рукой по струнамъ, или запоетъ... Какіе у него добрые глаза и какъ онъ веселъ! Другіе тоже сидятъ и пьютъ, хохочатъ, кричатъ, но видно, что они всѣ пьяны и и грубы, а онъ такой добрый—добрый... Ѳенѣ нравился больше всего голосъ Курганова; въ немъ что-то душевное и простое. Но отчего же голосъ этотъ у него такой грустный, когда онъ поетъ? Всѣ радуются и кричатъ, а у Ѳени отъ этого голоса щемитъ на сердцѣ и хочется заплакать...

...«Всю ночь не смыкалъ я, бывало, очей,
Томился и думалъ я только о ней.
Теперь все прошло... Пролетѣла весна
И молодость жизни далеко ушла»...

раздавался голосъ Курганова и Ѳенѣ казалось, что Аѳанасій Львовичъ дѣйствительно о чемъ-то горюетъ и, улыбаясь, она думала: Хорошій... добрый человѣкъ!...

...«А старость все ближе и ближе подходитъ,
Готовлюсь я въ вѣчность совсѣмъ перейти,
А счастье все дальше... да дальше уходитъ...»

Гостей веселило пѣніе Курганова и когда онъ кончилъ, всѣ зашумѣли, полѣзли съ нимъ чокаться, а Ѳенѣ казалось, что онъ, можетъ быть, плачетъ—и ему не до вина.

— Эй! кто тамъ!.. Максимка!..—закричалъ неожиданно Кургановъ, хлопая въ ладоши.—Максимка! Шампанскаго сюда!

У Ѳени екнуло сердце. Она хотѣла было убѣжать, но заколебалась и, наконецъ, сдѣлала шагъ впередъ и вошла въ эту дымную комнату, куда ей было запрещено показываться.

— Что прикажете, Аѳанасій Львовичъ,—проговорила Ѳеня, останавливаясь на порогѣ.

Но, вмѣсто приказанія, Курганов протянулъ впередъ руки и весело воскликнулъ:

— А, Ѳенюша! Иди! иди сюда! Я ужъ давно про тебя спрашиваю.

Степанида Егоровна молча положила гитару и, пожавъ плечами, недовольная, вышла изъ комнаты.

— Что прикажете, Аѳанасій Львовичъ?—снова повторила Ѳеня, опуская глаза и не двигаясь съ мѣста.

Ея появленіе заинтересовало гостей. Начали переглядываться, подмигивать въ сторону Курганова и улыбаться.

Ѳеня не обратила никакого вниманія на улыбки гостей и молча дожидалась приказаній Курганова.

— Вотъ, что, Ѳеня,—сказалъ Аѳанасій Львовичъ,—Вели Максиму подать шампанское... все давай!.. весь кулекъ!.. А ты позови бабушку, да скажи, чтобъ непремѣнно пришла. И сама приходи. Слышишь?

— Я не могу, Аѳанасій Львовичъ,—прошептала Ѳеня... Я лучше здѣсь въ корридорѣ побуду.

— Говорю, приходи! Не придешь, такъ приведу самъ. Да Емельяниха пусть тоже приходитъ. Никакихъ отговорокъ чтобъ не было,—понимаешь?

— Тащи сюда всѣхъ!—послышались голоса.—Хозяйку сюда! Шампанскаго!

Поднялся веселый крикъ и смѣхъ;

— Ну, живо, Ѳеня!—командовалъ между тѣмъ Аѳанасій Львовичъ, беря ее за руку.—Скажи Степанидѣ Егоровнѣ, что гости, молъ, сердятся. Присылай ихъ обѣихъ!

Не успѣла Ѳеня повернуться и выйти въ корридоръ, какъ чья-то холодная костлявая рука схватила ее за волосы и поволокла впередъ, въ темноту. Потомъ раздалась пощечина. Затѣмъ застучали быстрые шаги Ѳени, молча сбѣгавшей по лѣстницѣ съ мокрымъ отъ слезъ и закрытымъ ладонью лицомъ.

Поданное шампанское еще больше развеселило гостей; къ тому же вернулась Степанида Егоровна, а за нею вошла и сама Емельяниха, надѣвшая, для парада, чепецъ и на плечи большой персидскій платокъ. Она всѣмъ привѣтливо улыбалась и, когда ей наливали вина, отодвигала стаканъ и говорила:

— Сами кушайте на здоровье, дорогіе гости! Благодарю покорно.

— Ну, выпей, бабушка!—приставалъ къ ней Курганов, пододвигая стаканъ.

Емельяниха его отодвинула и сказала:

— Сами кушайте, Аѳанасій Львовичъ!

Курганов снова придвинулъ стаканъ.

— Ну выпей, Емельяновна!

И они продолжали двигать другъ къ другу стаканъ до тѣхъ поръ, пока Курганов не зацѣпилъ его рукавомъ—и вино пролилось на скатерть.

— Эхъ, старая!—весело воскликнулъ онъ и потянулся за новымъ стаканомъ.

— Говорю, батюшка, угощать меня, только добро портить.

— Ну, ужъ теперь не уйдешь!

Начались тосты; сперва за Курганова, потомъ за хозяекъ, потомъ за каждаго изъ гостей. Пиръ разыгрывался не на шутку.

— Да гдѣ же, наконецъ, Ѳеня?—вспомнилъ вдругъ Курановъ.—Отчего она не пришла? Емельяновна, приведи Ѳеню!

— Ну вотъ, батюшка, очень она тебѣ нужна! Знаешь, какая гордячка... На что такая потребовалась?

— Еще расплачется на людяхъ-то,—съ неудовольствіемъ добавила Степанида Егоровна.—Оставьте ее, Аѳанасій Львовичъ... Вотъ лучше я вамъ винца холодненькаго подолью.

«Чарочка моя серебряная
На златомъ-то блюдечкѣ поставленная!»

вдругъ запѣла Степанида Егоровна, съ улыбкой предлагая Курганову чокнуться.

—«Эхъ, кому чару пить,
Кому выпивать?»

грянули вслѣдъ за нею недружные голоса гостей.

«Пить чару, пить чару
Степанидѣ да Егоровнѣ
На здоровье, на здоровье,
На здоровьице!»

Всѣ потянулись къ ней съ стаканами и рюмками, а она, кокетливо потряхивая головой, продолжала пѣть, поддразнивая разгулявшихся гостей.

— Ай, жги, жги—жги, говори, да разговаривай!

— Браво, браво!—кричали гости.

Одни кричали браво, другіе пѣли, поддерживая плясовой мотивъ.

Максимка, съ разинутымъ ртомъ и опущенными руками, наблюдалъ изъ темнаго корридора въ полуотворенную дверь, испытывая полное удовольствіе. Крики, пѣніе и дикій хохотъ производили на него впечатлѣніе не чужаго веселья, а своей собственной радости. Онъ видѣлъ, какъ Курановъ наливалъ вино, какъ пилъ, какъ заставлялъ пить Емельяниху, и та, низко кланяясь, пила. Онъ съ торжествомъ замѣчалъ, что хозяйка пьянѣетъ и, когда она, выпивъ послѣднюю рюмку, замотала головой, Максимка не выдержалъ.

— Х-хы! хы!..—радостно и искренно воскликнулъ онъ и даже присѣлъ, обнимая животъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ веселѣе кричали гости. Пляска не унималась.

Максимка ликовалъ, особенно, когда увидѣлъ, что и Курановъ пустился вприсядку. Наконецъ, восторгъ его превзошелъ всякія ожиданія, отъ радости онъ чуть было не подавился, когда увидалъ, что сама

Емельяниха, растопыривъ руки и махая надъ головою платкомъ, кружится среди комнаты подъ общій крикъ и хохотъ; Максимка потѣшался надъ нею отъ всей души.

— Гляди! гляди!—шепталъ онъ Ѳенѣ, толкая ее локтемъ.

— Господи!—прошептала Ѳеня, качая головой.—Бабушка-то... бабушка... Стыдъ-то какой!..

Гамъ. смѣхъ и пѣсни, а порой и неосторожное словечко, сорвавшееся съ языка, еще долго оглашали весь домъ. Наконецъ, гости стали цѣловаться съ Кургановымъ и, пошатываясь, выходить къ шубамъ.

Было уже подъ утро.

IV.

Съ слѣдующаго дня Кургановъ горячо принялся за дѣла и бывалъ иногда занятъ такъ, что не успѣвалъ пообѣдать.

Лихорадочная жизнь ярмарки разгоралась день ото дня все больше и больше. Дѣла и веселье, работа и удовольствія перепутались и сплелись настолько между собою, что посторонній человѣкъ не рѣшилъбы, гдѣ кончалось одно, гдѣ начиналось другое. Безъ угощенія ничего нельзя было подѣлать; съ иными бились по нѣсколько дней, кормя обѣдами, напаивая виномъ, возя по театрамъ; случалось, что пропивали больше, чѣмъ наживали, но, спасая честь и достоинство фирмы, на это не обращали особеннаго вниманія.

Не дремалъ за это время и городской голова. «Вотъ-съ, батенька, сударь вы мой,—говорилъ онъ, объѣзжая знакомыхъ,—по заведенному порядку подписочка махонькая... въ пользу городскихъ бѣдныхъ-съ... Можетъ, чего наличными соблаговолите, а то и товарцемъ-съ: всяко даяніе да благо.

Одни давали денегъ, другіе жертвовали вещи въ аллегри, театры обѣщали отпустить лучшихъ пѣвцовъ, а трактиры—арфистокъ, и въ назначенный день вся ярмарка, отъ мала до велика, справляла благотворительный праздникъ.

Въ этотъ день Аѳанасій Львовичъ былъ особенно озабоченъ. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ домой и перебиралъ бумаги, считалъ на счетахъ, опять уѣзжалъ, и, наконецъ, призвалъ Максимку.

— Вотъ тебѣ письмо... Понимаешь? Бѣги сейчасъ на почту, бери тройку и поѣзжай во весь духъ на ту станцію... Понялъ?

— Понялъ,—весело подмигнулъ Максимка, очень любившій, когда ему поручали важное дѣло.

— Во что бы то ни стало нужно догнать Климентовича! Понимаешь, Климентовича! Спроси смотрителя, проѣхалъ Климентовичъ, или нѣтъ; если проѣхалъ, гони еще станцію, двѣ, три—все равно! Понимаешь? Нужно догнать и передать вотъ это письмо.

Максимка почувствовалъ приливъ такой нѣжности къ Курганову,

что ему захотѣлось поцѣловать его фалду, которую тотъ небрежно откинулъ, держа руку въ карманѣ.

— Вотъ тебѣ письмо,—сказалъ Курганов, передавая пакетъ.—Вотъ тебѣ деньги на дорогу... Обратно скачи во весь махъ и къ утру привези отвѣтъ. Десять рублей на чай получишь. Но если ты его не догонишь...

— Кереметь *) догоню!—воскликнулъ въ азартѣ Максимка.—Чего не догнать?

— Ну, такъ маршъ! Бѣгомъ! Живо!

Аѳанасій Львовичъ даже топнулъ и ударилъ въ ладоши, а Максимка, сунувъ письмо и деньги за пазуху, бросился опрометью внизъ, такъ что задрожала и затрещала подъ нимъ вся лѣстница. Его душа переполнилась уваженіемъ и любовью къ Курганову: катить на тройкѣ, исполнить важное дѣло и получить десять рублей—было для него такимъ удовольствіемъ, какъ еще—умрешь не увидишь...

Уже съ обѣда въ пассажѣ гремѣла музыка, и городскія дамы, расфранченныя и разодѣтыя, засѣдали за лотерейными колесами; у супруги городского головы еще со вчерашняго вечера ожесточилось сердце на чужіе карманы; жена исправника и жена лѣсничаго, сперва стѣсняясь, исполняли свои обязанности, но мало-по-малу начинали тоже входить въ азартъ. А народа прибывало и прибывало. По старинным традиціямъ, въ этотъ день вся ярмарка должна была посѣтить базаръ и въ пассажѣ поэтому набиралось такое множество публики, любящей потолкаться, позѣвать, послушать оркестръ и пѣвцовъ, что выходила, вмѣсто гулянья, толкотня, дававшая возможность хорошо поживиться не только городскимъ бѣднякамъ, но и заѣзжимъ карманникамъ.

Вдоволь намявши бока и туго наколотивъ карманы всевозможными бездѣлушками изъ аллегри, къ вечеру усталая публика разбредалась опять-таки по трактирамъ доканчивать благотворительный день.

У Курганова знакомыхъ было полгорода. Куда ни придетъ, куда ни повернется, отовсюду слышно одно и то же:

— Аѳанасій Львовичъ! Къ намъ на минутку!

И Курганов подходилъ, присаживался и выпивалъ, переходя отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ. Наконецъ, у Аѳанасія Львовича зарябило въ глазахъ. Потерявъ мѣру, онъ уже самъ началъ спрашивать шампанское и приставать къ знакомымъ, требуя «уважить», не «обидѣть» и «удостоить». Потомъ съ компаніей арфистокъ переселился въ кабинетъ, гдѣ ему пѣли романсы, гладили его по волосамъ и, шутя, вынимали изъ кармановъ выигрышныя бездѣлушки...

Стояла глухая ночь, когда онъ подъѣхалъ къ своимъ воротамъ. На душѣ у него было пусто, въ головѣ шумѣло. Прежде чѣмъ позвонить, онъ огляделся кругомъ; лѣвая сторона улицы была черна, какъ уголь, а правая сіяла серебромъ. На Курганова напало раздумье

*) Кереметь—свирѣпое божество чувашей.

Онъ стоялъ возлѣ калитки и не могъ налюбоваться картиной, развернувшейся передъ нимъ, словно первый разъ въ жизни.

Чувство не то раскаянія, не то одиночества грызло его сердце, и ему становилось жаль своей молодости, уходившей на кутежи. Онъ глядѣлъ на ясное небо, на звѣзды, на сверкающій снѣгъ, и хотѣлось ему чего-то чистаго и высокаго, ради чего стоило бы жить и трудиться.

Кургановъ стоялъ съ опущенными руками, не зная, на что рѣшиться. Ничего, однако, не придумавъ, онъ подошелъ къ звонку, досадливо рванулъ его изо всей силы и громко обругалъ собаку, залаявшую на него изъ подворотни.

Дожидаясь его возвращенія, на звонокъ выбѣжала Ѳеня.

— А гдѣ жъ Максимка?—строго спросилъ Кургановъ.—Небось, дрыхнетъ, скотина?

— Максима вы за городъ услали. Только по утру вернется.

— А... да!.. Ну, чортъ съ нимъ!

Ѳеня заперла калитку и пошла слѣдомъ за Аѳанасіемъ Львовичемъ. Когда они прошли черезъ сѣни Кургановъ остановился на порогѣ Ѳениной комнаты и, подумавъ, сказалъ:

— Нѣтъ ли, голубушка, гдѣ-нибудь браги, а то въ горлѣ пересохло. Принеси-ка, я подожду.

Ѳеня молча взяла свѣчу и, стѣсняясь своего костюма, потому что была въ большомъ платкѣ, накинутомъ на голыя плечи, ежась и закрываясь, вышла въ сѣни, а Кургановъ переступилъ порогъ и вошелъ въ ея комнату, освѣщенную слабымъ свѣтомъ лампадки, висѣвшей передъ образомъ, и сѣлъ прямо на кровать.

V.

Было тихо вокругъ; капала гдѣ-то вода изъ рукомойника, ударяясь о мѣдный тазъ, да гдѣ-то хрипло тикали часы, и больше ничѣмъ не нарушалось ночное безмолвіе. Комната, гдѣ онъ сидѣлъ, была маленькая, низкая, съ дешевыми обоями въ мелкую шашку, съ однимъ окномъ, задернутымъ занавѣской, съ маленькимъ зеркальцемъ на стѣнѣ, возлѣ котораго висѣло вышитое русскимъ швомъ полотенце, да на стулѣ лежало сброшенное кое-какъ платье.

Опустивши голову и сложивъ на колѣняхъ руки, неподвижно сидѣлъ Аѳанасій Львовичъ въ ожиданіи браги, стараясь сосредоточить разбѣгавшіяся мысли.

— Аѳанасій Львовичъ... Что это вы гдѣ!—съ стыдливымъ упрекомъ обратилась къ нему Ѳеня, вернувшаяся со свѣчкой и глинянымъ кувшиномъ въ рукахъ.

Замѣтивъ разбросанное платье, она смутилась еще больше, но тотъ, не обращая вниманія на ея слова, проговорилъ разсѣянно:

— Знаешь, Ѳеня... Я нынче взялъ билетъ... Дай, думаю, на твое счастье... И вотъ, погляди, выигралъ.

Онъ началъ шарить по карманамъ и вынулъ золотое дешевое колечко съ бирюзой.

— Видишь?.. Возьми и носи! Это на счастье. Давай, я тебѣ самъ надѣну. Да ну же, подойди, чего боишься!

— Аѳанасій Львовичъ, пожалуйте къ себѣ!—боязливо настаивала Ѳеня умоляющимъ голосомъ.—А то какъ бы бабушка не проснулась.

— А чортъ съ ней, съ бабушкой, если и проснется! — небрежно отвѣтилъ Кургановъ.—А это вотъ духи,—продолжалъ онъ спокойно, вынимая изъ другого кармана флаконъ, перевязанный голубою лентой.—Все выигрыши, Ѳеня! Много я этой дряни выигралъ нынче; половину бросилъ. Налей ка мнѣ бражки стаканчикъ!

— Идите, право, къ себѣ, Аѳанасій Львовичъ, вамъ завтра вставать рано,—умоляла Ѳеня, подавая стаканъ браги.

Кургановъ отхлебнулъ и вытеръ усы.

— Погоди, Ѳеня... Уйду,—сказалъ онъ,—погоди меня гнать.

Онъ горько вздохнулъ, и въ два большихъ глотка осушилъ весь стаканъ.

— Хорошая брага,—похвалилъ онъ, начиная закуривать папиросу и чувствуя, что мысли его путаются.—А ты слыхала, Ѳеня, какъ арфистки поютъ?

— Нѣтъ, Аѳанасій Львовичъ... Гдѣ же мнѣ слыхать, я въ трактиры не хожу.

— И не ходи. Тамъ всякое безобразіе... Лучше, Ѳеня, книжки читай... Я пока читалъ, хорошимъ былъ человѣкомъ... А это все чепуха... зло!.. Ты умѣешь читать?

— Умѣю, Аѳанасій Львовичъ. Меня отецъ Александръ училъ.

— Какой Александръ?

— Батюшка.

— Попъ?

— Нѣтъ, онъ былъ дьяконъ. Меня не хотѣли учить, а онъ настоялъ. Я у него и жила. Онъ меня и воспитывалъ въ своемъ домѣ.

— Молодецъ батя!

Наступило молчаніе. Ѳеня стояла возлѣ стѣны, опустивши глаза, и дожидалась, когда Кургановъ уйдетъ, а тотъ сидѣлъ на ея постели съ папиросой въ зубахъ и задумчиво глядѣлъ на тусклое пламя свѣчи, вертя въ рукахъ выигранное кольцо.

— Ну, поди, я тебѣ надѣну,—вспомнилъ онъ про подарокъ.

Ѳеня не отвѣчала. Кургановъ опять замолчалъ.

Нѣсколько минутъ онъ пристально и спокойно созерцалъ Ѳеню. Ея молодое лицо казалось ему красивымъ и, главное, свѣжимъ, дѣвственнымъ, почти дѣтскимъ; волосы ея были гладко зачесаны назадъ и сплетены въ косу; отъ всей ея фигуры, отъ позы, въ которой она находилась, отъ ея свѣжаго личика, отъ скромно опущенныхъ глазъ такъ и вѣяло юностью, простотой и, какъ казалось въ эту минуту

Курганову, самобытной прелестью. Онъ глядѣлъ на Ѳеню и дивился, какъ могъ находить онъ удовольствіе среди этого необузданнаго, неискренняго веселья, среди этого чада продажной любви, изъ котораго онъ только что выбрался съ тяжелой головой и несвязными мыслями.

— Не гони меня, Ѳеня,—ласково обратился къ ней Аѳанасій Львовичъ, и въ голосѣ его дрогнула скорбная нотка.—Ты меня давно знаешь. Не бойся меня, я не злой человѣкъ.

— Что вы, Аѳанасій Львовичъ! Кто же говоритъ... Я не боюсь... Сидите сколько угодно.

— А... ты все не про то, Ѳеня! Ты думаешь, что я у васъ постоялецъ, что я твоей Емельяныхѣ деньги плачу, такъ мнѣ ужъ и чортъ не братъ! Сижу, молъ, гдѣ хочу, дѣлаю, что знаю. Нѣтъ, Ѳеня!.. Ты лучше вотъ что скажи: вѣришь, что я не злой человѣкъ, что я тебѣ ничего худого не пожелаю?.. Коли вѣришь, садись рядомъ, а я тебѣ буду разсказывать...

— Разсказывайте, Аѳанасій Львовичъ; я слушать буду, все равно, стоя.

— Садись, говорю тебѣ!

Кургановъ быстро поднялся и схватилъ ее за руку выше кисти. Ѳеня взглянула на него съ недоумѣніемъ и страхомъ, и прошептала:

— Аѳанасій Львовичъ!.. Пустите, ради Господа!..

— Я съ тобой по-простому говорю, а ты все дичишься. Ну, Богъ съ тобой! — упрекнулъ Кургановъ и, выпуская изъ своей руки ея руку, добавилъ: — я думалъ, ты меня пожалѣешь, Ѳеня... Ну, налей хоть браги еще!

Онъ сѣлъ опять на постель, а Ѳеня подала ему наполненный стаканъ.

— Ты думаешь, я счастливъ? — продолжалъ Аѳанасій Львовичъ, отхлебывая браги.—Нѣтъ, Ѳеня, все это чепуха... Да, чепуха!.. И вся жизнь моя — чепуха! просто хоть пулю въ лобъ!.. Для чего я живу? Ну скажи пожалуйста, я живу для какого чорта? а? Кому я нуженъ?

— Что вы это, Аѳанасій Львовичъ?—возразила та съ недовѣріемъ.— Ваша ли жизнь не хороша?

— Чѣмъ же она хороша?

— Да все у васъ есть... всѣ васъ боятся, всѣ любятъ... Сами вы такой...

— Какой это «такой?»

— Молодой... — сконфуженно договорила Ѳеня, хотѣвшая было сказать «красивый».

Кургановъ вздохнулъ и съ грустью махнулъ рукою, какъ-бы говоря, что его пѣсенка спѣта.

— Молодой...—повторилъ онъ задумчиво, и усмѣхнулся.—Былъ молодой, Ѳеня! Былъ да сплылъ!.. Вонъ ужъ скоро плѣшь начнетъ протираться... А выпито-то сколько?.. Вѣдь, если все это въ котелъ лить, что я выпилъ, такъ зелье-то котелъ проѣстъ, а не то, что живого

человѣка... Э, гдѣ ужъ тутъ до молодости! Зря прошла! А вотъ ты отчего такая грустная всегда? — спросилъ онъ неожиданно, вглядываясь въ ея лицо.—Или живется не сладко?

— Я ничего...

— Знаю, какъ «ничего»! Ужъ больно Емельяниха-то у тебя шельма, да и Степанидѣ Егоровнѣ тоже пальца въ ротъ не клади.

— Нѣтъ, за бабушку мнѣ надо Бога молить,—возразила Ѳеня.—Кабы не она, и жить бы какъ — неизвѣстно. Конечно, работы много, да я работать умѣю, мнѣ не трудно.

— Плюнь ты на свою бабушку. Терпѣть ея не могу, старую хрычевку.

— Какъ же такъ, Аѳанасій Львовичъ! Зачѣмъ такъ говорить, это мнѣ даже грѣшно. Я, можетъ быть... Я, можетъ, и уйду... Только вѣдь, Аѳанасій Львовичъ... Только я сама еще не знаю...

— Уйдешь? Куда уйдешь?

— Такъ... Куда-нибудь...

Ѳеня, теребя руками концы платка, осторожно взглянула на Курганова, какъ бы рѣшая, можно ли сказать ему тайну, и добавила:

— Въ монастырь, можетъ быть, пойду... Я давно собираюсь.

— Въ монастырь?.. Да ты съ ума сошла, Ѳеня!—воскликнулъ тотъ.—Зачѣмъ тебѣ въ монастырь?

— Что же здѣсь-то дѣлать, Аѳанасій Львовичъ?—проговорила Ѳеня, волнуясь все болѣе.—Я вѣдь... Мнѣ вѣдь...

— Тяжело тебѣ здѣсь, вотъ что!—разрѣшилъ ея колебанія Аѳанасій Львовичъ.—А говоришь «ничего»! Какой ничего! Запрягли въ работу какъ лошадь, безъ отдыха... А ты все терпишь, все сносишь.

— Какъ же не терпѣть... Конечно, нужно терпѣть... Преподобная Ѳеодора и не это терпѣла, когда въ монастырь пошла... Вотъ и я, Аѳанасій Львовичъ, должна претерпѣть... Въ монастырѣ будетъ еще труднѣе...

— Терпѣть, да терпѣть,—проговорилъ Кургановъ, грустно кивая головой.—Все только терпѣть да страдать... А были ли у тебя радости, Ѳеня? Знавала ли ты когда свободу? Видѣла ли міръ Божій?.. Ничего ты этого не видала и ничего ты не понимаешь! Вѣдь, небось, тебѣ и пожить хочется? И полюбить хочется? Ну, понѣжиться, что ли? приласкаться къ милому человѣку, а?

Ѳеня не отвѣчала; только руки ея проворнѣе затеребили платокъ.

— А жизнь-то кругомъ кипитъ, манитъ къ себѣ!.. А ты вотъ про монастырь думаешь, потому что тебѣ тяжело здѣсь; всѣ для тебя чужіе, никто тебя не цѣнитъ... А вѣдь міръ-то Божій великъ, жизнь-то на свободѣ сладкая!.. Эхъ, Ѳенюша, Ѳенюша!.. Нашелся бы такой человѣкъ, который бы оцѣнилъ тебя, полюбилъ, да и ты тоже его бы полюбила, — развѣ задумаешься? Махнешь на все рукой и пойдешь за нимъ, куда позоветъ. Правда? Вѣдь пойдешь? И монастырь забудешь,

и горе забудешь... Съ милымъ человѣкомъ вѣдь годъ за день кажется... Правда? — допытывался Курановъ, каждымъ своимъ словомъ бичуя Ѳенино сердце.

Она стояла, низко опустивъ голову, и молчала. Еслибъ Аѳанасій Львовичъ понималъ, какъ онъ мучилъ ее, какъ насильно вызывалъ изъ глубины души затаенную печаль и неясныя думы, называя прямыми именами ея скорби, которыхъ она еще не умѣла назвать, онъ замолчалъ бы, но охмелѣвшая голова не работала, а языкъ какъ нарочно становился бойчѣе.

— Великое дѣло, Ѳеня,—свобода! Живешь какъ хочешь, никто съ тебя слова не смѣетъ взыскать; пошелъ куда вздумалъ, вернулся когда захотѣлъ... А тебя, небось, Емельяниха, и къ подругѣ безъ того не отпуститъ, чтобы не попрекнуть. Знаю я ее, чертову перечницу!

— У меня нѣтъ подругъ,—отвѣтила Ѳеня почти сквозь слезы.

Яркое красное пятно выступило на ея лѣвой щекѣ около подбородка, а лицо было, по прежнему, бѣлое. Курановъ замѣтилъ это, и волненіе Ѳени слегка сообщилось ему.

— Знаешь что, Ѳеня!—воскликнулъ онъ неожиданно, ударяя себя ладонью по колѣнамъ.—Хочешь отсюда уѣхать?.. Уѣдемъ со мной!..

Ѳеня испуганно метнула на него взглядъ, вспыхнула вся и, какъ бы не разслышавъ вопроса, зажмурила глаза и еще ниже опустила голову.

На Курганова нашло вдохновеніе. Допивая глотками стаканъ, онъ началъ разсказывать, гдѣ бывалъ, сколько объѣздилъ городовъ, какія видѣлъ страны.

— Поѣдемъ, Ѳеня!—говорилъ онъ съ увлеченіемъ.—Я тебѣ покажу Москву, про которую, знаешь, поется: златоглавая, бѣлокаменная... Небось, слыхала? Ну, говори, слыхала, что ли?.. Что жъ ты молчишь, Ѳеня? Слыхала про Москву?

— Да... слыхала...—еле прошептала она.

— Ну вотъ. И въ Петербургъ проѣдемъ; тамъ дворцы стоятъ, государь живетъ... Оттуда махнемъ за границу. Улицы тамъ какія! дома какіе—на крышу взглянешь, шапка свалится!.. Магазины, рестораны—чортъ знаетъ... Здѣсь у насъ снѣгъ, да мятели, морозъ за уши деретъ, а тамъ, гдѣ-нибудь, на берегу моря—тепло... цвѣты цвѣтутъ... Ты видала когда-нибудь море?.. А виноградники? Идешь, а вокругъ тебя рай земной: груши зрѣютъ, апельсины на вѣткахъ... виноградъ виситъ вотъ этакими кистями!.. Потомъ въ морѣ будемъ купаться... Волна, это, издали растетъ, растетъ, бѣжитъ прямо на тебя... думаешь: ну—разбила!—а она рухнетъ и разсыплется мелкой струйкой, запѣнится, зажурчитъ... А мы съ тобой выкупаемся, и пойдемъ къ себѣ... кофе пить.. Эхъ, Ѳеня, Ѳеня! Цѣны ты себѣ не знаешь! Вѣдь, если съ тебя сорвать эти тряпки, да нарядить тебя въ хорошее платье, да въ экипажъ посадить, такъ всѣ вѣдь завидовать станутъ!.. Ей-Богу!..

Любуясь ея волненіемъ, Кургановъ окончательно убѣдился, что Ѳеня красавица и что взять ее отсюда необходимо, и въ восторгѣ воскликнулъ:

— Кончено дѣло! Ѣдемъ, Ѳенюша!

Онъ всталъ, подошелъ къ ней и положилъ на плечи ей руки.

— Ты вѣдь тоже будешь меня любить? а? Будешь любить? Скажи, Ѳенюша. будешь любить? Ну, милая... скажи...

Ѳеня молчала. У нея голова кружилась. Она переставала понимать, гдѣ она, что съ нею и не во снѣ ли все это... А Кургановъ все спрашивалъ, ласково, вкрадчиво, наклонясь почти къ самому лицу ея.

— Поѣдешь, Ѳеня?.. Будешь меня любить?

Его рука обвила уже ея станъ.

— Аѳанасій Львовичъ...—съ трудомъ прошептала Ѳеня; дыханіе ея обрывалось, ноги подкашивались.—Ради Бога... Аѳанасій Львовичъ!..

Голосъ ея пресѣкся. Она медленно подняла на Курганова усталые глаза, не то съ упрекомъ, не то съ мольбою, и улыбалась ему и дрожала, и ничего не могла вымолвить.

— Завтра, завтра, Ѳенюша,—шепталъ въ отвѣтъ Кургановъ, гладя ее по головѣ.—Завтра утромъ приди мнѣ сказать... Рѣшайся... Въ среду я уѣзжаю отсюда, а если ты поѣдешь, такъ завтра же вечеромъ соберемся! Право, Ѳенюша, хорошо поживемъ! Такъ завтра придешь съ отвѣтомъ? Не забудешь, Ѳенюша?..

Ѳеня потрясла головой.

— Не забудешь? Придешь?

Она кивнула, не помня себя. Она хотѣла что-то сказать ему, но Аѳанасій Львовичъ быстро обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ губы, въ глаза, въ щеку... Ѳеня вскрикнула и, какъ змѣя, извернувшись всѣмъ тѣломъ, выскользнула изъ его объятій, зашаталась и бросилась въ сѣни.

Кургановъ глядѣлъ на захлопнутую дверь, не двигаясь съ мѣста; потомъ досталъ портсигаръ и закурилъ папиросу. Потомъ подождавъ съ минуту, онъ взялъ свѣчку и нетвердыми шагами направился къ себѣ наверхъ, откуда вскорѣ послышалось его богатырское храпѣніе на весь домъ.

VI.

Долга и уныла зимняя ночь—тянется, тянется, и не дождешься разсвѣта. Избави Богъ, кому не спится въ такія ночи! За окномъ черно; стекла замерзли; проходитъ часъ, другой, третій, а черно по прежнему, точно само время остановилось и надежда на желанный разсвѣтъ переходитъ въ досаду.

Ѳеня уже давно лежала въ постели и старалась заснуть. Зажмуривъ глаза, она читала молитвы, но неотвязная мысль не давала покоя, а взволнованная кровь все стучала въ виски... Вода по-прежнему

мѣрно капала изъ рукомойника, да гдѣ-то вдалекѣ за окномъ лаяла чужая собака. Свѣтъ лампадки мягко пронизывалъ ночной мракъ, и отовсюду изъ этой полумглы на Ѳеню глядѣли ласковые глаза Аѳанасія Львовича, вездѣ чувствовалось его присутствіе, слышался вкрадчивый голосъ: «Ѣдешь со мною?» «Будешь меня любить?»

Ѳеня мяла подушку, которая жгла ей щеки и голову, и пересохшими губами порывисто шептала: «Господи! Господи! Что же это!...» Ее всю охватило новое властное чувство, сладкое и мучительное; оно перепутало ея мысли. Монастырь, съ его тишиной и покоемъ, вставалъ иногда передъ нею, какъ блѣдный призракъ, но сейчасъ-же проносилась внезапная мысль: что тамъ?.. Здѣсь сиротство и тамъ будетъ сиротство; а вотъ Аѳанасій Львовичъ зоветъ на жизнь, на свободу, на любовь,— и призракъ угасалъ и терялся... Да такъ ли? Ужъ не шутилъ ли онъ?.. Нѣтъ! Онъ не станетъ шутить! Онъ добрый, хорошій... Она силилась не думать, забыть, старалась прогнать отъ себя назойливыя мысли.

Взволнованная и измученная, Ѳеня зажгла свѣчу и сѣла на постель, сдавивъ руками виски. Вотъ и кольцо съ бирюзой, которое онъ велѣлъ надѣть и носить... Ѳеня надѣла его, поглядѣла, подумала и хотѣла было поцѣловать его, но сейчасъ же сняла и положила на столъ; потомъ спрятала подъ подушку, но опять достала и положила на прежнее мѣсто.

Занавѣска неплотно закрывала окошко и Ѳеня заглядѣлась на край замороженнаго стекла, въ которомъ красными искрами отражался огонь свѣчи, дробясь и сверкая.

«Какъ, должно быть, морозно теперь на дворѣ!»—подумалось Ѳенѣ, и сейчасъ же вспомнилось, что гдѣ-то «тамъ» теперь цвѣты цвѣтутъ... «Такъ что же, что цвѣты цвѣтутъ? На что мнѣ цвѣты? На что мнѣ виноградъ?»... Но чѣмъ старательнѣе она загораживала руками лицо и уши, чтобы не видѣть, не слышать, не думать, тѣмъ яснѣе слышался ей голосъ: ѣдешь со мною? Будешь меня любить?.. И ей казалось, что жизнь ея мѣняется въ эти минуты: позади остается мракъ и холодъ, и униженіе, а впереди блистаетъ радость и воля. Что же дѣлать теперь?.. Ужъ не пойти ли сейчасъ и не сказать ли ему: да, я поѣду, я буду вашей служанкой, вашей рабой!..

Ѳеня встала и взялась было за платье, чтобы надѣть и идти, но руки ея опустились, и она снова спрашивала себя: Что же дѣлать? Что дѣлать!

Она рѣшалась и колебалась, взглядывала съ вѣрой и молитвой на икону, и наконецъ бросилась ничкомъ на постель, спрятала лицо въ подушки и зарыдала отъ тоски и отчаянія. Ей становилось ясно, что Аѳанасій Львовичъ былъ единственнымъ дорогимъ человѣкомъ, котораго она любила, давно любила...

Между тѣмъ за окномъ, загороженномъ ставнями, забрезжилъ разсвѣтъ. Гнусавый крикъ пѣтуха раздался подъ самымъ окошкомъ. Ѳеня вздрогнула и, озираясь, соскочила съ постели.

«Боже мой!., Неужто утро?!..

Растерянная, она остановилась среди комнаты, прислушиваясь къ чему-то, и точно въ отвѣтъ ей, загудѣлъ колоколъ...

«Все равно! Будь, что будетъ!» шептала она сама себѣ и начала поспѣшно одѣваться.

«Побѣгу скорѣй въ церковь... Помолюсь Богу... Пускай Господь благословитъ и... уѣду! уѣду!..»

Руки ея тряслись. Она торопилась. Накинувъ на плечи шубу и накрывшись платкомъ, Ѳеня задула свѣчу и, перекрестившись, не помня себя, выбѣжала за дверь.

— Куда? Куда? закричала Емельяниха, сходившая со свѣчей по лѣстницѣ.—Куда подрала ни свѣтъ, ни заря!..

Ѳеня вздрогнула и остановилась, но подумала сейчасъ же: «А... все равно!» и, махнувши рукой въ отвѣтъ Емельянихѣ, выбѣжала на дворъ, хлопнула калиткой и скрылась за заборомъ.

Емельяниха изумилась. Чтобы дѣвчонка осмѣлилась не отвѣчать да махать рукой, точно на собаку, да раннимъ утромъ убѣгать изъ дому, неизвѣстно куда,—этого она уже никакъ не могла ожидать. Даже губы у нея задрожали отъ злости. Что это значитъ? На дѣвкѣ лица нѣтъ! Бѣжитъ какъ полоумная, и куда? Куда въ этакое время можно бѣжать? И даже калитку не затворила... Ахъ, ты мрась этакая! Скромница окаянная!.. Вотъ ты какая! Вотъ какъ ты постничаешь, да кислыя рожи строишь!.. Ну, ладно же! Погоди, вернешься... мы съ тобой потолкуемъ!

Прошло не болѣе получаса, и Ѳеня вернулась. Настроеніе ея было тихое, почти торжественное. Встрѣтившись съ бабушкой, она даже улыбнулась и молча прошла къ себѣ въ комнату, но не успѣла и затворить двери, какъ на порогѣ уже стояла Емельяниха, подпершись руками бока.

— Далеко ли гулять изволили?—послышался рѣзкій, дребезжащій голосъ, и старуха медленно подошла къ Ѳенѣ.

Та сидѣла на постели и спокойно глядѣла на Емельяниху, не боясь ни гнѣва ея, ни перекошеннаго злобой лица.

— По своимъ дѣламъ ходила,—отвѣтила Ѳеня.

— По дѣламъ?—переспросила старуха.—По дѣламъ?—зашипѣла она.—По своимъ дѣламъ?

Она подняла руку и со всего размаха ударила Ѳеню по лицу. Та вскрикнула и откинулась къ стѣнѣ.

— Вотъ тебѣ за твои дѣла! Вотъ тебѣ за дѣла!—и Емельяниха, нагнувшись надъ нею, поймала ея голову и крѣпко вцѣпилась въ волосы.

Ѳеня молчала.

Емельяниха опустила руки и отошла на шагъ отъ постели, продолжая ворчать и сверкать глазами.

Ѳеня тяжело дышала, но глядѣла спокойно, почти весело.

— Бабушка,—проговорила она,—за что вы меня обижаете? Что я вамъ сдѣлала?

Емельяниха въ первую минуту не нашлась даже, что сказать,— до такой степени озадачилъ ее простой и незлобивый тонъ, но она понимала, что отвѣтить все-таки надо и, ничего пока не придумавъ, начала браниться.

— На своей груди тебя, змѣю, отогрѣла, а ты вотъ куда!.. Да какъ у тебя языкъ-то безсовѣстный на меня повернулся? Какъ глаза-то твои безстыжіе на меня смотрятъ? Тьфу!.. Ворона лупоглазая!

— Да что же я вамъ сдѣлала, бабушка?--снова спросила Ѳеня.

— Вотъ нешто этого не хватало, чтобъ ты со мной чего сдѣлала!— накинулась на нее Емельяниха.—Раннимъ-то утромъ, ни свѣтъ, ни заря, дѣвка бѣгомъ бѣжитъ, лица на ней нѣтъ... За ворота прямо, да и была такова! И спросить ее не смѣй, куда, молъ, матушка, торопитесь? Махнула рукой, точно на собаку какую, и убѣжала. Да что жъ я тебѣ послѣ этого?! Кто я такое? Собаченка я тебѣ, что ли, досталась?.. Или ужъ я не хозяйка стала своему дому?.. Или ужъ мнѣ и взыскать ни съ кого нельзя?..

Въ это время заскрипѣла дверь и въ комнату заглянулъ Максимка.

— Ты куда, чучело?!—топнула на него Емельяниха, но онъ, не смущаясь, вошелъ и проговорилъ.

— Письмо привезъ. Очень скоро нужно.

Протянувъ пакетъ, онъ добавилъ:

— Велѣлъ будить.

— Кто велѣлъ?

— А кто писалъ.

Важность письма, о которомъ говорилось въ домѣ цѣлыя сутки, сразу охладила пылъ Емельянихи. Она бережно взяла пакетъ, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и проговорила тихо.

— Пойду постучусь... А ты чего жъ, дурень, стоишь разиня ротъ!— крикнула она сейчасъ же на Максимку.—Или не знаешь, что сапоги не чищены? А ты, сударыня,—обратилась она къ Ѳенѣ,—не меня ль дожидаешься, чтобъ я тебѣ самоваръ поставила? Ахъ, вы, ироды этакіе! Вѣчно за вами гляди, да ходи, ничего сами не знаете. Пошелъ вонъ, дуракъ!

Она выпихнула Максимку, и все еще ворча, понесла наверхъ письмо.

Ѳеня думала: «Все равно!.. Много я терпѣла, на послѣдкахъ ужъ можно еще потерпѣть». На душѣ у нея было мирно и только сейчасъ, когда она увидала Максимку, ей стало неловко и стыдно, что его-то она и забыла... Какъ онъ останется безъ нея? Что будетъ дѣлать?.. Но сейчасъ же она вспомнила, что Аѳанасій Львовичъ проснется, захочетъ чаю, а самоваръ не поставленъ...

Она улыбнулась, сама не зная чему, и весело побѣжала на кухню.

Максимка сидѣлъ уже тамъ. Возлѣ него лежали вычищенные сапоги, а самъ онъ держалъ на колѣняхъ самоваръ и теръ его тряпкой такъ усердно и сердито, что казалось, не будь самоваръ мѣднымъ, онъ давно протеръ бы ему бока. Увидавъ Ѳеню, Максимка, противъ обыкновенія, не улыбнулся и не сказалъ ни слова.

— Будетъ, Максимъ, тереть,—проговорила Ѳеня.—Давай скорѣй, нужно поставить.

Она взяла самоваръ, налила воды и, насыпавъ углей, развела огонь.

— Небось, усталъ въ дорогѣ?—спрашивала Ѳеня, гремя трубою — Ночь-то не спалъ?

— Я сердитъ,—мрачно отвѣтилъ Максимка.

— На кого?

Онъ махнулъ рукою по направленію къ горницѣ.

— На бабушку, что ли?.. Чего-жъ сердиться?

— А зачѣмъ она тебя все ругаетъ?

— Ну, Максимъ, не надолго... Побранитъ, да и перестанетъ.

Ѳеня подошла къ нему и, улыбаясь, положила ему на плечо руку.

— Знаешь, Максимъ?.. Я вѣдь скоро уѣду отъ васъ.

Тотъ встрепенулся и съ недовѣріемъ поглядѣлъ на Ѳеню.

— Вѣрно, Максимъ. Далеко уѣду... очень далеко!.. Ну, да хорошо, я тебѣ все разскажу, а сейчасъ побѣгу, столъ накрою.

И оставивъ Максима въ страхѣ и недоумѣніи, она схватила сапоги, повернулась и убѣжала.

VII.

Кургановъ проснулся съ больной головой. Письмо, которое ему подали, онъ прочиталъ и не понялъ. Потомъ онъ выпилъ воды, умылся и опять прочиталъ. Дѣло было серьезное. Онъ задумался и подошелъ къ столу, чтобы достать бумажникъ изъ ящика, куда онъ запиралъ его каждый разъ на ночь, а ключи хранилъ подъ подушкой. Но въ ящикѣ бумажника не нашлось. «Что за чортъ!» удивился Кургановъ и поспѣшно схватилъ сюртукъ, но и въ карманахъ не было ничего, кромѣ платка, цвѣтныхъ тесемокъ отъ выигрышей и, тоже выигранной, пачки шпилекъ. Начиная безпокоиться, онъ поднялъ подушки и подъ ними нашелъ портсигаръ; потомъ вернулся къ столу, перешарилъ всѣ ящики, перебралъ всѣ бумаги, расшвырялъ подушки, одѣяло, осмотрѣлъ всю одежду, поглядѣлъ подъ кровать, подъ диванъ, но бумажника не было. «Что такое?» тревожился Аѳанасій Львовичъ. «Куда онъ могъ дѣваться?»...

Начиная припоминать, онъ волновался все болѣе и болѣе. Онъ уже вспомнилъ, что тамъ лежало полторы тысячи рублей, которые онъ получилъ изъ банка; были еще переводы и четыре векселя на пять тысячъ, да карманныхъ денегъ рублей двѣсти, или триста. Голова его

сразу перестала болѣть и мысли прояснились. Въ смущеніи онъ нѣсколько минутъ шагалъ по комнатѣ, не зная, за что приняться; наконецъ, сошелъ внизъ и обыскалъ шубу.

— Емельяновна,—сказалъ онъ, встрѣчаясь съ старухой,—взойди на минутку, нужно поговорить.

Онъ вернулся къ себѣ, а слѣдомъ за нимъ вошла Емельяниха.

— Что прикажешь, Аѳанасій Львовичъ?

— Бѣда стряслась,—проговорилъ Кургановъ.

— Что такое?

— Бумажника не найду.

— Какъ бумажника?—изумилась та.

— Съ деньгами, съ переводами... Тысячъ на семь тамъ было.

— Господи Іисусе Христе!—въ страхѣ перекрестилась Емельяниха.—Да какъ же ты это, батюшка?

Кургановъ пожалъ плечами.

— Не знаю. Пьянъ вчера былъ.

Старуха качала головой, вздыхала и охала.

— Что жъ это такое! Да ты бы хоть поискалъ, Аѳанасій Львовичъ, нѣтъ ли гдѣ по одежѣ, или куда не сунулъ ли въ столъ, или, можетъ, гдѣ обронилъ за постелью?

Волнуясь не меньше Курганова, Емельяниха встала на колѣни и подползла подъ кровать.

— Ахъ, ты грѣхъ какой!—вздыхала она.—Какъ же это такое!

— Пробѣги-ка на дворъ, погляди, нѣтъ ли гдѣ на снѣгу, или по корридору. За находку не поскуплюсь.

— Да что ты, Господь съ тобой! Я и задаромъ тебѣ весь дворъ исползаю. Какъ это такъ, чтобы пропало! Твое добро пуще собственнаго! Ужъ коли только у насъ обронилъ, отыщемъ, не безпокойся. Чужихъ у насъ не бываетъ ни въ домѣ, ни на дворѣ...

Она вдругъ запнулась и замолчала.

«А Ѳенька-то проклятая бѣгала утромъ? Калитку-то не запирала, анаѳема?»—вспомнилось Емельянихѣ, и она такъ смутилась, что Кургановъ замѣтилъ.

— Что такое?

— Да ничего, батюшка!.. Вспомнила тутъ некстати... Побѣгу сейчасъ, поищу поскорѣй...

Она ушла, а Кургановъ снова зашагалъ по комнатѣ, вспоминая вчерашнюю ночь и придумывая возможность потери. Гдѣ это могло случиться? Въ пассажѣ во время гулянья, или въ трактирѣ, или здѣсь, на дворѣ?.. Онъ пожималъ плечами и ничего не могъ вспомнить. Однако разстаться съ такою крупною суммой ему не хотѣлось. Главное, были векселя... «Ну, денегъ-то, конечно, ужъ не воротишь, думалъ онъ,—а вотъ съ векселями какъ быть?.. Придется заявить полиціи... Иначе ни векселей вторыхъ не подпишутъ, ни переводовъ не выдадутъ»...

«А все это пьянство проклятое!..—негодовалъ на себя Кургановъ.—Поди-ка, вспомни теперь, гдѣ кого видѣлъ, съ кѣмъ говорилъ!..»

Всевозможныя мысли, догадки и воспоминанія вихремъ крутились въ его головѣ. На мгновеніе ему вспомнилась Ѳеня... Онъ даже остановился и почувствовалъ, что краснѣетъ... «Нѣтъ, это не то»!—сказалъ онъ себѣ. «Гдѣ же бумажникъ? Гдѣ я его потерялъ и какъ теперь быть съ векселями?..» Однако Ѳеня вспомнилась еще разъ; вспомнилась и ея комната, пьяная болтовня, поцѣлуи...

«Свинство!» — обругалъ самъ себя Кургановъ. «Скотство! Безобразіе!..» Ему дѣлалось стыдно, и въ то же время мысль о бумажникѣ тревожила его все сильнѣе и сильнѣе.

— Ѳеня!—закричалъ онъ, выходя за дверь.—Ѳеня!..

— Сейчасъ!—отвѣтилъ ему изъ низу голосъ Максимки, а затѣмъ послышался шелестъ платья и быстрые легкіе шаги.

Кургановъ вернулся въ комнату, чувствуя себя нехорошо и неловко, но дверь уже отворилась и на порогѣ стояла Ѳеня. Онъ поднялъ голову и взглянулъ. Какъ онъ ни былъ разстроенъ, какъ ни былъ занятъ мыслью о пропавшихъ деньгахъ, но, взглянувъ на Ѳеню, прежде всего подумалъ: «Что съ нею?»...

Лицо ея было строго и блѣдно, глаза глядѣли въ упоръ, точно ждали чего-то, спрашивали, умоляли... Кургановъ отвернулся и нерѣшительно проговорилъ.

— Войди, Ѳеня. Затвори дверь.

Та затворила дверь и молча ожидала вопроса, готовая по первому слову кинуться на колѣни, цѣловать и обливать слезами протянутую руку, но Кургановъ, вмѣсто привѣтствія, смущаясь и отвертываясь, спросилъ:

— Ѳеня... ты не видала... бумажника?

Глаза ея сразу потускнѣли. Она такъ же прямо глядѣла на Курганова, такъ же ждала отъ него чего-то, но уже блескъ и надежда и радость погасли.

— Я говорю, не видала бумажника?.. Вчера я потерялъ гдѣ-то бумажникъ... Не у тебя забылъ?

Ѳеня закусила губу и молча потрясла головой.

— Я не шучу, Ѳеня... Тамъ было семь тысячъ!..

— Семь тысячъ...—повторила Ѳеня, точно сквозь сонъ, и руки ея опустились.

— Да, семь тысячъ. Векселя были, деньги, бумаги разныя были... Ты не видала?

Она снова покачала головой и отвѣтила.

— Нѣтъ, не видала.

— А я тебѣ не даривъ его?.. Спьяну-то не припомнишь...

— Вотъ вы что подарили,—тихо сказала Ѳеня, начиная дрожать, и снимая съ пальца кольцо. Зубы ея стучали, губы дергались во всѣ стороны.

— Вотъ...—проговорила она.—Вотъ... возьмите!

Она хотѣла положить кольцо на столъ, но уронила. Хотѣла было поднять его, но у нея потемнѣло въ глазахъ. Хотѣла сказать что-то, и не могла. Она зашаталась и побѣжала внизъ, сама не понимая, что съ нею дѣлается.

Максимка въ это время сидѣлъ въ одиночествѣ въ кухнѣ и весело соображалъ, насколько онъ будетъ богатъ, если Курановъ отдастъ ему обѣщанные десять рублей за работу. Вдругъ отворилась дверь и Максимка въ удивленіи вскочилъ съ мѣста. Ѳеня съ крикомъ и рыданіями бросилась прямо на него, обхватила руками его шею и повисла, точно мѣшокъ.

— Максимушка! Максимушка!—рыдала она, дрожа и пряча на его груди свою голову.—Максимушка!.. Я пропала!..

Ея рыданія совсѣмъ ошеломили его. Онъ глядѣлъ на Ѳеню и чувствовалъ, какъ гдѣ-то глубоко внутри его, тамъ, гдѣ онъ предполагалъ свою душу, совершается что-то необыкновенное, страшное и таинственное.

— Какая я... какая несчастная!.. Максимушка, какая... Максимушка, пожалѣй меня!.. Какая я... какая несчастная!..

Между тѣмъ наверху, въ комнатѣ Аѳанасія Львовича, кричали еще шибче, чѣмъ здѣсь. Емельяниха, взволнованная и оробѣвшая, доказывала, что бумажникъ въ ея домѣ потеряться не могъ, что она исползала всѣ мышиныя норки, но ничего не нашла, и что ей очень обидно, почему Аѳанасій Львовичъ не вѣритъ, а Степанида Егоровна, вышедшая на крикъ изъ своей комнаты, горячо упрекала Курганова въ легкомысліи и нападала на него тоже съ крикомъ.

— Вольно же вамъ по чужимъ спальнямъ таскаться! Гдѣ ночевали, съ тѣхъ и спрашивайте... да! съ тѣхъ и спрашивайте!

— Вы про что это такое!—разсердился Курановъ.

— А про то, что нечего на меня кричать!—дерзко отвѣтила Степанида.—Сами виноваты! такъ вамъ и надобно! Жалко, что еще мало...

— Да перестаньте вы, Степанида Егоровна!—кричалъ Курановъ.

— Всѣ ваши гадости мнѣ хорошо извѣстны, Аѳанасій Львовичъ! Очень хорошо извѣстны!

— Да перестаньте же, чортъ возьми!

— Нечего черкаться! Никто не виноватъ въ этомъ. Спросите-ка лучше бабушку, она все разскажетъ...

— Чего я стану разсказывать?—испугалась Емельяниха.—Сама ничего не знаю, чего тутъ разсказывать!.. А тебѣ, Степанида Егоровна, стыдно и даже грѣшно!

— Ничего не грѣшно! А вы спросите ее, спросите!—обратилась она къ Курганову.

Тотъ насторожился и внимательно взглянулъ на старуху.

— Говори, Емельяновна. Я не шучу. Семь тысячъ не пустяки, и

на вѣтеръ бросать я ихъ не намѣренъ. Лучше разсказывай, а не то,— церемониться не стану!

— Да есть на тебѣ крестъ-то, Аѳанасій Львовичъ?—растерялась совсѣмъ Емельяниха.—Что такое я видѣла? Ничего не видала и на душу грѣха не хочу брать. Только сроду у меня такихъ дѣловъ не бывало и ужъ ты меня, ради Бога, не путай. А тебѣ, матушка,—обратилась она къ Степанидѣ,—стыдно!

— Ну, ужъ это, бабушка, нѣтъ!—горячо возразила та.—Нисколько не стыдно. За живое затронетъ, такъ ничего не стыдно!

— Да замолчите вы!—топнулъ на нихъ Кургановъ.—Кричите да ссоритесь только. Я ничего не хочу знать, а вотъ если бумажникъ вы мнѣ не найдете, я заявлю полиціи.

— Такъ откуда жъ я тебѣ возьму твой бумажникъ?—разсердилась, въ свою очередь, Емельяниха. Ишь ты, дѣло какое: посѣялъ нивѣсть гдѣ, а тутъ за тебя отвѣчай!

Аѳанасій Львовичъ топнулъ и мигомъ выпроводилъ изъ комнаты обѣихъ хозяекъ, а самъ надѣлъ шубу и уѣхалъ. Проходя дворомъ, онъ увидѣлъ, что Досъ, лохматая Максимкина собака, повернула къ сѣнямъ морду и, зажмуривъ глаза, воетъ тонкимъ пронзительнымъ голосомъ...

«Ну,—подумалъ Кургановъ,—пошла теперь суматоха!» и, кликнувъ извозчика, велѣлъ везти къ исправнику, котораго считалъ своимъ добрымъ знакомымъ, и надѣялся на его скорую и энергичную помощь.

Не прошло и часа, какъ у воротъ кто-то громко и нетерпѣливо зазвонилъ разъ за разомъ. Максимка бросился отпирать, распахнулъ калитку и даже отшатнулся отъ внезапнаго испуга. Передъ нимъ стоялъ полицейскій съ крутыми рыжими усами... А полицейскихъ ни Максимка, ни его вѣрный Досъ не могли равнодушно видѣть.

— Дома хозяйка?

— Дома, дома,—поспѣшилъ отвѣтить Максимъ, пятясь къ забору, между тѣмъ какъ Досъ, ощетиня шерсть и поджавши хвостъ, прыгалъ и неистово лаялъ на вошедшаго.

Полицейскій молча и важно прошелъ прямо въ горницу, пробылъ тамъ минутъ десять и, когда возвращался и его провожала Степанида Егоровна, то, идя, онъ повторялъ все время съ видимымъ наслажденіемъ:

— Двадцать четыре часа!.. Дѣло ярмарочное!.. Двадцать четыре часа!..

Произносилъ онъ это какимъ-то особеннымъ тономъ, словно торжествовалъ, и голосъ его отзывался болью въ смущенномъ сердцѣ Максимки.

Когда же, заперевъ за гостемъ ворота, Максимка вернулся въ кухню, то увидѣлъ, что Ѳеня неподвижно сидитъ на скамейкѣ съ сложенными на колѣняхъ руками. Она была очень блѣдна и задумчива. Онъ подошелъ къ ней и молча сѣлъ рядомъ.

— Что ты, Максимъ, какой страшный?—сказала Ѳеня тихо и спокойно, вглядываясь въ его смуглое сердитое лицо.—Нужно терпѣть, Максимушка... На томъ свѣтѣ намъ все воздастся... Преподобная Ѳеодора больше нашего притерпѣла... и чужую вину на себя взяла... Помнишь, я читала тебѣ, Максимушка?

Голосъ ея былъ необыкновенно ласковъ и ровенъ, а глаза были ясные, свѣтлые. Она медленно вздохнула и, глядя куда-то вдаль, промолвила:

— Богъ съ нимъ, съ Аѳанасіемъ Львовичемъ! Обидѣлъ онъ меня... очень обидѣлъ...

И изъ глазъ ея заструились тихія слезы.

— Грѣхъ ему... грѣхъ ему! —повторяла Ѳеня.

— Теперь мнѣ одна дорога—въ монастырь... Вспоминай меня, Максимушка... Вспоминай... А я все притерплю... все... И ты терпи.

Максимка слушалъ и молчалъ, а между тѣмъ сердце его болѣло сжималось и стонало, какъ никогда. Онъ чувствовалъ, что внутри у него что-то растетъ все больше и шире, растетъ и распираетъ ему всю грудь и все горло, такъ что дышать становится трудно.

— Вотъ я ему... Ладно!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Погоди ужо!

И Максимка, погрозивъ кулакомъ, тряхнулъ головою.

— Ладно!..

— Что ты! Что ты, Максимъ!—испугалась Ѳеня, схватывая обѣими руками его кулакъ.

Максимка сверкнулъ глазами и вскочилъ съ скамейки.

— Зарѣжу! Больше ничего!

Но видя, что Ѳеня укоризненно качаетъ головой, онъ смутился.

— Какъ тебѣ не стыдно, Максимъ?—сказала она.—Рехнулся ты, что ли?.. Ахъ, Максимъ, Максимъ!.. Видно, мнѣ и съ тобой нельзя... и тебѣ нельзя душу открыть...

Она махнула рукой и ушла.

VIII.

Ярмарка давно уже затихла, и усталый народъ либо отдыхалъ, либо веселился, позабывъ дневныя заботы, и никто, конечно, не зналъ, что есть одинъ человѣкъ, который сидитъ въ это время на дворѣ на бревнышкѣ и, не поднимая головы, думаетъ горькую думу. Медленно сосетъ его сердце какая-то невидимая змѣя, и никакъ не можетъ Максимка понять, что такое случилось.

А случилась такая напасть, что у Максимки заледенѣла вся кровь.

Сначала пришла къ нему Ѳеня и упрекнула, зачѣмъ онъ такъ напугалъ ее; потомъ она заставила поклясться его передъ иконой, что не тронетъ Курганова; и Максимка поклялся.

— Не трону его, не зарѣжу, — обѣщалъ онъ Ѳенѣ, крестясь на образъ.—Вотъ-те Микола-богъ,—не трону!

И говоря это, Максимка думалъ: «Ну, теперь не трону. Ужъ вѣрно, не трону»...

Послѣ этого какъ разъ и случилась бѣда. Приходилъ опять полицейскій съ рыжими усами, потребовалъ Ѳеню, и все время называлъ ее «сахаромъ».

— Ты куда же, сахаръ, бѣгала по утру?.. Откуда у тебя, сахаръ, колечко явилось?—спрашивалъ онъ, улыбаясь, а потомъ велѣлъ ей надѣть шубу и увелъ неизвѣстно куда.

Отъ одного его вида, отъ голоса, какимъ онъ говорилъ «сахаръ», у Максимки подгибались колѣна. Ѳеня тоже тряслась и просила позвать самого Аѳанасія Львовича.

— Какъ же ему не грѣхъ меня обижать! — говорила она, а полицейскій, улыбаясь, ей отвѣчалъ.

— До всего, сахаръ, дойдемъ! Дѣло ярмарочное: въ двадцать четыре часа все отыщемъ!..

Если бы Ѳеню уволокъ въ лѣсъ медвѣдь, или она упала бы въ Волгу, или загорѣлся бы со всѣхъ сторонъ домъ—Максимка могъ бы тогда показать свою силу, но теперь, когда случилось самое страшное дѣло и Ѳеню увелъ полицейскій, Максимкѣ нечего было дѣлать; и вотъ онъ сѣлъ на бревно и сидитъ, и видитъ только одно, что безсиленъ.

Мало-по-малу оцѣпенѣніе его начало проходить; но чѣмъ яснѣе становились мысли, тѣмъ больнѣе дѣлалось на душѣ.

— А... погубилъ!?—думалось ему про Курганова. И сознаніе, что Курановъ погубилъ Ѳеню внезапно озлобило его такъ, что онъ вскочилъ и, ударивъ изъ всей силы кулакомъ по бревну, прошипѣлъ сквозь зубы:

— Коштанъ!! *).

Курановъ, котораго онъ такъ недавно уважалъ и любилъ за лихія продѣлки, за пляску, за брань, за умѣнье пьянствовать цѣлую ночь напролетъ, теперь былъ ему ненавистенъ, какъ самый лютый врагъ, и Максимка, снова сжавъ кулаки, проговорилъ:

— Тибь болдыръ!.. **).

Хотя онъ всегда говорилъ и думалъ по-русски, но когда доходило до злобы (а въ злобѣ Максимка уже не помнилъ себя), то бранился по своему, по-чувашски.

Прислушиваясь къ вою Доса, Максимка приходилъ въ ужасъ и суевѣрно убѣждался все болѣе и болѣе, что Ѳеня погибла, и еще сильнѣе въ немъ закипала ненависть къ Курганову, къ этому злодѣю и міроѣду, передъ которымъ даже Емельяниха теперь казалась ангеломъ... Въ волненіи и страхѣ онъ вышелъ на улицу, самъ не зная, зачѣмъ.

---

*) Міроѣдъ.

**) Стинь! Провались!

И пошелъ, не зная зачѣмъ и куда идетъ, и опомнился только, когда вернулся домой, обогнувъ весь городъ.

Въ домѣ все было тихо. Максимка одинъ бродилъ по двору, не находя мѣста, куда дѣваться; голову его палило точно огнемъ, передъ глазами кружились красныя пятна.

Усталый и промерзшій, онъ вошелъ, въ свою каморку, гдѣ было тепло и, не снимая ни тулупа, ни шапки, сѣлъ на постель. Но что же ему теперь дѣлать?! Проклятый коштанъ не выходилъ изъ мыслей, а сердце стонало и злобилось все больше и больше.—«Погубилъ... погубилъ, Коштанъ!» говорило оно Максимкѣ, и Максимка снова поднялся и зашагалъ изъ угла въ уголъ большими, осторожными шагами, безъ шума, затаивъ дыханіе. Поминутно онъ останавливался и озирался. Глаза его дико блуждали, а скуластое смуглое лицо разгоралось румянцемъ. Какъ хотѣлось ему въ это время пробраться къ Курганову ночью и перерѣзать горло, чтобы зналъ, коштанъ, въ другой разъ—какъ обижать и смѣяться!

И онъ, позабывъ что крещеный, въ изступленіи сорвалъ съ головы шапку, поднялъ къ звѣздному небу руки и, дрожа и блѣднѣя воскликнулъ.

— Хаяръ-Кереметь!! *).

Онъ бросился ницъ на землю, зарыдалъ и застоналъ, произнося страшныя заклинанія.

— Злая Кереметь! Лихая Кереметь! Погуби врага! Умертви врага!

Глаза Максимки налились кровью и сверкали, какъ горячіе уголья.

Еще никто и никогда не видалъ въ такомъ видѣ Максимку. Въ немъ уже нельзя было бы и признать того послушнаго, безропотнаго парня, котораго били по щекамъ, кормили впроголодь и ругали на всякомъ шагу. Теперь онъ былъ бы страшенъ самой Емельянихѣ, да и самъ затрепеталъ бы передъ собою, если бъ увидалъ себя въ зеркалѣ.

«Погубилъ... погубилъ, коштанъ!!.»

Эта мысль не выходила изъ его головы и нанесенная обида, точно пламя, разливалась по всей крови.

Онъ представлялъ себѣ Ѳеню связанную веревками, безсильную, забитую, и нисколько не сомнѣвался, что она пропала теперь... совсѣмъ пропала.

Изъ его груди вылетали безсильные, дикіе звуки, похожіе на рычаніе...

IX.

На дворѣ было ясно, точно днемъ, хотя давно уже наступила ночь; лунный свѣтъ широкой мягкой волною проникалъ черезъ окно въ комнату

*) Самое свирѣпое божество, приносящее скорбь и бѣдствія, имя котораго небезопасно упоминать даже въ молитвѣ.

Максимки, и тамъ было также свѣтло. Максимка давно лежалъ, но глаза его были открыты.

Горькая обида не давала покоя. И сердце стучало и замирало, и было больно дышать.

Все, что было русскаго привито къ его душѣ, теперь отъ него отдалилось, и умерло, и онъ съ радостью чувствовалъ себя прежнимъ свободнымъ чувашиномъ, какимъ были его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. О, они были не глупѣе его! Они умѣли жить на свѣтѣ, а вотъ онъ—не умѣетъ... Его всю жизнь ругали, били и притѣсняли, а онъ молчалъ и терпѣлъ. Вотъ и сейчасъ: онъ не спитъ, страдаетъ, онъ обиженъ и разозленъ, а сдѣлать ничего не можетъ, потому что врагъ его силенъ. Силенъ и несокрушимъ, и не боится гнѣва Максимки, и даже домой не идетъ. Не идетъ домой, а попиваетъ себѣ вино, да поетъ, да хохочетъ...

Нѣтъ! Онъ не дастъ ему жить спокойно! Онъ ему покажетъ, что такое обида!..

Только какъ же онъ это сдѣлаетъ?.. Что съ нимъ дѣлать?!

Максимка проклиналъ свое обѣщаніе передъ Миколой-богомъ. Измѣнить ему онъ не могъ, и обиды забыть не могъ, и безсильная ярость заставляла его рычать и задыхаться.

«Ширъ-шаръ»... внезапно пронеслось въ его мысляхъ.

Максимка вскочилъ.

Вскочилъ и задумался...

Потомъ онъ сѣлъ на кровать, уперся въ нее кулаками и, неподвижно остановивъ глаза, медленно и зловѣще прошепталъ:

— Ширъ... шаръ!? *)

Лицо его стало строго и блѣдно; губы тряслись, и засверкавшіе глаза выражали злорадство и торжество побѣдителя.

Пускай и онъ почувствуетъ, пускай перестанетъ спать! И ужъ не жить ему больше весело!..

И съ души у него точно свалился камень. Стало легко...

О, тогда уже ничѣмъ нельзя будетъ избавиться отъ Максимки! Его не прогонишь, не ударишь, не выживешь! Онъ станетъ всюду преслѣдовать врага, всюду мѣшать ему, пугать по ночамъ, отнимать у него всякую радость, отгонять сонъ и безъ устали мучить его душу, пока тому не опротивѣетъ Божій свѣтъ, пока не перестанетъ онъ пить и ѣсть, и не засохнетъ отъ горя и злобы... Нѣтъ, не задаромъ достанется ему гибель Максимки! Ему лихо придется, такъ лихо, такъ худо, какъ не можетъ быть хуже ни одному человѣку!

— А мнѣ что жъ!—разсуждалъ Максимка, и погубить себя казалось ему въ сущности такъ просто и такъ не важно, что обмѣнять

---

*) Сухая бѣда, т. е. непредвидѣнное и неодолимое несчастіе. «Тащить сухую бѣду»—это значитъ, что на зло своему заклятому врагу нужно повѣситься у него во владѣніи, чтобы заставить его мучиться всю жизнь.

свою жизнь на долгую и мучительную гибель врага было только побѣдой! Вѣдь съ проклятымъ коштаномъ ничего иначе не сдѣлаешь: онъ все будетъ смѣяться да пировать—а тутъ...

И Максимка опять засмѣялся.

А тутъ... онъ будетъ его попрекать своей смертью, душить страшными сновидѣніями, становиться вездѣ поперекъ дороги, путать мысли, отравлять веселье... О, тогда уже больше не запоетъ, коштанъ!.. Выплачетъ онъ свои глаза, изорветъ свои волосы, изсохнетъ, завянетъ и умретъ, хуже всякой собаки, съ проклятіемъ и злобой на самого себя!..

Максимка весь дрожалъ. И злоба, и радость побѣды, и накопившееся за много лѣтъ горе, и ненависть—все слышалось, все изливалось въ этихъ звукахъ. Максимкѣ было даже весело, и нисколько не было страшно. Его радовало и то, что ночь стояла лунная: свѣчку съ собой не для чего было нести, а въ мягкихъ валенкахъ онъ съумѣетъ пробраться такъ осторожно, что никто не разслышитъ. Отъ нетерпѣнія и близкаго торжества у него захватывало духъ. Да, теперь уже онъ (онъ, а не Кургановъ!) будетъ хозяиномъ, и это будетъ скоро, очень скоро... будетъ сейчасъ!..

Максимка всталъ. Выйдя на дворъ, онъ уже не слыхалъ, какъ хрустѣлъ подъ его ногами снѣгъ, не замѣчалъ ни луны, ни звѣздъ на небѣ, ни лохматаго Доса, съ визгомъ и радостью бросившагося къ нему отъ воротъ. Одна только мысль наполняла его всего. Съ этою мыслью онъ перешелъ весь дворъ, отворилъ сарай и нащупалъ въ потьмахъ веревку. Онъ схватилъ ее дрожащими руками и наскоро засунулъ за пазуху, чтобы согрѣть. Потомъ, не торопясь, направился къ дому и рѣшительнымъ движеніемъ руки отворилъ и захлопнулъ за собою дверь, которая въ ожиданіи Курганова была не заперта.

Крадучись, онъ вскорѣ приблизился къ лѣстницѣ и, отсюда уже, не помня себя отъ нетерпѣнія, быстро зашагалъ вверхъ, оставляя валенками мокрые слѣды на порожкахъ.

Въ корридорѣ было темно. Максимка нагнулся, почти присѣлъ, чтобы безъ шума нащупать скобку и, нащупавъ, быстро распахнулъ дверь, вошелъ, и такъ же быстро и безъ шума затворилъ ее за собою.

Луна здѣсь глядѣла прямо въ окошко, и по полу распластались свѣтлыя широкія пятна, вперемежку съ тѣнями. Убѣдившись, что вокругъ тихо, и никто не идетъ, Максимка началъ осматриваться. Прежде всего онъ увидалъ письменный столъ у окна. Это было не то. Потомъ увидалъ постель. И это было не то. Въ углу бѣлѣла печка; между печкой и постелью еще что-то бѣлѣло... Максимка пристальнѣе вглядѣлся и понялъ: это висѣла крахмальная сорочка, зацѣпленная за гвоздь воротомъ. Стараясь не скрипѣть и не шумѣть, онъ осторожными шагами подошелъ къ сорочкѣ, задумался на секунду и быстро сдернулъ ее со стѣны.

Въ стѣнѣ торчалъ большой черный гвоздь, который Максимка самъ

вбивалъ въ прошломъ году для зеркала. Не спуская теперь съ него глазъ, онъ началъ шарить за пазухой и вытащилъ веревку. Вынувъ, онъ посмотрѣлъ на нее. Потомъ опять поглядѣлъ на гвоздь, и опять на веревку... Потомъ намоталъ веревку на гвоздь и завязалъ узломъ. Попробовалъ потянуть,—было крѣпко. Потомъ изъ веревки сдѣлалъ съ другого конца петлю, и снова попробовалъ руками. Было тоже прочно. Онъ задумался.

Думалъ Максимка не долго. Онъ повернулся лицомъ къ окну и молча погрозилъ кулакомъ, а черезъ минуту висѣлъ уже въ петлѣ.... Огненнымъ дождемъ посыпались искры передъ его глазами, вспыхнула радуга, какія-то теплыя волны, будто изъ густого масла, подняли его и понесли все выше и выше, быстрѣй и быстрѣй... А вотъ и Бѣлый Старецъ... но борода его красна, и одежда красна, и лицо его красно, точно все въ заревѣ... Вотъ и Ѳеня... тоже красная... огненная.... Она цѣлуетъ Максимку... на ней нѣтъ ни платья, ни сорочки... А вокругъ огонь и зарево, и музыка гремитъ со всѣхъ сторонъ, а маслянистыя теплыя волны все быстрѣй и все выше несутъ... и уносятъ во мракъ

. . . . . .

Степанида Егоровна проснулась. Кто-то громко и безпрестанно звонилъ у воротъ, видимо, сердился.

«Неужто опять полиція?—испугалась она.—Да чего жъ не отпираетъ дуракъ Максимка?»...

Но звонокъ не смолкалъ.

Тогда Степанида Егоровна встала, наскоро одѣлась и сама побѣжала къ воротамъ, тревожась и не понимая, отчего нѣтъ ни Максимки, ни Емельянихи.

Заслышавъ издали скрипъ шаговъ, Кургановъ закричалъ изъ за калитки.

— Что-жъ ты чортъ, оглохъ, что-ли!!..

Но калитка отворилась, и Аѳанасій Львовичъ изумился.

— Это вы?—проговорилъ онъ.—А гдѣ же Максимка? Я чуть не полчаса звоню.

Онъ вошелъ, самъ заперъ калитку и, слѣдуя за молчавшей хозяйкой, проговорилъ:

— Степанида Егоровна!.. Какъ я виноватъ передъ Ѳеней и передъ вами... Особенно передъ Ѳеней! Ужъ вы извините меня. По пьяному дѣлу, сами знаете, чего только ни случается.... Вѣдь бумажникъ-то мнѣ отыскали.

— Отыскали?—остановилась Степанида Егоровна.—Ну, и слава Богу!

— Арфистка проклятая вытащила... послѣ базара... Только васъ-то всѣхъ перессорилъ да огорчилъ понапрасну... Ей-Богу совѣстно! Ужъ вы простите, что такъ обидѣлъ.

— Ну, что за обида!—обрадовалась та.—Наше вѣдь женское горе

короткое, Аѳанасій Львовичъ: поцѣлуетъ милый человѣкъ—вотъ и все прошло!

Она засмѣялась и весело взбѣжала на лѣстницу. Кургановъ тоже засмѣялся и промолвилъ вдогонку.

— За этимъ дѣло не станетъ!

Войдя на верхъ, Степанида Егоровна остановилась возлѣ Кургановской двери; Афанасій Львовичъ тоже остановился.

— Хотите мириться? — спросилъ онъ съ улыбкой. — Завтра вѣдь уѣзжаю...

Та потупила голову.

— Ну?...—повторилъ Кургановъ.—Хотите?

Степанида Егоровна молча сбросила съ себя шубейку и положила ему на плечи руки.

— Конечно, хочу!!

И оба они разсмѣялись. Затѣмъ поцѣловались и, обнявшись, вмѣстѣ вошли въ комнату.

— Только чуръ: про Ѳеньку, чтобъ я не слыхала больше!

— И безъ того стыдно, Степанида Егоровна!—отвѣтилъ Кургановъ.— А все это пьянство проклятое!.. Вотъ и сейчасъ: цѣлую ночь съ сыщиками возился, но ужъ пьянъ я больше не буду.... Ни-ни! ни за что!..

Аѳанасій Львовичъ, смѣясь, нашарилъ въ карманѣ спички, зажегъ огонь, и—оба они вдругъ поблѣднѣли и вскрикнули....

Н. Телешовъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РОСКОШИ *).

I.

Введеніе.

Роскошь, какъ всякое общественное явленіе, имѣетъ свою исторію. Не считаться съ нею нельзя, потому что она является необходимою составною частью цивилизаціи. Она ясно выражена уже у дикарей, существовала на зарѣ человѣчества, во времена камня и бронзы, царила въ деспотическихъ государствахъ древней Азіи, въ Египтѣ, въ Греціи, куда финикіяне и персы перенесли богатства востока; македонское владычество придало ей смѣшанный эллино-египетскій характеръ въ Александріи. Республиканскій Римъ, а потомъ Римъ эпохи цезарей тонули въ роскоши. Феодальные средніе вѣка, въ свою очередь, не избавились отъ нея и само христіанство обновило ее въ образѣ католичества и византизма. Проповѣдь Магомета наполнила цѣлые вѣка расточительнымъ блескомъ халифовъ, повліявшимъ на всю Европу. Старыя военныя монархіи и торговыя республики, аристократія и демократія—всѣ подчинялись обаянію роскоши, испытывали ея серьезныя послѣдствія. Россія въ этомъ отношеніи очень любопытный примѣръ, какъ мы и постараемся показать въ будущемъ. Въ наше время роскошь стала соціальнымъ вопросомъ сложнымъ и запутаннымъ, тѣмъ болѣе сложнымъ, что трудно опредѣлить объемъ этого слова...

Какъ опредѣлить, что мы называемъ роскошью? По-русски въ прямомъ смыслѣ роскошь означаетъ трату, расходъ и производится отъ слова кошель (раскошеливаться). Однако, считать роскошью только то, что связано съ расходомъ, такъ же невѣрно, какъ видѣть красоту только въ томъ, что нравится глазамъ. По-французски роскошь — luxe, откуда—luxure, сладострастіе. Итальянскія слова lusso и lussuria имѣютъ тотъ же характеръ.

---

*) Главнымъ источникомъ для этой работы послужила книга H. Baudrillart'a. «Histoire du luxe privé et public depuis l'antiquité jusqu'à nos jours», 4 t. Paris, 1878, но попутно авторъ считалъ необходимымъ пользоваться для провѣрокъ и дополненій другими сочиненіями, на которые и будетъ ссылаться по мѣрѣ надобности.

Ясно, что нельзя разсматривать вопроса исключительно съ этой стороны. На нѣмецкомъ языкѣ въ значеніи роскоши употребляются два слова (кромѣ латинизма—Luxus) Pracht (prunken), блескъ, великолѣпіе, пышность и Überflusz, т. е. излишество. Это понятіе лучше другихъ выражаетъ сущность роскоши, хотя само по себѣ остается неопредѣленнымъ. Какъ установить границы между необходимымъ и лишнимъ? Гдѣ кончаются потребности законныя, присущія каждому, и гдѣ начинается прихоть? Человѣку невыносима неподвижность. Постоянно желая чего-то лучшаго, чего-то новаго, онъ стремится расширить поле своего дѣйствія, область своихъ ощущеній. Онъ созданъ для борьбы и для завоеваній, какъ въ самомъ себѣ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ. Чѣмъ болѣе развито существо, тѣмъ разнообразнѣе его потребности: у дикаря онѣ сложнѣе, чѣмъ у высшихъ животныхъ, а современный европеецъ въ этомъ отношеніи на много опередилъ дикаря. Потребности, кажущіяся сами по себѣ подчиненностью, рабствомъ, обогащая человѣка, становятся признакомъ превосходства. Появленію каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ новое побужденіе, новый толчокъ къ развитію. «Лишнее»—съ исторической точки зрѣнія—понятіе вполнѣ условное. То, что представилось бы чрезвычайной роскошью двѣсти лѣтъ назадъ, теперь стало вполнѣ обыденнымъ. У современнаго зажиточнаго ремесленника больше бѣлья, чѣмъ у королей XIV-го столѣтія; газовый рожокъ показался бы солнцемъ въ потемкахъ средневѣковой улицы. Съ перемѣной среды, въ зависимости отъ приспособленія общества къ условіямъ жизни, мѣняется и точка зрѣнія на роскошь. Minimum потребностей растетъ. Капризъ становится привычкой, исключеніе—общимъ правиломъ. Въ нашемъ климатѣ, въ нашей цивилизаціи жизнь настолько осложнилась, потребности такъ возросли, что «необходимое» часто нельзя отдѣлить отъ «лишняго»; и то и другое сплетается, смѣшивается, создавая то «необходимое излишество», которое мы называемъ комфортомъ...

Роскошь — результатъ самыхъ глубокихъ инстинктовъ человѣка. Если вдуматься какъ слѣдуетъ, то видишь, что религія, искусство, наука, наслажденіе и, быть можетъ, страданіе рядомъ неуловимыхъ переходовъ сливаются съ роскошью... Она похожа на громадную лѣстницу, которая однимъ концомъ упирается въ небо красоты и мысли, другимъ—уходитъ въ темную пропасть насилія и порока. Бальзакъ сказалъ: «Tous les excès sont frères. Le vice est un luxe» (Peau de Chagrin). Въ природѣ человѣка лежитъ врожденное стремленіе къ излишеству; во многихъ случаяхъ оно сильнѣе, чѣмъ желаніе удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ и является однею изъ самыхъ чувствительныхъ формъ эгоизма. Не происходитъ ли оно изъ той душевной пустоты, которая вызывается несоотвѣтствіемъ между нашими желаніями и ихъ удовлетвореніемъ? Не эту ли пустоту Шопенгауеръ называлъ «страданіемъ воли»? Помимо чистаго эгоизма: гор-

достч, тщеславія, чувственности, помимо художественныхъ наклонностей, источникомъ роскоши необходимо считать загадочное стремленіе человѣка къ тому, чтобы выйти изъ границъ, потерять чувство мѣры. Какъ нравы, такъ и искусство испытывали вліяніе этого *духа излишества*; и въ жизни, и въ мірѣ воображаемой красоты роскошь совершала свои чудеса и преступленія. Попробуемъ разсмотрѣть ея нравственные элементы.

Въ большинствѣ случаевъ роскошь объясняется самолюбивымъ желаніемъ *казаться* выше другихъ, тѣмъ, свойственнымъ человѣку, чувствомъ неравенства, которое заставляетъ его бороться для личнаго счастія и выдѣляться изъ толпы. Богатство—самый простой выразитель этого желанія: оно всегда вызывало и питало роскошь, которая, въ свою очередь, часто служила ему вывѣской. Тщеславная роскошь прежде всего стремится удивить: размѣромъ, рѣдкостью, блескомъ. Сэй опредѣляетъ роскошь, какъ «употребленіе рѣдкихъ и дорогихъ вещей». Но это не точно: тщеславіе иногда ярче выражается въ какой-нибудь дешевой, показной вещи, чѣмъ въ цѣнномъ произведеніи. Намъ слишкомъ хорошо извѣстна та роскошь, которую, по примѣру Некрасова, можно назвать «убогой»...

Люди всегда подчинялись обаянію чувствъ. Блескъ и великолѣпіе являются необходимымъ элементомъ народныхъ обрядовъ и забавъ. Не только походы, празднества, пиры, но и всякая религія нуждается въ обстановкѣ. Нѣтъ вѣры безъ культа; нѣтъ культа безъ торжественной декораціи. Какъ бы духовна ни была религія, она не можетъ сдѣлаться отвлеченной философіей, она обязана дѣйствовать на воображеніе, на чувства. Религіозная роскошь въ связи съ преданіями и символикой имѣетъ громадное вліяніе на толпу, такъ же, какъ военная роскошь—на солдатъ, такъ же какъ мода—на общество. Исторія костюма, прически, этикета, всѣхъ живописныхъ причудъ и церемоній, отражаетъ измѣнчивыя теченія взглядовъ и вѣрованій общественной среды. Гербертъ Спенсеръ въ остроумной статьѣ «Обычаи и приличія» справедливо доказываетъ, что нельзя отдѣлять внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій человѣческой культуры; въ ней все связано: «Законъ, религія и обычаи—говоритъ онъ—имѣютъ одинаковое происхожденіе... Если мы спустимся къ первобытному фетишизму, то ясно увидимъ, что божество, правитель и церемоніймейстеръ были первоначально тождественны» *).

Роскошь блеска вызываетъ изящную промышленность, обработку дорогихъ матеріаловъ, которые цѣнны для насъ не только отъ того, что они прочнѣе и лучше, но часто потому, что они трудно находятся. Этимъ объясняются, знакомые всѣмъ цивилизаціямъ и временамъ, культъ благородныхъ металловъ, поэзія драгоцѣнныхъ камней, любовь къ рѣдкимъ, необыкновеннымъ предметамъ.

*) «Опыты». Перев. Тотлебена. Томъ I, стр. 362.

Но кромѣ тщеславнаго стремленія «казаться» и отдавать себя обаянію «кажущагося», въ человѣкѣ еще сильнѣе, пожалуй, наклонность къ чувственному наслажденію. Нужно различать простую потребность отъ жажды пріятнаго, хотя границы и тутъ провести нельзя. Человѣкъ не ищетъ удовлетворенія только, если въ чемъ-нибудь испытываетъ нужду. Часто, именно благодаря тому, что ея нѣтъ, онъ старается вызвать ее въ какой-нибудь неиспытанной формѣ и новизною побѣдить свое пресыщеніе. Онъ придумываетъ всякаго рода способы удовлетворенія, часто фиктивные, воображаемые, которымъ дороговизна и необычайность придаютъ особенную прелесть, прибавляя ко всему сознаніе побѣды надъ затрудненіемъ... Отъ простого удовольствія одинъ шагъ до утонченной изнѣженности; отъ нея—меньше, чѣмъ шагъ до порока. Роскошь въ такомъ видѣ является исканіемъ пріятнаго, эстетикой чувственности. На этомъ поприщѣ духъ излишества не знаетъ предѣловъ. Не только ослабленный нѣгою Востокъ, всѣ культы служатъ ему своеобразной иллюстраціей; чувственная роскошь была наклонной плоскостью не для одного народа. Трудно сказать, гдѣ она выразилась ярче, гдѣ принесла больше вреда. Съ другой стороны, ей многимъ обязаны промышленность и искусства. Лучшія художественныя произведенія появлялись въ эпохи утонченныя, избалованныя, когда люди, отдыхая отъ подвиговъ и труда отцовъ, переливали накопленныя силы, свою національную гордость въ памятники зодчества и ваянія, въ богатую обстановку жилищъ, въ пышность нарядовъ, въ красивые поэтическіе образы... Такъ, у арабовъ послѣ столѣтія кровавыхъ завоеваній и распрей наступилъ артистическій разцвѣтъ. Средніе вѣка, въ которые такъ тревожно слагались имущественныя отношенія европейскихъ народовъ, завершились возрожденіемъ эллинизма... Волнообразное движеніе исторіи постоянно переносило человѣчество отъ напряженной дѣятельности къ мечтѣ.

Искусство, какъ духовная роскошь,—слѣдствіе наименѣе разгаданнаго инстинкта человѣка—чувства прекраснаго. Современная наука далека отъ эстетической точки зрѣнія на исторію цивилизацій. Съ каждымъ годомъ появляются новыя попытки подчинить сложную, многовѣковую жизнь человѣчества имущественнымъ законамъ. По мнѣнію представителей такъ-называемаго «экономическаго матеріализма», всѣ историческіе процессы прямо зависятъ отъ перемѣнъ въ экономическомъ бытѣ: люди развивались оттого, что совершенствовались ихъ орудія для борьбы за жизнь, т. е. условія ихъ матеріальнаго существованія; такъ что экономическій законъ является продолженіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіемъ закона Дарвина, разъ примѣняется не къ зоологической, а къ исторической эволюціи человѣка *). Исторія

*) См. *Н. Бельтовъ*. «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». 1895, стр. 231.

соединена съ естествознаніемъ. Допустимъ, что это вѣрно, допустимъ, что имущественныя отношенія составляютъ фундаментъ, безъ котораго невозможно себѣ представить никакого духовнаго зданія: ни нравственности, ни религіи, ни искусства: что же слѣдуетъ заключить? Что человѣку только и свойственно стремленіе къ благосостоянію? Нисколько. Сфера экономическаго закона—борьба; сфера эстетики—отдыхъ.

Итакъ, три элемента создаютъ всѣ безчисленныя проявленія роскоши—*тщеславіе*, *чувственность* (въ широкомъ значеніи) и *художественный инстинктъ*. Они такъ близко между собою соприкасаются, что въ большинствѣ случаевъ нельзя отдѣлить ихъ другъ отъ друга: все сводится къ преобладанію того или другого элемента. То чисто-эстетическій, созерцательный элементъ преобладаетъ въ предметѣ роскоши (какъ, напр., въ греческой статуѣ), то въ немъ сильнѣе выражается сознаніе своего превосходства или показное тщеславіе (что особенно замѣтно въ нарядахъ и украшеніяхъ), то роскошь главнымъ образомъ служитъ средствомъ для возбужденія чувственнаго удовольствія (какъ это мы видимъ въ яствахъ, винахъ, танцахъ и т. п.).

Бѣглый очеркъ «исторіи роскоши» интересенъ въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность заглянуть съ новой точки зрѣнія въ психологическія основы человѣка и прослѣдить, какъ, въ различныя эпохи и въ разныхъ частяхъ свѣта, въ немъ выражался духъ излишества...

II.

Роскошь у дикарей.

Родъ людской въ своихъ потребностяхъ не шелъ отъ необходимаго къ полезному, а уже отъ полезнаго къ лишнему. Лишнее весьма часто предшествовало необходимому. Украшенія появлялись раньше одежды, гордость раньше стыдливости. Мы встрѣчаемъ роскошь на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія и, повидимому, въ правѣ сказать, что зачатки эстетики существуютъ даже въ животномъ царствѣ. Дарвинъ и Уеллесъ много писали о вліяніи на «подборъ» окраски птичьихъ перьевъ и крылъ у насѣкомыхъ. Мантегацца говоритъ о художественныхъ экстазахъ у животныхъ. Ученые—путешественники Макаренти, Беккари разсказываютъ намъ, что въ горахъ Австраліи и Новой Гвинеи раскія птицы любятъ красивыя и рѣдкія растенія: ихъ гнѣзда похожи на кружевныя бесѣдки, разубранныя орхидеями, гроздьями винограда и коврами изъ моха; вокругъ—устроены садики, въ которыхъ разложены перья, пестрые камушки и раковины, принесенныя издалека... Какъ не назвать этого роскошью?

Ребенокъ любитъ блестящія бездѣлушки, даже въ томъ возрастѣ, когда мысль его еще полусознательна. Дикари, дѣти относительно человѣчества, преданы до безумія украшеніямъ и всевозмож-

нымъ внѣшнимъ отличіямъ. Грязь, неудобства жилищъ, холодъ — все забывается ради возможности себя украсить. На югѣ даже бушмены, у которыхъ тѣло покрыто такимъ слоемъ грязи, что подчасъ нельзя опредѣлить его цвѣта, обращаютъ большое вниманіе на свои наряды, и почти у сѣвернаго полюса, въ странахъ льда и полугодового мрака, тунгузы и коряки цѣнятъ выше тюленьяго жира побрякушки туалета.

Существуетъ мнѣніе, будто цивилизація вноситъ съ собою моду и ея мученія. Это не вѣрно. Есть дикія племена, которыя дѣйствительно налагаютъ на себя муки во имя моды. Не только истязаютъ они свою кожу, но дѣлаютъ на лицѣ большія отверстія и вставляютъ въ нихъ разные предметы. Америко Веспучи въ своемъ описаніи Новаго Свѣта, посвященномъ Лоренцо Медичи, разсказываетъ, что туземцы, которыхъ онъ тамъ встрѣтилъ, сложены прекрасно и были бы очень красивы, если бы сами себя не портили. «Они протыкаютъ себѣ щеки, ноздри, губы и уши—я видѣлъ у нѣкоторыхъ по семи дыръ, каждая величиною въ сливу—и убираютъ ихъ голубыми камнями, осколками мрамора или стекла, или превосходнаго алебастра, или бѣлой кости и многими другими матеріалами, обработанными очень искусно, по ихъ обычаю». Такія уродованія встрѣчаются и до сихъ поръ повсемѣстно. Народы желтой расы подтачиваютъ себѣ зубы, придаютъ имъ различную форму и цвѣтъ. Татуировка у большинства дикарей является искусствомъ, имѣющимъ свои строгія правила и модные капризы. Женщины Полинезіи бѣлятся не хуже римлянокъ эпохи Возрожденія.

Ни одинъ вельможа XVIII вѣка не тратилъ столько времени на свой туалетъ, какъ нѣкоторые предводители на островахъ Вити: у нихъ особенные парикмахеры; сложныя прически отнимаютъ массу времени. Одни мажутъ свою голову разными красками, другіе выбриваютъ ее, оставляя мѣстами клочки волосъ; третьи отпускаютъ длинныя косы... Негритянки Центральной Африки проводятъ полдня за туалетомъ. Онѣ тщательно обвертываютъ на ночь пальцы на рукахъ и ногахъ листьями «лавзоніи», чтобы покрыть ихъ яркимъ пурпуромъ; онѣ придаютъ своимъ зубамъ свѣтло-синіе, желтые, красные оттѣнки, оставляя одинъ бѣлымъ для контраста; волосы окрашиваютъ въ индиго, а вѣки—сурьмою; прибѣгаютъ даже къ такимъ тонкостямъ, какъ духи, что, по свидѣтельству Монтанья, уже дѣлали жены скиѳовъ. Роскошь дикарей имѣетъ тѣ же побужденія, что и у насъ. Несомнѣнно, что кромѣ наивнаго восторга, вызываемаго украшеніями, у дикаря, съ ними связывается и другой смыслъ. Нарядами, или—если нѣтъ ихъ—раскрашиваніемъ кожи онъ ставитъ себя на извѣстное мѣсто въ обществѣ. Татуировка причиняетъ не мало страданій, но въ то же время даетъ аристократическій отпечатокъ. «Дама Сандвичевыхъ острововъ съ гордостью покажетъ вамъ подобіе шахматной доски, изображенной на ея ногѣ, или ладонь, на которой узорятся новолуніе, звѣзды и т. д. У нѣкоторыхъ племенъ воины носятъ на себѣ изображенія всѣхъ своихъ подви-

говъ: картины боевыхъ схватокъ, выдаваясь на кожѣ не хуже, чѣмъ на бронзѣ или мраморѣ, играютъ роль орденовъ и гербовъ. У другихъ племенъ другіе знаки отличія: ожерелья изъ раковинъ, браслеты, серьги, причудливыя перья птицъ, пояса изъ человѣческихъ косъ — принимаютъ громадное значеніе. Завѣшенный всѣми этими бездѣлушками, разрисованный, иногда изуродованный дикарь дальше отъ своего «естественнаго» вида, чѣмъ любой европеецъ, и Ж. Ж. Руссо, конечно не правъ, когда толкуетъ о безъискусственной простотѣ первобытнаго человѣчества.

Роскошь дикарей не ограничивается такими проявленіями. Въ религіи, въ обычаяхъ, въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ, во всевозможныхъ физическихъ удовольствіяхъ они покоряются ей очень несдержанно и въ странахъ съ маломальски организованнымъ правительствомъ вопросъ о роскоши ставился даже оффиціально. Таитяне пытались въ 50-хъ годахъ нашего вѣка ограничить законами всякія излишества, но, понятно, что мѣра эта не удалась, какъ и въ другихъ, болѣе культурныхъ государствахъ. Европейцы давно поняли, что роскошь—всесильное орудіе для подчиненія туземцевъ и настойчиво продолжаютъ развращать варварскіе народы.

Трудно судить о нравахъ тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ доисторическими; но, по аналогіи съ современнымъ дикаремъ и по незначительнымъ остаткамъ, дошедшимъ до насъ въ видѣ орудій, украшеній и домашней утвари, можно составить себѣ приблизительную картину того далекаго времени, которое отдѣяютъ отъ насъ многія тысячелѣтія. Беззащитному человѣку эпохи камня приходилось выдерживать ожесточенную борьбу. Въ громадныхъ лѣсахъ, не тронутыхъ топоромъ, на берегу озеръ и рѣкъ бродилъ онъ одиноко или небольшими кучками въ поискахъ за пропитаніемъ. Онъ находилъ голышъ, отбивалъ отъ него острый осколокъ камня, вставлялъ его въ оленій рогъ, или прикрѣплялъ къ древку съ помощью кожаннаго ремня, горнаго дегтя, или устраивалъ себѣ палицу изъ медвѣжьей челюсти и шелъ на охоту. Долго не было извѣстно употребленіе огня, и человѣкъ съѣдалъ сырымъ добытое мясо. Убѣжищемъ отъ непогоды служили ему ямы, хижины изъ древесныхъ вѣтвей, глубокія пещеры, въ которыхъ теперь находятъ кости пещерной гіены, льва, медвѣдя, исполинскаго оленя...

Но въ грубой жизни этого доисторическаго варвара было мѣсто для искусства. Уже тогда ощущалась потребность изображать и украшать. Можно съ увѣренностью заключить, что роскошь была извѣстна и въ каменномъ вѣкѣ. «Первые памятники роскоши,—говоритъ графъ А. С. Уваровъ, — встрѣчаются въ самыхъ древнихъ слояхъ и доказываютъ, что даже дикіе народы, въ эту отдаленную эпоху, не чужды были понятія о красотѣ и объ украшеніяхъ. Такое раннее появленіе отвлеченной потребности отразилось на издѣліяхъ человѣка и вмѣстѣ

съ предметами первой необходимости, съ орудіями, мы встрѣчаемъ также и предметы роскоши или украшенія» *). Относительно палеолетической эпохи Лёббокъ разсказываетъ о нарисованной группѣ лосей, объ изображеніи мамонта, сдѣланномъ на клыкѣ того же животнаго, найденномъ въ пещерѣ Магдалины въ Дордонѣ. Въ Мамонтовой пещерѣ открыли просверленные звѣриные зубы, которые должно быть носились, какъ ожерелья. Въ Иркутской находкѣ встрѣтились другіе предметы, изготовленные изъ мамонтовой кости: особенныя бусы въ видѣ полосатыхъ столбиковъ и шариковъ, напоминающихъ токарную работу: полоски расположены симметрическими и параллельными группами изъ одинаковаго числа полосокъ. «Человѣкъ, замѣчаетъ гр. Уваровъ,—на каменныя орудія, т. е. на предметы существенной для него необходимости, не тратилъ такихъ усилій, какъ на предметы простой роскоши... Мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ палеолетической эпохи проявленіе эстетическаго чувства и быстрота, съ которою оно развивается, начиная отъ просверленныхъ зубовъ и доходя до костяныхъ издѣлій, доказываетъ, что это развитіе происходило не вслѣдствіе какого-то минутнаго впечатлѣнія, но въ силу врожденнаго и непреодолимаго побужденія».

Шагъ за шагомъ увеличивались потребности человѣка, а въ зависимости отъ нихъ усложнялся его бытъ и роскошь выражалась въ новыхъ формахъ. Грубые осколки необтесаннаго камня онъ замѣняетъ орудіями, тщательно отполированными; гончарную посуду украшаетъ ломанными чертами, лиственнымъ узоромъ и наконецъ, знакомится съ обработкой металловъ и ихъ сплавовъ. Часть «свайныхъ построекъ», найденныхъ на берегу Цюрихскаго озера въ 1853 г., сдѣлана помощью каменнаго топора, но уже позднѣйшія сваи носятъ слѣдъ хорошо отточенной бронзы, приготовленной изъ красной мѣди и олова. Употребленіе каменныхъ орудій мы и теперь находимъ въ Австраліи; Ермакъ засталъ ихъ въ Сибири; о нихъ неоднократно упоминаетъ Геродотъ, напр., въ томъ мѣстѣ, когда, описывая армію Ксеркса, онъ говоритъ, что эфіопы были вооружены стрѣлами съ наконечниками изъ камня или заостреннаго рога антилопы. Въ бронзовомъ вѣкѣ жила Мексика, завоеванная испанцами въ XVI-мъ столѣтіи, и Греція, воспѣтая Гомеромъ. Мы незамѣтно переходимъ изъ тумановъ доисторическихъ дней къ древнимъ цивилизаціямъ Азіи и Африки, гдѣ сохранялись «преданія старины глубокой» и по которымъ можно было бы прослѣдить роскошь отъ ея грубыхъ начинаній до временъ полнаго разцвѣта.

III.

Индія.

Есть одна страна—колыбель народовъ—Индія. Нигдѣ такъ не чувствуется связь человѣка съ природой, близость ея безконечности и нѣтъ

*) «Археологія Россіи. Каменный періодъ». 1881. Ч. I, стр. 33.

природы болѣе роскошной. «Бассейнъ Ганга,—замѣчаетъ Le Bon *),—не только самый плодотворный край на полуостровѣ, но, быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ... Тамъ нерѣдко собираютъ жатву три раза въ годъ». Во второй книгѣ Рамайяны, изгнанный изъ отечества Рама герой-полубогъ восклицаетъ, обращаясь къ женѣ своей Сита:

«Меня не огорчаетъ больше, о Сита! ни потеря царства, ни отсутствіе друзей, когда я гляжу на этотъ завороженный лѣсъ.

«Посмотри. Вершины горъ, сверкая на небѣ, точно прорѣзываютъ его синеву. Одна вершина покрыта серебрянымъ блескомъ, другая—чистымъ золотомъ, третья—сіяніемъ топаза, изумрудными переливами.

«Посмотри, о свѣтлоокая! Вѣтеръ срываетъ вихри цвѣтовъ, и уноситъ ихъ вдаль, и тихо плывутъ они по волнамъ.

«Полюбуйся рѣкой Мандакини! Узоры острововъ на ней, лотусы бѣлые, кувшинки изъ лазури; воды ея просвѣчиваютъ драгоцѣнными камнями.

«Вѣковыя деревья широко раскидали душистую тѣнь; рои пчелъ жужжатъ вокругъ ліанъ.

«Упираясь вѣнцами въ самое небо, эти деревья, покрытыя ризами пышныхъ цвѣтовъ, не правда ли? внимаютъ пѣснямъ множества птицъ.

«Стада антилопъ, леопардовъ, гіенъ, снуютъ въ лѣсу по всѣмъ направленіямъ. Крылатое царство свиваетъ въ немъ гнѣзда.

«А ночью, о Сита, тысячи растеній, озаренныхъ своею прелестью, сверкаютъ вездѣ, какъ огненные призраки» **)...

Понятно, что такая природа расточительница красотъ и богатствъ, легко удовлетворяя потребностямъ человѣка, развила въ немъ безпечность, чувственность, инстинктъ лѣниваго созерцанія. Эта же природа была его учительницей роскоши. Индусъ никогда не освобождается отъ впечатлѣнія красокъ, звуковъ, запаха, осязаемости міра, хотя своими идеалами только и стремится къ освобожденію отъ земного. Его пониманіе окутано многозвучнымъ голосомъ природы. Онъ мыслитъ сравненіями и картинами. Даже метафизика Ведъ, какъ бы она высоко ни парила въ отвлеченныхъ сферахъ, поражаетъ конкретностью своихъ образовъ. Для индуса вселенная—безконечная сказка движущихся очертаній, которыя сливаются въ безконечномъ единствѣ. Изъ неудержимаго воображенія этого народа возникли: санскритскія слова, имѣющія болѣе ста слоговъ, фантастическая миѳологія браманизма, поэзія Магабгараты, дворцы раджей, архитектура пагодъ. Камни лучше всего выражаютъ духъ народа. Индусскіе храмы представляются намъ причудливо-пышнымъ нагроможденіемъ: лотусообразныя колонки, купола, пирамидальные шатры, стѣны, напоминающія пласты горныхъ породъ, входы, раздавленные тяжестью высѣченнаго камня, похожіе на темныя ущелья, теряются среди богатыхъ узоровъ и лѣпныхъ изображеній людей, цвѣтовъ и животныхъ, проникнутыхъ обаяніемъ своего страннаго уродства. Здѣсь нѣтъ симметріи, нѣтъ границъ, такъ же, какъ ихъ нѣтъ въ идеѣ мечтательнаго пантеизма Индіи. Это воплощеніе порыва,

*) «Les civilisations de l'Inde», Paris 1887, p. 58.

**) «Râmâyana» I, II, ch. CIV. Edition Gorresio.

въ которомъ смѣшались всѣ чувства, въ которомъ всеобъемлющая нѣга переходитъ въ аскетическое отрицаніе.

Публичная роскошь съ незапамятныхъ временъ достигала въ Индіи сказочныхъ размѣровъ. Ей способствовали дѣленіе на касты и религія. Въ Рамайянѣ на каждомъ шагу встрѣчаются такія описанія: «Вдоль главной улицы, надушенной санталомъ и смѣшаннымъ ароматомъ цвѣтовъ, возвышались храмы боговъ. Вокругъ ихъ ярко-выбѣленныхъ стѣнъ стояли на готовѣ колесницы. Прозрачные бассейны лазурились лиліями. Сады струили тѣнистый покой, а свѣжій ручей звонко журчалъ... И вотъ, Лакмана замѣтилъ неприступный чертогъ царя обезьянъ. Цѣпью бѣлыхъ горъ тянулась его ограда, похожая своими блестящими куполами на пріютъ богини Индры. Его окружали растенія, отяжелѣвшія отъ плодовъ всѣхъ временъ года, и тѣни священныхъ деревъ. Гордыя и страшныя обезьяны, не покидающія оружія, охраняли его темно-золотыя двери. Разукрашенный цвѣтами, выложенный тонкими каменьями, точно эмалью, дворецъ отражалъ своимъ обширнымъ фасадомъ, гладкимъ, блестящимъ, волны ослѣпительнаго свѣта»...

Впродолженіи тысячелѣтій Индія была богатѣйшимъ краемъ на землѣ. Всѣ народы находили въ ней неисчерпаемую сокровищницу. Земли, сосѣднія съ Кабуломъ—Кашемиръ и Пенджабъ издревле занимались выдѣлкой золота и серебра; Тангоръ извѣстенъ бронзою съ инкрустаціями изъ красной мѣди; Бенгалъ—кисеею; Агра—бѣлымъ мраморомъ съ инкрустаціями изъ коралла, аметиста, топаза, бирюзы и сапфира. Индія славилась своимъ желѣзомъ и сталью, издѣліями изъ слоновой кости и рѣзного дерева, тончайшимъ филиграномъ, оніксомъ и лазурью... Индія—страна опіума, различныхъ пряностей, пахучихъ винъ, приготовленныхъ изъ цвѣтовъ мадука, изъ пальмовыхъ стеблей; ея гигантскіе лѣса производятъ одуряющіе ароматы; отъ нихъ наступаютъ забытіе и фантастическія видѣнія, которыя какъ будто отражаются въ краскахъ на индійскихъ шелковыхъ матеріяхъ, кисеѣ и коврахъ. Тутъ вся роскошь, всѣ капризы цвѣта и блеска; ткани, расшитыя золотомъ, съ отблесками змѣиной чешуи, ткани, полувоздушныя, похожія на вечернія облака, отливающія радужными искрами, платки баядерокъ, съ нѣжными переходами неуловимыхъ оттѣнковъ... «Можно подумать,—говоритъ Теофилъ Готье,—что индійская роскошь захотѣла побороться съ солнцемъ, вызвать на смертный бой ослѣпительный блескъ залитаго огнями неба» *).

Въ этой средѣ чувственной и религіозной въ то же время женщина была не только женой и матерью, но излюбленнымъ предметомъ роскоши. Продолжимъ наше описаніе, взятое изъ Рамайяны: «Дальше подымались, точно бѣлыя облака, просторныя жилища великихъ предводителей Ванара, полныя рѣдкостей и богатствъ и болѣе нѣжныхъ

*) *L'Orient* à l'Exposition.

драгоцѣнностей—женщинъ-красавицъ»... Царь Джанака посылаетъ сосѣду въ подарокъ тысячу рабынь съ дорогими ожерельями. Въ индійской «Книгѣ Любви» (Kama Soutra) говорится о женщинѣ, какъ о своего рода произведеніи искусства, при чемъ дѣлаются тонкія различія въ ея наружности, сложеніи, цвѣтѣ и запахѣ, благодаря которымъ она относится къ разряду большаго или меньшаго физическаго совершенства. Такой взглядъ на женщину, какъ на красивую вещь, дарующую наслажденія, обычное явленіе въ странахъ, гдѣ развита роскошь, а тѣмъ болѣе на Востокѣ. Въ Индіи женщина была кумиромъ, но, конечно, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, народная мудрость считала ее сосредоточіемъ всѣхъ золъ. «Женщина получила въ надѣлъ,—читаемъ мы въ законахъ Ману,—ложе любви и наряды, корыстолюбіе и злость, желаніе причинять боль и развращенность». Но въ другомъ мѣстѣ строгій голосъ добавляетъ: «Не тронь женщину даже цвѣткомъ, хотя бы она сто разъ была виновата»... и самъ Будда, по преданію, былъ въ гостяхъ у красавицы баядерки, хотя собственно съ буддизмомъ распространилась въ Индостанѣ проповѣдь воздержанія.

Нравственные идеалы браманизма, религія отрицанія жизни, освобожденія отъ обманчивой Майи страданій и счастья—были по существу враждебны роскоши (въ противоположность, напр., магометанству); но строгое дѣленіе на касты позволяло ей развиваться во дворцахъ расточительныхъ раджей, богатыхъ слонами и невольниками, параллельно съ нищетою угнетенныхъ классовъ (паріевъ), съ подвижничествомъ анахоретовъ. Будда внесъ новую идею всеобщаго равенства, міровой жалости къ людямъ, ко всему живущему, идею духовнаго и тѣлеснаго уничтоженія въ любви... Онъ негодуетъ на богатые наряды и жилища, на золото и каменья, на чувственныя удовольствія, зрѣлища—на все, что̀ можетъ выдѣлить личность изъ толпы обреченныхъ на страданіе и помѣшать человѣку въ его равнодушномъ шествіи къ Нирванѣ.

Законъ жизни направляетъ человѣка къ эгоистической дѣятельности, къ росту потребностей на счетъ угнетенныхъ; нравственный законъ стремится къ ихъ ограниченію, и противополагаетъ власти на землѣ—освобожденіе отъ власти земного. Борьба этихъ двухъ началъ проходитъ красною нитью черезъ исторію всего человѣчества, хотя характеръ ея видоизмѣняется сообразно съ временемъ и народомъ. Она является то борьбою религіозно-этической, тамъ, гдѣ возбуждена теократизмомъ (Будда, Кальвинъ, Савонаролла), то чисто-моральной, какъ, напр., въ проповѣди Конфуція или въ спорѣ стоиковъ съ эпикурейцами, или въ новѣйшихъ сочиненіяхъ Толстого, то соціалистической, когда интересы высшихъ классовъ сталкиваются съ ропотомъ демократіи, богатство сильныхъ съ народнымъ голодомъ: примѣрами могутъ служить протестъ братьевъ Гракховъ, французская революція и современные фабричные бунты. Но чаще мотивы такой борьбы смѣшанные. Библейскіе пророки, бичевавшіе роскошь царей Израиля, были въ одно время

и мистиками и демагогами; притча о бѣдномъ Лазарѣ имѣетъ смыслъ религіозный, нравственный и соціальный; Руссо въ своихъ нападкахъ на цивилизацію—и моралистъ, и демократъ, и, пожалуй, священникъ.

Въ древности, въ то время, когда культура, не успѣвъ еще дифференцироваться, составляла простое цѣлое, когда религія была неотдѣлима отъ государства, а нравственность отъ нравовъ, роскошь не противорѣчила общественности, но даже поддерживала ее. Существованіе порабощеннаго класса паріевъ въ Индіи и рабовъ въ Египтѣ нисколько не вредило этимъ странамъ. Роскошь, также какъ насиліе были дѣломъ публичнымъ, дѣломъ государства, которое, въ свою очередь, воплощало въ себѣ религіозно-нравственное міровоззрѣніе народа. Какъ только роскошь становится частной, отвѣчая злоупотребленіямъ личности надъ общественными нормами, она можетъ обратиться въ бичъ государства и семьи, ослабить націю. Протестъ противъ нея вызывается этимъ разладомъ. Во всѣ великіе вѣка моральнаго упадка: въ Греціи третьяго столѣтія, въ Римѣ—Августовъ, въ Италіи—Возрожденія-нравственное сознаніе устами проповѣдниковъ и философовъ произноситъ надъ роскошью свои приговоры. Главный врагъ частной, эгоистической роскоши—идея справедливости. Вѣдь и нашъ соціализмъ возникъ изъ желанія примирить возрастаніе богатствъ съ несправедливостью въ ихъ распространеніи.

Это отступленіе было необходимо для пониманія роскоши у другихъ великихъ народовъ, у китайцевъ и египтянъ.

IV.

Китай.

Китай только на первый взглядъ представляется намъ неподвижнымъ, какъ бы застывшимъ краемъ, гдѣ народъ спитъ въ мирно-патріархальномъ невозмутимомъ покоѣ. Лѣтопись этой своеобразной культуры полна революцій, войнъ, придворныхъ интригъ, увлеченій порокомъ и нѣгой. Еще Монтескьё указывалъ на *бездѣлье*, *жестокость и расточительность*, которыми были отмѣчены многія царствованія Небесной Имперіи. Теперь можно сказать съ несомнѣнностью, несмотря на мракъ, покрывающій китайскую древность, что тамъ десятки вѣковъ до нашей эры были свои Нероны и Геліогобалы, свои утонченныя Клеопатры и раскаявшіеся грѣшники роскоши... Для примѣра возьмемъ правленіе Шеу-Сина (XI в. д. Р. Х.). Этотъ государь, околдованный красотой куртизанки Та-Ки, жестокой и сладострастной, построилъ мраморный дворецъ, куда имѣли свободный доступъ всѣ молодые люди и женщины, искавшіе наслажденій. Ночи и дни въ роскошномъ убѣжищѣ порока гремѣла музыка, обносились яства, лилось вино, и часто шумная оргія кончалась убійствами. Возставшіе вассалы положили конецъ

этому царствованію и, по преданію, побѣжденный Шеу-Синъ лишился жизни такъ же, какъ баснословный Сарданапалъ: онъ нарядился въ пышныя одежды и сжегъ себя на кострѣ. Другой владыка Чинъ-чангъ напоминаетъ своею жизнью и покаяніемъ царя Давида. Послѣ многихъ лѣтъ недостойной и тщеславной жизни онъ обращается съ мольбою къ разгнѣванному богу, пославшему голодъ на его страну. Онъ обрѣзаетъ себѣ волосы, надѣваетъ власяницу и, ставъ у подножія горы, скорбно сознается въ томъ, что воздвигалъ ненужныя великолѣпныя зданія, имѣлъ слишкомъ много женъ и черезчуръ былъ преданъ утонченностямъ кухни. До какихъ размѣровъ доходили царскія излишества мы знаемъ по исторіи Юанъ-Ти, у котораго будто бы содержалось въ конюшняхъ 10.000 скакуновъ, а въ гаремѣ болѣе тысячи женщинъ.

Начиная съ VIII в., мы встрѣчаемъ въ Китаѣ цѣлый рядъ богдыхановъ-лѣнивцевъ, прозябающихъ въ своихъ дворцахъ среди удовольствій, прихотей и богатствъ. Имперія, разоренная ихъ роскошными забавами и бездѣльемъ, находилась въ рукахъ у хищныхъ намѣстниковъ. Именно въ этомъ бѣдственномъ положеніи засталъ свою родину человѣкъ, который по праву считается высшимъ выразителемъ духовной сущности Китая—Конфуцій. То былъ странствующій проповѣдникъ, который зналъ наизусть старыя пѣсни народа и любилъ бесѣдовать съ каждымъ встрѣчнымъ о нравственныхъ цѣляхъ жизни, о совершенствованіи человѣческой души... Конфуцій внесъ лучъ свѣжести и кроткой поэзіи въ мертвую схоластику китайскихъ мудрецовъ. Въ своей «Книгѣ Странствій» онъ не углубляется въ запутанные вопросы бытія и первопричины, подобно своему великому учителю Лао-Тзей, но постоянно обращаясь къ земному существованію, онъ призываетъ людей къ нравственной дисциплинѣ. Этотъ современникъ Солона и Пиѳагора по ту сторону китайской стѣны, также какъ они считалъ необходимымъ условіемъ духовнаго просвѣтлѣнія умѣренность въ образѣ жизни, болѣе того—полную побѣду надъ тѣломъ: «Я питаюсь,—говоритъ онъ,—самой простой пищей; локоть, положенный подъ голову, служитъ мнѣ подушкой, когда меня клонитъ ко сну; и я твердо вѣрю, что въ этой тяжелой жизни мудрецъ всегда съумѣетъ найти радости, потому что, несмотря на всѣ страданія, добродѣтель заключаетъ въ себѣ счастье»... «Какъ уменъ ученикъ мой Хоэ! горсть риса составляетъ его обѣдъ, сосудъ съ водою—его питье, клочекъ земли—его пріютъ» Конфуцій не доходитъ до пессимистическаго аскетизма Будды, потому что онъ мягче и практичнѣе его, но, съ точки зрѣнія историка роскоши, онъ—на томъ же пути отрицанія. Въ книгѣ Шу-Кингъ на ряду съ осужденіями пьянства встрѣчаются обличительныя рѣчи противъ любви къ «безчестной» музыкѣ, къ высокимъ дворцамъ, украшеннымъ чудесами живописи... Такія наставленія обыкновенно имѣютъ мало послѣдствій. Китайскіе государи приняли ученіе Конфуція, но, слѣдуя завѣтамъ отцовъ, продолжали свое широкое покровительство искусству и ремесламъ.

*

Знакомство китайцевъ со многими предметами роскоши относится еще ко временамъ славнаго Фо-Хи. Этотъ мудрый владыка, бывшій математикомъ, астрономомъ, физикомъ, изобрѣлъ нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ, между прочимъ особаго рода лиру *(кинъ)*, которую впослѣдствіи Іенъ-Ти украсилъ драгоцѣнными камнями. Кромѣ того, Іенъ-Ти, будто-бы, первый ввелъ торжественные обряды и обработку шелка. Дальнѣйшій шагъ къ роскоши сдѣлалъ Хоангъ-Ти. Преданіе говоритъ, что, глядя однажды на окраску перьевъ у птицы гоэ и на лепестки цвѣтовъ своего сада, онъ такъ залюбовался ими, что надумалъ выкрасить въ эти чарующіе цвѣта платья своихъ подданныхъ. На мандаринахъ появились символическіе знаки: военные украсились изображеніями драконовъ, львовъ и тигровъ, а ученые стали вышивать на груди фантастическую птицу, названную фугъ-хоангъ.

Покровительство государей было всегда главнымъ двигателемъ въ развитіи роскоши Китая. Древніе путешественники подробно разсказываютъ о томъ, какими способами провѣрялись и награждались тамъ художники, съ какимъ любовнымъ деспотизмомъ относились богдыханы къ искусству. Было время, когда существовало нѣчто вродѣ общественнаго суда для произведеній художниковъ, при чемъ нерѣдко имъ приходилось очень горько расплачиваться за свои недосмотры.

Китайцы съ чисто національной настойчивостью и кропотливостью вѣками совершенствовали пріемы обработки бронзы, лазури, хрусталя, яшмы, фарфора. Это неподражаемые мастера въ умѣніи обращаться со слоновою костью и черепахой, изъ которыхъ они выдѣлываютъ почти недоступныя нашему пониманію бездѣлушки; для мебели они употребляютъ всевозможныя разновидности дерева, начиная съ очень твердаго, получившаго названіе «желѣзнаго», и кончая самымъ нѣжнымъ бамбуковымъ, сандальнымъ и кипарисовымъ деревомъ *).

Мы не станемъ перечислять всѣхъ безконечныхъ издѣлій Китая; каждому болѣе или менѣе хорошо извѣстны тѣ прелестныя вещицы, въ которыхъ такъ много изящества, несмотря на угловатость формъ и нѣкоторую манерность стиля; отъ нихъ вѣетъ почти суевѣрной добросовѣстностью въ мельчайшихъ деталяхъ, какимъ-то полудѣтскимъ, полустарческимъ добродушіемъ или, наоборотъ, тяготѣніемъ къ чудовищному и странному...

Характерною роскошью для Китая является шелкъ, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, несомнѣнно китайскаго происхожденія, хотя латинскіе писатели, по преимуществу поэты, и пріучили насъ къ мысли, что родина шелка—Индія.

Ученый Гэренъ, авторъ «Исторіи торговли древнихъ народовъ», сомнѣвается въ томъ, чтобы занавѣси іерусалимскаго храма были изъ шелка, однако признаетъ, что изъ него дѣлались богатые наряды ми-

*) Jacquemart, «Histoire du mobilier».

дянъ и персовъ. По его же словамъ, Аристотель первый упоминаетъ про шелкъ въ своей «Естественной исторіи». Плиній, какъ извѣстно, писалъ о гусеницахъ, свивающихъ на вѣтвяхъ кипариса, дуба и ясеня коконы, величиною съ куриное яйцо, изъ которыхъ жители Коса выдѣлывали яркія ткани.

На самомъ дѣлѣ, дикій шелковичный червь и до сихъ поръ встрѣчается въ Китаѣ на особомъ видѣ перечнаго дерева; рядомъ съ этимъ настоящая культура коконовъ процвѣтала тамъ уже въ очень отдаленную эпоху. До нашихъ дней сохранился обрядъ китайскихъ государей ежегодно праздновать память Сіенъ-Тцыны, которая, по преданію, научила подданныхъ искусству воспитывать гусеницъ, сматывать шелковину и приготовлять изъ нея ткани.

Мы разсмотримъ подробнѣе исторію развитія фарфора, какъ производства, наиболѣе типичнаго для китайской роскоши, пользуясь интереснымъ сочиненіемъ Станислава Жюльена: «Histoire et fabrication de la porcelaine».

Не слѣдуетъ думать, что тотъ изумительный фарфоръ, съ которымъ Европа познакомилась въ XVI ст., былъ извѣстенъ въ глубокой древности; онъ сталъ выдѣлываться полтора вѣка до Р. Х., и ранѣе въ Китаѣ употреблялись сосуды только изъ бронзы и обожженой глины. Прошло много времени, пока горшечники научились расписывать фарфоръ хороводами бабочекъ и капризныхъ цвѣтовъ; сперва они только заботились о прочности смѣси и о томъ, чтобы ея окраска была въ гармоніи съ цвѣтомъ чая; они оказывали предпочтеніе голубымъ тонамъ, придававшимъ національному напитку нѣжно-зеленоватые отсвѣты. Въ X в. къ одному богдыхану, нѣсколько дней послѣ его восшествія на престолъ, явилось посольство съ просьбой указать модель для сосудовъ, предназначенныхъ къ его столу. Онъ написалъ на прошеніи: «Пускай впредь фарфоръ окрашиваютъ лазурью, которою небо послѣ дождливаго дня просвѣчиваетъ между облаками». И тогда дѣйствительно было составлено знаменитое тѣсто «лазурное, какъ сводъ небесъ, тонкое, какъ бумага, блестящее, какъ зеркало, звонкое, словно музыкальныя струны»... Этотъ фарфоръ назывался *голубымъ небомъ послѣ дождя*.

Едва уловимыя трещины поднимали его цѣнность, въ особенности, когда, послѣ 1368 года, его перестали выдѣлывать. Но еще больше прославился бѣлый фарфоръ. Достигнувъ совершенства въ новомъ производствѣ, китайскіе мастера стали оттѣнять снѣжно-прозрачную поверхность чашекъ выпуклостями, въ видѣ рыбокъ или легкими жилками, напоминающими морскую зыбь, или тонкими извивами, похожими на лапки краба. Были также чашки, на которыхъ виднѣлись какъ будто слѣды нечаянно упавшихъ слезъ. Рядомъ съ этимъ выдѣлывались и цвѣтные фарфоры; для нихъ сердоликъ обращался въ порошокъ, а кобальтъ, привозимый съ Запада, оплачивался двойнымъ вѣсомъ зо-

лота. Каждому отдѣльному цвѣту соотвѣтствовало поэтическое названіе: фарфоръ «блѣдный, какъ лунная ночь», алый, «какъ солнце передъ непогодой»... Черный фонъ съ желтыми жемчужинами считался привилегіей Кіены, а эмаль темная, какъ чернила, была тайной кіунскихъ фабрикъ. Вазы начали расписывать синими цвѣтами. Цвѣты вообще играютъ важную роль въ жизни китайцевъ, составляя вмѣстѣ съ рисовымъ виномъ главный источникъ ихъ наслажденій. Лучшіе образцы народной лирики заимствованы у растеній: дѣвушка — цвѣтъ персика, водяная лилія среди озера; брови ея — тонкіе листья вешней ивы, а вѣрная жена похожа на лозу, любовно вьющуюся вокругъ дерева, и т. д.

Вотъ почему китайцы, выработавъ пріемы живописи на фарфорѣ (приблизительно, въ XI вѣкѣ), тотчасъ принялись покрывать его узорами сказочныхъ стеблей и лепестковъ. Позднѣе на чайныхъ сервизахъ и вазахъ появились изображенія животныхъ, людей, семейныхъ картинокъ, оттѣнявшихъ своимъ каррикатурнымъ реализмомъ и неподражаемымъ юморомъ поэзію растительнаго царства.

Въ правленіе династіи Сонгъ керамика продолжаетъ совершенствоваться, благодаря участію многихъ крупныхъ фабрикъ и такихъ знаменитыхъ мастеровъ, каковы братья Чангъ. Нашествіе монголовъ пріостановило эти успѣхи, однако въ XVI в. фарфоровая промышленность пробуждается снова и во дни Минговъ доходитъ до высшей точки своего развитія. Съ этихъ поръ замѣчается постепенный упадокъ. Уже въ концѣ XVI в. украшенія теряютъ свою первоначальную наивную прелесть и становятся вычурными, подражательными, безнравственными, подчиняясь испорченному вкусу покровителей - богдыхановъ и шаблону дешевыхъ фабрикъ.

Въ этой исторіи фарфора вся сущность китаизма въ искусствѣ Китайскій мастеръ никогда не является самостоятельнымъ творцомъ, но болѣе или менѣе хорошимъ ремесленникомъ, вполнѣ подчиненнымъ требованіямъ рынка. Онъ не понимаетъ живописи въ собственномъ значеніи; для него кисть скорѣе орудіе *раскрашиванія*, чѣмъ *письма*; его жилище—наполовину мастерская, наполовину лавочка, гдѣ все разсчитано для выгоднаго сбыта.

Между искусствомъ и художественнымъ ремесломъ такое-же различіе, какъ между научнымъ отвлеченіемъ и прикладными знаніями. Истинный художникъ ищетъ красоту, какъ гармоническое выраженіе своего «я», или какъ идеализацію природы, не думая о послѣдствіяхъ своего творчества и примѣняемости его къ жизни.

Судъ жизни всегда придетъ. Но иногда для этого нужны вѣка. Совсѣмъ иначе разсуждаетъ ремесленникъ. Его очень мало безпокоитъ воплощеніе тѣхъ таинственныхъ помысловъ духа, которые онъ, быть можетъ, безсознательно вкладываетъ въ свое дѣтище. Его цѣль—выгода работы, а важнѣйшими условіями для этого служатъ: экономія и достоинство матеріала, быстрота и ловкость пріемовъ, угадываніе

общественныхъ вкусовъ. Такимъ путемъ можно создать *красивую вещь*, но никогда не возвыситься до *художественнаго произведенія*. «Вмѣсто стремленія къ высокому и прекрасному—говоритъ Морицъ Каррьеръ,—трезвый умъ китайца ищетъ одной пользы; вмѣсто того, чтобы выражать сущность изяществомъ формы, онъ не идетъ дальше наружныхъ прикрасъ». Творчество — понятіе настолько широкое и сложное, что, конечно, нельзя проводить въ немъ границъ, но неуловимость переходовъ не уничтожаетъ различій. Художникъ цѣломудренъ и строгъ; онъ боится подчеркиваній и преувеличеній, но главнымъ образомъ боится поддѣлки и подражанія. Наоборотъ, ремесленникъ почти всегда популяризаторъ и декораторъ, иногда фокусникъ. Ему все позволено: экспансивность красокъ, остроумныя уродства, изобрѣтательные эффекты...

Въ большинствѣ случаевъ именно этими качествами отличаются изящно-декоративныя издѣлія китайцевъ; ихъ тонкія вышивки по шелку, ихъ полузабавныя, полумистическія акварели на рисовой бумагѣ, ихъ воздушныя садовыя бесѣдки, стриженыя деревья и узорчатыя башни изъ фарфора. Характерно, что когда вмѣстѣ съ буддизмомъ въ Китай проникло индусское зодчество, то особенно привился на новой почвѣ уступчатый пирамидальный верхъ, заканчивающій нѣкоторыя пагоды; онъ и послужилъ мотивомъ для китайскихъ *тха*—легкихъ, многоэтажныхъ башенъ, у которыхъ крыши, постепенно уменьшаясь, затѣйливо выгнуты и обвѣшаны колокольчиками, а стѣны покрыты золотистымъ лакомъ и яркою росписью. Эти постройки, рядомъ съ храмами Индіи, производятъ на насъ впечатлѣніе чего-то хрупкаго, игрушечнаго. Мы напрасно стали бы искать на нихъ печать религіозной идеи, художественнаго отвлеченія... Китайцы—народъ мелочный, робкій, церемонный и консервативный. Онъ проникнутъ идеаломъ золотой середины и средняго человѣка, рабольпнымъ почитаніемъ старины. Вотъ отчего ему недоступно стремленіе двигаться впередъ по пути самостоятельнаго, свободнаго творчества. Онъ состарился, оставаясь ребенкомъ, и напоминаетъ героя одного китайскаго сказанія, который, будто бы, родился на свѣтъ сѣдовласымъ старцемъ. Въ этомъ отношеніи гораздо выше стоятъ японцы. Въ ихъ искусствѣ больше чутья, простоты и свободы, такъ же какъ въ ихъ кухнѣ меньше пряностей и уродливыхъ причудъ... Искусство Японіи обладаетъ всѣми обаяніями китаизма, но почти лишено его недостатковъ. Тамъ художникъ менѣе порабощенъ подражаніемъ установленнымъ образцамъ и деспотизмомъ верховной власти. Его наблюдательности и воображенію данъ извѣстный просторъ; онъ въ состояніи проявить свое пониманіе природы, выйдя изъ тѣсныхъ рамокъ ремесленнаго производства. Прошлаго года можно было любоваться въ Петербургѣ частной коллекціей японскихъ картинъ. Передъ нами чередовались мягкіе, пурпуровые закаты солнца надъ бирюзой спокойнаго моря, взъерошенные тигры въ бамбуковомъ лѣсѣ, какіе-то безформенные драконы, символизирующіе хаосъ, и рядомъ—забавныя

сценки изъ домашняго быта, поражавшіе насъ, несмотря на однообразіе типовъ, богатствомъ выраженій... Опредѣленность рисунка, волшебство красокъ, тонкая, нѣсколько женственная грація этой живописи, не такъ давно оцѣненной на Западѣ, уже оказали вліяніе на европейское искусство. Конечно, тутъ имѣется въ виду старая японская школа. Современная Японія пошла по новому пути. Что дастъ ей въ будущемъ прививка западной цивилизаціи, пока неизвѣстно, но, разсматривая произведенія ея новѣйшихъ художниковъ, нельзя не пожалѣть того, что ею навсегда разрушено.

V.

Египетъ.

Успѣхи египтологіи дали возможность вполнѣ ознакомиться съ частною жизнью и съ искусствами, процвѣтавшими когда-то на берегахъ Нила. Культура древняго Египта прежде всего поражаетъ своимъ единствомъ. Громадная государственная организація охватывала, уравновѣшивала собою все, и фараонъ, не смотря на свою неограниченную власть, былъ только высшимъ хранителемъ закона, однимъ изъ жрецовъ, замѣстителей Бога на землѣ. Населеніе дѣлилось на касты; однако это дѣленіе не было такъ строго, какъ въ Индіи, и въ рѣдкихъ случаяхъ даже чужеземецъ могъ достигнуть рядомъ тяжелыхъ искусовъ посвященія въ жреческія тайны; такъ что касты, не нарушая гармонической цѣлостности народа, были только постепенными ступенями, восходящими къ непоколебимой, объединяющей идеѣ теократической монархіи. Вторая основная черта этой культуры — глубокая религіозность. Въ Египтѣ мы встрѣчаемся съ нею на каждомъ шагу, и поэтому раньше, чѣмъ говорить о роскоши египтянъ, необходимо коснуться ихъ религіи.

Сущность ея такъ же, какъ большинства религій Востока, состоитъ въ *троичномъ пантеизмѣ*: единый Богъ, Ну, совершенный Разумъ «предвѣчный океанъ, въ безграничныхъ глубинахъ котораго рѣютъ прообразы Созданія» *), распадается, сохраняя свое непостижимое единство, на мужеское, духовное начало—Озирисъ и Женское дѣятельное—Изисъ; отъ ихъ взаимодѣйствія, отъ предвѣчнаго союза Отца и Матери исходитъ третье начало Сынъ-Горусъ. Видимый міръ—отраженіе дѣятельнаго принципа, а жизнь души—отраженіе Горуса, который стремится вернуть ее въ духовный чертогъ Озириса. Вселенная была для египтянъ непрерывнымъ возникновеніемъ, а живыя существа — таинственными волнами, которыя то опускаются въ мрачную

*) «Histoire Ancienne des peuples de l'orient». 1875, p. 27.

бездну матеріи и грѣха, то возносятся черезъ небесныя сферы къ божественному покою. Это — религія мірового трагизма. Отсюда вытекаютъ нравственныя идеи паденія, искупленія, совершенствованія и метемпсихоза.

Однако, возвышенная метафизика была исключительнымъ достояніемъ жрецовъ и гіерофантовъ (учениковъ), тайной, спрятанной въ храмахъ; не всѣ могли и смѣли разоблачать мысли, скрытыя въ символахъ; религія непосвященныхъ, народная вѣра представляла изъ себя хаотическое смѣшеніе: зоотеизмъ, фетишизмъ, смутное понятіе объ единомъ Божествѣ... «Отъ одной троицы къ другой, отъ олицетвореній къ олицетвореніямъ—говоритъ Масперо — религія достигала дѣйствительно невѣроятнаго количества боговъ съ ихъ грубыми, иногда уродливыми формами, спускавшихся рядомъ почти незамѣтныхъ переходовъ изъ самыхъ возвышенныхъ областей на самыя низкія ступени природы»... и религія разросталась въ гигантское дерево: обоготворялось небо, звѣзды, солнце (Ра), Нилъ (Хапи), миѳологическіе герои, животныя: Ибисъ, кинокефалъ изъ Тоты, коршунъ изъ Горы, шакалъ изъ Анибіи. Убившій съ умысломъ или невольно ястреба предавался казни; если въ какомъ-нибудь домѣ умирала кошка, то обитатели его стригли себѣ брови отъ огорченія; если же умирала собака, они остригали себѣ все тѣло и голову *). Каждая провинція имѣла своего священнаго звѣря: Ѳивы боготворили крокодила, Геліополисъ—птицу бенну и баснословнаго феникса, прилетавшаго въ Египетъ разъ въ пятьсотъ лѣтъ, Мемфисъ чтилъ козла изъ Мендесы, быка Аписа, Памфремидскій округъ—гипопотама и т. д. Этихъ животныхъ окружали такой заботливой роскошью, какую позволяли себѣ даже не всѣ фараоны. Ихъ кормили тонко приготовленнымъ мясомъ, кашей на молокѣ, пирожками изъ меда; смазывали драгоцѣнными маслами; передъ ними постоянно курились нѣжные ароматы. У нихъ былъ свой гаремъ, въ которомъ содержались старательно выбранныя жрецами красивыя самки, разодѣтыя въ богатыя платья. Похороны такихъ божковъ стоили удивительныхъ тратъ. Послѣ смерти быка Аписа въ Мемфисѣ, разсказываетъ Діодоръ, жрецъ занялъ у Птоломея пятьдесятъ талантовъ (100.000 руб.) на погребеніе; а позднѣе, во времена Августа такія похороны обошлись около 200.000 рублей.

Понятія о загробной жизни были настолько ясно выработаны, что давали безконечный матеріалъ для всевозможныхъ изображеній. «Египтяне, въ самомъ дѣлѣ, ясновидящіе. То, о чемъ другіе неясно мечтаютъ, они сознаютъ вполнѣ отчетливо... Эти люди видали рай и чистилище и мы чуть не вѣримъ тому, что они оттуда явились».

Роскошь Египта была символическимъ языкомъ изложенной нами мистичной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, отражала суевѣрія народа.

*) Herodoti lib. II. Cab. LXV—VI.

Другой источникъ ея—тщеславное могущество фараоновъ. Передъ лицомъ народа они принимаютъ, начиная съ четвертой династіи, титулъ Ра, бога-солнца и еще при жизни являются участниками той апоѳеозы, которую должна была раскрыть передъ ними загробная вѣчность. Послѣ смерти каждый монархъ становится вдохновителемъ особаго культа. Такимъ образомъ создался цѣлый пантеонъ обоготворенныхъ царей, изображенія которыхъ сопровождали различныя эмблемы. Такъ надъ статуей Хефрема простираетъ крылья коршунъ—символъ солнца. Храмы, исписанные гіероглифами, повѣствуютъ о величіи того или другого правленія; въ каждомъ изъ нихъ живетъ память фараона. Сами пирамиды — не только царственныя могилы, а настоящіе храмы, имѣвшіе своихъ священнослужителей.

Памятники искусства распредѣляются между мемфисскимъ періодомъ (когда Мемфисъ былъ столицею) и ѳивскимъ. Первый періодъ наиболѣе творческій и художественный, завершается одиннадцатой династіей; въ концѣ его, начиная съ шестой династіи, Мемфисъ ослабѣваетъ, и затмевается Гераклеополисомъ. Египетъ какъ будто теряетъ могущество. Но ему суждено было вновь пробудиться въ Ѳивахъ съ одиннадцатой династіей, чтобы достигнуть апогея съ двѣнадцатой, снова пасть подъ напоромъ царей пастуховъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ бѣдствій, возродиться въ блестящую эпоху Рамзеса II-го (19-ая дин.). Эти двѣ высшія точки ѳивскаго періода называютъ средней и новой имперіей.

Къ мемфискому времени относятся самыя замѣчательныя постройки—воплощеніе религіозной идеи и личнаго тщеславія; онѣ поражаютъ размѣрами. Знаменитая пирамида Хеопса построена изъ двухъ сотъ слоевъ гигантскихъ камней; первоначальная вышина ея равнялась 150 метрамъ; основаніе имѣетъ 235 кв. м.; каменная громада составляетъ двадцать пять милліоновъ кубическихъ метровъ. Лишнее распространяться о томъ, какихъ трудовъ и затратъ, сколькихъ жизней стоили такія сооруженія... До сихъ поръ не выяснено, употреблялись ли при этомъ машины; во всякомъ случаѣ, онѣ были весьма несложны и главная тяжесть работы, конечно, ложилась на человѣческія руки. Что же касается до денежной оцѣнки труда, то намъ не поможетъ наша экономическая сообразительность. Въ надписи, сохранившейся на одной изъ пирамидъ, приведенныя издержки только на пропитаніе рабочихъ достигаютъ болѣе тысячи шестисотъ талантовъ, что равняется восьми милліонамъ восьмистамъ тысячамъ франковъ. Во сколько разъ слѣдуетъ увеличить сумму, если принять во вниманіе цѣнность денегъ въ то время?

Еще къ болѣе древнему періоду, должно быть, относится колоссальный сфинскъ, олицетворяющій древнѣйшее божество Египта—восходящее свѣтило дня надъ пустыней. Онъ вытянулся у подножія пирамидъ въ тридцать метровъ длиной и подымаетъ свою величавую го-

лову съ непонятой думой во взглядѣ на вышинѣ десяти саженъ отъ земли. Эти памятники обвѣяны торжественной роскошью размѣра, точно близость пустыни проникла ихъ величіемъ своего безмолвія и ширины. И если египетскіе храмы, съ тяжелыми, плоскими крышами, гигантскими пилонами, обелисками, залами и сотнями комнатъ, куда свѣтъ дневной никогда не попадалъ — сравнить съ тревожными пагодами Индіи, то сразу видишь различіе двухъ расъ, на которыхъ отразилась окружающая природа. Воображеніе одной расы нагромождаетъ детали, увлекаясь фантастичными украшеніями, забывая симметрію; творческій геній другой расы стремится къ самымъ прочнымъ, безжизненнымъ формамъ и выражаетъ вѣчность геометрическими фигурами.

Въ одну изъ недавнихъ раскопокъ отрыли по близости отъ сфинкса Гизэ древнѣйшій храмъ, въ которомъ не оказалось ни орнаментовъ, ни скульптуры. Трудно сказать, какъ долго процвѣтало это строгое творчество, когда декоративныя искусства стушевывались архитектурой, когда мистическая идея вытѣсняла подражаніе жизни, но уже отъ четвертой династіи сохранилось нѣсколько статуй, отмѣченныхъ художественнымъ реализмомъ: сидящій скрибъ, такъ называемый шейкъ, зять фараона, Фта-Се, сдѣланный изъ сахарскаго кедроваго дерева, статуя Хефрема. Пирамиды своей внутренней отдѣлкой открываютъ намъ всю картину современнаго имъ Египта; права, обычаи, одежды всѣхъ сословій—царей, священниковъ, солдатъ, смотрителей и рабочихъ воскрешаются детальными рисунками. Необходимо замѣтить, что въ этотъ періодъ темой для искусства служила настоящая жизнь: передъ нами сцена охоты, рыбной ловли, народныхъ праздниковъ съ плясками и пѣніемъ, въ которыхъ много добродушія и безмятежности. Позднѣе на первое мѣсто вступаетъ загробное существованіе съ его мученіями и искупленіями. Перемѣна объясняется историческими причинами, войною съ сосѣдними народами, благодаря которой Египетъ неоднократно былъ опустошенъ, выжженъ, обращенъ въ рабство. Изображеніе на стѣнахъ гробницъ и храмовъ превращаются, по выраженію Масперо *), въ «большую мистическую книгу, гдѣ отношенія человѣка съ богами и боговъ съ людьми, объяснены очень ясно для того, кто умѣетъ понимать». Какъ извѣстно, въ Египтѣ человѣкъ послѣ смерти обращался въ мумію и его окружали заботливые родственники цѣлой обстановкой рисунковъ, надписей и амулетовъ, составлявшихъ своеобразную надгробную роскошь. Такой обычай вытекаетъ изъ представленія египтянъ о душѣ. Человѣка, по ихъ мнѣнію, образуютъ: *тѣло*, затѣмъ жизненная оболочка (Ка) или что-то въ родѣ *двойника*, изъ менѣе плотной матеріи, затѣмъ *душа* (bi, baï), которая аллегорически представлялась птицей (ласточкой, золотымъ коршуномъ, или журавлемъ), и, наконецъ, *духъ*, искра божественнаго огня. Эти составныя части

*) «L'archeologie Egyptienne». 1887, p. 88.

были неотдѣлимо связаны между собою, и отъ сохраненія одной зависѣла участь другихъ. Двойникъ не оставлялъ тѣла никогда, душа и духъ послѣ долгихъ блужданій по небу, какъ странники, отъ времени до времени залетали отдохнуть на гробницу. Тѣло нуждалось въ бальзамированіи, двойникъ въ пищѣ; потому-то мертвеца снабжали всевозможными съѣстными припасами. Впослѣдствіи наивныя и неудобныя приношенія пріобрѣли болѣе символическій характеръ; ихъ стали замѣнять статуетками, стѣнною живописью. Отсюда къ признанію за этими изображеніями дѣйствительной силы — одинъ шагъ, и мумія постепенно богатѣла, окружаясь амулетками, гіероглифами и папирусами (съ заклинаніями противъ злого принципа, олицетворяемаго крокодиломъ, черепахой или змѣями), которые служили ей какъ бы магической броней *).

Мы находимъ у Геродота, много интересныхъ подробностей въ описаніяхъ Ѳивъ. То былъ промышленный и торговый центръ, въ которыхъ цвѣли наука и литература. Въ продолженіи болѣе двухъ вѣковъ государи двѣнадцатой династіи, бывшіе въ то же время выдающимися инженерами и зодчими, украшаютъ Ѳивы и сосѣдніе города чудесными зданіями, памятниками религіозной и гражданской роскоши; въ ихъ царствованіе прорыто озеро Мерисъ для цѣлей канализаціи, они заботятся объ успѣхахъ всевозможнаго производства, покровительствуютъ пластическимъ искусствамъ и ремесламъ. Мы можемъ познакомиться съ дѣятельной, кипучей жизнью того времени по живописи на стѣнахъ гробницъ Бени-Гассана, а развалины Карнака превышаютъ все, что мы знаемъ въ архитектурѣ, своими величаво-могучими размѣрами. Лицевая сторона храма обращена къ рѣкѣ, куда прежде вела аллея громадныхъ сфинксовъ съ львинымъ тѣломъ и бараньей головой и простертыми лапами; по разсказамъ современниковъ, потолокъ главнаго портика поддерживали сто тридцать четыре столба толщиною съ Вандомскую колонну. Трудно теперь себѣ составить понятіе о внутреннемъ убранствѣ такихъ построекъ. По словамъ Діодора, оно соотвѣтствовало ихъ наружному великолѣпію. «Эти зданія были цѣлы еще сравнительно недавно — говоритъ онъ — золотыя и серебряныя статуи, предметы изъ драгоцѣнной слоновой кости и каменій, находившіеся тамъ, были разграблены персами въ то время, когда зажигалъ Камбизъ египетскіе храмы».

Вотъ какъ описываетъ Геродотъ главное чудо Египта — знаменитый лабиринтъ: «Я видѣлъ его и нашелъ, что онъ выше всякаго описанія. Если бы собрать вмѣстѣ всѣ укрѣпленія эллиновъ и другія зданія, то оказалось бы, что они стоили меньшаго труда и денегъ, чѣмъ лабиринтъ, хотя въ Эфесѣ и на островѣ Самосѣ есть замѣчательные храмы... Это двѣнадцать крытыхъ залъ, расположенныхъ своими пор-

*) Maspero. «Arch. Egypt.» p. 108—160.

талами одна противъ другой и соединенныхъ въ одно помѣщеніе; шесть залъ обращены на сѣверъ, шесть — на югъ. Снаружи они окружены общей стѣной. Покои въ лабиринтѣ двоякаго рода, одни подземные, другіе надъ ними на поверхности земли; всѣхъ покоевъ три тысячи, по полторы тысячи въ каждой половинѣ. Верхнія комнаты мы видѣли сами, ходили по нимъ, разсматривая ихъ, и на основаніи этого говоримъ; о подземельяхъ мы узнали только по разсказамъ. Сторожа ни за что не хотѣли показывать ихъ; тамъ будто бы хранятся могилы царей, строившихъ лабиринтъ, и священныхъ крокодиловъ... Потолки всюду изъ бѣлаго камня, также какъ и стѣны, покрытыя толпою рельефныхъ изображеній; каждая зала окружена колоннами тоже изъ бѣлаго камня. Къ тому самому углу, гдѣ кончается лабиринтъ, тѣсно примыкаетъ пирамида въ сорокъ саженъ вышиною, разукрашенная огромными высѣченными въ камнѣ фигурами; въ нее проникаютъ посредствомъ подземнаго хода» *). По изысканіямъ Лепсіуса, лабиринтъ имѣлъ двѣсти метровъ въ длину и семьдесятъ въ ширину, что не составляетъ еще необыкновенной величины; главная роскошь «египетскаго чуда» заключалась въ безконечномъ количествѣ комнатъ, коридоровъ, двориковъ, хитро расположенныхъ, представлявшихъ тысячи случайностей, такъ что непосвященный не могъ найти выхода.

Знаменитому археологу Маріетту мы обязаны многими чудесными раскопками. Ему принадлежитъ открытіе цѣлаго міра—Серапеума, посвященнаго культу быковъ-Аписовъ. Тамъ въ гробницахъ одного изъ нихъ найдены удивительныя драгоцѣнности изъ золота и эмали, которымъ болѣе тридцати девяти вѣковъ, около сотни статуетокъ изъ твердаго камня, извести и обожженной глины, поражающихъ художественною тонкостью работы. Маріеттъ открылъ также громадное святилище Озириса—храмъ Абидоса (основанный Сети I-мъ), гдѣ происходили общественные праздники и религіозныя процессіи, исполненныя символической роскоши. Такова процессія новаго года, когда на разсвѣтѣ жрецы, окруженные народомъ, приносили статую коровы, разряженную въ пурпуръ и золото, съ изображеніемъ солнца между рогами, на высокую террасу, для того, чтобы утро коснулось ея первыми лучами. То былъ печальный обрядъ въ память оплакиваемой Изиды, оставленной богомъ Озирисомъ. Но бывали и веселыя торжества. Ежегодно шумная толпа египтянъ отправлялась на корабляхъ въ городъ Бубастисъ. Группа мужчинъ играла на флейтахъ, а нѣсколько женщинъ вторило имъ трещотками; остальные пѣли пѣсни и хлопали въ ладоши. Такъ проѣзжали они мимо прибрежныхъ городовъ и, наконецъ, въ Бубастисѣ, устраивали «пиръ со многими жертвами, при чемъ виноградное вино выпивалось въ большомъ количествѣ, чѣмъ за все остальное время» **). Праздники были величайшей радостью и часто

*) Herodoti, lib. II, c CXLVIII.

**) Herodoti, lib. II, c. LX.

единственнымъ утѣшеніемъ набожной и суевѣрной черни, которая любила и смѣшивала съ ея тайнымъ значеніемъ блестящую внѣшность предметовъ.

Публичная роскошь стоила Египту много денегъ, но еще болѣе жертвъ. Угнетенный классъ народа—эти вѣчные «феллахи» проводили всю жизнь въ тяжелой работѣ, вродѣ прорыванія каналовъ и перенесенья на спинѣ камней для безчисленныхъ зданій. Одинъ каналъ къ Еріерійскому морю стоилъ жизни ста двадцати тысячамъ душъ.

Частная роскошь египтянъ не достигала такихъ излишествъ, какъ, напр., въ Индіи или Ассиріи, но все же была знакома имъ во всѣхъ своихъ формахъ. Моралисты какъ будто относились къ ней довольно снисходительно, о чемъ можно судить по слѣдующимъ словамъ Фтаотепа, взятымъ изъ отрывка одного древняго философскаго сочиненія: «Если ты мудръ, то украшай какъ слѣдуетъ свое жилище; люби жену, не вступая съ ней въ ссоры, корми ее и наряжай, — въ томъ заключается *роскошь* ея тѣла. Весели ее и орошай духами: вѣдь она есть благо, которое должно быть достойно своего владѣльца». Женщины въ Египтѣ дѣйствительно пользовались вліяніемъ не только въ семейной, но и въ общественной жизни, и тѣмъ уваженіемъ, котораго большею частью лишены на востокѣ (онѣ посѣщали площади, торговали, и обязаны были поддерживать престарѣлыхъ родителей). Конечно, свобода подавала женщинамъ поводъ къ излишествамъ, хотя ихъ роскошь, повидимому, не переходила извѣстныхъ границъ, такъ же какъ роскошь мужчинъ, которые, по выраженію Геродота, «предпочитали быть опрятными, чѣмъ красивыми». Египтянка, судя по изображеніямъ стѣнной живописи, любила наряды: ея руки и ноги украшали вырѣзныя кольца, запястья съ длинными цѣпочками; въ ея туалетъ входили флаконы съ духами, зеркала и золотые гребни, которыми она сдерживала изысканную прическу; она красила себѣ ногти, рѣсницы и брови, носила тяжелыя серьги и платья изъ тонкой шерсти и льна. Египетъ отличался производствомъ тканей, при чемъ этимъ занимались мужчины; многіе города выдѣлывали ковры длиною въ двѣсти футовъ, расшитые золотыми и пестрыми узорами и также славились окрашиваніемъ матерій въ яркіе и прочные цвѣта, черный, синій, красный, зеленый... Большинство другихъ предметовъ роскоши доставлялось торговлей, такъ какъ долина Нила была исключительно земледѣльческимъ краемъ. Изъ Эѳіопіи привозилось золото, слоновая кость и алмазы, Аравія доставляла благовонія, Индія—свои пряности, и, наконецъ, Финикія и Греція свои вина.

Благодаря самой природѣ, египтяне всегда оставались хлѣбопашцами, и потому не могли достигнуть изнѣженной культуры своихъ сосѣдей, а сословіе мудрыхъ жрецовъ, презиравшихъ блага жизни, у которыхъ все имущество состояло изъ бѣлаго льнянаго одѣянія и сандалій изъ папируса, было на стражѣ царственной роскоши. Мы знаемъ

обычай египтянъ, состоявшій въ томъ, что на богатые пиры приносилось изображеніе мертвеца и его показывали гостямъ со словами: «пей и наслаждайся, но посмотри и на него; послѣ смерти ты будешь такимъ же».

Существуетъ любопытная легенда, что фараонъ Менэсъ, отважный полководецъ и противникъ священства, былъ изобрѣтателемъ повареннаго искусства и первый показалъ своимъ подданнымъ, какъ слѣдуетъ возлежать за ѣдой на мягкихъ коврахъ и подушкахъ. Но, нѣсколькими поколѣніями позже, другой государь Тнефактусъ, преданный жрецамъ, вознегодовавъ на эти новшества, вернулся опять къ простотѣ нравовъ и даже велѣлъ надписать въ Ѳивскомъ храмѣ проклятіе Менэсу и его роскоши. Это проклятіе человѣческой слабости и нѣгѣ передъ созерцаніемъ вѣчныхъ истинъ лучше всего характеризуетъ нравственное сознаніе народа, исполнявшаго въ продолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ свою великую миссію... Послѣ изученія исторіи Египта развитіе другихъ народовъ представляется совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Мистическія тайны изнѣженной, блестящей Ниневіи и Вавилона, которымъ учили маги, отраженіе египетской мудрости, такъ же какъ первыя книги Библіи—плодъ пребыванія евреевъ на берегахъ Нила въ теченіе болѣе четырехъ вѣковъ. Все, что̀ есть глубокаго и серьезнаго въ метафизикѣ и религіи грековъ пришло изъ Египта, а искусство Ѳивъ и Мемфиса безспорно повліяло на искусства Аѳинъ, Рима и, наконецъ, всего западнаго міра. Но если геній Египта былъ неисчерпаемымъ источникомъ для другихъ цивилизацій, то самъ онъ неоднократно подчинялся вліянію завоевателей и сосѣдей. Особенно ощутилось это вліяніе сравнительно въ позднѣйшее время. Шесть вѣковъ до Р. Хр. въ царствованіе Амазиса, благодаря широкимъ сношеніямъ Египта съ иноземцами, произошелъ въ немъ настоящій переворотъ въ распредѣленіи богатствъ, въ нравахъ и, конечно, въ идеяхъ. Иностраннымъ судамъ въ первый разъ позволенъ доступъ къ устьямъ Нила; грекамъ отданъ цѣлый городъ Навкраты и его предмѣстья для сооруженія алтарей и храмовъ. Накопившееся золото было пущено въ оборотъ; появились новые товары, промышленныя и художественныя издѣлія, и все это способствовало ослабленію древняго духа, развитію новыхъ потребностей, послужило къ изысканности, а затѣмъ и къ испорченности новыхъ вкусовъ. Таковъ результатъ историческихъ столкновеній... Все суровое, рѣзкое въ національномъ духѣ освобождается отъ опредѣленности и нетерпимости; идеи становятся шире, нравы—мягче, утонченнѣе, но эта ширина міровоззрѣнія часто переходитъ въ болѣзненный скептицизмъ, а утонченность порождаетъ порокъ, и народъ, послѣ непродолжительнаго подъема творчества, теряетъ свою энергію, свою индивидуальность и смолкаетъ на вѣки.

Мы коснемся еще этого вопроса, когда будемъ говорить объ Египтѣ Птоломеевъ, о роскоши въ Александріи.

VI.

Ассирія и Вавилонъ.

Исторія Месопотамской долины гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ исторія Египта. Полъ вѣка назадъ было бы дерзостью подумать, что можно въ нее заглянуть. Однако недавнія раскопки и въ особенности изученіе клинообразныхъ надписей уже позволяютъ приподнять немного завѣсу, отдѣляющую отъ насъ забытую старину. Плодородная земля, орошаемая Тигромъ и Ефратомъ, дѣлится на нижнюю и верхнюю Месопотамію, гдѣ съ незапамятныхъ временъ поселились двѣ близкія, но враждующія народности: на югѣ—халдеи, сѣвернѣе—ассирійцы. Легенда приписываетъ основаніе Вавилона, столицы халдейскаго государства, Семирамидѣ, а царю Нину—основаніе ассирійской Ниневіи. Въ Библіи упоминается, что родоначальниками этихъ городовъ были потомки Ноя—Нимродъ и Ассуръ *). Другіе источники неизвѣстны. Древнѣйшее историческое данное, которому слѣдуетъ довѣрять, относится къ году покоренія царства Сузъ Асурбанипаломъ (2.295 лѣтъ до нашей эры) **). Вся послѣдующая участь Месопотаміи зависитъ отъ перемѣннаго счастья нескончаемой борьбы между ассирійцами и халдеями. Династіи чередуются: цѣлые города разграблены, уничтожены, забыты, и на ихъ обломкахъ возникаютъ новые; развалины сожженныхъ храмовъ вновь покрываются зданіями; роскошь одного владыки, насажденная силой и кровью, смѣтается насиліемъ другого. Въ XVI-мъ вѣкѣ борьба пріостановлена вторженіемъ египтянъ, но вскорѣ она разгорается еще энергичнѣе, сосредоточиваясь вокругъ двухъ большихъ центровъ—Ниневіи и Вавилона. Послѣ временнаго усиленія южнаго государства (приблиз. отъ 1060—1020 г.), Ниневія цѣною ожесточенныхъ войнъ опять захватываетъ первенство, и тутъ начинается лучшая эпоха такъ называемаго *перваго ассирійскаго царства*, въ правленіе знаменитыхъ Асурназирпала и его сына Салманасара III-го (отъ которыхъ остались развалины сѣверно-западнаго дворца въ Нимрудѣ). Двумя столѣтіями позже снова наступаетъ время упадка и страшныхъ бѣдствій для Ассиріи, продолжавшееся, впрочемъ, недолго. Въ серединѣ того же восьмого вѣка при Теглафталазарѣ II-мъ, смѣломъ полководцѣ, простершемъ свои владѣнія къ Инду на востокъ, а на западѣ до границъ Египта, и главнымъ образомъ въ царствованіе его преемника, котораго принято называть Саргономъ ***), *второе ассирійское царство* достигло апогея славы и роскоши. Саргонъ сооружилъ себѣ резиденцію въ Хорсабадѣ, а сынъ его Сеннахерибъ возстановилъ Ниневію, украсивъ ее

*) Бытіе. X, 9—11.

**) Fr. Lenormant. «Manuel d'Histoire ancienne». II, 24.

***) См. Oppert et Menant. «Les Fastes de Sargon. Paris». 1865.

стѣнами, башнями, набережными, и воздвигнувъ тамъ дворецъ Куюнджикъ. «Я перестроилъ—говоритъ онъ самъ въ одной надписи—старыя улицы, я расширилъ улицы узкія, я создалъ изъ цѣлаго города мѣстность, сіяющую какъ солнце». Но прошло еще два царствованія и Ассирія окончательно пала. Сперва разгромили ее скиѳы, нагрянувъ изъ своихъ дикихъ степей, потомъ мидяне въ союзѣ съ Набополассаромъ намѣстникомъ Вавилона, нанесли ей роковой ударъ, и послѣдній ассирійскій царь Ассуредилани дѣйствительно покончилъ тѣмъ самоубійствомъ, которое приписываютъ Сарданапалу (606 г.).

Этотъ романтическій разсказъ (относимый греками къ 789 г.), рѣшительно ничѣмъ не подтверждается, но онъ любопытенъ для насъ, потому что заключаетъ въ себѣ историческій упрекъ той роскоши, которая способствовала столькимъ разцвѣтамъ и паденіямъ въ древней Месопотаміи. Греки рисуютъ намъ изнѣженнаго Сардапапала умирающимъ на кострѣ, съ толпою своихъ женъ и евнуховъ и съ грудами сокровищъ. Халдеи ворвались въ городъ; вскорѣ цѣлый міръ нѣги и тщеславія, вся Ниневія съ семибашенными храмами и сладострастными дворцами обратились въ пепелъ... У историковъ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что причиною паденія Ассиріи была роскошь, но осторожнѣе будетъ считать ее лишь одною изъ повліявшихъ причинъ. Дѣйствительно, въ этихъ странахъ произвола и угнетенія народа, кромѣ страстной жажды удовольствій, чувственнаго эгоизма, вѣками накоплялся тотъ революціонный духъ, который могъ быть только подавленъ, но, благодаря слабости административныхъ нитей, никогда не былъ побѣжденъ. Государственная непрочность и роскошь были тамъ слѣдствіемъ климата, деспотизма, войнъ, большого неравенства классовъ и безжалостнаго насилія побѣдителей надъ побѣжденными.

«Разъ Ниневія была разрушена, исчезло и все государство. Новыя царства: вавилонское, индійское и персидское стали чередоваться съ такою быстротою, что скоро были забыты подвиги ассирійскихъ героевъ... Слабыя воспоминанія, сохранившіяся въ воображеніи людей, покрылись туманомъ легенды. Грековъ занимала басня о Сарданапалѣ: они сдѣлали изъ нея нравоучительный романъ, развивая ея контрасты и злополучія; однако они не выдумали ничего цѣликомъ. Содержаніе ея должно было образоваться изъ разсказовъ, повторявшихся въ Экбатанѣ, Вавилонѣ и Сузахъ, гдѣ жилъ Ктезій. Въ трагедіи, которая была ея развязкой, можно уловить какъ бы отблескъ зловѣщаго пламени, пожравшаго великую страну, и точно эхо того гула, съ которымъ рушились ея башни, храмы и дворцы» *).

Для насъ этотъ гулъ погибающей роскоши смѣшивается съ пророческимъ воплемъ Наума, называвшаго Ниневію «логовищемъ львовъ» и «городомъ кровей», «полнымъ обмана и убійства»: «Господь есть

*) Perrot et Chipiez. «Histoire de l'art dans l'antiquité». II, 52. Paris. 1884.

Богъ ревнитель и мститель; мститель Господь и страшенъ во гнѣвѣ своемъ... Въ вихрѣ и бурѣ шествіе Господа, облако—пыль отъ ногъ Его. Расхищайте серебро, расхищайте золото! нѣтъ конца запасамъ драгоцѣнной утвари. Разорена Ниневія! Кто пожалѣетъ о ней? гдѣ найду я утѣшителей для тебя?» [1]). А пророкъ Софонія добавляетъ: «Всякій, проходя мимо нея, посвищетъ и махнетъ рукой» [2]).

Какова же была роскошь, возбуждавшая огненное и презрительное негодованіе еврейскихъ пророковъ? Смѣлые завоеватели, только что упомянутые нами, въ то же время показали себя и усердными строителями. Въ Халдеи и Ассиріи авторитетъ монарховъ считался безграничнымъ; все населеніе, всѣ земли и должности были ихъ собственностью; повсюду слѣдовалъ за ними раболѣпный дворъ: безчисленные слуги, жены, евнухи, дворцовая стража, конюха, мастеровые, художники и проч.; обширныя зданія были дѣломъ ихъ тщеславной самовлюбленности. Каждый царь, вступивъ на престолъ, желалъ имѣть свой собственный дворецъ для отдыха, удовольствій и прославленій, дворецъ, гдѣ бы на всѣхъ камняхъ красовалось только его имя, картины его походовъ и побѣдъ. До насъ дошли горделивыя надписи Сеннахериба или сына его Ассерадона, который хвалится тѣмъ, что онъ воздвигъ десять дворцовъ и тридцать шесть храмовъ [3]). Очень немногое сохранилось отъ этихъ многочисленныхъ построекъ, сложенныхъ почти исключительно изъ непрочнаго, наскоро обожженнаго кирпича, а не изъ вѣчныхъ каменныхъ глыбъ, какъ въ Египтѣ. Однако, найдены барельефы, относящіеся еще къ десятому вѣку до Р. Хр., въ развалинахъ такъ называемаго сѣверо-западнаго дворца въ Калахѣ [4]). Но лучшая раскопка произведена на мѣстѣ древняго Корсабада французскимъ археологомъ Victor Place [5]). Подъ землей былъ открытъ громадный дворецъ временъ Саргона, заключающій, не считая служебныхъ помѣщеній, пріемныя, залы или сераль, гаремъ, храмъ и обсерваторію, другими словами, всѣ составныя части монархической роскоши: могущество, любовь, религію и астрологическую науку... Въ немъ нашли 235 комнатъ и 35 двориковъ съ самымъ различнымъ назначеніемъ: тутъ были кухни, пекарни, погреба, манежи, конюшни, сараи для верблюдовъ помѣщенія для колесницъ, для оружія и сбруи и т. д.

Внѣшній обликъ этихъ построекъ былъ весьма однообразенъ, представляя изъ себя рядъ прямыхъ параллелепипедовъ [6]), то замыкающихся въ видѣ параллельныхъ четыреугольниковъ, то наставленныхъ другъ на другѣ и постепенно съуживающихся кверху въ видѣ семи

---

[1]) Книга пророка Наума. Гл. I, II, III.

[2]) Книга пророка Софонія. Гл. II.

[3]) Rawlinson. «The five great monarchies». II, 196.

[4]) Подробности: Layard. «The monuments of Nineveh». London. 1849.

[5]) «Ninive et l'Assyrie». 3 vol.

[6]) Perrot et Chipiez. II, 125.

площадокъ. Къ послѣднему типу принадлежатъ мистическіе храмы, служившіе магамъ для наблюденій за звѣздами въ темно-прозрачныя аравійскія ночи.

Религію халдеевъ и ассирійцевъ можно назвать тайнымъ и неяснымъ единобожіемъ, переходящимъ въ полидемонизмъ: они вѣрили, что міръ наполненъ (по преимуществу злыми) духами, которые воплощались въ страшные образы, съ человѣческимъ тѣломъ, львиной мордой, собачьими ушами и когтистыми лапами хищной птицы. Имъ приносились кровавыя жертвы, нерѣдко состоявшія изъ людей. Звѣзды были тоже духами, управляющими судьбою смертныхъ. Символическое число семь, которое встрѣчается повсюду: въ египетской «Книгѣ Мертвыхъ» такъ же, какъ въ храмахъ Навуходоносора, въ пиѳагорійской философіи, въ еврейскомъ семисвѣчникѣ, или въ нашихъ календаряхъ, произошло отъ числа пяти планетъ, солнца и луны. Въ халдео-ассирійской архитектурѣ каждый изъ семи кирпичныхъ этажей (приблизительно, шести метровъ вышиною), сначала покрывался особымъ лакомъ для предупрежденія отъ разрушительнаго дѣйствія сырости, а потомъ—особою краской въ честь семи цвѣтовъ радуги и семи небесныхъ свѣтилъ: первый въ бѣлый цвѣтъ, второй—въ черный, третій—въ пурпурный, четвертый—въ синій и пятый—въ красно-желтый; шестой этажъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, серебряно-сѣрымъ, посвященнымъ лунѣ и, наконецъ, седьмой въ честь солнца—золотымъ [1]). Описаніе Экбатаны у Геродота сходится съ этими выводами, основанными на расположеніи случайно уцѣлѣвшихъ красокъ на кирпичахъ развалинъ [2]).

Не въ одномъ окрашиваніи состояла роскошь построекъ. Мы знаемъ что онѣ покрывались яркими изразцами, узорами, фресками, барельефами, гдѣ сплетались животные, люди, цвѣты и крылатые геніи: желтые, бѣлые на голубомъ фонѣ; а куски изваяній во дворцѣ Саргона, если бы ихъ приложить другъ къ другу, имѣли бы въ общемъ около двухъ километровъ длины; барельефы (облекавшіе нижнюю часть стѣнъ), составляли около шести тысячъ кв. метровъ [3]). Для деревянныхъ частей, отдѣлываемыхъ бронзой, привозился ливанскій кедръ, кипарисъ и дубъ. «Въ счастливый мѣсяцъ,—говоритъ Сеннахерибъ,—и въ удачный день я воздвигъ, по желанію моего сердца, дворецъ изъ алебастра и сирійскаго кедра, величайшій дворецъ во вкусѣ Ассиріи...» [4]) А пророкъ Софонія, призывая гибель Ниневіи, восклицаетъ: «Разрушеніе обнаружится на дверныхъ столбахъ, ибо не станетъ на нихъ кедровой обшивки» [5]). Главный входъ зданія иногда дѣлался изъ базальта и діорита и къ нему приставлялись символическія каменныя

[1]) Place. I, 141—146.
[2]) Herodoti, lib. I, XCVIII.
[3]) Perrot et Chipiez. II, 285.
[4]) Oppert. «Les Sargonides», 52.
[5]) Кн. прор. Софон. II, 14.

изваянія: крылатые львы и быки съ длиннобородыми человѣческими головами; изъ Индіи привозились кусочки яшмы и лапись-лазури, оттѣнявшіе бѣлизну слоновой кости; южные склоны Загроса доставляли въ изобиліи: желѣзо, мѣдь, свинецъ, серебро; наконецъ, со всѣхъ сторонъ стекалось золото, которое мастера умѣли дѣлать блестящимъ или матовымъ, смотря по желанію, легко вытягивать въ длинные нити или сплющивать въ тонкія полосы, придавая имъ разные оттѣнки, обрабатывая ихъ молоточкомъ, иглой и рѣзцомъ.

Величественно-пестрый видъ должны были создавать эти архитектурныя чудеса въ Ниневіи или въ старинномъ Калахѣ на лѣвомъ берегу Тигра, тамъ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Цабъ. «Дворецъ за дворцомъ подымались на высокой площади, поддерживавшей городъ, и каждый былъ разукрашенъ золотомъ, живописью, рѣзнымъ деревомъ, скульптурой, изразцами и соперничалъ съ другими въ богатствѣ: каменные львы, сфинксы, обелиски и священныя башни наполняли разнообразной роскошью картину. Надъ всѣмъ царила своими уступами громадная пирамида близъ святилища Адаръ и какъ бы собирала вокругъ себя толпу дворцовъ и храмовъ. Тигръ, омывавшій западную часть города, отражалъ его на поверхности, и, удваивая видимую вышину зданій, разсѣивалъ подавляющую тяжесть ихъ (что составляетъ слабую сторону въ ассирійскомъ зодчествѣ). Когда солнце, на закатѣ, бросало на этотъ видъ тѣ сверкающія краски, которыя только и горятъ на небѣ Востока, Калахъ долженъ былъ являться взорамъ путешественника, видѣвшаго его въ первый разъ, какимъ-то видѣніемъ волшебнаго края» *).

Немногое придется добавить о публичной роскоши въ Вавилонѣ. Основныя черты ея тѣ же. Когда этотъ городъ, вѣковой соперникъ Ассиріи, достигъ, наконецъ, неоспоримаго первенства, Набополассаръ и въ особенности Навуходоносоръ наполнили его небывалымъ блескомъ. Одно за другимъ выростали величавыя зданія: храмъ «Неба и Земли», святилище «Скипетроноснаго Нэва», «Міроваго Судьи», «Громовержца Бина», «Великаго Свѣта» въ честь бога Синъ, «Великихъ Горъ» въ честь богини Нана, такъ называемыхъ «три чуда»: великій храмъ, храмъ жизни и храмъ живого духа, святилища «Ваалъ-Сапатонъ» и «Ваалъ Зида», о которомъ сохранилось описаніе Діодора, взятое у Ктезія: «На послѣдней башнѣ есть капище, а въ немъ стоитъ большое, прекрасно убранное ложе и золотой столъ; никакой статуи, однако, нѣтъ. Провести тамъ ночь никому не дозволяется, исключая одной туземной женщины, избранной божествомъ изъ числа всѣхъ женщинъ... «Въ вавилонскомъ храмѣ есть внизу еще другое капище, и тамъ находится изображеніе сидящаго Зевса (Бель-Меродаха); передъ нимъ стоитъ большой столъ, скамейка и стулъ изъ золота. Халдеи говорятъ,

*) G. Rawlinson. II, 98—99.

что все это сдѣлано изъ восьмисотъ талантовъ золота. Подлѣ храма есть золотой жертвенникъ, и еще другой громадный жертвенникъ, на которомъ закалывается мелкій скотъ: только млекопитающіе, достигшіе извѣстнаго возраста; кромѣ того, ежегодно сжигается на немъ тысяча талантовъ куреній въ праздничный день бога» **).

Но всего грандіознѣе, быть можетъ, было святилище «Семи Сіяній»; къ нему относится слѣдующая надпись, найденная Ролинсономъ въ развалинахъ Бирсъ-Нимруда, надпись лучше всякой исторической критики рисующая намъ Навуходоносора, этого «царя царей» *), ставшаго прообразомъ высокомѣрія, религіознаго пафоса и необузданной расточительности... «Навуходоносоръ, царь Вавилона, слуга вѣчнаго Существа, свидѣтель безпредѣльной любви Меродаха, могучій государь, прославляющій Нэво, спаситель, мудрецъ, который напрягаетъ слухъ для велѣній высшаго Бога, намѣстникъ Бога, не употребившій во зло дарованной власти, возстановитель пирамиды и башни, первенецъ Набополассара, царя вавилонскаго, царь. Мы объявляемъ: Меродахъ, самъ великій Господь меня создалъ, для того, чтобы я возстановилъ его алтари. Нэво, наблюдающій за легіонами небесъ и земли, вложилъ въ мои руки скипетръ правосудія. Пирамида—храмъ неба и земли, жилище повелителя боговъ, Меродаха; я покрылъ чистымъ золотомъ святилище, гдѣ покоится его всемогущество. Я перестроилъ съ основанія башню, вѣчный пріютъ; серебромъ, золотомъ, камнемъ, гладкимъ кирпичемъ, кипарисомъ и кедромъ закончилъ я его великолѣпіе... Храмъ семи земныхъ сіяній, съ которымъ связано самое старинное воспоминаніе о Борсиппѣ, былъ выстроенъ древнимъ царемъ (съ той поры насчитываютъ сорокъ двѣ человѣческихъ жизни), но онъ не докончилъ его кровли. Люди покинули его со временъ потопа, *произнося безпорядочныя рѣчи*... Землетрясеніе и удары грома потрясли сырую кладку, а кирпичъ обожженый раскололи. Я начерталъ славу моего имени на таблицахъ, украшающихъ своды...»

Мы уже указывали на климатъ, какъ на одну изъ причинъ, повліявшихъ на роскошь Месопотаміи. Подтвержденіе тому мы находимъ въ знаменитыхъ «висячихъ садахъ» Вавилона. Зной въ этихъ краяхъ, какъ подтверждаютъ путешественники, палящій, невыносимый. Желаніе подняться надъ раскаленной землей, хотя бы на нѣсколько аршинъ, въ тѣнь деревьевъ, могло быть не только художественной фантазіей, но и весьма понятной потребностью. И вотъ одна изъ любимыхъ женъ Навуходоносора, избалованная Амитисъ построила (по разсказамъ Діодора) на постепенно повышающихся колоннахъ (достигавшихъ 25 метровъ), квадратныя площадки, расположенныя амфитеатромъ, камни которыхъ были покрыты хворостомъ и асфальтомъ, а затѣмъ слоемъ

*) Herodoti, lib I, LXXXI—LXXXIII.
**) Книг. прор. Даніила. II, 37.

кирпичей, скрѣпленныхъ известкой и свинцомъ для того, чтобы сквозь нихъ не просачивалась вода. На искусственной почвѣ росли деревья, цвѣты, и, подымаясь все выше и выше, проглядывая сквозь ряды колоннъ, они казались пестрымъ кружевнымъ шатромъ, поднятымъ на воздухъ...

Не только Вавилонъ отличался красотою, не только его цари позволяли себѣ роскошества. Имъ подражали знатные люди, начальники многочисленныхъ областей: у одного сатрапа было въ конюшняхъ восемьсотъ жеребцовъ и шестнадцать тысячъ кобылъ, а индійскихъ собакъ у него было такое множество, что четыре большихъ селенія, свободныя отъ другихъ податей, обязаны были поставлять для нихъ прокормъ *). Судя по найденнымъ барельефамъ, изразцамъ и статуямъ, мы можемъ себѣ составить понятіе о частной обстановкѣ, въ которой жили эти люди. Мы видимъ, что болѣе богатые носятъ браслеты, кольца и серьги; борода у нихъ завитая въ нѣсколько рядовъ; пышныя кудри падаютъ на плечи, а къ длинному платью съ бахромой прикрѣплены маленькіе камешки, издававшіе, по догадкамъ ученыхъ, легкій шорохъ при ходьбѣ. Священники надѣвали на голову круглую митру съ рогами. Также приблизительно описывалъ халдеевъ и ассирійцевъ «отецъ исторіи» Геродотъ. «Одежда ихъ слѣдующая,—говоритъ онъ:—льняная туника, спускающаяся до ногъ, затѣмъ другая туника шерстяная, а поверхъ набрасываютъ они небольшой бѣлый плащъ; обувь похожа на беотійскіе башмаки. Волосы у нихъ на головѣ длинные и сдержаны повязкою; все тѣло умащается. Каждый изъ нихъ носитъ перстень съ печатью и красивую палку, украшенную сверху искусственнымъ яблокомъ, розою, лиліею, орломъ или чѣмъ-нибудь другимъ; носить палку безъ изображенія не въ обычаѣ. Такъ обращаются они со своимъ тѣломъ» **). Мы знаемъ, что они гордились богатымъ вооруженіемъ, ѣздили на золоченыхъ колесницахъ, о чемъ такъ повѣствуетъ пророкъ Наумъ: «Щитъ героевъ его красенъ; воины его въ одеждахъ багряныхъ; огнемъ сверкаютъ колесницы въ день приготовленія къ бою, и лѣсъ копьевъ волнуется» ***). Всѣ описанныя нами богатства, разсѣянныя въ храмахъ и дворцахъ, повидимому, находили мѣсто и въ частныхъ жилищахъ. Они выражались въ изящной утвари съ украшеніями изъ слоновой кости или бронзовыхъ инкрустацій, въ тонкой рѣзьбѣ металлическихъ вазъ, въ шкатулкахъ изъ цѣннаго дерева, на которыхъ сказывалось вліяніе Египта и Финикіи.

Женщина среди этой живописной цивилизаціи играла незначительную роль; она являлась орудіемъ излишествъ и рабою въ семьѣ. Полигамія допускалась во всѣхъ слояхъ общества, а царскій гаремъ стоялъ

*) Herodoti, lib. I, XCII.
**) Ibid. XCV.
***) Кн. прор. Наумъ. II, 3.

на высотѣ государственнаго учрежденія. По закону, мужчина, какъ всесильный повелитель, могъ купить жену или отдѣлаться отъ нея двумя минами серебра; она же за измѣну или просто за намѣреніе оставить мужа приговаривалась къ потопленію въ рѣкѣ *). «Женщина, изящество и красота которой такъ живо почувствованы египетскимъ искусствомъ, почти вполнѣ отсутствуетъ въ ассирійскомъ ваяньѣ» **). За то она выступаетъ на первый планъ тамъ, гдѣ дѣло касается распущенности. Надписи хорсадабадскаго гарема заключаютъ такія нравоописательныя подробности, что ихъ нельзя повторить. Геродотъ, относящійся въ остальныхъ случаяхъ довольно снисходительно къ нравамъ вавилонянъ, замѣчаетъ: «есть у нихъ, однако, слѣдующій отвратительный обычай: каждая туземная женщина обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иностранцемъ въ храмѣ Афродиты (Мелитты)...» Съ другой стороны онъ хвалитъ и даже называетъ «мудрѣйшимъ» обычай отдавать дѣвушекъ замужъ съ публичнаго торга, при чемъ красавицы, купленныя дороже, изъ вырученныхъ денегъ были обязаны давать приданое некрасивымъ и калѣкамъ, и онѣ поэтому всегда находили себѣ мужей. Женщины, исполнявшія роль жрицъ, и которыя, по словамъ Іереміи, «обвязавшись тростниковымъ поясомъ, сидѣли на улицахъ, сожигая куренія изъ оливковыхъ зеренъ», не отличались цѣломудріемъ ***); но въ особенности было безнравственно духовенство. «Бываетъ также,—замѣчаетъ пророкъ,—что жрецы похищаютъ у боговъ своихъ золото и серебро и употребляютъ его на себя самихъ; удѣляютъ изъ того и блудницамъ подъ ихъ кровомъ...»

Вавилонъ былъ центромъ суевѣрій, всевозможныхъ «волшебниковъ, мудрецовъ, гадателей и обаятелей», о которыхъ такъ часто упоминается въ Библіи, шумнымъ маскарадомъ нарѣчій, религій и профессій, куда стекалась разношерстная толпа народовъ и заносились идеи и богатства всего міра, гдѣ переживанія древнѣйшаго варварства сталкивались съ цивилизаціями Азіи, Африки и Европы и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ благопріятную почву для роскоши и веселья, для того культа чувственныхъ наслажденій, которымъ прославился. Въ ночь, когда Киръ, отведя русло Тигра, овладѣлъ громаднымъ городомъ, Вавилонъ предавался буйной оргіи: онъ умеръ такъ же, какъ жилъ, залитый виномъ и кровью. «Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали. О, ты, живущій при водахъ великихъ, изобилующій сокровищами! пришелъ конецъ твой, мѣра жадности твоей» ****).

---

*) Fr. Lenormant. t. II liv. IV.

**) Perrot et Chipiez, II, III.

***) Посланіе Іереміи 42, 43.

****) Книга Іереміи. LI, 7, 13.

VII.

Тиръ и Сидонъ. Евреи.

Искусство семитовъ тяготѣетъ къ богатству и символической пышности, а не къ идеализаціи жизненныхъ формъ; въ немъ преобладаетъ цѣнность матеріала надъ художественнымъ творчествомъ, чувственность—надъ пластическимъ чутьемъ; въ немъ больше великолѣпія, чѣмъ гармоніи, больше *роскоши*, чѣмъ *красоты*.. Постройки финикіянъ, лидійцевъ, евреевъ и пр. такъ же, какъ храмы Ниневіи и Вавилона, несмотря на свое почти невѣроятное богатство, поражаютъ бѣдностью очертаній... какъ будто цѣль этого искусства тревожить, ошеломлять воображеніе человѣка излишествомъ блеска, а не навѣвать ему созерцательный восторгъ. Таковъ вездѣ семитическій геній—и въ государственномъ бытѣ, которому не доставало единства, спокойствія, прочности, и въ архитектурѣ, и въ лирикѣ. Обаяніе красочной, параболической поэзіи семитовъ не заключается въ задушевной серьезности, въ мучительной глубинѣ чувства, а въ духѣ преувеличенія, въ духѣ стремительнаго волшебства; эта поэзія кажется рядомъ обрывающихся звуковъ, вспыхивающихъ образовъ, въ которыхъ всегда больше словъ, чѣмъ мысли, также какъ въ ея видимомъ и осязаемомъ выраженіи, въ зодчествѣ—больше золота, чѣмъ линій. Если въ Индіи роскошь по преимуществу выражалась *причудливыми формами*, а въ Египтѣ—*размѣромъ*, то у семитовъ мы встрѣчаемся съ *роскошью матеріала*. Говоря о Китаѣ, мы старались разграничить искусство и роскошь (въ тѣсномъ смыслѣ) введеніемъ понятія о *ремеслѣ*. Теперь мы подошли къ тому же вопросу, только съ другой стороны; но вполнѣ выяснится онъ въ будущемъ, когда мы перейдемъ къ роскоши у грековъ.

Было бы излишествомъ подолгу останавливаться на другихъ древнихъ народностяхъ, унаслѣдовавшихъ ассирійцамъ и халдеямъ, повторяя свѣдѣнія, такъ добросовѣстно переданныя намъ Геродотомъ и Ксенофонтомъ въ «Киропедіи» (мы коснемся персовъ, говоря о вліяніи ихъ на Грецію). Съ исторической точки зрѣнія здѣсь наблюдается то же роковое превращеніе: воины, закаленные въ битвахъ и лишеніяхъ походной жизни, ставъ побѣдителями, понемногу ослабѣваютъ въ нѣгѣ и порокахъ. Варварская грубость становится варварскою утонченностью; новыя потребности, не развиваясь постепенно, а возникнувъ быстро, подъ вліяніемъ историческихъ случайностей, вызываютъ односторонніе и вредные излишества. Народъ-завоеватель погибаетъ въ неудержимомъ разгулѣ, точно стремясь какъ можно скорѣе уничтожить богатства похищеннаго пира; но свѣжее племя, какъ новая, разрушительная волна, опрокидывая все на пути, съ жадностью набрасывается на остатки яствъ на недопитые кубки и продолжаетъ пировать до будущей

грозы. Мидяне пали среди обжорства и пьянства; лидійцы—среди мистическаго разврата и жестокаго рабовладѣльчества и т. д.

Отдѣльно стоятъ финикіяне—хитрые купцы и мореплаватели, игравшіе роль посредниковъ между богатствами Азіи, Африки и Европы. Тиръ и Сидонъ навсегда останутся представителями громадныхъ торговыхъ центровъ. Они лежали, по выраженію пророка *), «въ сердцѣ морей» и поэтому были сборнымъ мѣстомъ для окружающихъ народовъ—сосредоточіемъ избалованности всего древняго міра. Библія рисуетъ намъ довольно полную картину финикійской цивилизаціи, выдѣляя въ особенности ея беззаботную роскошь для того, чтобы въ гнѣвномъ пророчаніи показать ея тщету. Мы узнаемъ, что помосты на финикійскихъ корабляхъ дѣлались изъ сенирскихъ кипарисовъ, мачты—изъ ливанскаго кедра, весла—изъ вассанскихъ дубовъ, а скамьи изъ буковаго дерева и слоновой кости съ острововъ Киттимскихъ; мы узнаемъ далѣе, что египетскія узорчатыя полотна употреблялись на паруса и флаги, что голубыя и пурпурныя ткани съ острововъ Елисы служили покрывалами. Мѣновая торговля Тира охватывала всѣ страны. Городъ Ѳарсисъ платилъ ему за товары серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ, Іаванъ, Ѳувалъ и Мешехъ — рабами, мѣдной утварью; городъ Ѳогармъ посылалъ ему своихъ коней и лошаковъ, Деданъ — цѣнныя попоны, Дамаскъ—вина и бѣлую шерсть; Іудея отплачивалась меннитской пшеницею, медомъ, бальзамомъ, арамеяне—карбункулами, кораллами и рубинами. На финикійскихъ рынкахъ можно было встрѣтить козловъ и барановъ изъ Аравіи, павлиновъ изъ Эѳіопіи, благовонную трость Расмы, узорный шелкъ Ассиріи, Хилмада... Блестящее описаніе этой роскоши Іезекіиль завершаетъ обращенными къ Тиру словами: «Большою мудростью ты умножилъ богатство твое и умъ твой возгордился. За то, такъ говоритъ Господь Богъ: отъ обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды и ты согрѣшилъ; и Я низвергнулъ тебя, какъ нечистаго, съ горы Божіей, изгналъ тебя херувимъ, осѣняющій изъ среды огнистыхъ камней. Отъ *красоты* возгордилось сердце твое, отъ *тщеславія* ты погубилъ мудрость; но Я повергну тебя на землю, передъ царями отдамъ тебя на позоръ. Множествомъ беззаконій въ неправедной торговлѣ ты осквернилъ святилища твои; и Я извлеку изъ среды твоей огонь, который и пожретъ тебя; и Я превращу тебя въ пепелъ на землѣ передъ глазами всѣхъ видящихъ» **). Къ этому голосу присоединяются другія пророческіе голоса... Въ нихъ слышится тотъ же гимнъ страстной вѣры, та же бичующая поэзія осужденія, тотъ же приговоръ духа надъ тѣлесными благами, надъ грѣхомъ наслажденій и роскоши. Гдѣ бы ни жили евреи и какъ бы ни подчинялись вліянію сосѣдей, перенимая языческіе нравы,

*) Книга пр. Іезекіиля, XXVII, 4.

**) Книга пр. Іезекіиля, XXVIII, 4—18.

привычки и вѣру, среди нихъ появлялись люди, которымъ ангелъ неба «отверзалъ уста горячимъ углемъ», вдохновенные проповѣдники, воплощавшіе религіозную совѣсть народа. Евреи были хранителями чистаго монотеизма; они понимали природу, какъ *твореніе* личнаго Бога, съ безграничнымъ сознаніемъ и волей, съ Которымъ человѣкъ вступаетъ въ *договоръ*, тогда какъ другіе семитическіе народы видѣли въ мірѣ только *проявленіе* загадочной, верховной силы, смѣшанной съ природой и далекой отъ людей. Отсюда—строгая послѣдовательность и догматизмъ еврейской морали и ея несогласіе съ нравственными взглядами, такъ-называемыхъ идолопоклонниковъ; отсюда—упорная борьба плоти и духа, оставившая слѣдъ на каждой страницѣ Библіи, гдѣ все проникнуто сокрушеніемъ о грѣхѣ, боязнью согрѣшить и въ особенности идеей божеской кары за грѣхъ... Евреямъ, какъ избранникамъ Іеговы, было сказано: «Будьте святы, потому что Я святъ», и сознаніе этой высшей обязанности спасло ихъ сравнительно немногочисленное племя отъ нравственнаго упадка среди порочной изнѣженности Востока.

Моисей былъ первымъ цензоромъ роскоши; онъ запретилъ вещественныя языческія изображенія божества, ограничилъ закономъ рабовладѣльчество и частныя богатства, закрѣпилъ навсегда патріархальность семейной жизни Израиля. Допуская необходимость царя для военныхъ цѣлей, для государственнаго объединенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ народъ объ излишествахъ, о злоупотребленіи властью будущихъ помазанниковъ Бога. Моисей говорилъ: «Изъ среды братьевъ твоихъ поставь надъ собою царя, но только, чтобы онъ не умножалъ себѣ чрезмѣрно коней и женъ, серебра и золота, дабы не развратилось сердце его. Пускай не гордится сердце его и не уклоняется онъ ни вправо, ни влѣво отъ закона, дабы долгіе дни пребывать ему и сыновьямъ его надъ царствомъ Израиля» *). Впослѣдствіи (приблизительно, одиннадцать вѣковъ до Р. Х.) первый же избранникъ народа — Саулъ, измѣнилъ этимъ завѣтамъ; онъ окружилъ себя многочисленнымъ дворомъ, иноплеменными женами, всею пышностью деспотизма, подтверждая мудрое предсказаніе Самуила: «Сыновей вашихъ онъ возьметъ и сдѣлаетъ всадниками своими и будутъ бѣгать они передъ колесницами его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанья и пекли хлѣбы. И поля ваши, лучшіе виноградники и масляничные сады возьметъ онъ и отдастъ слугамъ своимъ. И возстанете вы тогда на царя вашего, котораго сами избрали, но Господь не поможетъ вамъ» **).

Мы знаемъ, что преемники Саула: Давидъ, Соломонъ и другіе цари такъ же далеки были отъ патріархальной простоты и приближались къ типу восточныхъ монарховъ, описанныхъ нами выше. Въ *Книгѣ Царствъ* есть много любопытныхъ подробностей. Мы не станемъ опи-

*) Второзаконіе, XVII, 15—20.

**) Первая кн. царствъ, VIII, 11—18.

сывать знаменитаго іерусалимскаго храма, вполнѣ относящагося по характеру своей роскоши къ тому, что было сказано о халдейскихъ постройкахъ, но упомянемъ только, что царь Соломонъ сдѣлалъ себѣ престолъ изъ слоновой кости, обложенный золотомъ, къ которому вели шесть ступеней съ двѣнадцатью львами по сторонамъ,—что у него всѣ сосуды были золотые, «такъ какъ серебро во дни Соломоновы ничего не стоило» *), что мудрѣйшій изъ царей полюбилъ многихъ чужестранныхъ женъ и въ угоду имъ «построилъ капище Хамосу, мерзости Моавитской и Молоху, мерзости Аммонитской» и т. д. **). О роскоши еврейскихъ женщинъ, бывшихъ, какъ вездѣ, главнымъ соблазномъ и поэтому главной мишенью для нападокъ моралистовъ, есть слѣдующее многозначительное мѣсто у пророка Исайи ***), который жилъ во дни Озіи, Іоаѳама, Ахаза и Езекіи: «За то, что дочери Сіона надменны и ходятъ, поднявъ шею и обольщая взорами, и выступаютъ величавою поступью, и гремятъ цѣпочками на ногахъ; обнажитъ Господь темя дочерей Сіона и предастъ ихъ позору. Въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ и звѣздочки и луночки, возьметъ серьги, ожерелья и опахала, запастья, пояса, сосудцы съ духами и привѣски волшебныя, перстни и кольца въ носу, верхнюю одежду и нижнюю, платки и кошельки, свѣтлыя тонкія епанчи, повязки и покрывала... И будетъ вмѣсто благовонія—смрадъ, вмѣсто пояса—веревка, вмѣсто завитыхъ волосъ—плѣшь и будетъ не широкая епанча, а узкое вретище, не красота, а клеймо». Строгіе пророки были неумолимы... Правда, ихъ мало слушались надменно-прекрасныя еврейки, идумеянки и моавитянки и продолжали смущать благочестивое населеніе, зато божья кара неоднократно посѣщала Израиль и тогда онъ съ раскаяннымъ плачемъ вспоминалъ своихъ учителей...

Проповѣдь этихъ людей, составляющихъ, по выраженію одного писателя, «подобіе звеньевъ длинной электрической цѣпи на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ», одухотворяла національное самосознаніе евреевъ, укрѣпляя ихъ надежду въ будущаго искупителя міра — Мессію, и поэтому была провозвѣстницей новой исторической эры — христіанства.

Сергѣй Маковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Третья Книга Царствъ, X, 18—21.
**) Ibid., XI, 1—7.
***) Книга пр. Исайи, III, 16—22.

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава шестая.

Психика растеній! Какъ-то странно звучитъ сочетаніе этихъ словъ. Мы настолько далеки отъ предположенія чего-либо сходнаго, даже съ ощущеніями, въ растеніяхъ, и въ такой мѣрѣ привыкли приравнивать растенія къ бездушнымъ машинамъ, что многіе, прочитавъ эти слова, помянутъ пишущаго эти строки не добрымъ словомъ и, можетъ быть, совершенно даже откажутся отъ чтенія этой главы.

Вѣдь не дозволяется отрицать ходячее положеніе, что «мы вправѣ требовать отъ этой науки (т.-е. науки о жизни растеній) при ея современномъ состояніи, чтобы при объясненіи явленій жизни она прибѣгала *только* **) *къ трояка города* причинамъ: химическимъ, физическимъ и историческимъ» (пр. Тимирязевъ) или «Итакъ, въ дѣйствительности имѣются только три науки: физика, химія и общая механика; эти три науки обнимаютъ собою всѣ проявленія природы, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ тѣлъ. Наука о жизни есть, такимъ образомъ, только своеобразная отрасль общей физико-химіи» (Фредерикъ и Нюэль).

Отступниковъ отъ этого господствующаго взгляда, беззастѣнчиво иронизируя, обзываютъ то «смельчаками», то «обскурантами» не стѣсняясь даже и въ томъ случаѣ, если эретиками оказываются ученые, пользующіеся заслуженною извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ.

Имѣя въ виду возможность подобнаго же непріязненнаго отношенія къ предстоящей темѣ, я тѣмъ не менѣе не только не отказываюсь отъ признанія психики у растеній, но удѣляю развитію ея цѣлую главу, побуждаемый къ этому вѣскими соображеніями въ пользу утвержденія, что и растенія не лишены психики.

Во-первыхъ, не я одинъ и не я первый утверждаю, что растенія обладаютъ психикой; своимъ соображеніямъ я предпошлю поэтому

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

**) Курсивомъ обозначены слова мною.

изложеніе возможно краткое того, что было уже высказано различными учеными на эту тему.

Наиболѣе обстоятельно высказался въ этомъ отношеніи извѣстный психофизикъ Фехнеръ. Сочиненіе его, озаглавленное «Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen» въ 400 страницъ маленькаго формата, вышло въ свѣтъ въ 1848-мъ году въ Лейпцигѣ. Въ томъ видѣ, какъ оно написано, трудно его отстаивать въ настоящее время; но со слѣдующею существенною замѣною слова «душа» выраженіемъ «психика» и, при пониманіи подъ послѣднимъ совокупности психическихъ актовъ безъ ближайшаго опредѣленія ихъ природы и отношенія къ явленіямъ, называемымъ матеріальными, можно и въ настоящее время соглашаться съ главнѣйшими положеніями Фехнера.

Фехнеръ (стр. 4) опредѣляетъ цѣль своего труда, какъ попытку, не вдаваясь въ разсужденіе о Богѣ и природѣ, о тѣлѣ и душѣ и другихъ подобныхъ абстрактныхъ положеній, и опираясь лишь непосредственно на фактическія, малодоступныя оспариванію и общепонятныя данныя, получить отвѣтъ на вопросъ: на сколько возможно предположить въ растеніяхъ душу (психику), сходную съ душою животныхъ и нашею. И въ чемъ состоятъ признаки одушевленія растеній? (стр. 8).

Ходъ его разсужденій приблизительно слѣдующій:

Развѣ различіе между живымъ и мертвымъ растеніемъ не сходно съ отличіемъ живого животнаго отъ мертваго? (стр. 10).

При томъ и строеніе, и жизненные процессы совершенно аналогичны у животныхъ и растеній. Даже основное построеніе изъ клѣтокъ совершенно сходно, и разница лишь въ томъ, что клѣтки нѣсколько иначе связаны, иначе сгруппированы; сходно и происхожденіе всякаго недѣлимаго изъ одной первоначальной клѣтки и дальнѣйшее развитіе его, сопровождаемое размноженіемъ этой клѣтки дѣленіемъ, сходнымъ у растеній и животныхъ (стр. 10 и 11).

Въ виду созидающей дѣятельности растенія, «мы не должны жизнь растенія сравнивать съ эмбріональною жизнью, какъ это нѣкоторыми дѣлается. Наоборотъ, въ растеніи сказывается намѣреніе природы произвесть психику, направленную преимущественно на созиданіе органовъ опредѣленной формы, въ животныхъ же мы имѣемъ психику, болѣе занятую воздѣйствіемъ на міръ внѣшній» (стр. 17—18).

«Дѣти, пока они малы, обыкновенно не соглашаются признать гуся за птицу; гусь вѣдь не поетъ и не летаетъ. Чѣмъ мы отличаемся отъ дѣтей когда не желаемъ признать растенія за одушевленныя существа потому, что они не говорятъ и не бѣгаютъ»? (стр. 18—19).

Фехнеръ указываетъ на многіе милліоны индусовъ и другихъ дикихъ племенъ, которыя считаютъ растенія существами одушевленными.

Привожу дословно нѣкоторыя изъ цитатъ, заимствованныхъ Фехнеромъ изъ книги законовъ индусовъ (повелѣнія Ману) (стр. 26): «Глава

XI (стр. 420). Если кто нечаянно уничтожитъ во время цвѣтенія плодовыя деревья, также многолѣтніе кустарники, разростающіяся растенія, а равно и такія, которыя продолжаютъ рости, послѣ обрѣзыванія, то онъ долженъ произнесть сто изреченій изъ Веды.

«Если кто, по своеволію и безъ нужды, срѣжетъ воздѣлываемыя травы, или такія, которыя растутъ въ лѣсу, то онъ обязанъ въ продолженіе сутокъ прислуживать коровѣ и питаться только молокомъ» (стр. 21).

Въ исторіи религій Мейнера (I, стр. 215) значится: «Талапоинцы (Talapoinen) Сіама распространяютъ заповѣдь: «не убій и не наноси вреда» и на растенія, на сѣмена и на ростки растеній, такъ какъ они полагаютъ, что все живое одушевлено (стр. 28).

На стр. 35 Фехнеръ перечисляетъ доводы противъ признанія психики въ растеніяхъ, напримѣръ:

1) что растенія не имѣтъ нервовъ;

2) не обладаютъ произвольнымъ движеніемъ;

3) у нихъ недостаетъ центральнаго органа и вообще всего, что могло бы служить выраженіемъ объединяющей единоличной души и переходитъ затѣмъ къ ихъ опроверженію.

Отсутствіе нервовъ у растеній не можетъ обусловливать, по Фехнеру, отсутствіе души (психики) въ растеніяхъ. «Правда, что животныя могутъ лишь посредствомъ нервовъ воспринимать впечатлѣнія изъ внѣшняго міра. Но въ животныхъ и всѣ другія отправленія находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ нервной системы. У растеній же соотвѣтствующія отправленія, именно и питаніе, и дыханіе, и размноженіе происходятъ какъ и въ животныхъ, не смотря на отсутствіе нервовъ; отчего бы и не допустить у растеній и способности ощущенія безъ посредства нервовъ?» (стр. 44).

Далѣе (стр. 47) Фехнеръ обстоятельно описываетъ координацію различныхъ функцій въ растеніяхъ, не смотря на отсутствіе въ нихъ нервной системы; другими словами, выясняетъ, что получается въ главномъ результатъ сходный съ наблюдаемымъ у животныхъ, снабженныхъ нервной системой.

«Утвержденіе, что ощущеніе возможно лишь при посредствѣ нервовъ, основывается, по Фехнеру, на слѣдующей произвольной гипотезѣ, или ложномъ заключеніи; нервы нужны для ощущенія животнымъ, слѣдовательно они должны быть необходимы для этого и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ» (стр. 48).

На основаніи этихъ же соображеній Фехнеръ не видитъ препятствія къ признанію психики у лишенныхъ нервной системы полиповъ и инфузорій (стр. 246, 247), психики, проявляющейся въ простыхъ, чувственныхъ ощущеніяхъ, которыя могутъ быть по временамъ и чрезвычайно интензивны.

Указывая, что животныя и растенія развивались изъ одной общей исходной группы простѣйшихъ, (стр. 250), Фехнеръ приводитъ и это

данное въ пользу признанія психики у растеній; «если предположить, пишетъ онъ, что растенія построены проще, чѣмъ полипы и инфузоріи, то это... доказывало бы только, что растеніямъ присущъ болѣе простой и болѣе низкій родъ духовной жизни» (стр. 250).

Не представляетъ, по Фехнеру, препятствія къ принятію психики у растеній и отсутствіе въ растеніи центра дѣятельности; вѣдь нѣтъ же его и у полипа (стр. 290).

Онъ представляетъ себѣ въ растеніяхъ душу, лишенную способности сознавать какъ прошедшее, такъ и будущее, и поясняетъ характеръ ея слѣдующими сравненіями: качающійся на качеляхъ не думаетъ сознательно ни о предшествовавшемъ, ни о наступающемъ движеніи, но все-таки онъ ощущаетъ движеніе качанія, въ связи съ предшествовавшимъ и послѣдующимъ движеніями, безсознательно.

Точно также душа, убаюкиваемая теченіемъ мелодіи, не помышляетъ сознательно ни о предшествовавшихъ и о наступающихъ тонахъ, но все-таки чувствуетъ безпрерывную нить звуковыхъ ощущеній въ связи съ прошедшими и будущими. «Нельзя ли себѣ представить,—продолжаетъ Фехнеръ,—что и душа растеній пребываетъ въ ощущеніи безпрерывнаго ряда чувственныхъ воспріятій. безъ представленія какъ прошедшаго, такъ и будущаго?» На этомъ предположеніи онъ и останавливается.

Растенія, по Фехнеру, исключительно чувствительныя существа (стр. 320), они ощущаютъ движеніе воздуха, вызывающее, смотря по силѣ, сотрясеніе и передвиженіе ихъ воздушныхъ частей (стр. 68). Онъ предполагаетъ ощущеніе летучихъ ароматическихъ выдѣленій (стр. 70), а также и ощущеніе, сходное съ вкусовымъ, при выборѣ пищи (71); въ особенности же сильнымъ возбудителемъ ощущеній въ растеніяхъ онъ считаетъ свѣтъ, присутствіемъ и вліяніемъ котораго обусловливается приготовленіе ими, изъ углекислоты, воды и нѣсколькихъ минеральныхъ солей, сложныхъ органическихъ соединеній, необходимымъ для построенія ихъ тѣла (стр. 72). Эти ощущенія свѣта растеніями, продолжаетъ Фехнеръ, конечно, совершенно отличны отъ нашихъ, но, по всему вѣроятію, интензивнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ тѣ, которые мы получаемъ при посредствѣ нашихъ органовъ зрѣнія (стр. 73).

«Правда, что растеніе лишено глазъ, построенныхъ на подобіе нашихъ; не имѣетъ оно и приспособленій для воспріятія въ себя изображенія предметовъ, какъ въ нашемъ глазѣ. Но зачѣмъ растенію глаза? Оно не имѣетъ нужды гоняться за предметами и не имѣетъ нужды въ нихъ, какъ мы. Къ тому же, мы принуждены руководствоваться изображеніемъ предмета. Растенію же доставляется все, въ чемъ оно нуждается. Вмѣсто того, чтобы (подобно намъ) находить удовольствіе въ созерцаніи предметовъ, освѣщенныхъ солнцемъ, растеніе радуется солнцу, которое его освѣщаетъ, и тому, что оно само есть предметъ, освѣщенный солнцемъ» (стр. 73).

Ощущеніями руководствуется, по Фехнеру, растеніе при ростѣ въ сторону свѣта и геліотропическихъ изгибахъ (стр. 113), при отыскиваніи и выборѣ пищи корнями (стр. 115), при отыскиваніи подпорки вьющимися растеніями, при движеніяхъ, вызываемыхъ у нѣкоторыхъ растеній раздраженіемъ отъ прикосновенія, и далѣе указываетъ на соотвѣтствіе движеній частей высшихъ растеній съ рефлекторными движеніями животныхъ и теперь всѣми признаваемое (стр. 113 и сл.).

Всѣ приводимыя здѣсь жизненныя отправленія растеній, замѣчаетъ далѣе Фехнеръ, можно объяснить чисто-механически, какъ машинообразное. «Конечно,—пишетъ Фехнеръ,—можно утверждать, при видѣ растенія, которое посылаетъ свои длинные и тонкіе корни чрезъ неплодородную почву къ мѣсту, гдѣ сложены питательныя вещества, что физическое раздраженіе, производимое безплодной почвой на растеніе, уже достаточно для возбужденія цѣлесообразной реакціи растенія; что не нужно для этого принимать причину этого въ душѣ растенія. Но тогда нужно было бы такимъ же образомъ (т. е. безъ участія души, и только подъ вліяніемъ механическаго раздраженія) и объяснять побужденія реакціи животныхъ и человѣка (стр. 107).

«Также и моему желанію достать кусокъ хлѣба долженъ соотвѣтствовать матеріальный процессъ въ головѣ, приводящій въ движеніе мою руку; мы вѣдь знаемъ, что послѣдняя возбуждается къ выполненію волевого акта нашимъ мозгомъ. Могло бы придти въ голову физіологу отрицать и здѣсь волевой актъ души, такъ какъ онъ могъ бы, съ своей точки зрѣнія, поставить движеніе руки въ зависимость отъ физическихъ процессовъ... Какъ физіологъ, онъ, можетъ быть, и правъ толковать это такимъ образомъ; но въ человѣкѣ есть еще другая сторона, кромѣ той, которой занимается физіологъ; отчего не предположить присутствіе чего-либо подобнаго и въ растеніяхъ?» (стр. 108).

«Основная ошибка современнаго естествознанія состоитъ въ томъ, что мы полагаемъ, что духовное можетъ только предшествовать матеріальному, или же слѣдовать за нимъ, но не дѣйствовать одновременно съ послѣднимъ. Вставляя одно въ промежутки другого, мы теряемъ всякую связь ихъ между собою» (стр. 109).

«Здѣсь же достаточно придерживаться фактическаго и для насъ рѣшающаго основоположенія, что предполагаемая возможность объяснить въ растеніи все исключительно физіологическимъ путемъ, безъ другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ, ничего не говоритъ противъ признанія души въ растеніяхъ, также какъ и примѣненіе подобной же точки зрѣнія относительно животныхъ не можетъ служить доказательствомъ отсутствія души у послѣднихъ» (стр. 109).

Резюме разсужденій Фехнера сводится къ слѣдующему: Въ растеніяхъ необходимо признать психику:

1) Въ виду сходства строенія и развитія ихъ съ животными, ра-

стенія подобно животнымъ построены изъ клѣтокъ, сходныхъ съ клѣтками животныхъ; растенія и животныя представляютъ сходный циклъ развитія: каждое недѣлимое зачинается одною клѣткою; послѣдняя размножается (за рѣдкими исключеніями) дѣленіемъ, превращаясь въ конгломеритъ клѣтокъ; исключительно изъ клѣтокъ являются построенными и вполнѣ выросшія животныя и растенія.

2) Главнѣйшія функціи жизни вполнѣ аналогичны въ обоихъ царствахъ.

3) Растенія развились изъ той же группы простѣйшихъ, какъ и животныя. Признавая психику у простѣйшихъ, Фехнеръ, совершенно послѣдовательно, признаетъ ее и въ развившихся изъ нихъ представителяхъ растительнаго царства. Нельзя отрицать психики у растеній, пишетъ Фехнеръ, признавая ее въ человѣкѣ и животныхъ; признавая ее у послѣднихъ, мы принуждены признать ее и въ растеніяхъ.

Съ этими тремя положеніями Фехнера, выраженными вышеприведенными словами, нельзя не согласиться, по моему мнѣнію, и въ настоящее время.

Психику, хотя и безсознательную, въ растеніяхъ признаетъ и Гартманъ; ощущенія и инстинктивныя дѣйствія въ растеніяхъ признаетъ и Кернеръ Марилаунъ въ своемъ обширномъ дву-томномъ сочиненіи: «Жизнь растеній». Также поступаютъ Вундъ и нѣкоторые другіе; въ Россіи— С. И. Коржинскій, но такъ какъ они касаются психики растеній лишь мимоходомъ, и замѣчанія ихъ не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ высказаннымъ Фехнеромъ, то я и не буду приводить цитатъ изъ ихъ трудовъ.

Дальнѣйшее мое изложеніе будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы подтвердить положенія Фехнера новѣйшими научными данными и въ то же время выставить на видъ, насколько Фехнеръ въ главныхъ своихъ соображеніяхъ, если только перевести ихъ на современный научный языкъ, былъ близокъ къ истинѣ.

Три аргумента уже указанныя Фехнеромъ въ пользу признанія психики у растеній представляются и мнѣ наиболѣе доказательными: 1) происхожденіе животныхъ и растительныхъ организмовъ путемъ эволюціи изъ одной и той же группы простѣйшихъ, признаніе психики которыхъ, по моему мнѣнію, не подлежатъ сомнѣнію; 2) сходство въ строеніи элементарныхъ органовъ и 3) въ главнѣйшихъ жизненныхъ отправленіяхъ, сказывающихся: а) въ періодичности развитія, б) въ постоянствѣ строенія, нерѣдко до мельчайшихъ подробностей въ своихъ частяхъ, в) въ дыханіи, г) питаніи и д) способахъ размноженія. Я разберу ихъ соотвѣтственно современному состоянію науки.

Въ предыдущей главѣ приведены наблюденія надъ жизнью рѣсничныхъ инфузорій, указывающія на необходимость признанія у нихъ психики, и притомъ болѣе развитой, чѣмъ у наиболѣе простыхъ изъ многоклѣтныхъ организмовъ (Metazoa). Представляя высшія формы

группы *Protozoa*, рѣсничныя инфузоріи цѣлымъ рядомъ переходныхъ группъ примыкаютъ къ наиболѣе простымъ живымъ существамъ, каковы, напр., *Amoeba*, такъ что, допустивъ психику въ рѣсничныхъ инфузоріяхъ, мы не имѣемъ основанія отрицать ее у остальныхъ простѣйшихъ, среди которыхъ находятся и родоначальники всего растительнаго царства. Имѣя въ виду, что наиболѣе существенное различіе между элементарными организмами (одноклѣтными) и происшедшими изъ нихъ организмами колоніями (многоклѣтными) сводится на то, что у первыхъ, при размноженіи дѣленіемъ, продукты дѣленія распадаются и живутъ по одиночкѣ, у послѣднихъ же остаются соединенными, мы не имѣемъ никакого повода отрицать и въ растительныхъ организмахъ-колоніяхъ присутствія одного изъ существеннѣйшихъ аттрибутовъ элементарныхъ организмовъ, именно психики.

Посмотримъ, на сколько говорятъ имѣющіяся въ настоящее время фактическія данныя за признаніе психики у растеній.

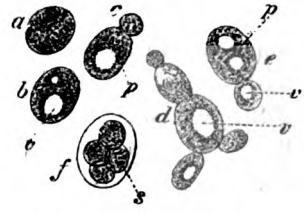
Мы видѣли сколь сложное строеніе обнаруживаютъ изъ Protozoa, наиболѣе сложныя формы, непосредственно примыкающія къ Metozoa; присутствіе отверстія рта и порошицы, ритмически сокращающихся вакуолей, разнообразныя движенія, преслѣдованіе и поимка живой добычи,—все это вмѣстѣ взятое заставляетъ безъ колебанія причислять ихъ, какъ животныхъ; отличительныхъ признаковъ, свойственныхъ типичнымъ растеніямъ, въ нихъ вовсе нѣтъ. Совершенную противуположность рѣсничнымъ инфузоріямъ представляютъ, изъ простѣйшихъ, одноклѣтные, примыкающіе непосредственно къ представителямъ растительнаго царства. Обладая всѣми признаками типичной растительной клѣтки, они совершенно лишены отличительныхъ признаковъ животныхъ организмовъ: они неподвижны и снабжены постоянно целлюлезной оболочкой, отовсюду замкнутой. Типомъ ихъ можетъ служить одноклѣтный зеленый шаровидный организмъ, очень часто попадающійся на корѣ стволовъ деревьевъ, особенно близъ основанія ствола. Организмъ этотъ, называемый *Pleurococcus vulgaris*, покрываетъ кору въ видѣ зеленаго порошковаго налета (см. рис. 4).

Pleurococcus vulgaris.
Рис. 4.

Отъ смачиванія водою онъ принимаетъ темнозеленый цвѣтъ; для изслѣдованія достаточно концомъ иглы захватить едва видимое количество его и перенесть въ каплю воды, въ которой онъ легко разъединяется на отдѣльныя крупинки. Покрывъ каплю покровной пластинкой, переносятъ препаратъ подъ микроскопъ. При увеличеніи отъ 300 до 500 разъ удается легко ознакомиться съ строеніемъ и развитіемъ Pleurococcus. Въ каждой клѣткѣ легко различить покрытое оболочкою содержимое, съ ясно обозначенными зернами хлорофилла. Кромѣ отдѣльно лежащихъ шариковъ Pleurococcus, всегда оказываются такіе же шарики, соединенные между собою по 2, по 4, 8, 16, 32, 64, а иногда и бо́льшими кучками. Не трудно убѣдиться, что каждая такая колонія есть про-

цуктъ послѣдовательнаго дѣленія одной клѣтки; по достиженіи клѣтокъ ея окончательныхъ размѣровъ, колонія распадается на отдѣльныя, одноклѣтныя особи, которыя, въ свою очередь, дѣлются и даютъ колоніи, тоже разъединяющіяся на отдѣльныя клѣтки. Этимъ исчерпывается крайне простой циклъ развитія этого простѣйшаго типа зеленыхъ растеній.

Простѣйшимъ представителемъ растеній, лишенныхъ зеленой окраски, является одноклѣтный бродильный грибокъ (*Saccharomyces cerevisiae*). Весь организмъ состоитъ изъ округлой или овальной клѣтки, размножающейся почкованіемъ; новыя клѣточки появляются, въ видѣ маленькой выпуклости, на поверхности старой клѣтки; выпуклость эта разростается до размѣровъ клѣтки, ее образовавшей, но, обыкновенно, не достигнувъ окончательной величины и, оставаясь еще въ соединеніи съ клѣткой матерью, снова почкуетъ; путемъ повторяющагося почкованія клѣтка бродильнаго грибка превращается въ цѣпочку клѣтокъ, кототорыя по разростаніи тоже распадаются.

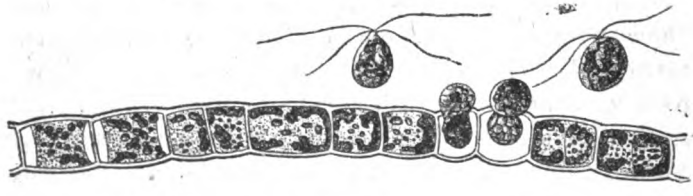


Saccharomyces cerevisiae.
Рис. 5.

Къ *Pleurococcus* же примыкаетъ одноклѣтный шаровидный, тоже микроскопическій зеленый организмъ: *Protococcus*. Наиболѣе характерное, и для насъ въ данномъ случаѣ важное отличіе его состоитъ въ томъ, что, кромѣ размноженія дѣленіемъ на кучку неподвижныхъ, зеленыхъ шаровъ, впослѣдствіи разъединяющихся, *Protococcus*, при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ, распадается на значительное число *подвижныхъ*, зеленыхъ тѣлецъ, *зооспоръ*. Содержимое клѣтки *Protococcus*, раздѣляется на участки, приблизительно одинаковой величины. Обособившіеся эти участки, въ началѣ неподвижные, начинаютъ пошевеливаться внутри клѣтки; въ это время въ оболочкѣ образуется отверстіе, чрезъ которое эти подвижныя зеленыя тѣльца выходятъ въ окружающую воду и въ ней быстро двигаются. При ближайшемъ разслѣдованіи можно подмѣтить на заостренномъ кончикѣ зооспоры, которымъ она двигается впередъ, рѣснички. Движеніе продолжается нѣсколько часовъ, затѣмъ постепенно замедляется, и зооспора, прикрѣпившись рѣсничками къ какому-нибудь постороннему предмету, останавливается; сдѣлавшись неподвижной, она округляется и высачиваетъ по своей поверстности прозрачную, отовсюду замкнутую оболочку; части рѣсничекъ, оставшіяся внѣ оболочки, отмираютъ и отпадаютъ. Получившаяся изъ зооспоры новая клѣтка ничѣмъ не отличается отъ клѣтки матери. Этотъ организмъ, имѣющій строеніе типичной растительной клѣтки, отклоняется отъ типичныхъ растеній чередованіемъ неподвижной и подвижной стадіи развитія. Въ первой стадіи *Protococcus* совокупностью признаковъ напоминаетъ животныхъ, во второй—типичную растительную клѣтку. При этомъ весь ростъ и, слѣдовательно, и питаніе организма происходитъ

во время неподвижнаго его состоянія. Ничего подобнаго не обнаруживаетъ зооспора; она живетъ на счетъ питательнаго матеріала, въ ней заключеннаго; изъ него образуетъ она, по всему вѣроятію, и свою оболочку. Здѣсь до очевидности ясно сказывается преобладаніе въ жизни неподвижнаго растительнаго состоянія.

Къ этимъ одноклѣтнымъ организмамъ примыкаютъ простѣйшія многоклѣтныя растенія, обладающія тоже подвижной стадіей развитія (зооспорами); зооспоры нѣкоторыхъ изъ нихъ по своей организаціи приближаются къ простѣйшимъ животнымъ организмамъ: лишенныя оболочки, онѣ снабжены рѣсничками числомъ отъ 2—4, ритмически сокращающейся вакуолей и краснымъ пятнышкомъ, принимаемымъ многими за зачаточный органъ зрѣнія. При переходѣ же въ неподвижное состояніе всѣ эти признаки постепенно утрачиваются; остановившаяся зооспора теряетъ рѣснички; на поверхности ея появляется целюллезная оболочка; ритмическое сокращеніе вакуоли дѣлается все медленнѣе; наконецъ, вакуоля дѣлается невидимой; красное пятно, въ началѣ нерѣдко дѣлящееся и замѣтное въ первыхъ клѣткахъ выросшей изъ зооспоры однорядной зеленой ниточки, тоже исчезаетъ.



Кусочекъ нитчатки *Ulotrix zonata*, съ выходящими, а также и свободно плавающими зооспорами. У каждой вышедшей зооспоры по четыре рѣснички.
Рис. 6.

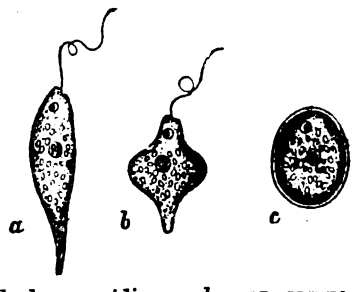
Превращеніе зооспоры въ неподвижную, окруженную оболочкой клѣтку и отношеніе ея къ послѣдней представляется мнѣ процессомъ, сходнымъ съ превращеніемъ инфузорій въ цисту, съ тою только разницею, что весь циклъ развитія инфузорія продѣлываетъ въ свободномъ состояніи, внѣ цисты; между тѣмъ какъ въ растеніяхъ, снабженныхъ зооспорами, и питаніе, и ростъ совершаются въ состояніи инцистированномъ. Растенія же, лишенныя зооспоръ, изъ этого состоянія и не выходятъ. Отличнымъ примѣромъ типической однорядной водоросли (нитчатки) съ зооспорами, снабженными рѣсницами, ритмически сокращающейся вокуолей и краснымъ пятномъ (глазкомъ), представляетъ изображенная (рис. 6) *Ulotrix* zonata, весьма распространенная въ Невѣ. Въ видѣ зеленой бахромы, окаймляетъ она, у поверхности воды, плоты, барки и другіе плавающіе въ водѣ предметы.

Способность одной и той же клѣтки принимать организацію схожую съ инфузоріями, двигаться подобно послѣднимъ, а затѣмъ превращаться въ типичную растительную клѣтку, указываетъ неотразимымъ образомъ на общую основу жизни растеній и животныхъ.

Центръ группы Protozoa занимаютъ снабженные рѣсницами, безпрерывно подвижные организмы группы *жгутиковыхъ* (*Mastigophora*) [*], которые, какъ выражается Бючли, «представляютъ выдающійся интересъ тѣмъ, что содержатъ организмы, тѣснѣе остальныхъ примыкающіе и къ животнымъ и къ растеніямъ; «по всему вѣроятію, — прибавляетъ онъ, — изъ нихъ развились высшія формы обоихъ царствъ».

Однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей группы *Mastigophora* можетъ послужить чрезвычайно часто встрѣчающаяся форма *Euglena viridis* (рис. 7).

Тѣло ея, веретенообразное въ вытянутомъ положеніи, принимаетъ весьма различное очертаніе, безпрерывно мѣняя свою форму; оно содержитъ большой звѣздообразный участокъ плазмы (хроматофоръ), окрашенный въ ярко-зеленый цвѣтъ. *Euglena* находится въ безпрерывномъ почти движеніи при посредствѣ прикрѣпленнаго на переднемъ концѣ тѣла жгутика, по длинѣ равнаго ея тѣлу: близъ основанія жгутика помѣщается отверстіе рта неподалеку отъ ритмически - сокращающагося пространства, а равно и красное пятно, которое, какъ упомянуто выше, многіе разсматриваютъ, какъ зачаточный органъ зрѣнія. Въ полости тѣла находится ядро. Нерѣдко *Euglena viridis* встрѣчается въ столь большомъ количествѣ, что покрываетъ сплошнымъ зеленымъ слоемъ лужи и ямы, въ которыхъ она развилась. Очень характерна, сходная съ *Euglena viridis*, довольно часто встрѣчающаяся *Euglena sanguinea*, окрашенная въ красный цвѣтъ.



Euglena veridis a и *b* — въ движеніи; *c* въ состояніи цисты.
Рис. 7.

Представляя, по своему движенію и присутствію отверстія рта, сходство съ инфузоріями, *Euglena*, примыкаетъ, по другимъ признакамъ, къ подвижнымъ крупинкамъ размноженія водорослей — *зооспорамъ*.

Приведенныхъ фактовъ уже достаточно для доказательства присутствія психики и въ растительныхъ организмахъ, при одномъ, однако, необходимомъ допущеніи, признаваемымъ, впрочемъ, всѣми

*) Весьма простой пріемъ для наблюденія, въ продолженіи неопредѣленнаго времени, за намѣченнымъ или уединеннымъ микроскопическимъ организмомъ состоитъ въ томъ, что содержащую его каплю помѣщаютъ на срединѣ покровной пластинки. Пластинку эту повертываютъ каплей внизъ и переносятъ на рамку изъ 4 листьевъ пропускной бумаги, которыя находятся на предметномъ стеклѣ; бумага предварительно смачивается водою. Такимъ образомъ получается насыщенное парами пространство, въ которомъ висячая капля испаряется весьма медленно. Удается совершенно устранить испареніе, если покрыть препаратъ часовымъ стекломъ, съ кускомъ мокрой бумаги, на нижней поверхности.

*) См. Бючли, стр. 617.

*) Ibid., стр. 618.

біологами за истинное, именно: при признаніи эволюціи организмовъ изъ формъ простѣйшихъ. Ходъ доказательства присутствія психическихъ процессовъ во всемъ растительномъ царствѣ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: 1) изъ личнаго опыта мы знаемъ о присутствіи психики въ себѣ, въ другихъ людяхъ и въ высшихъ (позвоночныхъ) животныхъ, въ чемъ каждый убѣждается изъ повседневнаго опыта; 2) разслѣдованія жизни простѣйшихъ микроскопическихъ живыхъ существъ *Protozoa*, образующихъ группу, связующую животныхъ и растеній, привело насъ къ признанію психики и у нихъ, психики, особенно рельефно выступающей у рѣсничныхъ инфузорій; 3) мы видѣли далѣе, что всѣ организмы можно, по степени сложности организаціи, раздѣлить на двѣ группы: а) элементарные организмы, такъ называемые одноклѣтные и б) организмы-колоніи, представляющіе болѣе или менѣе сложные конгломераты элементарныхъ организмовъ. Это различеніе настолько ясно выступаетъ въ ряду организмовъ животныхъ, что зоологи нашли возможнымъ въ основу системы животныхъ положить дѣленіе животнаго царства на два отдѣла: *Protozoa* и *Metazoa* (см. выше); 4) на этомъ основаніи должно разсматривать всѣ жизненныя явленія организмовъ-колоній лишь какъ дальнѣйшее осложненіе основъ жизни, заложенныхъ въ Protozoa; поэтому, признавая присутствіе психики у Protozoa, мы не въ правѣ отрицать ее и во всѣхъ растительныхъ организмахъ-колоніяхъ, другими словами: должны допустить ее во всемъ растительномъ царствѣ.

Перехожу къ доясненію остальныхъ выводовъ въ пользу признанія психики у растеній.

Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробное ихъ описаніе, ограничусь лишь немногими указаніями. Сходство въ строеніи элементарныхъ организмовъ (клѣтокъ), изъ которыхъ составлены организмы-колоніи, какъ животныя, такъ и растительныя, въ главнѣйшихъ чертахъ, особенно въ молодомъ возрастѣ, до начала дифференцировки ихъ на ткани, на столько полны, что, въ новѣйшихъ руководствахъ по гистологіи клѣтки, находятъ наиболѣе удобнымъ иллюстрировать текстъ одновременно рисунками, снятыми съ клѣтокъ растеній и животныхъ.

Коренное сходство въ строеніи клѣтокъ (элементарныхъ организмовъ), растеній и животныхъ, блистательно подтвердилось наблюденіями надъ строеніемъ ядра и, въ особенности, сложныхъ измѣненій, которыя оно претерпѣваетъ при дѣленіи. Въ настоящее время признается доказаннымъ, что новыя ядра никогда не возникаютъ изъ плазмы, а всегда происходятъ дѣленіемъ стараго ядра на два новыхъ. Въ большинствѣ случаевъ образованіе послѣднихъ сопровождается цѣлымъ рядомъ загадочныхъ и въ настоящее время совершенно непонятныхъ измѣненій въ строеніи ядра; этотъ процессъ дѣленія ядра обозначаютъ названіемъ: *каріокинеза*, а дѣленіе: *каріокинетическимъ* (митотическимъ), въ отличіе отъ дѣленія ядра чрезъ простое постепенное перетягиваніе, наблюдаемое сравнительно рѣдко.

Измѣненія претерпѣваемыя ядромъ во время каріокинеза настолько сложны, что, не поддаваясь словесному описанію, выясняются лишь при посредствѣ рисунковъ, и тѣмъ не менѣе они тождественны въ животныхъ и въ растеніяхъ.

Особенный интересъ представляетъ сходство химическаго состава тѣла животныхъ и растеній, какъ по отношенію къ химическимъ элементамъ, изъ которыхъ построены животныя и растенія, такъ и по преобладанію, среди разнообразнѣйшихъ органическихъ соединеній трехъ группъ: бѣлковыхъ тѣлъ, жировъ и углеводовъ.

Это поразительное съ перваго взгляда сходство въ химическомъ составѣ объясняется совершенно естественно родомъ пищи животныхъ. Между послѣдними, какъ извѣстно, отличаютъ травоядныхъ и хищныхъ; первыя, какъ показываетъ ихъ названіе, питаются растеніями, послѣднія же, поѣдая травоядныхъ, въ одинаковой мѣрѣ съ ними хотя и посредственно, нуждаются въ растеніяхъ; однимъ словомъ, все животное царство живетъ на счетъ растеній и строитъ свое тѣло изъ присущихъ растеніямъ соединеній. Животныя могутъ жить только въ томъ случаѣ, если находятъ органическую пищу, составленную изъ бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, уже готовою; растенія же приготовляютъ внутри себя эти сложныя соединенія, требуя для этого лишь нѣсколькихъ неорганическихъ солей, воды, углекислоты и кислорода; на счетъ этихъ соединеній, такъ называемого *пластическаго матеріала*, они сами питаются и растутъ и поддерживаютъ жизнь всего животнаго царства. Сравнивая, на основаніи сообщенныхъ данныхъ процессъ питанія животныхъ и растеній, мы находимъ между ними и существенное различіе: въ *процессѣ питанія растеній* необходимо отличить двѣ фазы: 1) приготовленіе *пластическаго матеріала* изъ сырой пищи и 2) построеніе насчетъ этого матеріала тканей и органовъ растенія; въ *питаніи же животныхъ* организмовъ *первая* фаза питанія, какъ мы видѣли, выпадаетъ; все питаніе животныхъ, слѣдовательно, сводится на построеніе ихъ тѣла, или *организованныхъ образованій*, изъ воспринятаго ими извнѣ, уже готоваго пластическаго матеріала.

Особенный интересъ представляетъ тщательными разслѣдованіями раскрытая *полная аналогія второй фазы питанія* у растеній съ питаніемъ животныхъ: для построенія тѣла потребляется какъ тѣми, такъ и другими пластическій матеріалъ одинаковаго состава; не растворимыя въ водѣ составныя части его и въ растеніяхъ переводятся въ растворъ при посредствѣ ферментовъ, частью тождественныхъ, частью сходныхъ съ ферментами животныхъ. Эта фаза питанія сопровождается обмѣномъ газовъ организма съ окружающею атмосферой; и *этотъ обмѣнъ является тождественнымъ у растеній и животныхъ*; какъ тѣ, такъ и другія поглощаютъ изъ атмосферы кислородъ и выдѣляютъ углекислоту, проявляя процессъ, называемый *дыханіемъ*; дыханіе сопровождается кромѣ того какъ въ животныхъ, такъ и растительныхъ организмахъ, освобожденіемъ тепловой энергіи.

Касательно своеобразной *первой* фазы питанія растенія я принужденъ ограничиться лишь ссылкой на учебники по физіологіи растеній.

Не буду останавливаться и на проведеніи замѣчательнаго сходства въ процессѣ полового размноженія растеній и животныхъ, открытаго, за немногими исключеніями, у всѣхъ растеній и животныхъ. Изложеніе этого предмета потребовало бы многихъ страницъ.

Въ главѣ о чувствительности растеній и реакціи его на внѣшнія раздраженія, хотя и мало еще разработанной, читатель найдетъ любопытныя данныя, указывающія, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаевъ, много сходнаго между животными и растеніями, каковы, напр., передача раздраженія по растенію, утомленіе растенія отъ повторныхъ раздраженій; временная потеря чувствительности къ раздраженіямъ подъ вліяніемъ хлороформа, эфира и пр., т. е. тѣхъ же *анестезирующихъ* веществъ, которыя вызываютъ подобную временную потерю чувствительности у человѣка.

Такъ что, принимая во вниманіе все вышесказанное, мнѣ представляется признаніе участія психическихъ процессовъ и въ жизни растеній хорошо обоснованнымъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключительныхъ строкахъ мнѣ предстоитъ подвесть итоги какъ сообщеннымъ фактамъ, такъ и частнымъ, сдѣланнымъ изъ нихъ выводамъ, и, кромѣ того, вкратцѣ остановиться еще на нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ болѣе общаго характера, не вошедшихъ въ предыдущія главы. Пробѣгая мысленно содержаніе предлагаемой статьи, не трудно убѣдиться, что основу ея или ядро, вокругъ котораго группируются и факты, и выводы, составляютъ два вопроса: 1) обоснованіе реальнаго внѣшняго міра, т. е. существованіе его внѣ нашего сознанія и 2) выясненіе, что такое жизнь, и въ чемъ заключается различіе между живымъ и мертвымъ?

Первый изъ этихъ вопросовъ уже разсмотрѣнъ мною со всею желаемою полнотою; я старался доказать, что при современномъ уровнѣ нашихъ знаній опредѣленіе того: что есть реальное? представляетъ задачу неразрѣшимую, и что возможенъ лишь отвѣтъ на то: *что представляется всего цѣлесообразнѣе признавать за реальное*, опираясь на запасъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи знаній? Принимая же во вниманіе послѣднія, я позволилъ себѣ высказать, что предпочтеніе заслуживаетъ *обыденное міровоззрѣніе, признающее реальность внѣшняго міра*, а *каждаго изъ насъ—за частичку мірозданія*. Попытки критической философіи подкопаться подъ это міровоззрѣніе остались пока совершенно безуспѣшными; современной критической философіи не удалось

не только расшатать, но даже и замѣтнымъ образомъ видоизмѣнить основныхъ положеній обыденнаго міровоззрѣнія.

Второй же вопросъ разобранъ мною лишь отчасти; я останавливался исключительно на анализѣ представляющагося намъ различія между явленіями жизни съ одной стороны, и такъ называемой мертвой природой—съ другой. Не соглашаясь съ виталистами въ томъ, что въ живыхъ тѣлахъ присутствуетъ особенная сила, не присущая тѣламъ природы не живой, я старался показать, что представляющееся намъ различіе, между явленіями жизни и мертвой природы, коренится не столько въ различіи этихъ двухъ категорій явленій, сколько въ способахъ, которыми мы ихъ познаемъ, такъ какъ явленія нашей жизни доступны нашему розысканію какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, между тѣмъ, какъ явленія не живой природы — со стороны лишь внѣшней.

При этомъ мною вовсе не былъ затронутъ вопросъ, какъ о переходѣ живого въ мертвое, которое наблюдается на каждомъ шагу, такъ и обсужденіе возможности возникновенія живого и мертваго,—возможности, въ настоящее время не доказанной, но не отвергаемой и даже допускаемой многими учеными. Къ этимъ явленіямъ относятся многочисленныя и точно констатированныя данныя о временной пріостановкѣ жизненныхъ процессовъ и о временномъ пребываніи организма въ состояніи, трудно отличимомъ отъ свойственнаго тѣламъ мертвымъ.

Съ понятіемъ о живомъ существѣ, или организмѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связано понятіе объ *индивидуальности*. Всякое живое существо, совершенно независимо отъ его строенія, обладаетъ въ высшей степени характернымъ признакомъ: стремленіемъ къ самосохраненію, выражающемуся весьма рельефно въ цѣлой массѣ приспособленій къ условіямъ, его окружающимъ; чѣмъ сложнѣе организація, тѣмъ разнообразнѣе и, если можно выразиться, хитрѣе и цѣлесообразнѣе приспособленія организма. Я уже съ достаточною обстоятельностью останавливался неоднократно на выясненіи этого положенія, поясняя постепенную выработку каждаго органа въ отдѣльности и совокупно всей организаціи, путемъ послѣдовательной эволюціи сложныхъ животныхъ и растительныхъ формъ изъ простѣйшихъ. Въ видѣ особенно наглядная примѣра приспособленія я напомню о способности простѣйшихъ организмовъ, напр., инфузорій живущихъ въ водѣ, противостоять гибели отъ высыханія воды; по мѣрѣ высыханія воды весьма многія изъ нихъ свертываются въ шарикъ и высачиваютъ на поверхности своей стекловидную перепоночку; въ этомъ видѣ, они могутъ совершенно высохнуть, безъ вреда для себя, и пребывать мѣсяцами и годами безъ измѣненія. При смачиваніи же водой они немедленно оживаютъ.

Я намѣренно здѣсь избѣгаю вдаваться въ объясненіе самого генезиса приспособленій, такъ какъ въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, принимать ли его, согласно воззрѣнію Дарвина, за про-

дуктъ слѣпой случайности, или же приписывать его самодѣятельности организма. Слѣдуя по пути постепеннаго совершенствованія приспособленій, организмъ вырабатывается въ маленькій микрокосмъ, все болѣе и болѣе индивидуализирующійся по отношенію къ окружающимъ его условіямъ.

Приспособленіе представляется слѣдовательно, однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ живого существа, а стремленіе къ самосохраненію—одною изъ главнѣйшихъ задачъ его жизни.

Ничего подобнаго въ произведеніяхъ не живой природы мы не наблюдаемъ; полный индиферентизмъ и совершенно пассивное отношеніе и отсутствіе приспособляемости къ окружающему есть удѣлъ тѣлъ неорганическихъ.

Это неоспоримое различіе и должно быть, по моему мнѣнію, разсматриваемо за одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій живого отъ мертваго. Но я вполнѣ признаю, что со временемъ удастся можетъ быть, уничтожить и здѣсь рѣзкую грань; она исчезнетъ, какъ исчезла безвозвратно граница между царствами животнымъ и растительнымъ.

Попытки разъясненія отношенія живого къ мертвому, занимавшія естествоиспытателей и философовъ всѣхъ временъ и народовъ, составляютъ и въ настоящее время задачу многихъ изслѣдователей. Не поддающійся еще строгому рѣшенію вопросъ тѣмъ не менѣе якобы разрѣшается каждымъ изъ изслѣдователей и притомъ болѣе сообразно его личнымъ вкусамъ, нежели на основаніи имѣющихся фактовъ. Они, правда, приводятся, но не трудно убѣдиться, что на вопросъ отвѣта не даютъ: послѣдній получается лишь цѣною извращенія самихъ фактовъ, или же произвольнаго изъ нихъ вывода. Въ послѣднее время появилось нѣсколько трудовъ, въ которыхъ проводится обстоятельное сравненіе живого и мертваго или, какъ выражаются авторы, живой и мертвой субстанціи.

Я разберу здѣсь, въ видѣ примѣра, статьи Ферворна, Сабатье и Гольдштейна.

Съ особенною обстоятельностью трактуетъ этотъ вопросъ Сабатье. Трудъ его, носящій заманчивое заглавіе: «Жизнь и смерть», заключаетъ 200 страницъ, изъ которыхъ первыя 70 посвящены проведенію сравненія между живой и мертвой матеріей.

По мнѣнію Сабатье, онѣ проявляютъ сходство не только въ *физическихъ* качествахъ и *химическому* составу, но и не представляютъ существенной разницы съ точки зрѣнія *механики*.

Не чужды неорганическія тѣла и *чувствительности*, хотя и элементарной, зачаточной. «Развѣ не вѣрно,—пишетъ Сабатье (стр. 10 русскій переводъ),—что камни, минералы отвѣчаютъ на прикосновеніе, на ударъ, на теплоту, на электричество, на магнетизмъ, на свѣтъ, посредствомъ то временныхъ, то постоянныхъ проявленій, свидѣтельствующихъ, что они вовсе не безчувственны и не индифферентны къ

указаннымъ раздраженіямъ». Говоря о вліяніи теплоты на минералъ и объ измѣненіи подъ ея вліяніемъ его свойствъ, Сабатье прибавляетъ: «вмѣстѣ съ прекращеніемъ возбужденія, дѣйствія, уничтожается и проявленіе чувствительности, признака противодѣйствія. При болѣе высокой температурѣ обнаруживается испареніе, а затѣмъ наступаетъ *диссоціація* и *разрушеніе* или *смерть*».

И *движеніе*, «конечно, элементарное», находитъ Сабатье у минераловъ и разсматриваетъ ихъ за соотвѣтственныя внутреннимъ, протоплазматическимъ движеніямъ (стр. 13).

Но сходство мертвой и живой матеріи идетъ, по Сабатье, еще гораздо дальше: «минералы *рождаются*, *растутъ и умираютъ*».

«Не только минералъ родится, развивается и растетъ при помощи накопленія новыхъ молекулъ; но онъ живетъ, какъ организмъ, въ непрерывномъ рядѣ обмѣновъ между нимъ и окружающей средой, обмѣновъ, которые оканчиваются, какъ и у живыхъ существъ, поврежденіемъ, порчей, диссоціаціей и смертью».

Также и *ростъ помощью наслоенія и внутренняго приращенія* не служитъ отличительнымъ признакомъ мертвой матеріи отъ живой. Послѣдняя растетъ, какъ извѣстно, увеличиваясь вслѣдствіе *внутренняго приращенія*; новыя усвоенныя частицы веществъ отлагаются не на поверхности, а внутри организма, между тѣмъ какъ минеральныя тѣла растутъ путемъ *наслоенія*, т. е. отложеніемъ новыхъ частицъ снаружи, на поверхности тѣла. Сабатье полагаетъ возможнымъ свести внутреннее приращеніе живого вещества на внѣшнее, если принять во вниманіе ростъ анатомическихъ элементовъ т. е. частицъ протоплазмы изъ которыхъ построенъ организмъ; новыя молекулы, строющія плазму, могутъ отлагаться въ сосѣдствѣ частицъ старыхъ, уже существовавшихъ раньше, т. е. производить приростъ внѣшній по отношенію къ послѣднимъ.

Наконецъ, Сабатье обращаетъ вниманіе на общеизвѣстные факты превращенія живой матеріи въ мертвую, а равно и на оживленіе организмовъ, послѣ временнаго пребыванія ихъ въ состояніи, сходномъ съ матеріей мертвой; факты—указывающіе на близкое ихъ сродство.

Подобную же параллель между живой субстанціей (организмомъ) и неорганическими, мертвыми тѣлами, проводитъ и Ферворнъ, хотя предметомъ для сравненія съ организмами онъ беретъ не твердыя кристаллическія отложенія, а тягучую жидкость. Проведеніе же сходства между организмомъ и кристалломъ онъ считаетъ ошибочнымъ; въ этомъ неправильномъ выборѣ предмета, при сравненіи мертвой матеріи съ живой, Ферворнъ усматриваетъ причину указаній на цѣлый рядъ различій въ ихъ продуктахъ: кристалловъ и организмовъ, каковы, напр., ростъ чрезъ оппозицію у первыхъ и чрезъ внутреннее наслоеніе у послѣднихъ; однообразіе массы въ кристаллѣ и построеніе организмовъ изъ элементарныхъ органовъ—клѣтокъ. «Мы можемъ однако,—

пишетъ Ферворнъ,—легко воспроизвесть минеральное тѣло, сложенное изъ различныхъ частей; такія тѣла и природа произвела въ громадномъ маштабѣ, напр., въ видѣ гранита, составленнаго изъ совокупности множества обособленныхъ кристалловъ. Такъ что коренного морфологическаго различія и въ этомъ отношеніи между продуктами мертвой и живой матеріи не замѣчается».

Сложная организація живыхъ существъ, въ противоположность неорганическимъ тѣламъ, по Ферворну, также не можетъ служить разграничивающимъ признакомъ. «Этотъ признакъ еще сохраняетъ свою силу въ извѣстныхъ предѣлахъ, именно, если подразумѣвать сложеніе организмовъ изъ разнородныхъ клѣтокъ; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ получается лишь различіе въ степени сложности, сравнительно съ сложнымъ минераломъ. Если же перенесть понятіе сложной «организаціи» на клѣтку, то подъ послѣднимъ окажется возможность лишь подразумѣвать большое морфологическое разнообразіе и сложность химическаго строенія составныхъ частей клѣтки, которую возможно получить и въ пробиркѣ, прибѣгая съ смѣсямъ сложнымъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ химическомъ отношеніи» (стр. 122).

«Мы видимъ,—пишетъ далѣе Ферворнъ,—что въ построеніи какъ живой, такъ и мертвой матеріи не оказывается *существенныхъ различій*, если только сравнивать живую матерію не съ кристалломъ, а съ жидкими смѣсями; въ послѣднемъ случаѣ различіе въ построеніи живой и мертвой матеріи представляется даже менѣе значительнымъ, чѣмъ при сравненіи строенія жидкой, мертвой матеріи съ кристалломъ».

Нѣтъ различія и въ *генетическомъ* отношеніи, т. е. касательно *размноженія* и *происхожденія*. Ферворнъ указываетъ на рабочихъ пчелъ, какъ на живыхъ существъ, лишенныхъ возможности размноженія; кромѣ того у простѣйшихъ, напр., у амёбы, размноженіе сводится на дробленіе на двѣ равныя части. «Если же понимать подъ размноженіемъ только простое дробленіе, то исчезаетъ, по Ферворну, принципіальная разница между дѣленіемъ живой клѣтки и неорганическаго тѣла. Падающая на подставку капля ртути дробится дѣленіемъ на большое число маленькихъ шариковъ, изъ которыхъ каждый есть ничто иное какъ капля ртути».

Не различаются мертвыя и живыя тѣла и по происхожденію: и тѣ и другія произошли изъ неорганическихъ соединеній. Ферворнъ указываетъ, что было время, когда, по достиженіи опредѣленной степени охлажденія земли, организмы впервые появились и притомъ не иначе, какъ при посредствѣ добровольнаго зарожденія изъ неорганическихъ тѣлъ, и что общепринятое выраженіе: *omnis cellula e cellula*, имѣетъ полную силу лишь для настоящаго времени.

Касательно предполагаемаго различія живой матеріи и мертвой по способу наростанія: первой—внутреннимъ отношеніемъ, а второй—оппозиціей, Ферворнъ высказываетъ соображенія, сходныя съ вышеприве-

денными разсужденіями Сабатье; подобно послѣднему, Ферворнъ отвергаетъ принципіальное различіе живой матеріи и мертвой и по отношенію: а) къ движенію, б) динамическому равновѣсію и в) чувствительности или, вѣрнѣе, раздражимости (Irritabilität).

Нѣтъ, наконецъ, различія и въ химическомъ отношеніи. Всѣ эти результаты Ферворнъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Обозрѣвая выводы нашихъ сравненій, мы видимъ, что «принципіальнаго» различія между живыми организмами и неорганическими тѣлами не существуетъ. Въ противоположность совокупности неорганической природы, характерное организмовъ заключается лишь въ томъ, что всѣ они, безъ исключенія, обладаютъ опредѣленными, необычайно сложными химическими соединеніями, преимущественно бѣлками.*

Почти дословно тоже изложено и въ статьѣ г. Гольдштейна «Живое и мертвое» (см. «Міръ Божій» 1896 г., мартъ, стр. 1—33). Авторъ не безъ основанія упрекаетъ біологовъ въ недостаточно глубокомъ знакомствѣ съ молекулярной физикой, которая, по его мнѣнію, есть ключъ для разъясненія многихъ жизненныхъ явленій. Раздѣляя воззрѣніе автора касательно важности знанія молекулярной физики, я въ то же время полагаю, что онъ сильно преувеличиваетъ роль ея въ объясненіи жизненныхъ явленій.

Такъ, напр., онъ полагаетъ возможнымъ всѣ разнообразныя передвиженія и измѣненія формы, которыя простѣйшіе организмы обнаруживаютъ подъ вліяніемъ свѣта, силы тяжести, гальваническаго тока, неравномѣрнаго распредѣленія пищи и проч., свести исключительно на явленія *поверхностнаго натяженія* жидкостей и осмоза.

«Цѣлый рядъ наблюденій и опытовъ,—пишетъ Гольдштейнъ,—показалъ, что поверхность жидкости обладаетъ такими свойствами, какъ будто она представляетъ эластическую плёнку. Если бы мы себѣ представили, что на поверхности жидкости натянута чрезвычайно тонкая резиновая пленка, то были бы недалеки отъ того, что въ дѣйствительности наблюдается на жидкостяхъ. Ихъ поверхность представляется какъ бы натянутою, напряженною. Вотъ это свойство называется *поверхностнымъ натяженіемъ*». Оно свойственно и поверхностному слою студенистыхъ, а также и твердыхъ тѣлъ. Поверхностное натяженіе до такой степени чувствительно ко всевозможнымъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ перемѣнамъ, происходящимъ съ тѣлами соприкасающимися, что еле уловимыя измѣненія въ нихъ, вліяя на нее, вызываютъ измѣненіе формы тѣла и какъ слѣдствіе этого и передвиженіе.

«Вотъ это свойство,—прибавляетъ Гольдштейнъ,—играетъ несомнѣнно первостепенную роль въ цѣлой массѣ явленій, наблюдаемыхъ въ жизни организмовъ вообще, а низшихъ—въ особенности».

Руководствуясь подобными соображеніями, онъ сводитъ всѣ явленія *геліотропизма* (передвиженій подъ вліяніемъ свѣта), *геотропизма* (подъ вліяніемъ силы тяжести), *трофотропизма* (подъ вліяніемъ неравномѣр-

наго распредѣленія пищи), и проч. на явленія поверхностнаго натяженія и осмоза.

Какъ и Сабатье, Гольдштейнъ проводитъ параллель между организмами и кристаллами, обозначая послѣднія, какъ «живыя существа мертвой природы». Онъ старается показать: 1) что кристаллы образуются, подобно организмамъ, изъ зародышей, т. е. что кристаллы появляются въ растворахъ лишь въ томъ случаѣ, если въ него попадетъ извнѣ «кристаллическій, такъ сказать зародышъ»; 2) что нѣтъ существенной разницы между *ростомъ* кристалловъ и организмовъ; 3) что ходъ роста кристалловъ похожъ на ходъ роста организмовъ: что «маленькій кристаллъ (такъ сказать, кристаллъ-ребенокъ) растетъ гораздо быстрѣе большого»; 4) что нельзя провести рѣзкой грани между питаніемъ кристалловъ и организмовъ; 5) что кристаллы, подобно организмамъ, размножаются дѣленіемъ и почкованіемъ; 6) что въ нихъ есть зачатокъ «наиболѣе элементарной формы *психизма*», сходный съ раздражимостью протоплазмы; 7) что «въ мірѣ кристалловъ имѣются элементы, присущіе жизни общества. Это—*борьба за существованіе*».

Выходитъ такимъ образомъ, будто не только имѣется сходство, но даже вовсе нѣтъ различія между кристалломъ и организмомъ, между мертвой природой и живой. Къ сожалѣнію, однако, вникнувъ глубже въ аргументацію автора, нельзя не сознаться, что онъ проявилъ въ ней болѣе смѣлости, чѣмъ основательности, а что въ наиболѣе существенныхъ пунктахъ, какъ-то: строеніи, питаніи, размноженіи, проводимая имъ аналогія, на самомъ дѣлѣ лишь весьма поверхностная и не затрагиваетъ сути дѣла. Что же касается до «психизма», то мнѣ осталась совершенно невыясненною возможность что либо заключить о присутствіи или отсутствіи его изъ фактовъ на которые указываетъ авторъ, въ родѣ того (стр. 19), что призматическій кристаллъ сѣры, совершенно прозрачный, отъ тренія становится полупрозрачнымъ и чрезъ нѣкоторое время превращается въ цѣлую массу мелкихъ кристалловъ октоэдрической формы; или что кристаллы селитры кубической формы превращаются, отъ *царапины иглою*, или отъ прикосновенія къ нимъ призматическимъ кристалломъ, въ призматическіе (стр. 19).

Столь же загадочною представляется мнѣ слѣдующее разсужденіе автора: «если въ растворѣ содержатся два или нѣсколько кристалловъ и между ними есть одинъ большой, то, при отсутствіи достаточнаго количества пищи, большой поѣдаетъ маленькіе и растетъ на ихъ счетъ. (Описаніе это, очевидно, лишь фигуральное, должно изображать, что растетъ большой кристаллъ, а меньшіе растворяются). «Не то ли же самое происходитъ въ мірѣ животныхъ, включая сюда и человѣка? Разница опять только въ томъ, что формы борьбы гораздо болѣе сложны; но въ концѣ концовъ индивидуумы, погибающіе въ борьбѣ за существованіе, съѣдаются побѣдителями; уже не говорю о томъ, что даже

человѣкъ грубымъ образомъ убиваетъ быка и съѣдаетъ его мясо; но человѣкъ съѣдаетъ и себѣ же подобнаго человѣка, только болѣе деликатнымъ способомъ, ибо если въ борьбѣ за существованіе данные, болѣе слабые индивидуумы погибаютъ, то, подвергаясь въ землѣ цѣлому ряду химическихъ измѣненій, они являются удобрителями почвы, которая создаетъ пищу, если не непосредственно для побѣдителя, то для его потомства; разница, *съ философской точки зрѣнія*, очевидно, не существенная» *) (стр. 21).

Очевидно, что подъ философской точкой зрѣнія авторъ подразумѣваетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что обыкновенно ею обозначается.

Я намѣренно остановился на аргументаціяхъ приведенныхъ авторовъ, такъ какъ въ настоящее время подобныя воззрѣнія не рѣдкость среди естествоиспытателей.

Проводя чрезъ всю статью мысль о тождествѣ силъ, управляющихъ мертвой и живой природой, я въ то же время считаю приведеніе подобныхъ скороспѣлыхъ и поверхностныхъ параллелей между живымъ и мертвымъ крайне не желательнымъ и дискредитирующимъ, въ глазахъ непредубѣжденнаго читателя, защитниковъ этого взгляда. Вѣдь только прибѣгая къ игрѣ словами, становится возможнымъ утверждать, что подобно организмамъ минералы рождаются, растутъ и умираютъ (Сабатье). Неужели дозволительно въ строго научномъ обобщеніи для проведенія аналогіи между явленіями, довольствоваться возможностью обозначенія ихъ однимъ и тѣмъ же терминомъ, употребляемымъ завѣдомо въ различномъ значеніи?

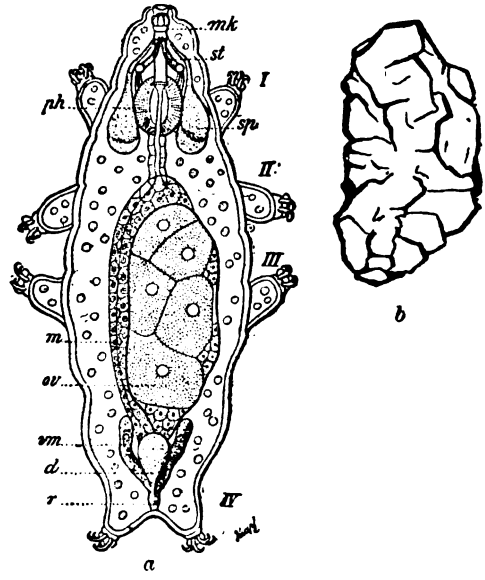
Я въ то же время, однако, считаю крайне интереснымъ точныя разслѣдованія надъ образованіемъ, ростомъ кристалловъ и кристаллитовъ, а равно и строгіе опыты и наблюденія надъ отложеніями коллоидальныхъ тѣлъ въ мертвой природѣ и увѣренъ, что такимъ путемъ удастся получить, внѣ живой клѣтки, многія изъ образованій и процессовъ, найденыхъ до сего времени лишь въ живомъ организмѣ, и поэтому разсматриваемыхъ, какъ продукты исключительно жизнедѣятельности организма. Мы видѣли, что нельзя даже утверждать, чтобы не удалось наблюдать и новообразованія живого существа изъ тѣлъ мертвой природы. Не преждевременныя аналогіи, а точныя новыя опытныя данныя и строгіе изъ нихъ выводы необходимы для рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Помимо этихъ разслѣдованій, очень важное значеніе имѣетъ сравнительное изученіе строенія и состоянія живого организма и мертваго, а равно и состоянія, столь распространеннаго, среди живыхъ существъ, временнаго оцѣпененія, сопровождаемаго прекращеніемъ всѣхъ, или только бо́льшей или мѣньшей части жизненныхъ отправ-

*) Курсивомъ слова обозначены мною.

леній. Въ подобное состояніе переходятъ какъ мы видѣли, при высыханіи воды, многія изъ рѣсничныхъ инфузорій, окружая себя стекловидною оболочкою. Изъ болѣе высоко организованныхъ животныхъ, превосходно переносятъ высыханіе многія *Rotatoria*, снабженныя, какъ извѣстно, развитой нервной системой, пищеварительнымъ аппаратомъ и пр. Если оставить каплю воды съ этими животными постепенно высыхать на стеклышкѣ, то наблюдается сперва замедленіе въ движеніяхъ этихъ животныхъ и затѣмъ полная ихъ остановка. Тѣло ихъ при этомъ съеживается очень значительно; кожица, его одѣвающая, покрывается морщинками и складками; въ высохшемъ видѣ животное дѣлается едва отличимымъ отъ близъ лежащихъ песчинокъ.

Подобное же выясненіе обнаруживаютъ и нѣкоторыя формы изъ класса червей и паукообразныхъ. Прилагаемые рисунки изображаютъ *Macrobiotus Hufelandi*, изъ паукообразныхъ, въ живомъ и высохшемъ состояніи.



Macrobiotus Hufelandi *a*) ползущій, въ живомъ состояніи; *b*) въ высохшемъ состояніи. Рис. стр. 133.
Рис. 8.

Зимняя спячка животныхъ, глубокіе обмороки, летаргическій сонъ, вышеописанное замираніе факировъ на нѣсколько недѣль тоже сюда относятся; также и высыханіе сѣмянъ, пребываніе въ неизмѣнномъ состояніи луковицъ и др. частей растеній.

Особенный интересъ представляетъ рѣшеніе вопроса: прекращается ли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ, на время, жизнь вполнѣ, или же только низводится до минимума, ускользающаго отъ наблюденій?

Пока имѣются въ этомъ направленіи точные опыты только *Кохса* *)

*) *W. Kochs*: «Kann die Continuität der Lebensvorgänge zeitweilig völlig unterbrochen werden?» «Biolog Centrbl». B. X. 1890.

надъ жизнедѣятельностью вполнѣ высушенныхъ сѣмянъ. Онъ ввелъ значительное количество сѣмянъ въ стеклянную трубку, изъ которой выкачалъ, по возможности, весь воздухъ, а затѣмъ трубку запаялъ. Изслѣдуя, по прошествіи *нѣсколькихъ мѣсяцевъ*, самымъ тщательнымъ образомъ содержимое трубки, Кохсъ не могъ открыть въ немъ ни слѣда углекислоты. Опытъ этотъ былъ неоднократно повторенъ съ тѣмъ же результатомъ. Сѣмена оказывались живыми и, посѣянныя на почву, прорастали.

Слѣдовательно, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, мы имѣемъ *полный* перерывъ всѣхъ жизненныхъ отправленій.

Вотъ вѣрные пути при дальнѣйшемъ разъясненіи вопроса о живомъ и мертвомъ.

Будемъ же трудиться по намѣченному пути, при полномъ сознаніи трудности и сложности поставленной задачи. Многое уже сдѣланное и достигнутое да послужитъ намъ поддержкою на трудномъ, но славномъ поприщѣ научныхъ розысканій.

Заканчивая свой трудъ, имѣвшій цѣлью обозрѣть и, на сколько позволяли мои силы, критически разобрать основные вопросы современнаго естествознанія и психологіи, я счелъ бы себя вполнѣ вознагражденнымъ, если бы эта моя исповѣдь, какъ естествоиспытателя, посвятившаго жизнь свою естествознанію, могла бы послужить на пользу молодымъ ученымъ силамъ и помочь имъ направить естествознаніе на болѣе вѣрный и раціональный путь, который, по моему глубокому убѣжденію, долженъ реализироваться въ самомъ недалекомъ будущемъ, какъ прямое и неустранимое слѣдствіе великихъ научныхъ результатовъ истекающаго столѣтія.

КАРТИНКИ ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ.

Маріи Конопницкой.

(Съ польскаго).

I.

По книгѣ.

Былъ осенній день. Солнце заходило, и тихій лазурный воздухъ весь искрился золотомъ. Около трехъ часовъ пополудни передъ зданіемъ тюрьмы остановился возъ съ капустой.

— Во-ро-та!... Во-ро-та!..—протяжно крикнулъ сидѣвшій на немъ парень въ красной вязаной блузѣ и самодѣльномъ полукафтанѣ.

Однако, воротъ никто не торопился отпирать.

— Во-ро-та!—снова крикнулъ парень и выругался, потому что лошади уже начинали нетерпѣливо ворочаться.

Нѣсколько минутъ все было тихо. Ворота не отпирались.

— Надо громче! — флегматично промолвилъ солдатъ, стоявшій у будки на часахъ.

— Во-ро-та!.. — заревѣлъ парень во всю мочь. — А тпрр!.. Ты куда?—прибавилъ онъ, стегнувъ кнутомъ пристяжную. А чтобъ тебя!..

Онъ соскочилъ на землю, обернулъ возжи вокругъ колка и принялся стучать кулаками, словно тараномъ, въ ворота.

Внутри, за сводчатыми воротами, раздавалось громкое эхо, однако, долгое время никто не появлялся.

Наконецъ, зашлепали чьи-то тяжелые шаги, и вмѣстѣ съ лязгомъ ключа, повернувшагося въ замкѣ, послышался рѣзкій, сердитый голосъ:

— Чего стучишь? Чего стучишь? И чего попусту руки обиваешь? Коли надобно отворить, такъ и безъ твоего стуку отворю!

— А чтобъ васъ, съ такимъ отпираніемъ!.. А тпру!.. А тпру!..— кричалъ парень, снова подбѣгая къ лошадямъ, которыя поворачивали возъ въ сторону.

Онъ схватилъ возжи и, махая кнутомъ надъ лошадьми, въѣхалъ въ ворота, створы которыхъ съ трескомъ ударились о стѣны, а изъ во-

ротъ—во дворъ до половины воза. Дальше проѣхать онъ не могъ, потому что дорогу ему загородили ящики съ картофелемъ. Въ тюрьмѣ дѣлались запасы на зиму, и это обстоятельство вызвало нѣкоторую суетню на обыкновенно тихомъ тюремномъ дворѣ.

Эта суетня сильно занимала арестантовъ, которые какъ разъ въ это время были выпущены въ садикъ на послѣ-обѣденную прогулку. Собственно говоря, эта была не прогулка, но скорѣе круженіе взадъ и впередъ и взаимная толкотня, такъ какъ мѣста было очень мало, а арестантовъ человѣкъ сто слишкомъ. Не больно походило на садъ и то, что носило названіе садика. Въ одномъ изъ угловъ двора, окруженнаго стѣнами тюрьмы, низкая деревянная рѣшетка огораживала небольшой клочекъ земли, раздѣлявшійся двумя перекрещивающимися дорожками на четыре равныхъ прямоугольника. Самая длинная тропинка, изгибаясь въ углахъ садика, тянулась подлѣ самой рѣшетки и вела къ калиткѣ, противъ которой въ противоположномъ углу стояла такъ называемая бесѣдка, въ родѣ круглаго, просвѣчивавшаго, сколоченнаго изъ узкихъ досокъ сарая, съ четырьмя скамейками и поддерживавшимъ стропила столбомъ внутри.

Нѣсколько молодыхъ деревьевъ качали на солнцѣ своими послѣдними золотыми листочками и, хотя не было ни малѣйшаго вѣтерка, листочки эти тихо падали на поросшія сорной травой грядки и тропинки, плотно утоптанныя ногами арестантовъ. На перекресткѣ дорожекъ расло нѣсколько кустовъ блѣдно-лиловыхъ астръ, которыя, казалось, поворачивали свои звѣздчатые глаза за тѣми жалкими фигурами, которыя бродили по тропинкамъ.

Арестанты ходили группами по два, по три, едва не наступая другъ другу на пятки. У большинства изъ нихъ была впалая грудь и согнутыя спины, на которыхъ сѣрые арестантскіе халаты висѣли, словно на вѣшалкахъ.

Наиболѣе характеризующая арестанта черта—это его внѣшность. При нѣкоторомъ навыкѣ можно по ней съ перваго взгляда угадать продолжительность отсиженнаго наказанія, точно такъ же, какъ узнаютъ возрастъ лошади по ея зубамъ.

Однолѣтніе рѣзко выдѣляются своей походкой, жестами, манерой, съ которой они обыкновенно держать свою, всегда выпрямленную голову и съ какой носятъ свою сѣрую одежду, даже какимъ-то особеннымъ образомъ поворота съ одной дорожки на другую.

У двухлѣтнихъ спина всегда сгорблена, и шея словно вылѣзаетъ впередъ изъ-за воротника.

Походка, жесты, свойственные каждому арестанту въ отдѣльности, становятся однообразны, и только самымъ сильнымъ удается сохранить свой собственный обликъ еще и на третій годъ. По истеченіи этого срока, всѣ уподобляются другъ другу. Человѣкъ перестаетъ существовать, какъ индивидуумъ, онъ обращается въ частицу той

сѣрой, безцвѣтной, безформенной массы, которая называется населеніемъ тюрьмы. Ноги арестантовъ дѣлаются искривленными, узкими; поставленныя одна возлѣ другой ступни раздвигаются подъ угломъ, все болѣе приближающимся къ прямому, выгнутыя впередъ колѣни часто дрожатъ, походка дѣлается тяжелой, медленной, движенія—неуклюжими, вялыми, а руки, сверхъестественно вытянутыя и какъ бы выдвинувшіяся изъ суставовъ, безсильно свѣшиваются по обѣимъ сторонамъ тѣла. Но, удивительное дѣло, подобному преобразованію поддаются, главнымъ образомъ, мужчины. Женщины, почти всѣ, долгіе годы ненарушимо сохраняютъ свою индивидуальность, и только самыя старшія, уже послѣ многократныхъ возвратовъ въ тюрьму, подвергаются нивеллирующему вліянію тюремной жизни.

За жестами и осанкой слѣдуетъ цвѣтъ лица. Въ первые годы онъ бываетъ блѣднымъ, смуглымъ и даже иногда румянымъ, поддается моментальнымъ измѣненіямъ краски и вообще имѣетъ болѣе живой, теплый оттѣнокъ. На второй годъ онъ блекнетъ и желтѣетъ очень быстро, кожа становится болѣе худой и сухой и мертвенно-блѣдной, какъ пергаментъ; на третій — на лицо падаетъ какая-то зеленоватая тѣнь, особенно около рта, ушей и глазъ; изрѣдка желтый, оливковый цвѣтъ преобладаетъ надъ зеленымъ, преимущественно на вискахъ и на лбу, который иногда такъ лоснится, будто онъ намазанъ жиромъ. Въ слѣдующіе годы лицо арестанта становится какимъ-то измятымъ, принимаетъ землистый цвѣтъ и является превосходнымъ документомъ въ пользу того тезиса, который гласитъ, что человѣкъ созданъ изъ глины и изъ персти земной. Этимъ измѣненіямъ подвергается и большинство женщинъ наравнѣ съ мужчинами.

Третья, характерная во внѣшности арестанта, черта—это выраженіе глазъ, взглядъ. У однолѣтнихъ онъ обыкновенно—подвижной, бѣгающій, безпокойный, лихорадочный. Онъ то зажигается и гаснетъ мгновенно, то горитъ искрами мимолетныхъ волненій, тревогъ, помысловъ, то вдругъ омрачается глубокой тѣнью, и зрачки изъ сѣрыхъ дѣлаются зелеными, изъ голубыхъ—черными. На второмъ году зрачки узника блекнутъ, дѣлаются мутными, стеклянными и выглядятъ такъ, какъ стоячая вода въ грязной ямѣ. На третьемъ—мутный взглядъ съ каждымъ днемъ становится все мутнѣе, глаза деревенѣютъ и словно закругляются въ орбитахъ, а въ глубинѣ ихъ кроется выраженіе апатіи или звѣрской злобы. Съ теченіемъ времени это развивается до идіотизма въ первомъ отношеніи, до настоящей обезьяньей пронырливости—во второмъ. Идіотское выраженіе глазъ вполнѣ согласуется съ какъ бы заплеснѣвѣвшимъ лицомъ арестанта, и эти обѣ черты обыкновенно встрѣчаются рядомъ. Но бываютъ и исключенія, и когда на глинистомъ, измятомъ лицѣ зрачки вдругъ загораются мрачнымъ, красноватымъ огнемъ, это страшное зрѣлище; оно обыкновенно предвѣщаетъ какую-нибудь катастрофу.

Вотъ такимъ-то именно горящимъ взглядомъ смотрѣлъ въ отпертыя, едва виднѣвшіяся изъ одного угла садика, ворота сравнительно еще молодой арестантъ, цвѣтъ лица и внѣшность котораго, однако, обнаруживали въ немъ долголѣтняго арестанта.

По виду можно было судить, что онъ уже сидитъ, по крайней мѣрѣ, года четыре или пять лѣтъ. Но онъ, вѣроятно, отличался исключительно крѣпкимъ организмомъ, и его бритая голова, возвышаясь надъ всѣми остальными, до сихъ поръ еще прямо и ровно держалась на плечахъ.

Въ настоящую минуту арестантъ слегка нагнулся къ рѣшеткѣ; широко раздутыя ноздри, казалось, жадно вдыхали въ себя воздухъ съ улицы, на шеѣ вздувались толстыя жилы, а изъ-за полуоткрытыхъ губъ виднѣлись мелкіе, острые и чрезвычайно бѣлые зубы. Одну руку онъ засунулъ за халатъ и рубаху на грудь, словно хотѣлъ почувствовать живое тѣло или, можетъ быть, прижать рукою сердце, которое сильно и глухо колотилось въ груди.

Другой рукой онъ держался за рѣшетку, чтобъ легче устоять на искривленныхъ, явно дрожавшихъ въ эту минуту ногахъ.

Болѣе проницательный наблюдатель легко могъ бы угадать, что арестантъ переживаетъ тотъ критическій моментъ, когда страданіе еще не переломило воли и энергіи и становится долѣе просто невыносимымъ, невозможнымъ. Только до сихъ поръ,—больше ни за что!—словно кричитъ что-то въ душѣ человѣка, который дошелъ до такого критическаго состоянія; а уголовное законодательство никакъ не можетъ достаточно широко разсмотрѣть, никакъ не можетъ достаточно проницательно уловить этого психическаго момента.

Державшійся за рѣшетку и съ какой-то хищнической жадностью наклонившійся ко двору арестантъ былъ извѣстенъ всѣмъ подъ именемъ Цыгана.

Звали его Цыганомъ товарищи, сторожа, звали его такъ въ канцеляріи, даже въ книгѣ, въ которой записывались заработки, онъ фигурировалъ подъ этимъ именемъ; со временемъ совершенно даже забыли, было ли у него когда-либо другое, да и самъ онъ, казалось, совсѣмъ не помнилъ этого.

Онъ остановился; остановились и тѣ, что шли съ нимъ рядомъ и позади него: остановились и повытянули шеи, повыставили головы, одни подымались на цыпочкахъ, другіе толкали стоявшихъ передъ ними, иные переступали съ ноги на ногу на одномъ мѣстѣ, какъ дѣлаютъ запертые въ клѣткахъ звѣри. Взгляды ихъ сосредоточивались въ двухъ пунктахъ. Одни глядѣли на возъ, на лошадей и на капусту, другіе на кормилицу секретаря, которая, съ уснувшимъ ребенкомъ на колѣняхъ, сидѣла на порогѣ флигеля, качаясь изъ стороны въ сторону и напѣвая монотоннымъ голосомъ одну изъ тѣхъ мелодій, которымъ шарманки сообщили широкую популярность. Подлѣ нея, съ лоханью въ рукѣ, стояла Янова, кухарка, и тоже смотрѣла на возъ. Неподалеку игралъ

сынишка дворника. Капуста въ этомъ году уродилась отлично. Ея большія головы, однѣ—продолговатыя, порастрепленныя, зеленоватыя, съ слегка подерганными краями, казалось, лопались и раскрывались, какъ чашечки тюльпана, не будучи въ состояніи сдержать напора своихъ внутреннихъ листьевъ; другія—лоснящіяся, бѣлыя, плоскія, плотно обтянутыя серебристыми листьями съ жилками, горделиво и важно лежали на возу, издали сверкая, словно комы снѣга, и рѣзко скрипя при малѣйшемъ треніи. Между ними тамъ и сямъ, на открытыхъ кочерыжкахъ, торчали легкіе, пустые, грязно коричневые кочаны капусты, ничего не стоющіе и добавленные на рынкѣ для полнаго счета.

Тѣ, что смотрѣли на няньку, имѣли возможность любоваться не менѣе прекраснымъ зрѣлищемъ. Дѣвка была молодая, статная и ея полныя формы красиво обрисовывались подъ легкой ситцевой юбкой и такой же кофтой. Тяжелая, свѣтлая коса спадала у ней низко на затылокъ, а маленькій розовый платочекъ не закрывалъ бѣлой, слегка загорѣвшей отъ солнца шеи. Ея мѣрное покачиваніе изъ стороны въ сторону придавало ей какую-то томную прелесть.

Но не на няньку и не на капусту смотрѣлъ Цыганъ. Его горящіе глаза, прежде устремленные на раскрытыя ворота, бѣгали теперь по всему двору, быстрымъ взглядомъ окидывали двери и окна тюрьмы, отмѣряли разстояніе садовой калитки отъ ящика и ящика отъ воза и, наконецъ, съ какой-то дикой проницательностью впились въ лицо караульнаго, который, повернувшись бокомъ къ арестантамъ, стоялъ передъ бесѣдкой и велъ съ кѣмъ-то спокойный разговоръ, отъ времени до времени побрякивая ключами, въ знакъ своего присутствія и бдительности.

Между тѣмъ въ ворота въѣзжалъ второй возъ капусты.

— Эй, поѣзжай-ка!.. Поѣзжай-ка дальше!—послышался крикъ.

— А куда я тебѣ поѣду?—гаркнулъ въ отвѣтъ парень въ красной блузѣ, который отсчитывалъ теперь только четвертую сотню.—На голову?.. Не видишь, что ящикъ стоитъ? Ослѣпъ ты, что ли?..

— Тпрр... тпрр...—послышалось въ воротахъ и возъ остановился на половинѣ дороги, такъ что на улицѣ остались только колеса.

Оба парня начали громко совѣщаться, какъ бы повернуть ящикъ, такъ, чтобы возы могли въѣхать во дворъ.

— Ой, Богъ ты мой!—вдругъ промолвила кухарка,—такъ мнѣ чтой-то въ глазахъ мигнуло, ровно бы наша свинья... Сбѣгай-ка, Ося, въ хлѣвъ, погляди-ка, аль не вылѣзла тамъ свинья куда... Только живо, однимъ духомъ!

Мальчикъ вмигъ вернулся.

— Чего ей тамъ было вылѣзать? Такъ нажралась, что съ мѣста не столкнешь... Повалилася на солому, да лежитъ, а поросята при ней ровно піявки висятъ.

— А таки мнѣ чтой-то сѣрое мигнуло промежъ коней. Вонъ тутъ!—

показывала кухарка, останавливаясь подлѣ узкаго прохода, какой образовался между ящикомъ и возомъ.

— Привидѣлося вамъ, да и только, — возразила нянька, снова затягивая свою однообразную пѣсенку.

— А какъ же!.. Что мнѣ привидѣлось? Нешто я пьяна, что ли? Вотъ хоть побожиться, сѣрое что-то промежъ коней проскочило... Собака—не собака, свинья—не свинья, чтобъ я такъ здорова была!

Въ это мгновеніе караульный обвелъ глазами группу арестантовъ и не замѣтилъ возвышавшейся обыкновенно надъ другими черной головы Цыгана.

— Цыганъ!.. Гдѣ Цыганъ?..—заревѣлъ онъ, подскакивая къ наполовину отворенной калиткѣ.

Арестанты оглянулись другъ на друга. Цыгана не было.

— Да это жъ, видно, не кто иной, какъ онъ самый, негодный, улепетнулъ въ ворота подъ возомъ,—проговорила кухарка, всплеснувъ руками.—Вотъ-те Христосъ, видѣла я его. Такъ и прошмыгнулъ у меня передъ глазами... А я еще думала, что свинья.

— А чтобъ васъ!—крикнулъ караульный, схватившись за голову.

На дворѣ поднялась суматоха. Арестантовъ вмигъ погнали въ коридоры; на улицу пустилась погоня за бѣглецомъ.

— Лови!.. Держи!..—раздалось сначала вблизи, а потомъ все дальше и дальше.

Въ ста шагахъ отъ тюрьмы лежалъ сѣрый халатъ, у стѣны, нѣсколько дальше валялась шапка.

Теперь уже не было сомнѣнія въ томъ, въ какую сторону бѣжалъ Цыганъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Филиппъ, отецъ Оси, увидѣлъ, какъ Цыганъ въ рубахѣ и портахъ мчался, сломя голову, едва касаясь земли ногами.

Раздался крикъ: это перекликнулись гнавшіеся за бѣглецомъ, а онъ еще скорѣе пустился бѣжать отъ этого крика, словно у него вдвое прибавилось ловкости.

Но злополучная звѣзда его заставляла его бѣжать все по прямой линіи, на глазахъ погони. Онъ летѣлъ стрѣлою и, какъ стрѣла, все прямо впередъ. Это его погубило.

Крики гнавшихся за нимъ слышались все ближе, а разстояніе, которое отдѣляло его отъ нихъ, уменьшалось съ каждой минутой.

Вдругъ онъ упалъ и, хотя почти въ ту же секунду вскочилъ съ земли и снова мчался дальше, видно было, что силы его истощаются.

Еще нѣсколько минутъ бѣжалъ онъ, все медленнѣе, медленнѣе, наконецъ, словно чувствуя самъ, что не убѣжать ему, онъ вдругъ повернулся и остановился лицомъ къ лицу съ погоней.

Онъ былъ страшенъ. Глаза горѣли, какъ два зажженные факела, лицо вытянулось какъ у мертвеца, зубы оскалились, точно онъ собирался кусаться, у рта показалась кровавая пѣна. Филиппъ нагналъ

его первый. Цыганъ схватилъ его за горло, потрясъ въ воздухѣ и швырнулъ на мостовую, точно пукъ соломы. За Филиппомъ подбѣжали и другіе. Бѣглецъ отчаянно сопротивлялся. Онъ кусался, царапался, колотилъ ихъ руками по головамъ, билъ ногами — онъ былъ въ бѣшенствѣ.

Но вотъ они насѣли на него всѣ шестеро или семеро, точно на дикаго кабана и, поваливъ его на землю, придавили ему колѣнями грудь, раскровянили его всего, разодрали на кусочки рубаху на немъ и такъ истерзали, что пришлось потомъ, какъ трупъ, нести его на рукахъ въ тюрьму.

Когда онъ очнулся въ «темной» *), весь дрожащій и мокрый отъ вылитыхъ на него ведеръ холодной воды, его потребовали въ канцелярію. Но не успѣлъ еще смотритель присѣсть и закурить сигару, которая должна была служить ему для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ сгладить непріятное впечатлѣніе предстоящаго свиданія и еще только посасывалъ ее, поворачивая пухлыми пальцами между толстыми и красиво очерченными губами, когда на порогѣ, подъ предводительствомъ тюремнаго сторожа, остановилась важная депутація: она состояла изъ однихъ только рецидивистовъ и самыхъ старшихъ преступниковъ.

Двое служителей, между тѣмъ, поддерживали подъ руки Цыгана, который не въ силахъ былъ держаться на ногахъ, весь дрожалъ и ежеминутно отиралъ потъ съ блѣднаго, какъ полотно, лица.

Смотритель нахмурился и, надувъ щеки, устремилъ вопросительный взглядъ на дверь. Трое изъ депутаціи подошли къ зеленому столу и поцѣловали «его благородіе» въ руку.

— Ну, что скажете?—спросилъ задобренный этимъ проявленіемъ покорности начальникъ.

— А вотъ хотимъ просить милости вашей, ваше благородіе,—проговорилъ Вевюра, рецидивистъ, который уже сломалъ себѣ зубы на тюремномъ хлѣбѣ,—чтобы мы это, значитъ, могли Цыгана сами по себѣ судить. Всѣхъ онъ насъ осрамилъ и всѣхъ насъ передъ вашимъ благородіемъ, отцомъ нашимъ, грязью замаралъ. Не будетъ ужъ теперича никакой свободы честному арестанту, и всему конецъ будетъ. И такъ больно ужъ тяжко намъ было (у двери послышался громкій вздохъ оставшихся тамъ депутатовъ), а теперича будетъ еще тяжелѣе.

— Ой, тяжко-то, тяжко! — перебилъ пискливымъ голоскомъ стоявшій ближе всѣхъ Жеглярекъ.

И опять раздался у порога еще болѣе громкій вздохъ депутатовъ.

— Такъ мы пришли вотъ просить, упрашивать ваше благородіе, отца нашего и благодѣтеля, чтобъ намъ дозволить самимъ наказаніе ему опредѣлить, по нашему разумѣнію и по справедливости...

— Ну,—колеблясь проговорилъ смотритель, — это ладно, да только что вы думаете съ ними сдѣлать?

---

*) Тюремный карцеръ.

— Да избить, ваше благородіе,—отвѣтилъ Вевюрка тономъ искренняго убѣжденія въ томъ, что это — превосходное средство. — На эдакого, ваше благородіе, шельму только и есть, что плеть. Да что онъ, ваше благородіе? На—перво онъ тутъ попался да будетъ теперь намъ всѣмъ, какъ соръ въ глазу? Ваше благородіе безпокоить будетъ? Отца родного, матери не уважилъ, тюрьмы не уважилъ, что жъ такому, коли не плеть?.. Да онъ и плети хорошей не стоитъ! Кабъ онъ пропалъ! Тьфу!

Тутъ ораторъ сплюнулъ, и эта реторическая фигура побудила къ новымъ вздохамъ депутатовъ, стоявшихъ у порога.

Смотритель барабанилъ пальцами по столу. Онъ находился въ крайне щекотливомъ положеніи. Съ одной стороны, ему улыбалась такая развязка этой непріятной исторіи, съ другой, однако, онъ нѣсколько сомнѣвался относительно легальности такого ея оборота. Къ счастью, онъ припомнилъ, какъ недавно читалъ гдѣ-то, что въ Америкѣ преступники иногда сами наказываютъ своихъ провинившихся товарищей. Это сразу успокоило его и даже сообщило его мыслямъ возвышенный и гордый полетъ. Онъ почувствовалъ себя иниціаторомъ новыхъ идей въ обществѣ, идей изъ Новаго Свѣта. Онъ чувствовалъ себя гуманистомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

И онъ надулъ свои недавно выбритыя щеки, выставляя этимъ на показъ свой красивый подбородокъ, и съ видимымъ удовольствіемъ попыхтѣлъ нѣсколько разъ.

Цыганъ между тѣмъ опустилъ голову на грудь и закрылъ потухшіе глаза. Всѣ мускулы дрожали на его страдальческомъ лицѣ. Казалось, онъ сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Это ладно,—повторилъ смотритель, — только чтобъ наказаніе не было легче того, какое бы я самъ ему назначилъ.

Онъ сказалъ это только для того, чтобы что-нибудь сказать; онъ хорошо зналъ, что выдаетъ Цыгана въ тяжелыя, неумолимыя руки.

— Ужъ вы, ваше благородіе, на насъ положитесь — поклонился Вевюра.—Ужъ мы съ нимъ такъ расправимся, что другу и недругу закажетъ. Ужъ мы ему...

Онъ не кончилъ. Смотритель поднялся съ кресла.

— Яковъ!—обратился онъ къ сторожу,—вывести его имъ на верхній корридоръ! Да пускай и другіе знаютъ на будущее время. А потомъ ко мнѣ его, сюда, въ канцелярію, я ему совѣсть-то расшевелю.

Яковъ повернулся налѣво кругомъ, служители подтолкнули Цыгана, а депутація приступила къ церемоніи цѣлованія руки «Его Благородія», который только теперь могъ свободно закурить сигару и просмотрѣть газеты.

Черезъ минуту съ верхняго корридора донесся пронзительный, протяжный крикъ.

. . . . . .

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ занятій смотрителя было расшевеливать совѣсть арестантовъ. Въ его распоряженіи имѣлся цѣлый запасъ нравоученій въ высоко-религіозномъ и общественномъ духѣ, цѣлый рудникъ трогательныхъ предостереженій, цѣлая сокровищница красиво-закругленныхъ фразъ и назидательныхъ правилъ. Въ этомъ заключалась его главная спеціальность, это было для него предметомъ настоящаго дилеттантизма. И дѣлалъ онъ это все по вдохновенію, безъ всякой предварительной подготовки, просто импровизировалъ. При подобной импровизаціи онъ и самъ былъ чрезвычайно взволнованъ, а его слегка дрожащій голосъ и отуманенные влагой глаза невольно вызывали раскаяніе у всѣхъ, которые уже признались въ своей винѣ.

Въ виду этого, онъ считался, въ глазахъ высшаго начальства, истинно полезнымъ человѣкомъ, а такое признаніе его заслугъ вызывало въ немъ еще большую охоту къ изощренію своего краснорѣчія.

На этотъ разъ, однако, краснорѣчію г-на смотрителя не представилось случая развернуться во всей его силѣ. Цыганъ тотчасъ послѣ экзекуціи лишился сознанія, а потомъ у него сдѣлалась жестокая горячка, такъ что пришлось въ эту же ночь перенести его въ лазаретъ.

Тамъ пролежалъ онъ недѣлю—другую, харкалъ, кашлялъ, стоналъ, жаловался на колику то въ груди, то въ спинѣ и страшно исхудалъ. Но наконецъ онъ слѣзъ съ своей койки и, сгорбленный, постарѣвшій, болѣе похожій на тѣнь, чѣмъ на человѣка, поплелся въ свою камеру. Но тутъ ему вдругъ сдѣлалось хуже. Онъ весь дрожалъ въ лихорадкѣ, кровь хлынула у него горломъ, и на третью ночь онъ умеръ на разсвѣтѣ, ни однимъ стономъ не разбудивъ ни одного изъ своихъ сосѣдей.

Теперь только начали втихомолку перешептываться, что Вевюра ужъ больно много ему «набавилъ». Особенно молодые «новички», которыхъ рецидивисты обыкновенно презираютъ и притѣсняютъ, возмущались по своимъ угламъ.

Между тѣмъ, въ канцеляріи готовился рапортъ, что вотъ, молъ, такой-то и такой-то арестантъ отъ горячки, что-ли, или отъ лихорадки умеръ. Смотритель какъ разъ диктовалъ вышеупомянутыя слова своему помощнику, какъ тотъ вдругъ произнесъ:

— А когда его срокъ долженъ былъ кончиться?

— Ну, такъ наизусть не запомнишь,—отвѣтилъ «его благородіе»,— да вѣдь это все по книгѣ у насъ считается. Яковъ, подай-ка книгу!

Яковъ подалъ книгу въ черномъ переплетѣ; секретарь началъ ее перелистывать.

— А это что?—воскликнулъ онъ вдругъ, взглядывая на смотрителя и указывая ему пальцемъ число въ книгѣ.

Смотритель небрежно повернулся и посмотрѣлъ черезъ плечо—посмотрѣлъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла и впился взглядомъ, полнымъ ужаса, въ лицо секретаря. Такъ нѣсколько мгновеній безмолвно стояли эти два человѣка, пронизывая другъ друга глазами.

— Чортъ подери!—воскликнулъ, наконецъ, смотритель, совершенно забывъ о присутствіи Якова.—Вѣдь срокъ-то его уже окончился недѣли двѣ передъ тѣмъ его побѣгомъ.

Онъ простоялъ еще съ минуту и, какъ окаменѣлый, смотрѣлъ передъ собою.

— Чортъ его зналъ!—крикнулъ онъ наконецъ, кидаясь въ кресло.

Больше объ этомъ уже не было рѣчи.

Въ теченіе нѣсколькихъ, послѣдовавшихъ за этимъ, недѣль двери канцеляріи почти не закрывались. Съ самаго утра изъ камеръ начинаютъ раздаваться стуки.

— Чего тамъ?—нетерпѣливо спрашиваетъ скорожъ.

— Отворяй-ка, отворяй! Въ канцелярію надо.

— Ну, что?—спрашиваетъ смотритель арестанта, входящаго, въ сопровожденіи сторожа, въ канцелярію.

— А вотъ, ваше благородіе, пришелъ я узнать о срокѣ моемъ, потому, можетъ, ужъ вышелъ мнѣ срокъ-то.

— Что еще за новости!—говоритъ въ смущеніи «его благородіе»,—вѣдь срокъ тебѣ два года, а ты всего полтора сидишь.

— Да, оно-то какъ-бы и такъ, ваше благородіе, да только вотъ хотѣлось бы узнать точно, какъ въ книгѣ...

Смотритель закусываетъ красныя, толстыя губы, чтобы не разразиться бранью.

Черезъ минуту—та же исторія. Черезъ четверть часа—опять. Десять, пятнадцать, двадцать человѣкъ сразу валятся въ дверь, всѣ зовутъ сторожа, всѣ хотятъ идти въ канцелярію. Яковъ бѣгаетъ отъ двери къ двери, теряя голову, кричитъ, проситъ и, наконецъ, самыхъ настойчивыхъ ведетъ въ канцелярію.

— Ваше благородіе, пришли мы узнать сроки наши, можетъ, ужъ кончились...

— Пошли къ чорту съ вашими сроками!—кричитъ уже внѣ себя смотритель.—Не дадутъ человѣку даже отдохнуть спокойно.—Это было какъ разъ послѣ обѣда.

— Да намъ бы только книгу посмотрѣть. Я грамотѣ умѣю.

— И я.

— И я.

Смотритель чувствуетъ себя совсѣмъ разбитымъ. Онъ велитъ Якову подать книгу, показываетъ пальцемъ числа, растолковываетъ. Арестанты недовѣрчиво киваютъ головами. Одинъ изъ нихъ притворяется, что читаетъ. Наконецъ, они выходятъ, для того, чтобы вернуться завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю.

О, бѣдный Цыганъ! Это была твоя месть!

II.

Онуфрій.

1.

Я уже собралась-было уходить, когда Янъ Запартый, младшій сторожъ съ перваго этажа, задыхаясь, вбѣжалъ въ канцелярію.

— Ваше благородіе!—воскликнулъ онъ, становясь во фронтъ на порогѣ. — Подъ пятымъ бунтъ! Осмолецъ такъ колотитъ Онуфрія, что его отогнать нельзя.

— Какъ это нельзя!—крикнулъ смотритель, вскакивая съ кресла.— Ступай за Яковомъ, мямля, если самъ не умѣешь справиться, и привести мнѣ ихъ обоихъ сюда! Сію минуту! Слышишь?

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ, вытянувшись въ струнку, сторожъ и исчезъ за дверью.

Смотритель стоялъ еще нѣсколько мгновеній лицомъ къ двери. Глаза его горѣли, грозно нахмурились брови на прекрасномъ бѣломъ лбу, кровь ударила ему въ голову, онъ весь задыхался отъ гнѣва. Черезъ минуту, однако, онъ овладѣлъ собою, вздохнулъ и, процѣдивъ сквозь зубы «дубина!», сѣлъ и началъ поглаживать пухлой, сверкающей перстнями, рукой синеватый гладко выбритый подбородокъ и расправлять густые бакенбарды въ обѣ стороны. Онъ сдерживался, но видно было, что ему это стоитъ труда. Онъ не любилъ, чтобы подобныя дѣла происходили въ присутствіи постороннихъ, и недовольно бросилъ на меня съ своего кресла нѣсколько быстрыхъ, косыхъ, довольно рѣзкихъ взглядовъ.

Между тѣмъ, въ корридорѣ раздались тяжелые шаги, и въ канцелярію вошелъ старшій сторожъ Яковъ, онъ толкалъ передъ собою маленькаго, нахохлившагося, какъ пѣтухъ, арестанта, съ сухимъ смуглымъ лицомъ и дерзкими глазами, сверкавшими яркимъ краснымъ огонькомъ. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что онъ весь еще разгоряченъ отъ борьбы, отъ которой его оторвали. Кулаки у него были сжаты, жилы на лбу вздулись, какъ веревки, колѣни дрожали, ноздри расширялись и сжимались, а острые рѣдкіе зубы сверкали изъ-за губъ, какъ у будольга.

За Яковомъ вошелъ огромный парень въ сѣромъ, арестантскомъ, раздранномъ на груди халатѣ, съ большой, глубоко всунутой въ плечи, бритой головой. Лицо у него было широкое, рябое, сильно распухшее, и вся его громадная, тяжелая, съежившаяся фигура напоминала быка, оглушеннаго ударомъ обуха.

Когда онъ вошелъ, онъ согнулъ свои обвернуыя онучами ноги, засунулъ локти за спину и держа обѣими руками на обнаженной, поросшей рыжими волосами, груди свою арестантскую шапку безъ ко-

зырька, вперилъ глаза въ землю и началъ трясти большой, какъ бы вдавленной въ туловище, головой.

Это былъ молодой парень, ему, можетъ быть, еще и тридцати лѣтъ не было, но исхудалъ онъ страшно. Словно что-то грызло его и высасывало изъ него всю кровь. Это не было то медленное, характерное истощеніе организма, какому подвергаются уже долго посидѣвшіе арестанты и рецидивисты, но какое-то быстрое, неудержимое разрушеніе, отъ котораго, помимо своего исполинскаго сложенія, онъ такъ ослабѣлъ, что, казалось, тронь его пальцемъ, и онъ упадетъ на землю и разсыпется въ прахъ. Выраженія его лица нельзя было назвать ни безсмысленно-тупымъ, ни угрюмымъ; на немъ лежала печать какого-то глубокаго, безграничнаго горя, и сильный непобѣдимый страхъ передъ чѣмъ-то сквозилъ во всѣхъ его чертахъ. Несмотря на то, что оно теперь все распухло отъ ударовъ, которые только что надавалъ ему Осмолецъ, видно было, что это лежавшее на немъ выраженіе—постоянное, что оно было на немъ и прежде и будетъ послѣ, всегда, всегда. Ожесточенія отъ только-что происшедшей драки — ни слѣда. Напротивъ, раза два-три великанъ взглянулъ на Осмольца такъ, какъ будто онъ былъ ему благодаренъ за то, что видитъ его передъ собою. Это былъ какой-то особенный типъ, который меня сильно заинтересовалъ.

Конвой замыкалъ Запартый; его круглые, выпученные глаза свидѣтельствовали о напряженіи всѣхъ его умственныхъ способностей для точнаго исполненія приказаній его благородія.

— Осмолецъ!—произнесъ смотритель своимъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ.—Ты что жъ это опять? Доиграться хочешь?

Маленькій смуглый арестантъ выступилъ на середину комнаты.

— Я ничего, ваше благородіе...—смѣло возразилъ онъ.

Уже по одному этому движенію и по тону его голоса я угадала, что это рецидивистъ, старый, ловкій пройдоха.

Его благородіе смотрѣлъ на него съ снисходительностью, какая бываетъ здѣсь удѣломъ только давнихъ и хорошо извѣстныхъ арестантовъ.

— Какъ это ничего? Что ты это тамъ за бунты въ камерѣ производишь?

— Я, ваше благородіе, никакого бунта не дѣлаю, только спать мнѣ надобно было. Спать должонъ каждый.

Онъ уже немного остылъ, но голосъ его еще былъ рѣзкій, свистящій, такой, какой бываетъ у человѣка, измученнаго борьбой. Онъ, видно, хорошо чувствовалъ, что правда на его сторонѣ и смотрѣлъ смѣло, прямо въ лицо смотрителю. Смотритель нахмурился.

— Запартый!—рѣзко спросилъ онъ, обращаясь къ сторожу.— Что это тамъ опять за безпорядки?

Сторожъ, и такъ вытянувшійся въ струнку, еще глубже втянулъ

въ себя животъ, выставилъ впередъ грудь, приставилъ одну ногу къ другой, проглотилъ слюну и, быстро моргая вытаращенными глазами, проговорилъ:

— Тамъ не оказалось никакого безпорядка, ваше благородіе!

— Не оказалось!—дерзко передразнилъ его Осмолецъ, наклонивъ голову и зажмуривая лѣвый глазъ.—А откуда это тебѣ извѣстно, что не оказалось?

— О, Господи! Господи!—вдругъ простоналъ дважды Онуфрій и устремилъ впередъ блуждающій взглядъ.

Но никто не обратилъ на это вниманія.

— Попробуй-ка, сударь,—продолжалъ Осмолецъ,—хоть одну ночь проночевать на моихъ нарахъ, такъ тебѣ сейчасъ покажется!

На лицѣ великана Онуфрія появилось выраженіе невыносимаго страданія. Голова его тряслась все сильнѣе. Осмолецъ, между тѣмъ, совершенно повернулся къ Запартому.

— А я тебѣ, сударь, скажу, что коли я здѣсь сижу, такъ я, значитъ, «казенный арестантъ» и долженъ тутъ имѣть все, что мнѣ надобно, потому здѣсь все на меня изъ «казны» идетъ! И ѣда, и мундиръ, и спанье, и все изъ казны на меня идетъ! Знаешь ты это?

Такъ говорилъ онъ, повернувшись лицомъ къ сторожу, но въ то же время дерзко сверкая глазами въ сторону смотрителя. Мнѣ была превосходно знакома эта тактика дѣлать косвенные упреки, ссылаясь на казенное положеніе. Ею обыкновенно пользовались опытные арестанты и всегда съ успѣхомъ. Яковъ, старый сторожъ, тоже, видно, зналъ ее хорошо и равнодушно глядѣлъ въ окно, украдкой нюхая табакъ, между тѣмъ какъ Запартый едва сдерживалъ злобу и весь кипѣлъ негодованіемъ. Однако, онъ не смотрѣлъ на Осмольца, но вглѣпилъ свои глаза въ смотрителя, какъ бы передавая ему на разсмотрѣніе все, что онъ слышалъ отъ Осмольца. Его благородіе, глубоко погрузившись въ кресло, слегка сдвинулъ брови и, по своей привычкѣ, барабанилъ пальцами по столу, при этомъ его красивые глаза поднимались и опускались, окидывая всю картину долгимъ, какъ бы затуманеннымъ взоромъ. Казалось бы, что онъ разсѣянно слушаетъ разсужденія Осмольца, что мысли его заняты другими, въ сто разъ болѣе важными, дѣлами.

— А во-вторыхъ,—продолжалъ Осмолецъ,—сидишь тутъ, слава Богу, ужъ третій разъ, такъ, небось, знаешь, что къ чему надлежитъ. Что воровство—то воровство, что разбой—то разбой! Въ одномъ—иная политика, а въ другомъ—иная политика. «Кажинный» имѣетъ свою амбицію! И у сторожа есть своя амбиція, и у его благородія есть своя амбиція, и у меня опять-таки есть своя амбиція. Коли я укралъ, такъ укралъ, это дѣло мое, это мнѣ не впервой! А съ этакимъ разбойникомъ, супостатомъ водиться мнѣ не пристало! Ты еще, сударь, на третій бокъ только переворачиваешься, какъ Онуфрій, ровно ошалѣлый, по ночамъ мечется, чтобъ онъ околѣлъ! Намедни вотъ схватилъ у

сапожниковъ свѣчу сальную и словно «громницу» *) подлѣ наръ зажегъ. Того и гляди, какъ подпалитъ когда-либо всю тюрьму!

Нахмурился смотритель и, немного поднявъ голову, сердито взглянулъ на Запартаго изъ подъ сдвинутыхъ бровей. Сторожъ стоялъ, словно аршинъ проглотилъ, и тоже смотрѣлъ въ лицо его благородію. Что касается стараго Якова, такъ тотъ съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ клочекъ паутины надъ печкой и держалъ два пальца въ табакеркѣ. Это была необыкновенно комичная картинка.

— А ноньче,—говорилъ Осмолецъ, утирая рукавомъ ротъ,—такъ цѣлехонькую ночь стоналъ, словно его кто рѣзалъ! Невтерпежъ прямо! Ляжешь себѣ на нары, такъ и уснулъ бы, и спалъ бы себѣ спокойно, потому совѣсть-то у тебя совсѣмъ чистая; а этакой «душегубецъ» и «окаянный» такъ и самъ не спитъ, и другому не даетъ! Только какъ погасишь свѣтъ, такъ онъ тебѣ тутъ ужъ и ноетъ, будто что-то стоитъ передъ нимъ. А я виноватъ, что стоитъ что-то передъ нимъ? Я за нимъ не ходилъ! Человѣкъ, слава Богу, самъ свое наказаніе имѣетъ и свое отсиживаетъ, а до иныхъ никакого ему дѣла нѣтъ! Кабы я надъ всякимъ разбойникомъ хныкать зачалъ, я бъ ужъ давно лопнулъ!

— Господи! О, Господи!—снова глухо простоналъ Онуфрій, но никто не обратилъ на это вниманія,

— А коли ты, сударь, такой умникъ—закончилъ Осмолецъ свою рѣчь,—такъ отведи-ка Онуфрія въ особое отдѣленіе, тогда въ номерѣ никакихъ бунтовъ и не будетъ! Потому тамъ только одни порядочные люди сидятъ и баста! Понимаешь?

Онъ даже взялся за бока и присѣлъ. Это, очевидно, переходило уже границы обыкновеннаго безстыдства: старый Яковъ сплюнулъ въ сторону и съ шумомъ затеръ слюну сапогомъ.

— Ну, ну! — воскликнулъ, морщась, смотритель. — Не будь такъ смѣлъ! Не знаешь ты, что ли, что у меня за драки—«темная»? Ежели тебя кто обижаетъ, такъ на то у тебя есть канцелярія! Я на то здѣсь! А самому командовать тутъ нельзя!

Осмолецъ кинулъ исподлобья на смотрителя быстрый взглядъ. Онъ, какъ видно, не ожидалъ такого тона.

— Ступай въ камеру и чтобъ мнѣ тамъ было тихо! Понимаешь?

— Понимаю, отецъ родной и благодѣтель! Понимаю!

Осмолецъ, вздохнулъ, нѣсколько разъ потянулъ носомъ, утеръ кулакомъ глаза, въ которыхъ что-то не видать было слезъ, и отошелъ къ порогу.

Запартый, между тѣмъ, поочередно напрягая всѣ свои мускулы, съумѣлъ наконецъ принять самую безупречную въ канцелярскомъ стилѣ позу. Онъ выглядывалъ точь-въ-точь какъ эпилептикъ въ припадкѣ конвульсій. Онъ даже уже не моргалъ глазами, потому что они у него остановились, какъ деревянные, вперившись въ лицо его благородія.

*) Громницей называется освященная восковая свѣча.

За-то у стараго Якова они были полузакрыты, какъ будто бы онъ, утомленный знакомымъ ему зрѣлищемъ, задремалъ; голова его тоже нѣсколько опустилась, такъ что онъ напоминалъ старую клячу, которая, хоть будучи и въ упряжи, пользуется малѣйшей остановкой, чтобы свѣсить свою старую голову и вздремнуть на минутку.

А тамъ, у порога, съ неподвижно устремленными въ землю глазами, стоялъ огромный Онуфрій, въ своемъ сѣромъ разорванномъ халатѣ, все сильнѣе прижимая шапку къ широкой обнаженной груди. Онъ, казалось, совершенно не видѣлъ и не слышалъ того, что дѣлалось вокругъ него въ канцеляріи: онъ только покачивалъ головою въ обѣ стороны и высоко поднималъ брови на пожелтѣвшемъ и преждевременно изборожденномъ морщинами лбу, точно онъ удивлялся чему-то и отъ чего-то внутренно ужасался. Потомъ онъ опять начиналъ трястись и стоналъ, какъ тяжело больной человѣкъ.

Осмолецъ, проходя мимо него, сжалъ руку въ кулалъ и ногтемъ большого пальца толкнулъ его въ бокъ. Онуфрій встрепенулся и взглянулъ на него помутившимся взглядомъ; на его лицѣ, выражавшемъ смертельную муку, не отразилось ни малѣйшей тѣни недоброжелательства. Онъ сейчасъ же опять устремилъ глаза въ землю и поднялъ брови съ выраженіемъ безграничнаго удивленія.

— А ты чего тамъ? Не можешь тронуться съ мѣста?—произнесъ послѣ короткой паузы смотритель.—Въ землю вросъ, что ли?

Осмолецъ опять толкнулъ его.

— Ну, пошелъ! Что ты тутъ какъ столбъ стоишь, когда отецъ нашъ милостивый и опекунъ дорогой съ тобою говоритъ? Благодари его благородіе!

Но Онуфрій, вмѣсто того, чтобы подойти къ креслу, какъ стоялъ, такъ и повалился у двери на колѣни и, поднявъ обѣ руки, началъ трясти ими, восклицая сдавленнымъ голосомъ:

— И не дрогнулъ! И не пикнулъ, бѣдняжечка! Только разъ я его... а онъ и не дрогнулъ! И не вздохнулъ! О, Господи! Господи, Господи!

Онъ всплеснулъ руками надъ головой, сплелъ пальцы и съ глухимъ стукомъ ударился лбомъ о полъ и страшный, похожій на ревъ быка, вопль потрясъ желтыя стѣны канцеляріи. Смотритель отшатнулся съ кресломъ отъ стола, хотя его отдѣляла отъ Онуфрія почти вся длина комнаты и нервно поблѣднѣлъ. Онъ былъ впечатлителенъ и не любилъ сценъ, переходящихъ за предѣлы обыкновеннаго, нѣжно-чувствительнаго лиризма.

При видѣ этого Осмолецъ снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на середину комнаты и, наклонившись съ фамильярнымъ видомъ къ смотрителю, проговорилъ:

— И не скотина ли это, ваше благородіе? И это жъ такъ по цѣлымъ ночамъ идетъ! У святого терпѣнія бы не хватило!

— Не вздрогнулъ!.. Не пикнулъ!.. Ровно пташечка... Ровно пта-

шечка...—съ глухимъ сдавленнымъ стономъ повторялъ Онуфрій. — О, мое дитятко, дитятко ты мое! О, Господи! Господи! Господи!

На лицо смотрителя набѣгала зловѣщая тѣнь. Пальцы его съ увеличивающейся быстротой барабанили по ручкѣ кресла, а брови грозно сдвинулись надъ пылавшими гнѣвомъ глазами.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

Запартый, который въ ту минуту, когда Онуфрій повалился на колѣни, нѣсколько было вышелъ изъ своей позы, снова вытянулся до невозможности, а старый Яковъ, высунувъ свою шею изъ синяго, обвязывавшаго ее платка, поднялъ голову къ его благородію и насторожился.

Такъ смышленая лягавая собака смотритъ въ глаза своему хозяину въ ожиданіи, когда онъ моргнетъ глазомъ или махнетъ пальцемъ.

— Въ «темную» его!—скомандовалъ его благородіе.

Въ одно мгновеніе Онуфрій вскочилъ на колѣни и протянулъ къ нему руки.

— Ваше благородіе!—воскликнулъ онъ.—Ваше благородіе! Будьте милосерды! Прикажите розгами высѣчь, языкъ завяжите, кушать не давайте, руки и ноги закуйте, только не садите въ «темную»! Не садите въ темную, будьте милостивы! Онъ тамъ изъ каждаго уголочка на меня глядитъ... Ваше благородіе! Смилостивьтесь, не садите!

Выраженіе смертельнаго ужаса застыло на его широкомъ распухшемъ лицѣ; крѣпко сжатыя руки трещали въ суставахъ и конвульсивно подергивались, протягиваясь съ мольбой къ его благородію, глаза раскрывались все шире, голосъ хрипѣлъ. Наконецъ, Онуфрій на колѣняхъ поползъ къ креслу, повторяя:

— Пожалѣйте, ваше благородіе! Будьте милостивы!..

Онъ ползъ медленно, тяжело, съ трудомъ влача за собою толстыя, обернутыя въ тряпки ноги, какъ будто большую, большую тяжесть.

Зрѣлище было такъ ужасно, что и я невольно сложила руки и протянула ихъ къ несчастному.

Тогда смотритель всталъ и произнесъ сухимъ голосомъ:

— На двадцать четыре часа!

У порога засуетились, сторожа, при помощи Осмольца, схватили огромнаго парня, вытолкнули его, и дверь закрылась; тяжелые шаги удалявшихся постепенно стихали въ длинномъ тюремномъ корридорѣ.

2.

За нѣсколько недѣль передъ вышеописанной сценой въ канцеляріи, въ одной изъ городскихъ газетъ появилась слѣдующая статья:

«Въ Варшавской судебной палатѣ вчера, при общемъ засѣданіи, разбиралось сенсаціонное дѣло объ убійствѣ купца N., владѣльца ма-

газина колоніальныхъ товаровъ въ Х., совершенное въ сентябрѣ текущаго года.

Дѣло это, послѣ допроса обвиняемаго и свидѣтелей, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Года два тому назадъ, купецъ N принялъ къ себѣ въ услуженіе Онуфрія Сенка, родомъ изъ деревни Виташицы *_** уѣзда, *_** губерніи, который, послѣ истребившаго его деревню пожара, пріѣхалъ въ городъ искать заработка. Допрошенные свидѣтели единогласно утверждаютъ, что Онуфрій Сенкъ свои обязанности исполнялъ добросовѣстно, вѣрно охранялъ господское добро, былъ человѣкъ трезвый, честный и спокойный.

Что же касается личности самого купца N., то они разсказываютъ, что онъ къ прислугѣ своей относился очень строго, плохо питалъ ее и обижалъ при уплатѣ вознагражденія. Свидѣтели, между которыми есть и много прежнихъ слугъ убитаго, говорятъ еще, что ни одинъ изъ нихъ не могъ больше трехъ мѣсяцевъ выносить этой службы, а были и такіе, которые бросали ее черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія. Вслѣдствіе все возрастающей придирчивости и вспыльчивости купца N., который, будучи холостымъ, самъ велъ у себя цѣлое хозяйство, ему было очень трудно достать слугъ, и Онуфрій принужденъ былъ исполнять всю работу и дома, и въ лавкѣ, даже готовилъ обѣдъ и прислуживалъ при столѣ своему хозяину. Больше всего тяготили его эти двѣ послѣднія обязанности: купецъ, какъ только, бывало, Онуфрій ему въ чемъ-либо не угодитъ, кидалъ въ него то стаканъ съ водой, то вилку, то тарелку съ супомъ, такъ что сосѣди уже привыкли всегда видѣть бѣднаго парня съ обжогами, съ синяками и шишками на головѣ и липѣ. Всѣ удивлялись, почему это Онуфрій, несмотря на то, что хозяинъ плохо платилъ ему, плохо кормилъ его и ежедневно такъ скверно съ нимъ обращался, все-таки остается у него и не ищетъ себѣ другого мѣста. Многіе, которымъ хорошо были извѣстны честность и трудолюбіе Онуфрія, даже брались подъискать ему хорошее мѣсто; но Онуфрій не хотѣлъ уйти отъ купца. Бывало, послѣ каждой новой жестокой выходки хозяина, сидитъ онъ, бѣдняга, на дворѣ на крылечкѣ и горько плачетъ, но, какъ только купецъ позоветъ его, онъ тотчасъ утираетъ слезы и снова принимается за работу. Тайна этой выносливости и терпѣливости заключалась въ необыкновенно сильной привязанности парня къ двѣнадцатилѣтнему Юлію, мальчику, служившему въ лавкѣ, сиротѣ, который, хоть и его, какъ Онуфрія, ужасно оскорблялъ купецъ, не могъ, однако, никакъ оставить своего мѣста, потому что онъ былъ отданъ туда своимъ опекуномъ, приходившимся родственникомъ купцу N. Одинъ изъ свидѣтелей разсказываетъ, что онъ неоднократно видалъ, какъ мальчикъ съ плачемъ бросался на грудь Онуфрію и какъ тотъ утѣшалъ, ласкалъ и цѣловалъ сиротку, какъ онъ даже на руки его бралъ, какъ маленькаго ре-

бенка. Они и спали вмѣстѣ въ кухнѣ; а когда случалось Онуфрію получить свое ничтожное жалованье, онъ отдавалъ сапоги мальчика въ починку, хоть самъ ходилъ только въ деревянныхъ башмакахъ, или покупалъ ему шапку; а то еще, бывало, стиралъ по ночамъ грязныя рубашки Юлія и отдавалъ ихъ дворничихѣ выгладить, платя ей за это нѣсколько копеекъ. Мальчикъ-сиротка тоже всѣмъ сердцемъ привязался къ парню, и когда, бывало, увидитъ, что Онуфрій плачетъ надъ своей долей, онъ принесетъ ему то нѣсколько кусочковъ сахару, то немного изюму, кинется ему на шею и цѣлуетъ его до тѣхъ поръ, пока Онуфрій не утѣшится.

Въ воскресенье, шестого сентября, т. е. въ тотъ день, когда совершено было убійство, Юлій съ утра ушелъ, по обыкновенію, къ своему опекуну, а Онуфрій приготовилъ обѣдъ и подалъ его на столъ. Хозяинъ его находился въ этотъ день въ исключительно скверномъ настроеніи и, подъ предлогомъ, что супъ пересоленъ, кинулъ въ лицо парню оловянную чашку съ горячимъ супомъ; а потомъ, покушавъ остальной обѣдъ, онъ прилегъ отдохнуть на кушеткѣ, стоявшей въ столовой. Онуфрій между тѣмъ выплакался, обмылся и безъ всякаго злого умыслу пришелъ убирать со стола. Но, когда онъ увидалъ своего мучителя спящимъ, въ немъ вдругъ закипѣла злоба и горечь, онъ схватилъ большую гирю, стоявшую въ углу комнаты на десятичныхъ вѣсахъ и, ударивъ ею спящаго въ голову, убилъ его на мѣстѣ. Какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошелъ возвратившійся отъ опекуна Юлій; увидѣвъ трупъ, который упалъ съ кушетки на землю, онъ громко вскрикнулъ. Онуфрій безсознательно кинулся къ нему, схватилъ мальчика за горло и гирей, которую онъ еще держалъ въ рукѣ, стукнулъ его въ голову. Кровь и мозгъ высоко брызнули на стѣну, а мальчикъ, какъ стоялъ, такъ и повалился, успѣвъ только одинъ разъ крикнуть. Прибывшимъ на мѣсто катастрофы черезъ нѣсколько часовъ представилось слѣдующее зрѣлище:

На полу, подлѣ кожаной кушетки, лежалъ купецъ N., мертвый, а подлѣ двери — мальчикъ сирота, растянувшись на полу, съ растреснутымъ черепомъ.

У ногъ мальчика лежалъ въ безпамятствѣ Онуфрій, еще сжимая злополучную гирю въ рукѣ.

Онъ не сопротивлялся, когда его арестовали, и сейчасъ же признался въ совершенномъ имъ двойномъ убійствѣ. Ему 25 лѣтъ, онъ отличается необыкновенно сильнымъ сложеніемъ и громаднымъ ростомъ. Когда ему показали на судѣ испачканную кровью одежду убитаго мальчика, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Публика чрезвычайно заинтересована этимъ сенсаціоннымъ дѣломъ, о дальнѣйшемъ ходѣ котораго мы не преминемъ увѣдомить нашихъ читателей».

*

3.

— Ну, что съ Онуфріемъ? — спросила я однажды старика Якова, встрѣтивъ его на лѣстницѣ.

Яковъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ, вынулъ табакерку и, погрузивъ въ ней свои сухіе мозолистые пальцы, проговорилъ:

— И-и-и!—Какой ужъ тамъ Онуфрій! Вчера недѣля минула, какъ мы его схоронили.

— Неужели? Онъ умеръ?

— Умеръ.

— Отъ какой болѣзни?

— Болѣсти-то,—отвѣтилъ Яковъ, медленно отряхая табакъ,—такъ настоящимъ манеромъ не было никакой. Вѣдь ему и фершалъ піявки ставилъ, и г-нъ докторъ порошки ему давали, такъ колибъ была какая болѣсть, такъ бы показалась. А тутъ ничего!

Онъ понюхалъ табаку, зажмурилъ глаза, потянулъ носомъ и продолжалъ:

— Такъ ему дурь какая-то въ голову пришла, что и померъ.

— Чтожъ это такое было?

— Чтожъ могло быть? Бѣда была да и только!

Онъ оглянулся налѣво, оглянулся направо и потомъ заговорилъ:

— Въ это-отъ послѣднее время такъ ужъ онъ и въ номерѣ не сидѣлъ, потому другіе арестанты съ нимъ выдержать не могли, а всякій разъ давай его лупить, и пойдетъ драка. Покуда, наконецъ, его благородіе въ каморкѣ его отдѣльно посадили, тамъ, гдѣ у сапожниковъ прежде кожи складывались. Какъ это его благородіе отдѣльно его посадили, такъ онъ тутъ вѣшаться задумалъ. Ну, ладно. Только какъ это мы его отрѣзали и на недѣльку въ темную пошелъ, такъ ужъ онъ болѣ за это не хватался. Да только и такъ никакого съ нимъ толку добиться нельзя было. Днемъ еще туда, сюда, но лишь Господь Богъ ночь пошлетъ, такъ это мой Онуфрій сейчасъ и дуритъ. Ходитъ себѣ, знай, руки складываетъ, да болтаетъ что-то, да стонетъ, да плачетъ, такъ что ажно жутко станетъ человѣку, слушаючи. И просится, просится, чтобъ его назадъ въ номеръ отвести. Какъ же тебя—грю—въ номеръ назадъ отвести, коли—грю—тамъ тебя другіе арестанты колотятъ? А пущай меня колотятъ—гритъ—пущай и до смерти заколотятъ, только бъ я тутъ не сидѣлъ. Да только его благородіе приказали, чтобъ его въ каморкѣ оставить. Такъ гляжу я это разъ черезъ окошечко, что въ двери, а мѣсяцъ на небѣ таково ясно свѣтитъ, и вся эта самая каморка ажно бѣлая была отъ свѣту; гляжу: [Онуфрій то мой въ углу, спиной къ стѣнѣ прижамшись, въ одной рубахѣ, ровно святой угодникъ, стоитъ, руки сложилъ и передъ собой держитъ, ноги подъ нимъ, ровно въ лихорадкѣ, трясутся, а самъ-то онъ таково-то молится, таково-то плачется—ну, точно кто тамъ стоялъ бы передъ нимъ.

— О, мое дитятко — гритъ — о, мое миленькое! И чего ты тогда вышелъ въ недобрый часъ? О, мое дитятко родное! Вѣдь я жъ тебя убить не хотѣлъ! Вѣдь я жъ тебя, ровно душу свою, любилъ!

Гляжу я, глаза вытаращилъ, никого въ каморкѣ нѣту, а онъ себѣ знай трясется да молится.

— О, дитятко ты мое, прости ты меня — гритъ — прости ты мнѣ твою смерть невинную! О, мое дитятко дорогое— гритъ—голубчикъ ты мой миленькій!

Я къ нему: Онуфрій! Что съ тобой? А онъ ничего, только глядитъ на меня, ровно полоумный. Такъ я къ его благородію. Такъ и такъ, ваше благородіе, такъ и такъ — грю—что ужъ значитъ послѣ этого самаго вѣшанья пожалѣть его надо! Такъ его благородіе идутъ, смотрятъ, такъ и есть, все правда. Парень въ одной рубахѣ стоитъ и дрожитъ, ровно осина въ лѣсу. Такъ его благородіе, потому у нихъ сердце очень доброе, сейчасъ мнѣ приказали свѣчу взять, зажечь и Онуфрію ее въ фонарѣ въ каморкѣ поставить. Тогда только и улегся, бѣдняга.

Онъ смолкъ, понюхалъ табаку и черезъ минуту продолжалъ:

— Да только ему и такъ не полегчало. Кушать ему подашь, такъ три дня стоитъ, пока не заберешь, ну, и отдашь поросятамъ г-на секретаря. Такъ парень исхудалъ, что одна только кожа на костяхъ торчала, и такъ почернѣлъ, ровно земля матушка. Ну, вотъ, подъ конецъ взяли его въ лазаретъ. Какъ это его въ лазаретъ взяли, такъ тутъ мой Онуфрій въ конецъ извелся. Лежать—не лежалъ, хворать,—не хворалъ, только такъ все ему въ головѣ морочилось, по цѣлымъ днямъ молитвы читаетъ, въ грудь себя колотитъ, а ужъ какъ вечеръ придетъ, такъ себѣ что-то въ углахъ повысмотритъ и съ нѣмъ, мальчикомъ, что убилъ онъ его, значитъ, словно съ живымъ разговариваетъ, и разно такъ его называлъ, что и отцу родному лучше не придумать. Вонъ такъ разъ ночью и померъ, бѣдняга, на колѣняхъ въ углу стоя. Осипъ, чернявый этотъ, изъ лазарета, что его вмѣстѣ съ Семеномъ на койку изъ этого самаго угла снесъ, сказывалъ, что такой былъ легкій, ровно снопъ вымолоченный... Ажно дивились.

Онъ засунулъ два пальца въ табакерку и, набравъ порядочную щепотку, отряхалъ ее понемногу и взвѣшивалъ въ пальцахъ.

— Ну, а что Осмолецъ?—спросила я еще.

Старикъ не сразу отвѣтилъ; онъ оглянулся налѣво, оглянулся направо и, понюхавъ табаку, нѣсколько разъ потянулъ носомъ.

— И-и-и... Что такому Осмольцу сдѣлается!—произнесъ онъ наконецъ.—Этакому Осмольцу бѣды никогда не будетъ! Третій разъ ужъ тутъ сидитъ, такъ ужъ, небось, всѣ порядки знаетъ.

М. Т.

ФИЛОСОФІЯ ЛѢНИ ИЛИ ПОЭЗІЯ ПРАЗДНОСТИ.

(Изъ исторіи нѣмецкаго романтизма).

«А я утверждаю, что человѣкъ родится не для наслажденія, а для труда».

Фихте.

I.

Вступленіе.

Нѣмецкій романтизмъ былъ протестомъ противъ культуры XVIII-го вѣка.

Прошлое столѣтіе создало въ области *политики* демократію, революцію и космополитизмъ: выдвинуло въ сферѣ *религіи* такъ-называемый деизмъ, т. е. систему вѣрованій, основанныхъ не на сердцѣ, а на отвлеченномъ разумѣ и провозгласило въ *философіи* сенсуалистическій матеріализмъ, усматривавшій источникъ познанія не въ внутреннемъ голосѣ, а во внѣшнихъ чувствахъ, цѣль жизни не въ отреченіи, а въ наслажденіи, двигатель воли не въ любви, а въ эгоизмѣ.

Нѣмецкіе романтики, напротивъ, защищали феодальныя привилегіи и королевскую власть; отстаивали національную самобытность и замкнутость; отвергали не только разсудочную религію англійскихъ и французскихъ философовъ, но даже протестантизмъ, симпатизируя больше католицизму и противопоставили грубому матеріализму — причудливый, наивный мистицизмъ, отзывавшійся воздухомъ дѣтской комнаты и напоминавшій безтолковыя бредни суевѣрныхъ старухъ.

Протестуя такимъ образомъ противъ основныхъ идей XVIII-го вѣка, романтики пришли невольно къ реставраціи средневѣковой культуры съ ея феодализмомъ, католичествомъ и полусхоластической, полумистической философіей: они переводили пѣсни старыхъ миннезингеровъ, собирали остатки дореформаціонной литературы, писали рыцарскіе романы, увлекались «Божественной Комедіей» Данте, этой «лебединой пѣснью среднихъ вѣковъ» и приходили въ восторгъ отъ полузабытыхъ художниковъ въ родѣ Дюрера или Фра Джіованни да Фьезоле.

М-me Сталь и Гейнрихъ Гейне были поэтому до *извѣстной степени* правы, опредѣляя нѣмецкій романтизмъ какъ всестороннюю попытку, возстановить средневѣковой строй жизни: экономической, политической и духовной, разрушенный возрожденіемъ и революціей.

Вотъ культурно-историческая сущность романтизма. Прошлое столѣтіе принято также называть эпохой раціонализма, т. е. эпохой безусловнаго господства отвлеченнаго *разума*.

Романтики же, идя по слѣдамъ, оставленнымъ Жанъ-Жакомъ Руссо, положили, напротивъ, въ основу какъ душевной жизни человѣка, такъ и культурной исторіи человѣчества всеобъемлющее и все поглощающее *чувство*.

И къ этой психической способности, такъ рѣзко подчеркнутой уже сантиментализмомъ, они присоединили еще *воображеніе*. Романтикомъ является поэтому такой человѣкъ, который развиваетъ въ себѣ «чувство» и «фантазію» на счетъ «воли» и «разсудка».

Это была именно та эпоха въ исторіи Германіи, когда нѣмцы особенно страстно увлекались шекспировскимъ Гамлетомъ, страдающимъ анеміей воли, и когда мало-по-малу созрѣвала философія Шопенгауера, проповѣдовавшая въ буквальномъ смыслѣ самоубійство «des Willens zum Leben» (т. е. воли). Это была та эпоха, когда поэзія и жизнь превратились въ глазахъ передовыхъ людей въ сплошную и дикую, хотя порою блестящую *фантасмагорію*. И если вы теперь заглянете случайно въ одно изъ литературныхъ произведеній романтизма, чтобы получить хоть нѣкоторое представленіе о тогдашней Германіи, вы встрѣтите лишь пространныя описанія какихъ-то небывалыхъ, сказочныхъ странъ, гдѣ царитъ вѣчная весна и раздаются гармоническія пѣсни, гдѣ всюду возвышаются великолѣпные дворцы въ фантастическомъ стилѣ какого-то арабскаго Рококо и поэтическіе «сады любви» въ духѣ Рубенса. Такова психологическая сущность романтизма!

II.

Предшественники романтическаго міровоззрѣнія.

Въ самый разгаръ семилѣтней войны, среди пушечнаго грома, отчаянныхъ криковъ раненыхъ и ликующихъ пѣсенъ побѣдныхъ войскъ; наканунѣ великой французской революціи съ ея лихорадочнымъ движеніемъ и нервнымъ безпокойствомъ,—вдругъ неожиданно для всѣхъ послышался тихій, одинокій голосъ, звучавшій какъ бы изъ другого міра. Онъ призывалъ не къ дѣятельности, не къ борьбѣ, не къ великимъ подвигамъ мысли и воли, а къ безпечному и эгоистическому созерцанію красотъ природы, къ мирному и сладкому «far niente» *). Это былъ

*) «Ничего недѣланье».

голосъ Жанъ-Жака Руссо. «Активная жизнь не имѣетъ для меня ничего заманчиваго», такъ писалъ угрюмый отшельникъ своему другу Мальзербъ *). Міросозерцаніе Руссо, проповѣдовавшее въ сущности умственный и общественный застой, было въ полномъ смыслѣ *«квіэтистическое»*.

Золотой вѣкъ всеобщаго равенства и счастія лежитъ далеко позади насъ и никогда больше не осуществится на поверхности земного шара. Культурное общество испорчено и развращено до мозга костей, погрязло въ черствомъ эгоизмѣ и въ легкомысленныхъ удовольствіяхъ. Самое лучшее въ нравственномъ и самое цѣлесообразное въ логическомъ отношеніи, что можетъ сдѣлать человѣкъ, это обособиться отъ другихъ, уединиться въ свѣжей природѣ и тамъ предаться безмятежному созерцанію.

Не вѣря въ осуществимость общаго, всечеловѣческаго счастія, Руссо однако признавалъ возможность личнаго блаженства. Не видя спасенія въ холодномъ разсудкѣ, онъ искалъ источника опьяняющихъ и пріятныхъ ощущеній въ чувствѣ любви или въ чувствѣ природы **), словомъ, въ той или другой *эстетической* эмоціи.

Не симпатизируя современному обществу, онъ уносился съ чисто юношескимъ увлеченіемъ въ чудный, сказочный, *идеальный* міръ.

Квіэтистическое и эстетическое міросозерцаніе Руссо пришлось какъ разъ по вкусу нѣмецкой молодежи конца прошлаго столѣтія, томившейся подъ гнетомъ безотрадной политической и соціальной дѣйствительности.

Германія, раздѣленная на массу мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ и владѣній, не представляла и тѣни стройнаго, единаго государства: это была просто пестрая, но ничего не значившая географическая карта. Произволъ маленькихъ феодальныхъ царьковъ, подражавшихъ все еще прежнему идолу, Людовику XIV, господствовалъ безъ удержу и безъ контроля, заглушая въ зародышѣ всякое самостоятельное проявленіе энергической, протестующей, соціальной мысли. Нѣмецкому буржуа оставалось только одно: посвятить свою жизнь будничному дѣлу или прокормленію семьи; такъ сложился пресловутый типъ филистера. Талантливая молодежь искала убѣжище и утѣшеніе въ безвѣтренномъ затишьѣ отвлеченной мысли или въ воздушномъ царствѣ поэтическихъ мечтаній: такъ расцвѣла единовременно нѣмецкая философія и нѣмецкая литература.

Кому была охота трудиться и работать для родины, не существовавшей въ дѣйствительности, и для общества, представлявшаго только первобытный союзъ родовыхъ единицъ? Молодежь въ отчаяніи покидала культурные города и, замыкаясь въ себѣ, предавалась безволь-

*) «La vie active n'a rien, qui me tente».

**) Слово это, представляющее дословный переводъ фр. «sentiment de la nature» или нѣм. «Naturgefühl», получило право гражданства въ русскомъ языкѣ и мы имъ воспользуемся.

ному эстетическому созерцанію міра и людей. Гётевскій Вертеръ открылъ вереницу отшельниковъ. Въ порывѣ молодого энтузіазма онъ возмечталъ внести посильную лепту въ сокровищницу общественной мысли, но встрѣченный равнодушіемъ великосвѣтской среды, доживавшей свой вѣкъ въ барской замкнутости, онъ уединился въ деревнѣ, среди цвѣтовъ, дѣтей и поселянъ, живя природою и погибая отъ любви.

Молодой Вертеръ въ знаменитомъ голубомъ фракѣ и высокихъ сапогахъ, съ улыбкой полнаго разочарованія на блѣдномъ интересномъ лицѣ, перевоплотился постепенно въ умѣ Гёте въ фигуру безпечнаго актера Вильгельмъ Мейстеръ, безъ плана бродящаго по свѣту. Но онъ съумѣлъ убѣжденнѣе опредѣлить эстетическое profession de foi своего несчастнаго предшественника. «Ужели вы требуете!—восклицаетъ Вильгельмъ Мейстеръ,—чтобы поэтъ занимался какимъ-нибудь ничтожнымъ ремесломъ, онъ, который порхаетъ, какъ пташка, надъ міромъ, свиваетъ свое гнѣздо на высокихъ скалахъ, питается плодами и цвѣтами и безпечно перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, ужели онъ обязанъ, какъ быкъ, тащиться съ сохою, или, какъ собака, сторожить домъ»? Что можетъ быть яснѣе этой прозрачной аллегоріи? Сколько въ ней чувствуется презрѣнія къ труду и сколько восторга передъ невозмутимо спокойнымъ созерцаніемъ міровой жизни!

Въ 1789 г. вспыхнула французская революція. Свѣтлыя идеи всеобщаго братства и равенства привели фактически къ господству «террора», къ торжеству дикихъ инстинктовъ и къ кроваво-бѣшенымъ сатурналіямъ. Нѣмецкіе вольнодумцы призадумались и—содрогнулись. Геніальнѣйшіе представители Sturm und Drang'а *), громившіе въ своихъ произведеніяхъ весь существующій строй не хуже якобинцевъ, измѣнили свободолюбивымъ мечтамъ пылкой юности и отреклись отъ собственнаго недавняго прошлаго. Самый безпокойный и мятежный изъ нихъ, авторъ «Разбойниковъ», Шиллеръ пишетъ свои глубокомысленныя «Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества», доказывая, что современники еще не доросли до осуществленія свѣтлыхъ принциповъ XVIII вѣка и что только задушевный и долголѣтній культъ искусства можетъ ихъ подготовить къ этому великому подвигу.

Такъ выяснялось постепенно «романтическое» міросозерцаніе, хотя новая литературная школа еще не успѣла сплотиться и объединиться. Развивая идеи Руссо, Гёте и Шиллера романтики также будутъ искать земного счастія въ отчужденіи отъ интересовъ и заботъ современнаго общества, въ безцѣльномъ скитаніи изъ стороны въ сторону, въ развитіи эмоціональной, а не интеллектуальной жизни.

---

*) Эпоха «бурныхъ порывовъ», т. е. 70-ые годы XVIII в. въ Германіи.

III.

Философія лѣни и поэзія праздности.

Первую попытку начертать философію романтизма мы находимъ въ пресловутомъ романѣ младшаго Шлегеля: «Люцинда». Когда Шиллеръ прочелъ эту нелѣпѣйшую книгу міровой литературы, онъ воскликнулъ: «Это верхъ безформенности».

Въ самомъ дѣлѣ, вы не найдете въ этомъ произведеніи ни художественнаго плана, ни единства руководящей мысли: передъ вами рядъ безсвязныхъ, лирическихъ «диѳирамбовъ», напоминающихъ не то лепетъ геніальнаго ребенка, не то патетическую крикливость шарлатана. Авторъ ухитрился на пространствѣ немногихъ страничекъ поговорить рѣшительно обо всемъ, нарисовать рядъ циническихъ картинъ, превосходящихъ все написанное въ этомъ стилѣ римскими поэтами и французскими декадентами; изложить претенціозную метафизику страсти, дать подробное опредѣленіе «романтической иронiи» и провозгласить къ ужасу всѣхъ благонамѣренныхъ буржуа—свободу любви. Какъ бы ни была нелѣпа и наивна эта книга, она нашла, однако, восторженнаго защитника въ лицѣ извѣстнаго богослова Шлейермахера, усмотрѣвшаго въ ней, повидимому, протестъ противъ пошлостей филистерской морали.

Романъ младшаго Шлегеля интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ только какъ выраженіе романтическаго міросозерцанія.

Логическая аргументація нашего автора крайне незамысловата и проста. Всякая дѣятельность, разсуждаетъ онъ, приводитъ всегда къ болѣе или менѣе тяжелымъ и непріятнымъ разочарованіямъ, и заставляетъ насъ невольно, часто противъ желанія, разрушать покой и счастіе ближняго. Общественная жизнь похожа такъ или иначе на «войну всѣхъ противъ всѣхъ». При такихъ условіяхъ самое разумное—уединиться, обособиться и предаться лѣни и праздности. Неаполитанскій лазароне, безпечно грѣющійся на солнцѣ, или индусскій мудрецъ, апатично созерцающій Нирвану,— вотъ, по мнѣнію автора, истинно счастливые люди: они не работаютъ и не трудятся. Развѣ жизнь на Олимпѣ не апоѳеозъ лѣни и безвольнаго прозябанія? Развѣ блаженство Адама и Евы не обусловлено полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было дѣятельности?

«О праздность, праздность! — восклицаетъ Шлегель, — тобою дышатъ блаженные и блаженъ, кто тобою живетъ. Ты, святое сокровище, для насъ единственное воспоминаніе о раѣ, послѣдній остатокъ божескаго совершенства!» Но подобно тому, какъ немыслимо душевное настроеніе, лишенное всякаго проявленія воли, такъ и невозможна жизнь, чуждая всякаго стремленія. «Абсолютная пассивность» (absolute Passivität)—только идеалъ, къ которому стремится романтикъ, но онъ, безъ

сомнѣнія, воплощается въ «чистомъ прозябаніи цвѣтка» (ein reines Vegetiren). «Растеніе самое нравственное и самое прекрасное созданіе природы», заключаетъ Шлегель свою наивную философію обломовской лѣни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что романтики всегда увлекались дѣтьми и всегда идеализировали дѣтство, нѣсколько похожее на «чистое прозябаніе цвѣтка». «Ребенокъ—божество!»—пѣлъ несчастный поэтъ Фридрихъ Гёльдерлинъ. «Въ немъ все покой, все миръ и свобода. Онъ безсмертенъ, потому что не думаетъ о смерти!»

Откровенно говоря, всѣ герои нѣмецкаго романтизма настоящія дѣти съ самой примитивной умственной жизнью и самыми превратными представленіями о реальной дѣйствительности. Самый симпатичный и милый изъ нихъ, «безпутный юноша» Эйхендорфъ, истинный Обломовъ нѣмецкаго романтизма. Онъ либо спитъ по цѣлымъ днямъ на сѣновалѣ, либо нѣжится въ теплыхъ лучахъ солнца, на густой, зеленой травѣ, прислушиваясь къ однообразному шуму мельничьихъ колесъ и мечтая о сказочныхъ принцессахъ и заколдованныхъ дворцахъ. Порою ему кажется, что онъ отъ лѣни «вотъ-вотъ распадется на части». Ему хотѣлось бы быть воздушнымъ облачкомъ, несущимся безцѣльно по голубому небу, неизвѣстно куда, невѣдомо откуда? Онъ переносится мысленно въ Италію, гдѣ по его наивному представленію «самъ Господь Богъ заботится обо всѣхъ, гдѣ все время можно лежать на травѣ, ничего не дѣлая и ничего не думая!» И вотъ герой беретъ свою неразлучную скрипку и идетъ искать эту блаженную страну «сладкаго бездѣльничанья» и когда передъ нимъ раскинулся весь безграничный Божій міръ съ его полями, утопавшими въ солнечномъ сіяніи, и зелеными лѣсами, наполненными пѣніемъ птицъ и звуками охотничьихъ рожковъ, онъ затянулъ безпечную пѣсню, пѣсню странствующаго романтика *):

Кому Господь даетъ благословеніе,
Тому свои откроетъ чудеса,
Луга, поля и горы и лѣса
И свѣтлыхъ рѣкъ спокойное теченіе.
Того онъ въ свой далекій міръ пошлетъ,
Гдѣ нѣтъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ,
Гдѣ лучъ зари сверкаетъ въ синемъ небѣ,
Гдѣ мысли вольной радостенъ полетъ.

Всѣ эти произведенія служатъ какъ бы поэтической прелюдіей къ философіи Шопенгауера.

Но авторъ системы «Міръ какъ воля и представленія» съумѣлъ, конечно, обосновать романтическій квіэтизмъ рядомъ психологическихъ и метафизическихъ законовъ. Каждое желаніе, т. е. каждое проявленіе личной воли вызывается, по мнѣнію великаго пессимиста, чувствомъ неудовлетворенности, т. е. чувствомъ *страданія*. Стремясь удовлетво-

*) Переводъ сдѣланъ К. Д. Бальмонтомъ.

рить вспыхнувшее желаніе, мы однако никогда не получаемъ того интенсивнаго наслажденія, на которое надѣялись и которое воображали: въ итогѣ получается рядъ разочарованій т. е. новыхъ *страданій*.

Чтобы избѣжать этихъ вѣчныхъ мученій, необходимо уничтожить въ себѣ субъективную волю, убить ее неустаннымъ аскетическимъ самоистязаніемъ: это не только разумно, но и въ высшей степени нравственно, потому что міровая жизнь — грѣхъ, нуждающійся въ искупленіи. Каждый человѣкъ обязанъ поэтому обособиться, уйти отъ общества, тѣмъ болѣе, что прогрессъ — иллюзія, и подражать индусскимъ факирамъ.

Такимъ образомъ Шопенгауеръ, отправляясь отъ другихъ предпосылокъ и обставляя свои разсужденія массой интересныхъ наблюденій и остроумныхъ мыслей, пришелъ, въ сущности, къ тѣмъ же выводамъ, которые Шлегель провозгласилъ послѣднимъ словомъ житейской мудрости въ романѣ «Люцинда». Былъ, впрочемъ, одинъ вопросъ, въ которомъ романтики сначала разошлись съ великимъ мыслителемъ. Если Шопенгауеръ провозгласилъ счастіе—химерой, а жизнь—безпрерывнымъ страданьемъ, то поэты праздности и лѣни искали личное блаженство, по примѣру Руссо, въ тѣхъ или другихъ иллюзіяхъ, въ чувствѣ любви, въ чувствѣ природы и въ чувствѣ красоты. Лишь впослѣдствіи имъ пришлось убѣдиться въ проницательности великаго, угрюмаго пессимиста.

IV.

Возможно-ли счастіе въ любви?

Альфредъ де-Мюссэ вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ слова: «Aimer c'est vivre, vivre c'est aimer». *) Эта фраза была девизомъ не одного нѣмецкаго романтика, мечтавшаго посвятить свою жизнь исключительно любви.

Одной изъ самыхъ излюбленныхъ фигуръ этой эпохи является Донъ-Жуанъ, нашедшій такого геніальнаго истолкователя въ лицѣ Моцарта. Этотъ типъ предстаетъ передъ нами сначала въ образѣ безпутнаго героя Тика, Вильяма Лоуэлля, въ сущности плохой копіи съ знаменитаго Ловеллиса; потомъ въ лицѣ героя «Люцинды», комментирующаго свои уличныя похожденія выспренними метафизическими бреднями, и превращается, наконецъ, изъ салоннаго волокиты или бульварнаго льва въ разочарованнаго философа, ищущаго на землѣ воплощеніе своего неземного идеала. Гофманъ пишетъ небольшой, но оригинальный по замыслу этюдъ о Донъ-Жуанѣ, доказывая, что герой имѣлъ нѣкоторое основаніе кончить свою карьеру эгоистомъ и соблазнителемъ, такъ какъ надѣялся найти счастіе въ любви, а въ женщинѣ—олицетвореніе

*) «Жить значитъ любить, а любить значитъ жить» (Entre la coupe et les lèvres).

добра и красоты, и долженъ былъ глубоко разочароваться и въ томъ, и въ другомъ.

Этотъ первоначальный набросокъ Донъ-Жуанъ-философа былъ потомъ тщательнѣе отдѣланъ и глубже разработанъ извѣстнымъ поэтомъ-пессимистомъ Ленау въ небольшой лирической драмѣ, оставшейся, впрочемъ, неоконченной. Здѣсь герой излагаетъ цѣлую философію любви. Каждая женщина воплощаетъ и отражаетъ только одну сторону вѣчнаго идеала красоты, и чтобы постигнуть его полностью и во всемъ его объемѣ, необходимо, слѣдовательно, полюбить всѣхъ, а это—невозможно: отсюда пессимизмъ этого страннаго мечтателя. Самымъ яркимъ доказательствомъ популярности типа Донъ-Жуана въ эпоху романтизма служитъ тотъ фактъ, что драматургъ Граббе, выводя въ одной нелѣпой пьесѣ рядомъ съ севильскимъ философомъ любви стараго доктора Фауста, это «воплощеніе германской націи» *), отдавалъ явное предпочтеніе не ему, а Донъ-Жуану.

Нѣмецкіе романтики сознавали, однако, очень хорошо, что на землѣ нельзя всю жизнь посвятить любви. Они построили поэтому изъ поэтическихъ грезъ и воздушныхъ поцѣлуевъ сказочную страну, сплошь покрытую «садами любви» въ стилѣ старинныхъ итальянскихъ «corte d'amore» и волшебными дворцами, гдѣ обитаютъ красавицы-феи. Въ роскошныхъ паркахъ, озаренныхъ поэтическимъ блескомъ луны и мирно заснувшихъ подъ теплымъ небомъ юга; вокругъ мраморныхъ фонтановъ, бросающихъ свои серебристые брызги въ благоуханный воздухъ ночи, при горячихъ трелякъ соловьиной пѣсни, гуляютъ или сидятъ живописными группами великолѣпные рыцари и молодыя дамы и звуки незримыхъ арфъ сливаются съ робкимъ шопотомъ влюбленныхъ парочекъ: это царство любви, царство нѣги и счастья.

Такъ описывалъ Эйхендорфъ Италію въ небольшомъ разсказѣ «Мраморная статуя» въ наивномъ убѣжденіи, что она существуетъ въ этомъ видѣ на географической картѣ.

Но романтики сами не вѣрили въ осуществимость такой очаровательной идилліи и, утомленные необходимостью всегда уноситься на крыльяхъ фантазіи въ лучезарный край поэтическихъ грезъ, они возложили свои послѣднія надежды на загробную жизнь, представляя ее себѣ, какъ «вѣчный поцѣлуй». Но здѣсь, на землѣ, они не нашли счастья—въ любви!

V.

Возможно ли счастье въ наслажденіи природой? Несчастный поэтъ Фридрихъ Гёлдерлинъ, одна изъ самыхъ симпатичныхъ фигуръ нѣмец-

*) Выраженіе Гейне.

каго романтизма, написалъ прекрасный въ своемъ родѣ лирическій романъ: «Гиперіонъ или греческій отшельникъ» *).

Герой, пылавшій такой же страстной любовью къ Элладѣ, какъ и самъ авторъ, мечталъ освободить дорогую родину отъ турецкаго ига, но—увы!—потомки мараѳонскихъ бойцовъ выродились въ шайку разбойниковъ или въ стадо рабовъ. Тогда Гиперіонъ рѣшилъ уединиться въ природѣ. «О, пойдемъ со мною!»—умолялъ онъ свою подругу.—«Подъ тѣнью нашихъ фруктовыхъ деревьевъ мы будемъ мирно гулять, прислушиваясь къ голосу добраго божества, раздающемуся въ нашей груди; въ прохладѣ исполинскихъ лѣсовъ мы будемъ коротать нашъ вѣкъ, какъ въ храмѣ, куда безбожники не заглядываютъ. Надъ нами расцвѣтетъ небесный лучъ міріадами мерцающихъ цвѣтовъ, а на западѣ за облаками покажется ликъ стыдливой луны, тоскующей по юношѣ-солнцу. Или когда утромъ наша равнина, словно русло рѣки, наполнится свѣтомъ и теплomъ; когда золотистыя волны потекутъ по деревьямъ и нашему дому, украшая свѣтящимися узорами твою комнатку, о, тогда мы радостно воскликнемъ: «Теперь мы счастливы, теперь мы вновь святые и чистые жрецы природы!» Но Діотима **) не послѣдовала за мечтателемъ: она, не созданная для нашего міра, угасла безвременно. Тогда Гиперіонъ, распростившись окончательно съ людьми и обществомъ, ушелъ совсѣмъ въ природу, чтобы ей посвятить остатокъ своихъ дней. «Чувствовать свое единство съ цѣлымъ міромъ! — восклицаетъ неисправимый идеалистъ, — вотъ жизнь божества и рай человѣка. Въ сладкомъ самозабвеніи снова вернуться въ лоно всеобъемлющей природы—развѣ можетъ быть мысль, возвышеннѣе этой, и болѣе радостное чувство. О, нетлѣнная красота міра: ты только существуешь въ дѣйствительности. Нѣтъ смерти и нѣтъ страданій людскихъ. Изъ мірового сердца распространяются и въ него вновь возвращаются всѣ пульсы и всѣ артеріи и все—*единая*, вѣчная, жгучая жизнь!»

Гиперіонъ не является единичнымъ исключеніемъ, а въ полномъ смыслѣ типомъ романтика.

Герой небольшой фантатической повѣсти Гофмана ***), студентъ-естественникъ, боготворящій природу и ненавидящій душную лабораторію, мечтающій постигнуть сущность вселенной не помощью кропотливыхъ, научныхъ изысканій, а въ восторженномъ экстазѣ, точно также проводитъ всю свою жизнь, лежа на пестромъ коврѣ уединенной лужайки, прислушиваясь къ шороху вѣкового лѣса, къ серебристому шопоту ручья и слѣдя за золотистыми облаками, плывущими, словно сно-

*) Hölderlin: «Hyperion oder der Eremit in Griechenland».

**) Имя подруги героя, заимствованнее изъ діалога Платона: «Пиръ»; подъ этимъ псевдонимомъ поэтъ воспѣвалъ женщину, которую любилъ, но которая принадлежала другому.

***) Klein-Zaches, т. е. Карликъ-Цахесъ.

видѣнія, по голубому небу. Такое же міровоззрѣніе можно, наконецъ, найти въ извѣстной «Перепискѣ Гёте съ ребенкомъ» *), принадлежащей перу одной изъ самыхъ даровитыхъ и своеобразныхъ женщинъ той эпохи. Беттина фонъАрнимъ была дочерью той Максиміліаны Ларошъ, которая послужила, какъ извѣстно, однимъ изъ прототиповъ гётевской Лотты, героиниВертера, и вмѣстѣ съ тѣмъ сестрой того Клеменса Брентано, того страннаго романтика, музу котораго Гейне такъ удачно сравнилъ съ полупомѣшанной китайской принцессой, страдавшей маніей разрушенія.

Но романтики прекрасно понимали, что жизнь, посвященная исключительно наслажденію природой, не осуществима при современныхъ имъ условіяхъ. Гиперіонъ мечталъ о долинахъ Пиренеи или Альпъ, Беттина рвалась изъ душнаго, скучнаго города въ загадочную Индію, къ берегамъ священнаго Ганга. Такъ романтики не нашли счастія и въ восторженномъ созерцаніи природы.

VI.

Возможно ли счастіе въ служеніи искусству? Въ романѣ Тика «Францъ Штернбальдъ» встрѣчается стихотвореніе, воспѣвающее греческаго пѣвца Аріона, который, сидя на спинѣ дельфина, укрощаетъ своей чарующей музыкой взволнованное, бушующее море. Вслѣдъ за Тикомъ старинному пѣвцу посвятили Августъ Шлегель—балладу, а Новалисъ—лирическій гимнъ въ прозѣ; это не случайное совпаденіе. Поэтъ, которому покорны стихіи и всѣ существа, который своимъ магическимъ жезломъ превращаетъ сѣрую, будничную дѣйствительность въ сказочный рай, онъ—одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ и типическихъ героевъ нѣмецкаго романтизма.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились въ свѣтъ «Сердечныя изліянія отшельника, любящаго искусство **), написанныя молодымъ, безвременно угасшимъ эстетикомъ Вакенродеромъ, всѣ романтики увѣровали, что идеальнымъ человѣкомъ является исключительно художникъ или поэтъ. Примѣръ Гёте и обаяніе первой части «Вильгельмъ Мейстера» могли только шире распространить этотъ взглядъ. «Богъ есть красота, и красота есть Богъ»!—писалъ юный Вакенродеръ. Но этотъ вѣчный идеалъ доступенъ человѣческому взору только въ оболочкѣ природы или искусства и потому лишь тотъ исполняетъ свое назначеніе на землѣ, кто беззавѣтно отдается созерцанію художественныхъ произведеній или природы. «Истинная религія—любовь къ красотѣ; настоящіе служители Бога—художникъ и поэтъ!»

---

*) «Goethes Briefwechsel mit einem Kinde» v. Bettina v. Arnim.

**) Wackenroder: «Herzensergiessungen eines Kunstliebenden Klosterbruders».

Въ этихъ немногихъ словахъ кроется теоретическая предпосылка всей романтической философіи. Ихъ примѣненіе къ жизни и къ литературѣ составляетъ положительную сторону романтизма. И вотъ поэты праздности и эстетическихъ восторговъ потянулись длинной вереницей изъ скучной, прозаической Германіи на благодатный югъ, въ Италію.

Когда лордъ Байронъ посѣтилъ этотъ край, «мать искусства, чудесъ и религіи», «давшій намъ знанія», то онъ, выдвигавшій всегда на первый планъ политическіе и соціальные вопросы и подчинявшій имъ какъ истый сынъ XVIII в., литературу и поэзію, онъ не могъ не воскликнуть *).

О, Боже, лучше бъ ты осталась,
Не такъ прекрасна, но сильна,
Тогда бъ возстала вся страна
И власть гонителей прервалась!

Но такое настроеніе было совершенно чуждо и непонятно нѣмецкимъ романтикамъ, которые, подобно Тику и Вакенродеру, мечтали поселиться въ Италіи, чтобы посвятить свою жизнь чистому, безвольному созерцанію произведеній искусства. Когда оказалось невозможнымъ исполнить эту мечту, тогда романтики стали рисовать въ своихъ произведеніяхъ картину идеальной Италіи, гдѣ обыватели—исключительно художники и поэты, гдѣ можно вдоволь наслаждаться безмятежнымъ прозябаніемъ среди смѣха, веселья и любви и гдѣ жизнь превращается въ пламенную молитву предъ алтарями искусства **).

Другіе романтики, какъ, напр., Гёлдерлинъ, устремлялись въ Грецію, къ берегамъ прелестнаго Илисса, въ «теократію красоты» или въ «царство музъ». Этихъ слабовольныхъ и эгоистическихъ эстетиковъ горе Эллады мало волновало и мало тревожило. Пламенные стихи Байрона ***), взывавшіе къ прежней эллинской доблести и къ освобожденію страны, едва ли вырвали бы ихъ изъ заколдованнаго круга отвлеченныхъ грёзъ и изнѣженной мечтательности. Но представленія романтиковъ о Греціи были такія же фантастическія, какъ ихъ понятія объ Италіи: это въ сущности все тотъ же блаженный островъ Атлантида, описанный Новалисомъ въ его романѣ «Генрихъ Офтердингенъ», та сказочная страна, гдѣ вѣчно царитъ весна, нѣтъ нужды и горя, гдѣ всѣ равны и счастливы, на престолѣ возсѣдаетъ поэтъ и всѣ подданные слагаютъ стихи.

Тотъ же самый апоѳеозъ эстетическаго созерцанія міра, который является основой романтическаго міровоззрѣнія, встрѣчается также въ философіи Шопенгауера. Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію великаго пессимиста, всѣ страданія человѣка проистекаютъ изъ его желаній,

*) «Чайльдъ-Гарольдъ», пер. Минаева, IV, 62.

**) Ср. «Мраморная статуя» Эйхендорфа и «Францъ Штернбальдъ» Тика.

***) «Чайльдъ-Гарольдъ», II, 73.

приводящихъ его къ постояннымъ разочарованіямъ. Опредѣливъ, по примѣру Канта, эстетическое наслажденіе, какъ настроеніе, *лишенное всякаго волевого* напряженія, Шопенгауеръ долженъ былъ совершенно логично усмотрѣть въ немъ преддверіе къ Нирванѣ, а въ эстетическомъ наблюдателѣ единственнаго счастливаго человѣка. Но онъ понималъ прекрасно немыслимость *постояннаго* безвольнаго созерцанія міра, и указалъ поэтому, какъ на единственное спасеніе, на аскетическое самоубійство воли. Словомъ романтики не нашли абсолютнаго счастія и въ служеніи искусству, идеалу красоты.

VII.

Трагедія романтизма.

Философія нѣмецкаго романтизма, отправлявшаяся отъ принципа личнаго счастія и искавшая его осуществленіе въ чувствѣ любви, въ чувствѣ природы или въ чувствѣ красоты, потерпѣла полное крушеніе и оказалась практически несостоятельной. Тогда романтики ударились въ мистицизмъ и, погружаясь въ благочестивыя размышленія, повторяли угрюмо слова любимца Кальдерона: «Что жизнь—иллюзія, призракъ, тѣнь. Вся жизнь лишь сонъ и даже сновидѣнья только сновидѣнья!» *). Другіе искали спасенія въ лонѣ католической церкви, въ молитвахъ въ аскетическомъ самоотреченіи. Третьи сходили съ ума, превращая нѣмецкій Парнасъ, по саркастическому замѣчанію Гейне, въ «домъ умалишенныхъ въ Шарантонѣ». Четвертые въ припадкѣ отчаянія уничтожали себя. Только у Шопенгауера нашлось достаточно интеллектуальнаго мужества, чтобы вычеркнуть невѣрную предпосылку, провозгласить счастье пустой химерой, страданіе—непреложнымъ міровымъ закономъ. Такъ завершился романтизмъ, открывавшійся легкомысленной философіей лѣни и эстетическихъ восторговъ, мрачнымъ и угрюмымъ пессимизмомъ.

Но хотя оба эти явленія возникли почти одновременно, все-таки философія Шопенгауера,—этотъ умозрительный итогъ романтизма,—проникла въ жизнь лишь тогда, когда самое литературное теченіе,—ея поэтическая предпосылка,—уже давно разложилось и распалось: въ міровой исторіи есть тоже своего рода неумолимая и здравая логика.

Величайшій герой занимающаго насъ періода, гётевскій Фаустъ пережилъ также свою эпоху романтизма.

Не найдя вѣчной истины, онъ кинулся въ водоворотъ эгоистическихъ наслажденій. Подобно поэтамъ праздности и лѣни, онъ искалъ личное счастіе сначала въ любви, увлекшись миловидной, доброй мѣ-

*) «Que es la vida—una illusion—Una sombra, una ficcion... Toda la vida es sueno; y los suenos suenos son». La vida es sueno, Jor. II Esc. XIX.

щанкой Маргаритой, потомъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, въ созерцаніи природы, и, наконецъ, въ служеніи искусству, въ восторженномъ культѣ Елены. Но счастья Фаустъ не нашелъ. Однако, онъ не сдѣлался ни католикомъ, ни мистикомъ ни пессимистомъ *), не сошелъ съ ума и не лишилъ себя жизни. Онъ нашелъ еще одинъ исходъ изъ лабиринта жизни и, какъ намъ кажется, самый благородный и полезный. Онъ рѣшилъ, подобно Фихте, что «человѣкъ родится не для наслажденія, а для труда», и, побѣдивъ въ своемъ сердцѣ эгоистическую жажду счастья, искалъ утѣшенія и примиренія въ безкорыстной работѣ на общее благо, на пользу потомства.

Такъ осудилъ тотъ философъ, который въ значительной степени подготовилъ романтизмъ (Фихте), и тотъ поэтъ, который его завершилъ своей безсмертной поэмой (Гёте), слабодушную и убогую жизненную мудрость поэтовъ праздности и лѣни.

Вл. Фриче.

---

*) Правда, извѣстный философъ Эд. Гартманъ сдѣлалъ попытку доказать, что если не самъ герой, то все же его творецъ былъ какъ бы предвѣстникомъ «Философіи Безсознательнаго», см. его статью о Фаустѣ въ «Gesammelte Schriften u. Aufsätze».

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Лѣто приходило къ концу. Петербургскій августъ давно уже давалъ себя знать своими дождливыми днями, сырыми вечерами и холодными ночами.

Владиміра Николаевича Бертышева очень рѣдко можно было застать дома. Скорбянскій, когда возникала мысль о томъ, чтобы повидать его по дѣлу и такъ, говорилъ: „его надо искать гдѣ-нибудь на Фонтанкѣ, на днѣ барки, придавленнымъ дровами".

Съ утра Бертышевъ надѣвалъ свой клеенчатый непромокаемый плащъ, который заставили его пріобрѣсти августовскіе дожди, садился въ пролетку и объѣзжалъ городъ. Это сдѣлалось его потребностью. Въ праздники, когда работать приходилось меньше, онъ уже чувствовалъ, что ему какъ бы чего недостаетъ. Онъ, что называется, втянулся и, къ своему удивленію, которое словно не имѣло времени перейти въ ужасъ, у него не было ни сожалѣнія, ни раскаянія по поводу того, что онъ, какъ казалось, окончательно бросилъ свое искусство и предался дровамъ. Ни къ чему его не тянуло. Въ началѣ ему хоть приходилось работать головой, чтобы изучить спонтанѣевское дѣло и выработать пріемы обращенія съ нимъ, но все это далось ему легко. Теперь онъ зналъ дѣло, какъ въ былое время зналъ краски на палитрѣ, такъ что могъ съ закрытыми глазами брать именно ту, какая ему была нужна. Порядки, значительно измѣненные имъ, вошли въ норму и все дѣлалось уже само собой. Поэтому и онъ совершалъ теперь свою миссію машинально, она отъ него не требовала никакого напряженія душевныхъ силъ и онъ былъ страшно доволенъ этимъ. Онъ переживалъ такое состояніе души, которое какъ разъ въ этомъ

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

нуждалось. Ему надо было движеніе, простое физическое движеніе, чтобы мысли разсѣевались легкими перемѣнами впечатлѣній, и онъ достигалъ этого при посредствѣ спонтанѣевской пролетки и его же добропорядочнаго рысака. Это все, что ему было нужно.

Что-то зрѣло въ глубинѣ его души, но зрѣло еще даже втайнѣ отъ него самого; а пока у него было такое состояніе, что, чѣмъ дальше продолжалось это „движеніе", чѣмъ больше онъ оставался одинъ въ пролеткѣ, на отдаленныхъ улицахъ, тѣмъ былъ счастливѣе.

Единственно, къ чему онъ относился съ живымъ интересомъ, это было переустройство жилищъ для работавшихъ у Спонтанѣева подростковъ и положеній всѣхъ его рабочихъ. Это дѣло самъ онъ создалъ и оно неослабно занимало его. И двигалось оно быстро и стройно, потому что сами служащіе помогали ему. Что же касается до того результата, какой проистекъ изъ всего этого для него самого, то это случилось помимо его стараній и явилось для него неожиданнымъ.

Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ того, какъ служащимъ были объявлены предстоящія улучшенія въ ихъ судьбѣ, послѣ того, какъ Спонтанѣеву главнымъ приказчикомъ, завѣдывавшимъ главной конторой, былъ представленъ мѣсячный отчетъ, какъ Спонтанѣевъ, до сихъ поръ зливщійся на него за потребованные непредвидѣнные расходы и потому скупой на слова, вдругъ заговорилъ съ нимъ новымъ языкомъ.

Въ воскресенье послѣ обѣда онъ задержалъ его при себѣ и сказалъ:

— Читали отчетецъ, Владиміръ Николаевичъ?

— Я его знаю,—отвѣтилъ Бертышевъ:—я слѣдилъ за каждой его цифрой!

— И сравнивали съ отчетомъ за прошлый годъ, за тотъ же мѣсяцъ?

— Подробно — нѣтъ. У меня не было подъ рукой. Но въ общемъ знаю, что есть разница.

— Помилуйте! Какъ же нѣтъ? И это ужъ не разница, а прямо чудо какое-то! Доходъ увеличился на тридцать пять процентовъ... А это не шутка.

— Да, это не шутка, Поликарпъ Антоновичъ!

— Но позвольте: что же, вы ихъ изъ-подъ земли вырыли, что ли? Ужъ я, кажѣтся, ходокъ, — я жизнь положилъ на то, чтобы изобрѣсти способы для увеличенія дохода, я ни передъ чѣмъ не останавливался и поднялъ, очень поднялъ доходность, но до этой высоты мнѣ не удалось ни разу подняться...

— И представьте, Поликарпъ Антоновичъ, что я для этого не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія, я ровно ничего для этого не сдѣлалъ...

— Вы станете утверждать, что сдѣлалось это само собой? Вы слишкомъ скромны, Владиміръ Николаевичъ.

— И не само собой. Вотъ вы говорите, что жизнь положили на изобрѣтеніе способовъ увеличить доходность и ни передъ чѣмъ не останавливались, а вотъ мимо одного способа вы всегда проходили безъ вниманія и даже вотъ теперь хотѣли-было забраковать его...

— Это что же? Ужъ не прибавки ли эти да улучшенія?

— Они, непремѣнно они!

— Ха, ха, ха! Вы чудакъ, вы, право, чудакъ невѣроятный! Ха, ха, ха, ха!

И Спонтаиѣевъ смѣялся громко, на сколько это позволяло его неладное состояніе.

— Это что же, по вашему, это мнѣ награда за добродѣтель? Не видалъ никогда собственными глазами, чтобы кто получалъ награду за добродѣтель. За подлость, дѣйствительно, бываютъ большія награды, ха, ха, ха! А за добродѣтель—это только въ сказкахъ бываетъ...

— Нѣтъ, Поликарпъ Антоновичъ, здѣсь добродѣтель не при чемъ. Тутъ простой, если можно такъ сказать, ариѳметическій разсчетъ.

— Ариѳметическій?

— Да, и думаю, что это можно высчитать при посредствѣ простой ариѳметики. Всякое дѣло, чтобы оно спорилось, требуетъ, во-первыхъ, охоты, желанія со стороны тѣхъ, кто его дѣлаетъ, а, во-вторыхъ, бодрости и энергіи. Чѣмъ больше этихъ качествъ, тѣмъ лучше идетъ дѣло и, значитъ, приноситъ большій доходъ. У васъ, Поликарпъ Антоновичъ, было достаточно и охоты, и энергіи, но вѣдь не вы исполняли главную работу. Хотя вы и хозяинъ, а все же дѣло было въ рукахъ работника, а не въ вашихъ. Значитъ, вся суть въ томъ, достаточно ли было охоты и энергіи у нихъ.

— А чортъ ли мнѣ въ ихъ охотѣ? Я надъ ними съ палкой стою и тогда у нихъ поневолѣ охота является... Я такъ понимаю дѣло...

— Это совсѣмъ не та охота, Поликарпъ Антоновичъ. Настоящая охота является отъ довольства своимъ положеніемъ. Настоящая охота та, которая выходитъ сама изъ души работника. Она рождаетъ энергію и тѣмъ больше, чѣмъ полнѣе довольство. А энергія увеличиваетъ доходность предпріятія. Вотъ вамъ и математика: чѣмъ больше довольства своимъ положеніемъ у работника, тѣмъ выше и доходность, разумѣется — въ предѣлахъ свойствъ самаго дѣла, его надобности, полезности, спроса на него.

— Это мудрая ариѳметика!

— Я вамъ доказалъ ее вотъ этимъ отчетомъ. Увѣряю васъ честью, что я ровно ничего не предпринималъ для увеличенія доходности. Она сама увеличилась. Работники, почувствовавъ себя въ лучшемъ положеніи, стали внимательнѣе, старательнѣе, можетъ быть, даже честнѣе, изъ всего этого получились тѣ тридцать пять процентовъ, которые васъ такъ пріятно изумили...

— И вы думаете, что это такъ и будетъ продолжаться?

— Думаю, что такъ. Одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя послѣдствія.

— Гм... Посмотримъ, посмотримъ!.. Никакъ не ожидалъ, что вы окажетесь такимъ драгоцѣннымъ человѣкомъ! Мы, конечно, посмотримъ... И я не премину вознаградить вашъ трудъ достойнымъ образомъ... А пока я могу только удвоить ваше вознагражденіе...

— Я не отказываюсь, только прошу помнить, что я не добивался этого!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

Въ этой неожиданной прибавкѣ для него самымъ пріятнымъ было то, что у него уже теперь являлось достаточное основаніе посвящать свое время спонтанѣевскому дѣлу. Никогда художественной работой онъ не добывалъ столько, а если принять въ разсчетъ правильность ежемѣсячныхъ получекъ, то это оказывалось очень важнымъ.

Онъ въ тотъ день торопливо ѣхалъ домой и тотчасъ же сообщилъ Вѣрѣ Петровнѣ объ удвоеніи своего заработка. Онъ прибавилъ:

— Это вполнѣ обезпечиваетъ намъ безбѣдную жизнь, не правда ли?

— Да, обезпечиваетъ!—сказала Вѣра Петровна, но въ голосѣ ея онъ почуялъ какой-то особенный оттѣнокъ, какъ будто она сказала не все, что могла бы сказать по этому поводу.

— Но, что же?—спросилъ онъ, желая вызвать ее на разговоръ.

— Ничего!—кратко отвѣтила она.

— Въ самомъ дѣлѣ—ничего? Мнѣ показалось, какъ будто у тебя есть еще что-то...

Вѣра Петровна слабо усмѣхнулась.

— Еще что-то... И только всего?..

— Я знаю, что у тебя есть много, Вѣра, но не считаю себя вправѣ...

— И ты не въ правѣ, это такъ и есть...

— Но, по крайней мѣрѣ, скажи то, что ты думаешь по этому поводу...

— Я думаю ужасныя вещи, Владиміръ...

— Ужасныхъ вещей нѣтъ на свѣтѣ, я въ этомъ убѣдился...

Люди уживаются съ самыми страшными чувствами. Люди умѣютъ приспособиться ко всему и примириться со всѣмъ...

Вѣра Петровна слегка вспыхнула.

— Я ни съ чѣмъ не примирилась, Владиміръ...—съ скрытой горячностью сказала она:—я ко многому принудила себя. Ты знаешь, для чего это нужно...

— Ахъ, Вѣра, ты дурно поняла меня!.. Неужели ты думаешь, что я позволилъ бы себѣ такъ грубо прикоснуться къ твоимъ ранамъ, которыя самъ нанесъ? Я знаю хорошо цѣну твоему подвигу...

— И не подвигъ... Подвига нѣтъ. Подвигъ долженъ быть добровольный, а меня приковала необходимость... Но объ этомъ, надѣюсь, мы не будемъ говорить...

— Лучше не будемъ. Ты скажи то, что можешь сказать...

— Неужели, Владиміръ, ты меня считаешь слѣпой? Неужели ты воображаешь доставить мнѣ удовольствіе сообщеніемъ о двухстахъ рубляхъ? Повѣрь, что если бы тебѣ дали не двѣсти, а тысячу въ мѣсяцъ, я отвѣтила бы тебѣ тѣмъ же...

— Но деньги нужны, Вѣра, безъ нихъ не проживешь!..—слабо, неувѣренно возразилъ Бертышевъ.

— Какъ бы онѣ ни доставались?

— Я не вижу ничего безчестнаго въ томъ способѣ, какимъ я добываю деньги...

— Безчестнаго, конечно, нѣтъ. Но развѣ это твое дѣло? развѣ ты спокоенъ при мысли, что забылъ, какъ держать кисть?..

— А, ты объ этомъ!.. Ну, это не уйдетъ отъ меня...—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ и нахмурилъ брови.

— Нѣтъ, уйдетъ... Все уходитъ, отъ всего можно отучить себя и отдалить. Вѣдь и вкусы, и наклонности мѣняются, не одни только чувства. Или ты уже не чувствуешь въ себѣ таланта?

— Не знаю, не знаю я этого... Я давно не наводилъ объ этомъ справокъ...

— Но тебя, по крайней мѣрѣ, тянетъ къ прежней работѣ?..—заботливо спросила Вѣра Петровна.

— Нѣтъ, и не тянетъ... Я никогда о ней не думаю...

— Значитъ, ты не художникъ!..

— Можетъ быть, и не художникъ!.. И, право же, меня это не огорчаетъ...

Вѣра Петровна опустила голову. Лицо ея вдругъ покрылось какъ бы облачкомъ печали. Она вздохнула.

— Удивительно, какъ человѣкъ можетъ перемѣниться!—тихо воскликнула она, какъ будто про себя.

Это простое восклицаніе вдругъ почему-то взбудоражило Владиміра Николаевича, какъ будто кто-то коснулся въ душѣ его

струнъ, которыя давно уже не звучали. Онъ всталъ и нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Да, можетъ перемѣниться! Можетъ перемѣниться не только человѣкъ, но и ангелъ, а ужъ во всякомъ случаѣ такой, не особенно сильный человѣкъ, какъ я! Можетъ перемѣниться и опуститься и даже упасть въ пропасть, когда все подталкиваетъ его къ этому. Онъ оступился, упалъ, но вмѣсто того, чтобы протянуть ему руку, его пододвигаютъ все ближе и ближе къ пропасти, очищаютъ ему путь, камешки убираютъ съ дороги, только падай, сдѣлай милость, падай...

— Я этой аллегоріи не понимаю...—тихо покачавъ головой, промолвила Вѣра Петровна.

— Какая тутъ аллегорія! Это все такъ ясно! Со мной случилось несчастье...

— Несчастье?—поднявъ на него глаза, спросила Вѣра Петровна.

— Да, несчастье... Несчастье для нашей семьи, для моей работы... Я говорю, что это несчастье, я такъ чувствую, это такъ и есть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы притянуть меня, удержать, привязать, меня отталкиваютъ, вокругъ меня образуется атмосфера холода, отъ меня запираютъ душу на тысячу замковъ...

— Притянуть, привязать!.. — со вздохомъ произнесла Вѣра Петровна: — ахъ, Владиміръ, тотъ, кого насильно притянули и привязали, сорвется, перекуситъ веревки и убѣжитъ... И тоже насчетъ атмосферы холода!.. Боже мой, до чего можетъ дойти пристрастіе къ самому себѣ! Ты самъ схватилъ обѣими руками этотъ огонь, который согрѣвалъ всѣхъ насъ, и унесъ его въ другое мѣсто и нашъ очагъ опустѣлъ, темно стало въ немъ и все вокругъ него похолодѣло...

— Да, но ты слишкомъ ужъ безповоротно отстранилась отъ меня, ты бросила меня на пути, по которому мы шли вмѣстѣ, бросила какъ разъ тогда, когда я споткнулся... Когда мнѣ нужна была помощь...

— Владиміръ, лучше оставимъ это, потому что это ужъ слишкомъ!..—воскликнула Вѣра Петровна.—Вспомни, что я ни разу не упрекнула тебя, я, у которой столько для этого поводовъ, а ты что дѣлаешь? Неужели это не жестоко?

— Да, конечно, я тысячу разъ не правъ противъ тебя,—видимо остывая, сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—я не говорю, что я правъ... Но если бы ты не такъ рѣшительно поставила вопросъ о нашихъ отношеніяхъ, если бы ты не такъ рѣзко отрѣзала мнѣ пути для возврата...

— Для возврата?—спросила Вѣра Петровна и глаза ея вдругъ вспыхнули огнемъ.—Ну, и что жъ, если я скажу тебѣ: вотъ мои

объятія, они раскрыты... Возвращайся сейчасъ! Я говорю тебѣ это! Что ты на это скажешь?

Владиміръ Николаевичъ молча опустился въ кресло и, въ отвѣтъ на ея слова, не произнесъ ни звука. Вѣра Петровна продолжала:

— Значитъ, не надо говорить словъ, когда для нихъ нѣтъ основаній въ сердцѣ. У тебя тамъ накипѣло. Я знаю, иначе и быть не можетъ. Положеніе твое печальное, я и это знаю и мнѣ часто бываетъ жаль тебя и хочется облегчить. Но я сдѣлать этого не могу, потому что не знаю дороги къ твоему сердцу. Тотъ путь, та тропинка, по которой я къ нему ходила, потеряна... Я ничего не могу сдѣлать... Видишь, какъ сегодня я разговорилась... Давно уже я не произносила столько словъ. Нѣтъ, Владиміръ, не радуетъ меня это удвоеніе твоихъ доходовъ. Лучше бы они въ десять разъ уменьшились, да ты былъ бы тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть—артистомъ, художникомъ, творцомъ художественныхъ произведеній, а не главнымъ надсмотрщикомъ надъ дровяными дворами, и какую бы ты блестящую карьеру ни дѣлалъ въ этомъ направленіи, я никогда этому не порадуюсь...

Она оставила его одного, и онъ вдругъ почувствовалъ какое-то безпредѣльное одиночество, быстро схватилъ шляпу и вышелъ изъ дому.

Послѣ этого разговора Владиміръ Николаевичъ еще охотнѣе, чѣмъ прежде, сталъ предаваться своему новому спорту и объѣзду дровяныхъ дворовъ, биржъ и конторъ, принадлежавшихъ Спонтанѣеву. Въ этихъ прогулкахъ онъ началъ находить какую-то новую отраду. Все время, что онъ былъ дома, у него было такое ощущеніе, какъ будто, въ какую бы сторону онъ ни ступилъ, всюду ему грозило натолкнуться на остро наточенные ножи. И онъ почти неизмѣнно молчалъ, и даже когда дѣти обращались къ нему съ ласками, не находилъ въ своемъ голосѣ нотъ, чтобы отвѣчать имъ тѣмъ же. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ, придавленнымъ.

Когда же садился въ пролетку, разомъ все это исчезало, какъ будто стопудовая тяжесть спадала съ его плечъ. Онъ разомъ отрывался отъ почвы и былъ цѣлый день какъ бы внѣ своего міра, внѣ всякаго міра, потому что во всемъ, съ чѣмъ онъ соприкасался, не было его личныхъ интересовъ.

Однажды ему пришла мысль, когда онъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ, завернуть къ Матвѣю Ивановичу. Это было въ концѣ августа. Погода стояла сѣренькая, дачныя мѣста были окутаны туманомъ и пронизаны сыростью. Домишко, въ которомъ наслаждалось дачными прелестями семейство Скорбянскихъ, былъ закупоренъ со всѣхъ сторонъ. Даже ворота были плотно притворены.

И никто не зашевелился въ домѣ, когда пролетка остановилась у воротъ. Очевидно, всѣ попрятались по своимъ угламъ, приведенные погодой въ мрачное настроеніе.

Владиміръ Николаевичъ сошелъ съ пролетки и, вмѣсто того, чтобы позвонить у крыльца, постучалъ въ окно. Не сразу онъ получилъ откликъ. Пришлось повторить стукъ. Черезъ минуту къ окну приблизилась женская фигура, приложилась лицомъ почти къ самому стеклу, сдѣлала жестъ удивленія и удалилась. Затѣмъ, послышались шаги въ корридорѣ, кто-то шлепалъ туфлями; звукъ выдвигаемаго засова, потомъ самъ Матвѣй Ивановичъ въ сѣромъ халатѣ, изъ подъ котораго, такъ какъ онъ и не думалъ застегивать его, выглядывало нижнее бѣлье. А былъ между тѣмъ третій часъ дня.

— Ба, ба, ба! Вотъ человѣкъ, котораго можно увидать только по капризу судьбы, а никогда по собственному желанію!—воскликнулъ Скорбянскій:—ну, могъ ли я ожидать тебя въ такой, можно сказать, прогнившій день, когда даже свинцовое петербургское небо дало течь?.. А вѣдь я три раза пріѣзжалъ къ тебѣ въ лучшіе дни...

— Признаюсь, я почти не разсчитывалъ найти васъ здѣсь. Я думалъ, что вы переѣхали уже въ городъ!—говорилъ Бертышевъ, вступая вмѣстѣ съ хозяиномъ въ длинный корридоръ.

— Что ты? Что ты? Заплативъ за дачу сто десять рублей, мы, кажется, имѣемъ право испытать до конца всѣ прелести деревенской или, правильнѣе сказать—новодеревенской—что̀ далеко не одно и тоже—жизни, т. е. промокнуть и прогнить до саморазрушенія. Притомъ же ты, очевидно, не знаешь секрета настоящаго истоваго петербургскаго дачника.

— Очевидно, не знаю.

— А видишь ли, петербургскій августъ никуда не годится, но зато сентябрь часто бываетъ превосходный. Такъ вотъ каждый дачникъ старается какъ-нибудь перешагнуть августъ, чтобы наслаждаться сентябремъ. Молодушные люди, при первомъ же появленіи августовскихъ дождей, спѣшатъ перевозить свои рубища и развалины въ Петербургъ и это потому, что они не справляются съ метеорологіей. А я, братъ, если ужъ деньги заплатилъ, такъ использую все до метеорологіи включительно. Ну, чѣмъ же тебя угощать? Самоваръ, что ли, растопить?

— Нѣтъ, ничего не растапливай. Я мимоѣздомъ. Долго сидѣть не могу, дѣла много.

Они вошли въ комнату и усѣлись на диванѣ.

— Объясни ты мнѣ, сдѣлай милость, какія-такія дѣла? Неужто ты въ самомъ дѣлѣ спеціализировался на дровяномъ искусствѣ?

— Это такая спеціальность, которую можетъ уразумѣть всякій.

— Но, однакожъ, что-нибудь привлекаетъ тебя къ ней. Вѣдь ты, если и не сжегъ корабли, то, такъ сказать, вытащилъ ихъ на берегъ и опрокинулъ на бокъ. Не думать же мнѣ, что ты дѣлаешь это, какъ говорится, ради прекрасныхъ глазъ господина Спонтанѣева. По крайней мѣрѣ, онъ хорошо платитъ?

— Платитъ онъ двѣсти рублей въ мѣсяцъ!..

— А-а! Двѣсти рублей—деньги, это что̀ и говорить! Нашему брату, выколачивающему каждый рубль вотъ этимъ мѣстомъ (онъ показалъ на свой лобъ), такая сумма, если она обладаетъ постоянствомъ, можетъ доставить большое удовольствіе. Но ты, смотри, не прогадай... Художникъ, ежели онъ владѣетъ не только талантомъ, но и способностью приспособляться ко вкусамъ публики, можетъ безъ труда гораздо больше заработать. А ты всѣмъ этимъ, кажется, обладаешь въ достаточной мѣрѣ... Вотъ, мой другъ Вольтовъ второй способностью не обладаетъ...

— А кстати, что Вольтовъ?

— Вольтовъ—на высотѣ. Ужъ онъ дошелъ до половины. Какая поэма, братъ, получается! Нелѣпая идея — обезсмертить въ краскахъ Еруслана, нелѣпая, говорю, на словахъ, а какъ посмотришь на то, что у него изъ подъ кисти выходитъ, такъ начинаешь соглашаться съ нимъ. Этакая у него колоссальная способность вливать душу живу въ любой чурбанъ.

— Ты видѣлъ развѣ?

— Какъ же! Я ѣздилъ туда! И что за увлекательная дама, эта Березова! Есть, братецъ мой, такіе люди, которые какъ бы рождены быть воспріемниками всякой искры Божіей. Ну, что онъ ей? Откуда ни возьмись, голодранецъ привязался... Грубый чудакъ, съ разными неудобными въ общежитіи угловатостями, разностями, несуразностями. Но она, какъ увидѣла, какой божественный ручей изъ его души льется, обставила его, какъ какого-нибудь полубога. Живи и работай, молъ, и больше ничего отъ тебя не требуется. Это, братъ, меценатка отъ глубины души, не твоему Спонтанѣеву чета! Еслибъ ты видѣлъ, какъ онъ изобразилъ ослѣпленныхъ плѣнниковъ въ тюрьмѣ! До сихъ поръ вижу ихъ, какъ живыхъ людей! Какія позы, что̀ за лица! И сколько духовной мощи въ его Еруслянѣ! Всюду, гдѣ онъ появляется, такъ и разливается счастье... Пишетъ и мечтаетъ, какъ къ будущей веснѣ онъ кончитъ и повезетъ по деревнямъ... Ну, что же твой Спонтанѣевъ не покаялся? Ты еще разъ денегъ у него не просилъ для вольтовской затѣи?

— Нѣтъ, я считаю это безполезнымъ. Онъ не дастъ иначе, какъ на тѣхъ условіяхъ...

— На тѣхъ условіяхъ, братъ, можно пріобрѣсти лѣсъ для вырубки дровъ, а не художественныя произведенія. А нельзя ли, скажи пожалуйста, какъ-нибудь черезъ Вѣру Поликарповну? А?

Она—дѣвушка со вкусомъ, съ пониманіемъ—такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть. Не повліяетъ ли она на него, но сперва, разумѣется, ты на нее?

— Я объ этомъ давно думалъ, но потомъ нашлись другія дѣла и я забылъ...

— А ты такихъ вещей не забывай. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, надо поспособствовать ему. Жаль будетъ, если этотъ, по справедливости, первый блинъ въ дѣлѣ художественныхъ выставокъ для народа выйдетъ комомъ. Притомъ же страшно любопытно видѣть, какъ это тамъ примется и что изъ этого выйдетъ?

— Я поговорю съ нею...

— Поговори, голубчикъ! Я тебѣ говорю, что Вольтовъ прямо дѣлаетъ чудеса... Ну, а ты... Ты ничего новаго не пишешь?

— Мнѣ некогда!

— Какъ? Ты отдаешь все свое время дровамъ?

— Двѣсти рублей, Матвѣй Ивановичъ, не станутъ даромъ платить...

— Но однако же... Неужели ты весь отдаешься этому гнусному дѣлу?

— Весь, безъ остатка. Съ утра и до вечера...

— О, это надо изслѣдовать! Жена, ставь самоваръ! Онъ будетъ у насъ чай пить... Дѣло это требуетъ времени. Не могу допустить, чтобы у тебя такъ рано началось паденіе. Итакъ, объяснись. Ты пошутилъ?

— Нѣтъ, Матвѣй, я не шучу. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже два мѣсяца, какъ я не держалъ кисти въ рукахъ...

— Ну, два мѣсяца, это еще не Богъ знаетъ какая вѣчность. Съ вашимъ братомъ бываетъ это. Иной, горя любовью къ искусству, по годамъ не можетъ подойти къ мольберту. Вы, живописцы, еще до сихъ поръ аристократы въ искусствѣ! Вы позволяете себѣ барствовать, дожидаясь, пока васъ муха укуситъ, сирѣчь посѣтитъ вдохновеніе, и тогда вы бѣжите „на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы“... Вы можете это дѣлать, потому что, если, вмѣстѣ съ вдохновеніемъ, васъ посѣтитъ и удача, то вамъ могутъ заплатить за картинку такія тысячи, что вы или покроете всѣ дыры, образовавшіяся въ вашемъ бюджетѣ въ то время, когда ваша душа вкушала хладный сонъ, да еще и въ сберегательную кассу кое-что отнесете. Мы такъ не можемъ. Намъ вдохновенья ждать, это значитъ—дѣтей уморить съ голоду. Намъ въ широкошумныя дубравы бѣжать, такъ на подошвы больше истратишь, потому хоть ты шекспировскую вещь напиши, все равно, тебя по листику разсчитаютъ, по шестнадцать страничекъ точка въ точку. Я, братъ, пишу и денно, и нощно; какъ услышу пискъ ребятишекъ, такъ и сажусь писать. И сейчасъ же вдохновеніе прихо-

дитъ. Конечно, оно, должно быть, не такое, какъ то, котораго дожидаться надо, ну, а все же—вдохновеніе, какое ни на есть... Такъ я говорю, что два мѣсяца не много. Но если у тебя все время уходитъ на отопленіе Петербурга, то, значитъ, и въ будущемъ у тебя времени на работу не останется. Вѣдь зима придетъ, отопленіе усилится... А? Какъ ты думаешь?

— Я совсѣмъ объ этомъ не думаю!..

— Такъ ты, значитъ, не художникъ? Ты насъ всѣхъ обманывалъ?

— Можетъ быть...

— Да о чемъ же ты думаешь въ такомъ случаѣ во время своихъ прогулокъ въ этой изящной пролеткѣ?

— А ты развѣ не испыталъ блаженства ни о чемъ, ни о чемъ не думать?

— Нѣтъ, я только подозрѣвалъ о существованіи такого блаженства, но никогда не имѣлъ возможности испытать его. Но это что же, ради самозабвенія дѣлается?

— Именно, ради самозабвенія. Ни о чемъ не думать, выйти на время изъ этого круга жизни и не войти ни въ какой другой, временно отсутствовать отъ жизни со всѣми ея вопросами и недоумѣніями...

— Да, вотъ что... Заключаю, что эта нитка все еще тянется, тянется, и грозитъ тянуться безъ конца... Понимаю я тебя, другъ сердечный, понимаю... Но только одного не понимаю: какъ хватаетъ у тебя, если можно такъ сказать, душевной слабости—не перерѣзать эту нитку...

— Перерѣзать мудрено. Нитка-то стальная!..

— Да чортъ съ ней, что она стальная. Возьми топоръ и разруби. Она къ тебѣ привязана съ обѣихъ сторонъ и въ обѣ стороны тебя тянутъ по ней. А ты хвати топоромъ, одинъ конецъ улетитъ въ пространство, а съ другимъ ты окончательно причалишь къ какому-нибудь берегу.

— А кто пострадаетъ отъ этого?

— Неизвѣстно. Тотъ или другой берегъ. И, знаешь, когда подумаешь хорошенько, то это даже не важно. Допусти на минуту, что притянетъ тебя не къ тому берегу, на которомъ находится Вѣра Петровна, а къ другому. Ну, что жъ! Будетъ страданіе, но, по крайней мѣрѣ, опредѣленное, явственное. А то что же это за умоизнурительная канитель! Ты, какъ разбитая лодка съ рваннымъ парусомъ, болтаешься между двухъ береговъ. И самому тебѣ хуже всѣхъ. Я отлично понимаю, что въ такомъ душевномъ состояніи не мудрено и на дрова броситься. Особаго рода запой вѣдь!.. И главное, я увѣренъ, что никому отъ этого удовольствія нѣтъ. Навѣрно всѣ тобой недовольны — и здѣсь и тамъ, а самъ ты болѣе всѣхъ...

— Ты говоришь правду, Матвѣй!

— Комъ тужуръ, монъ ами!—не безъ комизма произнесъ Матвѣй Ивановичъ,—это моя спеціальность! А у меня, когда я узналъ, что ты дровяному дѣлу предался, мелькнула—знаешь—какая преподлая мысль?

— Нѣтъ, этого не знаю!

— Мысль, что ты задумалъ спонтанѣевское дѣло изучить досконально, окончательно всѣ нитки его къ рукамъ своимъ прибрать, потомъ жениться на инфантѣ и всѣхъ остальныхъ, къ дѣлу дровяному прикосновенныхъ, къ чорту послать!

— Дѣйствительно подлая мысль!

— Я такъ ее и аттестовалъ!

— Во-первыхъ, жениться я не могъ бы уже потому, что у меня есть жена и дѣти!..

— Ну, это пустое! При наличности дровяныхъ складовъ это даже очень легко устранимо!..

— А во-вторыхъ, ты думалъ обо мнѣ такъ скверно, какъ будто пересталъ уже считать меня порядочнымъ человѣкомъ.

— Э, что такое порядочный человѣкъ! Ихъ вѣдь дѣлаютъ не изъ стали. Но во всякомъ случаѣ—извини и пройдемъ мимо этого пункта, а съ твоего позволенія, сосредоточимся на „во-первыхъ“. Скажи, милый другъ, какъ же ты это себѣ представляешь?

— Что собственно?

— Да вотъ это. Ну, у тебя съ дѣвицей Спонтанѣевой романъ. Хорошо. Что же, ты полагаешь, что она всю жизнь будетъ терпѣть тебя около себя, обремененнаго женой и дѣтьми и даже живущаго съ ними? Ну, а она-то сама сдѣлана изъ чего? Развѣ не изъ плоти и крови? Вѣдь не изъ сосновыхъ же полѣньевъ, чортъ возьми, сколотилъ ее Спонтанѣевъ—ты извини мнѣ этотъ грубый способъ выраженія... Да, наконецъ, какъ это вы тамъ любите? Какъ ангелы, что ли? Я, признаюсь, въ такую любовь никогда не вѣрилъ... Является же у васъ когда-нибудь вопросъ о будущемъ...

— До сихъ поръ не являлся...

— Ну, такъ, значитъ. явится однажды въ видѣ смерча, противъ котораго уже никакихъ предупредительныхъ средствъ не будетъ. А это гораздо хуже. Или вы оба лишены темпераментовъ, холодная у васъ кровь, вы рыбы,—такъ, что ли? Не разберу я васъ. Никогда не одобрялъ я этого твоего романа, но, по моему, ужъ коли романъ, такъ романъ—въ двухъ или трехъ тамъ частяхъ, но чтобы части видны были, чтобы въ нихъ было движеніе впередъ, видна была цѣль, а не этотъ — гоголь-моголь какой-то, гдѣ и бѣлокъ, и желтокъ, и сахаръ, и ромъ все смѣшано въ одинъ неопредѣленный составъ...

— Эхъ, Матвѣй Ивановичъ, если бы ты зналъ, какой стороны

вопроса ты касаешься!..—какъ бы противъ воли воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ и вдругъ оборвалъ свою рѣчь и задумчиво посмотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Знаю, братъ,—той самой стороны, отъ которой вы всѣ, близко стоящіе къ дѣлу, отворачиваетесь и притомъ умышленно. Большая доза трусости есть въ этомъ вашемъ подвигѣ! И напрасно вы это дѣлаете, други мои, напрасно! Вы сами тянете канитель, воображая, что судьба о васъ позаботится и все за васъ сдѣлаетъ. Ничего она не сдѣлаетъ! Вы боитесь разрушить старое дряхлое зданіе, опасаясь, что вамъ придется остаться на развалинахъ. Да чортъ ли въ немъ, въ этомъ старьѣ, когда оно оказалось никуда негоднымъ. Если вы живые люди и если васъ связываютъ живыя, а не вздутыя чувства, то на развалинахъ вы непремѣнно построите какое-нибудь новое зданіе. А если вы мертвецы и къ этому неспособны, то чортъ съ вами!..

— Это все хорошо говорить! А нельзя ли поставить это на практическую почву? Ну-ка, какъ по твоему: что да что надо сдѣлать?

— Какъ что? Это очень ясно: перестать такъ балансировать. Сядь да подумай хорошенько: куда тебѣ нужнѣе пойти? Туда и иди. А разъ ты это сдѣлаешь, ужъ остальное само собою обязано додѣлаться.

— Ну-съ, и если окажется, что нужнѣе-то мнѣ уйти отъ Вѣры?

— И уйди, уйди, ибо, все равно, ты для нея уже ничто, пустое мѣсто!

— А дѣти?

— И дѣти то же, что она. Дѣти, вѣдь это маленькія вторыя изданія матери. Что тамъ въ нихъ есть твоя кровь, это, право, неважно. Ужъ эта кровь давно обновилась и стала другой. Тутъ важно, что мать изъ-за нихъ страдала и за каждымъ дыханіемъ ихъ слѣдила. А ты что? Ты кормъ добывалъ? Эка важность! И лошадь, которая тащитъ плугъ, крестьянину кормъ добываетъ, но онъ ее за это не вписываетъ въ свою поминальную книжку. Я говорю, что если отъ нея ты сможешь уйти, то и отъ нихъ также. Одобрю ли я это, или нѣтъ, это другой вопросъ. Я даже заранѣе тебѣ скажу, что не одобрю, и на улицѣ не поклонюсь, отвернусь... Ну, да на это ты обращать вниманія не обязанъ... Главное—не тяните вы, не мучайте другъ друга вашей собственной нерѣшительностью. А ты—больше всѣхъ. Я увѣренъ, что ты мучаешь этимъ обѣихъ женщинъ. И что ты отъ этого выигрываешь, не понимаю. Вотъ,—промолвилъ онъ вдругъ другимъ тономъ, когда вошла его жена съ подносомъ и, поставивъ чай на столѣ, начала здороваться съ Бертышевымъ:—Вотъ рекомендую: директоръ дровяного департамента! Слыхала про такой?

— Нѣтъ, не слыхала, да, должно быть, такого и нѣтъ!

— Ну, какъ же нѣтъ, коли директоръ есть!

И Матвѣй Ивановичъ окончательно перемѣнилъ разговоръ и началъ разсказывать Владиміру Николаевичу про свои личныя дѣла. Онъ сообщилъ мало утѣшительнаго. Заработокъ его попрежнему былъ плохъ.

— Оно, конечно, могъ бы я его увеличить вдвое и втрое, для этого надо только писать да писать безъ устали, спросъ вѣдь есть. Все же нашего брата, удобочитаемаго беллетриста, не очень-то много... Да не могу я писать безъ охоты. Не идетъ!.. Притомъ у меня какой-то страхъ передъ толстыми книгами. Кажется, читатель взглянетъ, пощупаетъ да и прочь отойдетъ. А, ну его, скажетъ, гдѣ мнѣ съ эдакой толстой книгой возиться... То же вотъ подумывалъ, не взять ли какую-нибудь службицу. И даже предлагали и недурныя условія. Пожалуй, повыгоднѣе твоего дровяного департамента будетъ... Да вотъ не могу .. я—человѣкъ хоть не старый, а литераторъ старой школы. Къ профессіи своей питаю почтеніе, какого она, по нынѣшнимъ нравамъ, даже, можетъ быть, и не стоитъ. И кажется мнѣ, что писатель не долженъ унижаться до службы. Два дѣла разомъ дѣлать нельзя. Это все равно, какъ если бы стрѣлочникъ на желѣзной дорогѣ, переводя стрѣлку, въ то же время еще и на гармоникѣ игралъ... Того и гляди, поѣздъ сошелъ бы съ рельсовъ и угодилъ бы въ пропасть...

Владиміръ Николаевичъ взглянулъ на часы и убѣдился, что просидѣлъ гораздо больше, чѣмъ разсчитывалъ. Онъ началъ торопливо прощаться. Матвѣй Ивановичъ проводилъ его на улицу.

— Вишь, какъ мороситъ. А сентябрь будетъ хорошъ! Чѣмъ больше этой небесной влаги выпадетъ въ августѣ, тѣмъ лучше будетъ сентябрь. Ужъ это замѣчено. Коренной дачникъ петербургскій это знаетъ. А я, братъ, четырнадцать лѣтъ сюда на дачу ѣзжу!—говорилъ Скорбянскій.—Вотъ будешь ѣхать мимо дачъ и гляди: гдѣ крѣпко сидятъ дачники и не видно никакихъ сборовъ къ обратному путешествію, такъ это, значитъ, сторонники доморощенной метеорологіи, въ родѣ меня. Знаютъ, толкъ въ погодѣ. А лошадка у Спонтанѣева недурна!.. Ну, прощай! Будешь еще когда въ этой сторонѣ, заѣзжай. Вѣдь я тутъ до самаго двадцать пятаго сентября просижу. Дѣти будутъ въ гимназію на конкѣ ѣздить, а я все буду сидѣть. Заморозки пойдутъ, тогда, пожалуй, сдамся... А насчетъ моихъ взглядовъ на то, чего не вѣдаетъ никто—а по просту—всѣ знаютъ да молчатъ,—ты не сердись, а лучше подумай... Можетъ и согласишься...

Владиміръ Николаевичъ разстался съ пріятелемъ. Но думать онъ о тѣхъ вещахъ, отъ которыхъ спасался на пролёткѣ, не сталъ. Какъ только кучеръ погналъ лошадь, онъ тотчасъ почувствовалъ

то странное блаженство оторванности отъ всякой почвы, отъ всякихъ личныхъ заботъ и интересовъ, которое примиряло его съ столь нехудожественной дѣятельностью.

Это было въ субботу. Завтра онъ разсчитывалъ позавтракать дома съ дѣтьми, а остальной день провести въ Царскомъ. Пріѣхавъ домой, онъ сказалъ объ этомъ Вѣрѣ Петровнѣ. Но онъ прибавилъ, очень хорошо зная, что говоритъ неправду.

— Мнѣ надо много говорить о дѣлахъ!..

Вѣра Петровна не выразила ни вѣры, ни сомнѣнія. А ему именно въ воскресенье не предстояло говорить о дѣлахъ. Онъ просто чувствовалъ себя виноватымъ передъ Вѣрой Поликарповной.

II.

Онъ пріѣхалъ въ Царское часовъ около трехъ дня. Въ домѣ Спонтанѣевыхъ было какъ-то особенно тихо. Въ комнатѣ Поликарпа Антоновича, внизу, были спущены шторы, Марья Ивановна тоже, должно быть, „отдыхала“. Она большую часть своего времени посвящала отдыху, часто даже вовсе не нуждаясь въ немъ, а отправляясь въ свой покой просто по привычкѣ и по привычкѣ же ложась на мягкомъ диванѣ. Вѣроятно, и слуги предавались отдыху, потому что нигдѣ не было видно ни души. Только огромный старый догъ, при его появленіи, обнаружилъ знаки гостепріимства, лѣниво поднявшись съ мѣста и привѣтливо помахивая хвостомъ, такъ какъ Владиміра Николаевича онъ, очевидно, считалъ своимъ человѣкомъ.

Сверхъ ожиданія, день стоялъ недурной. Сѣрыя облака, двѣ недѣли висѣвшія надъ землей, расплылись и показалось солнце. Можетъ быть, уже сбывались метеорологическія предсказанія Матвѣя Ивановича Скорбянскаго, такъ какъ сентябрь былъ на носу. Въ воздухѣ чувствовалась такая свѣжесть, точно пришла вторично весна.

Владиміръ Николаевичъ поднялся по широкой лѣстницѣ наверхъ и прямо прошелъ въ комнаты Вѣры Поликарповны. Обыкновенно по воскресеньямъ, когда онъ былъ свободенъ, она видѣла его. Здѣсь они встрѣчались; если было сухо, ходили въ лѣсъ; если погода была дурная или просто на нихъ нападала лѣнь, они просиживали у раскрытой къ широкому балкону двери или на самомъ балконѣ до обѣда, когда спускались внизъ.

Уроки живописи сами собой прекратились. Въ продолженіи всей недѣли Бертышевъ забѣгалъ къ ней каждый день развѣ на четверть часа, а случалось, что онъ ограничивался визитомъ Поликарпу Антоновичу, визитомъ дѣловымъ, наполненнымъ дѣловыми разговорами, а ей только посылалъ привѣтъ снизу на балконъ,

не имѣя возможности даже забѣжать къ ней. Онъ боялся пропустить поѣздъ и долженъ былъ спѣшить. Но на этотъ разъ онъ не нашелъ ея. Онъ обошелъ всѣ комнаты, ея нигдѣ не было. Онъ подумалъ, что она внизу у матери и посидѣлъ съ полчаса на балконѣ, дожидаясь ея; но и черезъ полчаса она не явилась. Ему оставалось спуститься внизъ и спросить у прислуги.

— Онѣ, должно быть, въ паркѣ, либо въ лѣсъ верхомъ уѣхали!— объяснила горничная.

— Одна?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, съ господами...

— Съ какими господами?

— А тутъ съ одной дачи молодые господа познакомились. Водочнаго фабриканта сыновья... Забыла, какъ звать-то... Нѣмецкая фамилія!

Это было для него неожиданностью. Никакихъ предположеній о новомъ знакомствѣ онъ не слышалъ. Да и знакомство, должно быть, состоялось случайно. Во всякомъ случаѣ, для него было ясно, что Вѣра Поликарповна сегодня не скучаетъ и, значитъ, онъ напрасно торопился, напрасно лгалъ Вѣрѣ Петровнѣ о дѣловыхъ разговорахъ съ Спонтанѣевымъ, напрасно оставилъ дѣтей.

— Вы, Владиміръ Николаевичъ, въ паркъ прошлись бы... Можетъ, она тамъ!—предложили ему.

Но онъ, разумѣется, въ паркъ не пошелъ, а опять поднялся наверхъ и тамъ, усѣвшись на балконѣ, смотрѣлъ въ небо. У него не явилось ни чувства досады, ни обиды, ни ревности, но почему-то онъ переживалъ удивленіе, какъ будто не допускалъ случайности, что вотъ мало знакомые, но недурные люди пришли, предложили прогулку и было неловко отказаться.

„Но вѣдь мы цѣлую недѣлю почти не видались! Она знала, что я буду въ три часа...—возражалъ онъ на это,—и у нея не хватило терпѣнія дожидаться“...

И онъ сидѣлъ, прислушиваясь къ малѣйшему случайному шуму на улицѣ. Но прошло уже больше часа, а Вѣра Поликарповна не возвращалась. Внизу началось тихое, неспѣшное движеніе. Раздавались сдержанные голоса слугъ. Поликарпъ Антоновичъ очнулся отъ дремоты, которую разрѣшалъ себѣ каждый день послѣ завтрака съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ случилась бѣда, приковавшая его къ мѣсту. Скоро явился наверхъ лакей и доложилъ Владиміру Николаевичу отъ лица Спонтанѣева просьбу, не зайдетъ ли онъ къ нему?

Владиміръ Николаевичъ сошелъ внизъ и его тамъ встрѣтили привѣтливой улыбкой.

— Проснулся и спросилъ о васъ, дорогой мой Владиміръ Николаевичъ! Вспомнилъ, что Вѣры моей нѣтъ дома и подумалъ,

что вамъ тамъ скучно... Садитесь, голубчикъ! Вотъ подумываемъ о переѣздѣ въ Петербургъ, да злодѣи-доктора увѣряютъ, что мнѣ тутъ зимовать надо. Просто не знаю, какъ и быть. Одному оставаться страшно, а семью закабалить на всю зиму тоже не хочется... Вотъ посовѣтуйте!

— Мнѣ кажется, что если это необходимо, то и ваша семья съ удовольствіемъ останется! — сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Останется, это вѣрно, а вотъ что съ удовольствіемъ, такъ это сомнительно! Они-то будутъ говорить, что, молъ, съ удовольствіемъ, но это собственно чтобы не огорчить меня—развалину. Но я не такой уже себялюбецъ!

— Такъ или иначе это устроится!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ, не находившій этотъ разговоръ интереснымъ.—А Вѣра Поликарповна въ лѣсъ уѣхала?

— Кажется, въ лѣсъ! Она давно мечтала прокатиться верхомъ, да не было подходящаго общества. А тутъ подвернулись сыновья Брухмана, водочнаго заводчика, знаете, конечно... Ну, она и поѣхала.

— Они здѣсь живутъ, въ Царскомъ? Вы давно съ ними знакомы?—съ какимъ-то неудержимымъ любопытствомъ разспрашивалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, только на недѣлѣ познакомились. Кстати, я и вамъ долженъ сообщить объ этомъ. Дѣло въ томъ, что у нихъ большія лѣсныя дачи въ Калужской губерніи. Я хочу взять у него на срубъ одинъ участокъ и, кажется, выгодно. Но, чтобы окончательно рѣшить, надо посмотрѣть. Вы понимаете, что я самъ не могу этого сдѣлать. А кто же замѣнитъ меня, какъ не вы, Владиміръ Николаевичъ.

— Вы хотите поручить мнѣ осмотръ лѣса? Но я въ этомъ ничего не понимаю!

— Голубчикъ мой, у васъ такая золотая голова, что вы въ минуту сообразите все дѣло. Вы, конечно, возьмете съ собой опытнаго приказчика, который дастъ вамъ необходимыя указанія. Не откажетесь?

Владиміръ Николаевичъ съ минуту подумалъ, какъ бы колеблясь, а потомъ вдругъ, при мысли о дальней поѣздкѣ, объ отсутствіи изъ Петербурга на нѣсколько дней, онъ испыталъ какъ бы чувство облегченія, избавленія отъ того душевнаго гнета, который томитъ его уже столько времени. И онъ поторопился сказать:

— Отчего же? Я съ удовольствіемъ поѣду. Это будетъ для меня отдыхомъ...

— Ну, вотъ и отлично! Въ самомъ дѣлѣ, вы разсѣетесь! А мнѣ чувствуется въ этой покупкѣ большая выгода... Старикъ весь ушелъ въ винокуреніе. А молодые люди любятъ жизнь и ничего

въ дѣлахъ не понимаютъ. А лѣсъ у нихъ старый, имъ еще покойный дѣдъ ихъ занимался. Теперь онъ ихъ, кажется, обременяетъ. Да и правда, нельзя двоиться на два дѣла... Такъ рѣшено, Владиміръ Николаевичъ? Скажите?

— Съѣзжу, съѣзжу... Только боюсь, что въ лѣсу растеряюсь и ничего не соображу...

— Сообразите, вы все сообразите! Я вамъ вполнѣ довѣряюсь. А потомъ, если лѣсъ окажется стоющимъ, я вамъ выдамъ довѣренность и вы совершите всѣ формальности...

На улицѣ послышался топотъ, который скоро перешелъ во дворъ. Владиміръ Николаевичъ невольно поднялся и сталъ смотрѣть въ окно.

— А, вотъ и они пріѣхали!—сказалъ Спонтанѣевъ.—Вы съ ними познакомьтесь. Они недурные молодые люди, да къ тому же, у каждаго будетъ милліона по полтора... Разумѣется, со временемъ, когда родитель пойдетъ туда, куда уходятъ всѣ родители. Да, батюшка, по полтора милліона! Это штука, которая требуетъ уваженія...

Владиміръ Николаевичъ смотрѣлъ въ окно. Всадники быстро соскочили съ лошадей и помогли Вѣрѣ Поликарповнѣ сойти на землю. Она улыбнулась имъ, наклонила голову, сказала нѣсколько словъ и, какъ бы торопясь, пошла къ дому и скрылась въ подъѣздѣ, очевидно подымаясь наверхъ, къ себѣ.

— Голубчикъ, помогите мнѣ придвинуться къ окну!—попросилъ Спонтанѣевъ.

Владиміръ Николаевичъ подкатилъ его вмѣстѣ съ кресломъ къ окну. Спонтанѣевъ растворилъ окно.

— Господа, вы передайте лошадей кучеру, а сами пожалуйте въ домъ! Милости просимъ! Иванъ Альбертовичъ, Осипъ Альбертовичъ! Пожалуйте!

Иванъ и Осипъ Альбертовичи были рослые молодые люди, оба статные, съ большимъ запасомъ здоровья. Осипъ былъ старше и носилъ густые черные усы, красиво завитые и закрученные кверху, у Ивана усы только еще подростали. Оба тщательно брили щеки и подбородки. Имъ нельзя было отказать въ пріятной наружности, но въ лицахъ ихъ слишкомъ былъ замѣтенъ слѣдъ работы парикмахера. Головы ихъ были прикрыты маленькими спортсменскими шляпами, синіе, очень короткіе пиджачки обтягивали ихъ станъ, высокіе сапоги блестѣли, маленькія шпоры позванивали.

Они передали лошадей кучеру, сняли толстые перчатки и пошли къ дому. На встрѣчу имъ вышла Марья Ивановна и пригласила ихъ въ гостиную, которая помѣщалась внизу.

Владиміръ Николаевичъ все еще оставался у Спонтанѣева. Онъ продолжалъ глядѣть въ окно, хотя во дворѣ уже не было

ничего интереснаго. Даже лошадей увели оттуда. Но у него не было ни малѣйшаго желанія идти въ гостиную и знакомиться съ Брухманами.

Но прошло минутъ десять и вдругъ во дворѣ передъ раствореннымъ окномъ появилась Вѣра Поликарповна. Она уже успѣла переодѣться. Вся въ свѣтломъ, съ румяными щеками, оживленная, съ волненіемъ въ глазахъ, она предстала передъ нимъ, какъ видѣніе.

— Вы давно здѣсь скучаете?—спросила она и голосъ ея былъ звонокъ, какимъ давно уже не бывалъ, а въ улыбкѣ ея было что-то заманивающее.

— Убѣдившись, что вы не скучаете, я пришелъ сюда и тоже пересталъ скучать!—ненамѣренно холодно отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Тѣмъ лучше!—промолвила она и посмотрѣла на него долгимъ, пытливымъ взглядомъ. Отъ нея пахло тонкими духами, которые онъ такъ любилъ. На этотъ разъ это раздражало его. Какъ-то разъ она обѣщала ему, что будетъ душиться ими только тогда, когда будетъ съ нимъ.

— У насъ съ Владиміромъ Николаевичемъ достаточно занимательныхъ предметовъ, чтобы не скучать!—сказалъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Все о дровахъ?—спросила Вѣра Поликарповна.

— Все о дровахъ!—отвѣтилъ вмѣсто Спонтанѣева Владиміръ Николаевичъ.

— Однако, ты пойди-ка къ твоимъ гостямъ!—сказалъ Спонтанѣевъ.

— Менѣе всего они—мои!—почти брезгливо отвѣтила Вѣра.—Нѣтъ, они совсѣмъ не мои!

— Ну, ужъ мнѣ-то съ ними рѣшительно нечего дѣлать!.. Поди, поди! А то вѣдь мать не умѣетъ разговаривать, сама знаешь... Да и вы, Владиміръ Николаевичъ, идите. Кстати, поразспросите ихъ о лѣсѣ, если эти балбесы что-нибудь знаютъ...

— Какъ? Вы и съ ними будете говорить о дровахъ?

— Не о дровахъ, Вѣра, а о лѣсѣ... Владиміръ Николаевичъ берется съѣздить въ Калужскую губернію и посмотрѣть лѣсъ...

— А, вотъ что!..

— Да, я берусь...

— Что же, это пріятная прогулка!..—сказала Вѣра и съ секунду какъ бы что-то соображала. Потомъ прибавила: — Ну, а пока—пойдемте въ самомъ дѣлѣ туда. Вы будете говорить о лѣсѣ, а я буду слушать...

— Пойдемте!..

Онъ вышелъ внутреннимъ ходомъ и они встрѣтились почти у самой двери въ гостиную. Вѣра Поликарповна остановила его.

— Если ты будешь дуться и метать молніи, то я уйду наверхъ и запрусь у себя и не выйду до завтра...—тихо сказала она ему.

— Полно, Вѣра! Я не метаю молніи. Я просто разсчитывалъ сегодня провести время иначе... Вотъ и все.

— О, мой милый Владиміръ, я вотъ уже два мѣсяца каждый день разсчитываю провести время иначе...

— Такъ это месть?

— Нѣтъ, отчаяніе!.. Мы послѣ поговоримъ... Смотри, не уѣзжай, пока не поговоримъ. А теперь войдемъ!..

Они вошли въ гостиную. Марья Ивановна встрѣтила ихъ радостнымъ восклицаніемъ. Она совсѣмъ обезсилѣла, стараясь какъ можно лучше занять молодыхъ людей.

— Ну, вотъ и Вѣра!—промолвила она,—и Владиміръ Николаевичъ. Ужь вы займите гостей, а я пойду—насчетъ обѣда!..

И поздоровавшись съ Владиміромъ Николаевичемъ, она поспѣшно ушла, довольная, что кончила свою роль.

— Господа, познакомьтесь!—сказала Вѣра Поликарповна, дѣлая неопредѣленный жестъ, указывавшій на всѣхъ трехъ разомъ.—Вотъ это Бертышевъ, онъ художникъ, а это господа Брухманъ. Профессіи вашей не знаю...

— Да у насъ нѣтъ никакой профессіи!—звонко смѣясь, промолвилъ Осипъ Альбертовичъ.

— Но все же вы чѣмъ-нибудь занимаетесь! — промолвилъ Бертышевъ.

— Осипъ держитъ скаковую конюшню, а я довольствуюсь скромнымъ яхтеннымъ спортомъ. У меня своя яхта! — сказалъ младшій Брухманъ.

— Это профессіи богатыхъ людей!—промолвила Вѣра Поликарповна.

— Всякій дѣлаетъ то, что ему нравится!—замѣтилъ Осипъ.

— Далеко не всякій!—возразилъ Бертышевъ.—Напротивъ, большинство дѣлаетъ то, что ему противно. Да и вы точно такъ же, господа!

— Мы? Почему же это?

— Вы навѣрно чувствуете отвращеніе къ пьянству, а между тѣмъ дѣлаете водку!..

Вѣра Поликарповна посмотрѣла на него съ изумленіемъ. Она не ожидала отъ него такой рѣзкости, но ей это понравилось. Она любила видѣть чужое смущеніе. Притомъ же, въ тонѣ его голоса она разслышала раздраженіе, которое не могла иначе объяснить, какъ ревностью. Онъ не можетъ простить имъ то, что они были съ нею нѣсколько часовъ въ то время, какъ онъ былъ одинъ.

А Брухманы въ самомъ дѣлѣ смутились, въ особенности младшій, который не любилъ, когда говорили о ихъ водочномъ заводѣ.

— Это отецъ занимается водкой. Мы не занимаемся...—сказалъ онъ.—Вотъ отецъ рѣшилъ еще только три года лично вести дѣла, а затѣмъ, хочетъ на покой, передавъ все въ наше безконтрольное вѣдѣніе. Ну, тогда мы, конечно, это водочное дѣло ликвидируемъ...

— Да, мы это рѣшили!—подтвердилъ Осипъ Альбертовичъ.

Владиміръ Николаевичъ ядовито усмѣхнулся. Вѣра Поликарповна замѣтила это и ждала отъ него чего-нибудь еще болѣе рѣзкаго. Она даже слегка боялась предстоящей выходки.

— Вы рѣшили недурно!.. Черезъ три года будетъ какъ разъ выгодно ликвидировать водочное производство...—сказалъ Бертышевъ.

— Почему же тогда выгоднѣе, чѣмъ теперь?

— Да потому, что вводится казенная продажа вина. Вы, конечно, это знаете!..

Старшій Брухманъ густо покраснѣлъ, а младшій невольно поднялся съ мѣста.

— Но вы должны повѣрить намъ, что мы этого не имѣли въ виду!—сказалъ Иванъ Альбертовичъ.

— Я увѣрена, что Владиміръ Николаевичъ въ этомъ ни на минуту не сомнѣвается!—промолвила Вѣра Поликарповна, желая смягчить его жестокость.

Бертышевъ уже пожалѣлъ о своей рѣзкости. Ему стало жаль этихъ невинныхъ молодыхъ людей, которые теперь казались ему растерявшимися и безпомощными. Онъ сказалъ уже совсѣмъ мягко и любезно, обращаясь къ Брухманамъ.

— Конечно, такъ, разъ вы это говорите.

Вѣра Поликарповна посмотрѣла на него съ благодарностью. Дальнѣйшій разговоръ вертѣлся на впечатлѣніяхъ верховой прогулки въ лѣсу. Владиміръ Николаевичъ присматривался и прислушивался къ новымъ знакомымъ и все больше и больше убѣждался, что напрасно онъ въ первую минуту такъ злобно отнесся къ нимъ. Это были дѣйствительно „невинные молодые люди“, повидимому, добрые малые, ординарные, шаблонные и довольно скучные. Жизнью они были избалованы, но пользовались ея благами односторонне, рѣшительно ничѣмъ, кромѣ своихъ спортовъ и прогулокъ, не интересовались и вообще ничѣмъ не могли приковать къ себѣ вниманіе Вѣры Поликарповны. Онъ даже разговорился съ младшимъ Брухманомъ и сталъ разспрашивать о его яхтѣ и объ этомъ спортѣ, о которомъ онъ не имѣлъ понятія. Иванъ Альбертовичъ охотно посвящалъ его въ тайны своего спорта.

Между тѣмъ изъ другого конца обширной гостиной слышался

веселый смѣхъ Осипа Брухмана, который вообще былъ смѣшливъ, въ перемежку со смѣхомъ Вѣры Поликарповны. Владиміръ Николаевичъ отъ времени до времени прислушивался и къ ихъ разговору, но рѣшительно не могъ уловить главной нити. Кажется, что Брухманъ разсказывалъ анекдоты.

Около шести часовъ позвали обѣдать. Столъ былъ приготовленъ въ столовой и Владиміръ Николаевичъ замѣтилъ въ сервировкѣ нѣкоторую парадность. Очевидно, на Брухмановъ, у которыхъ со временемъ будетъ по полтора милліона, смотрѣли въ этомъ домѣ, какъ на почетныхъ гостей. Даже Поликарпа Антоновича, который обыкновенно обѣдалъ отдѣльно, привезли въ креслѣ сюда и онъ занялъ предсѣдательское мѣсто. По обѣ стороны около него сидѣли Брухманы, потомъ уже шли Вѣра Поликарповна, Владиміръ Николаевичъ и Марья Ивановна.

— Вотъ, господа,—сказалъ Спонтанѣевъ, обращаясь къ Брухманамъ и указывая на Владиміра Николаевича:—рекомендую вамъ моего помощника и, можно сказать, замѣстителя. Художникъ онъ, а между тѣмъ, когда по усиленной моей просьбѣ, благодаря постигшей меня болѣзни взялся за мои дѣла, то не только не ухудшилъ ихъ, а увеличилъ доходность на тридцать пять процентовъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ полуулыбкой спросила Вѣра Поликарповна.—Вы обнаружили такія способности?

— Поликарпъ Антоновичъ—компетентный судья,—шутливымъ тономъ отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ, — я не смѣю возражать ему.

— И не возражайте, мой милый, потому что это истина. Это доказывается отчетами!

Брухманы ничего не сказали, но посмотрѣли на Бертышева съ уваженіемъ. Хотя они и не занимались дѣлами, но съ дѣтства привыкли уважать всякое увеличеніе доходности.

— Я не знала, что въ васъ хранится такой богатый кладъ!—замѣтила Вѣра Поликарповна: — я бы давно стала ухаживать за вами.

— Во-первыхъ, это никогда не поздно,—по прежнему тономъ шутки сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—и время для этого еще не ушло. А во-вторыхъ, чуть ли не вамъ принадлежитъ большая часть лавровъ, которыми меня такъ великодушно награждаетъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Это какимъ образомъ?

— Да вѣдь только благодаря вашимъ убѣдительнымъ рѣчамъ, Поликарпъ Антоновичъ согласился на тѣ перемѣны, которыя дали такой результатъ.

— Развѣ? Такъ причиной были эти перемѣны?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросила Вѣра Поликарповна.

— Безусловно! Другихъ причинъ я не знаю.

— Да, Владиміръ Николаевичъ упорно настаиваетъ на этомъ, но я далеко еще не согласенъ съ нимъ.

— Вы согласитесь потомъ.

— Я не несогласна, а только не понимаю! — сказала Вѣра Поликарповна.—Вы мнѣ объясните это?

— Это будетъ скучно вашимъ гостямъ. Я когда-нибудь послѣ объясню вамъ.

Брухманы стали очень любезно увѣрять, что имъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ скучно, но Владиміръ Николаевичъ все-таки не объяснилъ.

Обѣдъ кончился засвѣтло. Брухманы посидѣли еще съ полъчаса и затѣмъ стали прощаться. Вѣра Поликарповна формальнымъ тономъ выразила удивленіе по поводу того, что они такъ скоро уходятъ, но не настаивала, и они ушли.

— Ну, теперь, и вы, конечно, начнете торопиться!—сказала она, обращаясь къ Владиміру Николаевичу.

— Я вовсе не буду торопиться, а просто уѣду съ одиннадцатичасовымъ поѣздомъ!—отвѣтилъ Бертышевъ.

— О, въ такомъ случаѣ мы можемъ еще поболтать!.. Пожалуй, урокъ возьму, если только вы не разучились отличать черную краску отъ бѣлой!.. Пойдемте наверхъ!

— Какъ же тебѣ понравились Брухманы? — спросилъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Безвредные молодые люди, про которыхъ нельзя сказать ничего ни хорошаго, ни дурного.

— Вишь, какая ты строгая.

— Развѣ это строго? Я нахожу, что это милостиво.

— А я нахожу, что они прекрасные молодые люди: красивые, здоровые, воспитанные...—сказала Марья Ивановна.

— И кромѣ того у каждаго по полтора милліона!—перебилъ ее Владиміръ Николаевичъ.

— Ну, это что! Намъ ихъ милліоны не нужны! И безъ нихъ обойдемся...

— Не скажи этого, Марья, три милліона всегда пріятная вещь! Ты недостаточно чтишь ихъ!—замѣтилъ Поликарпъ Антоновичъ.

— Кого это? Брухмановъ?

— Нѣтъ, три милліона!

— Пойдемте, Владиміръ Николаевичъ наверхъ! Время дорого!—сказала Вѣра Поликарповна.

Они отправились въ ея комнаты.

III.

— Какъ хорошо ѣхать въ лѣсу... Какъ жаль, Владиміръ, что ты не ѣздишь!—говорила Вѣра Поликарповна, когда они взошли наверхъ и усѣлись на своемъ любимомъ диванчикѣ.

— Но Брухманы недурно ѣздятъ!

— О, какой снисходительный отзывъ! Недурно! Намъ это слишкомъ мало. Они превосходно ѣздятъ.

— Тѣмъ лучше! Тебѣ обезпечены частыя прогулки въ лѣсъ!

— Какъ тебѣ не стыдно ревновать меня къ какимъ-то Брухманамъ, Владиміръ.

— Да, я ревную и не скрываю этого. Можетъ быть, это большой недостатокъ... Но я до сегодня не зналъ, что способенъ на это... Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Ревность... Нѣтъ, это не недостатокъ! Если хочешь, она мнѣ даже пріятна. Но въ тебѣ она какъ-то буржуазно выражается... Ты началъ говорить дерзости этимъ ни въ чемъ неповиннымъ младенцамъ... А теперь мнѣ говоришь колкости...

— Зачѣмъ же ты уѣхала, зная, что я такъ рѣдко могу быть съ тобой, что я дорожу каждымъ часомъ?

— Сказать, зачѣмъ? Хорошо. Я уѣхала не случайно, а нарочно, обдуманно и ради тебя...

— То-есть, чтобъ сдѣлать мнѣ непріятность?

— Нѣтъ, только напомнить тебѣ, что нельзя такъ забрасывать меня... И дать почувствовать, какъ непріятно оставаться одному, когда хочешь быть вдвоемъ.

— Но ты знаешь, что я занятъ дѣлами твоего отца, а значитъ и твоими...

— Моими? О, нѣтъ! Ты занятъ увеличеніемъ дохода моего отца... Но мои дѣла только здѣсь, только между нами двумя... И они идутъ очень плохо, Владиміръ... Мои доходы нисколько не увеличились; напротивъ, они страшно уменьшились. И я боюсь одного...

— Чего ты боишься, Вѣра?

— Я боюсь, что разлюблю тебя...

— Ты можешь это сдѣлать, когда захочешь?

— Нѣтъ. Но когда ты все дѣлаешь для этого. Согласись, что это такъ. Я эгоистка. Я признаю только ту любовь, которая даетъ мнѣ счастье. Но любовь-случая, это противно моей натурѣ...

— Въ такомъ случаѣ тебѣ придется разлюбить меня... я не обладаю ни однимъ шансомъ дать тебѣ счастье.

И онъ невольно отодвинулся въ глубь дивана. Но Вѣра вдругъ наклонилась въ его сторону и протянула къ нему руки.

— Мнѣ не хочется, Владиміръ... Понимаешь ли ты, мнѣ не хочется разлюбить тебя! Мнѣ быть съ тобой такое счастье... Ты этого понять не можешь, а я объяснить тебѣ не могу... Нѣтъ, не дѣлай такъ, чтобы я тебя разлюбила... У меня тогда будетъ такая пустота...

Онъ взялъ ея руки и тихонько притянулъ ее къ себѣ. Эти слова были сказаны такимъ глубокимъ, искреннимъ голосомъ и такъ были они просты и правдивы, что и онъ вдругъ почувствовалъ, что въ его жизни будетъ страшная пустота, когда эта любовь изсякнетъ. Она была полна нѣжности и затаенной страсти и, когда онъ привлекъ ее къ себѣ, вся прильнула къ нему и замолчала.

— Что жъ мнѣ дѣлать, моя Вѣра, когда жизнь такъ складывается?..—сказалъ онъ.

— Жизнь не должна складываться... Жизнь нужно складывать по своему. Я такъ всегда дѣлала и вотъ только теперь не могу... Вдругъ встрѣтилось что-то, что сильнѣе меня. Иногда я чувствую себя глубоко оскорбленной и говорю себѣ: ты должна, должна разлюбить! Въ тебѣ оскорблена женщина, женская гордость, женская личность... И мнѣ кажется, — вотъ, какъ казалось сегодня,—что я смогу это; но увижу тебя и все кончено...

— Женская гордость! личность! что ты говоришь, Вѣра?

— Это такъ и есть... Вѣдь мы тогда были дѣти, помнишь, въ началѣ нашей любви... Мы были дѣти, когда говорили, что можемъ довольствоваться только тѣмъ фактомъ, что любимъ, что мы выше слабостей человѣческихъ, выше предразсудковъ, что намъ нѣтъ дѣла до того, что сопровождаетъ нашу жизнь. А теперь я созрѣла, о, какой я взрослой сдѣлалась, какъ я развилась, какіе успѣхи сдѣлала во мнѣ женщина...

— Вѣра!

Она крѣпче прижалась къ нему.

— Молчи, не выдавай моей тайны... Да, женщина!.. Я уже не могу допустить мысли, чтобъ другая имѣла какое-нибудь значеніе въ твоей жизни, мнѣ больно отъ этого, я испытываю муку при мысли объ этомъ... Понимаешь ты? Какъ быть? Какъ быть намъ?

— Какъ быть намъ?—какъ эхо повторилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, какъ намъ быть? Я знаю, что ты не можешь... Ну, да однимъ словомъ я не хочу, не требую этого, потому что это было бы безсовѣстно, безчеловѣчно... Потому что тамъ дѣти... Но изъ-за дѣтей выглядываетъ женщина... О, если бы ты зналъ, какъ я страдаю оттого, что не могу стать чуточку повыше всѣхъ, всякой другой женщины,—потому что я чувствую такъ, какъ чувствуетъ всякая другая!.. Вотъ ты навѣрно думалъ, что главная

моя бѣда въ томъ, что ты мало обращаешь на меня вниманія, рѣдко бываешь со мной... Да, это было прежде, это было еще недавно!.. Но это было дѣтство, ребячество. Нѣтъ, не то... Теперь вдругъ сдѣлалось не то. О, я могла бы по мѣсяцамъ, по годамъ тебя не видѣть, тоскуя не видѣть, но только въ это время знать, что ты весь мнѣ принадлежишь... Но неужели ты не страдаешь отъ этого? Какъ ты можешь? Какъ тебя хватаетъ?

— Какъ меня хватаетъ, я не знаю, Вѣра. Иногда самъ дивлюсь этому. Должно быть, ужъ такой я двужильный. Въ послѣднее время я научился особому искусству — не думать... Да, да, можешь удивляться этому, потому что это искусство удивительное! Не думать вовсе! Этому меня научила моя новая дѣятельность. Мчусь по городу въ пролеткѣ, смотрю по сторонамъ и ни о чемъ не думаю. Въ первое время мнѣ стоило труда гнать мысли прочь, а потомъ они отучились. Знаешь, какъ собакъ, когда они приходятъ къ какому-нибудь мѣсту, сперва гоняютъ палками, потомъ только показываютъ палки, а затѣмъ онѣ уже начинаютъ далеко обходить это мѣсто...

— Такъ нельзя, Владиміръ! Надо что-нибудь придумать...

— Надо!.. Ты постой, я теперь переживаю что-то важное... Что-то должно переломиться во мнѣ...

— Это не страшно?

— Не знаю... Можетъ быть, и страшно!.. Но зато это будетъ нѣчто ясное и безповоротное...

— Мнѣ и теперь стало страшно! — промолвила она, крѣпче прижимаясь къ нему. — Постой. Давай, попробуемъ ни о чемъ не думать. Вѣдь скоро ты уѣдешь домой... А потомъ на нѣсколько дней далеко... Ахъ, какое странное ощущеніе! При мысли о томъ, что ты уѣдешь далеко, я испытываю радость! Странно, не правда ли? Да, радость, потому что тогда ты будешь вольный отъ всѣхъ заботъ и вліяній и будешь принадлежать только мнѣ. Правда? Ну, такъ давай же ни о чемъ не думать... Молчи и я буду молчать и слушать, какъ бьется твое сердце.

И они долго-долго сидѣли молча, пока гдѣ-то внизу часы пробили половину одиннадцатаго.

— Теперь иди, уѣзжай! — сказала Вѣра Поликарповна, обнимая его.

Онъ поднялся, встряхнулся и, какъ въ чаду, пошелъ внизъ неровной поступью. Давно уже между ними не было такой близости, давно она не чаровала его своей нѣжностью. Давно онъ не испытывалъ силы ея обаянія надъ нимъ. И теперь онъ, еще недавно колебавшійся, былъ опять весь въ ея власти.

Въ поѣздѣ, который везъ его въ Петербургъ, нашлись знакомые; онъ мимоходомъ поздоровался съ ними и прошелъ въ дальній вагонъ, гдѣ было немного публики.

У него было странное ощущеніе, будто эта случайная поѣздка должна имѣть роковое, рѣшающее значеніе въ его жизни. Слабые люди, не рѣшающіеся сами рѣшить ребромъ поставленный вопросъ, на всякую внѣшнюю перемѣну смотрятъ съ смутнымъ ожиданіемъ.

Потомъ еще длинный переѣздъ на Васильевскій островъ. Ночь хорошая, красивая, какихъ давно уже не было надъ Петербургомъ. Небо совсѣмъ очистилось и на немъ горѣли яркія звѣзды.

Онъ думалъ о томъ, что не сможетъ сегодня сказать Вѣрѣ о своей поѣздкѣ. Ужъ она навѣрно давно спитъ. И въ такомъ случаѣ завтра придется позже выѣхать изъ дому, чтобы повидаться съ нею. Между тѣмъ, въ виду этой поѣздки, завтра у него дѣла по горло.

Но уже, войдя во дворъ, онъ увидѣлъ, что у нихъ въ квартирѣ—свѣтъ. „Ужъ не гости ли какіе-нибудь?“ И онъ началъ думать о томъ, какіе теперь могутъ быть гости. Скорбянскій такъ долго не останется. Зимой, когда онъ живетъ въ городѣ, онъ иногда засиживается поздно, но теперь онъ ни за что не оставитъ свою дачу на ночь „безъ мужчины“. А изъ другихъ знакомыхъ у нихъ почти никто не бываетъ. Ему некогда поддерживать знакомства, а Вѣра охладѣла ко всѣмъ.

Ему открыла сама Вѣра Петровна.

— Я велѣла прислугѣ ложиться спать!..—сказала она.

— А сама почему такъ долго не спишь?

— Я провозилась съ Лизой... Она испугала меня...

— Что съ Лизой?

— Теперь ничего. Но я вообразила Богъ знаетъ что. Она вдругъ захрипѣла. Я положила ей компрессъ и все, кажется, прошло...

Владиміръ Николаевичъ снялъ пальто и на цыпочкахъ прошелъ въ спальню. Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и приложилъ руку къ ея лбу. Дѣвочка въ полуснѣ схватилась за его руку и поцѣловала ее. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ щеку. Жару не оказалось.

— Ничего опаснаго нѣтъ!—сказалъ онъ, выйдя въ столовую, гдѣ была Вѣра Петровна.

— Ну, я въ этомъ еще не совсѣмъ увѣрена. Это рѣшитъ завтра... Ты, пожалуйста, утромъ, когда пойдешь по своимъ дѣламъ, заѣзжай къ доктору и попроси его зайти къ намъ.

— Я это сдѣлаю. Но увѣренъ, что онъ скажетъ то же, что я. А мнѣ нужно было тебя видѣть...

— Меня? Это, кажется, не трудно...

— Я хотѣлъ видѣть тебя сегодня. Мнѣ придется уѣхать на недѣлю.. По дѣламъ. Спонтанѣевъ покупаетъ въ Калужской губерніи лѣсъ... Такъ я долженъ осмотрѣть его...

Вѣра Петровна усмѣхнулась.

— Ты ни отъ чего не отказываешься...

— Я сказалъ ему, что ничего въ этомъ не понимаю. Но онъ настаиваетъ. Онъ даетъ мнѣ опытнаго приказчика...

— При чемъ же здѣсь ты?

— Это его дѣло. А я хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провѣтриться...

— Да, это правда,—какъ-то особенно выразительно сказала Вѣра Петровна,—провѣтриться тебѣ необходимо...

И онъ почувствовалъ, что въ ея голосѣ звучитъ иронія. Но онъ прошелъ мимо этого. Онъ былъ радъ, что сдѣлалъ главное—сказалъ ей.

— Такъ, пожалуйста, завтра позови доктора!—прибавила Вѣра Петровна.

— Я позову. Если бы съ Лизой что-нибудь случилось, то я, разумѣется, отложу свой отъѣздъ!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Какъ хочешь... Едва ли ты чѣмъ-нибудь будешь полезенъ. Все равно, ты не живешь дома...

— Я именно живу дома, Вѣра!

— Да, формально... Ты *прописанъ* здѣсь... Но это имѣетъ значеніе только для полиціи, а не... не для дѣтей...

— Ты знаешь, Вѣра, что я цѣлые дни работаю. Зачѣмъ же ты упрекаешь меня? Впрочемъ, извини... Ты имѣешь на это право...

— Я охотно отказалась бы отъ этого права, только бы дѣти хоть немного больше тебя видѣли. Къ сожалѣнію, они очень любятъ тебя...

— Къ сожалѣнію?

— Да, для нихъ... Потому что они почти не видятъ тебя... Ну, впрочемъ, объ этомъ говорить безполезно. Спокойной ночи. Не забудь завтра насчетъ доктора!..

Она ушла и оставила его въ томъ состояніи неопредѣленнаго недовольства и раздраженія, которымъ кончался для него всякій разговоръ съ нею. Въ сущности, онъ понималъ, что иначе не можетъ быть, что со стороны Вѣры, послѣ всего того, что между ними произошло, было бы лицемѣріемъ, если бы въ ея голосѣ слышались миръ и прощеніе и, все-таки досадовалъ на нее, потому что, благодаря этому, расширялось разстояніе между ними и все больше и больше укоренялся въ ихъ домѣ элементъ отчужденности.

На другой день онъ побывалъ у доктора, а за завтракомъ, къ которому пріѣхалъ, чтобы узнать о результатѣ его визита, ему сообщили, что у дѣвочки нѣтъ ничего серьезнаго, да и самъ онъ видѣлъ, что она здорова и весела.

Послѣ завтрака онъ поѣхалъ въ тѣ мѣста, гдѣ обиталъ Скорбянскій, и, кстати, заѣхалъ къ нему сообщить о своей поѣздкѣ.

— Ужъ ты, пожалуйста, Матвѣй, навѣщай Вѣру Петровну!— сказалъ онъ.—А то она будетъ совсѣмъ одинока.

— Мнѣ нравится эта заботливость палача, который требуетъ, чтобы его жертвѣ сдѣлали мягкую постель и подали ей хорошій бифштексъ на ужинъ...

— Ахъ, Матвѣй... И что за жестокость у тебя въ выборѣ словъ!..

— А у васъ—въ выборѣ дѣлъ!.. Не знаю, что хуже! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь ты не одинъ ѣдешь туда? Вѣдь эта поѣздка имѣетъ не столько дѣловой, сколько увеселительный характеръ... Этакое ночное allegro amoroso...

— Ничего подобнаго! Что за мысль! Совсѣмъ не въ такомъ я теперь состояніи, чтобы думать объ увеселительно-любовныхъ поѣздкахъ. Ѣду исключительно по дѣлу, по просьбѣ Спонтанѣева, которому пришла странная фантазія довѣрять моему вкусу...

— А, ну, пожалуй, можетъ быть, и такъ. Подозрителенъ я сталъ по отношенію къ тебѣ, но въ этомъ ты самъ виноватъ. Хорошо. Буду навѣщать твою жену; въ этомъ, впрочемъ, ты не могъ сомнѣваться. Только едва ли это можетъ сколько-нибудь украсить ея жизнь. Что же, по крайней мѣрѣ, эта поѣздка дастъ тебѣ порядочный заработокъ?

— Не знаю. Объ этомъ я не говорилъ...

— Какъ? Но какой же смыслъ? Вѣдь это, такъ сказать, командировка!..

— Это мнѣ не пришло въ голову...

— У тебя престранная голова. Въ нее обыкновенно приходитъ то, что вовсе не нужно...

— Я, признаться, поспѣшилъ обѣими руками ухватиться просто за возможность *отсутствовать*. Въ послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Это будетъ недѣля отдыха...

— Это я понимаю. А все же, между прочимъ, поговори съ своимъ патрономъ насчетъ вознагражденія extra... Вѣдь это такой господинъ, что если не выторговать, то и не дастъ. У этихъ толстосумовъ деньги въ карманѣ держатся крѣпко...

Владиміръ Николаевичъ торопился съ своей поѣздкой. Онъ выбралъ себѣ въ товарищи приказчика, Ивана Семеныча, почтеннаго человѣка, служившаго у Спонтанѣева съ самаго основанія его фирмы, а раньше занимавшагося тѣмъ же дѣломъ у другихъ. Затѣмъ онъ получилъ отъ Поликарпа Антоновича точный маршрутъ и инструкціи и былъ назначенъ отъѣздъ скорымъ поѣздомъ по Николаевской дорогѣ.

Онъ простился съ Вѣрой Поликарповной, причемъ ему не удалось ни секунды пробыть съ нею наединѣ, потомъ заѣхалъ домой.

— Вотъ, я приготовила тебѣ чемоданъ. Здѣсь все, что нужно!— сказала ему Вѣра Петровна.

— Спасибо, Вѣра! Матвѣй Ивановичъ обѣщалъ заходить къ тебѣ. Я проѣзжу недѣлю, не больше...

— Ты не стѣсняйся, если нужно... Я вѣдь привыкла къ твоему отсутствію.

Онъ перецѣловалъ дѣтей, захватилъ чемоданъ и уѣхалъ! На вокзалѣ его ждалъ Иванъ Семенычъ, купившій уже билеты, при чемъ ему онъ купилъ въ первомъ классѣ, а себѣ во второмъ, очевидно, по особой инструкціи Спонтанѣева.

Минутъ за пять до отхода поѣзда, къ удивленію Владиміра Николаевича, появился Скорбянскій, и Бертышевъ понялъ, что у него было тоже тайное подозрѣніе, что онъ ѣдетъ не одинъ. Но не найдя никого, кромѣ Ивана Семеныча, Матвѣй Иванычъ не только успокоился, но слегка даже былъ сконфуженъ и потому съ особымъ чувствомъ поцѣловалъ отъѣзжающаго пріятеля.

И вотъ поѣздъ тронулся. Владиміръ Николаевичъ, въ послѣдній разъ взмахнувъ шляпой пріятелю, ушелъ въ вагонъ и занялъ свое мѣсто. Въ его распоряженіи было кресло, о которомъ заранѣе позаботился Иванъ Семеновичъ. Онъ закурилъ папиросу и сидѣлъ, разсѣянно прислушиваясь къ разнообразному говору спутниковъ.

Вдругъ отворилась дверь изъ сосѣдняго отдѣленія и Владиміръ Николаевичъ сперва почти съ ужасомъ откинулся на спинку своего кресла, а потомъ быстро всталъ и двинулся впередъ.

— Вы? Вы?—воскликнулъ онъ, подбѣжавъ къ самой двери.

Это была Вѣра Поликарповна, въ длинной дорожной накидкѣ; она стояла и улыбалась.

— Пойдемте со мной!..—промолвила она.—Тамъ все объясню... Впрочемъ, это такъ просто...

Она пошла обратно, онъ послѣдовалъ за нею. Они прошли два вагона. Въ концѣ второго она ввела его въ купэ. Здѣсь возилась съ вещами старая няня Спонтанѣевыхъ, которую Владиміръ Николаевичъ тотчасъ узналъ.

— Ну, вотъ и садитесь! Вы у меня въ гостяхъ... Правда, вѣдь, это интересно?—смѣясь, сказала Вѣра Поликарповна.

— Но почему вы ѣдете?—продолжалъ изумляться Владиміръ Николаевичъ.

— Да просто захотѣла и поѣхала. Всего только часа три тому назадъ пришла эта мысль. Я сказала отцу, что вы ѣдете и приказчикъ съ вами, а мнѣ надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ. Пріятная прогулка... Вотъ мнѣ дали няню и я поѣхала. Это купэ мое, а няня ѣдетъ во второмъ классѣ. Здѣсь мы можемъ болтать, сколько угодно.

— И вамъ позволили?

— Да развѣ ей что-нибудь могутъ не позволить?—промолвила няня.—Ей стоитъ только захотѣть. Все одно, что законъ...

— Ну, садитесь же! Няня, ты кончила? Ну, иди къ себѣ. Кондукторъ обѣщалъ тебѣ цѣлую скамейку. Можешь спать, сколько угодно. Ему тамъ что-то заплатили...

— Охъ, баловница! Господи ты, Боже мой!—промолвила няня, качая головой, и ушла.

Какъ только она скрылась, Вѣра Поликарповна залилась смѣхомъ. Путешествіе вдвоемъ съ Владиміромъ Николаевичемъ наполняло ея сердце радостью. А онъ все еще никакъ не могъ придти въ себя отъ неожиданности. Она, смѣясь, разсказывала ему о томъ, какъ торопилась собраться, какъ боялась опоздать на поѣздъ, какъ затѣмъ здѣсь, на вокзалѣ, незамѣтно проскользнула въ вагонъ, окутавъ лицо густой вуалью. Мимо нея прошелъ Скорбянскій, но, разумѣется, не узналъ ее.

— Ну, теперь ты на цѣлую недѣлю мой!—воскликнула она, вдругъ пересѣвъ на его скамейку и усѣвшись близко отъ него.—Цѣлая недѣля! Въ нашемъ положеніи это даже почти роскошь!

Сердце его усиленно билось, благодаря ея близости, но въ то же время въ него незамѣтно прокрадывалось чувство тревоги. Что-то пугало его въ этомъ путешествіи вдвоемъ и почему-то припоминались ироническія предположенія Скорбянскаго насчетъ „allegro amoroso“...

И. Потапенко.

БОРЬБА БУДУЩАГО МЕЖДУ БѢЛОЙ И ЖЕЛТОЙ РАСАМИ.

Э. Мецгера.

Бѣглый взглядъ на карту народонаселенія земного шара показываетъ намъ, какъ неравномѣрно распредѣлены жители на нашей планетѣ. Громадныя, по отношенію всей суши, пространства только слегка оттѣнены, другія же густо окрашены. Можетъ быть, густая краска, которой мы привыкли обозначать бо̀льшую плотность населенія, есть намекъ на людское бѣдствіе, которое естественно должно увеличиваться съ приращеніемъ народонаселенія.

Между этими темно-окрашенными мѣстами занимаетъ насъ теперь, болѣе другихъ, страна, окрашенная такъ же густо, какъ средина Европы, и лежащая по берегу Великаго Океана. Не смотря на громадное пространство, отдѣляющее эту страну отъ насъ, жителямъ ея предназначается, можетъ быть въ недалекомъ будущемъ, играть важную роль въ всесвѣтномъ концертѣ, въ которомъ въ продолженіи столькихъ столѣтій первенствующее мѣсто было отведено бѣлой расѣ, и можетъ быть, имъ суждено пріобрѣсть вліяніе, съ которымъ придется считаться нашимъ общественнымъ условіямъ.

Страна эта—Китай, которому до сихъ удѣляется слишкомъ мало вниманія, не смотря на то, что его прежняя замкнутость, которую онъ такъ долго съумѣлъ сохранить, теперь уже частью уничтожена. Можетъ быть, этотъ недостатокъ вниманія зависитъ отъ того, что взоры большинства обращены на событія, ближе касающіяся насъ, на опасности, возникающія и развивающіяся у себя дома.

У насъ также становится все тѣснѣе и тѣснѣе, и человѣкъ, спокойно и вдумчиво слѣдящій за окружающей его жизнью, невольно задаетъ вопросъ: Чѣмъ все это кончится? Съ каждымъ днемъ наше населеніе возрастаетъ, почти съ каждымъ днемъ является какая-нибудь новая машина и съ каждымъ новымъ днемъ многимъ сильнымъ рукамъ, а также многимъ развитымъ умамъ становится все труднѣе и труднѣе найти дѣятельность, которая дала бы заработокъ, достаточный для содержанія семьи. Правда, каждый день открываетъ̀ новые источники, но и старые изсякаютъ. Въ постоянномъ колебаніи находятся вѣсы нашей экономической жизни; одно кажется вѣрнымъ: соревнованіе въ произ-

водствѣ все больше и больше обостряется, и недалеко время, когда мы будемъ принуждены привозить изъ чужихъ странъ самые обыденные, необходимые для жизни товары, если только химія не будетъ въ состояніи создать еще болѣе дешевымъ путемъ новыхъ предметовъ конкурренціи.

Но бѣда не только въ приростѣ народонаселенія, вслѣдствіе котораго намъ становится тѣснѣе и тѣснѣе, пожалуй, еще бо́льшая бѣда заключается въ томъ, что каждый отдѣльный человѣкъ начинаетъ пользоваться бо́льшимъ пространствомъ, что легко объясняется всеобщимъ движеніемъ, не позволяющимъ человѣку спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ и терпѣливо выжидать; бѣда въ томъ, что потребности выросли быстрѣе, чѣмъ увеличились развитіе и способность къ добыванію (Erwerbsfähigkeit).

Вотъ явленія, которыя многихъ наводятъ на серьезныя размышленія и заставляютъ иного придти къ заключенію, что всякая борьба безполезна, всякое предостереженіе напрасно, что все, чтобы ни было предпринято противъ, останется только средствомъ для успокоенія себя, средствомъ, приносящимъ кратковременное облегченіе страждущему тѣлу, но неизлечивающимъ его.

Какъ что будетъ,—мы не знаемъ. Явится ли новый, подобный ветхозавѣтному, исходъ, который увлечетъ за собою излишекъ народонаселенія, стихійныя ли силы произведутъ опустошенія и уничтоженія, или произойдетъ страшное столкновеніе народовъ и освѣжитъ атмосферу, какъ въ жаркій лѣтній день гроза освѣжаетъ душный воздухъ, чтобы дать послѣдующимъ поколѣніямъ возможность свободно дышать.

И въ другихъ частяхъ свѣта происходитъ то же самое; тамъ, по нашему мнѣнію, атмосфера еще тяжелѣе, еще душнѣе, и притомъ еще нездоровѣе; и если бы ей пришлось перемѣшаться съ нашею, не произведя благотворнаго разряженія, то наше дыханіе было бы еще въ бо́льшей степени затруднено, чѣмъ это бы случилось при дальнѣйшемъ развитіи нашихъ собственныхъ соціальныхъ условій. Куда бы мы ни обратили нашего взора, всюду натыкаемся мы на одно и то же; всюду направляются человѣческія стремленія, гдѣ культура стоитъ такъ высоко, что можно говорить о стремленіяхъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, всюду направляются они за предѣлы своей родины, такъ какъ во многихъ мѣстахъ является уже недостатокъ и въ локтѣ земли. Вспомнимъ только, какіе успѣхи сдѣлали индѣйскіе и арабскіе купцы въ Африкѣ, о которой теперь такъ часто приходится слышать. На сколько пріятно было въ былое время водружать свое знамя, водворять свою торговлю въ чужихъ странахъ, настолько теперь мы раздражаемся и сердимся, если натыкаемся гдѣ-либо на чужую конкурренцію, которая можетъ причинить намъ, можетъ быть, еще не одну непріятность. Бо́льшую, по крайней мѣрѣ, по размѣрамъ, конкурренцію слѣдуетъ намъ ожидать отъ китайцевъ, и такъ какъ этотъ вопросъ, предметъ нашей статьи, очень обширенъ, то мы теперь же и перейдемъ къ нему, ра-

зумѣется, не думая его тотчасъ же исчерпать; мы хотимъ здѣсь выдвинуть только нѣсколько болѣе рѣзкихъ чертъ, при чемъ присоединяемся къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ упоминаемыхъ ниже статьяхъ проф. Фр. Ратцеля и доктора І. Зингера.

Что именно съ востока угрожаетъ намъ опасность, всѣхъ послѣдствій которой въ данную минуту мы не можемъ предвидѣть—установлено уже во мнѣніи всѣхъ тѣхъ, кто знакомъ съ Китаемъ и его общественными условіями, независимо отъ того, будетъ ли это знакомство почерпнуто изъ изученія страны или изъ наблюденія китайцевъ за работою. Разъясненію этого вопроса много содѣйствовалъ докторъ І. Зингеръ своею статьею «О соціальныхъ условіяхъ Восточной Азіи» («Ueber sociale Verhältnisse in Ostasien». Verlag in R. R. Handelsmuseum zu Wien). Между прочимъ, онъ говоритъ: «До тѣхъ поръ, пока примѣненіе человѣческой рабочей силы будетъ исключительно подчинено экономическому закону товарообмѣна (dem wirthschaftlichen Gesetze des Waarenaustausches), до тѣхъ поръ западному міру будетъ постоянно угрожать конкурренція Восточной Азіи, если только не само окитайчиваніе (Chinesirung)». Далѣе онъ продолжаетъ: «Не слѣдуетъ считать это опасеніе измышленіемъ кабинетнаго ученаго! Эта боязнь раздѣляется всѣми, кто призванъ въ силу своихъ занятій стоять въ авангардѣ промышленной борьбы съ Китаемъ». Эта мысль высказывается уже не впервые; она повторяется уже много лѣтъ, и повторяется людьми, принадлежащими къ различнымъ профессіямъ, и все же очень немногіе останавливаются на ней, а тѣмъ болѣе немногіе стараются серьезно вникнуть въ нее и въ будущее, ею обусловленное. Мы хотимъ теперь поближе коснуться этого пункта, причемъ въ наше намѣреніе не входитъ рисовать картину, утопающую въ туманной дали будущаго, нѣтъ, мы хотимъ только выставить факты такъ, какъ они, по нашему мнѣнію, являются въ дѣйствительности, чтобы по нимъ обозначить, чего мы должны ожидать въ недалекомъ будущемъ.

Взглянемъ поближе прежде всего на тѣ порядки въ самомъ Китаѣ, которые имѣютъ отношеніе къ вопросу нашей статьи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи населеніе такъ плотно, что, кажется, оно не обладаетъ ни малѣйшимъ локтемъ пространства; въ Китаѣ, среднимъ числомъ, приходится 95 жителей на квадр. километръ, есть же мѣста съ населеніемъ до 400 человѣкъ на квадр. километръ. И не смотря на это, благодаря своему труду, своей смышленности китайцы все же добываютъ себѣ, иногда даже земледѣліемъ, пропитаніе, правда, часто болѣе чѣмъ скромное. Вопросъ, какъ складывается тамъ жизнь, какимъ образомъ народъ можетъ спокойно жить при подобныхъ условіяхъ, вопросъ этотъ не можетъ быть теперь разсмотрѣнъ нами въ подробностяхъ. Въ своей общественной жизни китайцы имѣютъ въ извѣстномъ смыслѣ преимущества передъ нами; они вѣрятъ, что обладаютъ высшимъ совершенствомъ (höchste Vollkommenheit)

и это сознаніе, которое, замѣтимъ между прочимъ, свойственно всѣмъ народамъ, имѣетъ для нихъ ту хорошую сторону, что оно даетъ имъ извѣстное благотворное спокойствіе, между тѣмъ какъ мы хотя и убѣждены, что нѣтъ абсолютнаго совершенства на землѣ, всю нашу жизнь гоняемся за нимъ, при чемъ во всѣхъ насъ замѣчается что-то непостоянное, что не можетъ служить къ нашей выгодѣ въ глазахъ китайцевъ. Далѣе надо замѣтить, что они очень не требовательны, и при этомъ очень трудолюбивы. Ихъ аристократія, до сихъ поръ исключительно аристократія ума и науки, начинаетъ подпадать теперь, къ своей невыгодѣ, вліянію плутократіи.

Ясно выраженная семейная жизнь китайцевъ и ихъ благотворительность стоятъ на высокой ступени. Ихъ священныя книги проповѣдуютъ нравственное ученіе, противъ котораго мы не можемъ возразить ничего; проступки и пороки, за которые мы ихъ презираемъ, являются, большею частью, пороками отдѣльныхъ личностей и, въ свою очередь, осуждаются нравственными воззрѣніями китайцевъ; страшнымъ же порокомъ злоупотребленія опіемъ — потому что употребленіе этого наркотическаго средства стало у нихъ порокомъ — обязаны китайцы европейцамъ. Не возбуждаясь легко ни религіей, ни политикой, китайцы лишены малѣйшей черты идеализма. (Нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ ихъ качествъ коснемся мы ниже, когда будемъ говорить объ ихъ техническихъ способностяхъ, и тогда же мы сдѣлаемъ нѣсколько сообщеній о заработной платѣ). Не смотря на то, что народонаселеніе очень густо, правительство не поощряетъ выселенія. Оно не можетъ признать за сынами Небесной Имперіи необходимости искать дѣятельности за предѣлами своей родины, такъ какъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ихъ собственной, столь обширной, страны найдется еще мѣсто для милліоновъ людей. Такъ, вслѣдствіе таупингскаго возстанія опустѣли большія, плодородныя пространства; въ Монголіи, въ Манчжуріи и въ Китайскомъ Туркестанѣ найдется еще довольно дѣвственной почвы, ожидающей прилежныхъ рукъ, которыя бы откопали и употребили съ пользою хранящіяся въ нѣдрахъ ея богатства; но не только народопереполненіе въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи, также и политико-военныя соображенія заставили правительство обратить вниманіе на заселеніе вышеназванныхъ частей государства. Кромѣ того, какъ говоритъ маркизъ Тзенгъ въ своей появившійся въ «Asiatic Quarterly Review» статьѣ, эмигрировавшіе сыны Средней Имперіи встрѣтили въ чужихъ краяхъ вовсе не такой дружескій пріемъ, чтобы государство, такъ сильно заботящееся о своихъ подданныхъ, могло желать, чтобы они шли на чужбину, не говоря уже о томъ, чтобы оно само стало толкать ихъ въ пустыню къ жестокимъ варварамъ.

Навѣрное, подобное лучшее распредѣленіе народонаселенія въ государствѣ, какое, какъ кажется, замышляетъ китайское правительство, встрѣтило бы большія затрудненія, по крайней мѣрѣ, судя по

нашему собственному опыту. У насъ эмиграція зависитъ въ очень незначительной долѣ отъ народонаселенія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, большею частью совершенно другія причины вызываютъ ее; мы видимъ также у насъ довольно обширныя полосы земли, которыя ждутъ обработки, между тѣмъ тысячи людей покидаютъ родину, чтобы за моремъ искать новое отечество. Развитіе промышленности и торговыхъ сношеній сдѣлаетъ также и въ Китаѣ многія руки свободными, которыя по необходимости должны будутъ взяться за другія занятія и выступить на иныя поприща, а эти поприща не всегда будутъ такъ доступны, чтобы китайцы не вздумали обратить вниманія на чужіе края. Событія другого рода также могутъ способствовать тому, что сильно тѣснимый человѣческій потокъ устремится за предѣлы своей земли, потокъ, удержать который не будетъ въ состояніи ни собственное правительство, ни сосѣднія государства. Случиться это можетъ, напр., вслѣдствіе стихійныхъ бѣдствій, дѣлающихъ существованіе въ своей землѣ невозможнымъ; такъ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщался намъ отчетъ о страшномъ голодѣ, бывшемъ въ Китаѣ и бороться съ которымъ оказались не въ состояніи всѣ приходившія на помощь людскія силы. Та часть застигнутыхъ подобнымъ бѣдствіемъ милліоновъ людей, которая не можетъ отыскать мѣстъ, на которыхъ нашлось бы пропитаніе, должна естественно погибнуть, потому что, при теперешнемъ несовершенствѣ нашихъ сношеній, доставить жизненные продукты этой массѣ народа возможно только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Противъ такой стихійной силы безсиленъ человѣкъ, а если этимъ бѣдствіемъ задѣты милліоны, то непремѣнно бо́льшая и меньшая часть, судя по обстоятельствамъ, устремится въ сосѣднія страны, какъ это и было съ ихъ предками въ болѣе или менѣе отдаленныя времена.

Теперь мы обратимся къ распространенію китайцевъ по чужимъ странамъ. Съ теченіемъ времени распространились они по значительной части земного шара. Въ общемъ произошло это распространеніе совершенно спокойно и медленно; самыя большія переселенія были въ XIII-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ. Всюду, куда проникали китайцы, они старались смѣшаться съ туземнымъ населеніемъ и наложить на него отпечатокъ своего характера. Постараемся же поближе познакомиться съ свойствомъ, сутью этого переселенія. Обстоятельства, которыя мы наблюдаемъ здѣсь, во многихъ отношеніяхъ могутъ послужить намъ урокомъ на будущее время. Прежде всего, мы должны помнить, что китаецъ не идеалистъ и его трудно возбудить какъ въ области религіи, такъ и въ области политики; такимъ образомъ у него отсутствуютъ тѣ причины къ переселенію, которыя играютъ и, въ прежнее время, еще больше играли важную роль въ условіяхъ нашей жизни только потому, что онѣ именно большею частью способствовали къ созданію жизнеспособныхъ колоній, жители которыхъ, руководимые сво-

имъ идеаломъ, способны были даже черезъ шесть поколѣній, тѣсно сплотившись, вести борьбу, несмотря на трудности и бѣдствія повседневной жизни. Въ большинствѣ случаевъ борьба только изъ за матеріальныхъ благъ — что впрочемъ, теперь нерѣдко наблюдается и у насъ — заставляетъ китайца рѣшиться искать счастья въ чужихъ краяхъ; рѣшеніе это для него не легко, такъ какъ онъ любитъ мѣста, гдѣ погребены его предки. Такъ было съ давнихъ поръ; переселеніе существуетъ уже болѣе 1.000 лѣтъ и въ томъ же духѣ продолжается оно и теперь; мы не будемъ слѣдить здѣсь за исторіей его, мы дадимъ только общія черты этого событія *). Куда бы въ юго-восточной Азіи ни взглянули мы, на материкъ или на острова Малайскаго архипелага, всюду мы видимъ сыновъ Небесной Имперіи, водворившихся на правахъ гражданъ; хотя только про относительно малую часть ихъ можно сказать, что они осѣдлы въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ нѣкоторыхъ земляхъ составляютъ они постоянно мѣняющееся населеніе, отдѣльные члены котораго, большею частью, какъ только достигнутъ своей цѣли и пріобрѣтутъ себѣ извѣстный достатокъ, немедленно возвращаются на родину, замѣняясь тотчасъ же другими своими соотечественниками. Частью же они образуютъ,—какъ на границахъ своего собственнаго государства, такъ и въ отдаленнѣйшихъ странахъ,—смѣшанныя расы, которыя по внѣшнему виду иногда же и по внутреннимъ свойствамъ почти всегда до обманчивости походятъ на настоящихъ китайцевъ.

Безшумно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно проникаютъ они все глубже и глубже въ Аннамъ, Сіамъ и Бирму; послѣднее то государство, вѣроятно, и будетъ страною, гдѣ впервые произойдетъ горячее столкновеніе. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, какъ, напр., на сѣверномъ берегу Борнео, инфильтраціонный процессъ, по мѣткому выраженію Франка Хаттона, продолжается уже болѣе 15 лѣтъ. Они въ буквальномъ смыслѣ покрыли колоніями Формозу и при этомъ дѣйствовали такъ, что ихъ образъ дѣйствія, въ смыслѣ достигнутаго результата, вполнѣ достоинъ подражанія. Дѣлаемыя какъ со стороны государственныхъ людей, такъ и со стороны войска, попытки къ распространенію своихъ областей, оставались безъ успѣха, но неоцѣнимую службу сослужили въ этомъ отношеніи китайскіе земледѣльцы, мелкіе торговцы, коробейники, и до сихъ поръ заслуги ихъ въ этомъ направленіи возбуждаютъ удивленіе **). Ихъ образъ дѣйствія при заселеніи Формозы былъ такъ своеобразенъ, что заслуживаетъ того, чтобы разсмотрѣть его повнимательнѣе. Прежде всего основали они укрѣпленныя поселенія на удобныхъ мѣстахъ побережья; внутрь страны они шли не спѣша и только въ исключительныхъ случаяхъ отнимали силою клочки земли у туземцевъ; послѣднее

*) Die hinesische Auswanderung von Dr. Friedrich Ratzel. Breslau 1876.

**) Ratzel.

дѣлалось исключительно новичками въ дѣлѣ колонизаціи, вновь прибывшими колонистами, которые, явясь на островъ, находили равнины и долины уже занятыми своими соотечественниками и не находили себѣ подходящихъ мѣстъ. Поэтому, они были принуждены углубляться во внутрь острова, чтобы завладѣть тѣмъ, что они находили пригоднымъ для себя, иногда силою, большею же частью договорами. Иногда, правда, очень рѣдко, доходило и теперь еще доходитъ до столкновенія; въ большинствѣ же случаевъ и отдѣльныя личности и жители цѣлыхъ деревень, предпочитаютъ заплатить мирному туземному роду за то, чтобы онъ защищалъ ихъ работы отъ захвата воинственнаго сосѣда. Самое же вѣрное средство оградить себя, это—соединеніе съ туземными женщинами; если въ западныхъ земляхъ «cherchez la femme» служитъ разъясненіемъ причины ссоры, то тамъ ищутъ женщину, чтобы основать миръ. Само собою разумѣется, что мы найдемъ китайцевъ въ пандемонизмѣ Западной Индіи, Сингапурѣ, а также во «Владѣніяхъ при проливѣ», во вновь образованныхъ колоніяхъ на Суматрѣ, хотя въ этихъ трехъ послѣднихъ мѣстностяхъ они являются собственно не свободными переселенцами, а образуютъ такъ-называемыхъ кули, которыми мы и займемся сейчасъ. Въ одинъ Сингапуръ является ихъ ежегодно до 17.000. Ниже мы ближе коснемся какъ переселенія кули, такъ и переселенія по контратку. Теперь же только скажемъ, что какъ бы тѣсно ни были связаны между собою эти два рода переселенія, ихъ не должно смѣшивать одно съ другимъ. Оба эти переселенія возникли подъ вліяніемъ европейцевъ.

Давно уже былъ установленъ, а въ наши дни нашелъ себѣ и многія объясненія, фактъ, что чистокровные европейцы, безъ всякой посторонней примѣси, не могутъ исполнять продолжительное время полевыя работы въ жаркомъ климатѣ и что потребность въ рабочихъ въ тропическомъ поясѣ возрастала съ увеличивающимся развитіемъ и распространеніемъ мѣстныхъ плантацій. Какъ Ласъ-Казасъ, въ человѣколюбивыхъ видахъ облегчить участь немилосердно угнетаемыхъ индѣйцевъ, подалъ первый поводъ къ торговлѣ неграми, со всѣми ея ужасными послѣдствіями, съ которыми едва можетъ сравниться торговля невольниковъ, которая происходитъ теперь въ Африкѣ; такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія англичане высказали мысль о замѣнѣ бѣдныхъ негровъ китайцами.

Эта мысль осуществилась въ громадныхъ размѣрахъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, частью въ видѣ настоящей торговли «кули», при чемъ переселенцы обязывались служить нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, частью же въ видѣ «условій по контракту», когда они отслуживали стоимость переѣзда, а затѣмъ являлись вполнѣ господами своихъ поступковъ. Рядомъ съ китайцами привлекались также туземцы англійско-индѣйскихъ владѣній. Въ продолженіи многихъ лѣтъ вывозились китайцы въ чужія страны, для пользованія здѣсь ихъ рабочей силой; но

въ большинствѣ случаевъ въ скоромъ же времени ими начинали тяготиться и грубо отдѣлывались отъ нихъ; въ иныхъ земляхъ стараются теперь совсѣмъ не допускать ихъ къ себѣ, въ другихъ встрѣчаютъ ихъ съ недовѣріемъ, въ третьихъ смотрятъ на нихъ равнодушно и только въ немногихъ ихъ охотно встрѣчаютъ и поддерживаютъ. Не трудно отыскать причину этого явленія тому, кто, отрѣшась отъ ненависти къ отдѣльнымъ расамъ или, употребимъ болѣе мягкое выраженіе, не подчиняясь нерасположенію къ извѣстнымъ расамъ, подвергнетъ это явленіе изслѣдованію. Эта все та же старая пѣсня: желтый человѣкъ отчасти уже исполнилъ свое назначеніе, а потому можетъ и удалиться. Сколько бы ни старались прятаться за ширмы возмущенія безнравственностью, приписываемой китайцамъ, сколько бы ни объясняли этимъ возмущеніемъ желаніе отдѣлаться отъ докучающихъ чужеземцевъ—этимъ нельзя обмануть никого, кто безпристрастно смотритъ на дѣло. Возстаютъ на китайцевъ единственно потому, что пришли къ убѣжденію, путемъ ли опыта или просто инстиктивно, что въ борьбѣ за существованіе между желтымъ и бѣлымъ человѣкомъ, преимущество на сторонѣ желтаго, если только, такъ сказать, солнце и вѣтеръ одинаково распредѣлены между ними, т. е. если китаецъ не стѣсненъ закономъ въ своихъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ. Тамъ же, гдѣ существуютъ эти ограничивающіе законы, гдѣ рѣзко выступаетъ разграниченіе между расами и классами и бѣлый, благодаря своему цвѣту, занимаетъ въ обществѣ высшее положеніе, гдѣ желтый человѣкъ стоитъ не возлѣ бѣлаго, а ниже его, тамъ обыкновенно не такъ сильно ненавидятъ китайца или, по крайней мѣрѣ, это не проявляется такъ открыто; съ другой стороны и человѣкъ съ миндалевидными глазами, какъ называетъ китайца маркизъ Тзенгъ, совершаетъ свое дѣло, въ которомъ онъ далеко превосходитъ даже лучшаго изъ бѣлыхъ работниковъ, совершенно втихомолку.

Но взглянемъ поближе на развитіе этого вопроса. Отмѣна торговли неграми произвела полнѣйшій переворотъ существовавшаго порядка, какъ во многихъ англійскихъ, такъ и въ другихъ колоніяхъ; на востокѣ и на западѣ, на островѣ Маврикія и на Антильскихъ островахъ, а также и въ Гвіанѣ, недостатокъ рабочихъ рукъ угрожалъ разореніемъ плантаторамъ. Наконецъ, удалось достать рабочихъ въ британской Индіи, но существовавшая еще тогда индѣйская компанія положила конецъ этому жестокому предпріятію; не только иностранцамъ, но даже и англійскимъ плантаторамъ ставились затрудненія, если они хотѣли пополнять въ области индѣйской компаніи рѣдѣющіе ряды своихъ рабочихъ завербованными въ Индіи кули. Тогда-то, какъ въ испанскихъ, такъ и въ англійскихъ колоніяхъ и были обращены взоры на сыновъ Небесной Имперіи, которые казались очень подходящими къ этому. И вотъ появились агенты между многочисленнымъ населеніемъ Fokien, Rewangsie и въ другихъ южныхъ провинціяхъ; дѣятельнѣе

всего были они въ Хонгъ-Конгѣ и другихъ пяти открытыхъ тогда гаваняхъ. Вначалѣ китайцы выказывали мало охоты покидать свое отечество, кромѣ того и переселеніе было формально запрещено, а тогда еще не вошло въ привычку преступать законъ, какъ это дѣлается теперь.

Достигнутые при первыхъ вербовкахъ результаты поощряли къ продолженію; агенты удвоили свое стараніе, подкупленные китайскіе чиновники закрывали глаза; примѣръ нѣкоторыхъ переселенцевъ, которые вернулись назадъ съ деньгами, возбуждалъ къ подражанію. Такимъ-то образомъ явилась возможность заманивать все большее и большее число китайцевъ къ переселенію. Но чѣмъ бо́льшее распространеніе пріобрѣтала торговля кули, тѣмъ большія являлись злоупотребленія, связанныя съ нею. Китаецъ, который ввѣрялся агентамъ, становился товаромъ; съ той минуты, какъ онъ получалъ задатокъ, онъ дѣлался игрушкою въ рукахъ каждаго, съ кѣмъ сталкивала его несчастная судьба. Повторились во всѣхъ своихъ прежнихъ видахъ ужасы торговли невольниками. Предоставленный корысти агентовъ, подвергающійся насмѣшкамъ агентовъ, подвергающійся насмѣшкамъ матросовъ, китаецъ былъ положительно внѣ закона. Кромѣ того, агенты хотѣли наживаться даже на той несчастной порціи чая и риса, которая назначалась на продовольствіе китайца; для матросовъ же, большею частью добродушныхъ малыхъ, даже въ лучшемъ случаѣ китаецъ являлся предметомъ удивленія и изумленія; даже коса китайца не щадилась экипажемъ судна, на которомъ перевозился этотъ человѣческій грузъ. Если китайцы позволяли себѣ какую-нибудь незначительную шутку, то ихъ просто связывали за косы; если же это были люди болѣе суроваго характера, то не разъ это своеобразное украшеніе сыновъ Небесной Имперіи падало подъ ножницами или ножами. Но то, на что, съ одной стороны, смотрѣлось, какъ на простую забаву, отзывалось на другой болѣзненнѣе, чѣмъ иное, по мнѣнію европейцевъ, болѣе жестокое обхожденіе. Несмотря на прирожденный китайцамъ страхъ, граничащій съ малодушіемъ, передъ всѣмъ, что сильнѣе ихъ, возмущенія и даже убійства не были рѣдкостью. Мы не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ, что кули, отъ которыхъ требовалось только одно качество — физическая сила, набирались изъ всякаго сброда, что это былъ, такъ сказать, отбросъ открытыхъ европейцомъ гаваней. Этимъ, кажется, сказано многое. Не обошлось безъ кровавыхъ катастрофъ, которыя нашли отголоски какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, а также и въ Китаѣ. Торговля кули была обезславлена; нѣкоторыя государства и самъ Китай запретили ее. Но бѣлымъ агентамъ нужны были руки; агенты удвоили свои старанія и заманчивыми обѣщаніями одурачивали новыя жертвы. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ появились улучшенія; за агентами стали слѣдить и нѣкоторымъ образомъ заботиться, чтобы исполнялось то, что обѣщано кули. Такъ именно было съ англійской стороны, между тѣмъ какъ американцы, по крайней мѣрѣ, по виду, съ самаго начала были противъ тор-

говли кули. Намъ не для чего останавливаться на отдѣльныхъ случаяхъ этой печальной торговли, тѣмъ болѣе, что она за послѣднія 12 лѣтъ, по крайней мѣрѣ въ своей грубѣйшей формѣ, начинаетъ отходить въ область исторіи.

Несмотря на многія злоупотребленія, связанныя съ переселеніемъ и со службою въ качествѣ кули, нѣкоторые изъ переселенцевъ получали выгоду отъ своего переселенія. Ихъ примѣръ увлекалъ многихъ и манилъ въ далекія, чужія страны. Переселеніе еще увеличилось, когда стали получаться изъ Калифорніи извѣстія объ открытіи тамъ золота. Въ 1849 г. началось усиленное переселеніе и годъ спустя китайцы были въ Калифорніи такъ многочисленны, что когда, въ 1850 г., умеръ президентъ Соединенныхъ Штатовъ Тайлеръ, китайцы послали въ конгрессъ адресъ соболѣзнованія, а при погребеніи присутствовала депутація отъ китайцевъ. Такъ какъ въ Калифорніи большинство китайцевъ состояло изъ свободныхъ переселенцевъ, то въ средѣ рудокоповъ ихъ встрѣчали съ непріязнью и отвращеніемъ. Но это отвращеніе не смущало китайцевъ и новыя толпы прибывали все въ большемъ и большемъ количествѣ, до тѣхъ поръ, пока не были приняты, какъ за послѣдніе годы, сильныя мѣры для избавленія отъ нихъ.

Событія въ Австраліи, мѣры, которыя предпринимались тамъ противъ китайцевъ, еще настолько свѣжи въ нашей памяти, что было бы излишне долго останавливаться на нихъ; какъ курьезъ, упомянемъ лишь, что подобныя же событія происходили тамъ уже болѣе чѣмъ 30 лѣтъ тому назадъ. Уже тогда собирались противокитайскіе митинги и тогда уже обсуждались слѣдующіе пункты: 1) Дозволяютъ ли существующіе договоры закрыть китайцамъ доступъ въ ту или другую англійскую колонію? 2) Имѣетъ ли право правительство Викторіи ограничить сношенія между гаванями этихъ колоній и китайскими? 3) Какое вліяніе на судьбу живущихъ въ Китаѣ англичанъ имѣло бы исключеніе китайцевъ? 4) Имѣли бы эти мѣры вліянія на торговыя сношенія между Австраліей и Англіей съ одной стороны, и между Китаемъ съ другой? 5) Что слѣдуетъ предпринять, чтобы достигнуть согласія между бѣлыми и китайцами?

Достойно примѣчанія, что дѣло своихъ соотечественниковъ защищалъ одинъ китаецъ съ такимъ умѣньемъ и ловкостью, что мельбурнская торговая палата стала на ихъ сторону и объявила себя противъ какой бы то ни было мѣры, неблагопріятной китайцамъ. Какъ извѣстно это рѣшеніе не долго продержалось.

Мы остановились подробнѣе на этомъ новѣйшемъ періодѣ въ исторіи китайскаго переселенія потому, что именно, съ нимъ мы хотимъ связать представляющуюся намъ картину будущаго.

Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ всего больше ненавидѣли китайцевъ, получался во многихъ отношеніяхъ благопріятный отзывъ о нихъ: даже американцы, которые познакомились съ ними въ Калифорніи, признаютъ,

что они тихи, прилежны и не пьютъ. Замѣчателенъ фактъ, что у рудокоповъ любовь къ родинѣ развита такъ сильно, что они стараются какъ можно скорѣе вернуться въ отечество, между тѣмъ какъ эта черта характера проявляется въ гораздо меньшей степени у тѣхъ, которые занимаются ремеслами и земледѣліемъ. Послѣдніе стараются, хотя часто и не на продолжительное время, основать новое отечество, перенося туда, гдѣ они поселятся, свои нравы и привычки, и удерживая свой родной языкъ. Стремясь, по возможности, больше пріобрѣсть, они живутъ ужасно скученно, скорѣе какъ животныя, чѣмъ люди, отказываютъ себѣ въ удовольствіяхъ лишь бы только копить; только своимъ порокамъ приносятъ они жертву: они предаются игрѣ, опію и сладострастію. Описанія, которыя приходили къ намъ изъ С.-Франциско, были по истинѣ ужасны. «Если они добровольно не уйдутъ, то надо удалить ихъ силою», былъ общій крикъ. Но какъ уже было упомянуто выше, это негодованіе не всегда было одинаково сильно. Въ этомъ дѣлѣ есть еще одна сторона, которую уже выдвинулъ Г. Рольфъ въ «Ausland» 1879. «Если мы серьезно намѣреваемся выступить противъ наплыва китайцевъ, то мы должны дѣйствовать только законами, но при этомъ и заботиться, чтобы законы не только издавались, но и исполнялись». «Какимъ образомъ,—спрашиваетъ Рольфъ,—возможны жалобы, что въ С.-Франциско публично продаются женщины, когда торговля невольниками запрещена? Къ этому можно еще прибавить, что подобное же совершается и въ другихъ земляхъ по настоящее время, что еще и теперь рабочіе контракты цвѣтныхъ работниковъ публично продаются, а въ Австраліи даже англійскіе рудокопы уступаютъ своихъ европейскихъ женъ за плату китайцамъ, хотя мы не можемъ сказать, дѣлается ли это открыто. Но, если не смотря на желаніе противодѣйствовать, все же совершаются подобныя нарушенія законовъ, то надо допустить, что китайцы образуютъ государство въ государствѣ, а такъ какъ законъ, навѣрное, не имѣлъ этого въ виду, то и надо признать, что правительство было слишкомъ слабо для проведенія законовъ, что китайцы умѣли ставить препятствія предпринимаемымъ противъ нихъ мѣрамъ,—препятствія, которыя, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло доходило до открытаго противодѣйствія, заключались главнымъ образомъ въ томъ, что они умѣли привлечь на сторону своихъ интересовъ исполнителей законовъ». Дѣйствительно, китайцы обладаютъ въ этомъ отношеніи удивительною ловкостью, и это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія при разсмотрѣніи вопроса, что можетъ принести намъ въ будущемъ наше соприкосновеніе съ китайцами.

Вопросъ будущаго есть двоякій вопросъ: экономическій и культурный; въ отношеніи обоихъ этихъ вопросовъ мы должны отличать вліяніе тѣхъ китайцевъ, которые продолжаютъ жить въ своей собственной странѣ и къ которымъ возможно, что явимся мы (чѣмъ и будутъ завязаны новыя отношенія) отъ вліянія тѣхъ, которые устремляются въ

открытый Божій міръ, по возможности даже до насъ. Строгое раздѣленіе этихъ различныхъ вліяній было бы безцѣльно, такъ какъ они отзовутся на насъ не каждое порознь, а во всей своей совокупности.

Мы знаемъ, что замкнутость, въ которой такъ долго жилъ Китай, была, частью, силою уничтожена иноземными народами, которые съумѣли вынудить себѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, доступъ во многія мѣста. Въ теперешнемъ положеніи не могутъ долго оставаться взаимныя отношенія. Во-первыхъ, въ продолженіи послѣднихъ 50 лѣтъ Китай съумѣлъ вынести пользу для себя изъ тѣхъ опытовъ, которые были ему силою навязаны; само собою разумѣется, что онъ постарается такъ устроиться, чтобы по крайней мѣрѣ у себя дома жить такъ, какъ ему хочется, между тѣмъ какъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи иностранцамъ было предоставлено или, можетъ быть, и силою ими присвоено, несообразно большое вліяніе. Мы должны подробнѣе остановиться на отношеніяхъ, существующихъ до сихъ поръ между китайцами и чужеземцами, потому что только тогда мы поймемъ ту ненависть, которая существуетъ на всемъ востокѣ противъ бѣлыхъ людей.

Если быть честнымъ, то нужно сознаться, что въ этомъ отношеніи исторія XIX столѣтія является позоромъ нашего вѣка, и ясно доказываетъ, если еще нужны доказательства, что многое изъ того, что говорится и пишется о христіанской и всеобщей любви къ ближнему, по крайней мѣрѣ, что касается жизни и отношеній народовъ и націй, должно быть отнесено къ пустымъ словамъ краснорѣчія. Достаточно одного сухого перечня событій. Прежде всего передъ нами война изъ-за опія (1840—1842), которая вспыхнула, когда китайскій императоръ запретилъ ввозъ этого наркотическаго средства въ 1839 г. и употребленіе его туземцами возбранялось подъ страхомъ смертной казни. Но эта торговля приноситъ англичанамъ ежегодно около 150 милліоновъ марокъ, а народъ развращается. Онъ чувствуетъ это и исполненъ ненависти къ своимъ развратителямъ, но не имѣетъ достаточно силы добровольно отказаться отъ наслажденія. И вполнѣ правъ китаецъ, отвѣчая миссіонеру, являющемуся обращать его: «И вы смѣете являться къ намъ проповѣдывать любовь къ ближнему и учить насъ нравственности послѣ того, какъ вы отравляете насъ и ищете нашей погибели?» Впрочемъ, англичане въ этомъ отношеніи, ни на волосъ не лучше другихъ націй. Китайцевъ принудили открыть свои гавани, предоставить всевозможныя преимущества иностранцамъ, что глубоко болѣзненно задѣло народъ и не разъ вызывало протестъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Недовольство противъ иностранцевъ продолжается до сихъ поръ, и даже во время таупингскаго возстанія китайское правительство старалось отдѣлаться отъ нихъ. Дѣло дошло до войны съ Франціей и Англіей, которая была окончена только въ 1860 г. и именно по поводу ограбленія лѣтняго дворца, что оставило печальную память въ Китаѣ. Наконецъ, занятіе Тонкина и протекторатъ надъ Аннамомъ вызвали войну съ Франціей

(1882 г.), которая окончилась только въ 1885 г. Китайцы не оставили безъ вниманія этихъ событій и съумѣютъ употребить съ пользою уроки, вынесенные изъ нихъ. Они начинаютъ съ чисто китайскою настойчивостью преслѣдовать путь, начертанный ими себѣ и заключающійся въ желаніи сохранить по возможности свою самостоятельность.

Независимость отъ чужестранныхъ варваровъ будетъ ихъ лозунгомъ; и весьма естественно и человѣчно, что они не удовлетворятся только прегражденіемъ доступа иностранцамъ въ ихъ землю, но постараются нанести имъ и ущербъ. Вообще въ Китаѣ прогрессъ мало поощряется; въ настоящее время, напримѣръ, вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ подвергается нѣкоторымъ образомъ сомнѣнію, но все же китайцы привыкли къ употребленію европейскихъ произведеній и хотя спросъ на эти произведенія крайне малъ по отношенію къ числу жителей, но все же онъ выразится въ хорошей круглой абсолютной цифрѣ, треть которой приходится на опій. Этотъ спросъ, если китайцы захотятъ совершенно изолироваться отъ иностранцевъ, долженъ быть удовлетворенъ собственною страною; кромѣ того, китайцы слишкомъ хорошіе наблюдатели и слишкомъ опытные практики, чтобы не сказать себѣ, что они отлично сами могутъ производить многіе предметы, которые теперь они получаютъ отъ бѣлыхъ, стоитъ имъ только самимъ изучить фабрикацію этихъ произведеній.

Для того, кто видѣлъ китайцевъ за работою, не подлежитъ сомнѣнію, что когда китайцамъ представляется случай познакомиться съ какимъ-нибудь техническимъ производствомъ, они быстро усваиваютъ его. Еслибъ имъ удалось стать независимыми отъ насъ въ этомъ отношеніи, то потеря этого относительно небольшого числа потребителей, разумѣется, была бы для насъ непріятна, но главный ущербъ заключается не въ этомъ. Гораздо опаснѣе то, что, вслѣдствіе крайне малыхъ требованій китайскаго рабочаго, тамъ можно будетъ работать по такимъ цѣнамъ, при которыхъ европейская конкурренція будетъ невозможна, что отзовется неблагопріятнымъ образомъ на другихъ странахъ; по всей вѣроятности, все болѣе и болѣе развивающаяся промышленность захватила бы тогда много разнообразныхъ отраслей производства и такимъ образомъ создавалась бы все большая и большая конкурренція. Плата китайскаго рабочаго на работѣ у европейца, всегда переплачивающаго, равняется безъ продовольствія 3—4 таелей въ мѣсяцъ (15—20 марокъ, слѣдовательно, 60 пфениговъ въ день). Опытные же, въ своемъ дѣлѣ, рабочіе получаютъ немногимъ больше, потому что переимчивые и способные китайцы быстро наводняютъ каждое лучше оплачиваемое занятіе; на службѣ у китайца обыкновенный рабочій получаетъ только $^1/_2$—$^3/_4$ таеля въ мѣсяцъ (т. е. 9—13 пфениговъ въ день) и продовольствіе. Къ этому надо прибавить, что китаецъ можетъ считаться идеальной человѣческой рабочей машиной, не только потому, что онъ точенъ, какъ машина, но и потому, что онъ

разумно работаетъ *). Эти слова, выраженіе знаменитаго географа фонъ-Рихтхофена, заслуживаютъ полнаго вниманія, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ видовъ, открывающихся намъ на будущее. Провозная плата сырого матеріала, доставляемаго въ Китай, будетъ во много разъ дешевле, какъ если бы этотъ матеріалъ былъ доставленъ къ намъ. Вотъ тѣ факторы, которые, какъ уже раньше было замѣчено, сдѣлаютъ весьма опасной китайскую конкурренцію для всемірнаго рынка.

Но если въ Китаѣ промышленность достигнетъ такой степени, что о ней можно будетъ говорить какъ о настоящей промышленности; если Китай воспользуется нашимъ прогрессомъ, нашими открытіями и примѣнитъ ихъ у себя дома, тогда милліоны окажутся свободными и тогда, не смотря ни на какія мѣры правительства, часть этихъ милліоновъ распространится на сосѣднія земли и съ тѣмъ большею силою, чѣмъ сильнѣе давленіе, въ силу котораго получилъ свое теченіе этотъ потокъ.

Но если Китай не сможетъ, какъ онъ, повидимому, желаетъ, замкнуться отъ всѣхъ, то очень возможно, что сперва установится тамъ обратное положеніе и увеличится вліяніе европейцевъ, хотя бы насильственнымъ способомъ. Оставаться въ прежнемъ положеніи невозможно, и если случится, что уничтожатся существующія еще теперь преграды и бѣлый человѣкъ свободно и безгранично проникнетъ туда и устроится тамъ по домашнему, тогда не преминетъ онъ перенести туда и свою обработывающую промышленность, онъ не будетъ болѣе посылать туда готовые товары, но перенесетъ туда изготовленіе ихъ, такъ какъ тамъ онъ найдетъ болѣе дешевую рабочую силу и для многихъ отраслей будетъ имѣть по близости обработываемый матеріалъ или возможность дешевле получать его.

Очевидно, во всемъ этомъ мало утѣшительнаго для будущаго; но все увеличивающаяся конкурренція доведетъ до того, что придется пользоваться каждымъ благопріятнымъ случаемъ, не думая объ опасности въ будущемъ. Но какъ бы ни сложились обстоятельства, какъ бы ни былъ рѣшенъ обсуждаемый нами вопросъ, одно несомнѣнно, что все больше и больше китайцевъ будетъ покидать родину; не надо думать, что это будетъ цѣлое народопереселеніе, внезапное вторженіе сильныхъ полчищъ, нѣтъ, ихъ наступленіе, какъ мы и раньше видѣли, будетъ медленное, разумѣется, если не вздумаютъ попробовать противодѣйствовать ему принудительными мѣрами, что при случаѣ могло бы ускорить катастрофу. Въ настоящее время громадная масса китайскихъ выходцевъ, около 5 милліоновъ, распредѣлена на пространствѣ между Индо-Китаемъ и западнымъ побережьемъ Америки; за послѣдніе десятки лѣтъ, когда стало возможнымъ безъ особыхъ затрудненій покидать Китай, немногіе изъ нихъ явились къ намъ въ Европу; но воз-

*) Dr. Singer.

можно, что въ слѣдующіе годы это измѣнится. Именно, лишь только китайцы не находятся подъ стѣснительными условіями своей родной страны, они тотчасъ же не только расширяютъ свое образованіе и пріобрѣтаютъ болѣе широкій взглядъ, но и стараются извлечь выгоду изъ сношеній съ отдаленными странами, которыя, благодаря нашимъ улучшеннымъ перевозочнымъ средствамъ, становятся болѣе доступными. Къ тому же, за послѣднее время все больше начинаютъ раздаваться голоса въ пользу употребленія китайцевъ, какъ дешевой рабочей силы въ Европѣ и даже въ Германіи.

Предъидущій опытъ доказываетъ, что можемъ мы получить отъ китайцевъ. Дѣятельный, понятливый, настойчивый китаецъ довольствуется самымъ малымъ вознагражденіемъ. Уже въ Санъ-Франциско не останавливались они передъ самыми трудными работами за поденную плату въ 15 dollarcent, слѣдовательно, приблизительно, за 60 пфениговъ; брались за такую работу, на которую не находилось ни одного бѣлаго, и только изъ-за того, чтобы заслужить ту скудную плату, которая—мы не можемъ даже понять какимъ образомъ—могла при тамошнихъ условіяхъ хватать только на то, чтобы влачить свою жизнь. Но фактъ на лицо, что китаецъ не только существуетъ при этихъ условіяхъ (въ другихъ странахъ плата еще ниже), но ухитряется еще откладывать, и какъ скоро это удается ему, онъ уже на дорогѣ къ составленію своего благосостоянія.

Чтобы это понять, надо знать, какъ умѣренъ можетъ быть китаецъ, когда это нужно, между тѣмъ, онъ не отказываетъ себѣ ни въ хорошемъ столѣ, ни въ другихъ удовольствіяхъ, вообще онъ не скупъ въ духѣ Гарпагона, если только его средства позволяютъ ему это. Пишущій эти строки имѣлъ не разъ случай наблюдать на островѣ Явѣ за жизнью вновь прибывшаго китайца, такъ называемаго Singkehs; уже незнаніе языка не позволяетъ ему на первыхъ порахъ выступить самостоятельно. Въ большинствѣ случаевъ нанимается онъ за поденную плату въ 25 centshell (=42 пфенигамъ) въ качествѣ кули къ какому-нибудь своему соотечественнику, который, какъ коробейникъ, объѣзжаетъ страну съ различнымъ товаромъ. Отъ этой незначительной платы по крайней мѣрѣ 10 cents (17 пфениговъ) остаются нетронутыми и тщательно сохраняются до тѣхъ поръ, пока нашъ новичекъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вполнѣ не освоится съ новою обстановкою, чтобы на свой рискъ попытать счастье. Само собою разумѣется, онъ берется за торговлю—повидимому, это идеалъ каждаго китайца; его немногіе накопленные гроши, а можетъ быть, также и захваченныя съ собою деньги служатъ ему оборотнымъ капиталомъ. Небольшое количество товару, который онъ можетъ пріобрѣсть вначалѣ, разноситъ онъ на плечахъ по странѣ; если же онъ имѣетъ при себѣ одного или нѣсколькихъ помощниковъ-носильщиковъ, то это уже доказываетъ, что дѣла его процвѣтаютъ; какъ скоро онъ перестаетъ самъ разносить свой

товаръ, а только наблюдаетъ за носильщиками, можно быть увѣреннымъ, что онъ начинаетъ чувствовать себя капиталистомъ; и такъ продолжаетъ онъ постепенно создавать свое будущее, при чемъ никогда не упускаетъ изъ вида разумнаго правила откладывать кое-что отъ каждаго заработка, какъ бы онъ ни былъ великъ или малъ.

Китайцы, прирожденные дипломаты, мастерски умѣютъ пользоваться обстоятельствами и слабостями людей, между которыми они живутъ. Какъ пользуются они своимъ вліяніемъ на менѣе цивилизованные народы, не относится до нашей статьи; но и между цивилизованными они съумѣютъ устроить себѣ тепленькое мѣстечко, если только, пока еще есть время, имъ не помѣшаютъ въ этомъ. По ихъ природнымъ способностямъ можно считать ихъ предназначенными быть всемірными рабочими; тѣ изъ нихъ, которымъ удастся стать выше простого рабочаго, становятся отличными посредниками въ торговлѣ, которые, если только дѣла идутъ хорошо, дѣлаются настоящими купцами. Ясно, чѣмъ явится подобный элементъ, полный ума и энергіи, среди нашихъ столь тяжелыхъ условій. Возможно ли будетъ, когда наступитъ рѣшающій моментъ, устранить совершенно китайцевъ? Я сомнѣваюсь въ этомъ! Какъ мы уже раньше сказали, этимъ ускорили бы мы катастрофу и дали бы поводъ къ репрессаліямъ. А это шло бы въ разрѣзъ съ слишкомъ многими интересами, въ силу обычнаго хода вещей, имѣющаго всегда въ виду только ближайшіе интересы. За китайцевъ бы стояли фабриканты, заводчики, предприниматели строительныхъ работъ. Они всегда будутъ за употребленіе китайцевъ, какъ рабочей силы. Имъ нужны самыя низкія цѣны за труды, чтобы конкуррировать съ успѣхомъ, между тѣмъ какъ требованія увеличиваются съ каждымъ днемъ. Въ Англіи уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предложено обратиться къ китайскимъ рабочимъ, чтобы имѣть противовѣсъ рабочимъ стачкамъ, а выше было уже замѣчено, что подобные планы возбуждались и въ Германіи. И чѣмъ болѣе будетъ пробуждаться Китай, чѣмъ больше онъ будетъ стараться укрѣпить свои силы, тѣмъ труднѣе будетъ полное устраненіе китайцевъ.

Кромѣ невыгодъ, съ которыми мы частью познакомимся еще впереди, подобный натискъ китайцевъ будетъ имѣть еще ту невыгоду, что китайцы, которые, какъ мы уже раньше видѣли, въ общемъ несклонны къ осѣдлости, внесутъ въ промышленность хищническія начала, т. е. постоянно будутъ прибывать все новыя и новыя толпы ихъ, которыя по большей части послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени будутъ уходить обратно къ себѣ домой съ нажитыми деньгами; разумѣется, это только возмездіе за то, что дѣлали бѣлые люди въ продолженіи даннаго времени; но для насъ все же это крайне непріятно.

Еще важнѣе во многихъ отношеніяхъ является вопросъ съ точки зрѣнія культурнаго развитія. Хотя въ данную минуту намъ кажется немыслимо, чтобы при томъ недостаткѣ занятій, который, къ несчастью,

долженъ наступить, если не явится серьезныхъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей, чтобы при этомъ недостаткѣ многочисленные китайскіе рабочіе нашли себѣ занятіе у насъ, если бы они даже удовлетворились самыми низшими работами, все же мы должны имѣть въ виду и этотъ случай. Да и кромѣ того, если бы намъ и удалось найти занятія для освободившихся рукъ, все же не подлежитъ сомнѣнію, что въ наплывѣ китайцевъ лежитъ большая опасность. До смѣшенія расъ въ началѣ не дошло бы. До сихъ поръ соприкосновеніе между бѣлыми и китайцами является настолько поверхностнымъ, что, разумѣется, не сразу можетъ появиться смѣшеніе, хотя, не говоря уже объ упомянутой выше продажѣ европейскихъ женщинъ китайскимъ рудокопамъ, были уже единичные случаи, когда человѣкъ съ миндалевидными глазами былъ увлеченъ дочерью Запада и съ своей стороны завладѣлъ ея рукою, а можетъ, и сердцемъ. Но на долгое время не могло бы оставаться безъ воздѣйствія постоянное, тѣсное соприкосновеніе; чѣмъ тѣснѣе сношеніе, чѣмъ продолжительнѣе оно, тѣмъ бо̀льшее явится смѣшеніе. Оно будетъ захватывать все больше и больше вокругъ себя и все ближе и ближе будетъ надвигаться на насъ призракъ окитайчиванья. Подобные примѣры находимъ мы въ исторіи колоній финикіянъ, грековъ и римлянъ; то же самое будетъ и со всякимъ другимъ народомъ, который окажется въ подобномъ положеніи. Мѣняются времена, мѣняются люди, суть же остается все та же; въ наше же время подобное воздѣйствіе должно усилиться, такъ какъ соприкосновеніе становится разнообразнѣе, а измѣненіе видовъ ускоряется въ такой высокой степени. Да если бы это и не случилось, если бы сохранилась рѣзкая граница, если бы существовало строгое дѣленіе на касты, все же высшая раса должна была бы захирѣть, такъ какъ у нея была бы отнята та почва, на которой она развилась и продолжаетъ развиваться. Наше положеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть сравнено съ деревомъ. Если мы привыкли прежде всего вспоминать о пахучихъ, богатыхъ красками цвѣтахъ, о прохладной тѣни, которую даетъ намъ этотъ зеленый шатеръ, можетъ быть даже о стволѣ, къ которому иногда приходилось намъ прислониться, то все же мы не должны забывать и о вѣтвяхъ и сучьяхъ, которые несутъ и листья, и цвѣты, не должны забывать, что не существовало бы ничего того, что насъ радуетъ, если бы сокрытые отъ нашихъ глазъ корни съ тысячью своихъ волоконъ не питали дерево, безъ чего оно не могло бы существовать и не исполнило бы своего назначенія. Печально выглядѣла бы наша культура, если бы мы, все равно насколько, вздумали удалить низшіе классы общества и хотѣли бы или могли бы замѣнить ихъ другимъ основаніемъ; потому что основаніе нашего теперешняго развитія такова, что оно приноситъ нашему общественному организму постоянно новыя, въ работѣ закаленныя силы, безъ которыхъ онъ обреченъ, хотя бы и медленному, уничтоженію. Но если бы,

рано или поздно, явилось бы дѣйствительное смѣшеніе расъ, въ какой бы то ни было степени, то—по крайней мѣрѣ, мы твердо увѣрены въ этомъ—китайцы получили бы отъ насъ очень многое; другой вопросъ, что дадутъ они намъ. Отвѣтъ почти ясенъ, если мы вспомнимъ, что приводилось здѣсь къ ихъ характеристикѣ.

Матеріальная жизнь является для нихъ исходной точкой ихъ помысловъ и поступковъ; за предѣлами ея они не знаютъ ничего. Если духовное стремленіе, которое у нихъ совершенно отсутствуетъ, играетъ слишкомъ большую роль у насъ, если оно увлекаетъ людей въ пучины метафизики, изъ которыхъ невозможно найти выхода, то все же основаніемъ этого стремленія будетъ та божественная искра, благодаря которой человѣкъ становится въ нашихъ глазахъ дѣйствительно человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова; стремленіе это является основнымъ принципомъ каждаго благороднаго поступка.

Но какого бы мы ни держались міровоззрѣнія, существуетъ для насъ всѣхъ одна обязанность, именно: каждый долженъ былъ бы стойко стоять на томъ мѣстѣ, куда онъ поставленъ, бороться, пока онъ можетъ, и долженъ былъ бы исполнять свой долгъ по мѣрѣ силъ и совѣсти.

Къ этому относится и нашъ долгъ отыскивать средства для посильнаго отвращенія опасности, разъ она признана нами, и должны стараться сдѣлать лучшее употребленіе изъ данныхъ намъ способностей и мыслей. Относительно угрожаемаго намъ столкновенія бѣлой и желтой расъ, кажется, можетъ найтись исходъ. Еще довольно мѣста на земномъ шарѣ, чтобы дать убѣжище и пропитаніе сотнямъ и тысячамъ милліоновъ людей, способныхъ существовать въ скудно еще населенныхъ тропическихъ и подтропическихъ поясахъ а жить въ этихъ поясахъ могутъ и желтая, и черная расы. Обѣ умѣютъ обрабатывать землю, первая же изъ нихъ обладаетъ и высшей интеллигенціей, дѣлающей ее способной къ промышленности, тѣмъ болѣе, что промышленность, какъ мы раньше видѣли, должна будетъ переноситься туда, гдѣ она найдетъ подъ рукою сырой матеріалъ, гдѣ будетъ имѣться возможность платить самую низшую заработную плату. Бѣлая раса можетъ существовать только въ умѣренномъ поясѣ, можетъ только тутъ развивать всю свою рабочую силу; въ тропическомъ же поясѣ она можетъ быть дѣятельной только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя давали бы ей возможность противостоять вліянію климата. Она могла бы тамъ выступить учительницею желтой и черной расъ; сама же исполнять всю работу, она не въ состояніи. Такъ могли бы эти три жизнеспособныя расы, черная, желтая и бѣлая, образовать подъ руководствомъ послѣдней всемірное царство, въ которомъ каждая раса нашла бы подходящее для себя мѣсто, устраняя такимъ образомъ надолго опасность ужаснаго столкновенія, при чемъ каждая изъ расъ могла бы не только сохранить свою особенность и свойственную ей культуру, но могла бы

*

дальше развиваться и употреблять себѣ на пользу то, что выработали другія. Произошло бы соприкосновеніе, а не борьба, а бѣлая раса именно могла бы вслѣдствіе поднятія матеріальнаго благосостоянія продолжать работать надъ собственнымъ развитіемъ безъ той помѣхи, которую она встрѣчаетъ теперь.

Будетъ ли въ состояніи возвыситься надъ близъ лежащими интересами и проникнуться дѣйствительно великой цѣлью колоніальное движеніе, за которымъ все больше и больше признается правъ? Да, это была бы во истину великая цѣль, не только найти помощь въ бѣдствіи у себя дома, но отклонить на непредвидимое время опасность, угрожающую отъ сосѣдей. Если этого не случится, то рано или поздно должно произойти соприкосновеніе и частное или совершенное смѣшеніе расъ, которое поведетъ къ уничтоженію, по крайней мѣрѣ, части болѣе развитыхъ культурныхъ народовъ и направитъ то, что уцѣлѣетъ, на пути, совершенно различные отъ теперешнихъ. Слѣдить дальше за этимъ вопросомъ теперь не входитъ въ наше намѣреніе; поднятые въ этомъ отношеніи вопросы не замедлятъ въ очень не далекомъ будущемъ сдѣлаться насущными вопросами; если даже старѣйшіе изъ насъ и не доживутъ до этого, то для младшихъ поколѣній борьба за существованіе отяготится еще и этими вопросами.

Перев. съ нѣмецк. Т. Стрѣльниковой.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.**

КНИГА III.

Десятина діавола.

*(Продолженіе *).*

I.

За Букингэмскимъ дворцомъ, въ сторонѣ отъ шумныхъ торговыхъ улицъ, расположенъ Викторія-скверъ—небольшая площадь, окруженная домами скромной наружности; здѣсь почти всегда тихо, какъ въ монастырѣ. На одномъ углу сквера стоитъ домъ побольше другихъ, но такой же простой и незатѣйливой архитектуры. Въ столовой этого дома сидитъ за завтракомъ пожилая дама, одна, хотя на противоположномъ концѣ стола накрытъ второй приборъ.

— Готова комната, Эмма?

— Готова, ма'мъ.

— Простыни провѣтрены? Подушки взбиты? И наволочки свѣжія?.. Значитъ, все сдѣлано?

Служанка еще не успѣла отвѣтить утвердительно на послѣдній вопросъ, какъ къ подъѣзду съ грохотомъ подкатила извозчичья карета. Старуха вскочила съ мѣста.

— Это онъ!—вскричала она и, какъ дѣвочка, побѣжала въ переднюю.

Дверь отворили раньше, чѣмъ она добѣжала, и низкій мужской голосъ уже спрашивалъ въ передней:

— Дома м-рсъ Каллендеръ?

— Это Джонъ! Боже милостивый! Это Джонъ Стормъ! И старуха подняла обѣ руки, словно собираясь броситься ему на шею.—Господи помилуй, вотъ такъ сюрпризъ для бѣдной старой Дженъ! Ждали-ли

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь.

тебя? Понятно ждали, да еще какъ хлопотали-то: все боялась—не поспѣемъ. Безпамятная я стала на старости лѣтъ. Да что у меня щекъ нѣтъ, что ли, что ты мнѣ руки то цѣлуешь?—продолжала она, улыбаясь сквозь слезы.—А это твоя собака? Примемъ ли? А то какъ же? Само собою примемъ. Помнишь, Эмма, я намедни говорила: «Хорошо бы собаку завести?» А она тутъ и есть. Шевелись, Джемсъ! Проводи м-ра Сторма въ его комнату, да и псу найди какой-нибудь уголъ. Есть ли письма? Цѣлыхъ два, голубчикъ, наверху, на столѣ. Только ты не задерживайся тамъ, завтракъ-то поданъ, какъ бы рыба твоя не простыла.

Придя въ свою комнату, Джонъ распечаталъ письма. Одно было отъ дяди, перваго министра.—«Радъ слышать о твоемъ, вполнѣ благоразумномъ рѣшеніи. Приходи ко мнѣ обѣдать на будущей недѣлѣ въ этотъ самый день. Мнѣ надо многое тебѣ сказать, о многомъ разспросить; постараюсь, чтобъ намъ никто не помѣшалъ».

Другое письмо было отъ отца:

«Твоя новость не удивила меня, но если можетъ быть что-нибудь нелѣпѣе поступленія въ монастырь,—это выходъ изъ него. По поводу перваго наши островитяне всласть почесали языкъ; со вторымъ, конечно, будетъ то же».

Джонъ вздрогнулъ, какъ отъ пощечины, но тотчасъ же улыбнулся. У него стало легче на душѣ. Очевидно, Глори пишетъ домой, а это уже само по себѣ добрый знакъ. Джонъ спустился внизъ.

— Садись поближе, другъ, дай поглядѣть на себя. Э, да какой же ты блѣдный, и глаза ввалились. Садись-ка, да кушай хорошенько. Тамъ тебя, поди, голодомъ морили? И это зовется религіей! Да съ такой религіи спиться можно. Нѣтъ, я грѣшнымъ дѣломъ люблю покушать, да и тебѣ, паренекъ, не мѣшало бы нагулять немножко тѣла. Монахи, тоже! Нашли время. Засѣли въ углу и хвалятся: «Ахъ, какіе мы паиньки!»

Джонъ защищалъ своихъ недавнихъ товарищей. Это святые люди; они ведутъ святую жизнь; онъ былъ недостаточно чистъ, чтобы остаться съ ними.

— Однако, я точно изъ плаванія вернулся; ничего не знаю. Разскажите, что новаго на бѣломъ свѣтѣ.

— Кто родился, кто женился, кто умеръ. Ты вѣдь поди, какъ и прочіе мужчины, бабу ни о чемъ другомъ разспрашивать не станешь... Еще кусочекъ цыпленка? Не хочешь? Ну и здóрово же ты измѣнился! Такъ какъ же, съ кого начать?

— Да хоть съ каноника; что онъ подѣлываетъ?

— Сіяетъ, какъ новенькій пятакъ. Теперь онъ ужъ діакономъ, то бишь архидіакономъ, а дочку замужъ выдаетъ за этого подлипалу, за викарія-то своего. Умора, не женихъ: ротъ какъ у кролика, а ноги словно у тетерева. Ну, да впрочемъ, невѣста не изъ важныхъ.

— А м-рсъ Макрэ?

— Въ ангелы записалась. Думаешь, умерла? Нѣтъ, этого отъ нея не жди. Просто въ религію ударилась. По понедѣльникамъ миссіонеровъ на митинги созываетъ, по воскресеньямъ завтраки даетъ актерамъ; теперь къ ней и приступу нѣтъ; гдѣ ужъ намъ, грѣшнымъ!..

— А миссъ Макрэ?

— Сосватали-таки ее, бѣдняжечку. Все за того же, за лорда этого мерзкаго, со стеклышкомъ въ глазу. А мнѣ сильно сдавалось, что у нея, у бѣдняжки, въ мысляхъ было совсѣмъ другое. Ну, въ концѣ-концовъ сдалась-таки, дѣвочка, и свадьба, говорятъ, будетъ пышная, на рѣдкость. Вѣдь эти американцы все равно, что жиды, страхъ любятъ пыль въ глаза пускать. Бриллианты у нея, говорятъ, съ орѣхъ величиной, букеты по сажени въ обхватѣ, а жемчуга такіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать... И всей церемоніи учинятъ репетицію въ церкви. Да, да форменную репетицію, и ужъ, конечно, всѣмъ заправлять будетъ нашъ почтенный діаконъ.

Блѣдное лицо Джона Сторма искривилось.

— А въ госпиталѣ ничего особеннаго не произошло?

— Ничего.

— Не повторялось больше такихъ случаевъ, какъ тотъ... помните?

— Какъ съ этой бѣдняжкой? Нѣтъ!

— Слава Богу!

— Это былъ первый такой случай за много лѣтъ. А все-таки сидѣлки хорошія женщины. Своевольныя, говоришь ты? Ну такъ что-жъ! Зато милыя, веселыя, довольныя; а вѣдь, подумай, что имъ приходится видѣть! Адвокаты, доктора, да сидѣлки постоянно видятъ худшія стороны человѣческой природы и надо быть безсердечной, чтобы не имѣть къ нимъ снисхожденія.

Джонъ Стормъ, краснѣя, вышелъ изъ-за стола, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Ему надо сходить въ госпиталь, навести кое-какія справки; кстати это будетъ и прогулкой послѣ завтрака.

— Иди,—сказала м-рсъ Каллендеръ,—но помни, что мы обѣдаемъ въ шесть.—И еще помни, голубчикъ, что этотъ домъ будетъ твоимъ, пока ты не найдешь себѣ лучшаго. Поэтому можешь спать спокойно и располагаться, какъ у себя дома. А Дженъ Каллендеръ будетъ твоей старой теткой, пока тебя не отниметъ у нея кто-нибудь помоложе, кого ты будешь пѣловать уже не въ руку, а въ щеку, не боясь морщинъ, какъ со мной.

День былъ чудный, солнце ярко свѣтило; по улицамъ сновали нарядные экипажи, запряженные сытыми, вылощенными лошадьми, съ кучерами въ богатыхъ ливреяхъ. Госпиталь показался ему до странности чуждымъ; между сидѣлками въ корридорахъ то и дѣло попадались новыя лица. Джонъ спросилъ надзирательницу; та встрѣтила его смущенно и холодно, освѣдомилась, не былъ ли онъ боленъ, но о Глори

ничего сообщить не могла и направила его къ сестрѣ Ольдорзси. Сестру онъ засталъ вмѣстѣ съ домашнимъ врачемъ у постели больного; она коротко, почти грубо кинула ему черезъ плечо, что ничего не знаетъ, и повернулась къ нему спиной. Когда Джонъ выходилъ изъ палаты, его догналъ докторъ и шепнулъ, что не худо бы поразспросить швейцара.

Этотъ послѣдній разговорился не сразу, но, наконецъ, сообщилъ, что уволенная сидѣлка отъ времени до времени заходитъ за письмами. Послѣдній разъ она была давно уже, въ канунъ новаго года, дала ему шиллингъ и сказала, что больше не будетъ утруждать его.

Джонъ далъ ему пять шиллинговъ и освѣдомился, не спрашивалъ ли ее кто-нибудь другой. «Да, одинъ только разъ, джентельменъ».—«Онъ сказалъ свою фамилію?»—«Нѣтъ: говорилъ что напишетъ».—«Когда это было?»—«Дня за два до того, какъ она заходила послѣдній разъ».

Это могъ быть только Дрэкъ. Джонъ Стормъ взглянулъ на часы. Было безъ четверти четыре. Онъ застегнулъ пальто и направился черезъ паркъ къ Ст.-Джемсъ-стриту.

Въ этотъ день Горацію Дрэкъ пригласилъ къ себѣ друзей на завтракъ въ честь перваго дебюта Глори. Въ сущности, дебютъ долженъ былъ состояться вечеромъ; но утромъ въ томъ казино, гдѣ ей предстояло выступить впервые, состоялась генеральная репетиція въ костюмахъ, въ присутствіи избранной публики, главнымъ образомъ журналистовъ, артистовъ и товарокъ по профессіи. Затѣмъ, вся компанія перекочевала къ Дрэку. Завтракъ былъ конченъ, всѣ гости разошлись и хозяинъ остался въ столовой одинъ.

Дрэкъ стоялъ у камина, разсматривая набросокъ карандашемъ, изображавшій прелестное женское личико; «какъ живая»! прошепталъ онъ, вставляя портретъ за стекло. Въ это время внизу хлопнула входная дверь и нѣсколько минутъ спустя въ комнату вошелъ лордъ Робертъ, усталый, сердитый, измученный. Вытащивъ надушенный носовой платокъ, онъ обтеръ себѣ лобъ, съ усиліемъ перевелъ духъ и бросился въ кресло.

— Кончено,—выговорилъ онъ.—Отдѣлался.

Полли Ловъ тоже присутствовала за завтрокомъ и лордъ Робертъ пошелъ провожать ее домой, чтобы сообщить ей, наконецъ, о своей женитьбѣ. Пока дѣвушка снимала кофточку и шляпку, онъ сѣлъ за фортепіано и забарабанилъ какой-то маршъ, не зная, съ чего начать. Наконецъ, онъ выпалилъ: «А знаешь, милая, вѣдь я женюсь въ субботу», и застучалъ по клавишамъ пуще прежняго. Премерзкое положеніе! Почему она молчитъ? Немного погодя, онъ обернулся, взглянуть на нее. Она стояла бѣлая, какъ полотно, съ искаженнымъ лицомъ, ловя ртомъ воздухъ, и вдругъ зарыдала. Боже мой, какъ она рыдала!.. Ну да теперь кончено! Какъ бы тамъ ни было, а дѣло уладилось.

— Ну ужъ въ другой разъ, слуга покорный! Больше меня не поддѣнутъ; развѣ ужъ очень круто придется...

Наступило молчаніе. Обоимъ было неловко. Они старались говорить о посторонннихъ вещахъ.—«Не покурить-ли?»—«Пожалуй».—«Эти сигары хороши».—«Да, недурны».

Наконецъ, Дрэкъ выговорилъ другимъ тономъ:

— Жестоко, но необходимо, Робертъ, необходимо — для женщины, которая должна сдѣлаться вашей женой, жестоко — для бѣдной дѣвушки, которая была ею.

Лордъ Робертъ нетерпѣливо вскочилъ на ноги, сорвалъ съ себя воротничекъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Ей-Богу, я способенъ былъ оставить при себѣ малютку, если бы не старуха. У нея такія связи... А теперь она еще ударилась въ проповѣдничество... Не потерпѣла бы она Полли.

Снова молчаніе и снова разговоръ о посторонннихъ вещахъ.

— И къ чему это Бенсонъ унесъ содовую воду?

— Позвоните, онъ подастъ.

— А вѣдь малютка дѣйствительно искренно меня любитъ. Но вѣдь я же не виноватъ. Поневолѣ приходилось лавировать. Фрэнкъ, голубчикъ, вы всегда меня дразнили, что я обрекаю себя на каторгу ради общества и т. д. Но когда человѣкъ залѣзъ въ долги по уши, что же ему остается дѣлать, какъ не жениться?

— Я не говорю, что вы хуже другихъ, или что, пожертвовавъ этой бѣдняжкой, вы переродитесь...

— Не похоже на то, не правдали?

— Но, въ сущности, Джонъ Стормъ былъ ужъ не такъ неправъ, грозя карой Божіей цѣлой націи «за многобрачіе, въ которомъ пребываетъ наша свѣтская молодежь».

Лордъ Робертъ захохоталъ.

— Продолжайте,—насмѣшливо воскликалъ онъ.—Продолжайте, голубчикъ! Забавно слушать васъ, право, особенно послѣ сегодняшняго.— Онъ многозначительно покосился на столъ.

Дрэкъ стукнулъ кулакомъ по каминной рѣшеткѣ.

— Придержите язычекъ, Робертъ! Сколько разъ повторять вамъ, что здѣсь совсѣмъ другое? Изъ того, что я стараюсь помочь талантливой дѣвушкѣ выбиться на дорогу и завоевать себѣ положеніе, котораго она достойна, еще не слѣдуетъ...

— Лицемѣръ! Будь это мужчина вмѣсто хорошенькой дѣвчоночки съ огромными глазами, посмотрѣлъ бы я...

Въ это время Бенсонъ явился съ докладомъ, что ихъ спрашиваетъ какой-то священникъ.

— Опять Голяйтли!—тоскливо протянулъ лордъ Робертъ.—Эти несносныя приготовленія никогда не...

Лакей прервалъ его.

— Это не м-ръ Голяйтли. а какой-то незнакомый, фамиліи не говоритъ, похожъ на ксендза; онъ, кажется, разъ уже былъ здѣсь.

— Неужели же?.. Ахъ, чортъ!..

— Просите его сюда!

Дрэкъ закусилъ губы и сжалъ руку въ кулакъ; лордъ Робертъ началъ брызгать на себя одеколономъ изъ пульверизатора. Въ комнату вошелъ мужчина въ длинномъ сюртукѣ, какіе носятъ священники,— спокойный, серьезный, блѣдный, но вполнѣ владѣющій собою, съ бритымъ лицомъ, впалыми щеками и темными, глубоко ушедшими въ орбиты глазами, горѣвшими мрачнымъ огнемъ; волосы его были острижены такъ низко, что голова почти казалась лысой.

Пока Джонъ Стормъ шелъ черезъ паркъ, гнѣвъ его простылъ и смѣнился страхомъ; когда же онъ вступилъ въ нижнюю пріемную, гдѣ пахло духами, гдѣ чувствовались неуловимые слѣды присутствія женщины, страхъ этотъ выросъ до ужаса. Онъ отказался назвать себя и, подымаясь по лѣстницѣ, обитой кретономъ, чуть было не поддался искушенію убѣжать, чтобы не встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Глори. Но найдя въ столовой всего только двоихъ мужчинъ, онъ успокоился и возненавидѣлъ себя за то, что смѣлъ дурно подумать о *ней*.

— Простите, что я такъ безцеремонно явился къ намъ, сэръ...

Дрэкъ жестомъ пригласилъ его сѣсть. Джонъ поклонился и остался стоять.

— Вашъ другъ, вѣроятно, помнитъ, что я однажды уже былъ здѣсь..

Лордъ Робертъ кивнулъ головой и продолжалъ возиться съ пульверизаторомъ.

— По весьма прискорбному дѣлу, по поводу дѣвушки, служившей сидѣлкой у насъ въ госпиталѣ. Лично для меня эта дѣвушка была совершенно посторонней, но она была дружна съ особой, въ которой я принималъ самое живое участіе.

Дрэкъ еще крѣпче сжалъ губы, но не промолвилъ ни слова.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я долгое время провелъ вдали отъ госпиталя. Я писалъ вамъ объ этомъ,—помните?

— Ну?

— Я только что вернулся и прежде всего направился въ госпиталь.

— Ну?

— Вы понимаете, что я хочу сказать. Моей юной пріятельницы нѣтъ тамъ. Можете вы сообщить мнѣ, гдѣ она?

— Къ сожалѣнію, не могу,—холодно отвѣтилъ Дрэкъ, и ощутилъ уколъ самолюбія, замѣтивъ, какъ просіяло при этомъ отвѣтѣ серьезное лицо молодого священника.

— Такъ вы не знаете...

— Этого я не сказалъ.—

Лицо Джона опять омрачилось.

— Я привезъ ее сюда, по просьбѣ ея родныхъ. Естественно, что они ждутъ отъ меня вѣстей о ней и на мнѣ лежитъ по отношенію къ ней извѣстная отвѣтственность.

— Если такъ, извините, я долженъ сказать, что вы слишкомъ легко отнеслись къ своимъ обязанностямъ,—замѣтилъ Дрэкъ.

Джонъ Стормъ схватился рукой за стулъ. Наступило молчаніе.

— Какъ бы я ни заслуживалъ порицанія въ прошломъ,—выговорилъ онъ наконецъ,—мнѣ стало бы легче, еслибъ я нашелъ ее здоровой, счастливой и внѣ всякой опасности.

— Она здорова, невредима и счастлива—*это* я могу вамъ сказать.

И снова оба смолкли. Джонъ Стормъ заговорилъ первый, прерывающимся голосомъ, какъ бы съ усиліемъ сдерживая себя.

— Я зналъ ее ребенкомъ, сэръ... Вы не можете себѣ представить, сколько воспоминаній... Я цѣлый годъ не видалъ ея... послѣ долгой разлуки пріятно свидѣться съ старыми друзьями.

Дрэкъ промолчалъ и понурилъ голову, замѣтивъ, что глаза Джона наполнились слезами.

— Мы были очень дружны, росли вмѣстѣ, какъ добрые товарищи... Можно сказать, какъ братъ и сестра... Я любилъ представлять себя ея старшимъ братомъ, обязаннымъ заботиться о ней.

Въ противоположномъ углу комнаты раздался ироническій смѣхъ, лордъ Робертъ съ шумомъ поставилъ пульверизаторъ на столъ и отвернулся къ окну. Джонъ Стормъ выпрямился и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Господа, къ чему смягчать. Я не боюсь правды. Дѣвушка о которой мы говоримъ, для меня дороже всего на свѣтѣ. Отчасти она была причиной моего поступленія въ монастырь; а ужъ вышелъ я безусловно изъ-за нея. Я вышелъ, чтобъ розыскать ее, и *найду,* чтобы помочь, если ей трудно живется, чтобы спасти, если она въ опасности. Скажите же мнѣ, гдѣ она?

— М-ръ Стормъ, мнѣ это очень непріятно, но вы сами вынуждаете меня говорить откровенно. Молодая особа устроилась хорошо; она здорова и счастлива. Если друзья ея тревожатся за нее, она можетъ сама разувѣрить ихъ и, безъ сомнѣнія, уже сдѣлала это. Но въ ея теперешнемъ положеніи вы — человѣкъ опасный. Весьма возможно, что она сама не желаетъ встрѣчаться съ вами; во всякомъ случаѣ это для нея не будетъ полезно, и позволить ей рисковать такимъ образомъ я не могу.

— Такъ ужъ до этого дошло? Вы имѣете право рѣшать за нее?

— Можетъ быть, и имѣю...—Дрэкъ запнулся и порывисто докончилъ:—право защитить ее отъ фанатика.

Джонъ съумѣлъ сдержать себя, — онъ прошелъ хорошую школу.

— Будьте честны, скажите прямо, какія побужденія заставляютъ васъ интересоваться ею, — хорошія, или дурныя, эгоистическія, или безкорыстныя?

Дрэкъ не отвѣтилъ.

— Впрочемъ, всѣ эти разговоры ни къ чему не ведутъ. Я пришелъ сюда не затѣмъ. Скажете вы мнѣ, гдѣ она?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ между нами будетъ дуэль,—вы этого хотите? Вы будете сражаться за тѣло дѣвушки, я—за ея душу?

Наступило молчаніе. Глаза Джона Сторма, блуждавшіе по стѣнамъ, остановились на портретѣ Глори.

— Въ первый мой приходъ мнѣ отвѣтили то же,—что молодая особа не нуждается ни въ чьемъ покровительствѣ и что я мѣшаюсь не въ свое дѣло. Чѣмъ кончились *тѣ* отношенія, я не спрашиваю. Но что касается этихъ...

— Эти не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, и я попросилъ бы васъ не...

Джонъ Стормъ перекрестился и выговорилъ молитвеннымъ тономъ:

— Дай Богъ, чтобы эта была правда и чтобъ всегда такъ было!

Черезъ минуту его уже не было въ комнатѣ. Молодые люди не трогались съ мѣста, пока шаги его не стихли на лѣстницѣ и входная дверь не захлопнулась за нимъ. Тогда Дрэкъ воскликнулъ:

— Бенсонъ, телеграфный бланкъ,—скорѣе! Надо телеграфировать Кёнигу.

— Н-да, онъ не на шутку намѣренъ преслѣдовать ее, — замѣтилъ лордъ Робертъ.—Ну да не бѣда. Одна физіономія его способна напугать дѣвушку до полусмерти. Уфъ! Настоящая мертвая голова!

За обѣдомъ Джонъ Стормъ былъ болѣе обыкновеннаго молчаливъ. Чтобы вызвать его на разговоръ, м-рсъ Каллендеръ спросила, что онъ намѣренъ предпринять?

— Прежде всего, и безотлагательно, получить санъ священника.

— А потомъ?

— Потомъ, — онъ повернулъ къ ней искаженное, страдальческое лицо, — напасть на одну изъ сильнѣйшихъ твердынь царства діавола, гдѣ прямой и непосредственной жертвой является женщина; изо дня въ день повторять обществу, что оно терпитъ у себя организованное лицемѣріе съ цѣлью преслѣдованія и развращеніи женщины, а церкви— что холостое состояніе не есть безбрачіе, многобрачіе же противно закону Божію; отыскивать заблудшія, разбитыя и надломленныя жизнью существа, разбросанныя повсюду въ нашихъ городахъ, давать имъ кровъ и пріютъ и защищать ихъ, какъ бы низко онѣ ни пали, потому что онѣ мои сестры, и я люблю ихъ

— Спаси тебя, Господи, милый! Такъ и слѣдуетъ говорить и думать мужчинѣ!—вскричала старуха, вставая съ мѣста.

Но Джонъ Стормъ покраснѣлъ до ушей и со стыдомъ опустилъ голову.

II.

Вечеромъ, въ восемь часовъ, Джонъ Стормъ бродилъ по улицамъ Сого. Колоколъ на ближней фабрикѣ только что возвѣстилъ объ окончаніи работъ; изъ подъ входной арки высыпала толпа молодыхъ дѣвушекъ въ огромныхъ шляпахъ съ яркими цвѣтами и пышными перьями; онѣ шли гурьбой, подъ руку, занимая весь тротуаръ. Мужчины, кучками стоявшіе по угламъ улицъ, заигрывали съ ними; дѣвушки не оставались въ долгу и хохотали рѣзкимъ, задорнымъ смѣхомъ. На одномъ углу играла шарманка. Нѣсколько дѣвушекъ взялись за руки, окружили шарманщика и принялись плясать, подпѣвая. Добравшись до одной изъ главныхъ улицъ, онѣ чуть было не попали подъ колеса великолѣпнаго экипажа и, визжа отъ притворнаго испуга, бросились въ разсыпную, когда толстый кучеръ въ мѣховой пелеринѣ и шляпѣ съ кокардой заревѣлъ: «Па-а-ди!».

Площадь, перерѣзывавшая эту улицу, была средоточіемъ увеселеній; двѣ стороны ея были сплошь заняты театрами и казино; въ надвигавшихся сумеркахъ газовые рожки, украшавшіе фасады этихъ зданій, съ каждой минутой свѣтились ярче.

Джонъ Стормъ, вдругъ замѣтилъ, что газовые рожки на фронтонѣ зданія, находившагося передъ нимъ, расположены такъ, что составляютъ слово, и что слово было: «*Глорія*». Снова, какъ утромъ, оно бросилось ему въ глаза, но теперь понятное, объясненное... Его кидало то въ жаръ, то въ холодъ; мозгъ его, вялый, какъ парусъ въ безвѣтренную погоду, отказывался работать.

Сумерки быстро сгущались; газъ горѣлъ все ярче; Джонъ чувствовалъ себя во власти страшныхъ и неотразимыхъ чаръ. Это имя надъ подъѣздомъ казино, сверкающее сотней огней, тянуло его къ себѣ, слѣдило за нимъ всюду огненнымъ взоромъ. Онъ припоминалъ все видѣнное имъ сегодня съ момента выхода изъ монастыря, людей-вывѣсокъ, надписи на омнибусахъ, афиши на стѣнахъ; казалось, огненный перстъ все время указывалъ ему дорогу. Одно было ясно: его привела сюда сверхъестественная сила; значитъ такъ нужно было; значитъ, ему предопредѣлено было придти. Со стыдомъ и страхомъ, съ жалкимъ, убитымъ лицомъ, коря себя за свои подозрѣнія и въ то же время поддаваясь имъ, Джонъ перешелъ черезъ улицу и вошелъ въ казино.

Онъ занялъ мѣсто въ партерѣ; зала была биткомъ набита; ни одного пустого стула; многіе стояли позади. Первымъ впечатлѣніемъ Джона было то, что онъ обращаетъ на себя вниманіе. На него съ изумленіемъ воззрились кассиръ и капельдинеръ, отбиравшій билеты; въ залѣ на него смотрѣли всѣ сосѣди. Здѣсь были и мужчины, и дамы. Нѣкоторые изъ мужчинъ были въ свѣтлыхъ костюмахъ и говорили между собой на жаргонѣ скачекъ; нѣкоторыя дамы были въ кричащихъ шляпахъ, съ огромными бутоньерками на груди, и громко хохо-

тали. Передъ Джономъ всѣ разступались, такъ что онъ легко добрался до деревяннаго барьера, окружавшаго послѣдній рядъ креселъ.

Огромный концертный залъ въ восточномъ вкусѣ, красный съ золотомъ, послѣ кельи, поразилъ Джона пышностью своего убранства.

Занавѣсъ былъ опущенъ, но оркестръ уже игралъ увертюру. Представленіе состояло изъ отдѣльныхъ «нумеровъ».

Все это было знакомо Джону Сторму, все это онъ сто разъ видѣлъ въ то время, какъ, подъ руководствомъ отца, знакомился съ жизнью,— жонглеровъ, и акробатовъ, танцовщицъ, комическихъ пѣвицъ и т. п. Ему было стыдно и скучно, онъ усталъ смотрѣть, но не могъ заставить себя уйти.

По мѣрѣ того, какъ исполнители смѣняли другъ друга, онъ успокоивался и говорилъ себѣ: «Какъ это глупо! Что за безуміе вообразить себѣ подобную вещь!». Онъ прислушался къ разговору сосѣдей. Рѣчи велись вольныя, но не циничныя. Мужчины заигрывали съ дамами, задѣвали ихъ, подталкивали, тѣ отшучивались и отвѣчали тѣмъ же. По временамъ то одинъ, то другой оборачивались въ сторону Джона и съ нахальной улыбкой заглядывали ему въ лицо. «Боже меня избави испортить имъ удовольствіе», думалъ онъ. «У нихъ, у бѣдныхъ только и есть, что это».

Чѣмъ дальше, тѣмъ экспансивнѣе становилась публика. Джонъ обернулся посмотрѣть на сидѣвшихъ позади. У всѣхъ лица были потныя, разгоряченныя, расплывшіяся въ широкую масляную улыбку. Джонъ, еще не успѣвшій освободиться изъ подъ вліянія монастыря, думалъ: «Вотъ чѣмъ развлекается по вечерамъ нашъ народъ. То же будетъ и завтра, и послѣ завтра. Бѣдная моя родина!».

Взрывъ апплодисментовъ вывелъ его изъ забытья. Занавѣсъ былъ опущенъ; на сценѣ ничего не происходило. Кто то позади него сказалъ: «Ея нумеръ!»—«Новая артистка?» спросилъ другой.—«Глорія», былъ отвѣтъ.

У Джона закружилась голова. Онъ оглядѣлся: пройти было негдѣ, всюду толпа. «Въ сущности, съ какой стати?» — подумалъ онъ и рѣшилъ оставаться до конца.

Снова апплодисменты. Въ оркестрѣ появился другой дирижеръ. Съ палочкой въ рукѣ онъ раскланивался, стоя передъ рампой. Это былъ Кёнигъ, органистъ. Джонъ Стормъ чувствовалъ, что въ немъ дрожитъ каждая жилка.

Онъ и не замѣтилъ, какъ наполнились первые ряды. Въ литерную ложу, до тѣхъ поръ остававшуюся незанятой, теперь вошли трое,— Дрэкъ, лордъ Робертъ Юръ и дама съ коротко остриженными волосами, зачесанными назадъ.

Вся зала ходила ходуномъ передъ глазами Джона, но онъ крѣпился, повторяя: «Такимъ господамъ здѣсь-то и мѣсто!» и стараясь утѣшить себя тѣмъ, что Глори съ ними не было. Можетъ быть они вовсе не такъ ужъ и близки съ ней.

Оркестръ опять заигралъ; публика притихла; на всѣхъ лицахъ выражалось напряженное ожиданіе. Взвился занавѣсъ. Джонъ Стормъ задыхался. Еслибъ было куда ускользнуть, онъ бы убѣжалъ бѣгомъ. Отъ волненія онъ схватился обѣими руками за барьеръ.

Къ рампѣ, скользя, легкой поступью подошла женщина, высокая, въ черномъ платьѣ и длинныхъ черныхъ перчаткахъ, съ красными волосами и головкой, похожей на бутонъ розы. Это была Глори! Передъ глазами Джона поплылъ какой-то туманъ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ ничего не видѣлъ.

Въ партерѣ и райкѣ раздалось нѣсколько хлопковъ. Изъ ложъ махали платками; дама въ литерной ложѣ послала на сцену воздушный поцѣлуй. Глори улыбалась, вполнѣ владѣла собой и какъ будто нисколько не боялась, только конфузилась немножко. Снова водворилось молчаніе, и она запѣла.

Странная вещь! Джонъ Стормъ поймалъ себя на томъ, что онъ молился, чтобы она хорошо спѣла и своимъ успѣхомъ затмила всѣхъ. Но смотрѣть на нее онъ не могъ; хотя звукъ ея голоса производилъ на него еще болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ видъ ея лица. Почти годъ, какъ онъ не слыхалъ этого голоса, и услыхать его здѣсь, при такой обстановкѣ! Должно быть, дыханіе со свистомъ вырывалось изъ его груди, потому что рядомъ послышалось, «тс, тс!» и кто то даже потрепалъ его по плечу.

Черезъ минуту онъ уже овладѣлъ собой, поднялъ голову и сталъ слушать. Голосъ Глори, вначалѣ дрожавшій, теперь звучалъ громче и увѣреннѣе. Она пѣла «*Mylecharaine*», и странная, жалобная мелодія мэнской баллады разливалась въ воздухѣ, какъ плескъ волны. Слушатели выпрямились и наклонились впередъ; потомъ водворилась тишина, мертвая тишина, смѣнившаяся громомъ апплодисментовъ.

Но комическій элементъ пѣсни начинался только со второго стиха и Джонъ Стормъ ждалъ его съ замираніемъ сердца. Глори сто разъ пѣла при немъ эту пѣсню въ былые дни и теперь пѣла ее точно такъ же, какъ и тогда: тѣ же интонаціи, тѣ же жесты, та-же смѣна выраженій лица и тѣ же гримасы. Все было то же, и между тѣмъ все измѣнилось. Онъ ожидалъ этого; онъ зналъ, что такъ должно быть. Тогда пѣсня казалась невинной и безхитростной, теперь—полной значенія и намековъ. Почему? Въ чемъ заключалась разница? Въ обстановкѣ, въ составѣ слушателей. Джону Стормy хотѣлось обернуться къ своимъ сосѣдямъ и огорошить ихъ браннымъ словомъ. Безстыдные циники, они хохочутъ, пищатъ, визжатъ отъ восторга, по своему толкуютъ каждое слово, придаютъ гнусное, низкое значеніе тому, что само по себѣ совершенно невинно. Какъ онъ ненавидитъ эти потныя лица, эти оскаленные зубы!

Пѣсня кончилась. Глори шутливо присѣла, приподняла платье и ушла со сцены. Въ залѣ стонъ стоялъ отъ визга, топанья ногъ и

оглушительныхъ аплодисментовъ. Всѣ единодушно требовали повторенія. Она снова вышла улыбаясь и присѣдая; лицо ея выражало удовольствіе, почти гордость. Джонъ Стормъ испугался самъ себя, такою жгучею болью заныло его сердце. «Эй вы, потише!» сказалъ кто-то позади, а другой спросилъ: «это что за фигура»!? И снова зазвучалъ голосъ Глори.

Она пѣла другую мэнскую пѣсенку. Въ субботу, вечеромъ, послѣ цѣлой недѣли, проведенной въ морѣ, рыбаки гурьбой выходятъ на берегъ. Они идутъ въ трактиръ, тамъ встрѣчаются со своими возлюбленными, пьютъ и поютъ. Наконецъ, опьяненные виномъ и любовью, они доходятъ до такого состоянія, что укладываются спать, не снимая даже сапогъ. Тогда дѣвушки цѣлуютъ ихъ и уходятъ. Пѣвица изобразила звукъ поцѣлуя, и восхищенная публика сдѣлала то же. По всей залѣ зазвучали поцѣлуи въ перемежку съ вызовами и смѣхомъ. Пѣвица улыбалась и отвѣчала воздушными поцѣлуями. Она дѣлала это съ такимъ видомъ, какъ будто посылала ихъ каждому въ отдѣльности, и каждому невольно хотѣлось отвѣтить. Это было неотразимо, заразительно, вся зала была охвачена однимъ порывомъ.

Джону Стормъ было тошно до глубины души. Глори отлично понимаетъ, что она дѣлаетъ. Она знаетъ, что́ нужно этимъ людямъ. Его Глори! Глори былыхъ, невинныхъ, счастливыхъ дней! О Боже! Если бы ему хоть выбраться отсюда! Но это было невозможно. Его тѣснили со всѣхъ сторонъ; спереди и сзади передъ нимъ живою стѣною стояли лица, красныя, возбужденныя. Джонъ старался не слушать, что говорилось вокругъ него, но не могъ не слышать.

— «Недурна птичка, а?»—«Да, голосиста!»—«И препикантная!»—«Н-да-съ, будь у меня деньги, у нея завтра же былъ бы свой выѣздъ и мѣха».—«Ты хочешь сказать: сегодня вечеромъ?» И оба многозначительно крякнули и захохотали.

Глори продолжали вызывать. Она выходила непритворно веселая, торжествующая, все время продолжая играть: одинъ разъ она изображала веселаго юношу, другой—брюзгу-старика, то наивную молоденькую дѣвушку, то болтливую старуху. Джонъ Стормъ дѣлалъ надъ собой всевозможныя усилія, чтобы не слушать. Поникнувъ головой и опустивъ глаза, онъ старался думать о монастырѣ и представлять себѣ, что онъ до сихъ поръ еще похороненъ въ своей кельѣ. Онъ только утромъ вышелъ оттуда, а ему казалось, что съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Вчера—братство, служба въ церкви, пѣніе, чистый воздухъ, тишина, одиночество и атмосфера молитвы; сегодня — толпа, облака дыма, запахъ водки; безсмысленный смѣхъ,—и въ центрѣ всего этого Глори.

На минуту ему удалось отрѣшиться отъ окружающаго, но аплодисменты и крики: «браво» снова вывели его изъ забытья. Онъ поднялъ голову. Глори кончика и раскланивалась. Дама въ литерной ложѣ бросила ей букетъ красныхъ розъ. Она подняла его, поцѣловала и поклонилась по направленію къ ложѣ. Аплодисменты усилились.

Сзади стало посвободнѣе. Теперь онъ могъ протолкаться къ выходу Публика тоже расходилась. Джонъ съ наслажденіемъ подставилъ холодному вѣтру свое разгорѣвшееся лицо.

Въ узкій дворикъ позади, плохо освѣщенный и довольно пустынный, выходила небольшая, открытыя дверь. Надъ ней на стѣнѣ висѣла лампа. Эта дверь вела на сцену. Кучка молодыхъ людей, съ виду подмастерья изъ парикмахерской, поджидала около на тротуарѣ, переговариваясь между собой: «Интересно-бы посмотрѣть на нее!»—«Навѣрное, лэди!»—«Батюшки, опять эта кислая фигура!»

Джонъ Стормъ протолкался въ маленькую комнатку, гдѣ за стеклянной перегородкой сидѣлъ управляющій.

— Могу я видѣть миссъ Квэйль?

Тотъ вытаращилъ на него глаза·

— Т. е. Глорію,—съ усиліемъ выговорилъ Джонъ Стормъ.

Управляющій посмотрѣлъ на него подозрительно. «Это условлено?»—«Нѣтъ, но нельзя ли послать карточку?» — На лицѣ управляющаго выразилось сомнѣніе. — «Скоро ли она выйдетъ?» — Управляющій не зналъ. — «Будетъ-ли она проходить здѣсь?» — Управляющій не могъ сказать.—«Нельзя ли узнать ея адрессъ?»

— Если вамъ что нужно написать—пишите здѣсь,—сказалъ управляющій, указывая рукой на обои.

Джону Сторму было неловко и стыдно. Парикмахерскіе ученики издѣвались надъ нимъ. Онъ вышелъ, чувствуя, что Глори теперь отъ него дальше, чѣмъ когда-либо, что они могутъ встрѣтиться и пройти мимо, не обмѣнявшись ни словомъ, но уйти совсѣмъ онъ не могъ. Онъ перешелъ на другую сторону улицы и ждалъ въ темнотѣ.

Наконецъ, въ дверяхъ появился управляющій и свистнулъ. Къ подъѣзду подкатила наемная карета, дожидавшаяся въ глубинѣ двора. Дама закутанная въ плащъ съ капюшономъ, вышла подъ-руку съ джентльменомъ; въ рукѣ ея былъ букетъ розъ. Съ минуту они стояли рядомъ и Джонъ слышалъ, какъ она смѣялась. Затѣмъ она сѣла въ карету, дверца захлопнулась; кучеръ повернулъ; джентльменъ приподнялъ шляпу; свѣтъ упалъ на лицо дамы, она поклонилась впередъ и улыбнулась. Джонъ видѣлъ ея улыбку.

Черезъ минуту карета скрылась изъ виду и толпа ожидающихъ разсѣялась. Джонъ остался одинъ въ маленькой, темной уличкѣ; гдѣ-то невдалекѣ шарманка снова завизжала «тарарабумбію».

— Ну что, какъ тебѣ повезло для перваго раза? — спросила на другой день за завтракомъ миссъ Каллендеръ. — Нашелъ хоть одну заблудшую овечку?

— Одну нашелъ, — отозвался Джонъ. Лицо его было печально. — Она погибла, хотя еще не сознаетъ этого, помоги ей Боже!

— Вначалѣ это всегда такъ бываетъ. Напиши ея друзьямъ, если они у нея есть.

— Ея друзьямъ?
— Ничто такъ не дѣйствуетъ, какъ увѣщанія близкихъ...
— Я это сдѣлаю,—непремѣнно. Больше ничего не остается...

III.

Пріорство, пятница, утромъ.

«Милыя мои тети, да будетъ вамъ извѣстно, что Глори имѣла потрясающій успѣхъ. Не пугайтесь, ничего ужаснаго не случилось; все дѣло въ томъ, что въ понедѣльникъ, вечеромъ, Глори пѣла, читала и разыгрывала мимическія сцены, передъ публикой, болѣе многочисленной, чѣмъ обыкновенно, и въ результатѣ весь міръ—лондонскій міръ—только и говоритъ, что о ней и не обращаетъ вниманія ни на кого другого. Съ каждой почтой я получаю цвѣты и визитныя карточки или еженедѣльные журналы съ моимъ собственнымъ портретомъ и краткимъ жизнеописаніемъ; просто удивительно, сколько новаго узнаешь о себѣ, когда принимаешься читать газеты. Моя комнатка въ эту минуту напоминаетъ окно цвѣточницы, и я сильно подозрѣваю, что мой учитель и хозяинъ, Кенигъ, въ мое отсутствіе показываетъ всѣ эти подношенія восхищеннымъ сосѣдямъ. Милый старикашка съ понедѣльника не помнитъ себя отъ радости: распѣваетъ по цѣлымъ днямъ, а въ промежуткахъ прислуживаетъ мнѣ какъ негръ, заказываетъ спеціально для меня разные супы и желе, какъ будто я вдругъ перешла на положеніе больной. А я здорова, какъ всегда, только нервы немножко разгулялись, потому что всю эту недѣлю ихъ терзали немилосердно. Теперь я испытываю совершенно то же, что испытывала много лѣтъ мому назадъ въ Пизѣ, когда забралась на колокольню старой церкви и дернула за веревку,—вѣдь я была страшный сорванецъ, отчаянная дѣвчонка! Боже мой, что это было! Я до смерти перепугалась, когда загудѣли колокола, а старыя стѣны затряслись отъ мощныхъ звуковъ. Но, разъ начавъ, остановиться ужъ не могла и, сама вся дрожа, дергала и дергала за веревку, пока, наконецъ, на трезвонъ не собрались люди, воображая, что городъ въ огнѣ. А на башнѣ никого не оказалось, кромѣ маленькой дѣвчонки, дрожавшей, какъ листъ, и заливавшейся горькими слезами! Помню, за этотъ первый порывъ къ славѣ меня выбранили, отшлепали и заперли одну въ темнотѣ, чуть ли не въ дровяномъ сараѣ. Теперь, если только вы не прибѣгнете второй разъ къ такой же карѣ...

«Тетя Анна, милая, я вяжу для тебя прелестнѣйшую косыночку,—бѣлую съ голубымъ, подъ стать твоему цвѣту лица,—такъ какъ времени у меня много: я занята только вечеромъ, а остальной частью дня могу располагать по своему усмотрѣнію. Какъ это мило съ моей стороны, не правда ли? Однако вы, должно быть, видите меня насквозь и мнѣ необходимо сказать вамъ то, что я и безъ того слишкомъ долго

скрывала. Когда я думаю объ этомъ, я вся съеживаюсь и становлюсь старухой, сморщенной, какъ зимнее яблочко, Поэтому вы должны изобразить собой двухъ старыхъ ангеловъ, тетички, и какъ можно осторожнѣе передать мою новость дѣдушкѣ.

Помнишь, тетя Рэгель, я просила тебя помолиться за меня въ девять часовъ вечера въ день рожденія королевы? Помните вы и то, что м-ръ Дрэкъ превозносилъ до небесъ таланты Глори и сулилъ ей золотыя горы. Вы не забыли, конечно, и того, что у м-ра Дрэка есть другъ лордъ Робертъ Юръ, или, проще, лордъ Бобъ. Такъ вотъ видите ли, по совѣту м-ра Дрэка, благодаря хлопотамъ и вліянію лорда Бобби и еще не знаю чему, въ жизни новаго вѣчнаго жида произошла новая перемѣна,—послѣдняя, милыя мои, послѣдняя и окончательная!— и теперь я ужъ больше не развлекаю свѣтскаго общества, но получила ангажементъ въ кази»...

Глори уронила перо и встала, вытирая глаза.

— Нѣтъ, это невозможно, они никогда не простятъ!...

Къ подъѣзду подкатила коляска и черезъ минуту горничная подала Глори визитную карточку, на которой стояло, затѣйливымъ шрифтомъ, со множествомъ росчерковъ и завитушекъ: «Миссъ Полли Лёвъ».

— Просите, — сказала Глори. Полли вошла, шурша свѣтло-сѣрымъ шелковымъ платьемъ; на ней была нарядная, бросающаяся въ глаза шляпка; подъ мышкой она несла маленькую собачку. Она постарѣла и подурнѣла: бѣлорозоваго цвѣта лица ея не было видно подъ пудрой; свѣтлосѣрые глаза были подведены. Теперь она болѣе, чѣмъ когда-либо, производила впечатлѣніе хрупкости, надломленности; трещина въ вазѣ была явственно видна. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ госпиталя, Глори видѣлась съ ней только разъ; тѣмъ не менѣе, Полли порывисто бросилась цѣловать ее, потомъ сѣла и залилась слезами.

— Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я, право, самая несчастная женщина въ цѣломъ Лондонѣ. Вы не слыхали? Я думала, что это ужъ всѣмъ извѣстно. Робертъ женится. Серьезно; завтра утромъ онъ вѣнчается съ этой американкой, за которую его давно сватали, съ богатой наслѣдницей, а я и знать ничего не знала до понедѣльника,— помните, когда этотъ знаменитый завтракъ-то былъ? Я предчувствовала, что какая-нибудь гадость случится, потому что утромъ, одѣваясь, разбила зеркало. Робертъ привезъ меня домой и съ мѣста усѣлся за рояль. Я видѣла, что у него что-то есть на душѣ. Наконецъ, онъ говоритъ: «А знаешь, милочка, я вѣдь женюсь въ субботу?» Дивлюсь, какъ я устояла на ногахъ, однакожъ не упала; а онъ все продолжаетъ играть. Я не выдержала, разревѣлась и ушла въ свою комнату. Черезъ минуту и онъ пришелъ туда, но не поднялъ меня и не сталъ утѣшать, какъ бывало прежде, а началъ говорить, что нужно сдерживать себя, разсказывать, какъ онъ меня устроитъ и т. под-

Потомъ сказалъ, что слезы идутъ ко мнѣ, но много плакать вредно, и ушелъ.

Она снова заплакала, а собаченка, сидѣвшая у нея на колѣняхъ, принялась подвывать ей.

— О Боже! Что я сдѣлала? за что я такая несчастная! Я ни съ кѣмъ не флёртовала, не ходила въ кафе по вечерамъ, какъ другія, не смотрѣла ни на кого. Онъ не можетъ ни въ чемъ упрекнуть меня. Ужъ если я кого люблю, такъ люблю: и ложусь, и встаю, все одна думушка только о немъ. А онъ меня бросилъ... Я не переживу этого, не переживу...

Глори старалась утѣшить бѣдняжку. Она не имѣетъ права умирать: у нея есть ребенокъ, — неужели она ни разу не видала его съ тѣхъ поръ, какъ оставила его у м-рсъ Джупъ? Теперь онъ ужъ навѣрное ходитъ, лепечетъ, — такая прелесть! Ей надо взять къ себѣ ребенка; съ нимъ ей не будетъ скучно.

Полли поцѣловала собаченку, чтобы успокоить ее, и возразила:

— Мнѣ никого не нужно. Жизнь не имѣетъ для меня прежней цѣны. Онъ думаетъ, что, потому только, что онъ женится на этой барышнѣ.. Чѣмъ она лучше меня, желала бы я знать? Она повѣсилась ему на шею изъ за титула а онъ ее беретъ изъ за денегъ... Мнѣ страшно хочется пойти въ церковь и пристыдить ихъ обоихъ. Вы бы этого не сдѣлали? Или... Тяжело скрывать свои чувства, но они были бы наказаны по заслугамъ, еслибъ я это сдѣлала.

Въ глазахъ Полли появилось какое-то странное выраженіе; она поднялась и такъ крѣпко прижала къ себѣ собаченку, что та опять завизжала.

— Сдѣлала что?

— Ничего... то-есть...

— Вамъ и думать нечего идти въ церковь. Полиція...

— О, я не полиціи боюсь,—возразила Полли, покачавъ головой.

— А чего же?

— Все равно... съ нашей сестрой всегда такъ бываетъ.

Глори вспыхнула до корней волосъ, но не возражала. У дверей Полли вытерла глаза.

— Мнѣ очень грустно говорить это при васъ, душечка, но все это штуки, м-ра Дрэка, и вамъ не мѣшаетъ помнить, что и онъ способенъ поступить такъ же, и еще хуже. Впрочемъ, вы теперь знаменитость; о васъ трубятъ на всѣхъ перекресткахъ, такъ что вамъ безпокоиться нечего. А все-таки...

Лицо Глори пылало, а на нижней губѣ выступила капелька крови. Тѣмъ не менѣе она поцѣловала на прощанье бѣдную, глупенькую Полли. Лежачаго не бьютъ, и потомъ, чѣмъ же она виновата, если не понимаетъ и живетъ совсѣмъ въ другой средѣ?... Вернувшись къ своему письму она опять сказала себѣ:

— Невозможно! Если эта дѣвушка, воспитанная совсѣмъ въ другой атмосферѣ, думаетъ, что...

Затѣмъ она присѣла къ столу и заставила себя сказать всю правду. Самая трудная часть исповѣди была кончена; теперь она писала: «Не знаю, какъ бы онъ посмотрѣлъ на это, но представьте, мнѣ показалось, что на-днях я видѣла его лицо. Было темно, и я садилась въ карету, выйдя изъ театра. Но какъ онъ измѣнился — страшно! Должно быть, мнѣ привидѣлось. У меня такое чувство, какъ будто я видѣла его двойника»...

Въ это время до нея донеслись снизу спорящіе мужскіе голоса, одинъ—Кенига, другой—какой-то загробный. Глори встала и на цыпочкахъ подошла къ двери, сама не зная, почему. Голосъ Кенига говорилъ: «Нэтъ сэръ, эта дэвица не живетъ здэсь». Другой, низкій грудной голосъ отвѣчалъ: «М-ръ Кенигъ, вы навѣрное помните меня?»— Сердце Глори учащенно билось.—«Нэ—этъ, сэръ. Неужели вы?.. О, *ja*, конешно, о чемъ я думаитъ! Но эта дэвица...»

— М-ръ Кенигъ,—крикнула Глори, перевѣшиваясь черезъ перила,— попросите, пожалуйста, этого господина подняться сюда.

Она едва ли съумѣла бы разсказать, что было дальше. Кенигъ внизу сконфуженно бормоталъ что-то въ свое оправданіе. Она вернулась въ свою комнату, посмотрѣлась въ зеркало, поправила волосы. На лѣстницѣ послышались шаги, потомъ на площадкѣ, у порога. Глори отскочила отъ двери, чтобъ видѣть его, когда онъ войдетъ. Онъ постучалъ. Ея сердце билось такъ сильно, что она должна была придержать его рукой.

— Кто здѣсь?

— Я.

— Кто я?

Дверь отворилась, и онъ вошелъ. Онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ; большіе глаза его смотрѣли устало, хоть и улыбались въ эту минуту; рука была костлява, хоть и сильна; голова плотно острижена.

Съ минуту она глядѣла на него, не говоря ни слова; сердце ея было такъ полно, что у нея сжимало горло.

— Это вы? Я не узнала... Я думала...

Она говорила безсвязно, прерывисто, задыхаясь, словно послѣ быстраго бѣга.

— Глори, я испугалъ васъ?

— Испугали? О нѣтъ! Почему вы это думаете? Можетъ быть, потому, что я плачу? Ничего, это со мной въ послѣднее время часто бываетъ. Притомъ же вы такъ...

— Да, я измѣнился,—докончилъ онъ за нее.

— А я?

— Вы тоже измѣнились.—Онъ смотрѣлъ ей въ лицо пристальнымъ страстнымъ взглядомъ. Наконецъ передъ нимъ она сама, Глори,

живая, не видѣніе, не грёза. Онъ узнаетъ эти чудные глаза съ блестящими рѣсницами, съ искрящимся пятнышкомъ въ одномъ изъ нихъ, при видѣ котораго такъ часто сильнѣе билось его сердце. Она же смотрѣла на него и думала: «Какъ ему, должно быть, тяжело жилось это время». Тутъ знакомый клубокъ сдавилъ ей горло, она засмѣялась, чтобъ не расплакаться и быстро затараторила на мэнскомъ нарѣчіи, чтобъ онъ не замѣтилъ дрожи въ ея голосѣ:

— Такъ вы таки выбрались на свѣтъ Божій изъ своей норы?.. Я «страсть рада», какъ говорятъ наши рыбаки, а если это совсѣмъ, такъ и еще того лучше.

Она снова нервно разсмѣялась и прибавила, болѣе серьезно:

— Скажите, вы совсѣмъ ушли, вы больше не вернетесь въ...

— Нѣтъ, Глори, я не вернусь больше въ братство.

Какъ ласково звучалъ его голосъ!

— А вы?

— Какъ видите, я ушла изъ госпиталя.

— Да, вижу.—Его усталые глаза блуждали по комнатѣ, и въ первый разъ Глори стало стыдно ея роскошнаго убранства и обилія цвѣтовъ.

— Но какъ вы розыскали меня?

— Сначала я отправился въ госпиталь...

— Такъ вы меня не забыли? А знаете, я думала, что вы совсѣмъ... Ну, да все равно... А потомъ куда вы пошли?

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Ну?

— Потомъ я пошелъ къ м-ру Дрэку.

— Не понимаю, почему всѣ думаютъ, что м-ръ Дрэкъ...

Его большіе глаза, не отрываясь, смотрѣли ей въ лицо; ротъ его кривился. Чтобъ помѣшать ему высказаться, она принудила себя улыбнуться и съ напускнымъ оживленіемъ спросила:

— Ну, а затѣмъ? Какъ же вы все-таки въ концѣ концовъ добрались до меня?

— Я рѣшилъ найти васъ Глори, хотя бы мнѣ пришлось для этого исходить весь Лондонъ, хотя бы всѣ сговорились прятать васъ отъ меня; — клубокъ въ горлѣ давилъ ее невыносимо; — но случайно мнѣ бросилось въ глаза имя надъ дверью казино.

Она видѣла, къ чему идетъ дѣло; и залилась смѣхомъ.

— Казино! Подумать только! Вы—у входа въ казино!

— Я былъ тамъ въ понедѣльникъ.

— Вы? Въ понедѣльникъ? Такъ, пожалуй, мнѣ не почудилось, а я дѣйствительно видѣла васъ у боковой двери.—Ея нервное возбужденіе все усиливалось. Чтобъ успокоиться хоть немного, она закинула руки за голову.—И тамъ вамъ дали мой адресъ?

— Нѣтъ, я написалъ въ Пиль.

— Въ Пиль?—У нея опустились руки и захватило дыханіе.—Пожалуй, вы сказали имъ, гдѣ...

— Я ничего не сказалъ имъ, Глори.

Она взглянула на него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ и поникла головкой.

— Впрочемъ, это не такъ важно. Я только что писала имъ, и они скоро... Ахъ, мнѣ такъ много нужно сказать вамъ, а здѣсь я говорить не могу. Нельзя ли намъ пойти куда-нибудь?—въ паркъ, или еще дальше?.. Эта комнатка такъ мала! Я просто задыхаюсь отъ недостатка воздуха.

— Мнѣ тоже надо кое-что сказать вамъ, и если...

— Въ такомъ случаѣ, пусть это будетъ завтра. Выйдемъ пораньше, чтобъ успѣть вернуться къ началу представленія. Будьте на Паддингтонской станціи, въ одиннадцать, согласны?

— Да.

Она проводила его до калитки. Ей очень хотѣлось, чтобъ онъ поцѣловалъ ей руку, поэтому, прощаясь, она нарочно подняла ее повыше; но онъ только зажалъ ея руку въ своей и пристально поглядѣлъ ей въ глаза. Садикъ былъ весь залитъ солнцемъ, но Глори не надѣла шляпы. Она была въ свѣтлой утренней блузѣ, волосы ея были скручены узломъ на затылкѣ; Джону показалось, что онъ никогда еще не видалъ ее такой прелестной.

Дойдя до конца улицы, онъ сѣлъ въ омнибусъ. Кромѣ него, пассажировъ не было. Онъ вынулъ изъ кармана письмо, поднесъ его къ губамъ, вынулъ изъ конверта и прочелъ слѣдующее:

«Повидайтесь съ ней, милый Джонъ, и не теряйте ее изъ виду; этимъ вы у меня снимете съ души большую тяжесть. Что касается вашего батюшки, старый Чэльсъ окончательно съ ума спятилъ и кажется, заразитъ лорда Сторма. Теперь онъ забралъ себѣ въ голову, будто вѣльма, сглазившая васъ, живетъ въ Гленфаба. По ночамъ онъ выметаетъ слѣдъ передъ нашимъ домомъ и потомъ развѣваетъ эту землю по вѣтру. Этакій простофиля! У насъ въ домѣ всего двѣ женщины. Кого же онъ подозрѣваетъ: Рэчель? или можетъ быть, тетю Анну?»

Тѣмъ временемъ Глори снова сидѣла за столомъ, изливая свои восторги; перо ея такъ и летало по бумагѣ.

«Какъ бы вы думали, кто сейчасъ былъ здѣсь? Джонъ—Джонъ Стормъ! Впрочемъ вы уже знаете, что онъ вернулся, и мнѣ не привидѣлось его лицо. Кажется, меня прятали отъ него, а онъ всюду искалъ меня и слѣдилъ за мной». (Клаксъ). «Его голосъ сталъ ужасно глухой, но это должно быть всегда такъ бываетъ съ тѣми, кто много времени проводитъ въ одиночествѣ; онъ страшно худъ и блѣденъ, а глаза еще больше прежняго глубокіе-глубокіе, смотрятъ прямо въ душу. Онъ самъ знаетъ, что измѣнился, и, кажется, ему неловко, (клаксъ) но

я само собой и виду не показала, что разглядываю его. Я такъ счастлива, что онъ, бѣдненькій, наконецъ, вырвался изъ своей клѣтки! Сегодня я на радостяхъ такъ распотѣшу свою публику, что они всѣ лопнутъ со смѣху». (Кляксъ, кляксъ). Какая скука! Въ эти чернила навѣрное подмѣшано воды, и потомъ у меня такой отчаянный почеркъ. А впрочемъ:

«Почему бъ и не любить мнѣ Джонни?
Почему бы Джонни не любить меня?»

Глори.

IV.

Было чудное майское утро. Джонъ, поджидавшій на Паддингтонской станціи, инстинктивно почувствовалъ приближеніе Глори, и дѣйствительно, черезъ минуту она подошла къ нему своей легкой, увѣренной поступью, въ бѣломъ батистовомъ платьѣ, съ свѣтлымъ зонтикомъ, обшитымъ кружевами. Лицо ея разгорѣлось отъ свѣжаго воздуха; она смотрѣла веселой и счастливой. Они пошли рядомъ; она засыпала его вопросами относительно собаки, сразу завладѣла ею и рѣшила назвать ее Дономъ.

Они рѣшили провести день въ Бёрнгамъ-Бичѣ; онъ пошелъ за билетами, она вышла на платформу. Газетный кіоскъ пестрѣлъ иллюстрированными изданіями, и одно изъ нихъ какъ разъ было раскрыто на страницѣ съ ея портретомъ. Глори хотѣлось показать его Джону и, когда онъ вернулся, она маневрировала такъ, чтобы очутиться передъ кіоскомъ. Онъ увидалъ, засмѣялся и купилъ номеръ съ портретомъ.

Продавецъ узналъ ее,—это видно было по его улыбкѣ. Кучка гвардейскихъ офицеровъ въ фланелевыхъ костюмахъ и соломенныхъ шляпахъ, отправлявшихся завтракать въ свой клубъ, замѣтивъ ее, стали переглядываться и подталкивать другъ друга, какъ будто также знали, кто она. У Глори прыгали глаза, улыбались губы; она гордилась тѣмъ, что Джонъ можетъ видѣть первые плоды ея славы. Она гордилась и имъ самимъ, его мужественной осанкой, увѣренной поступью и всѣмъ его корректнымъ видомъ. А у Джона ныло сердце, онъ не зналъ какъ приступить къ исполненію того, что онъ считалъ своимъ долгомъ.

Какъ только поѣздъ тронулся, Глори вся отдалась наслажденію предстоящимъ отдыхомъ, даже тряска, громыханье и лязгъ вагонныхъ колесъ забавляли ее. Гвардейцы, проходя одинъ за другимъ въ вагонъ перваго класса, заглядывали въ открытое окно, откуда улыбались изъ подъ вуалетки ея блестящіе глаза и розовыя губы. Джонъ смотрѣлъ на нее пристальнымъ нѣжнымъ взоромъ и ему было совѣстно,—онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

Въ Слоффѣ они сошли и сразу имъ ударила въ лицо струя свѣжаго воздуха, запахъ травъ и земли. День былъ удивительно хорошъ, и лицо Глори сіяло счастьемъ.

Они завтракали въ старой гостинницѣ у открытаго окна подъ чириканье ласточекъ. Глори, «чтобы вспомнить старину», спросила молока и, граціозно присѣвъ, выпила за здоровье м-ра Сторма. Во все продолженіе завтрака она кормила собаку изъ рукъ, а потомъ стала серьезнѣйшимъ образомъ выговаривать ей, зачѣмъ она разбросала кости по ковру, когда это вовсе не принято въ порядочномъ обществѣ, кромѣ какъ на Островахъ Людоѣда.

— Еще успѣется, — говорилъ себѣ Джонъ, — впереди еще много времени. Ея радость была заразительна.

Солнце стояло еще высоко, когда они вышли на прогулку, и горячая краска залила лицо Глори. Тѣмъ не менѣе, все время, пока они шли черезъ паркъ къ лѣсу, она бѣгала взапуски съ Дономъ, заставляя его прыгать черезъ зонтикъ и кататься по свѣжей, зеленой травѣ. Надъ головами ихъ звенѣли жаворонки, все кругомъ жужжало, стрекотало и пѣло.

— Пусть у нея будетъ хоть одинъ счастливый день,—думалъ онъ, откликаясь на ея звонкое: «Ау!»

Наконецъ, высокіе буки приняли ихъ подъ свою тѣнь и укрыли отъ палящихъ лучей солнца; Глори положила зонтикъ, Джонъ снялъ шляпу. Вся чудесная, таинственная прелесть лѣса будила въ душѣ какое-то благоговѣйное чувство, какое испытываешь въ сумерки въ церкви. Но это впечатлѣніе скоро разсѣялось, Глори запѣла. Чистый голосъ ея звонко разносился въ ароматномъ воздухѣ; въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ звенѣло жизнерадостное чувство, которое ей такъ долго приходилось сдерживать въ себѣ и подавлять.

— Не лучше ли это, чѣмъ пѣть въ казино?—подумалъ онъ и тоже запѣлъ, счастливый, какъ мальчикъ, не думающій ни о вчерашнемъ, ни о завтрашнемъ днѣ Глори улыбнулась ему, онъ отвѣтилъ улыбкой. Ему казалось, что это сонъ. Послѣ долгаго заключенія въ кельѣ трудно было повѣрить, что все это происходитъ въ дѣйствительности. Просторъ и благоуханіе, серебристая кора березъ, голубые просвѣты неба между деревьями и рядомъ съ нимъ Глори, съ ея граціозными движеніями, съ ея смѣхомъ и пѣснями! «Я сейчасъ проснусь, — думалъ онъ,—навѣрное проснусь».

Они запѣли вмѣстѣ свою любимую пѣсню и, чтобы сдѣлать иллюзію полной, взялись за руки, какъ дѣти, и стали раскачиваться въ тактъ пѣнію. Отъ прикосновенія ея руки какая-то теплота разлилась по всему его тѣлу; онъ ощутилъ страшный приливъ нѣжности къ ней и рѣшимость его поколебалась. «Она здѣсь, мы вмѣстѣ, о чемъ тутъ еще думать!» говорилъ онъ себѣ.

Но они очень скоро разошлись и никакъ не моги попасть въ тонъ

другъ другу. Глори смѣялась: они начали сначала, но опять сбились и, сколько они ни пробовали, выходило все то же.—«Нѣтъ это не то, что въ былые дни», подумалъ Джонъ, и ему стало грустно. Онъ начиналъ замѣчать въ Глори слѣды пережитаго ею: слова, выраженія, понятія, обрывки жаргона, жесты и ужимки, носившіе отпечатокъ легкой вульгарности. А она смотрѣла на него и думала: «Почему онъ такъ печаленъ?» и, говоря себѣ, что это всегда такъ бываетъ съ людьми, которые много времени проводятъ въ одиночествѣ, трещала безъ умолку, чтобы развлечь его.

Она разсказывала ему о казино, о закулисной жизни, расхваливая ее какимъ-то извиняющимся тономъ. За кулисами всегда суета, безпорядокъ, все дѣлается и говорится сбацу, не думая о послѣдствіяхъ... Въ сущности, служить въ казино гораздо труднѣе, чѣмъ быть настоящей актрисой. И вовсе артистка изъ казино ничуть не хуже другихъ женщинъ, сравнительно. Джонъ не видалъ ихъ балета? Онъ очарователенъ, особенно пажи. Это прелесть что такое—настоящія райскія птички! Забавно видѣть, какъ онѣ охорашиваются и чистятъ свои перышки за кулисами. И у каждой въ первыхъ рядахъ свой обожатель, которому она строитъ глазки. Шеголи, въ родѣ этихъ гвардейцевъ, ходятъ въ казино исключительно для нихъ. Глори врядъ ли понимала, что она говоритъ, но Джону эти рѣчи рѣзали слухъ; онъ ясно представлялъ себѣ всю ту грязь, чрезъ которую она должна была пройти, пробивая себѣ дорогу. О Лондонъ, Лондонъ! даже здѣсь тѣнь его нависла надъ ними и не уйти имъ отъ него, куда бы они ни пошли. Мысли его снова вернулись къ первоначальной программѣ дѣйствія, и онъ сталъ разспрашивать Глори, что съ ней было въ его отсутствіе.

— Что со мной было? Ну, слушайте! Изъ госпиталя я унесла съ собой три золотыхъ соверена, чтобы раздать ихъ лондонцамъ, но они всѣ пошли въ одно мѣсто.

— И затѣмъ?

— Затѣмъ? Надежда, какъ всегда, оказалась хорошимъ завтракомъ, но плохимъ ужиномъ... Или ужъ все вамъ разсказать? Ну хорошо, хорошо...

Она разсказала ему о м-рсъ Джупъ, о томъ, какъ она надувала своихъ домашнихъ, и онъ отвернулся, чтобы не видать ея слезъ; — разсказала о «трехъ граціяхъ», о режиссерѣ, и сама отвернулась, чтобы скрыть свой стыдъ. Когда она упомянула о продѣлкѣ Джозефса, лицо Джона приняло суровое выраженіе и каріе глаза потемнѣли.

— Гдѣ вы сказали, его контора?—спрооилъ дрожащимъ. прерывающимся голосомъ.

— Я ничего не сказала,—возразила она, смѣясь и плача.

Потомъ она разсказала объ Агги, объ иностранныхъ клубахъ, о Кенигѣ, о раутѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, потомъ подпрыгнула и пропѣла, какъ дѣти:

«Динь-динь, бабунецъ;
Тутъ и пѣсенкѣ конецъ!»

— Тамъ вы и встрѣтились съ м-ромъ Дрэкомъ?

Она кивнула головой.

— А до тѣхъ поръ ни разу не видались съ нимъ?

Она надула губки и покачала головой.

— Не все ли равно, разъ теперь все миновало?

— Все-ли? — переспросилъ онъ, снова глядя на нее своимъ глубокимъ взоромъ, проникавшимъ въ душу.

— Сейчасъ начнется, — подумала Глори и расхохоталась принужденнымъ смѣхомъ, потомъ дала собакѣ въ зубы зонтикъ, сняла шляпу, повѣсила ее на руку на лентѣ и пустилась бѣжать.

Внизу, подъ горкой, окаймленный буками, блестѣлъ небольшой, почти пересохшій прудъ. Деревья, казалось, простирали надъ нимъ крылья, какъ птицы, готовыя вспорхнуть и улетѣть; берега его были покрыты ковромъ изъ фіалокъ, наполнявшихъ воздухъ своимъ ароматомъ. Это былъ чудный уголокъ. Когда Джонъ подошелъ, Глори стояла на самомъ краю болотца, тяжело дыша, чуть не плача, и шепотомъ повторяя: «Какъ хорошо!»

— Однако, какъ же я перейду?—воскликнула она вдругъ, съ притворнымъ ужасомъ глядя на двухвершковую полоску воды, едва покрывавшей траву, и на хорошенькіе красные башмачки, выглядывавшіе изъ подъ ея платья.

Тутъ случилось нѣчто неожиданное. Глори не сразу даже поняла, что съ ней происходитъ. Не вымолвивъ ни слова, не улыбнувшись, Джонъ взялъ ее на руки и перенесъ на другой берегъ. Она чувствовала себя безпомощной, какъ ребенокъ, словно вдругъ перестала принадлежать себѣ. Ея головка лежала на его плечѣ, ея сердце билось у его груди. Или это его сердце такъ сильно билось? Когда онъ поставилъ ее на землю, она, боясь расплакаться, засмѣялась и напомнила ему, что имъ нужно торопиться, чтобы не пропустить поѣзда, который идетъ въ Лондонъ въ 7 ч. 30 м., не то «машину» пустятъ безъ нея, и режиссеръ будетъ «ругаться».

Возвращаясь, они проходили мимо старинной церкви, и Джонъ предложилъ осмотрѣть ее. Пономаря они нашли работающимъ въ своемъ садикѣ. Онъ сходилъ въ домъ за ключами и подалъ ихъ Джону, говоря: «Вы вѣдь сами пасторъ, такъ ужъ вы меня извините, сэръ, мнѣ тутъ нужно докапать грядку. Вы съ молодой барыней обойдетесь и безъ меня; чай, бывали ужъ вмѣстѣ въ церкви то. И онъ лукаво подмигнулъ обоимъ.

Въ церкви было темно и прохладно. Въ одномъ окнѣ, на темно-синемъ фонѣ былъ нарисованъ ангелъ, возносящійся на небо. На переднихъ стуьяхъ красовались фамильные гербы; позади стояли стулья попроще и безъ гербовъ, Джонъ открыль небольшой органъ и началъ

играть; потомъ запѣлъ. Голосъ его наполнилъ всю церковь; звуки возносились вверхъ, подъ самый куполъ, гулко отдавались въ пустыхъ стѣнахъ; казалось, пѣлъ не одинъ голосъ, а два.

Глори стояла рядомъ и слушала; на душѣ у нея было необычайно тихо. Потомъ глубокое чувство, дрожавшее въ его низкомъ, мужественномъ голосѣ, захватило и ее; что-то подступило у нея къ горлу, и она залилась слезами, рыдая и смѣясь въ одно и то же время и повторяя:

— Какая я смѣшная! Вы сочтете меня сумасшедшей...

Но Джонъ только взялъ ее за руку, какъ ребенка, и вывелъ изъ церкви.

День незамѣтно склонился къ вечеру; когда они возвращались въ гостинницу, чтобъ напиться чаю, лучи солнца почти горизонтально били имъ въ глаза. Уходя, они оставили на столѣ номеръ журнала, и теперь, по улыбкамъ лакеевъ, видно было, что всѣ узнали, кто такая Глори. Ихъ ждали; занятый ими номеръ былъ прибранъ, столъ накрытъ, окно заперто, и въ каминѣ пылала связка хворосту, такъ какъ на дворѣ становилось прохладно. Чтобы заставить Джона забыть о томъ, что произошло въ церкви, Глори напустила на себя притворную веселость и говорила безъ умолку, съ лихорадочной живостью, о чемъ придется. Свѣжій воздухъ такъ разрумянилъ ей щеки, что они всѣ сегодня «готовы будутъ съѣсть ее». Однако, какъ она устала! Ну да ничего, чашка чаю подбодритъ ее

Джонъ смотрѣлъ на нее серьезно, безъ улыбки; каждое слово рѣзало его, какъ ножомъ.

— Такъ вы до сихъ поръ не писали старикамъ, почему вы ушли изъ госпиталя?

— Нѣтъ. Хотите чашку «дѣвчонки»? У насъ за кулисами шампанское зовутъ «мальчишкой», а я, въ *pendant*, прозвала чай «дѣвчонкой».

— А когда вы сказали имъ про казино?

— Вчера. Хлѣба угодно?

Она вытянула руку съ корзинкой, тряхнула кистью другой и передразнила крикъ разносчика булокъ.

— И до вчерашняго дня ни слова?

Она начала оправдываться. Надо было подготовить; развѣ можно огорошивать такъ сразу? Они добрые, но ихъ такъ легко смутить. Воспитаніе, предразсудки, даже кровь...

— Глори,—возразилъ онъ,—если вы стыдитесь этой жизни, повѣрьте мнѣ, это значитъ, что въ ней есть дурное.

— Стыжусь? Чего мнѣ стыдиться! Всѣ трубятъ мнѣ въ уши, что я должна гордиться своимъ положеніемъ!

Она говорила, волнуясь и спѣша; порывистымъ движеніемъ схватила номеръ, гдѣ былъ помѣщенъ ея портретъ, и тотчасъ же выронила его; при видѣ серьезнаго лица Джона ея маленькая слава какъ будто потускнѣла.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь называть вещи по именамъ... Вы были тамъ въ понедѣльникъ. Развѣ вы замѣтили что-нибудь,—ну, во время представленія...

— Я видѣлъ публику, Глори; съ меня и этого довольно. Невозможно долго жить въ такой атмосферѣ и остаться чистой. Да, дитя мое, невозможно! Избави меня Боже брать на себя роль судьи по отношенію къ кому-бы то ни было, тѣмъ болѣе къ женщинѣ; но, скажите сами, развѣ женщины, выступающія въ казино, *остаются* хорошими? Онѣ, бѣдныя, поставлены въ такое ложное положеніе, что нужно обладать необычайной добродѣтелью, чтобы при такихъ условіяхъ не сбиться съ пути. И чѣмъ чище душа, которой приходится пройти черезъ эту... эту грязь, тѣмъ больше она грязнится. Публикѣ казино не нужны чистыя, хорошія женщины; ей нужна женщина, вкусившая отъ древа познанія добра и зла. Это видно по всему, по лицамъ слушателей, по смѣху, по аплодисментамъ. Я не болѣе, какъ священникъ, но *я* изъѣздилъ весь свѣтъ, видѣлъ такія мѣста повсюду и знаю, что говорю, и знаю, что это правда, и вы знаете, что это правда, Глори...

Глори вскочила съ мѣста; глаза ея, казалось, метали искры.

— Я знаю только, что это жестоко и безжалостно съ вашей стороны говорить такъ, разъ вы были въ понедѣльникъ и видѣли, какъ хорошо публика принимала *меня*. Все это неправда; въ васъ говоритъ личное чувство.

Голосъ ея оборвался; она сѣла и продолжала уже другимъ тономъ:

— Послушайте, Джонъ, мы почти годъ не видались, неужели вамъ не жаль тратить время на ссоры? Скажите мнѣ лучше, гдѣ вы теперь живете. Какіе у васъ планы на будущее? Ахъ, знаете, кто у меня былъ вчера передъ вами? Полли! Полли Лёвъ—вы помните ее? Она растолстѣла и погрубѣла, но мнѣ такъ жаль ее, бѣдняжку... Кажется, ея братъ у васъ въ монастырѣ? Что онъ все по прежнему влюбленъ въ нее? Нѣтъ? Да что вы не понимаете? Я говорю о братѣ Полли.

— Онъ умеръ, Глори. Мѣсяцъ тому назадъ. Бѣдный мальчикъ! онъ зачахъ отъ горя, узнавъ, что съ его сестрой случилось несчастье. Это я виноватъ, что онъ узналъ. Онъ не могъ оправиться отъ этого удара.

Наступила пауза; оба смотрѣли въ огонь; у Глори дрожали губы.

— Джонъ,—выговорила наконецъ,—какъ вы не можете понять, что я не то, что другія. Во мнѣ какъ будто сидитъ два человѣка. По выходѣ изъ госпиталя я много испытала. Никто никогда не узнаетъ, что я пережила. Но и въ самыя тяжелыя минуты все меня забавляло и радовало. Бывало, я плачу, а мое второе *я* въ это время смѣется. Такъ и съ той жизнью, которую я веду теперь. По грязи, какъ вы выразились, ступаю не я сама, а мое второе *я*, если хотите,

худшее; *меня* же она и не задѣваетъ. Вы не понимаете этого, нѣтъ? И теперь не понимаете?

— Есть профессіи, Глори, которыя полны искушеній, и таланты, которые опутываютъ, какъ сѣтью, того кто ими обладаетъ...

— Я вижу, вижу, къ чему вы клоните. Къ несчастью, женщинѣ открыто очень немного путей,—жизнь жестока. Но все же иные открыты, и я выбрала тотъ, для котораго я создана. И вотъ, теперь, когда я выбилась изъ нищеты, изъ грязи, когда обо мнѣ кричитъ весь Лондонъ, когда жизнь улыбается мнѣ и я счастлива, являетесь вы,—вы, котораго я не могла найти, когда вы были мнѣ нужны, о, какъ нужны! потому что вы забыли меня,—являетесь, словно выходецъ съ того свѣта, и говорите мнѣ, чтобъ я все бросила. Да, да, да! вы это хотѣли сказать. Все бросить! О, это жестоко!

Она закрыла лицо руками и зарыдала. Онъ склонился къ ней съ грустной улыбкой.

— Дитя мое, если я вышелъ изъ своей могилы такъ это именно потому, что я *не* забылъ васъ тамъ, что я думалъ о васъ день и ночь.

Рыданія ея утихли, но слезы все еще текли сквозь пальцы.

— Прежде, чѣмъ этотъ бѣдный юноша отказался отъ всякой надежды, онъ также разъ вышелъ изъ обители,—украдкой, чтобъ розыскать свою погибшую сестру. Я направилъ его прежде всего къ вамъ, и онъ пошелъ въ госпиталь.

— Я видѣла его.

— Вы?

— Наканунѣ Новаго Года. Мы разминулись съ нимъ на улицѣ.

— А!.. И онъ, вернувшись, сказалъ мнѣ, что вы ушли и пропали безъ вѣсти. Вы послѣ этого будете говорить, что я забылъ васъ, Глори?

Его хриплый голосъ вдругъ оборвался, онъ поднялся; лицо его выражало мучительную боль.

— Вы правы, въ васъ два человѣка, и ваше лучшее я такъ чисто, такъ сильно, такъ самоотверженно и благородно. О, я убѣжденъ въ этомъ, Глори! но до этого лучшаго *я* никому нѣтъ дѣла. Я пробую разбудить его и не могу.

Она все еще плакала, не отнимая рукъ отъ лица.

— А худшее... о, къ худшему взываютъ слишкомъ многіе...

Глори опустила руки, открывъ свое измятое личико и сказала:

— Я знаю, кого вы подразумѣваете.

— Свѣтъ.

— Ничуть не бывало! вы подразумѣваете м-ра Дрэка. Но вы ошибаетесь. М-ръ Дрэкъ былъ для меня добрымъ другомъ, ничѣмъ инымъ, и ничѣмъ инымъ быть не желаетъ. Неужели вы не понимаете, что, думая и говоря обо мнѣ такъ, какъ вы имѣли бы право думать и говорить о нѣкоторыхъ другихъ женщинахъ, вы унижаете меня? Это

оскорбленіе, я не могу перенести этого! Вотъ видите я опять плачу.. Но я не откажусь отъ своей профессіи. И не думайте: Это дико, смѣшно! Вообразите себѣ Глори въ монастырѣ! Хороша монахиня!

— Перестаньте!

— Или ни островкѣ, за шитьемъ, въ собраніи родительскаго кружка, Оставить сцену! Ну ужъ нѣтъ!

— Вы должны это сдѣлать и сдѣлаете!

— Кто заставитъ меня?

— Я заставлю!

Она звонко расхохоталась, потомъ вдругъ смолкла и устремила на него блестящіе глаза. Яркая краска залила все ея личико, но глаза повеселѣли, его же глаза, наоборотъ, сверкнули гнѣвомъ.

Горничная, явившаяся убрать со стола, посматривала на нихъ испытующе и втихомолку посмѣивалась надъ «ссорой влюбленныхъ».

Въ вагонѣ они опять столкнулись съ гвардейцами, очевидно, успѣвшими хорошо пообѣдать. Они громко переговаривались между собой и, посмѣиваясь, косились на Глори. «Идешь нынче въ Колизей?»—«Если успѣю».—«Успѣешь, навѣрное. Самое интересное начинается въ десять часовъ. Раньше туда никто и не ходитъ».

Глори сидѣла къ нимъ спиной, слегка барабаня пальцами по стеклу и глядя на заходящее солнце. Сначала ей было неловко отъ этихъ намековъ, но, уколотая молчаніемъ Джона, она стала находить ихъ даже лестными для себя и стрѣлять глазами въ офицеровъ изъ подъ полуопущенныхъ рѣсницъ. Джонъ сидѣлъ противъ нея, скрестивъ руки на груди. У него отъ этихъ разговоровъ сжимались кулаки и холодѣли губы, при мысли, что теперь Глори принадлежитъ всѣмъ и каждому. Раза два и онъ поглядѣлъ на нихъ, и впечатлѣніе получилось опять то же, которое преслѣдовало его со дня выхода изъ братства: почти на всѣхъ лицахъ, попадавшихся ему, лежалъ отвратительный отпечатокъ распущенности и чувственности.

Къ счастью, грохотъ поѣзда помогалъ ему не слушать. Онъ вглядывался вдаль, не видать ли Лондона, но огромный городъ былъ скрытъ облакомъ дыма. Отъ времени до времени лучъ заходящаго солнца падалъ на стеклянную крышу какого-нибудь зданія, и тогда, казалось, чей-то глазъ сверкалъ въ туманѣ зловѣщимъ блескомъ. Вотъ ужъ стукъ колесъ, лязгъ цѣпей и свистки машины покрылъ какой-то глухой гулъ, точно рокотъ далекаго моря. Мощная волна, перекатываясь, неслась имъ на встрѣчу. Вотъ они врѣзались въ самую середину ея, и все потонуло въ плескѣ и ревѣ.

Гвардейцы сошли первыми и, уходя, поклонились Глори болѣе, чѣмъ развязно. Глори подмывало отвѣтить дерзостью, но Джонъ уже всталъ и, снявъ шляпу, раскланялся. Молодые люди были сконфужены. Глори гордилась имъ—онъ держалъ себя, какъ мужчина и джентльменъ.

Онъ усадилъ ее въ кэбъ. Свѣтъ фонаря упалъ на ея лицо, но она наклонилась погладить собаку, говоря:

— Вы только мучаете меня. Пожалуйста, больше не приходите. Можете радоваться—сегодня я буду отчаянно пѣть и навѣрное не усну ночью; такъ что вамъ нечего безпокоиться узнавать о моемъ здоровьѣ.

Дома, м-рсъ Каллендеръ разсказала ему о скандальномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто въ это самое утро въ церкви Всѣхъ Святыхъ, на аристократической свадьбѣ. Во время обряда вѣнчанія одна молодая женщина лишила себя жизни, и оказалось, что это та самая дѣвушка, которую выгнали изъ госпиталя.

Джонъ Стормъ вспомнилъ брата Павла и сказалъ себѣ:

— Я долженъ похоронить ее.

V.

Глори пѣла въ этотъ вечеръ лучше, чѣмъ когда-либо, и ее вызывали безъ конца. Возвращаясь домой, она мысленно переживала весь этотъ день, каждый шагъ, каждое слово, вплоть до торжествующаго: «я заставлю!» Покачиваясь на мягкихъ рессорахъ, она то вся уходила въ свои мысли, то вдругъ громъ аплодисментовъ выводилъ ее изъ забытья, и она опять начинала вспоминать съ того мѣста, гдѣ остановилась. Она слышала біеніе его сердца рядомъ со своимъ, чувствовала запахъ фіалокъ, росшихъ на берегу пруда... Онъ требовалъ, чтобы она все бросила, и она испытывала сладостное волненіе при мысли, что, можетъ быть, настанетъ день, когда она пожертвуетъ своей личностью, своимъ честолюбіемъ и... Кто знаетъ, что будетъ тогда?..

Это настроеніе не покидало ее до утра понедѣльника. Она одѣвалась не спѣша и, улыбаясь себѣ въ зеркало, когда горничная принесла ей газету съ отчеркнутымъ Кенигомъ длиннѣйшимъ отчетомъ о фешенебельной свадьбѣ.

«Церковь Всѣхъ Святыхъ была переполнена избранной публикой среди которой мы замѣтили многихъ извѣстныхъ лицъ изъ міра политики и большого свѣта, въ томъ числѣ отца жениха, герцога ... и брата его, маркиза ... Церковь буквально утопала въ цвѣтахъ... Обрядъ вѣнчанія, въ видѣ исключенія, былъ прорепетированъ заранѣе, и церемонія прошла необычайно гладко. Служили: уважаемый архидіаконъ Уэльзси; присутствовали: преподобный Іосія Голяйтли и прочіе викаріи Всѣхъ Святыхъ. Пѣлъ хоръ изъ шестидесяти человѣкъ, подъ управленіемъ извѣстнаго органиста и регента, м-ра Карла Кенига. Невѣста вступила въ церковь черезъ западныя ворота, и вся процессія двинулась къ алтарю, подъ звуки...»

— «Бѣдная Полли!»—подумала Глори.

«На невѣстѣ было платье изъ атласа дюшессъ, обшитое рюшемъ и брюссельскими кружевами, съ длиннымъ трэномъ, ниспадающимъ съ

плечъ. Тюлевый вуаль ея былъ приколотъ рубиновой брошью; цвѣты флеръ д'оранжа были живые, спеціально для этого присланные съ Ривьеры; шею невѣсты обвивала нитка необычайно крупнаго жемчуга, въ аршинъ длиной, говорятъ, принадлежавшаго императрицѣ Екатеринѣ. Въ рукахъ она имѣла букетъ цвѣтовъ (подарокъ жениха), выписанный изъ Флориды, ея родины. Мать невѣсты была одѣта... Наряды подружекъ... Шаферомъ жениха былъ м-ръ Горацiо Дрэкъ...

Глори съ трудомъ перевела духъ и бросила газету. Какъ слѣпа она была, какъ глупа и тщеславна! Она сказала Джону Сторму, что Дрэкъ былъ для нея добрымъ другомъ, и только, желая дать этимъ понять, что она не позволила ему зайти дальше. А въ сущности это онъ не пускаетъ ее въ свою жизнь. Вотъ цѣлая область, куда ей нѣтъ доступа. «Извѣстныя лица изъ мiра политики и большаго свѣта», «подруги невѣсты»—вотъ его настоящая сфера, настоящая арена его дѣятельности. Другiя женщины могутъ быть дружны съ нимъ, знакомы, близки; онѣ ему равныя; когда онъ бываетъ въ свѣтѣ, онѣ стоятъ рядомъ съ нимъ. А она, Глори? Она для него забава, игрушка. Онъ приходитъ къ ней въ свободное время, отъ нечего дѣлать; она наполняетъ низшую сторону его жизни.

Съ чувствомъ нестерпимаго униженiя Глори сложила газету, чтобъ послать ее обратно Кенигу, какъ вдругъ вниманiе ея привлекла небольшая замѣтка внизу, мелкимъ шрифтомъ, озаглавленная: «Скандальное происшествiе въ аристократической церкви, во время вѣнчанiя.

— Боже милосердный!—воскликнула она, съ перваго взгляда сообразивъ, о комъ идетъ рѣчь. Замѣтка относилась къ самоубiйству Полли.

«Въ субботу, въ одной изъ аристократическихъ церквей въ Вестъ-Эндѣ, во время фешенебельнаго вѣнчанiя» (имена не были названы), «молодая женщина, сидѣвшая въ глубинѣ церкви, поднялась и пошла, какъ бы намѣреваясь проложить себѣ дорогу къ выходу, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, внезапно упала на полъ въ конвульсiяхъ. Когда ее подняли, она была уже мертва. Къ счастью, вниманiе собравшихся было въ эту минуту обращено на невѣсту и жениха, выходившихъ изъ ризницы, въ сопровожденiи свадебныхъ гостей, такъ что этотъ прискорбный случай не смутилъ настроенiя многочисленной публики. Тѣло перенесли въ часовню на приходскомъ кладбищѣ; слѣдствiе выяснило, что смерть произошла отъ яда, принятаго внутрь; самоубiйца—Елизавета-Анна Лонъ (24-хъ лѣтъ), бывшая сидѣлка, въ послѣднее время проживавшая безъ опредѣленныхъ занятiй. Покойная ухитрилась добыть себѣ полъ-унцiи стрихнину изъ знакомой аптеки, по рецепту, подписанному ею самой»...

— О Боже! Боже!—Теперь Глори все поняла. Намеки и недомолвки Полли стали для нея ясны. «Мнѣ страшно хочется пойти въ церковь и пристыдить ихъ»... «Я не полицiи боюсь»... Полли, очевидно, разсчитывала упасть мертвой къ ногамъ новобрачныхъ и заставить ихъ пере-

ступить черезъ ея трупъ. Бѣдная, неразумная, непрактичная Полли! И отомстить не съумѣла! Какъ бы ей стало стыдно, если бы она узнала, что ея самоубійство не произвело ни сенсаціи въ церкви, ни шума въ обществѣ, что ее помянули лишь нѣсколькими строками въ маленькой газеткѣ!

Это ужасно! Это жалкое, театральное мщеніе; но что же долженъ чувствовать ея любовникъ? Каково теперь ему—съ его милліоннымъ состояніемъ и убійствомъ на душѣ?—да, убійствомъ, потому что какъ же это назвать иначе?

Часъ спустя Глори звонила у калитки маленькаго домика въ Сентъ-Джонсъ-Вудѣ. Въ верхнемъ этажѣ шторы были спущены. Рѣшетчатое оконце отодвинули, и въ него высунулась растрепаная голова.

— Что угодно, ма'мъ?

— Вы не узнаете меня, Лиза?

— Господи, это вы, барышня! — Дверь мигомъ отворилась.—А я было испугалась, ужъ не репортеръ ли: мнѣ велѣно не отвѣчать ни на какіе вопросы:

— Такъ *онъ* былъ здѣсь?

— Боже избави!—нѣтъ, барышня! Онъ ужъ поди по морю теперь плыветъ. Не онъ былъ, его пріятель. Хорошій баринъ, надо чести приписать; все какъ слѣдуетъ быть, устроилъ.

Глори почувствовала, что въ ней поднимается желчь; въ этихъ дружескихъ заботахъ, во всемъ отношеніи Дрэка къ этому человѣку было что-то унизительное, почти постыдное.

— Какъ же это я, глупая, не признала васъ, барышня! А еще была на музыкѣ, весь вечеръ, во вторникъ. Ужъ извините, но й хохотала же я—до упаду! Да, признаться, маленько и поплакала. Какъ уладили дѣло? Да живехонько и приставу, и слѣдователю всѣмъ заткнули глотку. Хоронить будутъ въ двѣнадцать... А эти мнѣ! дѣла-то у меня полны руки! Не хотите ли взглянуть на нее, бѣдняжечку? Идите наверхъ, барышня, не бойтесь: тамъ никого нѣтъ, кромѣ ея подругъ.

Подругами оказались Бетти Бельмонтъ и ея двѣ товарки по уборной. Онѣ ничуть не удивились, увидя Глори. «Бѣдная Полли все намъ разсказала про васъ», объяснила Бетти, а ея миніатюрная пріятельница добавила: «Это ужъ у васъ такое счастливое имя, душечка. Я сразу сказала: вотъ бы его на афишу»!

Спальня осталась все той же бомбоньеркой, только теперь въ ней царилъ полумракъ, и Полли, какъ и въ тотъ разъ лежавшая на кровати, не страдала больше. По угламъ ея рта застыла легкая судорога, но, помимо этого, лицо ея было спокойно, какъ у ребенка, ибо «мертвые сраму не имутъ».

Всѣ три пѣвицы, съ подобающими случаю уныло-торжественными физіономіями, бесѣдовали между собой, прихлебывая бенедиктинъ. Собаченка Полли, спавшая тутъ же, на подушкѣ, громко храпѣла.

— Бѣдняжка! Какъ она могла на это рѣшиться! А впрочемъ, тѣмъ-то и худа такая жизнь. Все въ настоящемъ, а впереди ничего.— «Что жъ ей, бѣдной, было дѣлать? Она была вовсе ужъ не такая красавица, и потомъ, мужчины въ родѣ этого франта...»—«А все-таки, какъ тамъ не говори, она по отношенію къ нему вела себя честно. Только лучше бы ей было потерпѣть; да и что жъ тутъ скандалы устраивать? чѣмъ же барышня-то виновата?»—«Вотъ ужъ баловалъ онъ ее! Чего хочешь, того просишь. Вы посмотрите на ея обстановку. Интересно знать, кому...»

Съ улицы донесся стукъ колесъ; пришли люди класть въ гробъ покойницу. Глори отвернулась, но женщины продолжали шушукаться: «Погодите минутку, мистеръ—какъ васъ тамъ?.. Вотъ хорошенькое колечко!.. Я хотѣла взять альбомчикъ на память».—«Что жъ, и бери: ей вѣдь не надобно...»

Глори задыхалась; собаченка проснулась и завизжала; она обрадовалась случаю, схватила ее на руки и унесла въ другую комнату. Гдѣ-то по близости заливалась шарманка.

Хоронили въ Кенсаль-гринѣ; кромѣ трехъ пѣвичекъ и Глори, провожатыхъ не было. Тѣло самоубійцы не разрѣшили внести въ часовню, но у воротъ кладбища маленькую процессію встрѣтилъ священникъ и повелъ ее къ могилѣ. Глори шла съ опущенной головой, неся подъ мышкой собачку, и не взглянула на него, но когда онъ началъ обрядъ погребенія торжественными словами: «Я есмь воскресеніе и жизнь»,— она чуть не вскрикнула. Передъ ней былъ Джонъ Стормъ.

Еще когда они ѣхали небо все хмурилось, а теперь сталъ накрапывать дождикъ. Носильщики спустили свою ношу въ могилу и поспѣшили спрятаться подъ навѣсъ, такъ какъ дождикъ полилъ сильнѣе. Пріятельницы покойной переглянулись между собой; маленькая пробормотала что-то насчетъ «мертвыхъ и живыхъ» и убѣжала. Черезъ минуту скрылась высокая, а Бетти, чтобъ уйти отъ стыда, послѣдовала за нею.

Тѣмъ временемъ дождь превратился въ настоящій ливень. Джонъ Стормъ, стоя съ непокрытой головой, читалъ установленныя молитвы по книгѣ. Случайно онъ поднялъ глаза и увидалъ по другую сторону могилы Глори, одну. Голосъ его дрогнулъ и чуть было не оборвался. Онъ дрогнулъ еще и еще разъ, но потомъ окрѣпъ и зазвучалъ мощно при словахъ: «Кто проникнетъ въ глубину помысловъ Божіихъ? Пути Господни неисповѣдимы!» Исполнивъ все, что слѣдуетъ, Джонъ пошелъ въ часовню снять рясу, но когда онъ вернулся къ могилѣ, Глори уже не было.

Вечеромъ она, какъ всегда, пѣла въ казино, хотя страшная тяжесть давила ей сердце. Ея настроеніе сообщилось публикѣ и, вмѣсто обычнаго грома аплодисментовъ, ее проводили лишь нѣсколькими сдержанными хлопками. По дорогѣ въ уборную она встрѣтилась съ Кенигомъ и тотъ сказалъ:

*

— Ви сегодни сама на себя не похожъ, мили другъ.

Въ домѣ всѣ уже спали, когда Глори вернулась. Она отворила дверь своимъ ключемъ и застала на столѣ холодный ужинъ, а подъ лампой письмо отъ дѣда.

«Я такъ давно—цѣлый годъ—не видалъ своей бѣгляночки, что, несмотря на протесты тети Анны и страхи Рэчели, рѣшилъ на старости лѣтъ доставить себѣ развлеченіе и отправиться путешествовать. Поэтому, да будетъ тебѣ извѣстно, что я на-дняхъ явлюсь въ Лондонъ въ первый разъ въ жизни увидать столицу и—что еще лучше—мою милую внучку въ кругу ея новыхъ друзей, довольной и счастливой».

Внизу было видимо спѣшно приписано карандашемъ, рукой тети Рэчели:

«Не вѣрь ничему. Онъ слишкомъ слабъ, чтобъ пуститься въ дорогу; но твое письмо, полученное вчера, такъ его встревожило, что онъ съ тѣхъ поръ не можетъ успокоиться».

Это было послѣдней каплей въ чашѣ.

Не дочитавъ письма, не снявъ шляпы, Глори взяла телеграфный бланкъ и написала: «Отложите поѣздку—завтра возвращаюсь домой». Услыхавъ шаги Кенига въ столовой, она сбѣжала внизъ.

— Не будете ли вы такъ добры снести это на телеграфъ, пожалуйста!

— Ну конэшна. А потомъ мы будэмъ ужинайтъ вмэсти,—посмотрѣтъ!

Онъ разсмѣялся и показалъ ей свертокъ, откуда выглядывали сосиски.

— М-ръ Кенигъ,—начала Глори,—вы были правы; сегодня вечеромъ я была сама не своя. Мнѣ нуженъ отдыхъ и я намѣрена уѣхать.

«Старый гиппопотамъ» долго плевался, топалъ ногами и посылалъ проклятія по адресу режиссеровъ, ангажементовъ, объявленій, геніевъ, глупыхъ ребятъ и т. п. Но Глори не слушала его; она лежала на полу въ своей комнатѣ, закрывъ лицо руками и рыдая. Немного погодя явился Кенигъ, весь запыхавшись и восклицая:

— Ну фотъ! Я такъ и зналъ, ошинъ карашо! отлишно! Не даромъ м-ръ Дрэкъ говориль не показывайтъ васъ эта господинъ. Скотъ! Животная! грязни монахъ!

Глори вскочила, сверкая глазами.

— Какъ вы смѣете! Вонъ изъ моей комнаты, сію минуту!

— Мейнъ Готтъ! Это шортъ, а не дэвушка!

Тѣмъ не менѣе, онъ пошелъ на телеграфъ и Глори слышала, какъ онъ, вернувшись, жарилъ свои сосиски на бензинкѣ.

Было уже далеко за полночь, когда она, снявъ со стола свой нетронутый ужинъ, вытерла глаза и сѣла писать письмо:

«Милый Джонъ Сторнъ (монахъ, чудовище или какъ васъ тамъ?) я исполняю вашу просьбу и—временно—оставляю сцену. Надѣюсь, мнѣ

это зачтется; по крайней мѣрѣ, по справедливости такъ бы слѣдовало. Правду говоритъ пословица:

«Между женскимъ да и нѣтъ
Не просунуть и булавки»,

хотя, въ данномъ случаѣ, это очень глупо со стороны женщины, въ виду того, что она зарабатываетъ по нѣсколько фунтовъ въ вечеръ и, помимо этого, можетъ разсчитывать только на Провидѣніе. Я сказала своему тюремщику, что мнѣ нужна свобода, и онъ, будучи, подобно вамъ, человѣкомъ пылкихъ страстей, битыхъ полчаса ругался внизу. Говорятъ, добродѣтель въ самой себѣ носитъ награду, дай Богъ, чтобы это была правда, потому что, смѣю думать, никакой иной награды я не получу. Будь я Нарциссомъ, я сегодня влюбилась бы сама въ себя: такая покорность тиранніи по истинѣ прекрасна и достойна героическихъ вѣковъ. И такъ, завтра утромъ я уѣзжаю къ «островитянамъ». А пріятно будетъ побыть на лонѣ природы и совсѣмъ, совсѣмъ одной!»

Она тихонько засмѣялась, потомъ всхлипнула

«Отъ времени до времени получить письмецо «пользительно» для души, но вы не должны ждать вѣстей отъ *меня*; что же касается васъ, хотя вы и воскресли, я полагаю, при вашемъ деспотическомъ характерѣ и вашихъ убѣжденіяхъ, вы до сихъ поръ повинуетесь бенедиктинскому уставу, который предписываетъ вамъ сидѣть смирно, молчать и т. п. Завтра утромъ, т. е., вѣрнѣе, сегодня утромъ, я приглашена завтракать съ одной очень милой дѣвушкой, по имени Глори Квэйль, на Эштонской стинціи ровно въ три четверти седьмого; къ счастью, вы получите это письмо не раньше половины восьмого, такъ что мнѣ никто не помѣшаетъ».

«Прощайте! Въ итогѣ за всѣ свои труды я заработала—собаку! Это моська и потому она всегда смотритъ на меня мрачно, вродѣ одного моего знакомаго. Но я подозрѣваю, что ея отецъ совершилъ мезальянсъ, потому что она очень много болтаетъ и, очевидно, не воспитывалась въ Братствѣ. Такъ какъ это дама, я рѣшила звать ее «тетей Анной», конечно, не въ присутствіи оригинала. Тетя Анна вотъ ужъ цѣлый часъ скачетъ по комнатѣ и теребитъ меня за ноги, очевидно находя, что благоразумной женщинѣ давно слѣдовало бы лежать въ постели. Можетъ быть, завтра, оставшись съ ней наединѣ въ вагонѣ, я «отчитаю» ее, по вашему рецепту, чтобы приготовить ее къ новой сферѣ дѣятельности, къ которой Провидѣнію было угодно призвать ее.

«Еще разъ прощайте! Снова замелькаютъ передо мною желѣзнодорожные огоньки, только на этотъ разъ мой путь лежитъ въ другую сторону. Подъѣзжая къ этому дивному городу, я страшно волновалась, а покидая его, волнуюсь вдвое. Милый, старый Лондонъ! Кажется, невозможно любить его больше, чѣмъ я люблю. А кто-то думаетъ, что... ну да все равно! Прощайте, теперь ужъ «въ серьезъ».

Глори.

На другой день, въ семь часовъ утра, Глори стояла на Эштонской платформѣ у дверей вагона перваго класса, грустными глазами разглядывая суетившуюся или стоявшую публику, когда къ ней подошелъ Дрэкъ. Она не спросила, что привело его сюда. Онъ былъ свѣжъ, красивъ и безукоризненно одѣтъ.

— Вы отлично придумали, мой другъ,—обратился онъ къ ней веселымъ тономъ.—Кенигъ телеграфировалъ мнѣ и я пришелъ проводить васъ. Не сокрушайтесь о театрѣ, предоставьте мнѣ уладить дѣло; вамъ дѣйствительно надо отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ треволненій, чтобы вернуться веселой и бодрой.

Локомотивъ свистнулъ и запыхтѣлъ, дымъ взвился подъ самую крышу, поѣздъ тронулся и, прежде чѣмъ Глори поняла, что ѣдетъ, она уѣхала.

Дрэкъ же отправился въ свой клубъ и приписалъ внизу уже готоваго письма, адресованнаго въ Парижъ, лорду Роберту Юру: «Пасторъ произвелъ первое кровопусканіе и Глорія уѣхала домой».

СКАЗОЧНЫЙ ГОРОДЪ.

Ты зналъ этотъ городъ тумановъ,
Городъ холода, мглы и тоски?
Пышный городъ дворцовъ-великановъ,
Съ горделивымъ просторомъ рѣки,
Заключенной въ оковы гранита,
Съ лабиринтомъ ревущихъ сердито
Стройныхъ улицъ, громадъ-площадей—
Ты зналъ на зарѣ своихъ дней?

Ахъ! любовью болѣзненно-страстной
Я люблю этотъ городъ несчастный!

Блѣдный сѣверъ, нашъ сѣверъ родной
Съ красотою его монотонной,
Тихой грусти лучемъ просвѣтленной,
Виденъ въ немъ, какъ въ картинѣ живой.
Безъ цвѣтовъ и безъ пѣсенъ весна,
Въ бѣлый саванъ наряжены ночи.
Жаждутъ отдыха скорбныя очи,
Но сомкнуться не могутъ для сна,
Съ тайнымъ ужасомъ вдаль устремляясь,
Гдѣ загадочно-странно сплетаясь,
Тѣни страшныя движутся, стонъ
Чей-то чудится... Бредъ или сонъ?

Или темныя зимнія ночи
Надъ закованной въ цѣпи землей,
Когда яркія звѣздныя очи
Смотрятъ въ душу съ тоскою нѣмой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочетъ соперничать съ ними
Возносящійся къ небу чертогъ,—
Я забыть эти ночи не могъ!

Или день, ослѣпляющій блескомъ,
Когда съ глухо рокочущимъ плескомъ,
Пестроты и движенья полна,
Проплываетъ людская волна?..

Я люблю этотъ омутъ, гдѣ дышишь
Опьяняющимъ запахомъ ранъ
И клокочущій грозно вулканъ
Подъ ногами усталыми слышишь,
Гдѣ такъ жадно на гибель спѣшишь,
Напрягаешь безумно усилья
И, какъ будто могучія крылья
За спиной ощущая, летишь
Прямо къ безднѣ съ отвагою дикой...
Какъ колодникъ оковы свои,
Я люблю этотъ городъ великій...
. . . . . .

Часто, въ вихрѣ борьбы безконечной
Обезсилѣвши, съ болью сердечной,
Со стыдомъ, безъ оглядки бѣжишь
Въ ту родимую ясную тишь,
Гдѣ волшебною сдѣлаться сказкой
Могутъ лютыя муки твои,
Гдѣ живутъ благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Гдѣ забыть, хоть на время, возможно,
Какъ порою борьба безнадежна...

Что жъ? Едва въ глубинѣ твоихъ ранъ
Стихнетъ боль, и горячій, кровавый
На мгновенье растаетъ туманъ,—
Онъ ужъ вновь предъ тобой—великанъ
Роковой, въ красотѣ величавой.
Грустный, скорбный, зоветъ онъ къ себѣ
Днемъ и ночью... Въ великой борьбѣ
Истекая слезами и кровью!
Жить враждою зоветъ и любовью!
Въ этомъ зовѣ — моленье и власть,
И угроза, и нѣжность участья,
Обѣщаніе муки и счастья...
. . . . . .

П. Я.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(*Продолженіе* *).

XLI.

Мы видѣли, какими глубокими чувствами ненависти и гнѣва пламенѣла славянофильская публицистика противъ Бѣлинскаго, и поводъ былъ, на первый взглядъ, чрезвычайно внушительный: «гнусная враждебность къ русскому человѣку». *Отечественныя Записки*, по представленію писателей изъ *Москвитянина*, превратились, благодаря Бѣлинскому, въ органъ антирусскій и противонародный. Первенствующій критикъ неуклонно велъ политику враговъ русской національности, обнаруживалъ тупое непониманіе исконныхъ сокровищъ русскаго духа и творилъ себѣ кумировъ изъ всевозможныхъ зарубежныхъ боговъ.

Это обвиненіе тяготѣло надъ Бѣлинскимъ въ теченіе всей его жизни, не исчезло и позже. Въ глазахъ патріотовъ-спеціалистовъ онъ стяжалъ прочную славу фанатическаго западника, ослѣпленнаго блескомъ европейской цивилизаціи до совершенно невмѣняемаго презрѣнія къ самымъ подлиннымъ и яркимъ проявленіямъ русской самобытной стихіи. Это—нравственный безпочвенникъ и культурный межеумокъ.

Патріоты въ азартѣ преслѣдованія заходили даже за геркулесовы столбы; отрицали у *Отечественныхъ Записокъ* Бѣлинскаго способность понимать русскую поэзію вообще, не только народную...

Такая температура славянофильскихъ настроеній могла бы освободить насъ отъ необходимости вести процессъ съ подобными обвинителями. Но вопросъ въ сильной степени осложняется, независимо отъ воинственности *Москвитянина* и его единомышленниковъ.

Въ настоящее время не заслуживали бы особеннаго вниманія всѣ кривотолки, какіе вызывались личностью и дѣятельностью

*) См. «Міръ Божій», № 6. Іюнь.

Бѣлинскаго въ лагерѣ завѣдомыхъ враговъ и даже просто людей, чуждыхъ ему по духу и міросозерцанію. Случилось же, напримѣръ, Бѣлинскому лично выслушать отъ извѣстнаго профессора, ученаго славянскаго филолога, Срезневскаго заявленіе, что его критическая дѣятельность не заслуживаетъ сочувствія, но зато его комедія *Пятидесятилѣтній дядюшка*—«вещь геніальная» [243]).

Бѣлинскій не могъ опомниться отъ изумленія. Но съ теченіемъ времени онъ долженъ былъ привыкнуть къ оригинальной игрѣ ума своихъ критиковъ: улики въ непониманіи русскихъ стиховъ ничѣмъ въ сущности не уступали приговору Срезневскаго. Разница лишь въ томъ, что улика—крайняя точка линіи, какую вели не одни москвитяне. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается великій общественный интересъ вопроса.

Намъ неоднократно приходилось указывать на одинокое положеніе Бѣлинскаго даже среди ближайшихъ сочувственниковъ. Однихъ отталкивало его неистовство въ разъясненіи тѣхъ идей, какія они сами признавали истинными, другихъ смущала неумолимая послѣдовательность мысли, непреклонное отождествленіе идейныхъ стремленій и личныхъ отношеній.

Особенно глубокія страданія испытывалъ Грановскій. Онъ не успѣлъ вдуматься въ смыслъ духовныхъ преобразованій критика, не могъ помириться съ его безпощадной воинственностью и, конечно, оказался не въ силахъ вскрыть сущность воззрѣній Бѣлинскаго въ области основныхъ задачъ времени. На первомъ планѣ здѣсь стоялъ вопросъ о народности, одинаково близкій и литературѣ, и политикѣ сороковыхъ годовъ.

Среди западниковъ онъ обсуждался съ не меньшимъ усердіемъ, чѣмъ на страницахъ *Москвитянина*. Безъ него былъ немыслимъ никакой разговоръ объ искусствѣ и о наукѣ. И этотъ порядокъ достался времени Бѣлинскаго по наслѣдству, отъ публицистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Она, безъ различія направленій, усердно толковала о самобытности и подражательности. Начиная съ *Мнемозины* и кончая *Московскимъ Телеграфомъ*, критики-поэты и критики-публицисты съ одинаковой энергіей преслѣдовали «безнародность», «наносныя цѣпи» и взывали къ національному генію и народному творчеству. И мы знаемъ, наименованіе «перваго славянофила» стяжалъ поэтъ Кюхельбекеръ, не принадлежавшій ни къ какой партіи, и менѣе всего къ славянофильской, еще невѣдомой въ литературныхъ лѣтописяхъ первой четверти вѣка.

Бѣлинскій, слѣдовательно, неизбѣжно въ силу историческаго теченія идей, встрѣтился съ темой о народности, нисколько не

---

[243]) Анненковъ. *Воспоминанія*. III, 49.

утратившей своей важности и жгучести. Напротивъ. Появленіе особой національной партіи, вооруженной помимо патріотическаго жара еще философскими и даже научными средствами, сообщило задачѣ характеръ исключительной серьезности. И Бѣлинскій съ первой статьи до послѣдней не спускалъ глазъ съ борьбы.

Къ какимъ же результатамъ пришелъ онъ?

Отвѣтъ, помимо враговъ, дали также друзья критика, и въ такой формѣ, что выходки Погодина и Шевырева можно признать основательными, по крайней мѣрѣ, въ ихъ первоисточникѣ.

Одинъ изъ членовъ западническаго круга, впослѣдствіи добросовѣстный лѣтописецъ минувшихъ дѣлъ и рѣчей, разсказываетъ въ высшей степени любопытный, отчасти драматическій эпизодъ, въ своемъ родѣ событіе.

Совершилось оно въ окрестностяхъ Москвы, въ селѣ Соколовѣ, въ томъ самомъ, чье имя стоитъ подъ герценовскими *Письмами объ изученіи природы*. Въ этомъ селѣ, лѣтомъ 1845 года, жили семьи Герцена и Грановскаго. Общество собиралось многочисленное и шумное. Ежедневно происходили настоящіе миттинги западнической партіи. Бесѣды велись горячія и по всякому ничтожному поводу рѣчь готова была перейти на важнѣйшіе вопросы современной литературы и общественности.

Въ атмосферѣ чувствовалось нѣкоторое напряженіе. Чуялось приближеніе если не грозы, то рѣшительнаго взрыва долго накоплявшихся чувствъ. Туча надвигалась со стороны, казалось бы, самой ясной и мирной, именно отъ Грановскаго, и громъ долженъ былъ поразить прежде всего Бѣлинскаго и *Отечественныя Записки*.

Однажды общество отправилось въ поля на прогулку. Кругомъ крестьяне и крестьянки убирали жатву. Костюмы ихъ, конечно, оставляли желать многаго по части скромности и изящества. Кто-то изъ гуляющихъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ только одна русская женщина никого не стыдится и ея также никто не стыдится.

Замѣчаніе, очевидно, было брошено съ иронической шуткой и немедленно вызвало протестъ Грановскаго. Онъ обратился къ насмѣшнику съ такимъ поученіемъ:

— Надо прибавить, что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность.

Самый ярый славянофилъ не отказался бы отъ подобной рѣчи

и поспѣшилъ бы указать непремѣнно на петербургскій западническій журналъ. Грановскій именно такъ и поступилъ.

Ему возразили, что не слѣдуетъ обобщать одно случайное замѣчаніе. Онъ не согласился и напомнилъ, что подобныя замѣчанія превращаются иногда въ цѣлое ученіе, напримѣръ, у Бѣлинскаго, и онъ, профессоръ, во взглядахъ на русскую національность гораздо болѣе сочувствуетъ славянофиламъ, чѣмъ *Отечественнымъ Запискамъ* и западникамъ [244]).

Болѣе краснорѣчивый фактъ трудно представить и для славянофиловъ не могло быть ничего желаннѣе, какъ эта междоусобица. Слѣдовательно, должны мы замѣтить, Бѣлинскій на самомъ дѣлѣ грѣшилъ смертнымъ грѣхомъ противъ русской народности и давалъ своимъ противникамъ вполнѣ законныя основанія уличать его чуть ли не въ измѣнѣ отечеству?

Косвенный утвердительный отвѣтъ даетъ и самъ историкъ разсказаннаго событія. По его словамъ, «начитанность образованностью омрачала иногда самые солидные умы» и была, по преимуществу, «темной стороной нашего западничества» [245]).

Имѣется и съ другой стороны подтвержденіе печальнаго факта. Герценъ сознается, что они, то-есть, западники, «долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи». Правда, вина лежала на славянофилахъ. Они заслонили жизненную и историческую правду «иконописными идеалами и дымомъ ладона». Но причина не мѣняетъ смысла послѣдствій: по сознанію западника, западничество, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, оставалось на русской почвѣ растеніемъ чужеяднымъ и слѣпымъ. И если Герценъ говоритъ *мы не понимали,* читатель не имѣетъ ни малѣйшаго повода исключать изъ этихъ *мы* того же Бѣлинскаго и его послѣдователей.

Достаточно этихъ фактовъ, чтобы преклониться предъ грозными патріотическими окриками славянофиловъ и на совѣсти нашего критика оставить преступленіе еще горшее, чѣмъ всѣ другія, въ родѣ обоготворенія дѣйствительности, развѣнчиванія пушкинской Татьяны. И, повидимому, общественное мнѣніе нашей литературы помирилось съ такимъ заключеніемъ. Въ статьѣ о русскихъ былинахъ и сказкахъ Бѣлинскому пришлось, между прочимъ, высказать такую мысль:

«Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ» [246]).

---

[244]) *Ib.*, стр. 119 etc.

[245]) *Ib.*, стр. 124.

[246]) *Сочиненія.* V, 36—7.

Эта фраза пріобрѣла классическую славу и стала эпиграфомъ всѣхъ негодующихъ рѣчей, направляемыхъ противъ Бѣлинскаго—эстетика и публициста. Въ связи съ извѣстными намъ признаніями западниковъ она звучитъ неотразимо и защитниковъ критика ставитъ, повидимому, въ безвыходное положеніе.

Мы не беремъ на себя этой роли и считаемъ ее недостойной ума и таланта Бѣлинскаго. Мы предоставимъ ему самому вести процессъ: отъ глубины его чувства, отъ силы его мысли и краснорѣчія будетъ зависѣть побѣда или пораженіе. Мы только должны оговориться, — Бѣлинскій уже давно нашелъ своихъ защитниковъ, столь же неожиданныхъ, какъ нападки Грановскаго. Писатель, не причислявшій себя ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ, но, несомнѣнно, тяготѣвшій къ востоку и славянскому міру, взялъ на себя задачу понять и простить вины Бѣлинскаго предъ русскимъ народомъ.

Этотъ смѣльчакъ—Аполлонъ Григорьевъ.

Всегда искренній и благородный, доступный глубокимъ идейнымъ увлеченіямъ, къ сожалѣнію, не всегда уловимый и удобопонятный въ полетахъ горячей мысли, Григорьевъ пересмотрѣлъ давнишній процессъ западниковъ съ славянофилами и открылъ сильнѣйшія смягчающія обстоятельства даже для крайнихъ противонародническихъ выходокъ Бѣлинскаго.

Критикъ съ истинной проницательностью культурнаго историка разобралъ условія, при какихъ началась схватка западничества съ славянофильствомъ. Для насъ соображенія Григорьева не новость послѣ того, какъ мы знакомы съ лубочнымъ націонализмомъ и сусальной народностью публицистовъ въ родѣ Глинки и ученыхъ въ стилѣ Надеждина. Для насъ важно, что заслуженная казнь маскарадныхъ патріотовъ постигла изъ устъ убѣжденнаго исповѣдника національной вѣры.

Какая мѣткая и сильная характеристика романовъ Загоскина, драмъ Кукольника, статей Надеждина, какъ сокровищницъ особаго русскаго духа, воплощаемаго въ лицѣ скомороховъ, нравственныхъ евнуховъ, отождествляемаго съ неотразимымъ кулакомъ дикаго забіячества или тупымъ смиреніемъ безличнаго холопа! У Загоскина предѣлъ національнаго нравственнаго совершенствованія—«баранья покорность всякому существующему факту», а въ драмахъ—звѣрское самодовольство Ляпунова, татарскій азартъ Ѳедосьи Сидоровны — грозы китайцевъ. Это—сплошное наслѣдіе татарщины, это варварское дыханіе Азіи, а не подлинный духовный міръ русскаго народа, не великая будущая сила культурнаго міра.

Какой же читатель, не утратившій окончательно здраваго смысла и чувства человѣческаго достоинства, могъ остаться благо-

склоннымъ или даже равнодушнымъ предъ подобными зрѣлищами! Какъ могло не поразить до нестерпимой боли униженіе, какому подвергали русскую народность ея неосмысленные апостолы? И кто, наконецъ, подниметъ камень на людей, въ порывѣ оскорбленнаго ума и духа клеймящихъ пошлость и дикость самозваннаго патріотизма?

Такими людьми и были западники, отъ Чаадаева до Бѣлинскаго. Григорьевъ понимаетъ всю жгучую боль, какая вложена авторомъ философскаго письма въ его произведеніе. Онъ понимаетъ и страстные набѣги Бѣлинскаго на возстановителей татарщины подъ видомъ русской народности. Критикъ приходитъ къ заключенію, достойному высшихъ стремленій нашей просвѣщенной публицистики и общественной исторіи.

«Не съ народностью боролось западничество, а съ фальшивыми формами, въ которыя облеклась идея народности. И вина западничества, если можетъ быть вина у явленія историческаго, не въ томъ, конечно, что оно отрицало фальшивыя формы, а въ томъ, что фальшивыя формы принимало оно за самую идею» [247]).

Прекрасно сказано, но не договорено. Бѣлинскаго можно считать правымъ въ западническихъ излишествахъ предъ торжествующимъ кулакомъ и уличнымъ забіячествомъ. Но ему мало чести, если онъ не распозналъ формы и сущности, если онъ неразуміе и первобытность отдѣльныхъ личностей смѣшалъ съ общимъ культурнымъ принципомъ.

По мнѣнію Григорьева, именно такъ и выходитъ.

Критикъ готовъ все понять и отпустить, но онъ въ то же время убѣжденъ, что Бѣлинскій всецѣло нуждается въ прощеніи и вовсе не заслуживаетъ нашихъ положительныхъ чувствъ, какъ публицистъ на тему народности. Онъ—чистый отрицатель, онъ—*зоилъ народности*, — и только съ теченіемъ времени могъ усвоить болѣе здоровое міросозерцаніе. Григорьевъ увѣренъ, Бѣлинскій его усвоилъ бы, какъ вообще во всякое время оказался бы на высотѣ культурныхъ задачъ. Но это значитъ превозносить потенціальнаго Бѣлинскаго, а не дѣйствительнаго. Пророчество, несомнѣнно, симпатичное, но оно въ глазахъ большинства свидѣтельствуетъ больше о добромъ благородномъ сердцѣ прорицателя, чѣмъ утверждаетъ истину на незыблемыхъ основаніяхъ логики и фактовъ.

Мы не имѣемъ возможности ограничиться усладительными настроеніями. Мы должны рѣшиться на нѣчто большее. Для насъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ фактѣ, по странному

---

[247]) Статьи Григорьева: *Западничество въ русской литературѣ*, *Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ*. *Сочиненія*. Спб. 1876.

недоразумѣнію упущенномъ изъ виду рыцарственнымъ защитникомъ Бѣлинскаго: если критикъ не имѣлъ опредѣленнаго представленія о народности, если онъ упорствовалъ въ слѣпомъ отрицаніи, онъ психологически не могъ быть глубокимъ цѣнителемъ и поучительнымъ истолкователемъ произведеній русской литературы. Такому критику доступно развѣ только искусство, по самой сущности враждебное народной стихіи,—искусство, оторванное отъ исторической національной почвы, напримѣръ, французскій классицизмъ.

А между тѣмъ Бѣлинскій именно и нанесъ жесточайшіе удары классическому космополитизму и наносной лжи. Именно онъ трепеталъ всѣми нервами за честь независимаго русскаго творчества. Это—несомнѣнное противорѣчіе. Между принципомъ народности и космополитическими влеченіями нѣтъ средины, возможны только тѣ или другія толкованія принципа, сплошное отрицаніе его немыслимо вообще для литературнаго дѣятеля новаго времени.

Очевидно, Григорьевъ неправъ. Въ идеяхъ Бѣлинскаго, яростнаго ненавистника татарской самобытности, имѣлось нѣчто свое, несомнѣнно, національное и народное, нѣчто достаточно глубокое и содержательное, чтобы критикъ могъ на немъ возвести незабвенные памятники творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

И открыть этотъ положительный капиталъ не представляетъ никакихъ затрудненій: именно здѣсь критикъ съ особеннымъ блескомъ развернулъ свой дивный талантъ лиризма, возвышавшій его въ счастливыя минуты на уровень первостепеннаго поэта.

XLII.

Бѣлинскому пришлось коснуться рокового вопроса въ одной изъ самыхъ молодыхъ своихъ статей, въ журналѣ Надеждина. Здѣсь онъ столкнулся съ извѣстной намъ одой въ честь кулака и ему необходимо было сказать свое мнѣніе о предметѣ, весьма близкомъ сердцу редактора.

Бѣлинскій не отступилъ отъ крайне щекотливой задачи. Онъ написалъ цѣлое разсужденіе полу-ироническаго, полу-серьезнаго характера, сравнивая кулакъ съ другими орудіями борьбы шпагой, штыкомъ, пулей. Онъ постарался доказать своему воинственному патрону, что кулакъ, дубина то же самое, что ноготь, зубъ, т.-е. орудія звѣря или дикаря; другія средства борьбы «предполагаютъ искусство, ученіе, слѣдовательно, зависимость отъ идеи», характеризуютъ «человѣка образованнаго» [248]).

---

[248]) *Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы.* II, 137.

Простое, но въ высшей степени знаменательное сопоставленіе! Сущность его не исчезаетъ до конца изъ разсужденій Бѣлинскаго. Его цѣль двоится: онъ долженъ побороть ярмарочныхъ національстовъ и установить понятіе истинной культурной національности. Въ силу вещей эти цѣли часто сливаются въ одномъ теченіи мысли. Предъ Бѣлинскимъ цѣлая фаланга патріотовъ загоскинскаго типа. Они взапуски другъ передъ другомъ стараются закидать шапками своихъ противниковъ и доходятъ до такой степени азарта, что всякая человѣческая рѣчь и здравый смыслъ становятся излишними предъ нечленораздѣльными воплями черни и массы.

По культурнымъ условіямъ времени эти враги вполнѣ серьезные. Въ ихъ распоряженіи періодическія изданія, популярная беллетристика и даже университетскія каѳедры. Имъ волей-неволей приходится удѣлять много вниманія, даже начинать писательство въ томъ журналѣ, гдѣ только что была совершена апоѳеоза русскаго кулака. На страницахъ профессорскаго органа надо объяснять, что «кулаки не помогли подъ Нарвой, и не кулаки, а обученное войско смыло подъ Полтавой пятно стыда кровью своего прежняго побѣдителя». Непосредственная физическая сила и наука, просвѣщеніе: такъ стоитъ вопросъ съ самаго начала. И не было бы смертнаго грѣха, если бы Бѣлинскій окончательно перетянулъ вѣсы въ сторону ума и однимъ ударомъ покончилъ съ народностью, которую можно отожествлять съ разрушительными инстинктами дикаря. Этого не случилось, и причина лежитъ исключительно въ глубокомъ умѣ критика, въ его восторженной любви къ родному народу, отнюдь не въ искусствѣ его противниковъ—раскрыть безсмертныя общечеловѣческія сокровища—въ исторіи и природѣ русскаго человѣка.

Смыслъ отрицаній Бѣлинскаго, столь поразившихъ его славянофильскаго поклонника, вполнѣ ясенъ. Сдѣлайте логическіе выводы изъ основныхъ положеній той самой народности, какая возмущаетъ самого Григорьева: ихъ два—смиреніе и кулакъ, два полюса русскаго народнаго духа, по разъясненію его профессіональныхъ толкователей, смиреніе—добродѣтель внутренней политики, кулакъ—всемогущее средство разрѣшать внѣшнія осложненія. У себя дома—русскій человѣкъ или скоморохъ, или умственный аскетъ; обѣ роли не противорѣчатъ другъ другу и въ случаѣ нужды могутъ сливаться въ одну; предъ иноземцами онъ—неугомонный забіяка и самохвалъ. Художественные образы для всѣхъ этихъ идеаловъ даны въ изобиліи охотнорядской литературой. Дальнѣйшее развитіе неуклонно.

Народъ естественно будетъ подмѣненъ чернью, русскій языкъ жаргономъ, «національная мудрость» откроется въ вѣковомъ мракѣ

«святой старины», провиденціальное назначеніе Россіи опредѣлится ея неограниченнымъ военнымъ торжествомъ надъ басурманами, въ противодѣйствіи яду европейской образованности.

Вдохновеній для этой дѣятельности можно почерпнуть сколько угодно въ самой подлинной русской народной поэзіи. Взять, напримѣръ, былины. Какое раздолье кулаку, забубенной физической силѣ, какіе сочные жанры на романическія темы въ чисто національномъ духѣ, безъ всякой примѣси западной ереси!

Именно исторіи и драмы любви особенно краснорѣчивы. Въ любовной страсти человѣкъ сказывается весь, безъ утайки и удержу, во всей полнотѣ обнаруживается его нравственная природа.

И былины не скупятся на живопись. У нихъ есть свой излюбленный Ромео и своя Джульетта. Ромео—это Змѣй Тугаретинъ, или Тугаринъ Змѣевичъ, а Джульетта—княгиня Апраксѣевна, супруга кіевскаго князя Владиміра. И что это за любовь и что̀ за герои!

Прочтите, какъ держитъ себя счастливый любовникъ съ своей возлюбленной публично, на пиру, въ присутствіи ея мужа! Ѣстъ онъ—по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, пьетъ—по цѣлой чашѣ охлестываетъ, «котора чаша въ полтретья ведра», съ милой бесѣдуетъ—«къ княгинѣ руки въ пазуху кладетъ, цѣлуетъ уста сахарныя, князю насмѣхается». Эти подвиги не мѣшаютъ Змѣю быть самымъ жалкимъ трусомъ, и спасаться отъ противника въ такомъ доблестномъ и изящномъ бѣгствѣ, что подробности народной иронической фантазіи являются невозможными въ печати. Подъ стать такому герою и его зазноба. Богатыри съ ней рѣшительно не стѣсняются, имъ ничего не стоитъ при всей почтенной публикѣ обозвать ее «сукой, сукою-то волочайкою», а глядя по обстоятельствамъ, приправить рѣчь энергическимъ жестомъ, потому что «женской полъ отъ того пухолъ бываетъ».

Когда вы пожелаете вызвать предъ собой во всей красотѣ идеалы былинной русской очаровательницы, предъ вами предстанетъ такой образъ: «она по двору идетъ—будто уточка плыветъ, а по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ, а на лавицу садится, колѣнцо жметъ,—а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ».

Какъ оцѣнить подобное творчество? Съ художественной точки зрѣнія оно явно неудовлетворительно, иначе пришлось бы вычеркнуть изъ исторіи искусства эллинскую національную поэзію, не имѣющую ничего общаго ни съ утиной походкой, ни съ женской пухлостью, ни съ манерами жеманныхъ мѣщанокъ. Положимъ, и у Гомера достаточно наивностей и даже дикостей, но прощаніе Гектора съ Андромахой, нѣчто совершенно другое, чѣмъ сцена Дуная Ивановича съ Настасьей Королевишной, гдѣ кавалеръ

даетъ дамѣ пощечину и шутитъ многія подобныя же шутки, появленіе Навзикаи, равной по стройности пальмамъ Делоса, совсѣмъ не похоже на очаровательные поступки Марины Игнатьевны или княгини Апраксѣевны. Множество и другихъ сравненій можно привести. Какъ поступить съ ними въ виду притязаній русскихъ патріотовъ—сложить изъ русскихъ былинъ своего рода Одиссею и замереть въ восторгѣ предъ національной эпопеей?

Бѣлинскій не колебался въ отвѣтѣ, и далъ его, по обыкновенію, рѣшительно и рѣзко. Поэзіи и красоты нѣтъ въ тѣхъ былинахъ, гдѣ царитъ звѣрская сила, гдѣ слабѣйшій—будь это женщина, или ея обманутый мужъ, подвергаются всяческимъ насиліямъ и издѣвательствамъ, гдѣ чувство любви отождествляется или съ бѣсовскимъ навожденіемъ или съ вызывающимъ цинизмомъ.

Дальше, вопросъ культурный, общечеловѣческій. Здѣсь рѣшеніе еще нагляднѣе. Кто станетъ утверждать, что былинныя рыцарскія добродѣтели должны остаться драгоцѣнными завѣтами для будущихъ поколѣній? Мы не откажемъ въ трогательномъ неумирающемъ чувствѣ поэту, создавшему образъ Пенелопы, изобразившему тоску великаго Ахиллеса по другѣ Патроклѣ, вложившему въ уста героевъ столько мудрыхъ и дивно прекрасныхъ рѣчей о любви къ родинѣ, о человѣческой судьбѣ, о доблести мужчины и о красотѣ женщины...

Пусть на этой же сценѣ приносятся человѣческія жертвы, плѣнницы превращаются въ наложницъ, вожди поносятъ другъ друга словами—крылатыми яростью,—все это не заслонитъ ослѣпительнаго блеска поэзіи и мысли. И развѣ допустимо будетъ признать эстетическимъ или нравственнымъ преступленіемъ естественный выводъ, какой получается изъ сравненія русскихъ сказаній о богатыряхъ съ гомеровскими пѣснями?

А именно только этотъ выводъ и сдѣлалъ Бѣлинскій, но ограничилъ его до послѣдней степени, приписалъ всѣ грѣхи русскихъ народныхъ былинъ—и противъ художественности, и противъ человѣчности не народности, не самой природѣ русскаго народа, а несчастнымъ внѣшнимъ условіямъ, обставившимъ ростъ русской національности.

Это излюбленная идея Бѣлинскаго: «Недостатки нашей народности вышли не изъ духа и крови націи, но изъ неблагопріятнаго историческаго развитія». Критикъ доказываетъ свою мысль и съ помощью фактовъ и еще сильнѣе—страстными взрывами своего поэтическаго чувства.

Посмотрите, какъ онъ объясняетъ тяжелые, часто безнадежные мотивы русской пѣсни! Онъ не пропустилъ ни одной черты ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ русскаго народа, вспомнилъ о междоусобицахъ, о татарщинѣ, о самовластіи Грознаго, о смu-

тахъ междуцарствія, сильными красками поэта-публициста нарисовалъ будничную тяготу народнаго житья-бытья и набросилъ на эту картину фонъ свинцоваго неба, холодной весны, печальной осени и необозримыхъ однообразныхъ степей [249])... И вы согласны съ критикомъ.

Гдѣ же родиться смертной толпѣ и тяжелому размаху подавленныхъ силъ, какъ не въ этихъ вѣчныхъ сумеркахъ нравственнаго и внѣшняго міра? Какъ эта жизнь и природа далеки отъ глубокаго, вѣчно сіяющаго неба, отъ нервныхъ, переливчатыхъ волнъ моря того юга, гдѣ Гомеръ слагалъ свои поэмы! И какіе два несхожихъ человѣка—свободный и праздный грекъ и удрученный работами данникъ азіатской желѣзной силы!.. Легко представить, какъ вмѣсто полубоговъ явились полузвѣри и чарующіе вольные полеты воображенія не могли ужиться съ неотразимой прозой рабской дѣйствительности.

Такъ было на Руси, хотя не вездѣ и не всегда. Въ Новгородѣ историческая жизнь народа сложилась иначе, чѣмъ въ средней Россіи, и это отразилось на народномъ творчествѣ. Странная республика, не успѣвшая вырости въ строго-организованную политическую силу, успѣла внести свой духъ воли и независимой силы въ былинныя пѣсни. Она создала всего четыре сказанія—о купцѣ Садко и о Василіѣ Буслаевѣ, но какое здѣсь богатство чувства и мысли сравнительно съ исторіями о другихъ русскихъ богатыряхъ! Именно онѣ освѣщаютъ вѣрнымъ свѣтомъ дѣйствительный духъ русской народности и показываютъ, въ какомъ направленіи, при лучшихъ историческихъ судьбахъ, развилось бы русское народное творчество.

Такъ думаетъ Бѣлинскій, и здѣсь онъ не скупится на восторги онъ счастливъ отвести душу на томъ, что его художественное чувство можетъ признать истинно прекраснымъ, въ чемъ его высококультурная мысль можетъ распознать человѣческую душу, *идею*.

И какъ онъ не требователенъ въ своемъ восхищеніи, какъ мало правовѣренъ на строгій западническій взглядъ! Онъ неоднократно принимается произносить лирическія рѣчи во славу именно той добродѣтели русскаго народа, какая впослѣдствіи у Тургенева вызоветъ смѣхъ и презрѣніе. Это—прославленная русская удаль, широкій размахъ души, головокружительный разгулъ...

Качество, несомнѣнно, картинное; не даромъ оно внушило Гоголю такое стремительное, такое искреннее чувство. Но вѣдь тотъ же великій сатирикъ распространилъ свой восторгъ далеко за предѣлы поэзіи, слилъ его съ политикой и отъ гимна русской тройкѣ перешелъ къ историческому ясновидѣнію, къ небывалымъ, будто уже существующимъ, перспективамъ побѣдоноснаго рус-

[249]) *Сочиненія*. V, 247.

скаго прогресса среди изумленныхъ отсталыхъ народовъ и государствъ.

Не шелъ ли на такую же опасность и нашъ критикъ?

Да, почти: онъ приближается къ самой грани, отдѣляющей лирическое предчувствіе будущаго отъ сознательнаго преклоненія предъ настоящимъ.

XLIII.

«Я люблю русскаго человѣка и вѣрю великой будущности Россіи»,—такъ писалъ Бѣлинскій незадолго до смерти, и эти слова можно поставить во главѣ его національной философіи [250]). Немного раньше онъ точно опредѣлилъ и основанія своей любви и вѣры. «Русская личность пока эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость!» [251]).

Эти рѣчи говорились въ самый разгаръ славянофильской полемики, но смыслъ ихъ установился гораздо раньше, былъ заявленъ открыто и всякаго, кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ идей критика, не должна была удивлять его благосклонность къ нѣкоторымъ славянофильскимъ воззрѣніямъ.

«Я—натура русская», признавался Бѣлинскій и гордился этимъ. Отсюда совершенно непосредственный путь ко всѣмъ его лирическимъ изліяніямъ, къ его проповѣди національности и народности. Здѣсь, въ этомъ сознаніи, таятся всѣ нравственныя побужденія, двигавшія талантъ критика на защиту и толкованіе первостепенныхъ современныхъ художниковъ, и заключается вся идейная программа, подсказывавшая ему предметы восторга и порицанія.

Бѣлинскій, стараясь уловить національную русскую природу, совершалъ процессъ самопознанія, разоблачая культурный составъ русской народности, набрасывалъ черты своей собственной личности.

Въ русской народной поэзіи всѣ эти черты схвачены однимъ понятіемъ—*удаль*. Это—способность разойтись до того, что море кажется по колѣно, насладиться чувствомъ необъятной воли и силы, забыться въ страстномъ трепетѣ жизни, рискнуть всѣмъ, что есть дорогого, годами и трудомъ взлелѣяннаго и ощутить пронизывающее дыханіе смертельной опасности. Это купецъ Садко, бросающій въ темную бездну судьбы и свое богатство, и себя самаго, это Васька Буслаевъ, съ бурнымъ безумiемъ прожигающій жизнь, не вѣрующій ни въ сонъ, ни въ чохъ, а лишь въ свой червленый вязъ.

---

[250]) Письмо къ Каведину, 22 ноября 1847 года. *Русск. М.* 1892, I, 114.

[251]) Письмо къ Боткину, 8 марта 1847 года. Пыпинъ. II, 281.

И тамъ, и здѣсь предъ нами сила дикая, не облагороженная какими бы то ни было высшими нравственными стремленіями, но сила—истинно-богатырская, исполненная отваги и блеска.

Она-то именно и плѣняетъ Бѣлинскаго, влечетъ къ себѣ своимъ неудержимымъ размахомъ, несокрушимымъ удальствомъ. Въ этой удали онъ готовъ видѣть даже начало и проблески духовности и преклониться предъ великой будущностью этихъ задатковъ. Только пусть проникнетъ въ эту стихію свѣтъ мысли, пусть овладѣютъ ею человѣческіе идеалы, и она совершитъ чудеса, поразитъ изумленіемъ старый міръ.

«Отвага, удаль и молодечество,—разсуждаетъ критикъ,—еще далеко не составляютъ человѣка; но они—великое поручительство въ томъ, что одаренная ими личность можетъ быть по преимуществу человѣкомъ, если усвоитъ себѣ и разовьетъ въ себѣ духовное содержаніе».

Его почти нѣтъ въ русской былинной поэзіи. Всюду только могучее тѣло, преклоненіе предъ физической силой, предъ богатырствомъ въ истребленіи невѣроятнаго количества зелена вина, въ избіеніи враговъ, часто въ чудовищной казни невѣрной жены.

Сами богатыри не личности и не характеры, а смутные, едва очерченные образы, едва организованная матеріальная стихія. И она еще ждетъ творческаго и мыслящаго духа, такъ же, какъ ждалъ его и весь народъ старой до-петровской Руси. Избытокъ органическихъ силъ уходилъ на дикій разметъ грубыхъ страстей, явился царь-преобразователь, вдунулъ въ исполинское тѣло душу живу, и, говоритъ Бѣлинскій, «замираетъ духъ при мысли о необъятно-великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра»...

Припомните личныя признанія критика о самомъ себѣ, и васъ поразитъ тожественность мыслей. Мы знаемъ, какое страстное отвращеніе питалъ неистовый Орландъ къ подвигамъ умѣренности и аккуратности, какъ ненавистны и презрѣнны были для него среднія мѣщанскія добродѣтели. «Лучше быть падшимъ ангеломъ, т. е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою». Такова нравственная психологія Бѣлинскаго; живую иллюстрацію ей онъ могъ найти въ нижегородскихъ былинахъ. Всѣ его сочувствія на сторонѣ Васьки Буслаева.

Герой, правда, преисполненъ всевозможныхъ грѣховъ. Онъ самъ сознается: «съ молоду бито много, граблено», но это разгулъ органической силы, дурно направленной, но не перестающей быть силой. И, по мнѣнію критика, Васька «лучше многихъ тысячъ людей, которые тихо и мирно проживали вѣкъ свой: онъ былъ мотомъ и пьяницей отъ избытка душевнаго огня, лишеннаго истинной пищи, а тѣ жили тихо и мирно по недостатку силы».

И, читая эту оправдательную рѣчь, вы невольно представляете самого адвоката во власти такого же широкаго размета души, только здѣсь онъ направленъ къ ясной идеальной цѣли, здѣсь неистощимая энергія проникнута духомъ и разумомъ. Развѣ знакомая намъ сцена, устроенная Бѣлинскимъ по случаю его Бородинской статьи, не тотъ же самый богатырскій размахъ, какому нѣтъ дѣла до внѣшнихъ препятствій и опасностей? Развѣ неуклонная рѣшимость вѣрить только своему чувству и своему разсудку въ разрѣзъ съ какими бы то ни было настроеніями и мыслями другихъ людей, не то же презрѣніе Буслаева къ чоху и сну т. е. къ общепринятымъ вѣрованіямъ и примѣтамъ, и надежда лишь на одну свою силу?

Тамъ только «червленый вязъ», т. е. орудіе первобытнаго человѣка, здѣсь мощная воля и неустанная мысль. Натуры тожественныя по существу, различныя по направленію. И поэтому Бѣлинскій такъ горячо стоялъ за реформу Петра; она въ его глазахъ—творческій духъ, очеловѣчившій могучее тѣло, она варвару, безтолково и часто преступно тратившему свои силы, указала путь культурнаго прогресса.

Какой смыслъ послѣ этого могли имѣть обвиненія противъ Бѣлинскаго въ презрѣніи и ненависти къ русскому человѣку? Можно ли было въ большей степени извратить настоящее чувство критика и съ большей отвагой оклеветать одного изъ восторженнѣйшихъ глашатаевъ русской народной силы?

И не одной силы. Помимо нижегородскихъ былинъ русская старина завѣщала еще одно сокровище, поэтическое и трогательное, правда не *Иліаду* и *Одиссею*, но само по себѣ краснорѣчивое свидѣтельство о благородныхъ общечеловѣческихъ чертахъ русскаго народнаго духа. Это—*Слово о полку Игоревѣ*.

Прочтите страницы, написанныя Бѣлинскимъ объ этой таинственной эпопеѣ, и сравните ихъ съ остроумнымъ разборомъ того же предмета, принадлежащимъ перу несомнѣнно ученѣйшаго филолога сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ — Сенковскаго, вы поймете, что значитъ *критиковать* народную поэзію и *понимать* ее. Двѣ вещи совершенно различныя.

Для барона Брамбеуса *Слово* — ничто иное какъ «школьный реторическій трудъ». Составилъ его нѣкій семинаристъ прошлаго вѣка по всѣмъ правиламъ классическихъ реторикъ. Баронъ отличался способностью доказывать рѣшительно все что угодно именно при помощи филологіи, проявилъ во всемъ блескѣ этотъ талантъ на поразительномъ истолкованіи греческихъ миѳовъ путемъ переименованія героевъ и героинь въ *Распребѣшана Невпопадовича* (Агамемнонъ Атридъ), въ *Дебелощеку Распредѣшановну* (Ифигенія дочь Агамемнона) и даже въ *Маклера Откуповича* (Парисъ сынъ

Пріама) и въ *Шкатулку* (Елена): ему, конечно, дешево стоило произвести соотвѣтствующій опытъ и надъ русскимъ *Словомъ*. И онъ произвелъ, съ искусствомъ мастера и съ забавностью присяжнаго остроумца. Русская народная поэзія—не *Слово*: оно продуктъ кіевской семинаріи, а всякая другая оказывалась «грубымъ издѣліемъ грубыхъ воображеній», или просто «чепухой» [252]).

И между тѣмъ тотъ же баронъ выступалъ неоднократно на защиту русской народности и даже оберегалъ ее отъ растлѣвающихъ вліяній Запада!

Бѣлинскій не былъ посвященъ въ тайны филологическихъ экспериментовъ, а простодушно поддался очарованію поэмы. Онъ «противъ воли» увлекся ея красотами и незамѣтно, вмѣсто пересказа содержанія, представилъ читателямъ полный переводъ. И онъ ярко отмѣчаетъ все благородное и человѣческое, заключенное въ образахъ и фактахъ древняго *Слова*. Онъ лирически изображаетъ горе Ярославны, встрѣчу князей-братьевъ. Здѣсь дышитъ глубокое чувство, образы простодушны, но изящны и поэтичны. Критикъ тщательно подчеркиваетъ каждое нѣжное слово въ рѣчахъ героевъ, и ищетъ источника такихъ настроеній, совершенно чуждыхъ былинамъ.

Это—южная Русь. Тамъ до сихъ поръ такъ много человѣческаго и благороднаго въ семейномъ быту, въ полную противоположность сѣверной Руси, гдѣ женщина на положеніи домашней скотины, а любовь совершенно посторонее дѣло при бракахъ.

Очевидно, въ этой средѣ таятся сѣмена истинно-художественнаго творчества. Они могутъ быть собраны великимъ талантомъ, что и было сдѣлано Гоголемъ. Фактъ въ высшей степени существенный и для нашего критика особенно поучительный.

Именно Гоголь побиваетъ отрицательныя предсказанія Бѣлинскаго на счетъ малорусской поэзіи. Критикъ во что бы то ни стало не желаетъ поступиться ни культурой, ни развитой политической жизнью. Онъ ежеминутно боится за ихъ власть и достоинство, не спускаетъ глазъ съ народническихъ притязаній—въ первобытномъ общественномъ строѣ найти идеалы для новаго общества и государства. И онъ вооружается всѣми силами логики, лишь только является опасность со стороны непосредственнаго народнаго творчества заслонить основы общечеловѣческой цивилизаціи.

Въ эти минуты Бѣлинскій способенъ противорѣчить своему собственному чувству и даже своимъ словамъ.

Онъ знаетъ связь Гоголя съ малорусскимъ бытомъ и, конечно, съ малорусской поэзіей. Правда, Гоголь писалъ по-русски, но вѣдь

---

[252]) *Собраніе сочиненій Сенковскаго*. Спб. 1859, томъ IX, стр. 475 etc.

отъ переработки поэтическихъ мотивовъ на какомъ угодно языкѣ не понижается ихъ цѣнность. Слѣдовательно, могло же кое-что развиться изъ народнаго творчества Малороссіи. А потомъ Бѣлинскій зналъ произведенія Шевченко. Неужели они уступаютъ отдѣльнымъ красотамъ *Слова о полку Игоревѣ?*

Дальше. Бѣлинскій убѣжденъ, — художественная поэзія «выростаетъ на почвѣ естественной». Это—неограниченное правило, вѣрное и по отношенію къ русской поэзіи. Критикъ оговаривается, что народная поэзія должна быть «полна элементовъ *общаго*», т.-е. общечеловѣческаго: тогда только она создастъ художественную.

Россія, несомнѣнно, владѣетъ художественной поэзіей, очевидно, русская народная поэзія не чужда общечеловѣческаго содержанія, и притомъ очень глубокаго и богатаго, если Пушкина, Гоголя и даже Лермонтова можно признать національными поэтами.

И Бѣлинскій упорно, шагъ за шагомъ развиваетъ идею, что «народность—альфа и омега эстетики нашего времени», что талантливость художника неразрывно связана съ національностью, что въ произведеніяхъ Лермонтова живетъ истинно-національная русская грусть—«могучая, безконечная, грусть натуры великой, благородной», что у Пушкина лучшія лирическія произведенія полны того же чувства [253])... Столько блестящихъ вдохновенныхъ силъ выросло на почвѣ русской народности!

Сопоставьте эти разсужденія съ рѣшительнымъ отрицаніемъ будущаго у малорусской поэзіи, съ рѣзкимъ разграниченіемъ народнаго сознанія въ до-петровской Руси и въ новой Россіи, у васъ явится чувство чего-то недосказаннаго или, наоборотъ, переговореннаго. Скрывается внутреннее противорѣчіе между восторженными прославленіями могучей грусти, необъятной силы-удали и безусловнымъ обожаніемъ молніеноснаго удара Петра по исполину, по не одухотворенному организму московскаго темнаго народа.

Противорѣчіе подчеркивается еще однимъ фактомъ.

Петръ для Бѣлинскаго идеально-русскій человѣкъ, истинный патріотъ, своего рода удалецъ новгородской старины—неотразимый и самоувѣренный. Онъ—подлинный сынъ своего народа и глубина и успѣхъ его преобразованій только и объясняются этимъ кровнымъ родствомъ съ народной стихіей.

Слѣдовательно, эта почва способна производить и общечеловѣческіе мотивы поэзіи, и героизмъ на поприщѣ культуры и просвѣ-

---

[253]) *Стихотворенія М. Лермонтова.* IV, 291, 382. Статьи о Пушкинѣ. VIII, 329, 330.

щенія. Ни Пушкинъ, ни Гоголь, равно и Петръ были бы немыслимы безъ *естественной почвы*: все равно, какъ вообще «человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи—призракъ». Это—убѣжденіе Бѣлинскаго. Изъ него слѣдовало вывести необходимыя умозаключенія: петровская реформа не могла быть почвеннымъ переворотомъ ни нравственнымъ, ни общественнымъ. Если личность Петра—воплощеніе русскаго типа, то и его дѣятельность осуществленіе національныхъ задатковъ, можетъ быть, чрезвычайно стремительное, но тѣмъ не менѣе органическое проявленіе народнаго духа.

Такъ выходитъ по логикѣ самого Бѣлинскаго, и онъ одинаково страстно рисуетъ неясныя, но величественныя перспективы будущаго Россіи и исповѣдуетъ свой культъ предъ именемъ преобразователя.

Критикъ неоднократно касается вопроса объ этомъ будущемъ—такого остраго, такого раздражающаго, при жестокой войнѣ славянъ съ европейцами. Славяне не стѣснялись въ пророчествахъ, не считали себя вправѣ ограничиваться смутными посулами и чисто-религіозными видѣніями.

Бѣлинскій не желалъ чувство возводить на степень доказательства и на любви и вѣрѣ строить логическія сооруженія. Но любовь была такъ близка его сердцу и вѣра такъ глубоко волновала его русскую природу, что онъ не всегда оберегался отъ предсказаній, и однажды даже предвосхитилъ позднѣйшіе возгласы Достоевскаго о «всечеловѣкѣ».

Да, какъ это ни неожиданно, а нашъ отрицатель и гонитель народности, разсуждая о русской и европейской критикѣ, написалъ слѣдующія строки:

«Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одною изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое эклектическое) единство. Можетъ быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности, наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ смиренною, ни слишкомъ незавидною» [254]).

Немного позже Бѣлинскій предчувствіе великаго назначенія Россіи признаетъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ русскихъ лю-

---

[254]) *Сочиненія*. VI, 234—5.

дей и указалъ на «факты, превращающіе это предчувствіе въ убѣжденіе» [255]). На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ фактовъ стоитъ все тотъ же Петръ, столь же національный герой для Россіи, какъ гомеровскій Ахиллъ для Эллады.

Все это очень краснорѣчиво и безусловно національно и патріотично. Но попрежнему остается неразрѣшимой загадка, какъ народный герой могъ создать бездонную пропасть между цѣлыми вѣками исторической жизни своего народа и своей дѣятельностью? Критикъ восхваляетъ Петра за «способность самоотрицанія», т. е. за то, что онъ отвергъ «грубыя формы ложно развившейся народности въ пользу разумнаго содержанія національной жизни».

Что это означаетъ? Въ до-петровской Руси существовали только формы народности и никакого содержанія или были грубы формы, а содержаніе, какъ національное, вполнѣ приспособленное для воспріятія петровскихъ преобразованій?

Очевидно, возможенъ только второй отвѣтъ и онъ приводитъ къ результату, ускользнувшему отъ вниманія Бѣлинскаго.

Онъ касается одинаково и поэзіи, и гражданственности. Критикъ, мы видѣли, тщательно собралъ красоту и силу въ народномъ творчествѣ и открылъ ихъ отраженія въ произведеніяхъ великихъ художниковъ. Между народными пѣснями и Пушкинымъ, даже Лермонтовымъ нѣтъ непроходимой пропасти. Гоголь явно воспитанъ музой малорусскаго народа. Послѣдній фактъ не оцѣненъ по достоинству Бѣлинскимъ и мы можемъ заключить, что онъ не придавалъ особеннаго значенія подробному и всестороннему выясненію связи художественной поэзіи съ естественной.

Въ области литературы этотъ пробѣлъ не могъ повлечь слишкомъ печальныхъ слѣдствій: критикъ былъ одаренъ на столько мощнымъ эстетическимъ чувствомъ и общественнымъ чутьемъ, что недоразумѣнія и ошибки въ оцѣнкѣ талантовъ и произведеній были почти невозможны.

Но другое дѣло въ вопросахъ культурнаго развитія Россіи.

Совершенно и безповоротно отрывать Россію Петра отъ Руси Алексѣя Михайловича—вина и предъ исторіей, и предъ логикой. Бѣлинскій избѣгъ бы многихъ славянофильскихъ нареканій, если бы не разрубилъ такимъ рѣшительнымъ и въ сильной степени теоретическимъ ударомъ русскую исторію... *Психологически* онъ оцѣнилъ Петра, какъ вполнѣ національную русскую личность, но *исторически* возвелъ его на обособленный одинокій пьедесталъ и увѣнчалъ его цвѣтами исключительныхъ похвалъ, еще рѣзче оттѣнявшихъ безпросвѣтную тьму и всевозможныя немощи московской Руси.

---

[255]) *Ib.*, VII, 104.

XLIV.

Мы видимъ непослѣдовательность критика и должны установить ее, какъ одно изъ его заблужденій. Намъ ясно также, какимъ путемъ Бѣлинскій могъ спастись отъ разлада съ собственными идеями. Ему подлежало позаботиться разыскать въ до-петровской общественной и политической исторіи такіе же «элементы общаго», какіе онъ съумѣлъ открыть въ народной поэзіи. Они должны непремѣнно существовать, конечно, не въ формѣ ослѣпительно-яркихъ фигуръ и событій западной исторіи, а въ иномъ, несравненно болѣе скромномъ, но, тѣмъ не менѣе, жизненномъ видѣ.

Московская Русь не знала рыцарства—столь эффектнаго и подчасъ поэтическаго, не произвела безсмертныхъ мучениковъ мысли и совѣсти, но въ ея почвѣ, несомнѣнно, таились ключи, давшіе впослѣдствіи столь обильныя и дѣйствительно общечеловѣческія теченія, хотя бы только въ искусствѣ глубоко-идейномъ, подлинномъ воплощеніи національнаго духа и національнаго міросозерцанія.

Въ эпоху Бѣлинскаго вопросъ объ *исторической неизбѣжности* петровской реформы не существовалъ вполнѣ опредѣленно и настоятельно. Онъ почти не покидалъ области публицистики и сводился къ партійнымъ счетамъ двухъ непримиримыхъ партій. Эти партіи усвоили каждая по спеціальности: одна откапывала московскія сокровища ради Москвы и въ обличеніе Петербурга, другая—окружала чисто романтическимъ ореоломъ личность Петра, какъ политика, и противоставляла ее московскимъ преданіямъ, какъ міру, ей совершенно чуждому. Въ общемъ, недоразумѣній и несправедливостей оказывалось больше на сторонѣ славянофиловъ. Западники, не признавая московской гражданственности и ея культурныхъ задатковъ, оставались вѣрными апостолами національности и народности. Славянофилы неуклонно совершали тяжкій грѣхъ.

Взявъ нравственнымъ долгомъ и политическимъ принципомъ всякаго истиннаго патріота открывать и популяризировать московскую старину, они разорвали ее на пароли и лозунги для своихъ воинственныхъ атакъ на мнимыхъ враговъ отечества. Вмѣсто того, чтобы эту старину сблизить съ неустранимымъ фактомъ дѣятельности Петра, они преднамѣренно размалевывали ее въ фальшивые цвѣта небывалой красоты и нравственнаго достоинства.

Такая политика еще больше отталкивала западный строй отъ московскаго повѣтрія, и Герценъ вполнѣ основательно многія недоразумѣнія своего лагеря насчетъ русскаго народа приписывалъ фанатизму славянофиловъ.

Прошло много времени раньше, чѣмъ истинный смыслъ петровской реформы русская литература стала обсуждать безъ страсти и гнѣва, какъ вопросъ исторической науки, а не политической программы. Бѣлинскій, сдѣдовательно, виноватъ виной своего времени и въ сильнѣйшей степени ошибками и предубѣжденіями своихъ принципіальныхъ противниковъ. Эти противники, въ свою очередь, отнюдь не могутъ похвалиться, что они способствовали прояснѣнію горизонта современной общественной мысли. Напротивъ, они запятнали свою совѣсть несмываемымъ заблужденіемъ: въ партійномъ жару полемики и часто личной вражды они не разглядѣли или не желали разглядѣть въ лицѣ Бѣлинскаго искренняго рыцаря той самой идеи, какую они полагали въ основу своей вѣры— *народности*.

Наконецъ, мы не должны забывать существеннаго факта. Даже очевидныя ошибки Бѣлинскаго ничто иное какъ увлеченія, подсказанныя грознымъ натискомъ москвобѣсія. Ихъ можно опровергнуть идеями самого же критика. По самой сущности воззрѣній на національность и народность Бѣлинскій правъ, и достаточно только послѣдовательно развить его излюбленныя положенія и спокойно и безпристрастно раскрыть логику его чувствъ, чтобы выдѣлить постоянное зерно изъ случайныхъ наростовъ.

Мы видѣли, чѣмъ объясняются рѣзкіе отзывы Бѣлинскаго о русскихъ былинахъ: отзывы такъ удовлетворительно обоснованы фактами, что «вѣра» и «любовь» оказываются излишними. Одновременно Бѣлинскій приписывалъ народной поэзіи одинъ мѣстный интересъ, отрицалъ у малорусской поэзіи возможность развитія: все это не подлежитъ оправданію. Но только надо имѣть въ виду, что тотъ же Бѣлинскій находилъ «въ грезахъ народной фантазіи идеалы народа, которые могутъ служить мѣрою его духа и достоинства», тотъ же Бѣлинскій открывалъ въ народномъ творчествѣ доисторическія черты народной жизни и, наконецъ, тотъ же Бѣлинскій видѣлъ у Гоголя «общее и человѣческое», заимствованное изъ народнаго быта.

Военное положеніе литературной критики помѣшало Бѣлинскому спокойно развить внушенія своего глубокаго чувства истины. Онъ волей-неволей долженъ былъ прибѣгать къ политическимъ мѣрамъ предъ лицомъ противниковъ, не стѣснявшихся никакими средствами борьбы.

На этотъ счетъ мы имѣемъ прямыя признанія самого Бѣлинскаго, такого же искренняго и откровеннаго въ политикѣ разсудка, какъ и въ лиризмѣ чувства.

Напримѣръ, дѣло идетъ о натуральной школѣ. Родоначальникъ ея Гоголь. Его признаетъ славянофильская партія, но школу отвергаетъ. А между тѣмъ всѣ надежды на развитіе русскаго

общественнаго самосознанія связаны съ судьбой натуральнаго направленія въ искусствѣ. Бѣлинскій естественно встаетъ на защиту и Гоголя, и его художественнаго потомства.

Но критикъ слишкомъ проницателенъ и добросовѣстенъ, чтобы рядомъ съ здоровыми побѣгами гоголевскаго вліянія не замѣтить множество незаконныхъ дѣтищъ. И Бѣлинскій не могъ не предвидѣть, что въ слабыхъ рукахъ натурализмъ превратится въ литературу менѣе всего художественную, не идейную, а первобытно-тенденціозную. По части замѣны психологіи патологіей и всесторонней правды дѣйствительности преднамѣреннымъ нагроможденіемъ всевозможной житейской грязи, уже Бѣлинскій могъ видѣть примѣры. Достоевскій немедленно оттолкнулъ его отъ себя, лишь только вступилъ на поприще лазаретнаго анализа.

Бѣлинскій и не пощадилъ его въ своихъ частныхъ письмахъ [256]), но могъ ли онъ возстать вообще на новую художественную школу? Вѣдь это значило бы сослужить неоцѣненную службу врагамъ и онъ, сознавая пропасть между Гоголемъ и позднѣйшими отпрысками натурализма, не переставалъ сливать вмѣстѣ судьбу учителя и учениковъ [257]).

Наконецъ, по поводу той же натуральной школы возникалъ еще болѣе существенный вопросъ, распространявшій свою власть далеко за предѣлы искусства и литературной критики. Застрѣльщиками опять явились славянофилы и патріоты.

Они задавали весьма двусмысленную задачу: неужели русская жизнь не представляетъ вовсе положительныхъ типовъ и натуральные писатели безусловно вѣрны дѣйствительности, изображая только пороки и уродство русской дѣйствительности?

Какъ въ журналистикѣ сороковыхъ годовъ возможно было отвѣчать на подобный допросъ?

Отрицать вообще существованіе русскихъ хорошихъ людей— Бѣлинскій не могъ: лично онъ вѣрилъ, что такихъ людей «на Руси, по сущности народа русскаго, должно быть гораздо больше, нежели какъ думаютъ сами славянофилы» [258]). Слѣдовательно, литература должна бы воспроизводить и эту положительную сторону русской жизни? Несомнѣнно, потому что эта сторона существуетъ.

И Бѣлинскій не противорѣчилъ славянофиламъ, утверждавшимъ возможность художественнаго воплощенія русскихъ хорошихъ людей.

Его осуждали за неосновательную уступку, и уступка — внѣ сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что одновременно съ реальнымъ суще-

---

[256]) Въ письмѣ къ Анненкову, 15 февр. 1848 года. *Анненковъ и его друзья*, стр. 610.

[257]) Письма къ Кавелину. *Р. М.*, 1892, I, стр. 127.

[258]) *Ib.*, стр. 126.

ствованіемъ положительныхъ явленій въ русской дѣйствительности установилась столь же реальная недоступность этихъ явленій именно для натуральной школы. Писателю реторическаго направленія легко взять въ герои какого-нибудь чиновника. Этотъ писатель свободно изобразитъ всѣ его гражданскіе и юридическіе подвиги, въ заключеніе наградитъ большимъ чиномъ, сдѣлаетъ героя губернаторомъ или сенаторомъ. Цензура останется вполнѣ довольна. Но дайте ту же тему писателю натуральной школы, и результаты получатся совершенно обратные. Бѣлинскій, изображая ихъ цѣликомъ, предвосхитилъ исторію Калиновича изъ *Тысячи душъ* Писемскаго. Развѣ подобныя превращенія мыслимы по цензурной практикѣ—по крайней мѣрѣ въ то время, когда славянофилы съ особеннымъ ожесточеніемъ требовали отъ литературы добродѣтельнаго русскаго человѣка?

Очевидно, Бѣлинскому приходилось давать утвердительный отвѣтъ на запросъ славянофиловъ далеко не въ законченной формѣ. Мы увидимъ, ,эта политика умалчиванія или урѣзыванія мысли особенно широко будетъ практиковаться русской литературой послѣ смерти Бѣлинскаго, въ пятидесятые годы, когда всѣ вѣдомства, даже второстепенныя, вооружатся своими спеціальными цензурами на русское слово и оно на цѣлые годы попадетъ въ карантинъ. Бѣлинскій считался сравнительно еще съ цвѣтками, ягодки были впереди.

Но и здѣсь онъ съумѣлъ остаться на высотѣ той же рыцарственной справедливости, какая руководила имъ и въ самыхъ свободныхъ порывахъ его чувства. Принужденный воздерживаться отъ порицанія того, чему грозила опасность и съ чѣмъ было связано будущее русской общественной мысли, онъ считалъ долгомъ воздерживаться отъ излишнихъ похвалъ явленіямъ, гдѣ нельзя было откровенно изобличить недостатки.

Напримѣръ, Бѣлинскій жестоко издѣвается надъ успѣхомъ лекцій Шевырева, надъ русской публикой—этимъ «мѣщаниномъ въ дворянствѣ», готовымъ увлекаться чѣмъ угодно изъ благодарности за приглашеніе въ парадно-освѣщенную залу и въ боярскія хоромы... И при всемъ этомъ Бѣлинскій недоволенъ слишкомъ восторженными статьями Герцена о лекціяхъ Грановскаго: «По моему мнѣнію—пишетъ онъ,—стыдно хвалить то, чего не имѣешь права ругать», т.-е. ту же русскую публику [259]).

Въ такомъ же положеніи Бѣлинскій находился и при своихъ разсужденіяхъ о русской народности и вообще о народной поэзіи. На него двигались со всѣхъ сторонъ тучи чисто охотнорядскаго самохвальства отечественнымъ варварствомъ и рабствомъ, предъ

[259]) Пыпинъ. II. 241—2

нимъ возводились перлы мірового искусства, по меньшей мѣрѣ, не поэтическія и не мудрыя сказанія о Тугаринѣ Змѣевичѣ, Дунаѣ Ивановичѣ и объ удивительной княгинѣ Апраксѣевнѣ, въ половинѣ девятнадцатаго вѣка солнце геніальнаго культурнаго творчества народовъ и вдохновляющія преданія свободной мысли и человѣческой дѣйствительности грозили заслонить смутными, часто уродливыми образами темной первобытной фантазіи... Да если бы у критика былъ не одинъ талантъ мысли, а въ придачу и геній творчества, если бы, помимо могучаго краснорѣчія публициста, онъ обладалъ бы еще сверкающимъ стихомъ поэта,—все это направилъ бы противъ кичливаго недомыслія и фарисейскаго національнализма.

Отсюда рядъ заявленій, какими чрезвычайно просто воспользоваться для самыхъ рѣзкихъ уликъ писателя въ какихъ угодно преступленіяхъ противъ «любви къ отечеству» и «національной гордости». Бѣлинскій, напримѣръ, не пожелалъ оцѣнить достоинства финскаго эпоса, отнесся хладнокровно къ индусской поэмѣ *Наль и Дамаянти*, а относительно малорусской литературы выразился совсѣмъ обидно: «жалко видѣть, когда и маленькое дарованіе попусту тратитъ свои силы, пиша по малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ» [260]).

Мысль на иной рѣшительный народническій взглядъ прямо преступная! И впечатлѣніе было бы основательно, если бы въ идеѣ критика заключалось чувство пренебреженія къ малорусскому народу. Ничего подобнаго. Бѣлинскій стоитъ на стражѣ все той же дорогой для него европейской цивилизаціи, культурной идейности, и спѣшитъ указать на однообразіе содержанія и интереса спеціально крестьянской малорусской литературы. И онъ приводитъ примѣры изъ цѣлой книги, выѣзжающей на мужицкой простоватости и своеобразности крестьянскаго говора.

Мы знаемъ,—«простоватость»—фактъ народной психологіи, говоръ—фактъ народнаго быта, и то и другое для насъ драгоцѣнно въ смыслѣ поучительности, практической и культурной. И критикъ, несомнѣнно, согласился бы съ нами. Вѣдь онъ же самъ, разсуждая о томъ же простоватомъ и грубоватомъ народномъ творчествѣ, написалъ слѣдующее стихотвореніе въ прозѣ:

«Не диво, что русскій мужичокъ и плачетъ, и пляшетъ отъ своей музыки; но то диво, что и образованный русскій, музыкантъ въ душѣ, поклонникъ Моцарта и Бетховена, не можетъ защититься отъ неотразимаго обаянія однообразнаго, заунывнаго и удалого напѣва народной пѣсни... Возрастъ мужества выше младенчества—нѣтъ спора. Но отчего же звуки нашего дѣтства,

---

[260]) *Сочиненія*. V, 309.

его воспоминанія даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостью и грустью и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?» [261]).

И у критика есть отвѣтъ, столь же трогательный и поэтическій: смыслъ его—«единство съ природой». Развѣ нельзя дать подобнаго же отвѣта не въ интересахъ чувства и поэзіи, а ума и знанія, когда предъ нами таже народная литература?

Мы видѣли, критикъ неоднократно пытался дать такой отвѣтъ, и знаемъ, почему попытки не увѣнчались стройнымъ всеисчерпывающимъ разборомъ народнаго творчества. Бѣлинскій самъ лучше другихъ сознавалъ пробѣлъ въ своей критикѣ. Онъ хотѣлъ написать исторію русской народной поэзіи и литературы: мысль эта не покидала его до самой смерти [262]). Краснорѣчивое свидѣтельство, какое онъ значеніе придавалъ всестороннему выясненію вопроса, столь затемненнаго и извращеннаго безтолковыми восторгами безсознательно или преднамѣренно слѣпыхъ жрецовъ славянизма и руссицизма.

Заключеніе наше вполнѣ ясно: Бѣлинскому незачѣмъ было склоняться предъ славянофильской вѣрой, чтобы усвоить чувства патріотизма и народности, незачѣмъ было идти на вынужденныя уступки, чтобы восполнить свое художественное и общественное міросозерцаніе. Мы могли оцѣнить теченіе идей Бѣлинскаго до его предсмертной славянофильской полемики, и могли убѣдиться, что полемика вела къ давно намѣченной цѣли, къ болѣе полному и систематическому закрѣпленію раньше высказанныхъ мыслей и къ идейной формулировкѣ раннихъ, давнишихъ чувствъ.

XLV.

Наканунѣ мнимаго отступничества Бѣлинскаго отъ правовѣрныхъ западническихъ идеаловъ, положеніе его въ современной литературѣ рѣзко измѣнилось.

До 1846 года Бѣлинскій работалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, создалъ имъ безпримѣрную популярность и, конечно, пріобрѣлъ себѣ громкое имя. Его голосъ царствовалъ безраздѣльно и неограниченно въ критикѣ и публицистикѣ. Глухая провинція не хуже столицы понимала силу Бѣлинскаго и безошибочно угадывала его неподписанныя статьи. Критика изумляла его собственная популярность: «этого мнѣ и во снѣ не снилось», заявлялъ онъ [263]), и добродушно радовался своему авторитету даже среди сибирскихъ купцовъ [264]).

---

[261]) V, 37.

[262]) Анненковъ. *Воспоминанія*. III, 198.

[263]) Письма къ Герцену. *Русск. М.* 1891, I, 22.

[264]) Разсказъ Панаева о встрѣчѣ съ сибирскимъ купцомъ, почитателемъ Бѣлинскаго. *Литературныя Воспоминанія*. Спб. 1876. стр. 391—2.

Слава приносила великое нравственное утѣшеніе. Бѣлинскій могъ чувствовать себя въ полномъ смыслѣ «властителемъ думъ» всѣхъ современныхъ честныхъ людей, даже своего рода диктаторомъ: объ этомъ, мы увидимъ, будутъ заявлять его противники при его жизни и послѣ его смерти, и критикъ лично могъ убѣдиться въ правотѣ этихъ заявленій. Именно благодаря ему вырось журналъ Краевскаго въ распространеннѣйшій органъ цѣлой эпохи, именно его участіе привлекло въ изданіе и подписчиковъ, и сотрудниковъ.

Все это были розы, но за ними скрывались чрезвычайно колючія терніи и можно было даже думать, что весь ароматъ и вся красота цвѣтовъ достаются на долю другихъ, а самому садовнику приходится утѣшаться платоническими радостями.

Издатель видѣлъ въ Бѣлинскомъ исключительно выгодную рабочую силу. Въ обширной перепискѣ Бѣлинскаго съ Краевскимъ и Бѣлинскаго съ его друзьями нельзя открыть ни единаго проблеска человѣческихъ или просто культурныхъ отношеній между владѣльцемъ журнала и сотрудникомъ. Задолго до разрыва Бѣлинскій откровенно и безпрестанно говоритъ Краевскому о насильственной связи ихъ другъ съ другомъ, надѣляетъ его далеко не любезными, хотя по формѣ и шутливыми эпитетами, и явно страдаетъ отъ безпощадной разсчетливости издателя [265]).

Въ глазахъ Краевскаго трудъ Бѣлинскаго имѣлъ совершенно другое значеніе, чѣмъ даже для сибирскихъ купцовъ. Это просто рабочій, связанный подрядомъ и неограниченными обязательствами. Онъ долженъ писать не только статьи о Пушкинѣ и Гоголѣ, но разбирать французскіе и латинскіе буквари, итальянскія грамматики, даже книги по византійской архитектурѣ и по медицинѣ. Если что-либо, по мнѣнію Краевскаго, не выполнялось изъ урока, немедленно слѣдовало замѣчаніе, что за нанятаго критика работаютъ другіе.

Бѣлинскій выбивался изъ силъ, горѣлъ страстнымъ негодованіемъ и всей волей души рвался на свободу. Издатель до конца не щадилъ закабаленнаго слугу. Помимо строжайшаго наблюденія за количествомъ работы, тщательно взвѣшивалось качество ея и результаты взвѣшиванія провозглашались во всеуслышаніе, безъ всякаго соображенія о самолюбіи и о неоцѣненныхъ заслугахъ писателя. «Бѣлинскій выписался и мнѣ пора его прогнать»— такую фразу Краевскаго передаетъ Бѣлинскій Герцену [266]). Она была бы невѣроятна, если бы это отношеніе не засвидѣтельство-

[265]) Письма Бѣлинскаго къ Краевскому. *Отчетъ Имп. Публ. библіотеки за 1889 годъ*. Спб. 1893.

[266]) Письма къ Герцену. *Р. М.* 1891, I, 3.

вали люди, прекрасно знавшіе о немъ отъ самого Краевскаго и сочувствовавшіе его рѣшенію. Намъ разсказываютъ, что Краевскій вознегодовалъ на Бѣлинскаго за статьи о Пушкинѣ, за ихъ, будто бы, исключительно эстетическое содержаніе, и сталъ придумывать средство, какъ бы отдѣлаться отъ своего критика [267]). Бѣлинскій самъ пришелъ ему на помощь, и разсказъ его, какъ издатель принялъ его отказъ отъ сотрудничества въ *Отечественныхъ Запискахъ*, не противорѣчитъ нашимъ свѣдѣніямъ. Отъ минутнаго смущенія онъ прямо перешелъ къ соображеніямъ, кому отдать критическій отдѣлъ журнала.

Бѣлинскій много перетерпѣлъ, пока закончилось дѣло. Каждое письмо переполнено воплями на упадокъ физическихъ и нравственныхъ силъ, на безпамятство и отупѣніе отъ подневольной ремесленнической работы, на совершенно безнадежное будущее убогаго бѣдняка, связаннаго семьей. Здѣсь нѣтъ ни одной черты преувеличенной и прикрашенной, и личная драма писателя тѣмъ больнѣе должна бить по сердцу и совѣсти русскаго общества, что жертва ея не Виссаріонъ Бѣлинскій, какъ сотрудникъ *Отечественныхъ Записокъ*, а великій литературный талантъ и доблестная гражданская мысль. Во всеоружіи всего этого писатель попадаетъ въ разрядъ лишнихъ людей и инвалидовъ, принужденныхъ обращаться за помощью къ добрымъ чувствамъ друзей.

Бѣлинскій такъ и поступилъ. Онъ задумалъ издать научно-литературный сборникъ и былъ глубоко тронутъ готовностью пріятелей снабдить его статьями. Но семья оказалась не безъ урода. На сторонѣ Краевскаго явились усердные добровольцы, утѣшавшіе его въ разрывѣ съ Бѣлинскимъ и самоотверженно работавшіе для преуспѣянія *Отечественныхъ Записокъ*.

Рыцарь этотъ Боткинъ. Онъ завѣрялъ Краевскаго, что журналъ его, по уходѣ Бѣлинскаго сталъ еще лучше прежняго, что «литературное поприще Бѣлинскаго» онъ считаетъ «покончennымъ». Одновременно шла вербовка сотрудниковъ для Краевскаго. Боткинъ находилъ послѣднія статьи Бѣлинскаго неудовлетворительными: «Теперь нужно и больше такта и больше знанія». Все, что писалъ Бѣлинскій помимо русской литературы, «изъ рукъ вонъ плохо» [268]).

Краевскій могъ торжествовать и не имѣлъ, конечно, никакихъ основаній съ большей пощадой относиться къ своему прежнему сотруднику, чѣмъ завѣдомые пріятели самого Бѣлинскаго. Замѣчательно, Боткину ни на минуту не пришла мысль хотя бы

---

[267]) *Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ*, А. Старчевскаго. *Ист. Вѣстн.* 1886 г., XXIII, 380—1.

[268]) Письмо къ Краевскому. *Отчетъ*, стр. 78, 82 etc.

объ *историческомъ* значеніи отжившаго критика для журнала Краевскаго. Онъ съ поразительнымъ усердіемъ ухаживаетъ за настроеніями Краевскаго,—онъ, рѣшительно не нуждающійся въ любезностяхъ журнальнаго издателя,—и ни словомъ не обмолвливается объ единственномъ настоящемъ создателѣ благополучія Краевскаго и его журнала.

А въ это время Бѣлинскій отбивался отъ призрака голодной смерти. Правда, среди его друзей и знакомыхъ числились господа съ большими и даже громадными средствами. Герценъ, тотъ же Боткинъ, Анненковъ, Панаевъ были богатыми людьми, Огаревъ могъ претендовать на наименованіе Креза, но какъ-то вышло, что мы узнаемъ удручающія подробности бѣдственнаго положенія Бѣлинскаго, слышимъ объ его обманутыхъ надеждахъ на Креза, Огарева, человѣка, впрочемъ, идеальной доброты, рыцарскаго джентльменства и симпатичнаго поэтическаго таланта. Исторія длится до тѣхъ поръ, пока перо не выпадаетъ изъ рукъ страдальца, сердце окончательно не отказывается биться, и надорванная грудь не замираетъ подъ тяжестью неизбывнаго труда. Семьѣ остается тотъ же путь лишеній и имя Бѣлинскаго на-вѣки остается символомъ каторжной борьбы за существованіе среди самыхъ оригинальныхъ условій: среди безчисленныхъ почитателей таланта и многочисленныхъ друзей сердца чрезвычайно щедрыхъ на *трогательныя воспоминанія* и странно равнодушныхъ къ *трагической очевидности*.

Испытанія не могли безслѣдно пройти для нравственной жизни Бѣлинскаго. Онъ никогда не умѣлъ отдѣлить своей личности отъ своихъ идей, перечувствованнаго отъ передуманнаго, и теперь, весь, повидимому поглощенный мыслью о спасеніи себя и семьи отъ голода, о возстановленіи своего здоровья на новую работу, онъ не перестаетъ жить въ духѣ и истинѣ. Процессъ общихъ идей не прерывается при самыхъ мрачныхъ перспективахъ личнаго матеріальнаго существованія, и въ напряженномъ личномъ горѣ и гнѣвѣ Бѣлинскій почерпаетъ будто молодую страсть общественнаго чувства и изощренность философскаго взора.

Въ самый разгаръ переписки съ Герценомъ о разрывѣ съ *Отечественными Записками*, среди поистинѣ трагическихъ доказательствъ, что всякій бѣднякъ—подлецъ, онъ даетъ мимоходомъ превосходную характеристику беллетристическаго таланта Герцена. Подъ перо этого, будто бы покоченнаго человѣка, вновь являются озаряющія опредѣленія въ родѣ *осердеченный* умъ, обильно ложатся неожиданныя мимолетныя соображенія, каждое отдѣльно заключающее въ себѣ мотивъ и содержаніе цѣлаго философскаго и критическаго разсужденія, напримѣръ: умъ художника и умъ человѣка. Немного спустя изъ Крыма, куда

Бѣлинскій поѣхалъ «не только за здоровьемъ, но и за жизнью», онъ посылаетъ Герцену остроумнѣйшія дорожныя впечатлѣнія. Письмо въ высшей степени любопытно, помимо остроумія. Оно свидѣтельствуетъ о чувствахъ Бѣлинскаго къ нѣкоторымъ положительнымъ идеаламъ славянофильской партіи наканунѣ знаменитой полемики.

Бѣлинскій пишетъ:

«Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени, такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то тѣмъ не менѣе хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но, увы! въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное, патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго запада: татары, большею частью, носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотческихъ обычаевъ временъ Кошихина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т. е. татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко и вся почтенная славянофильская братія» [269]).

Славянофилы вообще больше, чѣмъ когда-либо безпокоили Бѣлинскаго. Они совершенно неожиданно проявили дѣятельность на поприщѣ публичности, рѣшительно отдѣлились отъ Погодина и Шевырева и издали свой *Московскій Сборникъ*. Бѣлинскій прочиталъ *Сборникъ* по дорогѣ въ Крымъ, остался доволенъ статьей Юрія Самарина за то, что онъ «умно и зло казнилъ аристократическія замашки Соллогуба», автора *Тарантаса*, но Хомяковъ взволновалъ его.

Славянофильскій діалектикъ и богословъ напечаталъ статью *Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ*. Погодинъ называлъ ее «меньшой сборникъ въ большомъ сборникѣ»: такъ богато ея содержаніе! Это мнѣніе подкрѣплялось весьма двусмысленными похвалами многообразнымъ талантамъ автора, обилію его свѣдѣній и поразительному искусству говорить рѣшительно обо всемъ, начиная съ охоты на зайцевъ и кончая вселенскими соборами [270]).

---

[269]) Шевырко-Шевыревъ. *Р. М.* Іь., стр. 24.

[270]) *Москвитянинъ*. 1846 г., № 5.

Хомяковъ почувствовалъ ядовитость погодинскихъ восторговъ и поспѣшилъ заявить о лукавомъ профессорѣ: *не нашъ!* [271]).

Но весьма трудный вопросъ, чьимъ былъ Хомяковъ—авторъ своей статьи? Написана она, по обыкновенію, очень бойко и проникнута, повидимому, патріотическими руссофильскими чувствами. Но философъ съ такой стремительностью переносится съ предмета на предметъ, съ такой чисто-барственной небрежностью и граціознымъ самодовольствомъ разсыпаетъ партійные труизмы, что читателю и на умъ не приходитъ мысль объ убѣжденности и вѣрѣ автора. Діаметральная противоположность статьямъ Бѣлинскаго! Отъ разсужденій Хомякова вѣетъ чѣмъ-то худшимъ, чѣмъ холодъ: какимъ-то разсчитаннымъ кокетствомъ мысли и слова, какимъ-то ничѣмъ неоправдываемымъ утонченнымъ пренебреженіемъ къ противникамъ, непоколебимой увѣренностью въ собственной правдѣ, доставшейся даромъ, безъ всякой отвѣтственной нравственной работы, безъ всякихъ жертвъ личнымъ покоемъ и уютной гармоніей самодовольнаго, самовлюбленнаго существованія.

Хомяковъ считаетъ ниже своего достоинства и внѣ своего полета называть своихъ противниковъ по именамъ: «одинъ изъ нашихъ журналовъ», «тридцатилѣтніе соціалисты», «какой-то критикъ». Все вѣдь за предѣлами нашего святилища такъ мелко и сѣро, почти такъ же, какъ масса нашихъ наслѣдственныхъ Ванекъ и Парашекъ, что нѣтъ возможности запомнить фамилію *Бѣлинскій*, названіе *Отечественныя Записки!* Правда, русская публика, какъ бы ни была она молода и загнана, именно этимъ литературнымъ плебсомъ только и интересуется, и не желаетъ знать о краснорѣчивыхъ упражненіяхъ тонко-просвѣщенныхъ энциклопедистовъ. Но какое намъ дѣло до улицы и площади: у насъ имѣется свой партеръ въ первѣйшихъ московскихъ салонахъ и въ англійскомъ клубѣ!

Для его удовольствія Хомяковъ, надменно и мимоходомъ зацѣпилъ Бѣлинскаго за его восторги предъ народнымъ творчествомъ Пушкина и Лермонтова, неизмѣримо высшимъ, чѣмъ русскія сказки и пѣсни [272]). Бѣлинскій вознегодовалъ и грозилъ местью [273]). Онъ выражается о Хомяковѣ очень сильно—«безталанный ёрникъ», но въ статьѣ, дѣйствительно, при самыхъ благосклонныхъ намѣреніяхъ, трудно найти ясность и доказательность мысли: «неисчерпаемыя богатства», «неподражаемый языкъ», «величіе пѣсеннаго міра», «неподражаемая мудрость и глубокій смыслъ внутреннихъ учрежденій и обычаевъ»—всѣ эти возгласы нисколько не поддер-

---

[271]) Барсуковъ. VIII, 321.

[272]) Статья перепечатана. *Полное собраніе сочиненій.* I, 57—8 etc.

[273]) Письмо къ Герцену. *Р. М.* 1891, I, 23.

живаютъ ни величія русскихъ пѣсней, ни достоинства русскихъ обычаевъ. Бѣлинскій яснѣе, чѣмъ кто-либо, могъ оцѣнить пустопорожность хомяковскихъ словоизліяній и заранѣе предвкушалъ удовольствіе встрѣтиться на полѣ битвы съ подобнымъ паладиномъ.

Такимъ образомъ поѣздка за здоровьемъ и жизнью выходила отнюдь не отдыхомъ, а непрерывнымъ накопленіемъ новыхъ мотивовъ борьбы, новыхъ поводовъ отдавать литературѣ и силы, и самую жизнь. Бѣлинскій радовался всякой новой статьѣ своихъ враговъ, разжигавшихъ въ немъ кровь бойца, и привѣтствовалъ нападки Сенковскаго на его брошюру о Полевомъ. Онъ возвращался въ Петербургъ безъ большого запаса физическихъ силъ, но безъ малѣйшей утраты нравственной энергіи. Судьба на этотъ разъ пожелала быть вдвойнѣ благосклонной къ своему пасынку: она приготовила для него новое поприще подвижничества и выдвинула, въ первый разъ за всю его жизнь, повидимому дѣйствительно литературнаго противника.

Поприще—журналъ *Современникъ*, купленный Панаевымъ и Некрасовымъ у Плетнева, противникъ—новый критикъ «Отечественныхъ Записокъ» Валеріанъ Николаевичъ Майковъ.

XLVI.

Дѣятельность Майкова, по своему содержанію и значенію, должна считаться одною изъ любопытнѣйшихъ главъ въ исторіи критики Бѣлинскаго. Майковъ заявилъ о себѣ большой публикѣ полемикой съ Бѣлинскимъ, вызвалъ у него отпоръ и далъ ему ближайшій поводъ выяснить окончательно свои отношенія къ славянофильству. Молодой критикъ умеръ на двадцать четвертомъ году жизни несчастной случайной смертью, въ *Отечественныхъ Запискахъ* работалъ всего пятнадцать мѣсяцевъ, но успѣлъ оставить послѣ себя большое количество обширныхъ статей и рецензій и вызвать у современныхъ и позднѣйшихъ судей въ высшей степени лестное мнѣніе о своемъ талантѣ и о вліяніи своего кратковременнаго писательства на русскую публицистику.

Во главѣ поклонниковъ стоитъ Боткинъ. Онъ пишетъ Краевскому благосклонные отзывы о статьяхъ Майкова, находитъ въ нихъ «дѣльныя мысли»; въ письмѣ къ Анненкову похвалы сдержаннѣе, но все-таки подчеркивается большое преимущество Майкова предъ другими критиками—свобода отъ нѣмецкихъ теорій и французское воспитаніе. По смерти молодого писателя Боткинъ пишетъ очень почетный некрологъ: «умъ крѣпкій, самостоятельный», «изъ него вышелъ бы замѣчательный критикъ». Со стороны такого скептика, какимъ сталъ Боткинъ послѣ своего романиче-

скаго, но крайне неудачнаго брака, характеристика Майкова является внушительной.

Но тотъ же Боткинъ не могъ не отмѣтить и отрицательныхъ сторонъ въ его произведеніяхъ: неопытность, незрѣлость мысли, отсутствіе въ статьяхъ твердаго рисунка, опредѣленнаго колорита, наклонность поднимать много шуму изъ ничего... [274]).

Все это, конечно, извинительно въ двадцать три года, странна только крѣпость и самостоятельность ума рядомъ съ незрѣлостью мысли. Впослѣдствіи Майковъ попалъ чуть не въ родоначальники новаго направленія русской критики и, во всякомъ случаѣ, оказался чрезвычайно сильнымъ соперникомъ Бѣлинскаго, даже отчасти его учителемъ.

Мысли эти были высказаны сначала въ некрологахъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внезапной трагической кончины юноши [275]). Потомъ нашлись очень усердные истолкователи посмертныхъ сочувственныхъ оцѣнокъ Майкова и проложили ему прямой и широкій путь къ первому по времени мѣсту среди преобразователей русской публицистики [276]). Важнѣйшія права на столь высокое положеніе слѣдующія: «со статьи В. Майкова началась настоящая оппозиція славянофильству», Бѣлинскій послѣ нея «внезапно прозрѣлъ», началось «радикальное измѣненіе въ отношеніи его къ славянофиламъ...»

Мы уже знаемъ, что ни о какомъ радикальномъ измѣненіи, ни о внезапномъ прозрѣніи Бѣлинскаго не можетъ быть и рѣчи. Такое мнѣніе возможно только при поверхностномъ знакомствѣ съ развитіемъ и сущностью воззрѣній Бѣлинскаго на народность, вообще при крайне сбивчивомъ представленіи о всей его критической дѣятельности, предшествовавшей статьѣ въ *Современникѣ*. А потомъ, оппозиція Майкова славянофильству не только не была «настоящей», а по своимъ идейнымъ основамъ даже подрывала кредитъ западническаго міросозерцанія и рѣшительно не грозила никакой опасностью самому узкому московскому правовѣрію.

Майковъ литературнымъ критикомъ сдѣлался случайно, безъ личнаго внутренняго влеченія. Правда, онъ выросъ въ семьѣ, богатой художественными талантами: отецъ—художникъ, братъ—даровитый поэтъ. Природа не отказала и ему въ литературномъ вкусѣ. Намъ разсказываютъ, что Гончаровъ читалъ *Обыкновенную исторію* въ семьѣ Майковыхъ и обратилъ вниманіе на замѣчанія самаго младшаго изъ слушателей—Валерьяна, и даже

---

[274]) *Отчетъ*, стр. 78, 84. *Анненковъ и его друзья*, стр. 527, 549.

[275]) Статьи Плещеева, Гончарова, Порѣцкаго. Перепечатаны въ *Критическихъ опытахъ* Майкова, Спб. 1891.

[276]) Скабичевскій. *Сорокъ лѣтъ русской критики. Сочиненія*, стр. 466 etc.

сдѣлалъ измѣненія согласно указаніямъ юнаго критика [277]). И все-таки душа Майкова лежала къ совершенно другому роду умственнаго труда, къ какому—онъ самъ объяснилъ въ письмѣ къ Тургеневу:

«Я никогда не думалъ быть критикомъ въ смыслѣ оцѣнщика литературныхъ произведеній: я чувствовалъ всегда непреодолимое отвращеніе къ сочиненію отрывочныхъ статей. Я всегда мечталъ о карьерѣ ученаго и до сихъ поръ ни мало не отказался отъ этой мечты. Но какъ добиться того, чтобы публика читала ученыя сочиненія? Я видѣлъ и вижу въ критикѣ единственное средство заманить её въ сѣти интереса науки. Есть люди и много, которые прочтутъ ученый трактатъ въ «критикѣ» и ни за что не станутъ читать отдѣла «Наукъ», а тѣмъ болѣе ученой книги».

И Майковъ началъ свою литературную дѣятельность сообразно съ своими наклонностями. Онъ кончилъ юридическій факультетъ петербургскаго университета, съ особеннымъ прилежаніемъ изучалъ исторію политической экономіи, служилъ въ департаментѣ сельскаго хозяйства и заинтересовался естественными науками, особенно химіей Первый трудъ его—переводъ *Писемъ о химіи* Либиха, второй—*Объ отношеніи производительности къ распредѣленію богатства*. Оба не были напечатаны и второй появился въ печати лишь въ собраніи сочиненій Майкова. Для насъ онъ представляетъ большой интересъ, не въ смыслѣ учености и фактической полноты, а ясности и послѣдовательности мысли, характера изложенія и конечной цѣли идей.

Прежде всего достойна вниманія самая тема. Впослѣдствіи Майковъ и въ литературную критику внесетъ свой вкусъ къ политической экономіи и будетъ однимъ изъ первыхъ популяризаторовъ-экономистовъ, игравшихъ такую значительную роль въ позднѣйшей русской публицистикѣ.

Майковъ явится не одинокимъ воиномъ на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ*. Одновременно съ нимъ въ отдѣлѣ «Науки и художества» выступилъ Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ. Чрезвычайно талантливый молодой ученый, популярный лекторъ, въ высшей степени привлекательный какъ личность, Милютинъ принесъ съ собой въ журналъ Краевскаго жизнь и блескъ. Онъ писалъ въ отдѣлѣ, какой Майкову казался недоступнымъ для большой публики, и между тѣмъ статьи Милютина несравненно популярнѣе по содержанію и изящнѣе по формѣ, чѣмъ критики Майкова. Обширная статья *Пролетаріи и пауперизмъ въ Англіи и во Франціи* обратила на себя всеобщее вниманіе и еще выше подняла популярность автора. Злой рокъ тяготѣлъ надъ человѣ-

[277]) Старчевскій. *О. с. Ист. В.* XXIII, стр. 378—9.

комъ, сулившимъ широкія перспективы русской общественной мысли. Милютинъ въ самомъ началѣ блестящаго пути покончилъ самоубійствомъ [278]).

Направленія идей Милютина и Майкова тожественны. Оба молодые ученые одной экономической школы, весьма краснорѣчивой для молодежи конца сороковыхъ годовъ. Школа эта, очевидно, преобладала въ преподаваніи политической экономіи на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета и въ то же время пользовалась сочувствіемъ общества, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ избранныхъ знатоковъ европейскихъ теченій.

Это—школа Маркса, по крайней мѣрѣ ея весьма существенные отголоски.

У насъ имѣются обстоятельныя свѣдѣнія, какой великій интересъ вызывали личность и ученіе Маркса у русскихъ странниковъ заграницей. Знаменитый экономистъ занялъ мѣсто Шеллинга и Гегеля, сталъ предметомъ русскаго пилигримства и не менѣе романтическихъ увлеченій, чѣмъ раньше было германское «любомудріе». Экономическіе вопросы, поглотившіе публицистику и даже художественную литературу Запада послѣ іюльской революціи, не могли миновать русской публики. Популярнѣйшія знаменитости беллетристики, въ родѣ Жоржъ-Занда и Эжена Сю, держали вниманіе читателя почти исключительно на соціальномъ движеніи. Судьба народныхъ массъ стала во главѣ всѣхъ культурныхъ и нравственныхъ интересовъ времени, и фактъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ назрѣвавшему медленно, но неотвратимо, вопросу о русскомъ крѣпостномъ строѣ.

При такихъ условіяхъ Марксъ являлся вліятельнѣйшей научной и публицистической силой по систематичности своихъ воззрѣній, по исключительной энергіи своей личности, по чисто мессіанской вѣрѣ въ свое призваніе.

Естественно, находились даже степные помѣщики, поддававшіеся обаянію марксизма и увѣрявшіе пророка въ своей готовности пожертвовать всѣми земными благами ради грядущаго переворота [279]). Еще, конечно, естественнѣе, помѣщикамъ не выполнять своихъ клятвъ и быстро утрачивать энтузіазмъ.

Не не было недостатка и въ искреннихъ и стойкихъ послѣдователяхъ. Анненковъ — одинъ изъ скромнѣйшихъ русскихъ литераторовъ — весьма живо и картинно изобразилъ личность Маркса: очевидно, даже его взяло за живое близкое знакомство съ авторомъ *Капитала*. И онъ, повидимому, съумѣлъ внушить Марксу весьма почтенныя чувства: тотъ счелъ нужнымъ писать

[278]) Романическая исторія Милютина разсказа въ *Воспоминаніяхъ о С.-Петербургскомъ университетѣ*. О. Устрялова. *Ист. В.* 1884 г. XVI, 596.

[279]) Анненковъ. *Воспоминанія*. Ш, 155.

русскому путешественнику письма съ изложеніемъ своихъ доктринъ и даже имѣть въ виду переслать ему свою книгу.

На сколько Анненковъ усвоилъ идеи Маркса, намъ неизвѣстно, но одну изъ нихъ—культурно-философскую—онъ внесъ въ свои воспоминанія. И эта именно идея вошла въ міросозерцаніе молодыхъ русскихъ экономистовъ конца сороковыхъ годовъ. Въ виду этого, для насъ не безразличны подлинныя слова русскаго марксиста:

«Марксъ одинъ изъ первыхъ сказалъ, что государственныя формы, а также и вся общественная жизнь народовъ съ ихъ моралью, философіей, искусствомъ и наукой—суть только прямые результаты экономическихъ отношеній между людьми, и съ перемѣной этихъ отношеній сами мѣняются или даже и вовсе упраздняются. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать и опредѣлить законы, которые вызываютъ перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ людей, имѣющія такія громадныя послѣдствія» [280]).

Милютинъ и Майковъ усвоили это ученіе и съ чрезвычайной энергіей, насколько позволяла современная цензура, защищали истины экономическаго матеріализма. При первомъ же знакомствѣ съ учеными статьями молодыхъ сотрудниковъ *Отечественныхъ Записокъ* бросается въ глаза любопытный фактъ: оба экономиста излагаютъ исторію своей науки въ *тождественныхъ* выраженіяхъ и оцѣниваютъ различныя школы совершенно одинаково по смыслу и по формѣ критики. Авторы или пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, просто переводя его или, можетъ быть, Милютинъ зналъ работу Майкова въ рукописи [281]). Марксистская идея также выражена въ рѣзкой, очевидно, вполнѣ установившейся формулѣ. Оба автора находятъ безполезными или прямо лицемѣрными всякіе толки о просвѣщеніи рабочаго класса, пока не обезпечено его матеріальное благосостояніе. Майковъ исповѣдуетъ эту вѣру съ видимымъ увлеченіемъ и безпрестанно возвращается къ ней, даже повышая обычно-спокойный и тягучій тонъ своихъ разсужденій и не отступая предъ крайними логическими выводами.

«По нашему мнѣнію,—пишетъ онъ,—духовное образованіе не только безполезно, но... какъ бы это сказать? — безпокойно для человѣка, не пользующагося другими условіями благосостоянія» [282]). Оно усиливаетъ въ человѣкѣ сознаніе его тягостнаго положенія, заставляетъ понимать, что потребности его не признаются и во-

---

[280]) *О. с.*, стр. 159.

[281]) Ср., напр., характеристику Сисмонди у Милютина въ статьѣ *Пролетаріи и пауперизмъ*, *От. Зап.* 1847, апрѣль, стр. 154, 156 и въ статьѣ Майкова *Критическіе опыты*, стр. 614, 617. Критика экономическихъ ученій—у Милютина стр. 158, у Майкова стр. 618 etc.

[282]) *Критич. оп.*, стр. 700.

обще лишаетъ его способности безропотно переносить свои лишенія. Невѣжество, слѣдовательно, благодѣяніе при бѣдности. А такъ какъ бѣдность не только не уменьшается, а напротивъ, растетъ среди рабочихъ массъ, то осуществленіе просвѣтительныхъ плановъ отодвигается въ далекое неопредѣленное будущее. И молодой публицистъ обзываетъ прямо «смѣшными» и «неблагонамѣренными» проекты о спасительности умственнаго и нравственнаго образованія нищихъ [283]).

Это одно, по мнѣнію новыхъ экономистовъ, недоразумѣніе современныхъ политиковъ. Другое—не менѣе пагубное—мечты о политическихъ правахъ рабочихъ, объ особыхъ парламентахъ изъ промышленнаго класса, вообще объ усиленіи его политическаго значенія. Все это—совершенно праздный и неразумный разговоръ: политическія права немыслимы безъ умственнаго развитія, а мы уже знаемъ, умственное развитіе вредно при современныхъ экономическихъ условіяхъ. Слѣдовательно, пока рабочіе не будутъ вполнѣ обезпечены, имъ лучше оставаться безграмотными и справедливѣе безправными [284]).

Выводъ, несомнѣнно, «безпокойный», но мы можемъ успокоиться: одинъ изъ нашихъ философовъ позаботился подвергнуть самого себя вполнѣ цѣлесообразной критикѣ и освободилъ читателей отъ всякихъ хлопотъ — возражать ему по существу и въ подробностяхъ. Этимъ фактомъ и замѣчательны статьи Майкова: онъ обдумывалъ ихъ, очевидно, во время процесса писанія и не садился за свой письменный столъ съ готовымъ планомъ и строго упорядоченными идеями. Какая истина подвертывалась ему подъ перо, ту онъ и бросалъ на бумагу, предварительно не позаботившись даже о тщательной словесной формѣ идеи. Отсюда многословіе статей, запутанность доказательства, смута основныхъ положеній, уродливое нагроможденіе отступленій и подробностей, и въ общемъ утомительность и неудобоваримость—исключительныя въ публицистикѣ сороковыхъ годовъ. Несомнѣнно, съ годами всѣ эти недостатки или исчезли бы, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣли бы, но мы должны считаться съ дѣйствительно существующимъ.

XLVII.

Помимо экономическихъ вопросовъ, мы знаемъ, Майковъ увлекался естествознаніемъ. И въ этой области, раньше критическихъ статей, написалъ начало обширнаго разсужденія: *Общественныя науки въ Россіи*. Статья появилась въ *Финскомъ Вѣст-*

[283]) *Ib.*, стр. 296.

[284]) Майковъ, стр. 631; Милютинъ, стр. 158.

никъ. Это—второе изданіе, гдѣ сотрудничалъ молодой ученый. Первое—*Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.*

Майковъ редактировалъ первый выпускъ словаря, написалъ нѣсколько статей, но еще до выхода выпуска изъ печати сталъ редакторомъ новаго журнала.

Замыслы редакціи были изложены публикѣ чрезвычайно смѣло и широко: редакція намѣревалась подвергнуть «критическому разбору всѣ стихіи цивилизаціи, которой призваны мы пользоваться позже всѣхъ другихъ народовъ Европы». Немного спустя объяснялось: цивилизація каждой изъ европейскихъ націй односторонняя и «мы должны дѣлать строгій выборъ» въ своихъ заимствованіяхъ. Это—программа, стоявшая на очереди у славянофиловъ и у Бѣлинскаго еще въ ранній періодъ его дѣятельности.

Майковъ очень не долго оставался въ *Финскомъ Вѣстникѣ*, не имѣвшемъ успѣха, и не окончилъ своего труда. Продолженіе осталось въ рукописи; первая статья—нѣчто вродѣ вступленія.

По литературнымъ достоинствамъ ея нельзя и сравнивать съ молодыми статьями Бѣлинскаго: у его будущаго противника обнаруживалось полное отсутствіе увлеченія, темперамента, блеска слова и энергіи мысли. Статья похожа на переводъ чужой работы, съ большимъ трудомъ давшійся переводчику. Статья раздѣлена на параграфы, имѣетъ всѣ внѣшніе признаки ученаго трактата, но въ дѣйствительности показываетъ неумѣнье автора говорить простымъ языкомъ о простыхъ предметахъ и наклонность весьма спорныя истины заключать въ тяжеловѣсную педантическую форму. Откуда, напримѣръ, авторъ узналъ, будто мистицизмъ девятнадцатаго вѣка появился только въ «наше время», т. е. въ концѣ сороковыхъ годовъ? Какая исторія сообщила автору, что «эпикурейскіе пиры смѣнялись аскетизмомъ и отшельничествомъ»? Исторія, напротивъ, свидѣтельствуетъ о совмѣстномъ существованіи этихъ явленій. И какъ могъ такой глубокомысленный философъ идеализмъ и мистицизмъ объяснять *усталостью* человѣка отъ «прагматизма историческаго», *скукою* «отъ трупоразъятія явленій»? Какъ, наконецъ, вдумчивый критикъ могъ увѣровать въ такой законъ: «крайность необходимо рождаетъ другую», и доказывать его фактомъ: «фанатизмъ среднихъ вѣковъ смѣнился безвѣріемъ XVIII-го вѣка»? Будто средніе вѣка и XVIII-й вѣкъ—эпохи смежныя и будто у энциклопедистовъ, вовсе не проповѣдывавшихъ *безвѣрія*, за исключеніемъ единичныхъ исключеній, не было предшественниковъ?

Ученость, очевидно, сомнительнаго качества. Но статья все-таки не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ, и эти достоинства опять общее достояніе у Майкова съ Милютинымъ.

Майковъ въ одномъ мѣстѣ статьи и совершенно мимоходомъ ссылается на *Курсъ позитивной философіи* Конта. На самомъ дѣлѣ французскій философъ далъ русскому автору важнѣйшую идею разсужденія: о *философіи* или *физіологіи общества*, т. е. о наукѣ, приводящей въ строгую систему «соціальные вопросы». Майковъ разсуждаетъ о соціологіи, называя соціологовъ «соціалистами», нападаетъ на безпочвенную и безжизненную философію нѣмцевъ, на юношескую мечтательность ихъ науки, не щадитъ ни Шеллинга, ни Гегеля—за оторванность мышленія отъ опыта, знаній отъ дѣйствительности... Все это — плодъ весьма благотворной положительной философіи Конта, но все это давно русская публика прочитала въ статьяхъ Бѣлинскаго, только безъ новыхъ терминовъ и съ другимъ способомъ доказательствъ: не силлогизмами и отвлеченіями, а живымъ смысломъ окружающей дѣйствительности и страстнымъ сочувствіемъ жизненной правдѣ.

Милютинъ и здѣсь выше Майкова.

Въ обширной статьѣ по поводу книги Бутовскаго *Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи* онъ прекрасно изложилъ контовскія идеи о развитіи человѣчества, о положительномъ періодѣ цивилизаціи, о необходимости построенія новой общественной науки на прочныхъ научныхъ основахъ. Правда, онъ слишкомъ придерживается позитивисткаго взгляда на умственное направленіе XVIII-го вѣка, какъ исключительно отрицательное и метафизическое. Онъ могъ бы проявить больше самостоятельности мысли и безпристрастія сужденій, чѣмъ преемники энциклопедистовъ въ самой Франціи, но заслуга уже въ точномъ и дѣйствительно популярномъ объясненіи замѣчательнаго факта западной мысли. Милютинъ, кромѣ того, съ большимъ остроуміемъ подвергъ критикѣ мнимую ученость многочисленныхъ экономистовъ, наводнившихъ литературу безцѣльными схоластическими препирательствами о научныхъ терминахъ, часто просто о словахъ. «Утонченность и абстракція», по словамъ автора, затемнили простѣйшіе предметы и изгнали здравый смыслъ изъ самой жизненной и практически-настоятельной науки. Наконецъ, Милютинъ, не въ примѣръ Майкову, умѣетъ кстати пользоваться выраженіями *соціализмъ* и *соціалистъ* и превосходно истолковываетъ политическое значеніе новыхъ соціальныхъ ученій. Онъ также ссылается на Конта, но безъ всякаго сравненія съ Майковымъ, даетъ вполнѣ дѣльную характеристику вновь возникающей положительной науки объ обществѣ [285]).

Предъ нами настоящій популяризаторъ, можетъ быть, недостаточно независимый, но всегда поучительный, безъ непосильныхъ

---

[285]) *Отеч. Зап.* 1847 г., XI, стр. 23 etc.

притязаній на глубокомысліе, съ большимъ литературнымъ талантомъ. Милютина съ полнымъ правомъ можно считать предшественникомъ политико-экономическихъ и философскихъ публицистовъ шестидесятыхъ годовъ. Его статьи не могли пройти безслѣдно даже для средняго читателя. Что же касается трактатовъ Майкова, можно сомнѣваться, были ли они прочитаны даже заинтересованнымъ литературнымъ кружкомъ. Такого труда они требовали и такъ мало давали!

Если бы Майковъ не попалъ въ *Отечественныя Записки* и, по счастливому стеченію обстоятельствъ, не занялъ мѣста перваго критика въ популярнѣйшемъ журналѣ и непосредственно послѣ Бѣлинскаго, его личность врядъ ли привлекла бы вниманіе современниковъ и врядъ ли дошла бы до потомства. Даже послѣ критическихъ статей это потомство какъ-то необычайно легко и скоро забыло критика. Шестидесятые годы полны именемъ Бѣлинскаго, но они совсѣмъ не желаютъ заниматься его противникомъ. Съ эпохой, столь чуткой ко всякому біенію идейнаго общественнаго пульса, столь жадно нащупывавшей этотъ пульсъ въ прошломъ и настоящемъ, не могло бы случиться подобнаго приключенія, если бы молодой критикъ оставилъ послѣ себя дѣйствительно цѣнное и неумирающее наслѣдство.

Снова повторяемъ, произведенія Майкова важны для насъ только по ихъ отношенію къ дѣятельности Бѣлинскаго. Сами по себѣ они не только не внесли въ современную критику положительнаго новаго содержанія, но даже не бросили въ нее прочныхъ элементовъ броженія. Майковъ — отрицательный моментъ нѣкоторыхъ сторонъ критики Бѣлинскаго: въ этихъ предѣлахъ все его историческое значеніе.

Оно стало намѣчаться въ той же статьѣ *Общественныя науки въ Россіи*, именно въ разсужденіи о національности. Критикъ немедленно показалъ, какъ мало онъ имѣлъ права нападать на «силлогистику» нѣмецкихъ философовъ. Онъ самъ идеальный силлогистъ, т. е. фанатикъ отвлеченныхъ схемъ, рѣзкихъ математическихъ подраздѣленій и на столько же точныхъ, насколько и мертвыхъ формулъ.

Майковъ начинаетъ свое опредѣленіе культурнаго значенія національностей сравненіемъ рода человѣческаго съ многоугольникомъ. Цѣлое состоитъ изъ частей, многоугольникъ изъ угловъ, государство изъ провинцій, человѣчество изъ народовъ... Зачѣмъ, спросите вы, все это нагроможденіе предметовъ? Не ясно ли дѣло, изъ самаго факта? Но таковъ пріемъ Майкова: онъ воображаетъ что доказательность и простота мысли тожественны съ обиліемъ элементарныхъ сравненій, аналогій и параллелей. Это—дѣйствительно излюбленный способъ школьныхъ учителей бесѣдовать съ учениками; но горе въ томъ, что задачи нашего критика не

школьныя и публика, читавшая Бѣлинскаго, Герцена, нуждалась совершенно въ другомъ методѣ разсужденій.

Ей не надо было на нѣсколькихъ страницахъ объяснять, что человѣчество состоитъ изъ народовъ, что «народность не служитъ препятствіемъ къ успѣхамъ человѣчества», но ей слѣдовало бы доказать, почему народность непремѣнно «возможно сильное развитіе какой-нибудь существенной части общечеловѣческой природы», своего рода одна черта общечеловѣческой физіономіи? Почему народность обязательно нѣчто одностороннее, исключительное и какими путями авторъ додумался до существованія *общечеловѣка*, какъ реальнаго типа?

Все это требовало бы тщательныхъ откровеній, тѣмъ болѣе, что критикъ идеи о *національности*, какъ воплощеніи одной какой-либо черты общечеловѣческой природы и о *человѣчествѣ*—какъ идеальной, но достижимой полнотѣ всѣхъ человѣческихъ чертъ, положилъ въ основу своей полемики съ Бѣлинскимъ и славянофилами.

XLVIII.

Майковъ, вступая въ *Отечественныя Записки*, поспѣшилъ сдѣлать нападеніе на своего предшественника. Бѣлинскій не назывался по имени, но ударъ былъ разсчитанъ на самую *почву* его славы. Именно, критикъ обвинялся *въ бездоказательности* своихъ идей, въ стихійномъ диктаторствѣ надъ публикой. За критикой Бѣлинскаго важнѣйшей заслугой признавалось «энергическое выраженіе симпатіи къ новой школѣ искусства». Но Майковъ жалѣетъ о томъ, «чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ» [286]).

Выходитъ, Бѣлинскій не больше, какъ отголосокъ общаго настроенія, счастливый выразитель *моды*. Гоголь всѣми былъ понятъ и оцѣненъ, а Бѣлинскій только пошелъ вслѣдъ за этими всѣми. Не велика заслуга!

Современные читатели вознегодовали на «безтактность» выходки. Майковъ оправдывался въ письмѣ къ Тургеневу: онъ написалъ только то, что думалъ! Еще бы, написать по внушенію Краевскаго! Но вопросъ: какъ могъ молодой критикъ дойти до подобныхъ мыслей? Неужели онъ не зналъ, что такое Гоголь для критики въ лицѣ Сенковскаго, Булгарина и даже Шевырева и Константина Аксакова? Неужели, при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ современной журналистикой, можно было увлеченіе Гоголемъ признать всеобщей модой, а Бѣлинскаго только ея послушнымъ эхо? И какъ одновременно можно быть диктаторомъ и слѣдовать за модой? И если бы даже Бѣлинскій дѣйствительно являлся диктаторомъ,

[286]) Статья о Кольцовѣ. *Крит. оп.*, 9—10.

то вѣдь это было неизмѣримо больше *историческимъ фактомъ*, чѣмъ *личнымъ усиліемъ*. Кого же рядомъ съ нимъ могъ бы поставить Майковъ? Впослѣдствіи также найдутся критики, готовые обвинять Бѣлинскаго въ неограниченной власти надъ литературной публикой. Но эти обвинители поспѣшатъ сознаться, что власть эта выросла совершенно естественно. Кругомъ не было ничего, равнаго ей по таланту и по любви къ истинѣ [287]). Это, по крайней мѣрѣ, благоразумно, а нашъ критикъ бросилъ обвиненіе, будто облегчая накипѣвшее личное чувство и на протяженіи громадной статьи не напалъ на счастливую мысль—быть самому *доказательнымъ*.

Какія же собственныя оригинальныя идеи выдвигалъ критикъ на смѣну модной неосновательной диктатуры?

Прежде всего—чисто литературные взгляды.

Мы можемъ опустить насмѣшки надъ классицизмомъ и романтизмомъ: для 1846 года это—азбука эстетики, не любопытенъ и разговоръ о Гоголѣ: о немъ достаточно наслышаны читатели *Отечественныхъ Записокъ*, напрасно только критикъ отказывается «разобрать» *Переписку съ друзьями*; можно, наконецъ, прямо не читать поразительно элементарныхъ разсужденій о безсиліи воображенія освободиться отъ явленій дѣйствительности... Но вотъ что любопытно.

Мы знаемъ, Бѣлинскій различалъ искусство и беллетристику по силѣ и значенію *творчества*, по глубинѣ содержанія, по совершенству выполненія [288]). У Майкова эта идея развита совершенно иначе: здѣсь его оригинальность. Какой же она цѣны?

Бѣлинскій вполнѣ прочно установилъ свободу художника, доказалъ, что онъ часто можетъ не постигать всего содержанія своихъ произведеній: Майкову незачѣмъ было изощряться на этихъ истинахъ. Но онъ идетъ гораздо дальше и по другому направленію. По его мнѣнію, безсознательность великихъ художниковъ простирается такъ далеко, что читатели никакъ не могутъ угадать его «настоящаго взгляда» на изображенную имъ дѣйствительность [289]). Это значитъ—вы не знаете, какъ Гоголь смотритъ на Сквозника-Дмухановскаго и на Чичикова.

Этого мало. Нашъ критикъ безпощаденъ въ выводахъ. Ужъ если безсознательность, то до полнаго сомнамбулизма. Художникъ не различаетъ добра и зла, а его произведеніе осуждено воспроизводить одни труизмы. «Мысль совершенно новая не можетъ быть выражена эстетически», новая—значитъ «не пришедшая въ общее сознаніе» [290]).

---

[287]) Дружининъ. *Собраніе сочиненій*. Спб. 1865, VII, 196—6.

[288]) *Сочиненія*. IX, 390 etc.

[289]) *Крит. оп.*, стр. 196.

[290]) *Ib.*, стр. 549.

Слѣдовательно, негодованіе подавляющаго большинства публики на *Ревизора* Гоголя—миѳъ, повальное непониманіе пушкинскаго *Онѣгина*—случайное недоразумѣніе, тургеневскій Базаровъ, вызвавшій безчисленное множество кривотолковъ даже въ *передовой* критикѣ—несчастное созданіе. Или другое рѣшеніе задачи: и Гоголь, и Пушкинъ, и Тургеневъ такъ же, какъ и Бѣлинскій, служили только современной модѣ, и Гоголь, напримѣръ, только выражалъ общепринятое мнѣніе о взяткахъ.

Таково искусство. Беллетристика—полная противоположность. Она непремѣнно тенденціозна. Пушкинъ не зналъ, почему онъ писалъ *Каменнаго гостя*, но Сю отлично понималъ, зачѣмъ онъ сочинилъ *Вѣчнаго жида*. Тамъ—безотчетное требованіе творчества, здѣсь—внѣшняя цѣль [291]).

Въ этихъ соображеніяхъ есть доля правды, но только не слѣдовало доводить эту правду до точности многоугольника. Художникъ можетъ не менѣе беллетриста быть воодушевленъ сознательной *общей* идеей, отнюдь не утрачивая своей безотчетности въ *процессѣ* творчества. Тотъ же Гоголь прямо заявлялъ, что онъ въ комедіи «рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи» и «за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ». Все зависитъ отъ прирожденнаго направленія таланта, и Майкову надлежало вдуматься въ психологію художника, раскрытую Бѣлинскимъ, чтобы понять всю противоестественность рѣзкихъ разграниченій цѣлесообразности и безсознательности творчества.

Таковы оригинальныя черты въ эстетикѣ Майкова. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще сильную наклонность сопоставлять искусство съ юридическими науками. Это уже неизбѣжное отраженіе первичныхъ влеченій автора. Стихотвореніе Кольцова *Что ты спишь мужичекъ*—«воззваніе страстнаго политико-экономa, облеченное въ форму искусства», собраніе сочиненій Гоголя—«художественная статистика Россіи» [292]). Опредѣленія, не лишенныя меткости, хотя, можетъ быть, во второмъ случаѣ кто-нибудь вздумалъ бы употребить съ бо́льшимъ основаніемъ «художественная психологія Россіи».

Но не въ частностяхъ дѣло, а въ томъ, что именно эти сравненія нашли потомъ параллельныя замѣчанія въ статьѣ Бѣлинскаго: онъ сравнивалъ содержаніе искусства съ работами политико-экономa и статистика и находилъ вездѣ одну и ту же цѣль, различны только пути. Одинъ дѣйствуетъ логическими доводами, другой—картинами, одинъ *доказываетъ*, другой—*показываетъ*, и оба *убѣждаютъ* [293]).

---

[291]) *Ib.*, стр. 707.

[292]) *Ib.*, 24.

[293]) *Сочиненія.* XI, 363—4. 1848 годъ.

Что это, заимствованіе? Инымъ хочется такъ думать [294]). Но только они должны вспомнить, что Бѣлинскій задолго до Майкова искусство называлъ «сужденіемъ, анализомъ общества», «критикой», и особенно въ Россіи: «искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія» [295]). Слѣдовательно, если чѣмъ и снабдилъ новый критикъ стараго, то развѣ только лишнимъ словомъ для украшенія давно использованной мысли: вмѣсто ученый и философъ—политико-экономъ. Нельзя сказать, чтобы это была особенно значительная ссуда.

Вотъ и весь эстетическій капиталъ Майкова. Онъ или точное воспроизведеніе раннихъ и позднихъ идей Бѣлинскаго, напримѣръ, о нехудожественности сатиры, или столь же оригинальныя, сколько и не убѣдительныя открытія. Остается еще одинъ вопросъ, вызвавшій критику Бѣлинскаго и стяжавшій большую и даже почтенную извѣстность,—вопросъ о народности.

Мы видѣли, въ какой формѣ онъ появился въ первой статьѣ Майкова; дальше слѣдовало развитіе.

Раньше національность казалась критику только односторонностью, теперь она просто порокъ, по крайней мѣрѣ «слабость», «крайность», противоположная *человѣчности*, т. е. «чистотѣ человѣческаго типа».

Майковъ вѣритъ въ реальное существованіе этого типа, «не зависящаго отъ принадлежности къ тому или другому племени».

Этотъ типъ состоитъ весь изъ добродѣтелей, потому что «добродѣтели прирождены человѣческой природѣ, какъ силы, составляющія ея сущность». Пороки являются благодаря внѣшнимъ вліяніямъ. Къ числу ихъ относятся родовыя или племенныя особенности. И эти особенности являются «противодѣйствіемъ къ достиженію всѣми народами одной идеальной степени развитія». Такъ выходитъ согласно «съ ходомъ силлогистики». Этотъ ходъ теперь признается естественнымъ путемъ къ истинѣ.

Выводъ ясенъ. Національность отдаляетъ человѣка отъ общечеловѣческой цивилизаціи. Идеальный человѣкъ національно безличенъ и не оригиналенъ. Цѣль европейскаго прогресса—уподобленіе всѣхъ народовъ другъ другу. Славянофилы виноваты отъ начала до конца, въ ихъ ученіи нѣтъ и признака истины, потому что они вѣруютъ въ неизмѣнность и разумность національныхъ типовъ и характеровъ.

Вотъ и вся сущность культурно-философскаго міросозерцанія Майкова. Въ настоящее время даже не представляется нужды

---

[294]) Статья предъ *Критич. оп.*, стр. XLVI.

[295]) VI, 211 etc.—1842 годъ.

опровергать эту дѣйствительно рѣдкостную силлогистику. Любопытенъ особенно одинъ фактъ. Поклонникъ Конта, защитникъ строго-научнаго анализа, проповѣдникъ *физіологіи* общества и противникъ XVIII вѣка, съ умилительной наивностью и покойной совѣстью воскрешаетъ самые отчаянные метафизическіе завѣты этой эпохи—фантазіи Руссо насчетъ естественнаго человѣка и естественнаго состоянія. Ученый половины XIX вѣка серьезно толкуетъ объ общечеловѣческомъ типѣ, ангелоподобномъ по своимъ нравственнымъ совершенствамъ и падшемъ только подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, т. е. о томъ же идеальномъ «чувствительномъ существѣ» Руссо, загубленномъ исторіей!

Болѣе жестокой ироніи надъ ученостью и «дѣльностью мыслей» нашего критика не могли бы придумать его жесточайшіе враги.

Естественно, послѣ такой *философіи исторіи* мы слышимъ невѣроятныя историческія открытія. Они связаны съ еще одной оригинальной теоріей, также вызвавшей возраженія Бѣлинскаго,—съ теоріей о великихъ людяхъ.

Эти «могущественныя личности» могутъ «въ извѣстной степени отринуть» «слабости, свойственныя роду и народу». Критикъ открываетъ законъ, «до сихъ поръ не оцѣненный этнографами». Законъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Каждый народъ имѣетъ двѣ физіономіи: одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой; одна принадлежитъ большинству, другая меньшинству (меньшинству). Большинство народа всегда представляетъ собою механическую подчиненность вліяніямъ климата, мѣстности, племени и судьбы; меньшинство же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ явленій».

Майковъ искренне считаетъ это разсужденіе своего рода аксіомой. Онъ подчеркиваетъ свою формулу и съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ укоряетъ «этнографовъ и историковъ» за невѣдѣніе закона.

Открытіе дѣйствительно образчикъ глубокомыслія и пріемовъ мышленія нашего ученаго. Для выраженія всѣмъ извѣстнаго и простого факта болѣе сильной и оригинальной нравственной природы у болѣе даровитаго и просвѣщеннаго меньшинства въ каждомъ обществѣ, критику понадобился фантастическій законъ, теорія какого-то стихійнаго и фатальнаго раздѣленія народа на двѣ взаимныя, враждебныя, даже непримиримыя породы. Можно бы спросить у философа, какимъ же путемъ понимаютъ другъ друга эти двѣ расы одного и того же племени, какъ онѣ уживаются въ одномъ гражданскомъ строѣ и почему даже составляютъ одну культурную силу, одинъ народъ? «Діаметральная противоположность» и «крайнее отрицаніе»—величайшія опасности для всякаго сообщества и жизнь народа вѣчно представляла бы изъ себя нѣчто въ

родѣ борьбы патриціевъ съ плебеями. И какое основаніе человѣка, рѣшительно и всесторонне отвергающаго природу большинства своего рода, признавать сыномъ этого самаго рода? Такихъ людей естественно называть выродками, прирожденными эмигрантами, чѣмъ угодно, только не цвѣтомъ и силой своего народа, какъ этого желаетъ критикъ.

Потому что, соображаетъ онъ, изъ меньшинства выходятъ великіе люди.

Опредѣленіе *личности* у Майкова верхъ «силлогистики»:

«Личность заключается въ противоположности внѣшнимъ вліяніямъ». Это—труизмъ, не заслуживающій даже повторенія, но для философа было бы обидно ограничиваться истинами «большинства» и онъ продолжаетъ: «но чтобы перейти въ человѣчность, она должна освободиться отъ крайности, противоположной той, которая преобладаетъ въ національности» [296]).

Какое болѣзненное пристрастіе говорить простыя вещи пиѳическимъ языкомъ! «Перейти въ человѣчность» должно, вѣроятно, означать—стать общечеловѣческимъ типомъ. «Освободиться отъ крайности» ничто иное, какъ примириться съ нѣкоторыми *національными* чертами, т. е. сбросить съ себя страсти воображаемаго меньшинства и примкнуть хотя бы отчасти къ большинству.

Въ результатѣ все хитросплетеніе разрѣшается въ такой же обидный труизмъ, какъ и первая фраза: личность должна быть *національнымъ* явленіемъ, правда, съ задатками протеста и отрицанія, но непремѣнно на почвѣ и въ духѣ своей національности.

Столь пышно и фигурно огороженный огородъ оказывается пустымъ мѣстомъ, даже хуже. Лишь только авторъ переходитъ къ историческимъ доказательствамъ своихъ истинъ, его героическое поприще превращается въ поле сорныхъ травъ.

Можете ли вы повѣрить, что «свободное мышленіе» развилось въ странахъ съ жаркимъ климатомъ, т. е. въ *Индіи*, *Персіи*, *Египтѣ* и, между прочимъ, въ Греціи и въ южной Италіи? Азія, стоитъ рядомъ съ южной Европой, но и это еще не большое горе, во всякомъ случаѣ меньшее, чѣмъ превращеніе индусскихъ мудрецовъ въ революціонеровъ, т. е. философовъ, проповѣдующихъ совершенное самоотреченіе воли и исчезновеніе личности въ общей міровой жизни. Майковъ открылъ, что индусская философія—мудрость меньшинства, воплощающаго непримиримый протестъ противъ «внѣшнихъ обстоятельствъ», т. е. *крайность* по отношенію къ большинству. Этого мало. Дальше слѣдуетъ параллель восточныхъ философовъ съ норманскими викингами, потому что суровый климатъ такъ же

---

[296]) *Крит. оп.*, стр. 69.

порабощаетъ людей, какъ и южное солнце и викингъ такая же противоположность порабощенному большинству сѣверныхъ народовъ, какъ браминъ или буддистъ индусамъ... И между тѣмъ, здѣсь же говорится о норманнѣ, какъ «олицетворенный страсти къ гимнастикѣ силъ, къ *процессу* труда и дѣйствія», т. е. «къ удальству»...

Нирвана и удальство—явленія тожественныя, потому что оба результатъ порабощенія человѣка «внѣшними обстоятельствами!»... И все-таки, *южному*, а не сѣверному человѣку «обязаны мы свободой мысли»... Наконецъ, еще нѣсколько перловъ въ этотъ букетъ глубокомыслія: «аѳиняне съ восторгомъ слушали софистовъ», «французы обожаютъ своихъ энтузіастовъ», «нѣмцы своихъ отшельниковъ-мыслителей», все потому, что софисты, энтузіасты, отшельники-мыслители, воплощенныя «противоположности» «національнымъ особенностямъ» аѳинянъ, французовъ, нѣмцевъ...

Можно ли было вести серьезную борьбу съ подобнымъ «соціалистомъ»? Стоило ли для спасенія логики и исторіи взывать къ здравому смыслу и элементарнымъ фактамъ психологіи и жизни? Представляла ли вновь изобрѣтенная «силлогистика» опасность для русской литературной критики?

На первые два вопроса вполнѣ допустимы отрицательные отвѣты, но послѣдній гораздо сложнѣе при условіяхъ русскаго общественнаго просвѣщенія сороковыхъ годовъ.

Въ лицѣ Майкова на сцену публицистики выступала въ полномъ смыслѣ отрицательная сила. Ограниченность культурно-историческихъ свѣдѣній, отсутствіе строгой предварительной обдуманности критическихъ сужденій и новыхъ открытій, наивныя, чисто-ученическія притязанія на исключительную глубину и солидность мысли, наклонность на основаніи только этихъ притязаній обвинять другихъ въ бездоказательности, въ недостаткѣ научной цѣльности идей и въ заключеніе схоластическая форма языка сравнительно съ литературными талантами не только Бѣлинскаго, но даже писателей *Библіотеки для Чтенія*: все это отнюдь не являлось шагомъ впередъ въ русской журналистикѣ и не сулило благодѣяній для юной и робкой русской мысли.

Мы не отрицаемъ, Майкову, можетъ быть, предстояло болѣе достойное и дѣйствительно плодотворное будущее. Но оставленное имъ наслѣдство представляетъ развѣ только самые смутные намеки на роскошный плодъ. Рѣзкая черта, крайне невыгодно оттѣняющая духъ и содержаніе статей Майкова рядомъ съ произведеніями Бѣлинскаго, отсутствіе глубокаго прирожденнаго чутья жизни, страстнаго сліянія личности съ идеальными интересами окружающей дѣйствительности. Майковъ—подвижникъ книги и кабинета, способный находить наслажденіе въ замысловатыхъ изворотахъ

хитроумной рѣчи и отвлеченной силлогистики. Во всѣхъ его обширныхъ разсужденіяхъ нѣтъ возможности указать ни одной прочувствованной, вдохновенной мысли, ничего подобнаго на тѣ молніеносные вспышки критическаго ясновидѣнія и художественнаго восторга, какими блещутъ страницы Бѣлинскаго. Съ нами бесѣдуетъ двадцати-трехлѣтній юноша, и отъ его рѣчи вѣетъ педантизмомъ и схоластикой, онъ не живетъ предметомъ бесѣды, а изощряетъ надъ ними запасъ своей учености и рессурсы своей логической гимнастики. Врядъ ли особенно утѣшительное предзнаменованіе будущаго!

Такой уравновѣшенный, выдисциплинированный въ абстракціяхъ студентъ, несомнѣнно, могъ превратиться въ почтеннаго ученаго, можетъ быть качествомъ выше обыкновеннаго цехового типа. Но вліятельнаго публициста и указующаго пути критика такая природа не могла дать. Что могъ совершить на тернистомъ отвѣтственнѣйшемъ поприщѣ русской мысли ученый, вообразившій себѣ образъ идеальнаго человѣка безличнаго, безтемпераментнаго, превознесшій чистую логическую абстракцію надъ живой вопіющей дѣйствительностью? Краснорѣчивый психологическій фактъ: силлогистическая возня писателя съ воображаемымъ общечеловѣкомъ въ то время, когда жизнь требовала яркой, опредѣленной, сильной личности, хотя бы даже односторонней но непремѣнно самобытной и національной.

Бѣлинскій былъ правъ, сравнивая славянофиловъ съ новоявленными космополитами: «если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторыя и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики».

И Бѣлинскій всей силой своего бурнаго слова, насколько хватало угасавшей энергіи, возсталъ на ненавистную абстрактную діалектику, когда-то калѣчившую его собственный здравый смыслъ и талантъ.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Очерки и разсказы» Максима Горькаго, два тома.—Міръ босяковъ и его бытописатели, Левитовъ и г. Горькій. — Реализмъ послѣдняго. — Различные типы босой команды.—Безпокойныя души.—«Бывшіе люди».—Философія приволья и свободной жизни.—Бодрое настроеніе очерковъ г. Горькаго.

Въ изящной литературѣ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ очерки и разсказы г. Максима Горькаго представляютъ едва ли не самое видное явленіе, по свѣжести и оригинальности таланта, яркаго и сильнаго, и по новизнѣ содержанія, всегда интереснаго и глубоко захватывающаго читателя. Рисуетъ ли авторъ картины природы, которую онъ страстно любитъ и тонко понимаетъ, въ особенности безбрежную ширь моря и приволье нашихъ южныхъ степей, или глухіе углы большихъ городовъ, гдѣ ютится бѣднѣйшій слой городского населенія,— онъ умѣетъ вложить въ свои очерки столько новаго и неожиданнаго, что предъ нами встаетъ цѣлый міръ, совершенно обособленный, чрезвычайно разнообразный по типамъ и характерамъ, не укладывающійся въ рамки обычнаго представленія о бродягахъ и золоторотцахъ, какихъ мы привыкли встрѣчать въ разсказахъ другихъ писателей. Бродяга, босякъ, то злобный и ожесточенный, потерпѣвшій рядъ крушеній и отчаявшійся, то безпокойный и нервный искатель справедливости, привлекаетъ все вниманіе г. Горькаго, занимаетъ главное мѣсто въ его очеркахъ, въ которыхъ все остальное составляетъ только фонъ, лучше обрисовывающій этотъ, на первый взглядъ, такой чуждый намъ міръ бродячаго и безпокойнаго городского пролетаріата, насмѣшливо окрестившаго себя «босой командой».

Босая команда—созданіе исключительно большихъ городовъ, явленіе сравнительно новое у насъ и быстро растущее вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ промышленной жизни. Городъ поглощаетъ ежегодно массу пришлаго рабочаго люда, волны котораго приливаютъ изъ глубины деревни, выброшенныя оттуда измѣнившимися условіями хозяйственной жизни. Всѣ, не удержавшіеся въ деревнѣ, стремятся въ городъ, какъ къ центру, гдѣ можно найти примѣненіе силамъ, для которыхъ не оказалось мѣста въ новомъ деревенскомъ укладѣ. Нерѣдко это лучшіе, наиболѣе воспріимчивые элементы деревни, не мирящіеся съ ея безвыходнымъ положеніемъ, съ ея вѣчными голодовками, необезпеченностью личности, полудремотнымъ существованіемъ, для котораго не видно лучшаго, болѣе человѣчнаго выхода, чѣмъ постоянная безрезультатная борьба изъ-за куска хлѣба,— борьба, обезличивающая, ведущая къ полному равнодушію къ жизни. Та же борьба, но на болѣе широкой аренѣ, встрѣчаетъ ихъ и въ городѣ, гдѣ болѣе сложныя условія вырабатываютъ изъ этихъ примитивныхъ борцовъ за существованіе и болѣе сложные типы, какими полна босая команда. Главный контингентъ ея и составляютъ бывшіе деревенскіе люди, не съумѣвшіе пристроиться въ городѣ и поглощенные его подонками. Къ нимъ осѣдаютъ сверху «бывшіе люди» всевозможныхъ званій, профессій и положеній, составляющіе своего рода

аристократію глухихъ угловъ, наиболѣе типичные и характерные, которымъ въ очеркахъ г. Горькаго отведено выдающееся мѣсто.

Г. Максимъ Горькій не первый бытописатель этого своеобразнаго міра. Левитовъ, которому пришлось тоже, какъ и г. Горькому, не мало пошататься по темныхъ закоулкамъ большихъ городовъ, съ особой любовью описывалъ ихъ обитателей. Но у Левитова слишкомъ мягкій и нѣжный колоритъ лежитъ на всемъ, что онъ писалъ, и его босая команда такъ опоэтизирована, что реальная жизнь почти отсутствуетъ. Его герои—это развинченные люди, тѣ же интеллигентные «взыскатели града», какимъ былъ самъ Левитовъ. Въ нихъ слишкомъ мало плоти и крови, уличной городской жизни. Они скорѣе напоминаютъ переряженныхъ людей, а не настоящихъ босяковъ съ ихъ жестокими, подчасъ звѣрскими привычками, злобой, грубостью, пьянствомъ и безсознательнымъ стремленіемъ къ свободѣ, скрашивающей ихъ тягостное существованіе. Читая Левитова, испытываешь попеременно приливъ жалости и досады,—жалости къ изображаемой имъ жизни и досады на автора, который, повидимому, такъ много зная и такъ много испытавъ, не смогъ дать вѣрной картины, изобразить вѣрные типы и характеры, настолько рѣзко отличные и интересные сами по себѣ, чтобы не нуждаться ни въ какихъ посторонніхъ украшеніяхъ. Сентиментализмъ Левитова, составляющій основной фонъ его описаній глухихъ улицъ, портитъ все, оставляя въ концѣ концовъ привкусъ слащавости и манерности, дѣланности чувства и приподнятости тона, что сильно портитъ лучшіе изъ его очерковъ.

Очерки г. Горькаго даютъ не менѣе жестокую правду, но авторъ съ истинно художественнымъ тактомъ съумѣлъ вездѣ удержаться отъ преувеличеній, предоставляя самимъ героямъ говорить за себя. Отсутствіе лирическихъ изліяній и полный объективизмъ его разсказа углубляютъ содержаніе, а непосредственная поэтическая жилка, чувствующаяся вездѣ въ описаніяхъ природы, дѣлаетъ его картины художественно-законченными.

Безконечную галлерею выводимыхъ имъ типовъ открываетъ одинъ изъ лучшихъ представителей этого міра отверженныхъ «Челкашъ», фигура почти трагическая по силѣ чувства и суровости тона, въ которомъ она выписана. Босякъ южнаго портоваго города, прошедшій всѣ мытарства, сильный и гордый своей удалью, Челкашъ случайно сталкивается съ примитивнымъ существомъ деревенскаго міра, выброшеннымъ изъ деревни въ поискахъ за хлѣбомъ. Гаврила истый представитель деревни, не понимающій и не признающій иной связи, кромѣ связи съ землей, иныхъ отношеній, кромѣ созданныхъ землею. Весь міръ существуетъ для него только какъ «подсобіе» для этой земли, въ которой всѣ его думы, надежды, мечты. Земля—основа его жизни, при ней онъ можетъ быть «совсѣмъ свободенъ, самъ по себѣ», она все содержаніе его, устой, на которомъ зиждется весь его душевный міръ, устой прочный и непоколебимый, что даетъ ему извѣстное превосходство передъ его случайнымъ товарищемъ, въ его глазахъ человѣкомъ потерянномъ, никому не нужнымъ. И Челкашъ это чувствуетъ.

Весь трагизмъ его положенія въ томъ и заключается, что, сознавая свое превосходство по уму, характеру, душевной силѣ надъ бѣднымъ и простоватымъ Гаврилой, онъ въ то же время не можетъ не видѣть всей правды его словъ, что онъ, Челкашъ, человѣкъ «не нужный на землѣ», о которомъ никто не станетъ допытываться, если онъ вдругъ исчезнетъ. Онъ, гордый, сильный, способный на великодушные и чистые порывы, непонятные и чуждые Гаврилѣ,—не имѣетъ мѣста въ обществѣ, стоитъ внѣ его. Для него нѣтъ будущаго, настоящее неопредѣленно, жестоко и полно обиды и горечи, а въ прошедшемъ жуткія воспоминанія о той же спасительной связи съ землей, связи, которую онъ порвалъ и уже не возстановитъ никогда. Единственное, что скрашиваетъ его безцѣльное существованіе, это свобода, независимость, неподчиненность чужой волѣ. Но въ то же время какая это свобода, когда первый сторожъ въ

гавани, первый таможенный надсмотрщикъ можетъ взять его за шиворотъ и препроводить въ кутузку. То ли дѣло та свобода, о которой мечтаетъ глуповатый парень Гаврила и мечтаетъ на основаніи фактовъ, хорошо ему знакомыхъ, реальныхъ и для него возможныхъ?

Послѣ ловко совершенной кражи при помощи ничего не понимающаго Гаврилы, Челкашъ невольно задумывается надъ разницей между этими двумя «свободами». Сначала онъ какъ бы превозносится надъ Гаврилой, которому во всю жизнь не «сцапать» полтысячи, заработанной имъ, ловкимъ Челкашомъ, въ одну ночь. Но потомъ, подъ наплывомъ воспоминаній, навѣянныхъ разговоромъ съ Гаврилой, самъ увлекается картиной свободной деревенской жизни.

«— Главное,—вспоминается ему,—въ крестьянской жизни, братъ, это свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна—да онъ твой. У тебя земля есть своя, — всего ея итого горсть—да она твоя! Курица у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ!.. И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ,—работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой—опять иная. Куда ни пойди, воротишься въ свой домъ. Тепло!.. Покой!.. Король вѣдь? Такъ ли?—воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запамятовавъ объ обязанностяхъ.

«Гаврило глядѣлъ на него съ любопытствомъ и тоже воодушевился. Онъ во время этого разговора успѣлъ уже забыть, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и видѣлъ передъ собой такого же крестьянина, какъ и самъ онъ, прилѣпленнаго навѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, связаннаго съ нею воспоминаніями дѣтства, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе.

«— Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ, гляди-ка на себя, что ты теперь такое безъ земли? ого!.. Землю, братъ, какъ мать, не забудешь надолго...

«Челкашъ одумался... Онъ почувствовалъ раздражающее жженіе въ груди, являвшееся всегда, чуть только его самолюбіе, самолюбіе безшабашнаго удальца, бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

«— Замололъ!..—сказалъ онъ свирѣпо,—ты, можетъ, думалъ, что я все это въ серьезъ... Держи карманъ шире!

«— Да, чудакъ-человѣкъ!..—снова оробѣлъ Гаврило.—Развѣ я про тебя говорю? Чай, такихъ-то, сколь ты, много! Эхъ, сколько несчастнаго народу на свѣтѣ!.. Шатающихъ...»

Челкашъ злится, тѣмъ болѣе, что не можетъ не понимать, насколько правды въ нехитрыхъ словахъ его товарища. Онъ уже не вернется назадъ, не можетъ, хотя бы и желалъ стать «королемъ» на своей земли. Непонятная, непреодолимая сила оторвала его отъ нея. Для него нѣтъ возврата назадъ, какъ нѣтъ и впереди ничего. Случайная удача дѣлаетъ его обладателемъ значительныхъ денегъ, «полтысячи рублей»—хвастливо показываетъ онъ Гаврилѣ. У послѣдняго моментально является цѣлый планъ, что и какъ онъ могъ бы сдѣлать на эти деньги. У Челкаша—ничего, кромѣ мысли о безшабашномъ кутежѣ. Гаврила, воодушевленный своими мечтами, пробуетъ сначала вымолить у него эти деньги, а когда это не удается, пытается отнять ихъ силой, ошеломивъ Челкаша камнемъ. И тутъ между этими представителями двухъ разныхъ міровъ разыгрывается глубоко характерная сцена.

Увидѣвъ Челкаша, лежащаго неподвижно, съ окровавленной головой, Гаврило растерялся отъ страха и убѣжалъ, но потомъ лучшіе инстинкты просыпаются въ человѣкѣ земли. Онъ возвращается и старается привести босяка въ чувство.

«Освѣженный водою, Челкашъ очнулся и толкнулъ Гаврилу отъ себя, хрипло сказавъ:

*

«— Поди... прочь!...

«— Братъ! прости... дьяволъ это меня...—дрожа шепталъ Гаврило, цѣлуя руку Челкаша.

«— Иди... ступай...—хрипѣлъ тотъ.

«— Сними грѣхъ съ души!.. Родной! прости!..

«— Трусъ!.. и блудить-то не умѣешь!..—презрительно крикнулъ Челкашъ.— Деньги взялъ?—сквозь зубы процѣдилъ онъ.

«— Не бралъ я ихъ, не бралъ! Не надо мнѣ, бѣда отъ нихъ!..

«Челкашъ сунулъ руку въ карманъ своей куртки, вытащилъ пачку денегъ, одну радужную положилъ обратно въ карманъ, а все остальное кинулъ Гаврилѣ:—возьми и ступай!..

«— Не возьму, братъ... Не могу, прости!..

«— Бери, бери!.. Не стыдись, что человѣка чуть не убилъ! За такихъ людей, какъ я, никто не взыщетъ. Еще спасибо скажутъ, какъ узнаютъ».

Гаврило беретъ деньги и они расходятся,—одинъ въ деревню, чтобы на своей землѣ быть «королемъ», другой въ свой глухой уголъ, откуда нѣтъ выхода.

И не только потому нѣтъ выхода, что Челкашъ порвалъ съ землею. Онъ— человѣкъ иного склада; онъ только въ мечтахъ можетъ представить себя «королемъ на своей землѣ», такъ какъ въ дѣйствительности онъ слишкомъ свободенъ для такой роли. Это и составляетъ отличительную черту героевъ г. Горькаго—любовь къ свободѣ ради нея самой. Сами они не въ силахъ объяснить этого стремленія, увлекающаго ихъ отъ сытой, спокойной жизни, о которой они не прочь помечтать потомъ, но съ которой ни одинъ изъ нихъ не мирится. Это стремленіе дѣлаетъ Челкаша выше въ его собственныхъ глазахъ, подымаетъ его надъ Гаврилой, который ради земли и связанныхъ съ нею благъ готовъ на все,—и на униженіе передъ презираемымъ имъ босякомъ, и на преступленіе. Тогда какъ Челкашъ, воръ и пьяница, «шатающійся человѣкъ», не отдастъ этой свободы ни за какія блага. Зачѣмъ она ему, онъ и самъ не понимаетъ. Но онъ не можетъ представить себѣ жизни безъ нея. Онъ любитъ море за его ширь и просторъ, за дыханіе свободы, которымъ вѣетъ отъ него и котораго ничѣмъ нельзя укротить и связать, какъ и его, Челкаша, что и въ глазахъ читателя дѣлаетъ личность Челкаша значительнѣе и симпатичнѣе, чѣмъ Гаврилы съ его мечтами о своей куриць, о своемъ яблокѣ, о своемъ гнѣздѣ, изъ-за котораго онъ уже ничего не способенъ видѣть. Чувство безграничной свободы дѣлаетъ Челкаша болѣе человѣкомъ и сближаетъ его съ нами. Пусть оно теперь стихійно и безсознательно, но въ немъ несравненно больше задатковъ для развитія въ будущемъ, чѣмъ въ неразрывной связи Гаврилы съ землею,—связи, тоже стихійной и безсознательной, но неподвижной и мертвой, безъ развитія и движенія.

Челкашъ сильная натура, человѣкъ съ рѣзко выдающейся индивидуальностью, не съумѣвшій примѣниться къ жизни, не нашедшій «своей точки», какъ говоритъ про себя другой герой того же типа Коноваловъ. Болѣе вдумчивый и мягкій, не ожесточенный, какъ Челкашъ, Коноваловъ сокрушается своей кажущейся ему ненужностью, неумѣніемъ найти свою «точку», которая указала бы ему «порядокъ жизни». Онъ живетъ больше чувствомъ, которое не мирится съ окружающей его неправдой, но не можетъ вывести его на дорогу болѣе правильной жизни, — и пьетъ запоемъ, «отъ тоски», какъ онъ говоритъ. «Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ, и кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ, все, какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди хоть помирай они—не охну! Болѣзнь это у меня, должно быть», грустно поясняетъ

онъ. «Что я такое?—спрашиваетъ онъ:—Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего до этого даже охоты нѣтъ... Живу и тоскую... Про что,—неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ прочихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... Понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки, и все тутъ! Вотъ я и живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть—это мнѣ неизвѣстно...»—«Это ты къ чему?» спрашиваетъ его разсказчикъ—«Къ чему? А... къ безпорядку жизни. То-есть, вотъ я живу, молъ, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу присучуться... и это есть безпорядокъ, такая жизнь».

Когда разсказчикъ, съ пыломъ и вѣрой молодого проповѣдника, хочетъ увѣрить его, что онъ, Коноваловъ, жертва соціальныхъ условій, не давшихъ ему возможности развить его внутреннюю жизнь, Коноваловъ не соглашается. «Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть», отвѣчаетъ онъ на доводы товарища.

«— Да погоди!—кричалъ я:—какъ можетъ человѣкъ устоять, коли на него со всѣхъ сторонъ разная темная сила претъ?

«— Упрись крѣпче!—возглашалъ мой оппонентъ, горячась и сверкая глазами.

«— Да во что упереться?

«— Найди свою точку и упрись!

«— А ты чего же не упирался?

«— Вотъ я те и говорю, чудакъ-человѣкъ, что я самъ виноватъ въ моей долѣ! Не нашелъ я точки моей... Ищу, тоскую и не нахожу!»

Еще болѣе смущаютъ его «поступки», которые кажутся ему несомнѣнно хорошими,—и дѣйствительно таковы,—но въ результатѣ ведутъ только къ худшему положенію. Встрѣтивъ «милое, но погибшее созданіе», онъ изъ жалости освобождаетъ ее изъ «заведенія», въ разсчетѣ, что дѣвушка начнетъ лучшую жизнь. Разсчетъ не оправдывается: его Капа желаетъ быть его женой, къ чему у него нѣтъ желанія. Разочарованная въ немъ, дѣвушка спивается съ кругу и кончаетъ тѣмъ же заведеніемъ. Этотъ случай окончательно выбиваетъ Коновалова изъ колеи. «Нѣтъ ли въ книгахъ,—спрашиваетъ онъ съ отчаяніемъ разсказчика,—насчетъ порядковъ жизни? Т. е. поученія, какъ жить? Поступки бы мнѣ нужно разъяснить, которые вредные и которые ничего себѣ... Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими. Который вначалѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ... Какъ такъ? Желалъ я человѣку оказать добро—и вдругъ... совсѣмъ несообразно? Да, братъ, очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ... И неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, чтобы всѣ люди дѣйствовали какъ одинъ и всѣ другъ друга понимать могли? Вѣдь совсѣмъ нельзя жить на такомъ разстояніи одинъ отъ другого! Неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?.. Эхма!»

Эти мучительные вопросы въ концѣ концовъ убиваютъ бѣднаго Коновалова, который кончаетъ самоубійствомъ, такъ и не найдя порядка жизни. «Сколько исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ, нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!»

И всѣ босяки кончаютъ этими словами свою эпопею, одни ожесточенные и злобно-презрительные, какъ Челкашъ, другіе съ грустью и удивленіемъ, какъ мягкій и вдумчивый Коноваловъ.

Оба они выведены въ разсказѣ г. Горькаго, какъ вполнѣ сложившіеся типы. Въ очеркѣ «Супруги Орловы» авторъ раскрываетъ передъ читателями путь,

какимъ постепенно доходитъ такой босякъ до своего печальнаго конца. Орловъ сапожникъ, женатъ и сравнительно не хуже, хотя и не лучше, другихъ обставленъ въ смыслѣ матеріальномъ. По своему онъ даже благополученъ и жилось бы ему недурно, если бы и его не смущали тѣ же проклятые вопросы, которые изводятъ Коновалова. Зачѣмъ жизнь, въ чемъ ея сущность, гдѣ искать утоленія отъ этихъ вопросовъ? Онъ любитъ жену, не сомнѣвается въ ея любви, но этого мало для жизни, какъ онъ чувствуетъ все сильнѣе и сильнѣе. Нужно еще что-то, но что именно—этого онъ не знаетъ, озлобляется, пьянствуетъ и колотитъ жену, хотя и чувствуетъ себя отъ этого еще хуже.

«Оба они, молодые и здоровые люди, любили другъ друга и гордились другъ другомъ... Но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли бы порой дать силѣ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа—волноваться, думать, горѣть, вообще жить... Если бы у Орловыхъ была жизненная цѣль, хотя бы такая узкая, какъ накопленіе денегъ грошъ за грошемъ, тогда, несомнѣнно, имъ жилось бы легче. Но у нихъ не было и этого. Постоянно одинъ у другого на глазахъ, они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого. День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего, что развлекало бы ихъ. Иногда по праздникамъ они ходили въ гости къ такимъ же нищимъ духомъ, какъ сами, иногда къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, часто дрались. А потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, огягчавшей жизнь этихъ людей работой, скукой и безсмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга».

Натуры апатичныя, уравновѣшенныя или неспособныя къ противодѣйствію, легко подчиняются такому порядку. Но Орловы, мужъ и жена, не принадлежали къ нимъ. Обоимъ недоставало дѣятельности и разнообразія, что скрашивало бы это монотонное существованіе. Оживленіе въ ихъ жизнь вноситъ нагрянувшая внезапно холера. Въ то время, какъ окружающіе поддаются общей паникѣ и еще болѣе тупѣютъ подъ ея вліяніемъ, супруги Орловы воскресаютъ духомъ. Жажда новизны и дѣятельности, живой и разнообразной, результаты которой говорили бы сами за себя, охватываетъ сначала мужа, а потомъ съ еще бо́льшей силой и жену. Оба поступаютъ въ холерный баракъ, гдѣ природная смѣтливость и недюжинныя способности Орлова сразу выдвигаютъ его среди другихъ служителей, что еще болѣе возбуждаетъ его. Невѣдомое ему до тѣхъ поръ чувство гордости и довольства собой охватываетъ его съ необыкновенной силой. Онъ мечтаетъ о подвигѣ, о такомъ дѣлѣ, чтобы сразу всѣхъ спасти, всѣхъ поразить необычнымъ геройскимъ поступкомъ. «Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И въ немъ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на самочувствіе, такъ поднявшее его въ своихъ глазахъ. Это было своеобразное честолюбіе человѣка, который вдругъ созналъ себя таковымъ и, какъ бы еще неувѣренный въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣлъ подтвердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ; это было честолюбіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстнаго подвига».

Такое бодрое и дѣятельное настроеніе продолжается, однако, недолго. Мысль, разбуженная и начавшая работать, уже не можетъ остановиться на вопросахъ только текущаго дня и неотвязно требуетъ отвѣта о будущемъ, которое представляется все въ томъ же видѣ, что и опостылѣвшее прошлое. Орловъ смутно видитъ, что не для него эта дѣятельность, такъ увлекающая его,—дѣятельность, полная заботы и любви къ людямъ. Кончится спѣшная лихорадочная дѣятельность въ баракѣ, и его опять ждетъ однообразная, безрадостная жизнь «въ ямѣ», какъ онъ называетъ свою житейскую обстановку. Какъ соединить работу съ человѣческими стремленіями, какъ стать выше, подняться надъ этой

•

зной, одухотворить, осмыслить свою жизнь, бѣдняга Орловъ не можетъ. Эти мысли его удручаютъ, отравляя настоящее, не давая ему душевнаго покоя, какимъ пользуются врачи, работающіе до упаду, и его собственная жена. Онъ не можетъ понять ихъ радости при выздоровленіи какого-нибудь Мишки-вора, потому что знаетъ, насколько некрасна жизнь этого Мишки и что лучше и для окружающихъ, если Мишка умретъ. Масса противорѣчій общественной жизни всплываютъ предъ Орловымъ, который не въ силахъ ихъ разъяснить себѣ и въ концѣ концовъ возвращается къ водкѣ, старой спасительницѣ отъ жгучихъ думъ. Послѣ дикаго скандала въ баракѣ, его выгоняютъ и Орловъ осѣдаетъ въ рядахъ босяковъ, этомъ прибѣжищѣ неудачниковъ и безпокойныхъ душъ.

Другой типъ такой безпокойной души представленъ въ разсказѣ «Озорникъ». Николка Гвоздевъ, озорникъ, какъ его прозвали товарищи за безпокойный и неуживчивый нравъ, работаетъ въ типографіи газеты, въ которой производитъ большой переполохъ, вставивъ въ передовую статью редактора собственную фразу, весьма ѣдкую и критическую для газеты. Редакторъ пишетъ: «Наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго обсужденія», а Николка сдѣлалъ отъ себя поясненія: «т. е. говоренія глупой ерунды и чепухи». Свою неожиданную выходку Николка объясняетъ слѣдующимъ образомъ, когда изумленный редакторъ требуетъ у него отвѣта, почему онъ это сдѣлалъ.

«— Вотъ, стало быть, въ чемъ дѣло. Вы пишете разныя статьи, человѣколюбіе всѣмъ совѣтуете и прочее такое... Не умѣю я сказать вамъ это все подробно—грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что рѣчи ведете каждый день... Ну, вотъ я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочаго толкуете, а я все читаю. И противно мнѣ читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова безстыжія. Потому что вы пишете—не грабь, а въ типографіи то у васъ что? Кирьяковъ на прошлой недѣлѣ работалъ три съ половиной дня, выработалъ три восемь гривенъ и захворалъ. Жена приходитъ въ контору за деньгами, а управляющій ей говоритъ, что не ей дать, а съ нея нужно рубль двадцать получить—штрафу. Вотъ-те и не грабь! Вы что же про эти порядки не пишете? И какъ управляющій лается и мальчишекъ деретъ за всякую малость?.. Вамъ этого нельзя писать, потому что вы и сами этой политики держитесь... Пишете, что людямъ плохо жить на свѣтѣ—и потому вы, я вамъ скажу, все это пишете, что ничего больше дѣлать не умѣете. Вотъ и все... И потому подъ носомъ у себя вы никакихъ звѣрствъ не видите, а про турецкія звѣрства очень хорошо разсказываете. Развѣ это не пустяки статьи-то ваши?»

Обвиненія Николки не отличаются глубиной, и редактору легко дать отвѣтъ на каждое. Но дѣло не въ томъ. Николка и самъ понимаетъ, что газета меньше всѣхъ виновата въ злоключеніяхъ рабочихъ вообще и его товарищей по типографіи въ частности. Ему нуженъ былъ поводъ излить накопившуюся желчь противъ всѣхъ, кто, по его мнѣнію, понимаетъ лучше другихъ, а самъ дѣлаетъ не то, что думаетъ. Гвоздевъ по натурѣ протестантъ, онъ «чувствуетъ обиду въ своемъ положеніи», какъ онъ поясняетъ потомъ редактору, противъ котораго лично ничего не имѣетъ, даже сочувствуетъ ему. «Знаю я... газета! Уѣстъ она вамъ половину жизни, все здоровье на нее просадите. Я вѣдь понимаю! Онъ, издатель-то, что? У него въ газетѣ деньги, а у васъ—кровь!» Гвоздевъ ищетъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ и возстаетъ противъ «разныхъ точекъ зрѣнія», съ которыхъ люди на себя смотрятъ.

«— Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца! Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливости жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки зрѣнія забраковать? А я забракованъ въ жизни: нѣтъ мнѣ въ ней хода... По-

чему-съ? Потому что не ученъ? Такъ вѣдь ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе—должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь наверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или съ точки зрѣнія не должны?»

Отъ смущеннаго редактора онъ требуетъ чего-нибудь такого, «что сразу по недугу мнѣ пришлось», какъ Коноваловъ требовалъ отъ своего собесѣдника такого слова, которое сразу указало бы ему «порядокъ жизни», какъ Орловъ ищетъ такого подвига, чтобы сразу всѣхъ спасти. Они всѣ родственныя натуры, безпокойныя души, которыя не могутъ примириться съ установленнымъ порядкомъ вещей. Они чувствуютъ несправедливость и, не видя выхода, думаютъ, что есть какой-то талисманъ, который стоитъ только найти, чтобы все уладить, всѣхъ умиротворить и все привести въ ясность. Имъ и въ голову не приходитъ, что все это вѣковѣчные вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ бьется человѣчество уже тысячелѣтія, не находя отвѣта, да и врядъ ли когда найдетъ его. Для насъ интересны не эти вопросы, а сами вопрошающіе, какъ замѣчаетъ редакторъ, для котораго рѣчи Гвоздева «являются новостью въ томъ смыслѣ, что раньше ихъ говорили люди иного сорта».

Новые люди сильно отличаются отъ прежнихъ хотя бы уже тѣмъ, что несправедливость жизни они испытываютъ гораздо чувствительнѣе. Для нихъ эти вопросы представляютъ не теоретическій интересъ, для нихъ это не идейные вопросы, а сама жизнь во всемъ ея жестокомъ значеніи. Гвоздевъ, напр., былъ когда-то товарищемъ дѣтскихъ игръ своего редактора. Вмѣстѣ съ кучей такихъ же дѣтей городской бѣдноты, онъ, сынъ мѣщанина, ходилъ въ одно и то же училище, игралъ, дрался съ ними, а теперь онъ—простой рабочій, «озорникъ», тогда какъ его товарищи теперь командуютъ имъ. «Почему?—страстно вопрошаетъ онъ редактора.—И я, и вы люди изъ одной улицы и одного происхожденія... Вы не настоящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату взятки гладки. Тѣ скажутъ: «пшолъ къ чорту!»—и пойдешь. Потому они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы—свой братъ, и я могу требовать съ васъ указанія пути моей жизни. Я мѣщанинъ, и Хрулевъ тоже, и вы—дьяконовъ сынъ... Какъ вы думаете, легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей, которымъ я въ старину носы расквашивалъ? Легко мнѣ съ господина судебнаго слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ работу дѣлалъ, сорокъ копѣекъ на чай получать? Вѣдь онъ человѣкъ одного со мной ранга... И было ему имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и по сейчасъ, какъ тогда были»...

Ни Гвоздевъ, ни Коноваловъ, ни Орловъ не могутъ удовлетвориться теоретическимъ отвѣтомъ, «точка зрѣнія», вѣская и значительная для человѣка идеи, не имѣетъ смысла въ глазахъ ихъ, людей жизни. Это и дѣлаетъ ихъ исканіе такимъ страстнымъ, безпокойнымъ, жуткимъ, а самое положеніе трагическимъ. Жизнь не даетъ отвѣта на эти запросы, а выносить эту жизнь они не могутъ. И они уходятъ въ босую команду, унося туда свое озлобленіе и жгучую боль неудовлетворенныхъ желаній и неразрѣшимыхъ думъ. Человѣкъ теоріи, идеи можетъ найти утѣшеніе, безкорыстно жертвуя собой, своимъ знаніемъ, трудомъ, жизнью, вырывая у смерти Мишку-вора и тысячи такихъ же товарищей Орлова. Но Орловъ не можетъ, потому что онъ и есть та масса, ради которой приносятся эти жертвы, и знаетъ, что въ концѣ концовъ даже и лучше, чтобы Мишка отправился къ праотцамъ. Редакторъ, идеалистъ и защитникъ обездоленныхъ, находитъ для себя стимулъ къ жизни въ борьбѣ за фабричное законодательство, а Гвоздевъ по своему правъ, когда всю эту защиту называетъ «говореньемъ ерунды и чепухи».

На ряду съ безпокойными душами, ищущими справедливости и гибнущими

отъ противорѣчій мысли и дѣйствительности, босая команда даетъ прибѣжище и другимъ несчастливцамъ, потерпѣвшимъ крушеніе на разныхъ поприщахъ жизни. Это «бывшіе люди», занимавшіе то или иное привилегированное положеніе и постепенно опустившіеся. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ очерковъ «Бывшіе люди» авторъ выводитъ нѣсколькихъ представителей этого типа. Во главѣ ихъ идетъ ротмистръ Кувалда, содержатель ночлежки въ полуразрушенномъ домѣ купца Петунникова, философъ циникъ и большой оптимистъ въ то же время. Его ночлежка является центромъ, гдѣ ютится всякая голь перекатная, когда рѣшительно ужъ некуда идти. Среди своихъ кліентовъ Кувалда играетъ роль признаннаго вождя, главы и руководителя, въ которомъ золоторотцы цѣнятъ прежде всего умственность и философское отношеніе къ земнымъ радостямъ и горестямъ. Подъ грубой оболочкой ротмистра, скрывается бездна добродушія и чисто человѣческаго отношенія ко всѣмъ потерпѣвшимъ крушеніе, которыхъ онъ умѣетъ не только пріютить, но и поддержать въ минуту жизни трудную. Самъ горькій пьяница и почти нищій, онъ съ любовью заботится объ единственномъ изъ своихъ жильцовъ, бывшемъ учителѣ, въ которомъ сохранилась еще искра божія. Кувалда чувствуетъ себя сносно въ своемъ положеніи и если подчасъ разражается противъ общества, изъ котораго онъ вынужденъ былъ уйти навсегда, то больше съ общей точки зрѣнія. Глубоко ненавидитъ онъ только купца Петунникова, олицетворяющаго въ его глазахъ насилье и грубую эксплуатацію капитала,

Самымъ виднымъ членомъ ночлежки послѣ Кувалды является учитель, тоже спившійся и глубоко несчастный человѣкъ, яснѣе другихъ понимающій ту бездну, въ которой ему приходится кончать свое существованіе. Перебиваясь репортерствомъ и мелкимъ хожденіемъ по дѣламъ, онъ могъ бы выйти изъ этой ямы, если бы не общая надломленность, отсутствіе воли и той силы, которая необходима для жизни и заключается въ вѣрѣ въ себя, въ плодотворность борьбы, хотя бы и незначительной. Учитель—глубокій пессимистъ, потерявшій вѣру въ общество, въ людей, въ возможность перемѣны. Онъ любитъ только дѣтей, которыхъ жизнь еще не изломала, и водку, цѣлительницу отъ всѣхъ недуговъ.

Около этихъ двухъ центральныхъ фигуръ группируются остальные члены союза «бывшихъ людей», совершенно погибшіе люди, опустившіеся до той ступени, когда человѣкъ уже перестаетъ различать добро и зло и становится равнодушенъ ко всему окружающему. Ничто не связывало этихъ людей, не объединяло, не давало смысла ихъ существованію, что и выражалъ философъ Кувалда въ афоризмѣ: «мы всѣ живемъ безъ достаточнаго къ тому основанія». Такая жизнь безъ смысла и цѣли не можетъ не ожесточать людей, и въ ихъ разсужденіяхъ слышится подчасъ глухая угроза тѣмъ счастливцамъ, которые съумѣли занять болѣе удобныя мѣста на жизненномъ пиру. Сквозь мракъ и холодъ, которымъ вѣетъ отъ общества этихъ «бывшихъ людей», проблескиваютъ искры огня, таящагося подъ пепломъ въ ихъ сожженныхъ сердцахъ. Они страшны, имъ терять нечего, и въ глазахъ остальныхъ жильцовъ ночлежки являются естественными вождями, какъ болѣе опытные и понимающіе.

Какія мысли иногда бродятъ въ ихъ отуманенныхъ виномъ и голодомъ головахъ, авторъ показываетъ во время чтенія газеты, приносимой обыкновенно по вечерамъ учителемъ-репортеромъ. Кувалда злобствуетъ больше всего противъ «купца», который все подавилъ—и дворянина, и мужика.

«Если въ криминальныхъ отдѣлахъ газеты дѣйствующимъ и страдающимъ лицомъ является купецъ, Аристидъ Кувалда искренно ликуетъ. Обворовали купца—прекрасно! Только жаль, что мало. Лошади его разбили, пріятно слышать, но прискорбно, что онъ остался живъ. Искъ проигралъ купецъ—велико-

лѣпно, но печально, что судебныя издержки не возложили на него въ удвоенномъ количествѣ.

«— Это было бы незаконно,—замѣчаетъ учитель.

«— Незаконно? Но законенъ ли самъ купецъ?—горячо спрашиваетъ Кувалда.—Что есть купецъ? Разсмотримъ это грубое и нелѣпое явленіе: прежде всего каждый купецъ—мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, они не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ купецъ—мошенникъ-мужикъ!..

«— Если бы я писалъ въ газетахъ!—восклицаетъ онъ:—о, я бы показалъ купца въ его настоящемъ видѣ! Я бы показалъ, что онъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ, не имѣетъ вкуса къ жизни, не имѣетъ представленія объ отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ.

«— Я повторяю,—болѣе спокойно продолжаетъ онъ,—я вижу жизнь въ рукахъ враговъ, не враговъ только дворянина, но враговъ всего благороднаго, алчныхъ, неспособныхъ украсить жизнь чѣмъ-либо...

«— Однако, братъ,—говоритъ учитель,—купцы создали Геную, Венецію, Голландію,—это купцы, купцы Англіи завоевали своей странѣ Индію, купцы Строгановы...

«— Какое мнѣ дѣло до этихъ купцовъ? Я имѣю въ виду Іуду Петунникова и иже съ нимъ...

«— А до этихъ тебѣ какое дѣло?—тихо спрашиваетъ учитель.

«— А развѣ я не живу? Ага? Живу,—значитъ долженъ негодовать при видѣ того, какъ жизнь портятъ дикіе люди, полонившіе ее.

«— И смѣются надъ благороднымъ негодованіемъ ротмистра и человѣка въ отставкѣ,—задираетъ Объѣдокъ (прозвище одного изъ членовъ ночлежки).

«— Хорошо! Это глупо... я согласенъ. Какъ бывшій человѣкъ, я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно... Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства?.. Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... Намъ нужно что-то такое, новое... ибо и мы въ жизни новость...

«— И какая мы новость?—усмѣхается Объѣдокъ,—гольтепа всегда была.

«— И она создала Римъ,—говоритъ учитель.

«— Да, конечно,—ликуетъ ротмистръ.—Ромулъ и Ремъ—развѣ они не золоторотцы? И мы—придетъ нашъ часъ—создадимъ...

«— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія,—перебиваетъ Объѣдокъ...

«Странно было видѣть такъ разсуждающими этихъ людей, изгнанныхъ изъ жизни, рваныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью»,—замѣчаетъ авторъ.

Но какъ ни странны эти разсужденія, въ основѣ нелѣпыя и дѣтски-наивныя, они понятны, если принять во вниманіе психологію этихъ потерянныхъ людей. Имъ, дѣйствительно, ничего не осталось въ жизни, кромѣ мечтаній о возможности чего-то новаго, что должно воскресить ихъ, дать смыслъ и цѣль ихъ существованію. Кувалда, конечно, жестоко заблуждается, полагая, что такая «гольтепа» можетъ сама создать это новое. Нищенскій пролетаріатъ, къ которому они принадлежатъ, никогда и ничего не создавалъ. Онъ всегда былъ отбросомъ, который остается отъ созидательной работы, и если играетъ иногда роль, то исключительно разрушительную, разлагающую. Въ лучшемъ случаѣ «бывшіе люди» являются ферментомъ, нужнымъ для броженія, ферментомъ, скорѣе опаснымъ, чѣмъ полезнымъ въ общественномъ смыслѣ, какъ элементы, не способные и не поддающіеся дисциплинѣ.

Относясь съ симпатіей и жалостью къ этимъ отверженцамъ, авторъ не скрываетъ ихъ дурныхъ сторонъ, замѣчая, что по испорченности и глубинѣ паденія они далеко превосходили тотъ деревенскій людъ, который, не найдя успѣха въ городѣ, опускался до «босой команды». Въ то же время онъ вполнѣ правдиво отличаетъ и особое значеніе «бывшихъ людей» въ средѣ мелкаго обездоленнаго люда глухихъ закоулковъ. «Они вносили,—говоритъ онъ,—въ среду забитыхъ бѣдностью и горемъ обывателей улицы свой духъ, въ которомъ было что-то, облегчавшее жизнь людей истомленныхъ и растерявшихся въ погонѣ за кускомъ хлѣба, такихъ же пьяницъ, какъ обитатели убѣжища Кувалды, и также сброшенныхъ съ города, какъ и они. Умѣнье обо всемъ говорить и все осмѣивать, безбоязненность мнѣній, рѣзкость рѣчи, отсутствіе страха передъ тѣмъ, чего вся улица боялась, безшабашная, бровирующая удаль этихъ людей, не могли не нравиться улицѣ. Затѣмъ, почти всѣ они знали законы, могли дать любой совѣтъ, написать прошеніе, помочь немножко безнаказанно смошенничать. За все это имъ платили водкой и лестнымъ удивленіемъ предъ ихъ талантами».

Слѣдить за измѣненіями судебъ команды «бывшихъ людей» мы не станемъ,—слишкомъ эта судьба обыкновенна. Постепенно растущій городъ выбрасываетъ ихъ еще дальше, когда столь ненавистный Кувалдѣ купецъ Петунниковъ воздвигаетъ новую фабрику и изгоняетъ Кувалду и его присныхъ съ насиженнаго мѣста. Команда разбредается въ поискахъ болѣе удаленныхъ угловъ, гдѣ бы можно было сложить усталыя кости.

Сопоставляя эти два типа—«бывшихъ людей» и безпокойныхъ душъ, какъ Коноваловъ, Орловъ и Гвоздевъ,—ясно видно, на чьей сторонѣ симпатіи автора. «Бывшіе люди»—это отбросъ, къ которому онъ такъ и относится, хотя и жалѣетъ ихъ. Безпокойныя души—это родственныя ему натуры, которыя онъ вырисовываетъ съ нескрываемымъ интересомъ, муки которыхъ ему близки и понятны. Лучшіе очерки посвящены имъ, и несомнѣнный крупный талантъ г. Горькаго развертывается въ нихъ съ особымъ блескомъ и оригинальностью. «Коноваловъ» и «Супруги Орловы» написаны превосходно и за послѣдній годъ представляютъ лучшія художественныя произведенія въ текущей литературѣ. Языкъ г. Горькаго необыкновенно гармонируетъ съ описываемыми имъ типами, по своей простотѣ и безъискусственности, а превосходное знаніе среды дѣлаетъ эти очерки своего рода шедеврами. Жизнь героевъ, ихъ характеры, самыя сложныя душевныя движенія развертываются предъ читателями естественно, живо, безъ всякихъ преувеличеній и прикрасъ, безъ неудачныхъ попытокъ на нарочитую глубину, что въ общемъ производитъ впечатлѣніе полнѣйшей искренности и правдивости. Авторъ много видѣлъ, много думалъ, много и самъ перенесъ тяжелаго и безотраднаго, но, какъ истинный художникъ, нигдѣ не выдвигаетъ себя, и только въ образахъ, очерченныхъ смѣло и ярко, можно прочесть безпокоющія его мысли, волненія и желанія. Глухіе и мрачные закоулки большихъ городовъ, куда онъ вводитъ читателя, оживаютъ, встаютъ въ этихъ очеркахъ, какъ живой укоръ обществу, мало обращающему на нихъ вниманія, а жизнь, кипящая тамъ, своеобразная и мало изслѣдуемая до сихъ поръ, раскрывается съ такихъ сторонъ, которыя открываютъ новыя перспективы. Вопросы, теоретически волнующіе многихъ читателей, здѣсь волнуютъ какъ жестокая дѣйствительность, требующая практическихъ отвѣтовъ.

Кромѣ этихъ очерковъ, лучшихъ и наиболѣе содержательныхъ, очень характерны для пониманія таланта г. Горькаго разсказъ «Тоска» и двѣ поэтическія картинки «Максимъ Чудра» и «Старуха Изергиль». Не смотря на совершенно разную обстановку дѣйствія, совершенно различные типы, во всѣхъ трехъ очеркахъ звучитъ одна основная нота. Въ первомъ старый мельникъ, повидимому, вполнѣ благополучный, не находитъ себѣ мѣста отъ охватившей

его тоски и глубоко завидуетъ своему работнику, который въ жизни выше всего ставитъ «приволье», т. е. независимость и полную свободу воли. «Нѣтъ!— говоритъ работникъ,—я уйду. Въ степь надо,—приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ жалко будетъ—привыкъ. А уйду, потому тянетъ. Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ—пиши пропалъ человѣкъ». Мельника поражаетъ эта способность Кузьмы—«не спорить противъ себя», онъ хотѣлъ бы отдатся тоже какому-либо сильному чувству, которое всецѣло охватило бы его, и не можетъ: его душа, размѣнявшаяся на мелочи въ погонѣ за благополучіемъ, не способна къ сильнымъ порывамъ, не можетъ жить по своей волѣ, не подчиняясь разъ навсегда установленнымъ правиламъ. Онъ не въ силахъ «дать себѣ просторъ», и его тоска разрѣшается дикимъ разгуломъ, отъ котораго на душѣ мельника становится еще тяжелѣе.

«Приволье», свобода, возможность подчиняться только своей волѣ, идти за нею, отдаваясь своимъ порывамъ—вотъ цѣль жизни, сущность ея. Эта мысль еще яснѣе проведена въ поэтическомъ очеркѣ «Максимъ Чудра». Ночью среди необъятной степи, лежа у костра и любуясь бездоннымъ темносинимъ небомъ, старый цыганъ Чудра излагаетъ свою житейскую философію автору.

«—Такъ ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю себѣ выбралъ, соколъ. Такъ и надо,—ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай... Жизнь, иные люди?—продолжалъ онъ, скептически выслушавъ мои возраженія на его «такъ и надо».—Эге! А тебѣ что до того? Развѣ ты самъ не жизнь? А другіе люди живутъ безъ тебя и проживутъ безъ тебя. Развѣ ты думаешь, что ты кому-то нуженъ? Ты не хлѣбъ и не палка, ну и не нужно тебя тамъ... Смѣшные они, тѣ твои люди. Сбились въ кучу и давятъ другъ друга, а мѣста на землѣ вонъ сколько,—онъ широко повелъ рукой на степь.—И все работаютъ. Зачѣмъ, кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ, и думаешь: вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источитъ на землю, а потомъ ляжетъ въ нее и сгніетъ. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не увидитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился, дуракомъ .. А я, вотъ смотри, въ 58 лѣтъ столько видѣлъ, что коли написать все это на бумагѣ, такъ въ тысячу такихъ торбъ, какъ у тебя, не уложишь. А ну-ка, скажи, въ какихъ краяхъ я былъ? И не скажешь! Ты и не знаешь такихъ краевъ, въ какихъ я бывалъ. Такъ нужно жить,—идп, иди и все тутъ. Долго не стой на одномъ мѣстѣ,—чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ, вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобъ не разлюбитъ ее. А задумаешься, разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ»...

И старуха Изергиль проводитъ ту же философію свободной жизни, не связанной обычаями и условностями, отданной всецѣло жизни ради самой жизни. Эта философія, увлекательная и жизнерадостная, составляетъ фонъ большинства очерковъ г. Горькаго. Всѣ его герои такъ или иначе увлечены ею, живутъ то стремленіемъ къ свободѣ, то исканіемъ такой жизни, гдѣ свобода составляетъ все содержаніе. Лучшіе типы въ его разсказахъ тѣ же цыгане, которые бредутъ туда, куда ихъ влечетъ свободное сердце, тоскующее за привольемъ. Такова Мальва въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, и босякъ Сережка, который ей высказываетъ такое же пониманіе жизни, какъ и цыганъ Максимъ Чудра. Таковъ и Емельянъ Пиляй, голодный, оборванный, восхищающійся широкимъ просторомъ степи. И самый типъ босяка, съ различныхъ сторонъ вырисовывающійся въ разсказахъ г. Горькаго, тоже искатель приволья, вѣчнаго движенія, жизни, свободной отъ разныхъ условностей и тягости, стѣсняющихъ проявленіе воли, что придаетъ этому типу жизнерадостный и бодрый характеръ, не смотря на удручающія условія его жизни.

Отъ большинства очерковъ г. Горькаго вѣетъ этимъ свободнымъ дыханіемъ степи и моря, чувствуется бодрое настроеніе, что-то независимое и гордое, чѣмъ

они рѣзко отличаются отъ очерковъ другихъ авторовъ, касавшихся того же міра нищеты и отверженности. Это настроеніе передается и читателю, что придаетъ очеркамъ г. Горькаго особую прелесть свѣжести, новизны и жизненной правды.] А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Разорившаяся губернія. Въ «Ставропольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщено сообщеніе мѣстной губернской администраціи о положеніи Ставропольской губерніи, являющейся едва ли не наиболѣе пострадавшей изъ всѣхъ губерній, подвергшихся неурожаю прошлаго года. Пользуясь этимъ сообщеніемъ, Я. Абрамовъ пишетъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Бѣдствіе, постигшее Ставропольскую губернію, поистинѣ ужасно. Какъ видно изъ названнаго сообщенія, въ Ставропольской губерніи къ осени 1897 года было въ наличности въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ сельскихъ обществъ болѣе 2.700.000 пудовъ хлѣба. Хлѣбъ этотъ былъ собранъ въ теченіе десятка лѣтъ и составлялъ гордость мѣстной администраціи, постоянно указывавшей на хлѣбозапасные магазины, какъ на могучую защиту населенія губерніи, могущую спасти его отъ всякаго продовольственнаго бѣдствія. И дѣйствительно, эти громадные хлѣбные запасы сыграли въ нынѣшнемъ году свою роль. Въ настоящее время, какъ видно изъ того же сообщенія ставропольской администраціи, въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ губерніи осталось лишь немного болѣе 300 тыс. пуд. хлѣба. Такимъ образомъ, то, что накоплялось въ теченіе десятка лѣтъ, было съѣдено въ продолженіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Всего выдано въ ссуду населенію изъ запасныхъ магазиновъ 2.371.510 пуд. зерна. Къ этому надо присоединить еще 149 тыс. рублей, отпущенныхъ на продовольствіе и обсѣмененіе по Ставропольской губерніи изъ губернскаго и имперскаго продовольственныхъ капиталовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, поступившихъ отъ общества «Краснаго Креста» и другихъ благотворительныхъ учрежденій. Всего для помощи населенію Ставропольской губерніи понадобилось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе 2 съ половиною милліоновъ пудовъ хлѣба. Эти два съ половиною милліоновъ пудовъ хлѣба попали почти исключительно въ руки тѣхъ 600 тыс. человѣкъ. изъ которыхъ состоитъ коренное, числящееся въ мѣстныхъ сельскихъ обществахъ, населеніе губерніи. Такимъ образомъ, каждый членъ сельскихъ обществъ Ставропольской губерніи получилъ, безъ различія пола и возраста, въ ссуду и лишь отчасти въ безвозвратное пособіе не менѣе 4 пудовъ хлѣба. Въ такомъ размѣрѣ помощь не была оказана никакой другой губерніи ни въ нынѣшнемъ году, ни въ памятные 1891—1892 годы. Нигдѣ,—ни тогда, ни теперь,—размѣръ выдачи ссудъ и пособій вмѣстѣ не достигалъ такой высоты, при распредѣленіи сдѣланныхъ выдачъ на все населеніе той или иной губерніи поголовно. Очевидно, размѣръ нужды въ Ставропольской губерніи въ настоящемъ году достигъ чрезвычайнаго размѣра. Въ сущности, послѣдніе три года для Ставропольской губерніи были почти одинаково неурожайными, и если населеніе не бѣдствовало въ два предыдущіе года въ такой мѣрѣ, какъ бѣдствуетъ въ нынѣшнемъ, то лишь благодаря остаткамъ прежняго благосостоянія, которые

и ликвидировались въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ. Въ настоящее время разореніе населенія полное, и такъ какъ оно потеряло въ этомъ году массу остававшагося еще у него скота (частью распроданъ зимою въ виду безкормицы, частью погибъ въ бураны апрѣля), а посѣвы въ нынѣшнемъ году сдѣлало въ значительно меньшихъ противъ предыдущихъ лѣтъ размѣрѣ, то нѣтъ надежды на поправку даже въ случаѣ хорошаго урожая въ нынѣшнемъ году. Между тѣмъ, надежды на урожай нынѣшняго года слабы. Озимые всходы во многихъ мѣстахъ уже пропали, а главные мѣстные хлѣба — озимые, такъ какъ яровые только дополняютъ доходъ отъ озимыхъ хлѣбовъ».

Движеніе на заработки и условія труда. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» сообщены интересныя свѣдѣнія о вліяніи неурожая на движеніе рабочихъ. Оказывается, что недородъ особенно отозвался на увеличеніи выхода крестьянъ изъ центрально-земледѣльческихъ губерній. Уже въ половинѣ января на югѣ обнаружился небывалый наплывъ рабочихъ, преимущественно изъ Орловской и Курской губерній. Движеніе направлялось, главнымъ образомъ, къ новымъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ и каменноугольнымъ шахтамъ. Но здѣсь рабочихъ ждало большею частью разочарованіе: требовались исключительно рабочіе, знакомые съ техникой производства, а такихъ среди прибывшихъ не оказывалось. Изъ Тамбовской губерніи былъ «сильный выходъ» крестьянъ, знакомыхъ съ какимъ-нибудь ремесломъ. Шли въ Сибирь и на шахты, при чемъ на шахты шли заранѣе законтрактованные подрядчиками. Изъ тѣхъ же центральныхъ земледѣльческихъ губерній шло преимущественно въ Донскую область и на Кавказъ много сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Объ условіяхъ этого передвиженія рабочихъ изъ центральныхъ губерній на югъ «Новости» пишутъ: «Товарные вагоны, лишенные всякихъ приспособленій для помѣщенія въ нихъ людей, набиваются биткомъ. Духота и грязь поэтому здѣсь невѣроятныя. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ обычнымъ потребленіемъ грязной воды и весьма недоброкачеественныхъ продуктовъ, служитъ причиною распространенія между рабочими всякаго рода инфекціонныхъ болѣзней. Только въ Херсонской губерніи земство позаботилось устроить на главнѣйшихъ пунктахъ сбора рабочихъ дешевыя столовыя, больницы и амбулаторные пріемы. Во всѣхъ прочихъ губерніяхъ они предоставлены собственной судьбѣ. Къ счастью, въ лучшихъ условіяхъ передвиженія находятся рабочіе, прибывающіе сюда изъ верхнеднѣпровскихъ районовъ на судахъ собственнаго издѣлія, именуемыхъ «дубками».

О самыхъ размѣрахъ передвиженія рабочихъ можно судить по цифрамъ ихъ, установленнымъ регистраціей только для одного изъ пунктовъ найма, именно— мѣстечка Каховки, Таврической губ. 9 мая здѣсь собирается обыкновенно до 25 тыс. рабочихъ. Всѣ они располагаются бивуаками, подъ открытымъ небомъ, вблизи кабаковъ и харчевень. Всего же въ Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую губерніи ежегодно прибываетъ на лѣто до 300 тыс. рабочихъ.

Что же касается условій труда сельскохозяйственныхъ рабочихъ, то «Одесскія Новости» пишутъ объ этомъ слѣдующее: «Цѣлый рядъ изслѣдованій, какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ и частныхъ лицъ, раскрылъ передъ нами такую картину жизни рабочихъ въ экономіяхъ, что весь ореолъ, которымъ окружили земледѣльческій трудъ сентиментальные поэты, знакомые съ нимъ по своимъ собственнымъ фантазіямъ, разлетѣлся, какъ паръ».

Изслѣдованіе, произведенное комиссіею т. с. Звегинцева, описываетъ въ такихъ краскахъ санитарную обстановку труда въ экономіяхъ. Въ большинствѣ экономій вовсе нѣтъ казармъ; рабочіе до поздней осени живутъ въ степи, зарываясь на ночь отъ непогоды въ стогахъ, или укрываясь въ малогодныхъ для этой цѣли шалашахъ. Тамъ же, гдѣ казармы имѣются, онѣ тѣсны, устроены

безъ соблюденія элементарныхъ требованій гигіены и не имѣютъ женскихъ отдѣленій. Питаніе было найдено недостаточнымъ, однообразнымъ (главнымъ образомъ, изъ растительныхъ продуктовъ) и недоброкачественнымъ. Обращеніе съ рабочимъ оказалось не въ мѣру рѣзкимъ, даже грубымъ, вызывающимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдователи натыкались даже на факты примѣненія по отношенію къ рабочимъ тѣлесныхъ наказаній со стороны грубыхъ и невѣжественныхъ приказчиковъ и надсмотрщиковъ. Рабочій день изслѣдователями былъ признанъ слишкомъ продолжительнымъ, и этого нельзя было не признать, разъ нашъ сельскій рабочій работаетъ не менѣе 15—16 часовъ въ сутки подъ палящими лучами солнца и на самыхъ трудныхъ работахъ. Затѣмъ было обращено вниманіе на травматическія поврежденія рабочихъ, связанныя съ работой на сельскохозяйственныхъ машинахъ, которыя, кромѣ того, дѣлаютъ болѣзнь глазъ и дыхательныхъ органовъ профессіональной болѣзнью извѣстной категоріи сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и на промыслахъ. Въ числѣ отчетовъ на XII съѣздѣ нефтепромышленниковъ въ Баку обращаетъ на себя вниманіе отчетъ по врачебной и санитарной части на промыслахъ. «Торг.-Пром. Газ.» знакомитъ по этимъ отчетамъ съ состояніемъ помѣщеній для рабочихъ на промыслахъ.

Всѣ существующія на промыслахъ спеціально жилыя помѣщенія можно раздѣлить на 3 главныхъ категоріи: а) казармы, б) такъ называемые нумера или мелкія квартиры въ 1—2 комнаты и в) квартиры болѣе зажиточной части промысловаго населенія. Въ самомъ ужасномъ состояніи находятся казармы или, скорѣе, полутемныя комнаты, которыя сдаются сельчанами селеній Сабунчи, Романы и Балаханы артелямъ чернорабочихъ. Большею частью сырыя, низкія конуры съ земляными полами; съ небольшимъ окошечкомъ, а иногда и безъ него, безъ всякой, конечно, вентиляціи, съ подобіемъ плиты, помѣщающейся въ той же комнатѣ, производятъ самое тягостное впечатлѣніе. Въ такой небольшой комнатѣ помѣщается иногда до 10—15 рабочихъ; спятъ они вповалку на земляномъ полу, постелью имъ служатъ собственныя лохмотья, которыми также и прикрываются; тутъ на каждаго рабочаго едва приходится $^1/_2$—$^3/_4$ куб. саж. воздуха, испорченнаго сыростью и копотью изъ кое-какъ слѣпленной печи. Въ мало-мальски удовлетворительномъ санитарномъ состояніи находятся казармы только нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ.

Курьерскій сквозной поѣздъ на сибирскомъ пути. Въ настоящее время изъ Москвы въ Томскъ уже ходитъ курьерскій сквозной поѣздъ. Состоитъ онъ изъ пяти вагоновъ (багажнаго, салона, двухъ вагоновъ 2 кл. и одного вагона 1 кл.) и находится въ дорогѣ менѣе 6 сутокъ. Обыкновенный поѣздъ это разстояніе проходитъ въ 8 1/2 сутокъ.

По отзывамъ газетъ, по обстановкѣ и предоставленнымъ для пассажировъ удобствамъ, это первый поѣздъ въ Европѣ, подобныхъ поѣздовъ въ Америкѣ даже немного. Поѣздъ отвѣчаетъ всѣмъ современнымъ требованіямъ гигіены, удобства и безопасности; конструкція вагонныхъ телѣжекъ настолько совершенна, что не ощущается никакого сотрясенія. Переходъ изъ одного вагона въ другой соединенъ гармониками, благодаря чему совершенно безопасенъ; освѣщается поѣздъ электричествомъ; отопленіе водяное и температура можетъ быть регулируема въ каждомъ вагонѣ по желанію. Точно также и влажность воздуха можетъ быть по желанію усилена или ослаблена. Надъ вагонами устроены респираторы, гдѣ скопляется воздухъ, который потомъ проходитъ по трубамъ, положеннымъ во льду, и уже охлажденный входитъ въ вагонъ, но не струями, чтобы не простудиться, а пластами. Всѣ машины для электрическаго освѣщенія, вентиляціи и пр. помѣщаются въ передней части багажнаго вагона, за которымъ слѣдуютъ вагоны 2 кл., раздѣленные вагономъ-салочъ. Первый и второй

классъ мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого. Каждый вагонъ состоитъ изъ отдѣльныхъ купе для некурящихъ и общаго купе для курящихъ, которое на ночь закрывается драпировками. Мѣста въ вагонахъ нумерованныя и у каждаго имѣется свой столикъ. Въ каждомъ купе, кромѣ общаго фонаря, имѣется переносная электрическая кабинетная лампа. Надъ диванами помѣщаются рычаги для регулированія температуры и влажности воздуха. По стѣнамъ коридора развѣшаны карты, разставлены письменные приборы и лежитъ бумага и конверты. Въ каждомъ вагонѣ имѣются электрическіе звонки въ буфетъ и къ поѣздной прислугѣ. Уборныя, особенно перваго класса, въ полномъ смыслѣ слова, роскошныя, каждая уборная снабжена всѣми туалетными принадлежностями. Кромѣ этихъ уборныхъ, имѣется еще мраморная ванна, пользоваться которой можно за особую плату (1 р.). Здѣсь же помѣщается душъ съ горячей и холодной водой. Вагонъ-салонъ состоитъ изъ буфета, столовой и библіотеки. Въ буфетѣ можно получать чай, кофе, вина и холодныя закуски. Горячее же можно заказывать по телеграфу, причемъ платы за телеграмму не полагается. Столовая меблирована тяжелой дубовой мебелью, имѣетъ большія окна для того, чтобы любоваться видами. Здѣсь же помѣщается съ одной стороны піанино, а съ другой—шкафъ съ книгами. Въ библіотекѣ имѣются сочиненія, касающіяся Сибири не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, и, кромѣ того, получаются газеты.

Новая бѣда въ Забайкальѣ. Жизнь ставитъ рядомъ жестокія противорѣчія. Сибирь гордится теперь своимъ «великимъ путемъ», растущею культурою края, а наряду съ тѣмъ вотъ что пишутъ въ «Восточное Обозрѣніе» изъ села Зюльзя въ Забайкальѣ, о положеніи цѣлой группы инородцевъ — орочанъ, живущихъ въ мѣстной тайгѣ и причисленныхъ къ зюльзинскому приходу.

Прошлымъ лѣтомъ у этихъ инородцевъ стали падать олени, и у 122 человѣкъ, составляющихъ приходъ, пало болѣе 600 головъ, т. е. весь наличный скотъ. Чтобы оцѣнить всю важность постигшаго инородцевъ бѣдствія, необходимо вспомнить, что у орочанъ единственнымъ товарищемъ въ роковой борьбѣ за существованіе является олень. Безъ него ороченъ пропалъ, т. е. «бѣгать» за звѣремъ въ непроходимыхъ дебряхъ тайги, гдѣ этотъ инородецъ находитъ свое пропитаніе, безъ оленя невозможно. Никакое другое животное, даже лошадь, не можетъ замѣнить въ тайгѣ оленя, и вотъ бѣднымъ инородцамъ грозитъ голодная смерть. Командированный въ Зюльзю ветеринарный врачъ не могъ опредѣлить сущность болѣзни оленей, не могъ поэтому и помочь бѣдѣ. Авторъ письма описываетъ эту болѣзнь такъ: на кожѣ оленя появляются пятна или коросты, послѣ которыхъ начинаетъ падать шерсть. Больныя мѣста страшно зудятся, такъ что пораженныя животныя бѣгаютъ, какъ безумныя, по тайгѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ начала болѣзни олень падалъ. Ветеринаръ поставилъ было діагнозъ о чесоткѣ, но рекомендованныя имъ лѣкарства нисколько не помогли.

У читинской администраціи ороченскій вопросъ является теперь насущнымъ.

Первыми къ нуждающимся орочанамъ начали поступать суммы, пожертвованныя духовнымъ вѣдомствомъ, но инородцы, не смотря на голодъ, отъ денегъ отказались, а просятъ оленей. Дѣйствительно, что дѣлать въ тайгѣ съ деньгами?..

Придти же съ дѣйствительною помощью съ собранными деньгами и невозможно. По самому скромному разсчету голодающимъ инородцамъ—ихъ 19 семей—необходимо 38 оленей, по самцу и самкѣ, стоющихъ значительно болѣе 1.000 р. Считая даже, что уже имѣется 850 р., необходимо достать еще 300—400 р. Сумма небольшая, но ея пока нѣтъ. Если же истратить ассигнованныя деньги на первую помощь голодающимъ въ видѣ хлѣба, то это будетъ временное избавленіе отъ смерти, которая тотчасъ же явится опять.

Необходимо поэтому снабдить орочанъ оленями во что бы то не стало. И

если средства мѣстной администраціи для этого недостаточны, то нужно обратиться съ воззваніемъ къ публикѣ, и мы твердо убѣждены, что 300—400 р. столь незначительная сумма, что добрые люди ее скоро заполнятъ. Надо только спѣшить и, если помогать, то помочь какъ слѣдуетъ, иначе смерть 120 человѣкъ ляжетъ неизгладимымъ позоромъ на все забайкальское общество.

Пришла бѣда—отворяй ворота—говоритъ пословица. Орочанамъ не повезло еще и съ другой стороны. Тайга, которая является единственнымъ рессурсомъ бѣднаго инородца, помимо ожесточеннаго истребленія ея человѣкомъ, стала еще пропадать отъ насѣкомыхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на лиственичный лѣсъ напала гусеница одного шелкопряда, и теперь лучшій лѣсъ на громадномъ протяженіи сталъ сохнуть...

Бороться съ этой бѣдой уже вовсе некому и будущее нашихъ многочисленныхъ здѣсь бродячихъ инородцевъ становится особенно мрачнымъ.

«Сибирская Жизнь» сообщаетъ еще болѣе ужасныя вещи о положеніи инородцевъ въ Тазовскомъ краѣ. «Теперь большинство инородцевъ тазовскаго участка и тымско-каранской остяцкой управы сидятъ только у запоровъ рѣчекъ, въ ямахъ или убогихъ чумахъ, совершенно голые и голодные, питаясь только одною скудною рыбой. Подъ вліяніемъ такой убогой жизни, въ этой ордѣ чаще и чаще стали повторяться случаи съѣданія другъ друга, такъ что даже инородцы другихъ ордъ опасаются близко подходить къ стойбищамъ тазовскихъ остяковъ». Авторъ говоритъ далѣе, что онъ «получилъ въ 1894 году письмо отъ туруханскаго благочиннаго, который пишетъ ему, что, начиная съ 1883 г., въ тазовскомъ приходѣ, по рѣкѣ Тазу, съѣдено людей тазовскими обитателями 20 человѣкъ». Былъ и такой случай: «Разнеслось въ тундрѣ, что самоѣдъ съѣлъ бабу и пару ребятъ. Онъ говоритъ, что они сгорѣли, а народъ говоритъ—съѣлъ. Пріѣхалъ засѣдатель; нашли мѣсто чумовища; дѣйствительно, видятъ,—человѣческія кости валяются и обгорѣли, но только потому, что кости рукъ и ногъ были разбиты ножомъ, какъ добываютъ ножомъ самоѣды мозгъ изъ оленьихъ ногъ, и догадались, что онъ съѣлъ ихъ, а они не сгорѣли. Послѣ онъ сознался, что, дѣйствительно, съѣлъ ихъ съ голода. — «Что же съ нимъ сдѣлали?»—«Посидѣлъ сколько-то при управѣ, по самоѣдскому обычаю, а теперь ходитъ въ тундрѣ свободный».

Событіе въ Андижанѣ. 18-го мая на солдатъ 20-го туркестантскаго линейно-кадроваго батальона, стоявшихъ лагеремъ въ Андижанѣ, Ферганской области, шайкою туземцевъ, подъ руководствомъ нѣкоего Ишана, было произведено нападеніе. Объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ, «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ слѣдующія подробности:

Безпорядки въ Ферганской области, выразившіеся нападеніемъ на лагерь въ Андижанѣ, были задуманы еще около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ. Заговорщики имѣли сторонниковъ почти во всѣхъ уѣздахъ Ферганской области и къ нимъ примкнули нѣсколько оставшихся въ живыхъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ прежняго ханскаго времени. За недѣлю до нападенія, къ Ишану пріѣзжали нѣкоторые представители туземной администраціи, приложившіе свои печати къ воззванію, и за это время въ кишлакѣ Минь-тюбе перебывало очень много народа, преимущественно киргизъ Андижанскаго и Ошскаго уѣздовъ. 17-го мая, вечеромъ, въ кишлакѣ раздались громкіе крики «газаватъ» и въ ту же ночь Ишанъ выступилъ съ толпой болѣе 1.000 человѣкъ по пути въ Андижанъ, выславъ впередъ партію, чтобы перерѣзать телеграфныя проволоки. На дорогѣ былъ убитъ джигитъ, посланный приставомъ Еникѣевымъ съ донесеніемъ о происшедшемъ къ уѣздному начальнику, подполковнику Койшевскому. На дальнѣйшемъ пути къ толпѣ подъѣхалъ бывшій волостной управитель Ганбъ-Назаръ и привезъ голову убитаго русскаго, по всѣмъ предположеніямъ, мѣща-

нина Бычкова, которую онъ положилъ передъ Ишаномъ, а затѣмъ привязалъ за своимъ сѣдломъ, прорѣзавъ уши. Съ приближеніемъ къ Андижану навстрѣчу вышла толпа человѣкъ въ 200, присоединившаяся къ Ишану. Начальство надъ ней принялъ на себя Магометъ-Вюзеленъ, служившій прежде прислугой у русскихъ.

О самомъ нападеніи рапортъ начальника андижанскаго гарнизона Государю Императору передаетъ слѣдующее:

18-го мая, передъ разсвѣтомъ, около трехъ часовъ утра, при совершенной темнотѣ, со стороны «Донъ-Кишлака», прилегающаго своими садами къ правому флангу лагеря, шайка туземцевъ отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ, при полной тишинѣ, подкралась къ лагерю; впереди двигались конные, а за ними пѣшіе туземцы. Подкравшись къ крайнему бараку, занятому первыми тремя взводами 4-й роты 20-го туркестанскаго линейно-кадроваго батальона, они сразу окружили баракъ, бросились въ проходы, стали вскакивать со всѣхъ сторонъ въ пролеты между столбами, поддерживающими крышу барака, и начали бить и рѣзать спавшихъ нижнихъ чиновъ, при тихомъ возгласѣ: «уръ, уръ!» Первый увидѣлъ туземцевъ стоящій дневальнымъ на флангѣ барака рядовой 4-й роты Тютинъ, который не своимъ голосомъ вскрикнулъ и тотчасъ же былъ убитъ. Дневальный съ другого фланга рядовой Масленниковъ, а также дежурный по 4-й ротѣ рядовой Жерновъ и дежурный по двумъ ротамъ старшій унтеръ-офицеръ Степановъ, передъ этимъ читавшій книгу при лампѣ въ 3-мъ взводѣ, бросились на шумъ, съ крикомъ: «вставайте, въ ружье!»

Въ поднятой тревогѣ нѣкоторымъ солдатамъ удалось пробиться къ бараку 5-ой роты и поднять ее. Подпоручикъ Карселадзе, остававшійся временно за командира 5-й роты, уволеннаго въ городъ Маргеланъ, и ночевавшій въ баракѣ, отведенномъ для околотка и расположенномъ въ шагахъ тридцати позади бараковъ передней линіи, услыхавъ возгласы: «уръ, уръ», схватилъ изъ-подъ подушки револьверъ, выскочилъ изъ барака и, увидѣвъ, что баракъ 4-й роты весь окруженъ конными туземцами, сдѣлалъ послѣдовательно въ туземцевъ четыре выстрѣла и бросился за 5-й ротой. Около половины роты выступили съ ружьями передъ баракъ и, наступая съ обѣихъ сторонъ барака, штыками стали отбивать туземцевъ, а въ это время фельдфебель и дежурный по ротѣ раздавали другой половинѣ роты караульные патроны, хранившіеся въ ротной канцеляріи, въ количествѣ одного ящика. Подпоручикъ Карселадзе съ этими людьми бросился на туземцевъ, съ крикомъ «ура» и барабаннымъ боемъ, открывъ по нимъ учащенный огонь. Туземцы отбивались шашками, кинжалами, батиками, копьями и серпами. Когда туземцы были выбиты изъ лагеря, нижніе чины остановились у крайняго фаса барака 4-й роты, продолжая стрѣлять учащеннымъ огнемъ; при отступленіи туземцы также начали стрѣлять изъ имѣвшихся у нихъ револьверовъ, карабиновъ и другихъ ружей. Когда мѣстность передъ бараками очистилась, то нижніе чины увидѣли стоявшаго въ шагахъ пятнадцати отъ барака муллу, который держалъ передъ собой коранъ и что-то читалъ съ поднятыми къ небу глазами; около муллы, съ обѣихъ сторонъ, стояло человѣкъ десять туземцевъ съ двумя небольшими значками краснаго и бѣлаго цвѣтовъ; всѣ эти туземцы были вооружены револьверами, изъ которыхъ и стрѣляли въ нижнихъ чиновъ; но всѣ эти люди тотчасъ же были убиты нижними чинами. Туземцы отступали очень быстро, подхватывая своихъ раненыхъ и убитыхъ. Нижніе чины, за неимѣніемъ патроновъ, преслѣдовать туземцевъ не могли. При наступленіи, подпоручикъ Карселадзе выстрѣломъ изъ револьвера сбилъ съ лошади знаменщика съ шелковымъ зеленымъ знаменемъ, а другимъ убилъ подъ знаменщикомъ лошадь; тогда рядовой 4-й роты Титовъ ткнулъ штыкомъ въ падавшаго знаменщика, и знамя было взято подпоручикомъ Карселадзе. Отъ начала нападенія туземцевъ до ихъ бѣгства прошло не болѣе десяти или пятнадцати минутъ.

Въ лагерѣ находилось всего 163 нижнихъ чиновъ. Изъ этого состава выбыло изъ строя: убитыми два унтеръ-офицера и девятнадцать рядовыхъ, тяжело ранеными—четырнадцать нижнихъ чиновъ, изъ числа которыхъ одинъ умеръ на другой день, легко раненыхъ—пять нижнихъ чиновъ.

Въ виду паническаго страха русскаго населенія города, жены и дѣти на слѣдующую ночь были собраны въ крѣпость, гдѣ находился весь гарнизонъ и куда были перенесены деньги изъ почтовой конторы и казначейства. Съ прибытіемъ ротъ изъ Оша и Маргелана и съ пріѣздомъ генерала Повало-Швейковскаго, жизнь города пошла спокойнѣе.

Въ погоню за бѣжавшей партіей былъ посланъ поручикъ Агабековъ, захватившій предводителя—Ишана. Затѣмъ, 23-го мая, вечеромъ, однимъ изъ волостныхъ старшинъ былъ пойманъ видный сотрудникъ Ишана—Субтанкулъ и у него было отобрано письмо изъ Константинополя, имѣющее сомнительный штемпель, въ которомъ Ишанъ назначается помощникомъ халифа.

Въ Ошѣ, въ Андижанѣ и другихъ мѣстахъ произведены многочисленные аресты туземцевъ.

Въ Андижанѣ найденъ документъ въ коранѣ убитаго муллы, читавшаго коранъ во время нападенія на лагерь. Документъ представляетъ воззваніе о священной войнѣ и имѣетъ печати двѣнадцати человѣкъ разныхъ уѣздовъ областей.

Временно исправляющій должность туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Корольковъ посѣтилъ въ Андижанѣ лазаретъ и лагерь, причемъ нашелъ, что, несмотря на тяжелыя раны, преимущественно головныя, пострадавшіе имѣли бодрый видъ. Въ крѣпости генералъ Корольковъ посѣтилъ Ишана, предводителя шайки. Это человѣкъ лѣтъ сорока пяти, родился въ кишлакѣ Таджикъ, Минтюбинской волости, зовутъ его Мухаммедъ-Али-Халифъ, онъ имѣетъ четырехъ женъ, столько же дѣтей, неграмотенъ, на спросѣ при задержаніи заявилъ, что, послѣ завоеванія края русскими, въ народѣ началась сильная порча нравовъ, отступленія отъ требованій шаріата, ослабленіе семейныхъ основъ. Русская власть, хотя и обращалась съ народомъ мягко, но запрещала паломничество, отмѣнила зякетъ, лишила вакуфныхъ доходовъ и не заботилась о поддержаніи нравственности и семейныхъ началъ. Годъ назадъ онъ, будто бы, описалъ это печальное положеніе турецкому султану, прося совѣта и указанія, и, по его словамъ, въ нынѣшнемъ году получилъ отвѣтъ халифа, въ которомъ послѣдній назначилъ его своимъ помощникомъ и совѣтовалъ вліять на народъ, чтобы исполнялись требованія шаріата, при чемъ прислалъ въ подарокъ старый халатъ.

Каждый день въ мѣстѣ жительства Ишана собиралось нѣсколько учениковъ, изъ коихъ нѣкоторые находились при немъ постоянно; такъ продолжалось около 10—15 дней. Онъ былъ одержимъ душевными припадками, во время которыхъ не владѣлъ собою. Во время такого состоянія, 17-го мая, ему пришла мысль вести народъ на Андижанъ, что онъ и исполнилъ. Ишанъ о многомъ умалчиваетъ; но принимаетъ всю вину на себя. Первое время ареста ничего не ѣлъ, теперь принимаетъ пищу, имѣетъ видъ неизнуренный, говоритъ тихо; при допросѣ жалобъ не заявляетъ. По поводу нападенія 18-го мая онъ также объяснилъ, что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ душевнаго разстройства, но теперь понимаетъ, что безсмысленно подниматься противъ Великаго Бѣлаго Царя.

Въ настоящее время въ Андижанѣ, кромѣ временно-исправляющаго должность туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Королькова, находятся также командированныя по Высочайшему повелѣнію лица, въ томъ числѣ генералъ-майоръ Чайковскій, для исправленія должности ферганскаго

генералъ-губернатора, и генералъ-майоръ Іоновъ, для командованія всѣми войсками, назначенными для поимки шайки Ишана и для водворенія порядка.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ порядокъ нигдѣ нарушаемъ больше не былъ.

Дни Бѣлинскаго въ Пензѣ.

(26-е и 27-е мая 1898 года).

Письмо изъ Пензы.

I.

24-го мая, въ воскресенье, утромъ, въ 11 час. 30 мин., выѣхалъ я изъ Москвы по рязанско-уральской жел. дор. въ Пензу въ качествѣ представителя нашего журнала «*Міръ Божій*», на торжества въ память исполненія 50-лѣтія со дня смерти В. Г. Бѣлинскаго. Я уже участвовалъ въ чествованіи памяти великаго критика отъ Союза русскихъ писателей, 10 мая, въ Петербургѣ, въ городской думѣ; былъ 8-го апрѣля и въ Москвѣ на торжественномъ собраніи въ память Бѣлинскаго въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, и съ тѣмъ большимъ интересомъ ѣхалъ посмотрѣть, какъ почтитъ великую память отдаленный провинціальный городъ, гдѣ получилъ Бѣлинскій свое гимназическое образованіе. Еще задолго до дня смерти Бѣлинскаго, о немъ по всей Россіи стала писать газетная пресса, читались о немъ лекціи; во многихъ учебныхъ заведеніяхъ столицъ и провинцій учителями словесности разъяснялось значеніе писателя; вышло даже нѣсколько книжекъ о Бѣлинскомъ. Можно было ожидать, что въ поѣздѣ въ Пензу, на которомъ я ѣхалъ, со мной вмѣстѣ будутъ ѣхать и многіе делагаты отъ литературы обѣихъ столицъ, представители прессы, какъ это и предполагалось; можно было надѣяться, что въ вагонахъ будутъ слышаться разговоры о событіи дня, что ѣхать придется съ мѣстной интеллигенціей Пензенской, а можетъ быть, и другихъ губерній. Какъ я слышалъ, именно Пензенская губернія изобилуетъ родовитыми, богатыми помѣщиками, отъ которыхъ можно бы ожидать особеннаго сочувствія торжеству всероссійской интеллигенціи вообще, и особенно интеллигенціи Пензы, гордящейся именемъ своего славнаго пензенскаго гимназиста. Но никакихъ-таки ожидаемыхъ столичныхъ делегатовъ прессы со мною не ѣхало, кромѣ корреспондентки отъ «Спб. Вѣдомостей» В. П. Билибиной; никакихъ-таки разговоровъ о торжествѣ въ вагонѣ не происходило и никакой интеллигенціи изъ помѣщиковъ не замѣчалось. Ѣхали люди по своимъ дѣламъ, къ Бѣлинскому никакого отношенія, повидимому, не имѣвшіе.

Въ 10½ час. утра, 25 мая, въ Духовъ день, мы пріѣхали въ Пензу, наканунѣ торжества. Въ вокзалѣ насъ, т.-е. В. П. Билибину, Е. Я. Острогорскую (представительницу Подвижного музея учебныхъ пособій въ Петербургѣ и Библіографическаго кружка критики дѣтской литературы при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній) и С. А. Орлина (представителя кружка любителей художественнаго чтенія и музыки въ Петербургѣ) и меня встрѣтили члены Правленія Лермонтовской библіотеки, рѣшившіе размѣстить пріѣзжихъ у себя на частныхъ квартирахъ. Въ числѣ членовъ Правленія встрѣтилъ я своего друга, поэта В. Н. Ладыженскаго, писавшаго мнѣ раньше горячій призывъ на пензенскій праздникъ. Не скрою, что нашъ скромный пріѣздъ, хотя и въ такомъ ограниченномъ количествѣ гостей, повидимому, искренне порадовалъ мѣстную интеллигенцію, свято чтущую память своего великаго земляка; говорю— именно порадовалъ, потому что, кромѣ насъ, «единственный», нарочно пріѣхавшій на торжества отъ себя лично (не въ качествѣ корреспондента или делегата)

столичный гость оказался *И. Н. Потапенко*, за эти дни и оставшійся *единственнымъ* представителемъ русской беллетристики. А Пенза разсчитывала помѣстить на частныхъ квартирахъ болѣе 50-ти пріѣзжихъ особъ. Кстати прибавимъ, что, кромѣ 5-ти лицъ названныхъ, гостей оказалось немного: профессоръ казанскаго университета г. Архангельскій, изъ Петербурга корреспондентъ «*Биржевыхъ Вѣдомостей*», представителемъ петербургской газеты «*Новости*», былъ житель Пензенской губ. беллетристъ Быстренинъ, и А. Н. Кремлевъ; изъ изъ Москвы: В. Е. Ермиловъ и двое извѣстныхъ преподавателей словесности гг. Балталонъ и Грузинскій, да редакторъ «*Саратовскаго Дневника*» П. А. Марковичъ. Такимъ образомъ, со всей Россіи, на пензенское чествованіе памяти Бѣлинскаго съѣхалось всего 12 человѣкъ, не принадлежащихъ къ пензенскому обществу.

II.

26-го мая, въ день смерти Бѣлинскаго, утромъ въ 10 час., пріѣхали мы въ храмъ Петра и Павла на Базарной площади, гдѣ должна была состояться торжественная заупокойная литургія и панихида по Бѣлинскомъ. Предполагалось это сдѣлать болѣе торжественно, въ городскомъ соборѣ, но разрѣшенія на это отъ мѣстнаго преосвященнаго не воспослѣдовало. Чудный видъ представлялъ храмъ, съ оставшимися еще отъ Троицына дня березками и травой на полу. Свѣтлый, высокій, съ богатымъ иконостасомъ и чуднымъ резонансомъ, онъ, какъ нельзя болѣе, располагалъ къ молитвенному настроенію, а рѣдкій по музыкальности, стройности и чистотѣ голосовъ хоръ, подъ управленіемъ истиннаго художника, г. Касторскаго, провелъ всю литургію и панихиду нотнымъ, концертнымъ пѣніемъ такъ прекрасно, что всѣ, кому пришлось принять участіе въ этомъ духовномъ торжествѣ, никогда его не забудутъ. Церковь была не полна, хотя народу было много, но зато здѣсь сошлась вся интеллигенція Пензы, блиставшая только *почти полнымъ отсутствіемъ педагогическаго персонала* многочисленныхъ пензенскихъ *среднихъ* учебныхъ заведеній, а также персонала учащихся, котораго не было вовсе. Говорятъ, на этотъ день были назначены экзамены. Намъ указали зато нѣсколько народныхъ учителей и учительницъ, пришедшихъ почтить память великаго писателя. На панихидѣ присутствовалъ и мѣстный губернаторъ графъ Адлербергъ.

Изъ храма Петра и Павла все общество направилось въ открытую въ этомъ году рисовальную школу (Пензенское художественное училище Н. Д. Селиверстова), гдѣ къ этому дню была устроена «*Выставка Бѣлинскаго*», въ томъ же составѣ, какъ и въ Москвѣ 8-го апрѣля Обществомъ Любителей Россійской словесности. Кто видѣлъ эту выставку, превосходно воспроизведенную извѣстнымъ художникомъ-фотографомъ К. А. Фишеромъ въ только что изданномъ «*Альбомѣ выставки, устроенной Обществомъ Любителей Россійской словесности въ память В. Г. Бѣлинскаго*», тотъ можетъ получить самое яркое представленіе и о Бѣлинскомъ, и обо всѣхъ, имѣвшихъ къ нему какое-нибудь прикосновеніе. 114 снимковъ съ разныхъ портретовъ, гравюръ, картинъ и рукописей, стоющихъ всего 2 р., даютъ нашему обществу самую лучшую память о покойномъ и объ устроенной въ честь его въ своемъ родѣ «*единственной*» выставки *). Среди многочисленныхъ гравюръ, снимковъ и т. п. вниманіе всѣхъ приковывалось

*) Кромѣ *Альбома выставки*, изданнаго К. А. Фишеромъ, на выставкѣ и на послѣдовавшихъ торжествахъ продавались еще снимки съ принадлежащей В. П. Острогорскому рѣдкой маски Бѣлинскаго, сдѣланные петербургскимъ фотографомъ Г. Кадысономъ, а также книги В. П. Острогорскаго: *Избранныя сочиненія Бѣлинскаго для школы и семьи*, изд. Д. И. Тихомирова; *Двѣ лекціи о Бѣлинскомъ*, читанныя В. П. Острогорскимъ въ Петербургѣ, въ мартѣ въ Соляномъ Городкѣ; книжки В. Е. Ермилова—*Завѣты Бѣлинскаго молодежи*, И. Иванова—«*Бѣлинскій*» и «*Бѣлинскій*» Алферова.

къ подлинной картинѣ покойнаго А. А. Наумова «*Бѣлинскій передъ смертью*», къ сожалѣнію, на пріобрѣтеніе которой все еще нѣтъ средствъ у города Пензы. Картины, спеціально посвященныя жизни нашихъ писателей, всѣ у насъ на перечетъ, и эта картина, по всей справедливости, должна была бы украсить собою какое-нибудь просвѣтительное учрежденіе имени В. Г. Бѣлинскаго въ его родномъ городѣ. Говоря о выставкѣ, нельзя не упомянуть и о директорѣ Пензенской рисовальной школы, нашемъ талантливѣйшемъ художникѣ К. А. Савицкомъ, которому принадлежитъ честь и всего художественнаго размѣщенія выставки.

Съ выставки все общество отправилось въ Безплатную Народную Читальню, получившую разрѣшеніе назваться именемъ великаго критика. Маленькая, уютная библіотека-читальня была прекрасно декорирована цвѣтами и расшитыми полотенцами, подъ руководствомъ того же К. А. Савицкаго и художника Г. Жукова, мѣстными почитательницами памяти Бѣлинскаго, и представляла самое симпатичное зрѣлище.

Молебенъ, съ тѣми же прекрасными пѣвчими церкви св. Петра и Павла; торжество освященія читальни, на которомъ присутствовалъ и губернаторъ, совершилось, положивъ прочную основу просвѣтительнымъ учрежденіямъ въ память Бѣлинскаго. Торжество закончилось рѣчью Н. Р. Евграфова о значеніи чтенія для народа, а затѣмъ былъ прочитанъ и отчетъ о дѣятельности этой единственной безплатной народной библіотеки-читальни въ городѣ Пензѣ.

III.

Въ $3^1/_2$ часа былъ назначенъ въ лѣтнемъ помѣщеніи Соединеннаго Пензенскаго Общественнаго Собранія обѣдъ по подпискѣ мѣстной интеллигенціи въ честь Бѣлинскаго. Къ обѣду были приглашены всѣ, къ сожалѣнію, немногіе, гости. Въ густомъ саду, съ видомъ на городскія предмѣстья и широкой перспективой въ даль, высится деревянный, просторный павильонъ съ обширной залой, искусно декорированной. Въ этомъ павильонѣ и состоялся обѣдъ, на который сошлось до ста человѣкъ мѣстныхъ обывателей, причемъ, опять-таки ярко блисталъ своимъ отсутствіемъ педагогическій персоналъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тщетно искали мы, по крайней мѣрѣ, директора, инспектора и учителей словесности и русскаго языка хотя бы той гимназіи, гдѣ Бѣлинскій учился... Ихъ не было, такъ же какъ и представителей мѣстной администраціи. Народная же школа имѣла представителями г. директора народныхъ училищъ губерніи С. П. Никольскаго и инспектора П. Ѳ. Орелкина. Среди интеллигенціи съ удовольствіемъ замѣтили мы нѣсколькихъ представителей земства, города и купечества.

За обѣдомъ поднялся почтенный мѣстный дѣятель П. П. Львовъ и, по порученію городского головы Н. Т. Евстифѣева, отсутствовавшаго на обѣдѣ по случаю смерти единственной дочери, поднялъ бокалъ за присутствовавшихъ гостей. Въ отвѣтъ ему я, съ своей стороны, какъ одинъ изъ представителей журналистики, счелъ своимъ долгомъ отвѣтить нѣсколькими словами благодарности за оказанное намъ гостепріимство и упоминаніемъ объ объединяющемъ значеніи имени Бѣлинскаго. О значеніи же Бѣлинскаго говорили затѣмъ гг. профессоръ Архангельскій и В. Е. Ермиловъ; художникъ К. А. Савицкій провозгласилъ тостъ за своего парижскаго собрата Г. Каплана, работающаго надъ памятникомъ Бѣлинскаго для города Пензы. Конечно, были провозглашены тосты и за оставшихся въ живыхъ родныхъ критика. Не касаясь еще многихъ тостовъ и рѣчей, скажемъ одно, что во всемъ, что ни говорилось на этомъ задушевномъ обѣдѣ, одною красной нитью проходила мысль о широкомъ и разностороннемъ просвѣтительномъ значеніи Бѣлинскаго, какъ для общества и литературы вообще, такъ и для школы средней, и даже народной, въ частности; при чемъ одинъ

изъ мѣстныхъ дѣятелей по народному образованію, В. Н. Ладыженскій провозгласилъ тостъ за народнаго учителя, «*этого современнаго эпическаго богатыря, на долю котораго выпала борьба съ народнымъ невѣжествомъ*». Такимъ образомъ, этотъ обѣдъ, устроенный въ честь Бѣлинскаго, несмотря на почти полное отсутствіе педагогическаго пензенскаго персонала, за исключеніемъ представителей школы народной, свелся, какъ и слѣдовало ожидать, къ торжественному чествованію успѣховъ русскаго просвѣщенія.

IV.

Въ тотъ же день, 26 мая, состоялся парадный литературный вечеръ въ дворянскомъ собраніи, посвященный памяти Бѣлинскаго. Исполнительная коммиссія, организованная при городской думѣ, рѣшила сдѣлать этотъ вечеръ безплатнымъ. Пригласительные билеты были разосланы ею всей интеллигенціи города, представителямъ всѣхъ вѣдомствъ, гласнымъ думы, учителямъ народныхъ училищъ и проч. Соображая совершенно справедливо, что дворянское собраніе, при всей своей обширности, не вмѣститъ всего количества интересующейся публики, коммиссія назначила въ томъ же помѣщеніи еще и на другой день, 27-го мая, литературное утро съ повтореніемъ той же программы.

На площадкѣ широкой лѣстницы дворянскаго собранія продавались художественно-выполненныя по рисунку К. А. Савицкаго программы вечера, съ изображеніемъ портрета Бѣлинскаго въ лавровомъ вѣнкѣ и аллегорической фигуры «*Знаніе и любовь*», изображающей интеллигента и рабочаго, подающими другъ другу руку. Здѣсь же продавались брошюры и книги, изданныя ко дню чествованія, а также находилось блюдо для сбора пожертвованій на памятникъ Бѣлинскаго въ Пензѣ.

Обширная бѣлая зала собранія, вся убранная громадными гирляндами, тропическими растеніями, цвѣтными тканями и залитая огнями, представляла чрезвычайно торжественно-праздничный видъ. Прямо противъ входа возвышалась пышно разукрашенная высокая каѳедра, надъ которой помѣщался бѣлый бюстъ Бѣлинскаго, а надъ нимъ, еще выше, его же прекрасный портретъ, нарочно нарисованный къ этому дню художникомъ К. А. Савицкимъ, которому принадлежало и все убранство зала, сплошь наполненнаго публикою.

Около девяти часовъ вечера на каѳедру взошелъ Н. Р. Евграфовъ и прочелъ вступительное слово отъ городской исполнительной коммиссіи по чествованію памяти В. Г. Бѣлинскаго, вкратцѣ изложивъ исторію возникновенія пензенскихъ празднествъ. За г. Евграфовымъ выступилъ А. Е. Грузинскій съ рефератомъ «*Личность Бѣлинскаго*», а затѣмъ пишущій эти строки предложилъ свой докладъ «*Бѣлинскій, какъ педагогъ*», послѣ чего отдѣленіе закончилось мастерски прочитаннымъ В. Е. Ермиловымъ рефератомъ «*Завѣты Бѣлинскаго молодежи*».

Второе отдѣленіе открылось рѣчью Ц. П. Балталона «*Бѣлинскій, какъ эстетикъ*», а затѣмъ гг. Кремлевымъ и П. Н. Потапенко были прочитаны соотвѣтственныя торжеству стихотворенія Некрасова и Плещеева. Новыя же стихотворенія, еще не напечатанныя и посвященныя памяти Бѣлинскаго, были прочитаны авторами, г. Кремлевымъ и В. Н. Ладыженскимъ. Оба стихотворенія, какъ мы слышали, появятся осенью, въ особомъ *Сборникѣ памяти Бѣлинскаго*, издаваемомъ пензенской Лермонтовской библіотекой въ Москвѣ, какъ редакціей П. А Ефремова. Говоря въ своемъ небольшомъ стихотвореніи о томъ, какъ автору привелось, въ своей семьѣ, еще въ дѣтствѣ, видѣть портретъ Бѣлинскаго и какъ на вопросъ автора: Кто это? ему говорили: «Ты узнаешь его потомъ», В. Н. Ладыженскій съ особой задушевностью заключилъ.

. . . . . и я тебя узналъ,
Учась по созданной тобою же страницѣ;
Я съ пылкой юности тебя благословлялъ,
И въ старости несу хвалу твоей гробницѣ!

За чтеніемъ стиховъ послѣдовала особенно *торжественная, заключительная* часть вечера. Бюстъ былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ; къ подножію бюста принесены многочисленные вѣнки съ надписями: отъ гор. Пензы, отъ редакцій, отъ почитателей, отъ разныхъ обществъ. Всѣ делегаты говорили соотвѣтствующія привѣтствія; было прочитано болѣе *ста* телеграммъ: отъ Императорской академіи наукъ, отъ университетовъ: казанскаго, варшавскаго и томскаго, отъ географическаго омскаго общества, отъ союза писателей, отъ городскаго головы гор. С.-Петербурга П. И. Лелянова и другихъ городовъ, редакцій журналовъ и газетъ, ученыхъ и художественныхъ обществъ и кружковъ, литераторовъ и почитателей. Во все продолжительное время чтенія привѣтствій и телеграммъ бюстъ безпрестанно освѣщался бенгальскими огнями, а съ хоръ дворянскаго собранія публика бросала къ бюсту цвѣты и букетики. Кому привелось видѣть этотъ единодушный, искренній энтузіазмъ къ памяти великаго писателя, не забудетъ этихъ чудныхъ моментовъ никогда!..

Такъ, около часу ночи, закончился первый день торжествъ въ *Пензѣ*.

Литературное утро въ томъ же помѣщеніи, на другой день, 27-го мая, было повтореніемъ вечера. Разница только въ томъ, что, вмѣсто вчерашняго реферата г. Балталона, П. П. Львовымъ была прочитана присланная изъ Москвы рѣчь профессора Н. И. Стороженко «*Критическіе взгляды Бѣлинскаго*», а г. Грузинскій прочиталъ, присланную изъ Москвы же, блестящую рѣчь И. И. Иванова «*Бѣлинскій какъ русскій культурно-историческій типъ*». Читались и стихотворенія; сообщались новыя, полученныя за ночь съ разныхъ концовъ Россіи, телеграммы и привѣтствія, и, какъ и вчера, весь залъ собранія гремѣлъ рукоплесканіями и криками радости...

V.

Въ утвержденной г. министромъ внутреннихъ дѣлъ программѣ пензенскихъ торжествъ значился и школьный праздникъ. Дума и коммиссія попечителей пензенскихъ народныхъ училищъ рѣшили, въ этотъ же день 27-го мая, предложить школьникамъ народныхъ училищъ безплатный утренній спектакль въ народномъ театрѣ, гдѣ и была поставлена «*Женитьба*», Гоголя, и угощеніе. Дѣтей собралось изъ всѣхъ городскихъ и церковно-приходскихъ школъ, болѣе *двухъ тысячъ*. На утреннемъ спектаклѣ, совпавшемъ съ литературнымъ утромъ, быть намъ не удалось. Мы застали только тотъ моментъ, когда, уже послѣ спектакля, дѣти были выведены къ рощѣ, къ такъ называемымъ, «*бѣгамъ*». Угощеніе было уже роздано; гремѣлъ на полѣ приглашенный городомъ военный оркестръ, а толпы дѣтей весело играли въ разныя игры, лапту, хороводы, веревочку и т. п. Не можемъ не отмѣтить, что, не смотря на общее оживленіе и рѣзвость этой, двухтысячной, толпы, всюду сохранялся стройный порядокъ, благодаря заботамъ всѣхъ учительницъ и учителей пензенскихъ народныхъ училищъ и пріютовъ. Не смотря на то, что праздникъ этотъ, устроенный исключительно гг. попечителями училищъ и думой, не носилъ ни малѣйшаго оффиціальнаго характера, мы съ удовольствіемъ замѣтили на праздникѣ присутствіе начальства народныхъ училищъ, въ лицѣ гг. директора и инспектора, пришедшихъ порадоваться дѣтской радости.

Прекрасный школьный праздникъ этотъ, произведшій на насъ самое отрадное впечатлѣніе, закончился около семи часовъ вечера. Расходясь, дѣти горячо благодарили устроителей праздника, удавшагося какъ нельзя лучше.

Въ этотъ же вечеръ въ народномъ театрѣ былъ повторенъ утренній, безплатный, спектакль уже для взрослыхъ, причемъ, въ заключеніе, былъ поставленъ торжественный апоѳеозъ Бѣлинскаго.

Этимъ спектаклемъ и закончились дни Бѣлинскаго въ Пензѣ,—дни, которые никогда не изгладятся въ памяти пензенцевъ и всѣхъ тѣхъ, кому удалось самому во-очію ихъ видѣть. Въ исторіи пробужденія русскаго самосознанія эти дни займутъ не послѣднее мѣсто.

VI.

Чествованіе великой памяти Бѣлинскаго и въ столицахъ, и во многихъ городахъ Россіи, съ Пензою во главѣ, закончились,—попробуемъ подвести, хотя нѣкоторые, итоги чествованія, именно въ городѣ Пензѣ.

Прежде всего, чрезвычайно отрадно видѣть, что, въ отдаленномъ городѣ, нашелся небольшой кружокъ интеллигентныхъ лицъ, который и затѣялъ, и, *прямо-таки на своихъ плечахъ*, вынесъ весь этотъ праздникъ.

Это — правленіе Лермонтовской библіотеки, съ неутомимо энергичнымъ К. Р. Евграфовымъ во главѣ, трудилось для устройства праздника цѣлый годъ. Празднество задумано было гораздо шире: предполагалось пригласить къ участію: университеты, ученыя общества и т. п.; не по винѣ устроителей, празднику пришлось носить *исключительно мѣстный*, а не всероссійскій характеръ. Все оффиціальное, по возможности, было устранено; но, тѣмъ не менѣе, торжество вышло очень помпезное, носившее чисто общественный характеръ, именно—праздника интеллигенціи и торжества просвѣтительныхъ идей. Превосходная *Выставка Бѣлинскаго*, продолжавшаяся нѣсколько дней, ввела провинціальную публику въ наглядное знакомство съ эпохой Бѣлинскаго и ея разнообразными дѣятелями; два литературныхъ собранія, на которыхъ перебывала вся Пенза—съ разныхъ сторонъ, въ обстоятельныхъ очеркахъ, ознакомили съ значеніемъ Бѣлинскаго и его основными просвѣтительными идеями, съ его истиннымъ патріотизмомъ и его безукоризненной, свѣтлой, личностью; продававшіяся очень бойко брошюры о немъ и извлеченія изъ его сочиненій далеко разнесутъ о немъ свѣдѣнія и его собственныя мысли, побуждая учащееся поколѣніе и всѣхъ стремящихся къ самообразованію, ознакомиться съ Бѣлинскимъ подробнѣе и основательнѣе, чтобы ближе узнала русская публика, что это былъ за человѣкъ и писатель. Читальня, названная его именемъ, будетъ все шире и шире служить духовному просвѣщенію края; «*Домъ Бѣлинскаго*», т. е. особое зданіе со школой, залой, библіотекой и т. под., которое думаетъ выстроить на пожертвованія пензенская интеллигенція, будетъ, если это, Богъ дастъ, осуществится, *единственнымъ* во всей Россіи *достойнымъ* памятникомъ великаго писателя. Мы твердо увѣрены, что не одна Пенза придетъ на помощь такому хорошему дѣлу, и пожертвованія, принимаемыя Лермонтовской библіотекой въ «*фондъ имени Бѣлинскаго*», потекутъ со всей Руси широкой рѣкой. Твердо увѣрены мы также, видя всю энергію интеллигенціи Пензы, что воздвигнется здѣсь и памятникъ Бѣлинскому, на который тоже принимаются пожертвованія. Памятникъ этотъ выполняется даромъ парижскимъ художникомъ, Г. Каплановъ, и нужны только всего какихъ-нибудь семь-восемь тысячъ, чтобы памятникъ могъ быть поставленъ. Мы даже увѣрены и въ гораздо большемъ: пензенскія празднества убѣдили насъ въ томъ, что, не смотря на многія неблагопріятныя условія, неудержимой силой растетъ русское самосознаніе въ далекихъ провинціяхъ, выражаясь и въ прессѣ, и въ обществѣ, что просвѣтительныя идеи, провозглашенныя великимъ критикомъ, съ каждымъ днемъ находятъ себѣ все большее и большее количество работниковъ, и что память

о Бѣлинскомъ, теперь, черезъ полвѣка, окруженная благодарнымъ и *публичнымъ* признаніемъ его заслугъ, никогда не умретъ не только въ Пензѣ, такъ прекрасно почтившей писателя, но и во всемъ нашемъ огромномъ отечествѣ.

Село Липяги,
29 мая 1898 г.

Викторъ Острогорскій.

За границей.

Что читаетъ нѣмецкій народъ? Передъ нами нѣсколько попытокъ отвѣтить на этотъ серьезный культурный вопросъ, основывающихся не на обработкѣ массоваго матеріала (такого до сихъ поръ не собрано), а на единичныхъ изслѣдованіяхъ. Эти изслѣдованія не могутъ дать рѣшительныхъ выводовъ, но все же, благодаря имъ, можно ближе познакомиться съ духовной физіономіей тѣхъ слоевъ населенія, которые начинаютъ играть такую выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества.

I. Большинство изслѣдователей заинтересовались читателями изъ рабочей среды. Здѣсь они натолкнулись на препятствія, заключающіяся въ небрежной регистраціи почти всѣхъ рабочихъ библіотекъ, принадлежащихъ политическимъ или профессіональнымъ союзамъ. Въ одномъ изъ южногерманскихъ промышленныхъ городовъ удалось встрѣтить ферейнъ, который точно отмѣчалъ выдаваемыя книги. Ферейнъ насчитывалъ 45 семейныхъ членовъ; его библіотека заключала нѣсколько сотъ книгъ, наполовину состоявшихъ изъ мелкихъ брошюръ, протоколовъ и пр.

Первымъ интереснымъ фактомъ, который пришлось отмѣтить, является совершенное почти отсутствіе интереса къ брошюрамъ, посвященнымъ злобамъ дня. Исключеніемъ здѣсь являлись только брошюры Либкнехта и Бебеля. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, это объясняется тѣмъ, что большинство рабочихъ сами покупаютъ себѣ такія дешевыя брошюры. Другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что этого нѣтъ, что изъ брошюръ, которыя сильнѣе всего расходятся, чаще всего требуются и въ библіотекахъ.

Изъ книгъ наиболѣе читались слѣдующія:

Bebel—«Die Frau». . . .	24 раза.	Blos—«Französ. Revolution».	4 раза.
Dolel — «Moses oder Darwin».	14 »	Morgan—«Urgesellschaft» .	4 »
Köhler—«Weltschöpfung» .	11 »	Lissagaray—«Pariser Kommune»	4 »
Aweling—«Die Darwinische Theorie».	9 »	Schippel—«Moderne Elend».	4 »
Köhler — «Socialdemokr. Staat»	9 »	Dodel—Leben und Wissenschaft».	3 »
Langkavel — «Mensch und seine Rassen».	6 »	Becker—«Ueber Lassale» .	3 »
Stern — «Philosophie Spinoza's».	6 »	Zimmerman—«Bauernkrieg».	3 »
Bebel—«Fourier»	6 »	Kautsky — «Erfurter Programm».	3 »
Liebknecht — «Ein Blick in die Neue Welt». . . .	6 »	Korvin —«Pfaffenspiegel» .	3 »
Blos—«Deutsche Revolution».	5 »	Marx—«Kapital». I B. .	3 »
Dombrowsky—«Leben» .	5 »	Strauss—«Der alte und der neue Glaube».	3 »
Bommeli — «Geschichte der Erde».	5 »	Jakoby «Es werde Licht».	2 »
		König—«Schwarze Kabinette».	2 »
		Engels—«Anti-Düring». .	2 »
		Kablukow *) — «Ländl. Ar-	

*) Сокращенный переводъ съ русскаго.

Kautsky—«T. Morus». . . 5 » beiterfrage» . . . . . 2 »
» . —«Marx'sche Lehre». 5 » Marx—«Kapital», 2 B. . 2 »

Эти результаты были провѣрены въ другихъ библіотекахъ (союза столяровъ, насчитывающаго 120 членовъ), и наиболѣе популярными оказались почти тѣ же книги: Bebel — «Die Frau» (11 разъ), Aveling (6), Liebknecht—«Ein Blick» (5), Marx—«Kapital», I, (5), Schippel—«Elend» (4), Bebel—«Fourier» (4), Korvin (4), Zimmermann (4), Kautsky—«Morus» (4), Dodel—«Moses» (3), Stern (3), Blos—«Franz. Revol.» (3).

II. Два изслѣдованія были произведены въ Берлинѣ.

1) На одной фабрикѣ, въ которой занято 60 рабочихъ, библіотека, основанная въ 1891 г., находится вполнѣ въ рукахъ самихъ рабочихъ. Книгъ было:

1891 г.—130. Выдано было 250 разъ.
1892 »—151. » » 270 »
1893 »—178. » » 250 »

Человѣкъ двадцать совсѣмъ не пользовались услугами библіотекъ. Слѣдовательно, на каждаго изъ остальныхъ въ среднемъ приходилось 6 — 7 книгъ въ годъ. Наиболѣе читались: Gerstäcker—«Regulatoren» (27 разъ), Zola—«Mutter Erde» (24), Gerstäcker—«Unter dem Aequator» (23), Disraeli—«Sybil» (23), Kennan — «Sibirien» (21), Zola—«Bestie im Menschen» (20), его же — «Germinal» (18), Blos—«Die franz. Revol.» (18), Swift (17), Kohler—«Weltschöpfung» (16), Jokai (16), Zola—«Nana» (15), Bebel—«Die Frau» (15).

Большой интересъ возбудили романы В. Скотта («Ивангое»—14 р.) и Диккенса («Никльби»—12 р.), недавно пріобрѣтенные. Такимъ образомъ, наибольшею популярностью пользуются экзотическіе романы Герштеккера и романы Зола. Отчетъ обращаетъ вниманіе на то, что научныя произведенія сравнительно мало читаются и что преобладаетъ интересъ къ романамъ.

2) Другая библіотека, принадлежащая профессіональному рабочему ферейну, имѣла 500 томовъ на 3.200 членовъ союза. Эти книги за четыре года были выданы 6.000 разъ; слѣдовательно, на каждаго члена не пришлось двухъ выдачъ за четыре года. И въ этой библіотекѣ наиболѣе читались книги по беллетристикѣ и путешествія; наибольшій спросъ былъ на романы Зола; читались также и бульварные романы, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, не свободна была библіотека. Далѣе слѣдуютъ книги по естествознанію и историческія. На остальные отдѣлы приходилось выдачъ меньше средняго числа, причемъ первое мѣсто здѣсь занимали книги по гигіенѣ и философіи (этотъ отдѣлъ состоитъ на половину изъ сочиненій Канта). Удивительно мало вниманія привлекала къ себѣ поэзія, несмотря на то, что въ этомъ отдѣлѣ имѣются произведенія Гёте, Гейне, Лессинга, Шиллера, Фрейлиграта, Гервега и др.; не читаются и драмы Ибсена, Бьернстерна, публицистика Берне. «Юліанъ Шмидтъ» Лассаля не былъ ни разу взятъ въ 1893 и 1894 гг.

Наибольшею популярностью пользовались: Köhler («Weltschöpfung»), Lange («Arbeiterfrage»), Bebel («Frau», «Bauernkrieg» и «Fourier»), Schippel («Modernes Elend»), Kablukoff («Ländliche Arbeiterfrage), Lissagaray («Geschichte der Kommune»), Kegel («Lassale»), Bellamy («Rückblick»), Disraeli («Sybil»), Kautsky («Marx' ökonomische Lehre»), Blos («Französische Revolution»).

Чаще всего книги берутся, конечно, зимою. Мало колебаній по періодамъ замѣчается относительно научныхъ сочиненій и очень много по отдѣлу беллетристики. Это объясняется тѣмъ, что въ союзѣ имѣется опредѣленное число членовъ, занимающихся самообразованіемъ; бо́льшая же часть—только случайные читатели, когда, вслѣдствіе безработицы, они стараются скоротать досугъ легкимъ чтеніемъ. Безработица особенно тяжело дала знать себя союзу въ 1894 г., и въ это время значительно увеличилось количество читателей.

III. Подъ вліяніемъ возникшихъ толковъ о томъ, что читаетъ нѣмецкій рабочій, народный ферейнъ въ Крефельдѣ предпринялъ библіотечное изслѣдованіе. Союзъ насчитываетъ 300—400 членовъ, имѣетъ 500 книгъ. Статистика имѣется за $1^1/_2$ года.

На каждаго члена пришлось по $4^1/_2$ книги. Выше средняго читались книги по беллетристикѣ ($7^1/_2$), естествознанію ($7^1/_2$) и исторіи ($5^1/_2$); ниже средняго періодическія изданія (4), политическія и экономическія ($3^1/_2$). Слѣдовательно, въ общемъ, результаты такіе же, какъ и въ берлинскихъ библіотекахъ. Особенно поразительно это совпаденіе, если разсматривать, какія отдѣльныя сочиненія наиболѣе читаются.

Самый любимый авторъ—Зола, причемъ особенно популярны тѣ его романы, которые рисуютъ драмы любви. «Лурдъ», очевидно, разочаровалъ читателей: на 17 читавшихъ первый томъ только 7 взяли второй. (Впрочемъ, изслѣдователи отмѣчаютъ вообще странный фактъ: многотомныя сочиненія рѣдко дочитываются до конца, особенно научныя). Изъ другихъ романистовъ любимыми являются Б. ф. Зутнеръ. Вернъ, Стриндбергъ, Мина Каутская («Victoria»). Многихъ читателей нашли «Ткачи» Гауптманна и «Честь», «Родина»—Зудермана. Мало читаются Шиллеръ, Гёте, Бёрне, Фрейлигратъ.

Изъ историковъ пользуются расположеніемъ Циммерманнъ («Исторія крестьянской войны»), Блосъ и Либкнехтъ («Robert Blum und seine Zeit»). Изъ естествепниковъ: Ранке (человѣкъ), Боммели («Исторія Земли»), Крессъ («Человѣкъ»), Zimmermann («Wunder der Urwelt») и Симонъ («Уходъ за здоровьемъ женщинъ»). Изъ экономистовъ: Энгельсъ, мастеръ популяризаціи, не находитъ многихъ читателей. Больше читаются Лассаль и Марксъ. Особенно же популяренъ Бебель, книга котораго о женщинѣ читается больше всѣхъ другихъ. Изъ брошюръ Либкнехта читались только «Emser Depesche» (о виновникахъ франко-прусской войны) и «Wissen ist Macht». Мало вниманія привлекаютъ къ себѣ брошюры, посвященныя злобѣ дня, даже такой жгучей, какъ аграрный вопросъ. Исключеніемъ являются женскій и еврейскій вопросы: кромѣ книги Бебеля—читались: Zetkin («Arbeiterinnenfrage»)—11 разъ. Lux («Prostitution»)—11 разъ, Bebel («Sozialdemokratie und Antisemitismus»)—10 разъ, Falk («Antisemitismus»)—19 разъ, Rosenow («Kapital und Judenfrage»)—12 разъ.

Много вниманія посвящается религіознымъ вопросамъ, что вполнѣ понятно въ католической рейнской провинціи. Сильно читаются: Corwin («Pfaffenspiegel»), Dodel-Port, Guyot, Lommel и др.

Въ общемъ выводѣ изслѣдователь говоритъ, что какъ ни пріятенъ интересъ къ религіозно нравственнымъ и историческимъ вопросамъ, но жаль, что такъ мало популярны среди читателей книги по экономіи и политикѣ. Многія лучшія сочиненія за цѣлый годъ не находятъ ни одного читателя; самые насущные вопросы дня ни въ комъ не вызываютъ охоты ближе съ ними ознакомиться. Съ самыхъ различныхъ сторонъ слышатся жалобы на то, что распространеніе демократическихъ идей не вызываетъ соотвѣтствующаго углубленія ихъ въ сознаніи рабочихъ. Но не слѣдуетъ приходить къ слишкомъ пессимистическимъ выводамъ. Книги и брошюры являются не единственнымъ образовательнымъ средствомъ. Все большее и большее значеніе пріобрѣтаетъ *пресса*, въ особенности ежедневная, старающаяся знакомить читателей со всѣми выдающимися вопросами общественности. Она поглощаетъ почти все свободное время трудящагося класса. Конечно, это отодвигаетъ на второй планъ самообразованіе и уменьшаетъ духовную самостоятельность отдѣльной личности. Поэтому и не приходится указывать на такое явленіе, какъ на желательное и пріятное. Но все же это отчасти ослабляетъ черныя краски, которыми нарисована картина библіотечной анкеты.

IV. Относительно того, что читаетъ нѣмецкій крестьянинъ, у насъ не имѣется подъ руками данныхъ. Но зато очень интересную картину общаго настроенія нѣмецкаго крестьянства даетъ сочиненіе одного стараго тюрингенскаго священника. «Zur bäuerlichen Glaubens und Sittenlehre» (Gotha, 3 Auflage, 1895), изъ котораго мы и приведемъ нѣсколько характерныхъ цитатъ.

«Менѣе глубокое вліяніе (чѣмъ библія и молитвенникъ) оказывала въ прежнія времена газета на религіозную и нравственную жизнь нашего крестьянина. Онъ читаетъ газету иначе, чѣмъ мы. Самый большой интересъ проявляетъ онъ къ объявленіямъ, съ которыхъ онъ обыкновенно и начинаетъ чтеніе; съ удовольствіемъ прочитываетъ онъ торговыя и судебныя объявленія, извѣстія о помолвкахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Во-второмъ ряду для него стоятъ свѣдѣнія о видахъ на урожай, объ убійствахъ, судебныхъ разбирательствахъ, казняхъ; чѣмъ сенсаціоннѣе извѣстіе, тѣмъ охотнѣе онъ читаетъ его. Значительно позднѣе обращается онъ къ политическимъ корреспонденціямъ; свѣдѣнія о культурной борьбѣ оставляютъ его холоднымъ; онъ заранѣе отлично знаетъ, что католики никуда не годятся, что только по доброй волѣ князей терпятъ еще это «суевѣріе» и отъ нихъ зависитъ, будетъ ли, какъ одинъ крестьянинъ выразился, оставлено вакантнымъ «мѣстечко» послѣ смерти папы. Но зато большой интересъ возбуждаютъ замѣтки о знакомыхъ ему личностяхъ, объ императорѣ, Бисмаркѣ, Мольтке, особенно же все, что касается войны. Въ послѣднее время многіе крестьяне, особенно по зимамъ, стали выписывать какую-нибудь дешевую газету, которая на ряду съ массой оберточной бумаги доставляетъ имъ «любопытныя исторіи» *подъ чертою* (т. е. въ фельетонѣ); и молодые, и старики жадно проглатываютъ ихъ и страстно ждутъ продолженія въ слѣдующемъ номерѣ. Все, что стоитъ *надъ чертою*, интересуетъ гораздо меньше, а передовыя статьи, по большей части, остаются совсѣмъ непонятыми... Изъ этого не слѣдуетъ, что такія газеты не имѣютъ плохого вліянія: надо только имѣть въ виду, какъ, въ особенности въ прежнія времена, подъ вліяніемъ цензуры—все печатное принимается крестьянами на вѣру, все публично сказанное и написаное считается одобреннымъ со стороны начальства. Такимъ образомъ «либеральныя газеты» давно уже внушили крестьянину мысль, что религіозныя мнѣнія являются частнымъ дѣломъ каждаго. «Все это только мнѣнія!», «тутъ одинъ пишетъ такъ, другой — иначе», «кто тутъ можетъ сказать что-либо навѣрное?» — такія и подобныя выраженія давно уже можно услышать изъ устъ крестьянъ. И хотя большую роль въ этомъ отношеніи играютъ и другія обстоятельства, вродѣ усилившагося передвиженія съ сопровождающимъ его обмѣномъ мнѣній и въ значительной степени возрастающая самостоятельность крестьянъ, но нельзя отрицать и громадное вліяніе газетъ въ распространеніи такихъ взглядовъ насчетъ «различныхъ мнѣній»... Съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе расходятся газеты во всѣхъ слояхъ крестьянскаго населенія и растетъ пониманіе, вѣрнѣе—интересъ къ тому, что въ нихъ печатается. Еще недавно мнѣ пришлось услышать такую фразу отъ знакомаго крестьянина: «кто заботился о политикѣ двадцать лѣтъ назадъ? А теперь всякій выписываетъ или читаетъ газету».

«За газетами стоятъ народныя библіотеки, все больше и больше вліяющія на духовное развитіе крестьянъ... Попытки распространить среди нихъ сочиненія Бюхнера, Молешотта и другихъ противниковъ христіанства остались безуспѣшны, потому что крестьяне ихъ не читали, какъ и другія научныя сочиненія. Крестьянинъ ищетъ занимательнаго, а не поучительнаго чтенія... Но книги вліяютъ другимъ путемъ. То и дѣло крестьянинъ откладываетъ чтеніе книжки на воскресенье, и вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, гдѣ холодно и скучно, гдѣ нужно пріодѣться и даже отложить въ сторону трубку, онъ остается дома, чтобъ почитать «любопытную исторію». Вредно вліяетъ обще-

принятый взглядъ, будто «народъ» особенно интересуется дѣтскими и деревенскими разсказами. Совсѣмъ наоборотъ: всѣ эти, очень часто совершенно невѣрныя, изображенія прекрасно знакомаго ему быта скоро надоѣдаютъ ему, и крестьянинъ тѣмъ съ большею жадностью набрасывается на «захватывающія духъ» изображенія лицъ и происшествій въ чуждой ему, но отъ этого гораздо болѣе привлекательной буржуазной, дворянской или княжеской среды. Такимъ образомъ, и тѣ крестьяне, которые пока еще жадно глотаютъ выдаваемые имъ безплатно изъ народныхъ библіотекъ дѣтскіе и народные разсказы, скоро врядъ ли будутъ ими удовлетворяться; нѣкоторые перейдутъ къ чтенію не только «занимательныхъ», но и помогающихъ развитію книгъ, которыя имъ удается раздобыть; большинство же, вѣроятно, устремится, отдѣлавшись отъ теперешней «опеки», на доставляемую газетами, платными библіотеками, дешевыми лавками—бульварную литературу. Я бы могъ и теперь привести примѣры этого...

«Все больше и больше замѣчается среди крестьянъ потеря довольства своимъ положеніемъ... По мнѣнію крестьянина, всѣ другіе ремесленники, купцы, ученые, всѣ «чему-нибудь научились», исключая только одного его, который «ничего не знаетъ». «Какъ пріятно,—замѣтилъ мнѣ одинъ любитель чтенія,—когда имѣешь возможность побесѣдовать съ образованнымъ человѣкомъ!» Крестьянинъ не находитъ въ своей жизни ни одной свѣтлой стороны: онъ долженъ во всякую погоду то потѣть, то мерзнуть за работой, долженъ терпѣливо ждать, уродитъ ли что-нибудь земля, долженъ примиряться съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ и на скотъ, долженъ уплачивать столько податей и все покупать по болѣе дорогой цѣнѣ. Все замѣтнѣе становится стремленіе выйти изъ крестьянскаго сословія, дать возможность дѣтямъ приготовиться къ другой профессіи, эмиграція и богатыхъ, и бѣдныхъ въ городъ и другіе признаки возростающаго недовольства... «Это носится теперь въ воздухѣ,—говорилъ мнѣ одинъ старый и опытный староста,—раньше люди совсѣмъ не думали о такихъ вещахъ и все брали такъ, какъ оно есть; а теперь не то». Но все это выходитъ изъ-за предѣловъ поставленной нами себѣ задачи: вглядѣться въ духовный обликъ крестьянина, поскольку онъ отражается на его умственной пищѣ.

Конечно, приведеннаго нами матеріала еще очень недостаточно для сколько-нибудь рѣшительныхъ сужденій. Область изслѣдованій—новая, мало разработанная и заграницей, и тѣмъ болѣе у насъ. Желательно, чтобъ она привлекла къ себѣ больше вниманія». М. Рафаиловъ.

Лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ. Около маленькой церкви, помѣщающейся вблизи собора въ Дублинѣ, погребены два человѣка: одинъ изъ нихъ лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ, другой—его убійца, Чарльзъ Генри Сирръ. По странной случайности судьба соединила вмѣстѣ убитаго и убійцу и оба покоятся рядомъ въ узкомъ пространствѣ церковной ограды, такъ что ни одинъ посѣтитель не можетъ пройти мимо этихъ двухъ могилъ, соединенныхъ послѣ смерти двухъ враговъ, словно двухъ друзей.

Чарльзъ Сирръ такъ и остался бы безвѣстнымъ на своей родинѣ, еслибъ руки его не были обагрены кровью лорда Эдварда Фицджеральда, съ именемъ котораго связана одна изъ тѣхъ страницъ ирландской исторіи, которыя, по выраженію Джона Морлея, «выжжены каленными буквами въ душѣ каждаго ирландца».

Въ этомъ году исполнилось столѣтіе со времени «великаго возмущенія»—«The Great rebellion», и, конечно, эта годовщина не могла пройти незамѣченной въ Англіи. Въ парламентѣ нѣсколько разъ происходили бурныя сцены, такъ какъ ирландскіе депутаты напоминали объ этихъ событіяхъ, въ Лондонѣ и Дублинѣ устраивались митинги, посвященные воспоминаніямъ объ этомъ

кровавомъ годѣ и вызвавшіе поэтому вмѣшательство полиціи, въ свою очередь давшее поводъ къ запросамъ въ парламентѣ.

Настоящія празднества—хотя странно, разумѣется, говорить о празднествахъ въ данномъ случаѣ!—начнутся только въ іюнѣ. Ирландцы начали готовиться къ нимъ съ самаго начала этого года и съ самаго начала возбудили негодованіе англійскихъ консерваторовъ, считающихъ чуть ли не государственною измѣной всякій намекъ на ирландское возстаніе.

Но, разумѣется, гнѣвъ консерваторовъ не остановитъ ирландцевъ, желающихъ почтить память вождей своего «великаго возстанія», генерала Грефъ Тона, лорда Фицджеральда и др. Всѣ эти люди принадлежали къ обезпеченному классу и не испытали всей тажести лишенія гражданскихъ правъ, какая выпадала на долю ирландскаго народа, но молодые энтузіасты не могли равнодушно смотрѣть на ужасы, совершавшіеся въ Ирландіи, и рѣшили попытаться освободить эту несчастную страну.

Судьба Фицджеральда въ этомъ отношеніи особенно характерна. Ни рожденіе, ни воспитаніе, казалось, не могли подготовить лорда къ той карьерѣ, которую онъ избралъ впослѣдствіи. Онъ происходилъ изъ аристократической протестантской семьи и получилъ воспитаніе заграницей. Шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ на службу въ англійскую армію и черезъ два года отличился въ войнѣ, которую вела въ то время Англія со своими возмутившимися колоніями въ Америкѣ. Молодой лордъ обратилъ на себя вниманіе тогда своею пылкою отвагой и воинственнымъ жаромъ, которые онъ проявлялъ во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ взбунтовавшимися противъ ига метрополіи американцами, и это поведеніе, о которомъ онъ такъ желалъ позабыть впослѣдствіи, все-таки бросало тѣнь на всю его дальнѣйшую карьеру. Пятнадцать лѣтъ спустя, когда онъ умиралъ въ тюрьмѣ отъ ранъ, полученныхъ въ борьбѣ за свободу своихъ соотечественниковъ, за то, что онъ считалъ правымъ дѣломъ, его неотступно преслѣдовало воспоминаніе объ этихъ прошлыхъ дняхъ, и невольно въ душѣ возникали сравненія между тѣмъ, за что онъ тогда проливалъ свою кровь и за что онъ пролилъ ее теперь. Но сознаніе, что долгъ уплаченъ, доставляло ему, вѣроятно, нѣкоторое облегченіе, и онъ невольно заговорилъ объ этомъ съ братомъ, навѣщавшимъ его въ тюрьмѣ передъ смертью: «Я тогда сражался противъ свободы и готовъ былъ жертвовать жизнью, чтобы не дать ей восторжествовать, — сказалъ онъ одному изъ посѣтителей,—а теперь... теперь я умираю за нее!»

Въ 1788 году онъ снова отправился къ своему полку по ту сторону Атлантики, ища развлеченія въ экскурсіяхъ въ малоизвѣстныя области американской территоріи и, очертя голову, бросаясь въ омутъ всевозможныхъ приключеній. Но по возвращеніи его въ Англію судьба его сразу измѣнилась, такъ какъ онъ силою обстоятельствъ былъ вовлеченъ въ вихрь политической жизни и попалъ въ парламентъ.

Однако, тогда онъ еще не думалъ, повидимому, объ Ирландіи и не собирался служить ирландской идеѣ, хотя уже въ то время началось въ Ирландіи сильное движеніе, благодаря французской революціи, отголоскомъ которой явилось образованіе въ Дублинѣ «союза соединенныхъ ирландцевъ» (United Irishmen), подготовлявшаго революцію, имѣющую цѣлью превратить Ирландію въ самостоятельную республику. На лорда Фицджеральда въ данномъ случаѣ повліяло знакомство съ Томасомъ Пэномъ, авторомъ знаменитаго памфлета «Права человѣка». Молодой и впечатлительный Фицджеральдъ поддался обаянію, которое производила на всѣхъ личность Томаса Пэна и сдѣлался сразу самымъ горячимъ его ученикомъ и приверженцемъ. Результатомъ этого явилось публичное отреченіе лорда Фицджеральда на одномъ изъ митинговъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ взглядовъ и титуловъ. Поступая такъ, Фицджеральдъ сжигалъ свои

корабли и британское правительство не замедлило отвѣтить ему на это увольненіемъ изъ арміи безъ прошенія.

Съ этого момента Фицджеральдъ считалъ себя уже вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ британскому правительству и со свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался всею душой ирландскому движенію. Въ парламентѣ, гдѣ онъ былъ депутатомъ и отличался горячностью и несдержанностью своихъ рѣчей, однажды, по поводу одной репрессивной мѣры, введенной въ Ирландіи, онъ назвалъ большинство палаты и начальника войскъ въ Ирландіи «самыми недостойными подданными британскаго короля». Когда ему было предложено взять свои слова назадъ, то онъ только сказалъ, что очень сожалѣетъ, что вынужденъ повторить ихъ снова. Такія сцены повторялись очень часто и положеніе Фицджеральда въ парламентѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, такъ какъ единственное, что онъ могъ дѣлать — это постоянно заявлять безполезные протесты.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Ирландіи становилось все хуже и хуже. Въ 1796 году страна была окончательно отдана во власть военному деспотизму, который безконтрольно распоряжался въ ней, безъ пощады давя всякое проявленіе большей или меньшей самостоятельности и пренебрегая самымъ беззастѣнчивымъ образомъ даже самыми элементарными понятіями о правосудіи и справедливости. Народъ доведенъ былъ до полнаго отчаянія. Всѣ города Ирландіи были заняты войсками и дѣйствіе «Habeas Corpus» было пріостановлено. Начались казни, преслѣдованія и даже пытки, но вмѣстѣ съ этимъ начались и аграрныя преступленія, не прекращавшіяся несмотря ни на какія репрессаліи.

Наступилъ памятный 1796 годъ и у береговъ Ирландіи явился давно ожидаемый французскій флотъ. Однако, онъ ничего не сдѣлалъ и даже не высадился на берегъ вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ случайностей и экспедиція эта имѣла своимъ результатомъ лишь то, что въ Ирландіи было объявлено военное положеніе. Но терпѣніе народа истощилось и тогда «Союзъ соединенныхъ ирландцевъ», думавшій въ началѣ дѣйствовать только на легальной почвѣ и добиваться въ парламентѣ удовлетворенія законныхъ требованій, теперь убѣдился, что ему ничего не добиться конституціоннымъ путемъ, и рѣшили организовать правильное возстаніе. Союзъ насчитывалъ къ январю 1798 года полмилліона членовъ, но, къ несчастью, среди нихъ нашелся измѣнникъ, который донесъ обо всемъ правительству и указалъ руководителей движенія. Конечно, главные вожаки были тотчасъ арестованы, но лордъ Фицджеральдъ избѣжалъ общей участи, и такъ какъ онъ принадлежалъ къ высшей лондонской аристократіи, то рѣшено было помочь ему бѣжать, чтобы имя англійскаго аристократа не фигурировало въ числѣ заговорщиковъ. Однако, лордъ Фицджеральдъ былъ не такой человѣкъ, чтобы воспользоваться представляющимся ему случаемъ къ спасенію; онъ слишкомъ беззавѣтно служилъ идеѣ и такъ же искренно бросился въ водоворотъ ирландскаго возстанія, какъ искренно боролся за права метрополіи въ американскихъ колоніяхъ. Естественно, что онъ долженъ былъ отклонить всякое предложеніе услугъ и объявилъ, что раздѣлитъ участь своихъ товарищей.

Между тѣмъ возстаніе все-таки вспыхнуло и повлекло за собою страшную рѣзню. Объ усмиреніи ирландскаго возстанія и тѣхъ ужасахъ, которыя творились при этомъ, не любитъ вспоминать ни одинъ англичанинъ. Безспорно, это самая позорная страница англійской исторіи, и нѣтъ сомнѣнія, что огромное большинство англичанъ чувствуютъ это; ирландцы же не могутъ забыть этихъ ужасныхъ дней, вспоившихъ кровью ненависть ирландцевъ къ Англіи.

Французская помощь на этотъ разъ пришла слишкомъ поздно. Послѣ новой неудачной попытки французовъ высадиться на ирландскомъ берегу, лордъ

Фицджеральдъ понялъ, что все погибло. Онъ самъ въ это время скрывался, голова его была оцѣнена. Это было самое мучительное и тревожное для него время. Года за два передъ тѣмъ онъ женился и страстно любилъ свою жену, отъ которой у него былъ уже ребенокъ-дочка. Переодѣтый, онъ пробрался къ нимъ, однажды, ночью, чтобы проститься съ женою и съ ребенкомъ, быть можетъ, навсегда. Замѣчательно, что Фицджеральду удалось скрываться въ самомъ Дублинѣ въ теченіе 10 недѣль и даже заниматься подготовленіемъ новаго заговора. Однажды, вечеромъ, идя по улицѣ Дублина въ костюмѣ поселянина, онъ обратился съ какимъ-то вопросомъ къ часовому. Тотъ отвѣтилъ ему, но назвалъ его лордомъ. Фицджеральдъ понялъ, что онъ открытъ. Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ другу въ глаза и затѣмъ часовой повернулся и пошелъ своею дорогой...

Но какъ всегда и бываетъ, нашелся все-таки измѣнникъ, который выдалъ его мѣстопребываніе властямъ, и это былъ одинъ изъ членовъ союза, завидовавшій вліянію Фицджеральда. Фицджеральдъ лежалъ въ лихорадкѣ на чердакѣ одного дома, когда къ нему вошли, чтобы арестовать его. Завязалась борьба, во время которой маіоръ Сирръ ранилъ Фицджеральда въ руку и лишилъ его возможности защищаться. Фицджеральдъ былъ отвезенъ въ Ньюгэтскую тюрьму. Вѣсть о его поимкѣ разнеслась по всей странѣ съ быстротою молніи. Въ Дублинѣ стали проектировать всевозможные способы его освобожденія. Его жена и мать бросались къ престолу; вся его знатная родня была поставлена на ноги, чтобы выпросить ему помилованіе, но въ то время, когда его участь такъ горячо занимала все лондонское общество, когда вся Ирландія, какъ одинъ человѣкъ, готова была бы возстать снова, чтобы спасти его, самъ Фицджеральдъ готовился уже покончить всѣ земные разсчеты. Рана его приняла дурное теченіе. У него началась сильная лихорадка съ бредомъ и въ бреду онъ вспоминалъ не о своихъ близкихъ, не о женѣ и ребенкѣ, не о своей матери, которую очень любилъ, а объ ирландскомъ народѣ. Онъ воображалъ себя во главѣ ирландскаго войска, которое велъ сражаться за свободу, и такъ громко командовалъ и кричалъ, что его голосъ доносился изъ оконъ тюрьмы на улицу и прохожіе боязливо прислушивались. За этимъ сильнымъ возбужденіемъ наступилъ упадокъ силъ. Больной лежалъ въ изнеможеніи, прислушиваясь къ звукамъ, доносившимся извнѣ. Бредъ прекратился и онъ ясно сознавалъ все окружающее. Горькія думы тѣснились въ его мозгу. Въ это время до него донесся какой-то странный шумъ.

— Что это за шумъ? — спросилъ онъ боязливо тюремщика, дежурившаго у его дверей.

— Это казнятъ ирландскаго бунтовщика,—отвѣтилъ тотъ, не смущаясь.

Такой хладнокровный отвѣтъ потрясъ несчастнаго больного до глубины души и съ нимъ снова сдѣлался бредъ. Положеніе его было безнадежное, но несмотря на это «знаменитый горлорѣзъ» лордъ Кастльри, усмирявшій дублинское возстаніе, не пускалъ къ нему никого изъ родныхъ, хотя любимая тетка Фицджеральда, леди Луиза Конолли на колѣняхъ умоляла пустить ее. Только благодаря вмѣшательству лорда-канцлера удалось сломить сопротивленіе Кастльри и онъ согласился впустить къ умирающему его брата и тетку.

Бредъ прекратился и умирающій узналъ ихъ, хотя съ трудомъ могъ различать ихъ лица. Онъ уже переступилъ грань, за предѣлами которой кончаются всѣ земныя страданія и тревоги. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ глубокаго спокойствія смерти, и дѣйствительно, не прошло трехъ часовъ послѣ этого драматическаго послѣдняго свиданія — и лорда Фицджеральда не стало!

Никакого разслѣдованія о причинахъ смерти этого цвѣтущаго, молодого, полнаго жизни, человѣка (Фицджеральду было 34 года) не было сдѣлано, хотя, безъ сомнѣнія, онъ умеръ отъ полнаго отсутствія медицинской помощи въ тюрьмѣ,

но память о немъ живетъ въ каждомъ поколѣніи ирландскаго народа и поддерживаетъ въ немъ ненависть къ его палачамъ.

«Бюро новостей» въ Нью-Іоркѣ. Вѣроятно, ни одна печать на свѣтѣ не можетъ поспорить съ американскою въ отношеніи распространенія всевозможныхъ сенсаціонныхъ и, зачастую, ложныхъ извѣстій. Между американскими газетами существуетъ нѣчто вродѣ состязанія въ этомъ отношеніи и каждая изъ нихъ старается преподнести своимъ читателямъ самыя свѣжія новости, подчасъ самаго невѣроятнаго характера. Такъ именно поступаютъ въ особенности тѣ, которыя принадлежатъ къ такъ называемой «желтой печати», распространяющей самыя невѣроятныя извѣстія, получаемыя, будто бы, съ театра испано-американской войны. Всѣ эти извѣстія фабрикуются въ самой редакціи и имѣютъ цѣлью возбудить воинственный духъ американцевъ. Конечно, есть очень много и серьезныхъ газетъ, которыя вовсе не преслѣдуютъ такихъ цѣлей и имѣютъ полную возможность провѣрять получаемыя извѣстія и все-таки угощаютъ своихъ читателей сенсаціонными выдумками. Въ такихъ случаяхъ газеты сами вводятся въ заблужденіе особыми учрежденіями, которыя носятъ названіе: «Бюро новостей» или «Ассоціаціи прессы». Главное мѣстопребываніе такихъ учрежденій — Нью-Іоркъ. Тамъ устроено нѣсколько подобныхъ бюро, представляющихъ крупное коммерческое предпріятіе. Бюро эти располагаютъ цѣлою арміею репортеровъ и продаютъ редакціямъ газетъ свои свѣдѣнія. Каждое такое бюро имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый ассортиментъ всевозможныхъ свѣдѣній изъ области политики, уголовной хроники, свѣтскихъ скандаловъ и разнаго рода сенсаціонныхъ событій. Между этими репортерскими агентствами существуетъ сильное соперничество и каждое изъ нихъ старается заманить къ себѣ покупателя и прельстить его новизною и качествомъ товара. Вслѣдствіе такой конкурренціи, они наперерывъ стараются, другъ передъ другомъ, прельщать газетныя редакціи своими новинками и репортеры изощряются въ искусствѣ добывать извѣстія, а если нѣтъ никакихъ событій, то они безъ церемоніи фабрикуютъ ихъ и въ этомъ отношеніи дошли до высокой степени совершенства. Въ «бюро новостей» всегда имѣются такіе искусные репортеры, которые, не задумавшись, могутъ сочинить цѣлую необыкновенную исторію и по заказу директора бюро расписать ее самыми яркими красками, такъ, чтобы поразить читателя. Впрочемъ, чаще всего этимъ дѣломъ занимаются женщины-репортерши, обладающія гораздо болѣе живымъ воображеніемъ и умѣющія придать правдоподобность своему разсказу.

Но бюро новостей, предлагая какой-нибудь изъ большихъ газетъ сенсаціонную новинку и, разумѣется, взимая за это большую мзду, должно обезпечить себя отъ разоблаченія обмана. Редакціи многихъ серьезныхъ газетъ, платящія большія деньги за такія новинки, большею частью не принимаютъ ихъ просто на вѣру и стараются проконтролировать достовѣрность полученнаго извѣстія. Поэтому-то бюро, передавъ въ газету сенсаціонный разсказъ о какомъ-нибудь великосвѣтскомъ скандалѣ, о нападеніи злоумышленниковъ и геройской защитѣ, о самоубійствѣ и т. п., отыскиваютъ потомъ какое-нибудь лицо, пользующееся репутаціей добропорядочности, которое бы согласилось, изъ какихъ-нибудь соображеній или личныхъ выгодъ, подтвердить разсказъ довѣренному лицу редакціи и выдать себя, напримѣръ, за того самаго X, на котораго произвели покушеніе злоумышленники или который геройски спасъ чью-нибудь жизнь, или покушался на самоубійство и т. д., и т. д. Поиски эти часто бываютъ не легки, такъ какъ нужно умѣть отыскивать лицъ, готовыхъ брать на себя подобную роль и въ данномъ случаѣ многое зависитъ отъ ловкости людей, которымъ поручаются такіе розыски. Это дѣло также, большею частью, поручается женщинамъ, которыя, дѣйствительно, исполняютъ его искуснѣе своихъ собратьевъ по

ремеслу. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, служившая въ одномъ изъ такихъ репортерскихъ агентствъ въ Нью-Іоркѣ и описавшая впослѣдствіи свои похожденія, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весь Нью-Іоркъ былъ взволнованъ появившимся въ одной изъ газетъ сенсаціоннымъ разсказомъ о драмѣ, разыгравшейся въ пріемной одного изъ модныхъ врачей. Къ этому врачу явилась молодая женщина изъ міра финансовой аристократіи и пыталась лишить себя жизни. Докторъ спасъ ее силою своего знанія и самоотверженія. Драма была разсказана, со всѣми подробностями, безъ упоминанія именъ дѣйствующихъ лицъ и произвела сильное впечатлѣніе, но съ начала до конца представляла вымыселъ и ничего больше. Бюро, продавшее эту сенсаціонную новинку газетѣ, конечно, должно было позаботиться о томъ, чтобы найти врача, готоваго ради рекламы взять на себя роль героя этой драмы и отвѣтить на вопросы редакціи, которая пожелала бы провѣрить полученное извѣстіе. Дѣло это было поручено молодой дѣвушкѣ и она отправилась на розыски.

Первый врачъ, къ которому она явилась со своимъ предложеніемъ, вѣжливо отклонилъ его, сказавъ ей, что онъ не согласенъ брать на себя роль героя въ вымышленной исторіи. Второй, очень извѣстный ученый, вышелъ изъ себя и буквально прогналъ ее, такъ что ей стало стыдно и она на минуту поколебалась продолжать свои розыски. Но долгъ службы взялъ верхъ надъ чувствомъ щекотливости и она отправилась къ третьему врачу, который принялъ ее съ распростертыми объятіями и сразу понялъ, что отъ него требуется. Они вдвоемъ придумали всю обстановку драмы до мельчайшихъ подробностей—шнурка, послужившаго для самоубійства, дивана, на который была положена молодая женщина, вынутая изъ петли, и аптечныхъ снадобьевъ, которыя употребилъ докторъ для возвращенія ея къ жизни. Сдѣлавъ нѣсколько разъ репетицію разсказа, докторъ приготовился во всеоружіи встрѣтить журналистовъ, которые не замедлили нагрянуть къ нему, какъ только сдѣлалось извѣстно, что онъ—герой драмы.

Дѣло пошло какъ по маслу. Всѣ газеты перепечатали разсказъ, поймавшись на удочку, и объ этой исторіи заговорилъ весь Нью-Іоркъ. Газеты сдѣлали чудовищную рекламу врачу, который, конечно, извлекъ изъ нея большія выгоды. Однимъ словомъ, всѣ были довольны: газета, первая напечатавшая это извѣстіе, разошлась въ баснословномъ количествѣ экземпляровъ; директоръ бюро новостей, продавшій это извѣстіе за хорошую сумму, потиралъ себѣ руки, и молодая дѣвушка, разыскавшая сговорчиваго доктора, также не осталась въ накладѣ и заслужила не только похвалы своего директора, но и получила отъ него кругленькую сумму за труды.

Не смотря на то, что всѣ эти уловки хорошо извѣстны всѣмъ журналистамъ, газеты все-таки попадаются на удочку. Еще болѣе серьезное значеніе имѣютъ политическія новости, которыя фабрикуются въ бюро новостей и, появившись въ газетахъ подъ прикрытіемъ фирмы какого-нибудь извѣстнаго телеграфнаго агентства, производятъ сенсацію и вызываютъ иной разъ взрывъ воинственныхъ чувствъ, биржевую панику или другія болѣе или менѣе серьезныя послѣдствія. Въ этомъ отношеніи невольно вызываетъ изумленіе довѣрчивость американской публики, столько разъ обманываемой и до сихъ поръ продолжающей вѣрить каждому газетному извѣстію. Еслибъ не эта довѣрчивость и не падкость американской публики до всякаго рода новинокъ, то, безъ сомнѣнія, бюро новостей не могли бы такъ процвѣтать, какъ они процвѣтаютъ до сихъ поръ, и не представляли бы такого выгоднаго коммерческаго предпріятія, несмотря на частыя изобличенія ихъ въ обманѣ и на всѣ принимаемыя серьезными газетами предосторожности, чтобы не попасть въ ловушку.

Японскій министръ о просвѣщеніи. Въ японскомъ парламентѣ, во время недавнихъ преній о бюджетѣ министерства просвѣщенія, обсуждался вопросъ о школахъ и о томъ, какую систему народныхъ школъ слѣдуетъ предпочесть: духовную или свѣтскую, т. е. ставить ли въ основу школьнаго обученія преподаваніе Закона Божія согласно требованіямъ извѣстной религіи: буддійской, христіанской, іудейской и т. д., или же сдѣлать преподаваніе въ школахъ совершенно независимымъ отъ религіи и принимать туда учениковъ всякаго вѣроисповѣданія. Японскій первый министръ маркизъ Ито высказался очень краснорѣчиво въ пользу свѣтскихъ школъ. «Преподаваніе въ школахъ не должно быть связано никакими религіозными узами,—сказалъ онъ.—Стремиться къ противоположному—значитъ не понимать ни духа японской національной политики, ни духа японской конституціи, ни стремленій всѣхъ цивиллизованныхъ странъ Европы и Америки, гдѣ съ развитіемъ прогресса цивилизаціи все болѣе и болѣе преобладаетъ тенденція, ограничивающая вмѣшательство религіи въ область политики и народнаго воспитанія. Въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ произошла уже полная эмансипація школы въ этомъ отношеніи. Да и Японія обязана быстрымъ ростомъ своего прогресса только тому, что въ области просвѣщенія и политики не существовало тѣхъ преградъ, которыя образуютъ вѣковые религіозные предразсудки, и она въ этомъ отношеніи не слѣдовала примѣру другихъ восточныхъ государствъ, не рѣшающихся сбросить съ себя бремя этихъ предразсудковъ и поэтому не допускающихъ введенія болѣе просвѣщенной администраціи. Японія не пойдетъ по стопамъ этихъ отсталыхъ государствъ. Религія, конечно, имѣетъ громадное значеніе для народа, но область ея вмѣшательства должна быть строго ограничена. Народъ въ Японіи можетъ свободно исповѣдывать какую угодно религію и въ этомъ отношеніи всякое просвѣщенное правительство должно проявлять самую широкую вѣротерпимость, воздерживаясь отъ всякаго вмѣшательства въ такое дѣло, которое касается лишь личной совѣсти человѣка. Школьное воспитаніе должно быть свободно отъ всякаго воздѣйствія религіи и не навязывать ученикамъ никакихъ спеціальныхъ религіозныхъ убѣжденій. Это дѣло родителей; пусть они воспитываютъ своихъ дѣтей въ такой вѣрѣ, которую исповѣдуютъ сами или какую они признаютъ лучшей. Японская конституція гарантируетъ полную свободу вѣроисповѣданія всѣмъ и каждому и не дѣлаетъ никакихъ различій между христіаниномъ и буддистомъ, евреемъ и магометаниномъ и т. д. Не допускаются только такія секты, которыя несовмѣстимы съ порядкомъ и спокойствіемъ общины. Внѣ этого государственнымъ людямъ нѣтъ дѣла до того, какую религію исповѣдуютъ японскіе подданные, а людямъ, которымъ поручено воспитывать молодое поколѣніе, нѣтъ надобности вмѣшиваться въ дѣла религіи. Пусть государственный дѣятель вѣдаетъ государственныя дѣла, политикъ—политику, педагогъ—предметы преподаванія въ школахъ и пусть каждый молится, какъ хочетъ!»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue scientifique». — «Nineteenth Century».—«Revue des deux Mondes».—«Ethical World».—«Revue des Revues».

Недавно въ англійскій парламентъ представленъ докладъ комиссіи по народному образованію, изслѣдовавшей современное состояніе народнаго образованія какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ государствахъ. Изъ этого доклада «Revue scientifique» заимствуетъ интересныя данныя, касающіяся допущенія женщинъ въ различные европейскіе университеты. Составители доклада обратились во всѣ извѣстные университеты съ вопросными пунктами, опредѣляющими отношеніе даннаго университета или данной страны къ женскому выс-

шему образованію. Изъ 162 университетовъ, которымъ были посланы эти вопросные пункты, отвѣтили 139, и хотя не всѣ отвѣты сдѣланы ясно и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе изъ нихъ можно вывести слѣдующія заключенія.

Во французскихъ университетахъ женщины допускаются совершенно на такихъ же условіяхъ, какъ и мужчины, сдаютъ экзамены и получаютъ дипломы. Такія же условія существуютъ въ Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Швейцаріи, Италіи, Греціи и Румыніи.

Шведскіе университеты не столь либеральны, они все-таки дѣлаютъ нѣкоторыя ограниченія и не допускаютъ женщинъ къ экзаменамъ по юридическимъ наукамъ и теологіи.

Въ Испаніи мы уже натыкаемся на нѣкоторыя противорѣчія, существующія въ отношеніяхъ различныхъ университетовъ къ высшему женскому образованію. Барселонскій университетъ допускаетъ женщинъ безъ всякихъ ограниченій, а въ Гренадѣ указывается какъ на рѣдкій фактъ на двухъ женщинъ слушающихъ университетскій курсъ фармаціи. Одна изъ нихъ зачислена въ списки какъ оффиціальный студентъ, другая—вольнослушательница. Но зато въ Саламанкѣ, въ древнемъ университетѣ, ставятся женщинамъ всевозможныя затрудненія, явно указывающія на нежеланіе этого университета давать женщинамъ ученыя степени. На первый вопросъ: имѣютъ ли женщины «право» поступать въ университетъ? Секретарь университета отвѣтилъ: «да», но затѣмъ прибавилъ, что онѣ не могутъ быть членами ни одной изъ коллегій, не допускаются на курсы и хотя могутъ являться на экзаменъ, но получаемая ими ученая степень имѣетъ чисто «почетное» значеніе и дипломы не даютъ имъ права заниматься тою профессіей, какою можетъ заниматься мужчина, получившій такой же дипломъ.

Конечно, такіе порядки равносильны полному недопущенію женщинъ къ университетскому образованію. Въ Австріи, также какъ и въ Россіи (за исключеніемъ финляндскаго университета въ Гельсингфорсѣ), двери университетовъ абсолютно закрыты для женщинъ. Въ Германіи, въ большинствѣ университетовъ, ректоръ можетъ разрѣшить женщинамъ посѣщеніе лекціи, но подъ условіемъ согласія профессоровъ, читающихъ эти лекціи; однако только геттингенскій и гейдельбергскій университеты допускаютъ ихъ являться на экзаменъ. Въ Берлинѣ, напримѣръ, имъ выдается только удостовѣреніе въ томъ, что онѣ посѣщали извѣстные курсы.

Совсѣмъ иные порядки существуютъ въ Англіи и ея колоніяхъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Англія со своими 28 университетами и Соединенные Штаты съ 32 университетами не воздвигаютъ женщинамъ никакихъ препятствій въ ихъ стремленіи къ высшему образованію. Вездѣ, чтобы облегчить женщинамъ пребываніе въ университетѣ, устраиваются женскія коллегіи. То же самое мы видимъ и въ Америкѣ, но въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ. Въ Америкѣ совмѣстное воспитаніе давно уже пріобрѣло право гражданства и относительно женщинъ допускается лишь одно единственное исключеніе въ университетской жизни: онѣ не зачисляются въ военную организацію университетовъ.

Въ «Nineteenth Century» напечатана статья о клубахъ, устраиваемыхъ для работницъ въ Англіи, указывающая на важное значеніе такого рода филантропическихъ учрежденій. Авторъ этой статьи, лэди Гобартъ Гемпденъ, привела нѣсколько лѣтъ въ отдаленномъ лондонскомъ кварталѣ и изучила бытъ женскаго рабочаго населенія. По ея мнѣнію, въ особенности молодыя дѣвушки работницы нуждаются въ той поддержкѣ и руководствѣ, которыя можетъ имъ доставить женскій рабочій клубъ, преслѣдующій, главнымъ образомъ, слѣдующія три цѣли: 1) отдыхъ и развлеченіе послѣ дневного труда; 2) общеніе и

развитіе индивидуальнаго характера и 3) развитіе вкуса и болѣе возвышенныхъ стремленій. Кромѣ отдыха, клубъ долженъ заботиться о томъ, чтобы въ членахъ его развивалось стремленіе къ общественности, къ высшимъ идеаламъ и потребность въ умственной пищѣ. Авторъ описываетъ жизнь нѣкоторыхъ молодыхъ фабричныхъ работницъ и указываетъ, какъ велика у нихъ потребность не только въ отдыхѣ, но и въ такой духовной пищѣ. Въ большинствѣ случаевъ молодыя работницы выходятъ изъ многочисленной семьи, въ которой, за исключеніемъ совсѣмъ маленькихъ дѣтей и матери, несущей на себѣ всю тяжесть домашняго труда, всѣ прочіе члены ходятъ на фабрику, къ вечеру послѣ утомительнаго однообразнаго фабричнаго труда молодая работница возвращается домой, гдѣ наскоро съѣдаетъ, приготовленный ей матерью обѣдъ, и, переодѣвшись въ чистое платье, отправляется на улицу. Молодость беретъ свое; ей хочется свѣта, веселья, дружеской бесѣды, болтовни съ подругами и т. п. Но бываютъ и такія, которымъ хотѣлось бы почитать въ тиши у камина или послушать музыку, или же просто посидѣть въ свѣтлой, просторной и уютной комнатѣ, на удобномъ креслѣ или диванѣ. Дома ничего этого онѣ имѣть не могутъ; тамъ тѣснота, полное отсутствіе какого бы то ни было комфорта и зачастую молодая работница не имѣетъ даже угла, который принадлежалъ бы ей. Что жъ удивительнаго, что молодая работница торопится уйти изъ дому, гдѣ она не получаетъ никакихъ освѣжающихъ впечатлѣній! И вотъ, если клубъ отворяетъ ей свои гостепріимныя двери, — она охотно отправляется туда, гдѣ къ ея услугамъ будетъ все то, чего она лишена дома. По мнѣнію автора, именно отсутствіе такого благодѣтельнаго учрежденія, какъ клубъ, часто бываетъ причиною того, что молодыя работницы сбиваются съ пути и погибаютъ. Потребность жить слишкомъ велика и утомительный однообразный фабричный трудъ не можетъ заглушить ее. Устроительницы клуба для работницъ должны прежде всего имѣть въ виду эту потребность и сдѣлать свой клубъ привлекательнымъ мѣстомъ для самихъ работницъ. Въ Англіи въ различныхъ фабричныхъ центрахъ устроены такіе клубы, но не вездѣ они одинаково процвѣтаютъ и именно потому, что не вездѣ правильно понято ихъ назначеніе и устроительницы этихъ клубовъ не были достаточно знакомы съ условіями жизни работницъ. Чтобы придти къ нимъ на помощь въ этомъ смыслѣ, необходимо близко изучить ихъ бытъ, войти въ ихъ интересы, узнать ихъ вкусы и стремленія, и только тогда возможенъ успѣхъ и клубъ не только будетъ мѣстомъ отдыха для работницъ, но и будетъ оказывать на нихъ оздоровляющее и возвышающее нравственное вліяніе.

Въ послѣднее время статистика во многихъ государствахъ указываетъ на необыкновенное увеличеніе числа самоубійствъ. Процентъ самоубійствъ возрастаетъ угрожающимъ образомъ, въ особенности въ большихъ центрахъ, и, конечно, причину этого прискорбнаго явленія слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ соціальныхъ условіяхъ, а не въ какихъ-либо признакахъ вырожденія расы, тлетворномъ вліяніи нѣкоторыхъ философскихъ ученій, слабости воли и т. п. Луи Проаль въ своей статьѣ «Les suicides par misère à Paris», напечатанной въ «Revue de deux Mondes» именно и указываетъ, что среди самоубійцъ преимущественно преобладаютъ такія, которыя лишаютъ себя жизни, чтобы избѣжать нравственныхъ и физическихъ страданій, сопряженныхъ съ безвыходной нуждой и нищетой. Авторъ раскрываетъ передъ глазами читателя оборотную сторону жизни большого города. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ несчастныхъ, выбитыхъ изъ колеи, лишенныхъ возможности честно заработать кусокъ хлѣба и послѣ долгой и упорной борьбы налагающихъ на себя руку, чтобы разъ навсегда избавиться отъ физическихъ страданій и униженій. Молодыя дѣвушки, юноши, старики, дѣти, матери и отцы семействъ,— всѣ находятся въ

этомъ спискѣ. Авторъ цитируетъ письма нѣкоторыхъ самоубійцъ, сообщаетъ подробности, касающіяся ихъ жизни, безъисходную нужду, отчаяніе, напрасныя поиски работы и т. п.; все это производитъ самое удручающее впечатлѣніе. Жизнь теряетъ свою цѣну въ глазахъ несчастныхъ и, какъ сказалъ поэтъ: «La mort aux malheureux ne cause par d'effroi». Маленькій двѣнадцатилѣтній трубочистъ, которому авторъ посовѣтовалъ быть осторожнѣе, отвѣчалъ ему самымъ спокойнымъ образомъ: «О! мы вѣдь не дорожимъ жизнью!» Какъ же должна быть тяжела жизнь, чтобы даже въ такіе годы она не представляла никакой привлекательности! Дѣйствительно, самоубійства дѣтей далеко не составляютъ рѣдкаго явленія и ложатся, безъ сомнѣнія, тяжелымъ укоромъ на современное общество.

Проаль видитъ главныя причины этого бѣдствія въ насильственной безработицѣ, которая часто наступаетъ въ большихъ городахъ, въ недостаточности заработной платы, въ различныхъ болѣзняхъ, обремененіи многочисленной семьей, въ старости и, наконецъ, въ переполненіи всякихъ профессій и изобиліи рабочихъ рукъ. Конечно, причиною нищеты бываютъ и различныя пороки, развратъ и пьянство, а иногда собственная непредусмотрительность и легкомысліе. Но эти причины далеко не такъ часты, какъ это принято думать. Между прочимъ, авторъ въ числѣ причинъ учащенія самоубійствъ указываетъ и на ослабленіе религіознаго чувства въ парижскомъ населеніи, такъ какъ вслѣдствіе этого исчезаетъ «духъ покорности, помогающій терпѣливо переносить бѣдствія, посылаемыя судьбой и недозволяющій развиваться отчаянію». Но тутъ же самъ авторъ признаетъ, что если вѣра утѣшаетъ, то все же она не можетъ доставить ни хлѣба, ни работы тѣмъ, кто въ этомъ нуждается и духъ покорности не можетъ заглушить мукъ голода. Надо что-нибудь сдѣлать, чтобы остановить этотъ ужасающій ростъ самоубійствъ. По статистикѣ въ прежнія времена (въ 1836 и др. годахъ) въ Парижѣ ежегодно бывало 7—8 самоубійствъ отъ нищеты. Теперь—350! Цифра эта служитъ лучшимъ указаніемъ на то, что современный соціальный строй требуетъ основательной починки.

Школьныя путешествія давно уже признаны въ Германіи важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ воспитанія. Педагоги убѣждены въ пользѣ такихъ путешествій и ежегодно устраиваютъ поѣздки съ учениками; правительство же, съ своей стороны, содѣйствуетъ устройству такихъ путешествій тѣмъ, что даетъ учителямъ и ученикамъ льготы по желѣзнымъ дорогамъ, а пароходныя общества уменьшаютъ плату за провозъ учениковъ и ихъ провожатыхъ.

«Ethical World», описывающій одну изъ такихъ поѣздокъ, устроенную для старшихъ классовъ педагогической семинаріи въ Іенѣ, говоритъ, что всѣ ученическія поѣздки всегда устраиваются по заранѣе установленной программѣ и преслѣдуютъ извѣстныя цѣли преподаванія. Въ данномъ случаѣ, такъ какъ классъ изучалъ въ теченіе учебнаго семестра исторію реформаціи, поѣздка была устроена со спеціальною цѣлью посѣтить главные центры реформаціоннаго движенія и города, съ которыми связано воспоминаніе о Лютерѣ. Затѣмъ, такъ какъ классъ занимался также и тридцатилѣтней войной, рѣшено было посѣтить важнѣйшіе пункты, находящіеся въ связи съ исторіей этой войны. Во всѣхъ этихъ пунктахъ предполагалось останавливаться для подробнаго ознакомленія учениковъ съ историческими памятниками и прочтенія имъ наглядnаго урока исторіи. За недѣлю до отправленія учителя подготовляли учениковъ къ путешествію, читая имъ географическій и историческій обзоръ мѣстности, которую предполагается посѣтить. На этихъ подготовительныхъ лекціяхъ выработанъ былъ маршрутъ и начерчена карта путешествія, причемъ каждый изъ учениковъ набросалъ себѣ такую карту въ своей записной книжкѣ.

Всѣ издержки по организаціи такого путешествія обыкновенно беретъ на

себя школа и каждый изъ учениковъ вноситъ только три марки въ общую кассу. Затѣмъ каждый изъ учениковъ долженъ имѣть при себѣ свой ранецъ, куда вкладывается перемѣна бѣлья, пара носковъ, туфли и предметы, необходимые для туалета. Кромѣ того, каждый изъ учениковъ обязуется захватить съ собою какой-нибудь предметъ, нужный для всеобщаго употребленія, напримѣръ: нитки и иголки, сапожную и платяную щетку и т. п. Передъ отправленіемъ въ походъ ученикамъ производится смотръ, все ли у нихъ въ порядкѣ, причемъ главное вниманіе обращается на сапоги.

Нечего и говорить, какъ много разнообразія вносятъ такія поѣздки въ школьную жизнь и какъ много онѣ помогаютъ запоминанію историческихъ событій, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и т. п. Въ душѣ учениковъ такія поѣздки оставляютъ самое свѣтлое воспоминаніе, въ особенности когда онѣ организуются городскими школами, ученики которыхъ принадлежатъ преимущественно къ бѣднѣйшимъ классамъ городского населенія,—для такихъ дѣтей, осужденныхъ прозябать въ городской духотѣ и пыли, всякая поѣздка составляетъ роскошь и тѣмъ болѣе вноситъ разнообразія въ ихъ скудную впечатлѣніями жизнь.

Испано-американская война началась недавно и не привела еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но уже американскія газеты полны сообщеніями о новыхъ орудіяхъ войны и средствахъ истребленія, которыми они угрожаютъ испанцамъ въ ближайшемъ будущемъ. Описанія этихъ снарядовъ указываютъ на необыкновенную изобрѣтательность американскаго ума и, конечно, всѣ эти смертоносные снаряды давно бы уничтожили врага, еслибъ... если бъ большинство этихъ изобрѣтеній не составляло пока еще только продуктъ американской фантазіи.

«Revue des Revues» описываетъ цѣлый рядъ такихъ смертоносныхъ изобрѣтеній, которыя въ самомъ непродолжительномъ времени должны получить практическое примѣненіе. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что многія изъ этихъ изобрѣтеній и способовъ, касающіяся преимущественно морской войны, ничего невѣроятнаго въ себѣ не заключаютъ и дѣйствительно могутъ нанести громадный вредъ непріятелю. Прежде всего надо упомянуть о такъ называемомъ «Mosquits Fleet». Роль москитовъ въ данномъ случаѣ должны будутъ играть купеческіе корабли, годные къ войнѣ. Обязанность ихъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы постоянно досаждать непріятельскимъ эскадрамъ, слѣдить за ихъ движеніями и доносить о ихъ приближеніи и намѣреніяхъ морскимъ властямъ. Организація такого флота, разумѣется, не представляетъ ничего необыкновеннаго и можетъ служить прекраснымъ средствомъ для обороны береговъ.

Но болѣе важнымъ изобрѣтеніемъ для активныхъ военныхъ дѣйствій служитъ «самодвижущаяся торпеда» американскаго инженера Гоуэлля. Это уже послѣднее слово минной науки. Всѣ современные государства обладаютъ цѣлымъ флотомъ миноносцевъ и въ этомъ отношеніи Испанія не хуже вооружена, чѣмъ Америка, но если торпеда Гоуэлля на практикѣ окажется столь же дѣйствительной, какъ и въ теоріи, то преимущество будетъ на сторонѣ американскаго флота, такъ какъ снарядъ Гоуэлля можетъ двигаться со скоростью 30—35 узловъ въ часъ и на разстояніи 800—900 метровъ достигаетъ намѣченной цѣли. Другой такой же важный въ военномъ отношеніи аппаратъ изобрѣтенъ бруклинскимъ инженеромъ Альварецомъ Темпло и представляетъ родъ подводнаго велосипеда, названнаго изобрѣтателемъ «акваведомъ». На этомъ аппаратѣ человѣкъ, въ костюмѣ водолаза, можетъ доставить торпеду въ какое угодно мѣсто.

Знаменитый инженеръ Голландъ изобрѣлъ подводный корабль «Plunger», имѣющій форму кита, который можетъ плавать на глубинѣ шести метровъ и

притомъ со скоростью 15—16 узловъ въ часъ. Опыты съ этимъ судномъ уже были произведены въ Бальтиморѣ и, какъ говорятъ, дали превосходные результаты. Такіе же, повидимому, прекрасные результаты дали опыты устройства телефоннаго сообщенія между кораблями посредствомъ бумажнаго змѣя. Такое сообщеніе удавалось поддерживать непрерывно въ теченіе четырехъ часовъ.

Но изъ этой технической области мы вступаемъ уже въ область чистой фантазіи, когда дѣло заходитъ объ изобрѣтеніяхъ Эдиссона. Перечисленіе тѣхъ смертоносныхъ изобрѣтеній, которыя онъ намѣренъ подарить своимъ соотечественникамъ, способно вызвать содроганіе. Въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ только нѣтъ! Электрическіе кабеля, окружающіе осажденный городъ и убивающіе каждаго, кто рѣшается переступить черезъ нихъ; электрическія цѣпи, бросаемыя въ непріятельскую армію и сѣющія смерть въ ея рядахъ и, наконецъ, такая машина, которая выбрасываетъ на громадное разстояніе столбъ воды, заряженной электрическимъ токомъ громадной силы, который, по словамъ изобрѣтателя, долженъ былъ бы «смыть цѣлую армію съ лица земли словно соломинку!»

Нельзя пройти молчаніемъ изобрѣтеніе торпеднаго аэростата, снабженнаго часовымъ механизмомъ и выпускающаго динамитные заряды черезъ извѣстные промежутки времени. Зная силу и направленіе вѣтра, можно выпустить такой аэростатъ съ разсчетомъ, что онъ понесется какъ разъ на непріятельскій городъ и броситъ въ него свои ужасные взрывчатые снаряды. Но самое поразительное изобрѣтеніе сдѣлано знаменитымъ электротехникомъ Тесла, который изобрѣлъ способъ вызывать на большихъ разстояніяхъ, и притомъ безъ помощи электрической проволоки, электрическій токъ значительной силы и искру, которая можетъ вызвать взрывъ пороховыхъ магазиновъ на суднѣ или даже на суши. Тесла утверждаетъ, что при помощи его аппарата можно отправлять электрическіе токи по всѣмъ направленіямъ черезъ землю, воздухъ или воду безъ посредства какихъ-либо электрическихъ проводовъ. Такой токъ можетъ быть направленъ въ наиболѣе слабую часть арміи, находящейся въ движеніи, или въ любую часть непріятельскаго судна. Въ нью-іоркскомъ акваріумѣ были уже произведены опыты съ этимъ аппаратомъ и маленькія суда взлетали на воздухъ подъ вліяніемъ дѣйствія такихъ электрическихъ токовъ или «электрическихъ волнъ», какъ ихъ называетъ Тесла. Для примѣненія аппарата Теслы надо будетъ построить цѣлый рядъ спеціальныхъ электрическихъ станцій на берегу и, кромѣ того, поставить такіе же аппараты на военныхъ судахъ большой скорости и оттуда уже посылать, безъ посредства какихъ бы то ни было приводовъ, рядъ электрическихъ волнъ, распространяющихся концентрическими кругами, какъ морскія волны, и достигающими разстояній въ нѣсколько миль. Въ сферѣ распространенія этихъ волнъ искра можетъ быть вызвана каждымъ пріемникомъ или инструментомъ, снабженнымъ двумя остріями. Конечно, непріятельскія суда не станутъ запасаться подобнымъ пріемникомъ для производства электрической искры, но Тесла утверждаетъ, что онъ уже придумалъ, какъ обойтись безъ него и вызвать появленіе искры даже безъ такого пріемника. Аппаратъ его, дѣйствующій на основаніи такого же принципа, какъ и телеграфъ безъ проводовъ, можетъ явиться такимъ образомъ страшнымъ истребителемъ непріятельскаго флота, такъ какъ всякое судно, вступающее въ сферу дѣйствія этого аппарата, заранѣе осуждено на гибель; электрическая искра неминуемо произведетъ взрывъ, потому что на военномъ суднѣ всегда есть достаточный запасъ взрывчатыхъ веществъ. При такихъ условіяхъ, конечно, морская война станетъ совершенно невозможной и, разумѣется, испанцамъ слѣдуетъ поторопиться кончить войну, пока весь арсеналъ страшныхъ истребительныхъ снарядовъ, которыми американцы готовятся поразить непріятеля, еще не получилъ на практикѣ никакого примѣненія.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Новости ботаники за истекшій 1897 годъ.

Минувшій годъ былъ особенно богатъ успѣхами въ области ботаники. Наиболѣе интересными являются—значеніе пестрой окраски у листьевъ и открытія въ процессѣ оплодотворенія у различныхъ растеній.

Въ февралѣ 1897 года вышла новая книга «Ueber bunte Laubblätter» Сталя—отдѣльный оттискъ статьи того же названія, помѣщенной въ «Annales de Buitzenzorg»—ботаническомъ журналѣ, выходящемъ на о. Явѣ, въ Бюйценцоргѣ, при мѣстномъ ботаническомъ садѣ и международной ботанической станціи (между прочимъ, здѣсь и Россія обладаетъ однимъ мѣстомъ, куда и посылается въ текущемъ году г. Навашинъ). Авторъ книги, извѣстный ученый, давно былъ заинтересованъ явленіемъ пятнистой окраски листьевъ, т. е., когда по зеленому фону листа попадаются мѣста, окрашенныя въ разные, преимущественно красный и бѣлый, цвѣта. Такія растенія есть и въ нашей флорѣ, но подъ тропиками они особенно обильны и ихъ листья своею яркостью соперничаютъ съ цвѣтами. Длинный рядъ наблюденій, сдѣланыхъ Сталемъ въ Австріи, Германіи, Швейцаріи, Мексикѣ, о. Явѣ надъ растеніями, у которыхъ пестрая окраска является естественной, а не слѣдствіемъ культуры или болѣзненнаго процесса, убѣдилъ его, что такая окраска листьевъ вовсе не является «защитной» окраской растеній передъ животными; опыты показали, что, съ одной стороны, голодныя животныя ѣдятъ и пестрые листья, а съ другой стороны, даже и въ темнотѣ съѣдаются сначала листья и плоды обыкновенной окраски; значитъ, если животныя и избѣгаютъ до нѣкоторой степени пестрыхъ листьевъ, то, скорѣе всего, въ силу ихъ вкуса. Тогда Сталь обратилъ вниманіе на ту роль, которую пестрая окраска играетъ въ физіологіи растеній.

Какъ извѣстно, зеленая окраска зависитъ отъ присутствія хлорофилла—необходимаго для образованія углеводовъ изъ атмосферной воды и углекислоты; красная—отъ свойствъ клѣточнаго сока и отъ эритрофилла; бѣлая окраска является просто слѣдствіемъ существованія воздухоносныхъ полостей между безцвѣтными клѣтками: въ этомъ легко убѣдиться, пожавъ пальцами любой бѣлый лепестокъ цвѣтка. Онъ станетъ тотчасъ безцвѣтнымъ, такъ какъ выступившая изъ раздавленныхъ клѣтокъ вода заполнитъ пустоты. Функція зеленой окраски очевидна: при дѣйствіи свѣтовыхъ лучей, она разлагаетъ углекислоту. И другія окраски пытались объяснить, исходя изъ ихъ отношенія къ свѣту. Сталь поступилъ иначе: онъ изучилъ отношеніе окраски къ тепловымъ лучамъ.

Для этой цѣли Сталь предпринялъ цѣлый рядъ опытовъ. При своихъ работахъ онъ бралъ термоэлектрическій элементъ изъ спаянныхъ пластинокъ, серебряной и мѣдной; мѣсто спая было загнуто въ лопаточку, которая вонзалась въ любое изслѣдуемое мѣсто листа. Такіе элементы даютъ возможность замѣтить малѣйшую разницу между двумя нагрѣтыми тѣлами. Для изслѣдованій

брались, въ виду ихъ удобства преимущественно мясистые листья, источникомъ тепловыхъ лучей служила либо газовая лампа, либо мѣдный кубъ съ горячей водой (темные тепловые лучи). Многократные, тщательно обставленные опыты дали слѣдующіе выводы: красные листья нагрѣваются скорѣе зеленыхъ, зеленые скорѣе бѣлыхъ; обратно, красные листья стынутъ скорѣ зеленыхъ, а зеленые—скорѣе бѣлыхъ. Кромѣ того, если взять растеніе, на которомъ попадались листья красные и зеленые, то, по окончаніи опыта, температура краснаго листа была на 1.5—1,82° (смотря по тому, какъ глубоко вставлена лопаточка) выше температуры зеленаго листа. Въ то же время температуры разныхъ, но одинаково окрашенныхъ мѣстъ разнятся не болѣе, чѣмъ на 0.01°. Разница между температурами пятенъ блѣднорозоваго и темнокраснаго достигаетъ, смотря по растенію, отъ 0,14° (Tulipa Greigi) и до 1,35° (Begonia hevacleifolia var. nigricans). При этомъ обыкновенно въ первыя минуты нагрѣваніе и у тѣхъ и у другихъ листьевъ идетъ одинаково; по истеченіи 6 — 10 мин. листья пріобрѣтали maximum'ы своихъ температуръ и тогда разница ихъ являлась наиболѣе замѣтной. Что же касается бѣлыхъ листьевъ, то, по истеченіи этихъ 6—10 мин., ихъ температура на 0,34° и до 1,21°, смотря по виду растенія, ниже температуры зеленыхъ листьевъ. Впослѣдствіи, мало-по-малу, температуры разноокрашенныхъ листьевъ уравниваются и остаются такими до остыванія, когда опять начинаетъ сказываться вліяніе окраски на температуру листа. Чтобы нагляднѣе убѣдиться въ связи окраски листа съ поглощеніемъ имъ теплоты, Сталь предлагаетъ слѣдующій несложный опытъ: берется листъ съ красными пятнами по зеленому фону, намазывается на нижней сторонѣ легкоплавкимъ масломъ какао и выставляется своею верхнею стороною на свѣтъ. Если солнце достаточно сильно грѣетъ, какаовое масло расплавится прежде всего въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приходятся противъ красныхъ пятенъ, а когда все масло расплавится и листъ подвергнется охлажденію, на тѣхъ же мѣстахъ, въ видѣ островковъ, и застынетъ ранѣе масло. Для опыта съ бѣлой окраской удобно брать зеленый листъ съ бѣлыми полосками; на нихъ масло останется слоемъ и тогда, когда прочая масса его расплавится; обратно противъ бѣлыхъ полосокъ останутся канальцы расплавленнаго масла тогда, когда, по обращеніи всей массы масла въ жидкость, листъ подвергается охлажденію.

Но къ чему все-таки служитъ пестрая окраска листьевъ? Сталь, для разъясненія этого вопроса, указываетъ на слѣдующіе факты. Въ Сѣверной Америкѣ, въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ весны суровѣе нашихъ, почки тоже соотвѣтственно холоднѣе нашихъ, европейцу сразу бросаются «красные лѣса» Америки, т. е. изобилующіе красной окраской листьевъ, почекъ, молодыхъ вѣтвей и т. д. Многія наши европейскія растенія вначалѣ имѣютъ красноватый цвѣтъ въ силу такой окраски листьевъ, концовъ молодыхъ вѣтвей и т. д. Альпійскія растенія характеризуются своей темной окраской; болѣе того: при опытахъ Кернера, посадившаго въ Тиролѣ на высотѣ 2.195 метр., т. е. на альпійской высотѣ. два растенія, выжило то, которое обладало красной окраской; другое (одинъ видъ льна) не дожило и до цвѣтенія. Слѣдовательно, окраска благопріятствуетъ сохраненію жизни растенія, его преуспѣванію, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно начинаетъ свой вегетаціонный періодъ слишкомъ рано, либо когда растеніе живетъ въ мѣстности съ короткимъ вегетаціоннымъ періодомъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ красная окраска помогаетъ растенію болѣе уловить, болѣе усвоить теплоты и обратить ее на внутреннюю работу. Въ видѣ иллюстраціи, Сталь приводитъ слѣдующее показаніе проф. Кильмана, изслѣдовавшаго флору русской Лапландіи: небольшая лужа, окрашенная темноокрашеннымъ, почти чернымъ, мхомъ Jungermannia inflata, 10 мая, въ часъ пополудни, имѣла температуру въ + 17° Ц., тогда какъ не болѣе, какъ въ предъидущую ночь она была еще покрыта толстымъ слоемъ льда! Очевидно, мохъ, благодаря темной окраскѣ, по-

глотилъ массу теплоты и часть ея передалась и льду. Болѣе сильное нагрѣваніе темноокрашенныхъ мховъ, сравнительно съ прочими, замѣтно при простомъ прикосновеніи рукой. Вотъ почему такіе виды могутъ существовать на альпійскихъ высотахъ съ ихъ вѣчнымъ снѣгомъ, возлѣ глетчеровъ, въ тундрахъ: темная окраска представляетъ имъ прекрасное средство быстро согрѣться, не смотря на всю скудость тепла, посылаемаго солнцемъ; она служитъ растенію «физіологической шубой», по мѣткому выраженію одного русскаго ботаника.

Что касается тропическаго пояса, то здѣсь краснолистныя растенія попадаются преимущественно въ тѣнистыхъ лѣсахъ, въ Мексикѣ—въ тѣнистыхъ ущельяхъ. Въ этомъ случаѣ красная окраска тѣмъ полезна растенію, что эритрофиллъ, не задерживая тѣхъ лучей, которые вліяютъ на усвоеніе углекислоты и, слѣдовательно, полезны хлорофиллу, въ то же время поглощаетъ тепловые лучи, которые, при одномъ хлорофиллѣ, оставались бы безъ поглощенія. Усваивая ихъ, эритрофиллъ полученной теплотой содѣйствуетъ процессу ассимиляціи, дыханія, испаренія. Какъ извѣстно, въ кожицѣ листьевъ находятся такъ называемыя устьица, служащія для провѣтриванія клѣтокъ и для испаренія; чѣмъ болѣе растеніе испаряетъ воды, получаемой извнѣ и образующейся при процессѣ усвоенія углекислоты, тѣмъ болѣе на листѣ устьицъ. Каждое устьице обведено двумя смыкающимися полулунными «заключительными» клѣтками. Если напоръ клѣточнаго сока, «тургоръ», великъ, то внутриклѣточное давленіе распираетъ заключительныя клѣтки, онѣ, упираясь концами другъ въ друга, въ серединѣ расходятся и открываютъ отверстіе устьица. Если бы заключительныя клѣтки потеряли болѣе воды отъ испаренія, чѣмъ успѣли бы получить извнѣ отъ сосѣднихъ, тургоръ бы уменьшился. Слѣдствіемъ этого было бы то, что заключительныя клѣтки спались бы и закрыли отверстіе устьица; дыханіе и испареніе замедлилось бы; а такъ какъ при усвоеніи углекислоты образуются и водяные пары, которымъ закрытыя устьица стѣснили бы выходъ, то это отразилось бы и на процессѣ ассимиляціи, замедливъ его. Но благодаря присутствію эритрофилла въ клѣткахъ, сосѣднихъ съ заключительными, эта опасность устраняется. Обыкновенно, участки листьевъ, богатые устьицами, богаты и эритрофилломъ и наоборотъ; примѣромъ можетъ служить попадающееся и у насъ растеніе—скочки (Sempervivum tect).

Въ тѣхъ же тѣнистыхъ лѣсахъ, ущельяхъ, затѣмъ на болотахъ, по берегамъ рѣкъ и вообще на сырой почвѣ встрѣчающіеся растенія часто имѣютъ листья съ бѣлою пятнистостью. Иногда одно и то же растеніе теряетъ, либо получаетъ бѣлыя крапины на листьяхъ, въ зависимости отъ того, пересажено ли оно на влажную или же сухую почву; примѣромъ можетъ служить намъ обыкновенный жабникъ (Ficaria ranunculodes). Въ данномъ случаѣ эта пятнистость опять-таки содѣйствуетъ испаренію и, слѣдовательно, косвенно дыханію и усвоенію. Какъ уже сказано, свѣтлая окраска пріобрѣтается растеніемъ въ сырыхъ мѣстахъ; воздухъ, по захожденіи солнца, является насыщеннымъ водяными парами; зеленые листья уже не могутъ болѣе испарять воды; но бѣлыя пятна въ листѣ еще сохраняютъ сравнительно продолжительное время температуру, нѣсколько высшую, нежели окружающій воздухъ, что и даетъ возможность еще нѣкоторое время испарять воду. Къ этому остается добавить, что въ тропическихъ сырыхъ мѣстностяхъ растенія, наряду съ бѣлыми пятнами, обладаютъ и красными; это даетъ возможность растенію усиленно испарять воду въ теченіе большей части сутокъ, что, конечно, является для него необходимымъ.

Другимъ крупнымъ успѣхомъ ботаники является открытіе въ области процесса оплодотворенія у нѣкоторыхъ растеній. Какъ извѣстно, водоросли, при размноженіи, даютъ подвижныя формы (зоогонидіи). При простѣйшей формѣ полового акта эти зоогонидіи сливаются попарно и даютъ начало новой особи.

У высшихъ формъ, какъ и у животныхъ, является настоящее раздѣленіе половъ. Зоогонидіи, играя роль мужскихъ сѣмянныхъ тѣлецъ, по освобожденіи изъ оболочки свободно плаваютъ извѣстное время и, попадая на женскую клѣтку—яйцо, яйцеклѣтку—оплодотворяютъ ее. Такія же зоогонидіи встрѣчаются и у мховъ, папоротниковъ, плауновъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ зоогонидіи, освобождаемыя мужскимъ растеніемъ, пользуясь влагой, заключающейся въ сырой почвѣ, пробираются къ женскому растенію и тамъ оплодотворяютъ яйцеклѣтки. Эти зоогонидіи представляютъ обыкновенно веретенообразныя тѣльца, поверхность которыхъ усажена волосками — жгутиками; послѣдніе своимъ движеніемъ даютъ возможность зоогонидіи передвигаться съ мѣста на мѣсто. У всѣхъ остальныхъ—голосѣмянныхъ и цвѣтковыхъ растеній—процессъ оплодотворенія происходитъ инымъ путемъ. Вмѣсто свободно движущихся зоогонидій, мы здѣсь видимъ неподвижную цвѣтневую пыльцу; она механическимъ путемъ—вѣтромъ, насѣкомыми, посѣщающими цвѣты—переносится на рыльце пестика—составной части цвѣтка, женскаго органа растенія. Здѣсь пылинка растетъ, вытягивается въ трубочку, которая, разрывая рыхлую ткань внутри столбика, достигаетъ завязи и лежащей въ ней сѣмяпочки или яичка; ядро пылинки, попадая на сѣмяпочку, оплодотворяетъ ее.

Это различіе въ процессѣ оплодотворенія казалось такою неопровержимою истиною, что между споровыми и цвѣтковыми растеніями, повидимому, не могло быть найдено никакого перехода. Но за послѣднее время рядъ наблюденій показалъ, что столь рѣзкой границы, въ процессѣ оплодотворенія, между этими двумя отдѣлами не существуетъ. Починъ, до нѣкоторой степени, принадлежитъ японцамъ. Уже въ 1896 г. въ «Botanische Zeitung» явилась статья Hirase и Ikeno, которые изучали процессъ оплодотворенія у Pinkgo biloba и Cycas revoluta—растеній, стоящихъ на границѣ между голосѣмянными растеніями. Въ своей статьѣ они указали, что, повидимому, пылинка, въ концѣ концовъ, даетъ зоогонидію или сперматозоидъ (сѣмянное тѣльце). Но ихъ сообщеніе было написано такъ неувѣренно, такъ неясно, что не возбудило особеннаго къ себѣ интереса. Тѣмъ не менѣе, въ январьскомъ засѣданіи проф. Бородинъ, сообщая новости текущей иностранной литературы, упомянулъ и объ открытіи японцевъ. Тотчасъ поднялся М. Ст. Воронинъ и заявилъ, что у него есть письмо проф. Навашина, имя котораго здѣсь уже упоминалось. Въ письмѣ своемъ проф. Навашинъ сообщалъ, что, работая надъ изслѣдованіемъ процесса оплодотворенія дерева Juglans regia, онъ подозрѣваетъ, что имѣетъ дѣло съ сперматозоидами; лишь недостаточная сила оптическихъ инструментовъ мѣшаетъ ему высказаться увѣреннѣе. Такимъ образомъ, почти одновременно съ японцами, выступилъ и русскій; его открытіе имѣло бы еще большую важность, такъ какъ оно было бы сдѣлано у цвѣтковаго растенія. Дальнѣйшихъ сообщеній ни отъ г. Навашина, ни отъ японцевъ не поступало. Послѣ каникулярнаго, лѣтняго затишья, новый академическій годъ сразу заявилъ себя крупнымъ открытіемъ: американецъ Веберъ, наблюдая процессъ оплодотворенія у одной формы изъ Cycadeae (саговниковыхъ)—Zamia—нашелъ и здѣсь сперматозоидовъ и, главное, прослѣдилъ его образованіе. Надо замѣтить, что проростаніе пылинки въ ростковую трубочку наблюдается подъ микроскопомъ легко, стоитъ цвѣтневую пыль посѣять въ мякоть дыни и т. д. Иное дѣло—наблюденіе проростанія трубочки въ самомъ растеніи; особенно труднымъ это дѣлается при наблюденіи голосѣмянныхъ. Здѣсь пыльца переносится вѣтромъ на женскій цвѣтокъ. Женскій же цвѣтокъ, состоящій изъ чешуйчатыхъ плодолистиковъ, до сихъ поръ сомкнутыхъ, теперь раздвигаетъ чешуи. Находящаяся на плодолистикѣ сѣмяпочка, ничѣмъ не прикрытая (отсюда названіе «голосѣмянныя») къ этому же времени выдѣляетъ слизь, служащую для ловли плодотворной пыли, прилипающей къ ней. Въ самой сѣмяпочкѣ или яйцеклѣткѣ часть ея ядра резорбируется, обра-

зуется полость. Уловленная изъ воздуха оплодотворяющая пыль попадаетъ изъ слизи въ эту полость; тогда чешуи вновь смыкаются и открываются лишь тогда, когда уже созрѣетъ плодъ. Слѣдовательно, процессъ оплодотворенія окруженъ самой глубокой тайной; тѣмъ не менѣе, Веберъ постарался преодолѣть всѣ трудности и былъ вознагражденъ за это блестящимъ открытіемъ. Вотъ сущность его.

Прежде всего, служившая для изслѣдованія Zamia integrifolia двудомна. Слѣдовательно, и здѣсь оплодотворяющій элементъ—цвѣтневая пылинка мужского растенія—попадаетъ на оплодотворяемый плодолистикъ женскаго растенія съ его сѣмяпочкой—механическимъ путемъ—переносится вѣтромъ. Проникнувъ въ полость сѣмяпочки, пылинка сначала продолжительное время остается безъ всякаго измѣненія. Затѣмъ пылинка выростаетъ въ ростковую трубочку. При этомъ ядро ея дѣлится на два; одно изъ этихъ новыхъ ядеръ не играетъ никакой роли болѣе. Другое вновь дѣлится на двое; одно изъ ядеръ дѣлается самостоятельной клѣткой въ клѣткѣ же, такъ какъ высачиваетъ вокругъ себя новую оболочку, которая затѣмъ переполняется крахмаломъ. Но главный для насъ интересъ представляетъ третье ядро. Оно какъ бы собирается вновь дѣлиться: по бокамъ его появляются два крупныхъ, сильно премомляющихъ свѣтъ тѣльца—какъ бы центросомы; въ виду той роли, которую играютъ здѣсь эти рыльца, Веберъ не рѣшается признать ихъ перинными центросомами; здѣсь же, для удобства, за ними будетъ сохранено это названіе, наконецъ, плазма въ клѣткѣ пріобрѣтаетъ лучистое расположеніе. Спустя нѣкоторое время обѣ центросомы, располагавшіяся ранѣе полярно относительно ядра, вдругъ перемѣщаются на 90°, обѣ въ одномъ и томъ же направленіи, такъ что являются помѣщенными по концамъ экватора ядра. Каковы причина и цѣль этихъ перемѣщеній, Веберъ отказывается высказать относительно этого свои предположенія. Послѣ этого наступаетъ дѣленіе ядра на два; каждое новое ядро теряетъ лучистое расположеніе плазмы, но сохраняетъ одну центросому; центросома какъ бы усаживается на новой клѣткѣ, облекаетъ ее и начинаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы вдавливаться въ нее. Невдавленныя мѣста клѣтки представляютъ, такимъ образомъ, возвышенія; эти возвышенія располагаются въ извѣстномъ порядкѣ образуя одно непрерывное цѣлое—винтовую линію, дѣлающую около 5 оборотовъ вокругъ вытянутой клѣтки. Полученная спираль собирается складками и одѣвается рѣсницами; въ это время ядро клѣтки увеличивается, въ ущербъ массѣ протоплазмы, которая уменьшается, и мы получаемъ сперматозоидъ, своимъ внѣшнимъ видомъ напоминающій сперматозоидъ мховъ: то же веретенообразное тѣльце, одѣтое рѣсницами. Вскорѣ послѣ своего образованія сперматозоидъ выходитъ изъ трубочки и направляется къ ядру сѣмяпочки для его оплодотворенія.

Таковы результаты изслѣдованій Вебера. Кромѣ тщательности наблюденій, работа его интересна и тѣмъ, что, какъ сказано выше, саговниковыя (Cycadeae) стоятъ на границѣ между сосудистыми споровыми и цвѣтковыми. Наконецъ, Веберу посчастливилось еще и въ томъ отношеніи, что никто еще не наблюдалъ такихъ крупныхъ сперматозоидовъ, какимъ является вновь открытый имъ. По его словамъ, сперматозоидъ Zamii integrifolia, въ видѣ маленькой точки, замѣтенъ даже простымъ глазомъ; микроскопическаго увеличенія въ 60—90 разъ вполнѣ достаточно, чтобы разсмотрѣть рѣсницы. Величина вновь открытаго сперматозоида достигаетъ $^1/_3$ миллиметра, слѣдовательно, онъ является настоящимъ гигантомъ по сравненію съ человѣческими сѣменными тѣльцами, сперматозоидами мховъ, зоогонидіями водорослей и т. д. Въ цвѣтневой трубочкѣ сперматозоиды жили до 24 часовъ. Осторожно расщепляя цвѣтневую трубочку, Веберъ освобождалъ сперматозоидовъ и помѣщалъ ихъ затѣмъ въ 10%

сахарный растворъ; въ немъ движеніе сперматозоидовъ было ясно замѣтно въ теченіе почти $2^1/_2$ часовъ.

Вотъ сущность работы, Вебера; онъ лишь подтвердилъ то, что смутно предчувствовалось уже многими; это доказывается многочисленностью работъ именно въ этомъ отношеніи, — работъ, въ которыхъ не мало и русскихъ наблюденій. Главный выводъ можетъ быть сдѣланъ тотъ: Гиразе дѣлалъ наблюденія надъ Ginkgo biloba—голосѣмянномъ, близкимъ къ цвѣтковымъ; Бѣляевъ надъ тиссомъ—Taxus baccata, тоже голосѣмяннымъ; Jkeno—надъ Cycas revoluta, голосѣмяннымъ; Веберъ—надъ Zamia integrifolia—голосѣмяннымъ; наконецъ, Навашинъ—надъ Juglans regia и nigra (орѣшниковыя; J. regia—грецкій орѣхъ)—однопокровными двудольными. Все это даетъ право надѣяться, что, при большей численности и тщательности наблюденій, при большей силѣ оптическихъ инструментовъ, современемъ будетъ уничтожена одна изъ наиболѣе рѣзкихъ границъ между двумя половинами растительнаго міра. Это особенно кажется несомнѣннымъ, если прослѣдить работы Страссбургера, Бѣляева, Hirase, Jkeno и Навашина, а затѣмъ Вебера—по вопросу объ оплодотвореніи у различныхъ формъ растительнаго царства. Каждая изъ этихъ работъ кажется какъ будто бы развитіемъ предъидущей.

И. Б.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія: 1) Каналы Марса и каналы луны. 2) Разстояніе отъ земли звѣздъ «Большой Медвѣдицы». **Физика и физическая географія:** 1) Превращеніе водорода въ жидкое состояніе. 2) Морскія глубины. **Біологія.** 1) Пахучія железы у насѣкомыхъ. 2) Муравьи и холера. **Техника. Агрономія.** 1) Утилизація силы морскихъ волнъ. 2) Нитрагинъ.

Астрономія. 1) *Каналы Марса и каналы луны.* Намъ уже приходилось сообщать читателямъ «Міра Божія» мнѣнія нѣкоторыхъ астрономовъ, которые сомнѣваются не только въ искусственности «каналовъ» Марса, но даже и въ самомъ существованіи послѣднихъ; въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, замѣтку г. *В. Серюлли*, напечатанную имъ въ «Bulletin de la société astronomique» и касающуюся этого же предмета.

Разстояніе Марса отъ земли въ 300 разъ больше разстоянія луны отъ земли. Если при наблюденіяхъ надъ Марсомъ мы будемъ пользоваться телескопомъ, увеличивающимъ даже въ 600 разъ, то разстояніе до Марса станетъ для насъ равнымъ половинѣ разстоянія луны отъ земли. Такимъ образомъ изученіе Марса съ помощью самаго могущественнаго телескопа приведетъ насъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и изученіе луны съ помощью обыкновеннаго бинокля, увеличивающаго въ два раза.

Если мы направимъ бинокль на луну, то предъ нашими глазами предстанетъ любопытнѣйшая картина. Луна явится намъ изборожденной многочисленными прямыми линіями, усѣянными узлами и имѣющими замѣчательное сходство съ каналами Марса. Итакъ, кромѣ каналовъ Марса, мы имѣемъ еще лунные каналы, и въ виду того, что они появляются при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, весьма вѣроятно, что тѣ и другіе каналы имѣютъ одинаковое происхожденіе и назначеніе.

Мы можемъ легко объяснить, благодаря чему появляются на поверхности луны, при наблюденіи ея въ бинокль, эти каналы (которые, само собою разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ блестящими линіями открываемыми намъ на лунѣ телескопомъ). Для этого достаточно взглянуть на карту луны или замѣнить бинокль телескопомъ, и мы увидимъ, что лунные «каналы» въ дѣйствительности не что иное, какъ продолженіе изомерованныхъ пятенъ, которыя въ биноклѣ представляются соединенными другъ съ другомъ, благодаря чему и образуютъ какъ бы непрерывныя линіи. На основаніи аналогіи, мы приходимъ къ предположенію, что и каналы Марса представляютъ простыя удлиненія пятенъ, похожія на тѣ, которыя мы наблюдаемъ въ телескопъ на лунѣ. Та же аналогія заставляетъ насъ предполагать, что лишь только успѣхи оптики дадутъ намъ возможность замѣнить современный телескопъ болѣе могущественнымъ инструментомъ—каналы Марса потеряютъ видъ линій, кажущихся

намъ теперь столь таинственными и чудесными; такими же казались бы намъ каналы луны, наблюдаемые въ бинокль, еслибъ они не исчезли при наблюденіи въ телескопъ.

Эта гипотеза вполнѣ подтверждается моими подробными изслѣдованіями каналовъ Марса, описаніе которыхъ помѣщено въ моемъ трудѣ въ «Mémoire sur Mars».

2) *Разстояніе звѣздъ созвѣздія «Большой Медвѣдицы» отъ земли.* Недавно д-ръ *Гёффферъ* вычислилъ средній параллаксъ звѣздъ β, γ, δ, ε и ξ «Большой Медвѣдицы» и нашелъ, что эти звѣзды отстоятъ отъ земли въ 12.500.000 разъ дальше, чѣмъ солнце; для того, что-бы свѣтъ отъ этихъ звѣздъ достигъ до насъ, требуется не менѣе 200 лѣтъ. Если бы какая-нибудь грандіозная катастрофа разрушила бы сегодня эти звѣзды, то объ этомъ событіи узнали бы только наши правнуки; сыновья и внуки жили бы въ увѣренности, что Большая Медвѣдица, которой любовались люди съ тѣхъ поръ, какъ появились на землѣ, свѣтитъ и имъ.

Физика. 1) *Превращеніе водорода въ жидкое состояніе.* Изъ обстоятельной статьи проф. *Хвольсона*, помѣщенной въ февральскомъ №, читатели «Міра Божія» могли познакомиться съ вопросомъ о превращеніи газовъ въ жидкое и твердое состояніе. Наука торжествовала недавно новую побѣду въ этой области: мѣсяцъ тому назадъ, англійскому ученому *Девару* (*Dewar*) удалось сгустить водородъ въ жидкость. Въ виду теоретической и практической важности этого открытія мы позволимъ себѣ привести извлеченіе изъ мемуара Девара, представленнаго лондонскому королевскому обществу. «10-го мая (нов. ст.) мы могли уже работать съ водородомъ при —205° Ц. и при давленіи въ 180 атмосферъ; водородъ выходилъ непрерывной струею, съ быстротой отъ 280 до 420 литровъ въ минуту, черезъ отверстіе змѣевика и попадалъ въ пріемникъ особаго устройства, съ двойными стѣнками изъ серебра; въ пріемникѣ этомъ была образована пустота и онъ, въ свою очередь, находился въ пространствѣ, температура котораго поддерживалась ниже 200° Цельсія. При этихъ условіяхъ жидкій водородъ начиналъ вытекать капля за каплей изъ этого пріемника въ другой съ двойной изолировкой и окруженный третьимъ пріемникомъ, въ которомъ также была образована пустота. Приблизительно, въ пять минутъ можно было собрать 20 кубическихъ сантиметровъ жидкаго водорода; затѣмъ водородный фонтанъ замерзалъ, вслѣдствіе превращенія воздуха, находившагося въ трубкахъ, въ твердое состояніе. Такимъ образомъ можно было получить на 100 частей газообразнаго, приблизительно, 1 часть жидкаго водорода.

«Водородъ въ жидкомъ состояніи прозраченъ и безцвѣтенъ, онъ не образуетъ спектра поглощенія, его менискъ такъ же ясно образованъ, какъ и у жидкаго воздуха. Показатели преломленія и дисперсіи жидкаго водорода должны быть относительно высоки, плотность также выше теоретически выведенныхъ плотностей (т.-е. 0.18 до 0,12), которые мы вычисляемъ на основаніи атомнаго объема органическихъ соединеній и предѣльной плотности, найденной Амага для водороднаго газа, находящагося подъ безконечнымъ давленіемъ. Мои изслѣдованія, касавшіяся плотности водорода въ палладіи, давали величину 0,02 для вещества, находящагося въ соединеніи; будетъ весьма интересно найти теперь истинную плотность жидкаго водорода при точкѣ его кипѣнія.

«Мы не располагали необходимыми приборами для опредѣленія этой точки и могли сдѣлать только два опыта, чтобы показать, что температура кипѣнія жидкаго водорода крайне низка. Длинная стеклянная трубка, открытая съ одного конца и закрытая съ другого, будучи погружена этимъ послѣднимъ въ жидкій водородъ, немедленно накопляется въ охлажденной части твердымъ воздухомъ. Второй опытъ былъ сдѣланъ съ трубкой, наполненной геліемъ.

«Въ бюллетеняхъ Краковской академіи за 1896 годъ была напечатана статья г. *Ольшевскаго*, озаглавленная «Изслѣдованіе о превращеніи гелія въ жидкое состояніе»; въ статьѣ этой авторъ говоритъ, что «при всѣхъ условіяхъ, какія только можно осуществить опытнымъ путемъ, гелій остается постояннымъ газомъ, повидимому сгустить его гораздо труднѣе, чѣмъ водородъ». Въ своемъ мемуарѣ, помѣщенномъ въ «Proceedings» № 183. 1896—1897. Chemical Society, я съ своей стороны указывалъ, что летучесть водорода и гелія должна быть почти одинакова, подобно фтору и кислороду. Я пользовался геліемъ, выходившимъ изъ газометра обычнымъ при сгущеніи газовъ способомъ и переводилъ его въ закрытый сосудъ, снабженный узкой трубкой; когда эту трубку съ геліемъ помѣщали въ жидкій водородъ, то можно было ясно наблюдать происходившее сгущеніе. Это показываетъ, что между точками кипѣнія гелія и водорода нѣтъ большой разницы.

«Такимъ образомъ всѣ извѣстные намъ газы превращены въ настоящее время въ жидкость, съ послѣдними можно работать при точкѣ ихъ кипѣнія, при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи, въ особыхъ пріемникахъ, въ которыхъ образована пустота. Пользуясь жидкимъ водородомъ, какъ охлаждающимъ веществомъ, мы можемъ достигнуть температуры ниже на 20°, 30° абсолютнаго нуля; для научныхъ изслѣдованій открывается совершенно новое поле. Когда-то выдающіеся ученые, какъ, напр., *Клеркъ Максвель* высказывали сомнѣніе въ возможности сгустить водородъ, и никто, конечно, не могъ бы предсказать, какими свойствами будетъ владѣть матерія при температурахъ, близкихъ къ абсолютному нулю.

«*Фарадей* сгустилъ въ 1823 г. хлоръ, 60 лѣтъ спустя *Вроблевскій и Ольшевскій* превратили въ жидкость воздухъ, и, наконецъ, послѣ новаго промежутка въ 15 лѣтъ водородъ и гелій—послѣдніе, до послѣдняго времени еще не сгущенные газы, появляются передъ нами въ видѣ жидкости».

Читателю, знакомому съ вышеупомянутой статьей проф. Хвольсона, ясно, конечно, какое громадное значеніе имѣетъ открытіе г. *Девара*. Теперь уже никто не можетъ говорить о постоянныхъ газахъ,—ихъ нѣтъ, всѣ газы, при соотвѣтственныхъ условіяхъ температуры и давленія переходятъ въ жидкое, а слѣдовательно, и въ твердое состояніе. Но этого мало, превращеніе водорода въ жидкость открываетъ необычайно широкія научныя перспективы: мы достигнемъ, наконецъ, предсказаннаго теоріей «абсолютнаго нуля». Самъ г. Деваръ уже задаетъ вопросъ, въ какомъ видѣ явится передъ нами тогда матерія? Это не только капитальный вопросъ физики, это—существеннѣйшій вопросъ всей научной философіи. Не найдемъ ли мы здѣсь, около этого загадочнаго абсолютнаго нуля, если не рѣшенія вопроса, что же такое матерія, то хотя бы новыхъ путей къ этому рѣшенію, новой, болѣе широкой постановки этого вопроса. А можетъ случиться, что опытъ не оправдаетъ теоріи, что абсолютнаго нуля не окажется, что мы дойдемъ до температуръ болѣе низкихъ, чѣмъ этотъ предлагаемый нуль. Тогда потребуются новые пересмотры термодинамики, и появятся новыя, болѣе широкія, болѣе близкія къ истинѣ теоріи. Мы никогда не обнимемъ всей истины, этого недостижимаго для человѣчества идеала, но каждое научное завоеваніе приближаетъ насъ къ ней; за новыми фактами слѣдуютъ новые законы, а новый законъ есть новое приближеніе къ истинѣ.

2) *Морскія глубины*. Болѣе или менѣе систематическое изученіе морскихъ глубинъ началось сравнительно недавно, именно съ того времени, когда начали прокладывать океаническіе кабели для того, чтобы соединить телеграфами Европу, съ Америкой и другими внѣевропейскими странами. До того времени довольствовались тѣмъ, что измѣряли глубины моря у береговъ, при впаденіи рѣкъ, въ рейдахъ, въ портахъ, однимъ словомъ, всюду, гдѣ это было необходимо для безопасности кораблей. Но когда для цѣлей торговли и политики

стало необходимо телеграфное сообщеніе съ внѣевропейскими странами, то и изслѣдованіе моря у береговъ стало производиться въ гораздо большихъ размѣрахъ, а сверхъ того, были найдены способы изслѣдовать и океаническія глубины. Хотя изученіе морскихъ глубинъ еще доселѣ не даетъ намъ возможности составить подробнаго плана океана, какъ составляютъ планы изслѣдованныхъ странъ, но все же въ общихъ чертахъ мы уже знакомы съ рельефомъ дна океана. Наиболѣе изученнымъ является Средиземное море, глубина котораго не превышаетъ 3.500 метровъ. Въ Атлантическомъ океанѣ, глубина въ среднемъ колеблется отъ 2.000 до 6.000 метровъ. Вообще можно сказать, что, за немногими исключеніями, дно глубокихъ морей имѣетъ замѣчательно ровный характеръ. Покатость дна сѣверной (наиболѣе изслѣдованной) части Атлантическаго океана такъ правильна и постепенна, что Гексли утверждалъ, что если бы высушить въ этомъ мѣстѣ Антлантическій океанъ, то можно было бы легко переправиться въ каретѣ отъ береговъ Ирландіи къ Новой Землѣ. Отъ Ирландіи начинается ровная покатость и тянется, приблизительно, на 90 миль отъ берега. Далѣе простирается центральное плато въ 400 миль шириною, поверхность котораго также весьма однообразна; это плато находится на глубинѣ 4.000—5.000 метровъ и врядъ ли гдѣ на материкѣ можно найти такую ровную поверхность. На концѣ этого плато начинается склонъ въ 150 миль длины; за исключеніемъ этого пункта, гдѣ потребовалась бы еще лошадь въ подмогу, по этому склону можно было бы ѣхать въ обыкновенной каретѣ вплоть до самой Новой Земли.

Біологія. 1) *Пахучія железы насѣкомыхъ.* Фрицъ Мюллеръ первый обратилъ вниманіе на запахъ, испускаемый различными насѣкомыми, для привлеченія особей другого пола. Эти запахи вырабатываются особыми органами, имѣющими видъ маленькихъ пластинокъ, на нижней сторонѣ которыхъ находятся железки; такія пластинки расположены чаще всего на верхней поверхности переднихъ крыльевъ. Запахи, испускаемые различными насѣкомыми весьма разнообразны; такъ, напр., запахъ *Picrisnari* напоминаетъ запахъ лимона, *Didonis biblis* испускаетъ четыре различныхъ запаха, одинъ изъ которыхъ близокъ къ запаху геліотропа; запахъ *Callidryas argante* походитъ на запахъ мускуса; *Dircenna xantho* распространяетъ запахъ, аналогичный запаху ванили, а *Prepona buaertes* пахнетъ летучей мышью. *Papilio grayi* имѣетъ очень пріятный запахъ и своей силой напоминаетъ запахъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ. Свиноголовка испускаетъ запахъ, который ближе всего подходитъ къ лауданy; этотъ же запахъ распространяютъ *Spilosoma virginica* и *Arctia virgo.* Органъ, служащій насѣкомымъ для выдѣленія запаха, иногда весьма простъ и можетъ по волѣ насѣкомыхъ то высовываться наружу, то снова прятаться. Мюллеръ, схвативъ за крылышки свиноголовку, былъ весьма удивленъ, увидѣвъ, что тѣло насѣкомаго сплошь заволокло облако какого то бѣлаго вещества: это была масса длинныхъ и весьма тонкихъ нитей, вытянувшихся изъ отверстія, находящагося на брюшной сторонѣ абдомена. Подобные же органы наблюдались и у многихъ другихъ насѣкомыхъ; они помѣщаются или на ножкахъ, или на щупальцахъ. Большею частью мы ихъ наблюдаемъ у бабочекъ, но среди прямокрылыхъ и пухокрылыхъ встрѣчено по одному виду, владѣющихъ подобнымъ же организмомъ. У прямокрылыхъ органъ встрѣчается у одного пещернаго кузнечика *Hadenoecus subterraneus* въ видѣ пары бѣлыхъ мясистыхъ придатковъ, выходящихъ изъ отверстій между девятымъ и десятымъ брюшнымъ сегментомъ. Органы эти раньше принимали за совершенно постороннія образованія; такъ, г. Пакардъ наблюдалъ эти волокна у особей, сохранявшихся въ спирту, и принялъ ихъ за тайнобрачныхъ растеній.

2) *Вліяніе сильно сжатыхъ газовъ на микроорганизмы. Г. Мальфитано* производилъ опыты надъ вліяніемъ газовъ, находящихся подъ сильнымъ

давленіемъ на микроорганизмы. Опыты эти не подтверждаютъ до сего времени всѣми признанныхъ взглядовъ на антисептическія свойства углекислаго газа. Было сдѣлано много опытовъ съ чистыми культурами различныхъ бактерій въ сухомъ состояніи, подвергнутыхъ давленію max. 55 атм. въ продолженіи 20 до 64 часовъ. Нѣкоторыя бактеріи были уничтожены; среди нихъ укажемъ на *B. Coli communis*, *B. anthracis*, между тѣмъ какъ другія (*B. subtilis* и нѣкоторые др.) нисколько не измѣнялись.

При другомъ рядѣ опытовъ бактеріи были подвергнуты различному давленію отъ 60 до 25 атмосферъ; *тифозныя и холерныя бациллы*, *Bac. prodigiosus*, *Staphylococcus pyogenes aureus* и нѣкоторыя другія погибаютъ болѣе или менѣе быстро, но *Bac. subtilis*, *mesentericus*, *tyrothrix*, *oedematio* всегда выживаютъ. Пребываніе въ сильно сжатомъ углекисломъ газѣ не производитъ въ бактеріяхъ никакого постояннаго біологическаго измѣненія.

Давленіе газа, повидимому, производитъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ продолжительность опыта. Непрерывное дѣйствіе не оказывается болѣе энергичнымъ, чѣмъ прерываемое.

Bac. subtilis, подвергнутыя въ четыре пріема, въ продолженіе 24 час., дѣйствію газа, выдержали это испытаніе. Эти микроорганизмы также хорошо выдерживали дѣйствіе угольной кислоты и въ жидкомъ видѣ.

3) *Чума и муравьи.* Чума въ Гонг-конгѣ показала намъ роль крысъ въ распространеніи заразы. Чума въ Бомбеѣ, подтвердивъ это, выяснила еще, что голуби и мухи также могутъ переносить заразу. Теперь же доказано, что муравьи подвергаются заболѣванію чумой, и, слѣдовательно, также служатъ источниками заразы.

«Médecine moderne», со словъ своего корреспондента, приводитъ весьма интересные факты, показывающіе, какъ муравьи понимаютъ значеніе дезинфекціи. У корреспондента этого было муравьиное гнѣздо. Это были маленькіе красные муравьи, любители сладкихъ пироговъ, пуддинговъ и т. п. Существованіе чумы въ этомъ округѣ было открыто благодаря ненормальной смертности крысъ; смертность была такъ велика, что приходилось собирать трупы ихъ и сжигать.

Однажды замѣтили необычайное движеніе среди муравьевъ; наблюдая въ продолженіи нѣсколькихъ дней за ними, замѣтили, что муравьи собираются переселяться и переносятъ все свое имущество въ другое мѣсто, почти на три метра дальше.

Болѣе внимательное наблюденіе показало, что въ муравейникѣ было множество мертвыхъ или умирающихъ; мертвыхъ переносили подальше отъ жилья, приблизительно на 30 сантиметровъ отъ новаго жилища и складывали въ небольшія кучи; кромѣ того, множество рисовыхъ зеренъ было выброшено вонъ, какъ бы признанныхъ вредными къ употребленію въ пищу.

Два дня спустя новое жилье было уже устроено, но смертность среди муравьевъ все продолжалась; тогда они переселились снова на разстояніи 60 сантиметровъ, а трупы и часть рисовыхъ зеренъ были оставлены на старомъ мѣстѣ.

Но принятыя мѣры были недостаточны, потому что смертность среди муравьевъ продолжалось, замѣтили, что первыми умерли муравьи, которымъ было поручено переносить запасы риса.

Эти интересные опыты были внезапно прерваны нашествіемъ толпы обезьянъ, которыя повернули все вверхъ дномъ въ домѣ и уничтожили всѣ слѣды жилья и кладбища муравьевъ.

Одному бактеріологу въ Бомбеѣ удалось все же достать нѣсколько живыхъ и мертвыхъ муравьевъ и онъ думаетъ найти у нихъ бациллы чумы.

Техника. Агрономія. 1) *Утилизація силы морскихъ волнъ.* Въ январѣ 1897 г. на морскомъ берегу Калифорніи были установлены приборы для утилизаціи силы морскихъ волнъ. Эти аппараты дали на столько хорошіе резуль-

таты, что число ихъ въ настоящее время увеличено. Мы познакомимъ читателя въ главныхъ чертахъ съ устройствомъ этого крайне интереснаго и много обѣщающаго въ будущемъ техническаго изобрѣтенія. Отъ морского берега спускается, въ море метровъ на сто, плотина на желѣзныхъ скрѣпахъ; въ концѣ ея находится аппаратъ пріемникъ. Онъ состоитъ изъ трехъ квадратныхъ желѣзныхъ «поплавковъ», каждый въ девять квадратныхъ метровъ. Они окружены особыми металлическими «охранителями» такимъ образомъ, что могутъ двигаться только въ вертикальномъ направленіи; поплавокъ поднимается или опускается, смотря по тому, поднимаетъ ли его волна или позволяетъ ему снова опуститься, покинувъ его въ своемъ движеніи къ берегу. Эти поплавки являются пріемниками движенія морскихъ волнъ и, въ свою очередь, приводятъ въ движеніе поршень помпы. Этотъ поршень пробѣгаетъ въ минуту 3,6 метра; maximum движенія для каждой отдѣльной волны достигаетъ 2,4 метровъ, minimum 15 сантиметровъ. Можно было бы, конечно, утилизировать оба движенія поплавковъ и поднятіе, и опусканіе, но въ описываемомъ нами аппаратѣ *Wright'a* утилизируется только сила опусканія почти всегда постоянная, при утилизаціи же поднятія поплавка можно было рисковать повредить механизмъ, такъ какъ волны могутъ быть очень сильными и внезапными. Для того, чтобы не произошло подобной порчи при пользованіи силой опусканія поршня устроено особое приспособленіе, благодаря которому поплавокъ останавливается и остается подвѣшеннымъ, какъ только давленіе при опусканіи поплавка становится больше опредѣленной величины.

При каждомъ паденіи поплавка поршень сжимаетъ и гонитъ воду въ закрытый металлическій резервуаръ. Этотъ резервуаръ служитъ заразъ аккумуляторомъ и регуляторомъ: онъ аккумулируетъ энергію давленія и превращаетъ прерывистое движеніе въ движеніе правильное и постоянное. Для того, чтобъ утилизировать собираемую такимъ образомъ силу, открываютъ кранъ и сжатая вода бьетъ изъ резервуаровъ фонтаномъ желаемой величины; паденіе воды направляютъ на особую турбину, на оси которой располагаютъ ремень динамо-машины или какого-либо другого аппарата. Отработавшая вода стекаетъ въ свободный резервуаръ, откуда помпой переводится въ прежній резервуаръ съ сильнымъ давленіемъ. Каждый поплавокъ даетъ отъ двухъ до трехъ лошадиныхъ силъ. Отъ 1-го до 15-го декабря въ среднемъ было по шести волнъ въ минуту, поршень пробѣгалъ въ этотъ промежутокъ времени 4,5 метра. Давленіе на квадратный футъ было 162 фунта; сила колебалась между 2,3 до 3,5 лошад. Съ помощью этого аппарата прекрасно дѣйствовали девять электрическихъ лампъ. На основаніи этого опыта полагаютъ, что установка подобныхъ аппаратовъ стоила бы, не считая динамо-машины, 550.000 франковъ для полученія 1.000 паров. лош. на Тихомъ океанѣ и значительно меньше на Атлантическомъ. При такихъ условіяхъ можно продавать паровую лошадь за 65 франковъ въ годъ.

2) *Нитрагинъ*. Извѣстно, что бобовыя растенія не только не уменьшаютъ въ почвѣ количества азота, но, наоборотъ, обогащаютъ ее имъ; этой своей способностью они обязаны особымъ микробамъ, живущимъ на ихъ корняхъ. Если осторожно окапывать, не поломавъ волосковъ на корешкахъ, люцерну, клеверъ или какое-нибуаь другое растеніе этого семейства, то мы увидимъ на подземныхъ частяхъ иногда весьма значительные наросты, произведенные особыми бактеріями, которыхъ Бейринкъ назвалъ «*Bacillus radicicola*». До сихъ поръ эти микроорганизмы открыты только у бобовыхъ растеній, причемъ каждому виду соотвѣтствуетъ и особая разновидность этой бактеріи. Разъ это стало извѣстно, то, конечно многимъ пришло въ голову, нельзя ли искусственно привить бобовымъ эти бактеріи въ томъ случаѣ, когда ихъ нѣтъ въ данной почвѣ.

Такіе опыты были поставлены и дали положительные результаты. Гельригель искуственно вызывалъ появленіе наростовъ на бобовыхъ, поливая землю

почвой, на которой въ изобиліи произрастали бобовыя растенія; Франкъ поступаетъ проще: онъ прибавляетъ просто пахатной земли, на которой всегда имѣются эти бактеріи; Бреаль прибѣгаетъ къ болѣе изящному методу, непосредственно прививаетъ къ корнямъ бобовыхъ корешокъ какого-нибудь растенія этого-же семейства, уже зараженнаго *Bacillus radicicola*. На поляхъ, издавна уже обрабатывавшихся, клеверъ, горохъ и вообще бобовыя, всходятъ весьма легко, искусственныхъ прививокъ не требуется, но на новинахъ бобовымъ не хватаетъ необходимыхъ имъ микроорганизмовъ, вотъ тогда-то и прибѣгаютъ къ искусственному зараженію почвы. Первые опыты въ большихъ размѣрахъ произведены были *Г. М. Сальфедомъ* въ 1887 и 1889 годахъ Участокъ земли съ торфяной почвой былъ выженъ и оставленъ на пять лѣтъ подъ паромъ, затѣмъ почву удобрили известью и болотистой землей (для зараженія бактеріями *Bacillus radicicola*), причемъ послѣдней на гектаръ клали отъ 1.000 до 4.000 килограммъ, конечно было оставлено и контрольное поле, которое не получило этого удобренія. Въ апрѣлѣ весь участокъ засѣяли овсомъ, а въ маѣ смѣсью луговыхъ растеній, среди которыхъ преобладалъ клеверъ. Землю, засѣянную, овсомъ, удобрили еще селитрой. Овесъ взошелъ одинаково хорошо, какъ на поляхъ зараженныхъ болотистой землей, такъ и безъ нея. Но прибавленіе этой земли благотворно сказалось на всходахъ клевера; для полей, получившихъ 1.000 килограммъ на гектаръ, эти всходы были въ 5, 6, разъ богаче, чѣмъ на контрольномъ полѣ; болѣе сильныя удобренія болотной землей дали еще лучшіе всходы, но улучшеніе было слабѣе, а не пропорціально количеству «удобренія».

Слѣдующій опытъ былъ сдѣланъ съ *Ornithopus sativus*. Участокъ земли съ торфяною почвою былъ политъ известью и удобренъ минеральными удобреніями, но только половина этого участка получила еще въ видѣ удобренія, въ количествѣ 1.000 килограммъ на гектаръ, землю, на которой раньше произростала *Ornithopus sativus*. Весь участокъ отвели подъ рожь, а затѣмъ въ маѣ 1892 года подъ *Ornithopus sativus*. Рожь развилась одинаково на обоихъ участкахъ; *Ornithopus sativus* взошла тоже недурно, но вскорѣ на участкѣ не зараженномъ зачахла, между тѣмъ какъ на землѣ, получившей прививку, пышно развилась. Урожай на этомъ послѣднемъ полѣ былъ исчисленъ въ 18.000 килограммъ зеленаго удобренія съ одного гектара; это по количеству азота соотвѣтствуетъ 394 килограммамъ селитры. На слѣдующій годъ на этомъ участкѣ посѣяли картофель, прибавивъ на гектаръ 2.500 килограммъ навоза, а также и минеральнаго удобренія. Урожай на участкахъ безъ зеленаго удобренія былъ 16.500 килограммъ, на участкахъ, получившихъ зеленое удобреніе—21.000 килограммъ. Избытокъ равенъ 4.500 килограммамъ, что оцѣнивается въ 225 франковъ. На третій годъ (1894 г.) посѣяли рожь. Участокъ, получившій прививку въ 1892 г., далъ сравнительно съ непривитымъ избытокъ въ 490 килограммъ зерна и 473 килограмма соломы. Подобная обработка представляетъ, кромѣ прямой прибыли, еще и слѣдующія выгоды: она позволяетъ сбрегать навозъ и, слѣдовательно, сократить число скота. Опытъ былъ произведенъ въ Германіи Делингеромъ, который, купивъ ферму въ окрестностяхъ Дармштадта, не поколебался освободиться почти ото всего скота и замѣнить навозъ зеленымъ удобреніемъ и отчасти минеральнымъ удобреніемъ. Азотъ, получаемый при посредствѣ бобовыхъ обходится всего $^1/_4$ франка за килограммъ, тогда какъ въ видѣ селитры $1^1/_2$ франка, а въ видѣ навоза $2^1/_2$ франка. Прививка бактеріи бобовымъ растеніемъ окончательно принята теперь на практикѣ и благодаря различнымъ усовершенствованіямъ начинаетъ пріобрѣтать въ Западной Европѣ и Америкѣ все большее и большее развитіе. *Bacillus radicicola* сдѣлался уже фабричнымъ продуктомъ и нѣмцы приготовляютъ разводки этой бактеріи подъ названіемъ «Нитрагинъ» въ громадномъ количествѣ. Флаконъ такого

«удобренія» стоитъ 2½ марки; прививка одного гектара обходится не дороже 15 франковъ. У насъ въ Россіи нитрагинъ появился только надняхъ.

Некрологъ. Генрихъ Бессемеръ. Знаменитый Бессемеръ скончался 85 лѣтъ отъ роду. Онъ родился въ Шарльтонѣ (Англія) въ 1813 году; съ раннихъ поръ Бессемеръ посвятилъ себя работамъ по металлургіи. Онъ открылъ способъ приготовлять бронзовый порошокъ, что и доставило ему нѣкоторую извѣстность. Фабрикаціей желѣза Бессемеръ началъ заниматься съ 1855 г. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ, какъ явилась ему идея о томъ техническомъ процессѣ, который извѣстенъ въ настоящее время подъ его именемъ (*бессемерованіе стали*). «Нѣсколько кусковъ чугуна, находящихся на поверхности плавильнаго тигля, привлекли мое вниманіе; они оставались твердыми не смотря на высокую температуру печи. Я усилилъ тягу топки, чтобы увеличить силу пламени, полъ часа спустя, открывъ дверцы печи, я увидѣлъ, что чугунъ все еще не расплавился. Тогда я взялъ полосу желѣза, чтобы погрузить эти куски чугуна глубже въ тигель, но я вдругъ замѣтилъ, что куски эти превратились уже въ тонкіе пласты мягкаго желѣза, лишеннаго углерода; только одинъ атмосферный воздухъ въ состояніи былъ отнять углеродъ отъ чугуна и безъ пудлингованія или какой-либо другой обработки обратить его въ ковкое желѣзо. Этотъ случай заставилъ меня перемѣнить свои воззрѣнія и послѣ зрѣлаго размышленія, я пришелъ къ убѣжденію, что если привести воздухъ въ соприкосновеніе съ достаточно большой поверхностью расплавленнаго чугуна, то этотъ послѣдній быстро обратится въ ковкое желѣзо».

Техника способа, предложеннаго Бессемеромъ, была изложена имъ въ двухъ мемуарахъ, прочитанныхъ—первый—въ 1856 году въ Шельтенгамѣ, въ засѣданіи Британской Ассоціаціи наукъ, вторая въ 1865 г. на засѣданіи той же ассоціаціи въ Бирмингамѣ.

Громадное значеніе способа Бессемера было тотчасъ же признано всѣми: въ 1859 г. институтъ гражданскихъ инженеровъ присудилъ автору медаль Telford, а въ 1872 г. Бессемеръ получилъ отъ общества искусствъ медаль «Albert»: за выдающіяся заслуги, оказанныя искуствамъ, торговлѣ и промышленности открытіемъ способа приготовленія стали; наконецъ, въ 1879 году Бессемеръ былъ избранъ членомъ королевскаго общества въ Лондонѣ.

Бессемеръ написалъ мало научныхъ работъ, но его трудовъ по металлургіи вполнѣ достаточно, чтобы имя его сохранилось потомству.

В. Агафоновъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ майскомъ № журнала «Міръ Божій» за 1898 г., съ которымъ я могла ознакомиться только теперь, по возвращеніи изъ-за границы, въ рецензіи на книгу г-жи Л. Куприяновой «Современная Бельгія», рецензентъ, между прочимъ, говоритъ: «въ русской популярной и народной литературѣ до сихъ поръ почти пѣтъ сочиненій, посвященныхъ прошлому и настоящему Бельгіи: очеркъ жизни бельгійцевъ, составляющій одну изъ главъ обширнаго труда г-жи Водовозовой «Жизнь европейскихъ народовъ», почти недоступенъ по дороговизнѣ этого изданія, а сверхъ того и очень устарѣлъ, такъ какъ написанъ болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ». Послѣднее совершенно невѣрно. Первое изданіе моей книги дѣйствительно появилось уже болѣе 20-ти лѣтъ, но дѣло въ томъ, что въ данное время 1-й томъ «Жизни европейскихъ народовъ» выдержалъ 5 изданій, и послѣднее изъ нихъ напечатано лишь въ прошломъ году, а послѣднее изданіе 2-го тома, въ составъ котораго входитъ описаніе Бельгіи,—въ 1889 г., слѣдовательно, не 20, а 9 лѣтъ тому назадъ.

Главная задача моего труда—не изображеніе злобы дня въ политической или экономической жизни того или другого западно-европейскаго народа, а общая характеристика его нравовъ и обычаевъ, его общественной и семейной жизни, его умственнаго развитія и экономическаго положенія. Все это, конечно, съ теченіемъ времени до извѣстной степени мѣняется, но не въ нѣсколько лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, задавшись цѣлью наиболѣе разносторонне и полно представить жизнь того или другого народа, я при новыхъ изданіяхъ не только перерабатывала каждый томъ, но въ каждомъ новомъ изданіи моей книги появляется и цѣлый рядъ совершенно заново написанныхъ очерковъ. Не желая перечислять новые очерки и указывать тѣ измѣненія, которыя мнѣ пришлось вносить въ каждое новое изданіе, я ограничусь лишь ссылкою на Бельгію, такъ какъ появленіе новой книги объ этой странѣ и вызвало въ «Мірѣ Божіемъ» приведенное выше замѣчаніе. Въ первомъ изданіи 2-го тома «Жизни европейскихъ народовъ» (1878 г.) о положеніи фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ въ Бельгіи сказано лишь нѣсколько словъ при описаніи промышленнаго города Серена (стр. 430), въ послѣднемъ же изданіи этого тома земледѣльческимъ и фабричнымъ рабочимъ этой страны посвящены особые очерки; при этомъ въ статьѣ о земледѣльческихъ рабочихъ мнѣ, между прочимъ, приходится останавливаться на землевладѣніи, на положеніи мелкихъ арендаторовъ, мелкихъ и крупныхъ собственниковъ. Въ очеркѣ «Фабричный людъ» мнѣ пришлось познакомить читателей съ бельгійской промышленностью, съ положеніемъ рабочихъ на фабрикахъ и въ угольныхъ копяхъ, съ безработицею и волненіями рабочихъ, а также и съ причинами, вызывающими эти явленія,—однимъ словомъ, затрогивать вопросы, которыхъ я прежде не касалась; слѣдовательно, послѣднія изданія «Жизни европейскихъ народовъ» сильно измѣнены и расширены сравнительно съ первоначальной программой моего труда. Въ этомъ

убѣдится каждый, кто потрудится сравнить прежнія изданія съ послѣдними; это видно и по списку источниковъ: въ изданіи 2-го тома, вышедшемъ въ 1889 г., указаны среди другихъ и источники 80-хъ годовъ, а въ 5-мъ изданіи 1-го тома—источники 90-хъ годовъ.

Въ подтвержденіи справедливости моихъ словъ я могу сослаться на рецензію того же «Міра Божія» за 1892 г., гдѣ, между прочимъ, сказано слѣдующее: «Обширный трудъ г-жи Водовозовой настолько извѣстенъ, что ни въ какой особенной рекомендаціи не нуждается. Первый томъ этого труда вышелъ въ свѣтъ уже четвертымъ изданіемъ, второй—третьимъ, причемъ каждое новое изданіе этой прекрасной книги появляется въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Успѣхъ книги очевиденъ; очевидно и то, что книга дѣйствительно удовлетворяетъ весьма важной и весьма понятной потребности—познакомиться съ жизнью народовъ, сравнить ихъ жизнь, ихъ учрежденія, нравы и обычаи между собою, а также и съ нашею жизнью, и такимъ образомъ, познакомившись съ чужимъ, понять свое. Другой такой книги, кромѣ труда г-жи Водовозовой, на русскомъ языкѣ нѣтъ, и «Жизнь европейскихъ народовъ», по своимъ достоинствамъ, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію» (январь, стр. 22—23). Не буду увеличивать объема моей замѣтки бо́льшимъ количествомъ выписокъ изъ этой рецензіи «Міра Божія», отъ начала до конца въ высшей степени лестной для моего труда, но обращу вниманіе лишь на то, что авторъ ея говоритъ о всѣхъ трехъ томахъ «Жизни европейскихъ народовъ», и между прочимъ о томъ самомъ изданіи II-го тома 1889 г., которое въ нынѣшнемъ году, въ майской книжкѣ того же «Міра Божія», рецензентъ совершенно игнорируетъ. Такимъ образомъ авторъ рецензіи «Міра Божія» за 1892 г. пользовался послѣднимъ изданіемъ 2-го тома и находилъ, «что каждое новое изданіе» моей книги является «въ исправленномъ и дополненномъ видѣ». Почему же авторъ рецензіи, напечатанной въ томъ же журналѣ, въ нынѣшнемъ году, вводитъ въ заблужденіе читателей, заставляя ихъ думать что мой трудъ остается безъ измѣненій въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ первоначально напечатанъ?

Въ рецензіи «Міра Божія» за нынѣшній годъ упоминается еще о томъ, что моя книга «почти недоступна по дороговизнѣ». Каждый томъ ея стоитъ 3 р. 75 к.; эта цѣна можетъ показаться высокой только въ томъ случаѣ, если не принять во вниманіе объема и внѣшности изданія. Такъ какъ рецензентъ, видимо, признаетъ мою книгу дорогою сравнительно съ книгою г-жи Купріяновой, которая стоитъ 75 коп., то я вынуждена замѣтить, что II-ой томъ «Жизни европейскихъ народовъ» (въ составъ котораго вошло описаніе Бельгіи), почти въ 6-ть разъ больше по объему книги г-жи Л. Купріяновой, и притомъ внѣшность изданія этихъ двухъ книгъ совершенно различна: мое изданіе снабжено 24-мя большими картинами, исполненными на деревѣ извѣстными художниками Васнецовымъ и Пановымъ, а книга г-жи Купріяновой—съ небольшими цинкографическими рисунками. Въ рецензіи «Міра Божія» за 1892 г. сказано, что книга «Жизнь европейскихъ народовъ» издана «прекрасно»; къ сожалѣнію, прекрасныя изданія у насъ обходятся дорого, но въ рецензіи за нынѣшній годъ это также не принято въ разсчетъ. Конечно, такая цѣна, какъ 3 р. 75 к. (если она даже и вызывается внѣшностью изданія) все же совершенно недоступна для народа, но для читателей этого круга я издаю особую серію книжекъ подъ названіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ», которыя своею внѣшностью напоминаютъ книгу г-жи Купріяновой, и каждая изъ нихъ стоитъ 40 коп.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Е. Водовозова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“

Іюль. 1898 г.

Содержаніе: Исторія.—Соціологія.—Юридическія науки.—Философія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. *Ив. Иванова.*—Новости иностранной литературы.

ИСТОРІЯ

Н. Суворовъ. «Средневѣковые университеты» —*А. С. Лаппо-Данилевскій.* «Очеркъ внутренней политики Екатерины II».—*Эли Сорен.* «Исторія Италіи».

Н. Суворовъ. Средневѣковые университеты. М. 1898. Интересъ къ народному образованію въ широкомъ значеніи этого слова въ послѣднее время значительно оживился въ нашемъ обществѣ. Въ связи съ этимъ вполнѣ естественна потребность какъ читающей публики, такъ и людей науки уяснить себѣ современное состояніе образованности и историческое развитіе народообразовательныхъ учрежденій западной Европы. Недавно только появилось прекрасное изслѣдованіе г. Сперанскаго о средневѣковой народной школѣ. Въ настоящее время предъ нами новая цѣнная работа г. Суворова, хотя и на болѣе узкую, но все же въ высшей степени интересную тему. Г. Суворовъ, какъ юристъ (онъ преподаетъ церковное право въ Ярославскомъ лицеѣ), интересуется преимущественно правовой стороной отношеній средневѣковыхъ университетовъ къ городамъ, государству, церкви и папской власти, и формальнымъ развитіемъ университетскихъ статутовъ, регулировавшихъ права, власть и функціи различныхъ составныхъ частей этихъ учебныхъ организацій: коллегій, факультетовъ, «націй», канцлеровъ, ректоровъ, деделей, школяровъ и т. д., и т. д. Самыя условія возникновенія западноевропейскихъ университетовъ, органическое развитіе ихъ изъ всего строя жизни средневѣкового общества значительно усложняютъ ихъ исторію. Лишь весьма немногія изъ древнѣйшихъ высшихъ школъ Европы были учреждены государственной властью (неаполитанскій, краковскій, пражскій, который г. Суворовъ почему-то называетъ прагскій) и сразу получили болѣе или менѣе опредѣленное правовое устройство. Большинство же университетовъ и между ними древнѣйшіе, болонскій и парижскій зародились, и выросли какъ бы сами собой, изъ взаимодѣйствія разнообразныхъ общественныхъ силъ. Отсюда проистекаетъ прежде всего неопредѣленность содержанія въ самомъ понятіи «университетъ» въ первое время, а затѣмъ крайнее разнообразіе въ организаціи и составѣ учрежденій, принявшихъ это имя, неразграниченность функцій и правоотношеній различныхъ составныхъ элементовъ и борьба этихъ элементовъ какъ между собой, такъ и съ другими лицами и учрежденіями, входившими въ соприкосновеніе съ университетомъ. Стремленіе г. Суворова описать съ возможною полнотою юридическую организацію всѣхъ главнѣйшихъ университетовъ и отмѣтить эволюцію ихъ статутовъ вноситъ въ его работу, на нашъ взглядъ, чрезмѣрную детальность, которая на читателя-неспеціалиста должна дѣйствовать нѣсколько утомительно и, пожалуй, многимъ не дастъ составить себѣ отчетливаго представленія о наиболѣе характерныхъ

чертахъ университетскихъ организацій. Нельзя отрицать законности и научности такой постановки изучаемаго предмета, какую принялъ г. Суворовъ, но въ интересахъ болѣе широкаго круга читателей можно было бы желать, чтобы вопросъ былъ поставленъ шире, а именно, чтобы наряду съ изложеніемъ исторіи тѣхъ формъ, въ которыхъ развивались университеты и которые въ дѣйствительности очень часто оставались мертвой буквой, была дана картина университетской жизни, какою она была фактически. Г. Суворову постоянно приходится касаться и этой стороны, напр., онъ нѣсколько разъ возвращается къ отношеніямъ между университетами и городами. Города были очень заинтересованы въ учрежденіи университета не столько въ качествѣ культурной силы, сколько съ точки зрѣнія экономической выгоды. Солидная репутація высшей школы привлекала въ городъ тысячи и десятки тысячъ иностранцевъ. Это пришлое населеніе школяровъ, хотя доставляло мѣстнымъ жителямъ много хлопотъ и непріятностей пьянствомъ, буйствомъ, разгуломъ, а часто и прямымъ разбоемъ, создавало для городовъ и много источниковъ доходовъ. Въ виду того, что вся эта масса учащейся молодежи (впрочемъ, среди школяровъ случалось и много людей въ зрѣломъ возрастѣ, занимавшихъ немалыя іерархическіе мѣста) вмѣстѣ съ профессорами представляли нѣчто очень подвижное, такъ что при сколько-нибудь серьезномъ столкновеніи съ горожанами весь университетъ могъ внезапно перекочевать въ другой городъ, какъ неоднократно и случалось,— городъ обыкновенно старался обезпечить себя различными способами: популярныхъ профессоровъ онъ заманивалъ къ себѣ выгодными условіями, при этомъ обязывая ихъ договорами не удаляться со своими учениками въ другіе города; отъ папы или отъ императорской и королевской власти испрашивались учредительныя буллы и грамоты, санкціонировавшія часто уже давно фактически существовавшіе университеты. По отношенію къ школярамъ города шли на всевозможныя уступки: особыя комиссіи, состоявшія наполовину изъ горожанъ и школяровъ, устанавливали таксу на квартиры, а иногда и на съѣстные припасы, и такса эта была строго обязательна для квартировладѣльцевъ и торговцевъ. Всѣ эти въ высшей степени интересныя подробности университетской жизни г. Суворовъ упоминаетъ лишь мимоходомъ, при случаѣ. Еще рѣже сообщаетъ онъ черты изъ быта школяровъ и преподователей, который по своей своеобразности заслуживалъ бы болѣе серьезнаго вниманія. Цѣлый рядъ спеціальныхъ условій—оторванность отъ родной почвы, матеріальная необезпеченность большинства школяровъ, привилегированное положеніе въ смыслѣ неподчиненности общимъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ и т. д., создалъ изъ университетскихъ «гражданъ» особый классъ, который, примѣняясь къ современному языку, можно было бы назвать интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Этотъ классъ оставилъ по себѣ весьма характерный литературный памятникъ—поэзію «вагантовъ» или «голіардовъ» (бродячихъ школяровъ изъ парижскаго университета): латинскіе риѳмованные стихи съ отзвуками классической литературы и народной поэзіи, съ цинническимъ жизнерадостнымъ содержаніемъ, съ сатирическими выходками противъ Рима и духовенства. Подвиги этихъ своеобразныхъ интеллигентовъ, не имѣющіе, впрочемъ, ничего общаго съ наукой, занимаютъ не мало мѣста въ архивахъ средневѣковыхъ церковныхъ судовъ; вся біографія знаменитаго поэта XV-го вѣка Вилона, бывшаго школяромъ, а можетъ быть, и магистромъ парижскаго университета, извѣстна намъ исключительно изъ протоколовъ о грабежахъ, воровскихъ шайкахъ и убійствахъ. Такія черты внѣ университетской жизни школяровъ совершенно игнорируются г. Суворовымъ. Самою интересною частью его труда являются предпослѣдняя и отчасти послѣдняя главы, гдѣ дана характеристика, правда, тоже весьма бѣглая, положенія науки и учебнаго дѣла въ средневѣковыхъ университетахъ. Система преподаванія не имѣла ничего общаго съ на-

шею. Курсовъ, въ смыслѣ критическаго обзора даннаго предмета, не читалось. *Лекція*, чтеніе—имѣли тогда буквальный смыслъ: преподаватель читалъ какую-нибудь опредѣленную книгу, знаніе которой считалось обязательнымъ, и сопровождалъ это чтеніе отдѣльными замѣчаніями, которыя школяры, слѣдившіе за лекторомъ по своимъ книгамъ, записывали на поляхъ въ видѣ «глоссъ». «Теологи читали Библію, юристы—сборники каноническаго и римскаго права, медики—Авицена, Гиппократа и Галена, артисты (т. е. изучающіе «семь свободныхъ искусствъ», впослѣдствіи образовавшіе философскій факультетъ)—Аристотеля, Порфирія и др.» (стр. 193). Въ большинствѣ случаевъ, особенно въ позднѣйшее время, читался даже не самый текстъ данной книги, а сжатый конспектъ ихъ, «суммы», какъ ихъ называли. Существенную часть преподаванія составляли практическія занятія, состоявшія изъ «диспутацій» на опредѣленныя темы. Диспутаціи эти имѣли цѣлью не выясненіе истины путемъ спора, а упражненіе въ искусствѣ доказывать или опровергать какой бы то ни было тезисъ безъ отношенія къ его истинности. Развитіе діалектической ловкости считалось особеннымъ украшеніемъ ученаго. Факультеты устраивали такіе словесные турниры съ большою торжественностью и приглашали иногда издалека знаменитыхъ спорщиковъ на состязаніе. Согласно требованій установившагося приличія, «во время спора воспрещалось употреблять рѣзкія выраженія, напр. «ересь», «еретикъ», «подозрительной вѣры», «заблудившійся въ вѣрѣ», «ослиный», «безсмысленный» и т. п. и рекомендовалось пользоваться академическими оборотами рѣчи, напр., «не нахожу истиннымъ», «недопустимо», «немыслимо» и т. п. На самомъ дѣлѣ подобныя предписанія статутовъ оставались часто благочестивыми желаніями» (стр. 207). Къ началу новой исторіи весь строй университетскаго преподаванія и жизни вызвалъ ожесточенныя нападки со стороны «гуманистовъ», въ произведеніяхъ которыхъ мы и имѣемъ самыя яркія, иногда даже черезчуръ карикатурныя картины быта средневѣковыхъ университетовъ. Этими источниками г. Суворовъ пользуется весьма мало, какъ и вообще рѣдко обращается къ первоисточникамъ, чаще всего опираясь на изслѣдованія западноевропейскихъ ученыхъ. Но и при указанной односторонности работы г. Суворова, ознакомленіе съ ней болѣе широкаго круга читателей было бы весьма желательнымъ, такъ какъ правильныя представленія о средневѣковыхъ университетахъ въ нашей образованной публикѣ очень мало распространены.

А. С. Лаппо-Данилевскій. Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II. Стр. 62. Спб. 1898. Non multa, sed multum. Небольшой очеркъ А. С. Лаппо-Данилевскаго настолько содержателенъ, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Авторъ опирается на самостоятельное изученіе эпохи, располагаетъ новыми матеріалами, сообщаетъ, отчасти, новыя данныя. Еще больше интереса вызываетъ его работа той оригинальной точкой зрѣнія, съ которой онъ освѣщаетъ изучаемыя явленія. Историческій интересъ внутренней политики императрицы Екатерины авторъ находитъ преимущественно въ томъ, что императрица посвятила не мало труда для рѣшенія, «сообразно собственнымъ своимъ взглядамъ, на задачи «самодержавнаго правленія и на сословный строй», вопроса «о положеніи русскаго общества въ государствѣ». По существу своему этотъ вопросъ распадается на два другихъ: о положеніи лица въ государствѣ и о сословной организаціи русскаго общества; а рѣшеніе ихъ, въ концѣ XVIII в., находилось въ своеобразной взаимной связи. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію автора, «реформа Петра Великаго хотя и не создала лица, какъ самостоятельной единицы общественнаго строенія, но, во всякомъ случаѣ, расчистила ту почву, на которой свободно могла съ теченіемъ времени развиться человѣческая личность». Къ началу XVIII в. старинныя формы нашей общественности пережили періодъ разложенія. Сквозь эту «порастрескавшую оболочку» стало про-

биваться «стремленіе къ личной свободѣ». Оно находило, съ начала XVIII в., опору въ новомъ образованіи и въ новыхъ формахъ хозяйственной дѣятельности, и то, и другое давало русскому человѣку «духовную и матеріальную опору для проявленія своей личной иниціативы и самостоятельности, которыя вліяли на развитіе его индивидуальности». Но слабость развитія и духовной, и матеріальной культуры привела къ тому, что опора оказалась недостаточной. Поэтому «слишкомъ рано было думать о свободной человѣческой личности въ виду подчиненія ея той общественной группѣ, къ которой она принадлежала въ силу обстоятельствъ». Такъ, авторъ осмысляетъ торжество сословности въ русскомъ обществѣ XVIII в.: «въ глазахъ русскаго человѣка XVIII в. сословная группа болѣе и болѣе становилась обществомъ взаимнаго страхованія свободной жизнедѣятельности каждаго изъ ея членовъ, наилучшей политической гарантіей его гражданскихъ правъ». Съ этой точки зрѣнія авторъ, повидимому, склоненъ видѣть въ развитіи сословности—явленіе прогрессивное для того времени: государствомъ были признаны права личности, хотя бы въ предѣлахъ ея сословнаго положенія. Въ сжатомъ, отчетливомъ и стройномъ изложеніи А. С. Лаппо-Данилевскій даетъ полный обзоръ внутренней политики императрицы Екатерины, тщательно выясняя, что въ этой политикѣ надо считать осуществленіемъ ея обдуманныхъ намѣреній, а что уклоненіемъ. Указанія генезиса взглядовъ Екатерины, характеристика знаменитаго «Наказа» и дѣятельности «коммиссіи для составленія проекта новаго Уложенія», заботъ Екатерины о «размноженіи населенія», ея экономической политики и сословныхъ реформъ, по полнотѣ и наглядности не оставляютъ желать лучшаго, насколько такая задача выполнима въ краткомъ очеркѣ. Но съ нѣкоторыми изъ сужденій автора, можетъ быть, трудно согласиться. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо указываетъ на идею законности, какъ на основную теоретическую идею Екатерины Великой, и на ея стремленія «водворить правомѣрныя отношенія сословныхъ группъ другъ къ другу и къ государственной власти». Но причины того фіаско, которое политика императрицы потерпѣла въ этомъ стремленіи, остаются неясными, особенно въ виду слѣдующаго замѣчанія автора: «относительная независимость (съ 1768 г.) отъ окружавшей ее среды едва ли выгодно отозвалась на содержаніи реформъ и, во всякомъ случаѣ, задержала дальнѣйшее ихъ развитіе». Казалось бы, что причиной искаженія реформъ естественнѣе признать не «относительную независимость», а излишнюю зависимость Екатерины Великой отъ окружавшей ее соціальной среды. Не эта ли зависимость заставила ее отступить передъ задачей—опредѣлить закономъ отношенія между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіемъ? Не эта ли зависимость помѣшала Екатеринѣ создать не сословныя, а чисто государственныя учрежденія, которыя лишили бы дворянство возможности, «пользуясь слабостью мѣстныхъ учрежденій», превратить врученныя ему служебныя полномочія въ сословную привилегію? Преемники Екатерины Великой—Павелъ Петровичъ и Александръ Павловичъ съ негодованіемъ указывали на слабость власти въ ея царствованіе,—власти, которая во многихъ существенныхъ вопросахъ, стала орудіемъ борьбы дворянства за сословное преобладаніе. Ихъ мнѣніе, несомнѣнно, имѣло серьезныя основанія. Эти недоумѣнія естественно вызываются вышеуказанной общей схемой А. С. Лаппо-Данилевскаго и вытекающей изъ нея оцѣнкой сословной реформы Екатерины Великой. Эта юридическая схема, нѣсколько—mutatis mutandis—напоминающая извѣстную схему Кавелина, привлекаетъ своей стройностью; но можно ли доказать, что развитіе гражданскихъ правъ личности требовало, чтобы наше общество прошло черезъ фазу крайней сословности, которая затѣмъ стала такимъ тормазомъ для нормальнаго развитія этихъ самыхъ правъ?

Серьезная содержательность брошюры А. С. Лаппо-Данилевскаго, вызывающей рядъ существенно-важныхъ вопросовъ, и ея какъ идейная, такъ и научная

самостоятельность дѣлаютъ эту работу, не смотря на ея скромные размѣры, пріятнымъ явленіемъ. Отъ талантливаго автора будемъ ждать болѣе подробной разработки его воззрѣній, которыя, повидимому, не вполнѣ вяжутся съ болѣе или менѣе установившимися понятіями объ историческомъ значеніи Екатерининской эпохи.

Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора-Эммануила. Переводъ съ французскаго М Чепинской. Приложеніе: Очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней; составилъ В. В. Водовозовъ. Спб. 1898 г. 410 стр. Ц. 1 р. 50 к. Переводъ книги Сорена появился какъ нельзя болѣе кстати. Судьбы Италіи за послѣднее время все болѣе приковываютъ вниманіе читающей публики. Италія, несомнѣнно, переживаетъ тяжелый кризисъ, исходъ котораго далеко еще не ясенъ. При постоянныхъ извѣстіяхъ о новыхъ и новыхъ волненіяхъ въ разныхъ пунктахъ Италіи естественно возникаетъ потребность осмыслить ихъ путемъ знакомства съ исторіей и внутреннимъ строемъ молодого государства. Книга Сорена и очеркъ В. В. Водовозова удовлетворяютъ эту потребность, насколько это возможно при сжатомъ и популярномъ изложеніи.

«Исторія Италіи» Сорена написана живо и съ одушевленіемъ. Къ ея достоинствамъ надо прибавить и безпристрастіе, съ которымъ авторъ излагаетъ тревожныя перипетіи борьбы за объединеніе Италіи. Только первыя главы оставляютъ несовсѣмъ удовлетворительное впечатлѣніе: авторъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги, указываетъ на то, чѣмъ Италія обязана соціальнымъ реформамъ и новымъ идеямъ, перенесеннымъ изъ Франціи въ наполеоновскую эпоху, но не даетъ яснаго и полнаго представленія объ этомъ исходномъ пунктѣ дальнѣйшаго развитія итальянской общественной жизни и общественной мысли. Это тѣмъ болѣе жаль, что трудно указать, на русскомъ языкѣ, книгу, которая могла бы пополнить такой существенный пробѣлъ. Зато драма, разыгравшаяся въ Италіи съ эпохи Вѣнскаго конгресса и до занятія Рима Викторомъ-Эммануиломъ представлена отчетливо и мѣстами увлекательно, несмотря на простое, безпретенціозное изложеніе. Передъ читателемъ проходитъ рядъ интересныхъ, яркихъ личностей. Разнообразные типы мелкихъ итальянскихъ государей, ихъ совѣтниковъ и руководителей итальянской политики, итальянскихъ патріотовъ, дѣйствовавшихъ на собственный рискъ ради любимой идеи и среди нихъ лучшій и благороднѣйшій, у насъ, сравнительно, мало извѣстный герой Венеціанской революціи 1848—1849 г. Даніеле Манинъ, затѣмъ Гарибальди (обрисованный, впрочемъ, сравнительно, блѣдно), Кавуръ и др.—весь этотъ калейдоскопъ личностей самъ по себѣ сдѣлалъ бы книгу Сорена интересной. Но глубже общее впечатлѣніе книги: Соренъ заражаетъ читателя своимъ интересомъ къ тому богатому запасу духовныхъ силъ и энергіи, который развернуло итальянское общество въ борьбѣ за дорогую свободу. Въ теченіи трехъ четвертей XIX вѣка въ Италіи сводились послѣдніе счеты съ устарѣлымъ средневѣковымъ наслѣдствомъ: императорской властью, выродившеюся въ австрійскій деспотизмъ, и свѣтскою властью папы, не желавшей признавать новаго политическаго принципа—національнаго. Всѣ три фактора этой борьбы: темная сила меттерниховской Австріи, могучая духовная сила папства и свѣжія силы пробудившейся итальянской націи достаточно рельефно рисуются передъ читателемъ книги Сорена. Борьба велась подъ давленіемъ «европейскаго концерта», который не мало усложнилъ задачу итальянскаго возрожденія, и непосредственнымъ, вмѣшательствомъ, и тѣмъ, что поставилъ Наполеона III въ положеніе, заставившее его относиться къ принятой имъ на себя роли защитника Италіи болѣе, чѣмъ осторожно и даже двулично. Тѣ же общеевропейскія отношенія связывали руки политическимъ дѣятелямъ Пьемонта, надѣвавшимъ, ради Европы, маску противниковъ Гарибальди. Всѣ эти сложныя условія борьбы заставили итальянцевъ потратить массу силъ на побѣду надъ препятствіями. Объединеніе Италіи стоило націи

огромныхъ жертвъ, тяжело отозвавшихся на развитіи народнаго хозяйства и національной культуры.

Каково же оказалось состояніе Италіи послѣ образованія итальянскаго королевства? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ очеркъ В. В. Водовозова: «Италія въ царствованіе Гумберта I». Власть надъ страною оказалась въ рукахъ той группы итальянскаго населенія, которая завоевала ее во время освободительныхъ войнъ,—буржуазіи. Кавуръ первый вступилъ на путь покровительства экономически-привиллегированной части населенія, ища въ ней опоры для политической силы новаго государства, надъ созданіемъ котораго онъ трудился, и для сближенія съ буржуазной Европой. Союзъ власти съ «третьимъ сословіемъ» сталъ еще нужнѣе въ конституціонный монархіи Гумберта, вѣчно страдавшей отъ финансовыхъ неурядицъ. Вліяніе на выборы депутатовъ и на всю мѣстную жизнь, въ частности, на систему мѣстныхъ налоговъ сосредоточилось въ рукахъ зажиточныхъ классовъ—мѣстныхъ торговцевъ, кабатчиковъ, помѣщиковъ и болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Интересы капиталистовъ получили рѣшающее значеніе въ этой средѣ, а, стало быть, и въ политикѣ Итальянскаго королевства. Они натолкнули Италію на путь колоніальной политики, приведшей къ катастрофѣ въ Африкѣ; служеніе этимъ интересамъ отодвинуло на второй планъ задачу о положеніи низшихъ классовъ, особенно, въ злополучной Сициліи, положеніе которой нѣсколько напоминаетъ положеніе Ирландіи В. В. Водовозовъ даетъ полную картину политики правительства короля Гумберта, выясняя, между прочимъ, характеръ и значеніе дѣятельности Криспи. Эта политика ничего не сдѣлала, чтобы смягчить условія, создавшія быстрое обнищаніе итальянскаго народа и такія болѣзненныя проявленія народнаго недовольства, какъ анархизмъ и дѣятельность знаменитыхъ Камморы и Мафіи. Добившись политическаго возрожденія, Италія напряженно ищетъ путей къ возрожденію соціальному. Броженіе въ этомъ направленіи сказалось въ острой борьбѣ партій и успѣхахъ своеобразнаго итальянскаго соціализма: рабочаго на сѣверѣ и крестьянскаго въ Сициліи.

Трудъ Сорена и Водовозова даетъ возможность познакомиться съ той трагической борьбой за существованіе, которую благородная нація выноситъ въ теченіе цѣлаго вѣка и послѣдній шагъ которой—переходъ отъ внѣшняго объединенія къ внутреннему, органическому единству націи—еще не сдѣланъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Э. Мейеръ. «Экономическое развитіе древняго міра».—*Ю. Липпертъ.* «Исторія семьи».

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ подъ редакціей М. О. Гершензона. Спб. 1898 г. Ц. 60 к. 20 апрѣля 1895 г. талантливый историкъ древняго міра, Эдуардъ Мейеръ, прочелъ на третьемъ съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ рефератъ, текстъ котораго появился теперь въ русскомъ переводѣ. Въ сжатомъ изложеніи даетъ авторъ цѣльную картину экономическаго развитія древняго міра съ цѣлью опровергнуть господствующія воззрѣнія на этотъ предметъ, которыя онъ считаетъ «невѣрными и даже препятствующими правильному пониманію не только древности, но и историческаго развитія вообще». Эдуардъ Мейеръ—крупный авторитетъ въ исторіи Востока, Эллады и Рима, выдающійся египтологъ, авторъ широко задуманнаго труда: «Geschichte des Alterthums», который пока доведенъ въ двухъ томахъ, до эпохи персидскихъ войнъ. Въ то же время, онъ издалъ нѣсколько спеціальныхъ работъ по исторіи критическаго періода исторіи Рима,

напримѣръ, «Изслѣдованіе по исторіи Гракховъ». Прекрасно владѣя источниками и научной литературой, Мейеръ не заслуживаетъ сдѣланнаго ему упрека (Бюхеромъ — во второмъ изданіи его «Происхожденія народнаго хозяйства»), будто онъ часто пользуется матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ. Рефератъ Мейера тѣмъ и интересенъ, что представляетъ собою попытку ученаго и широко образованнаго спеціалиста формулировать общій взглядъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторической науки.

Задача Мейера—полемическая. Онъ систематически борется противъ выставленной Бюхеромъ, въ упомянутомъ трудѣ, схемы развитія всемірнаго хозяйства. Историкъ съ горячею настойчивостью возрастаетъ противъ излишняго упрощенія картины экономическаго быта древности, въ которомъ повинны, по его мнѣнію, экономисты-теоретики. Обосновать этотъ протестъ было не трудно: живыя и сложныя явленія исторической эволюціи не укладываются въ простыя, логическія схемы. Но именно поэтому трудъ Мейера оказался неблагодарнымъ: онъ предъявляетъ экономистамъ требованія, которыхъ тѣ сами себѣ не ставили, и, въ частности, Бюхеръ имѣлъ право возразить ему, что онъ работалъ надъ экономической теоріей, а не надъ исторіей экономическаго быта, и стремился опредѣлить отвлеченные типы хозяйствъ, а не конкретныя фазы экономическаго развитія.

Основная мысль Мейера—доказать несправедливость утвержденія, будто народное хозяйство не старше современнаго государства, будто въ древнемъ мірѣ совсѣмъ не существовало «правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ». Принимая теоретическія выкладки Бюхера за попытку дать историческую картину, Мейеръ полагаетъ, что экономисты серьезно отрицаютъ наличность всѣхъ этихъ явленій до новыхъ вѣковъ. Нашъ историкъ, несомнѣнно, нѣсколько преувеличиваетъ односторонность своихъ противниковъ, принимая слова Бюхера, что замкнутое домашнее хозяйство, при которомъ продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ, господствуетъ отъ начала цивилизаціи до середины Среднихъ вѣковъ,— за историческій тезисъ. Этому тезису Мейеръ противопоставляетъ свою картину экономическаго развитія древняго міра. Государство, экономическій фундаментъ котораго создавался исключительно натуральнымъ хозяйствомъ, авторъ находитъ только въ Египтѣ (кромѣ 15 и слѣд. страницъ текста ср. приложеніе: «Памятникъ египетскаго натуральнаго хозяйства»). Въ общемъ же «на Востокѣ мы находимъ уже въ древнѣйшій періодъ, отъ котораго до насъ дошли свѣдѣнія, очень развитую промышленность, всеобщія торговыя сношенія и, какъ посредниковъ при обмѣнѣ,— благородные металлы», и «чѣмъ дальше подвигается впередъ развитіе древняго Востока, тѣмъ больше растетъ вліяніе торговли». Въ сферу этихъ торговыхъ отношеній постепенно втягивается и Западъ: развитіе всемірной торговли вызываетъ на историческую сцену новыя народности; зарождается всеобщая исторія. На этой мысли построена была попытка Мейера реконструировать эллинскую культуру микенской эпохи, но, замѣчаетъ онъ, «достовѣрность моей реконструкціи оспаривается и полной картины дѣйствительно нельзя нарисовать». Вопросъ объ условіяхъ зарожденія эллинской культуры, дѣйствительно, остается пока открытымъ, но всѣ данныя, какими мы до сихъ поръ располагаемъ, ведутъ къ тому, чтобы скорѣе расширить представленіе о сложныхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ Востока съ Западомъ въ древнѣйшую эпоху, чѣмъ съузить его. Первые вѣка послѣ микенскаго періода могутъ быть охарактеризованы, какъ время замкнутой хозяйственной жизни Эллады. Но уже въ VII в. она переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ, ярко обрисованный Мейеромъ во 2-мъ томѣ его «Исторіи

древняго міра», и кратко резюмированный въ рефератѣ. Главные центры эллинской жизни втягиваются въ широкія торговыя отношенія: ея промышленные города работаютъ на значительный сбытъ во всемъ бассейнѣ Средиземнаго и Чернаго морей. Вмѣстѣ съ торговлей проникаютъ въ Элладу денежное обращеніе и денежное хозяйство. Новыя формы экономической дѣятельности создаютъ глубокій политическій, соціальный и культурный кризисъ: Эллада изжила свое средневѣковье. «Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому». Чтобы поддержать смѣло выставленную аналогію, Мейеръ подвергаетъ строгой критикѣ установившееся мнѣніе о нѣкоторыхъ основныхъ отличіяхъ античной цивилизаціи отъ новой. Первая не была экзотическимъ продуктомъ, выросшимъ на почвѣ дарового рабскаго труда; представленіе о толпахъ рабовъ и благоденствіи гражданъ античныхъ государствъ—сильно преувеличено; пауперизмъ былъ налицо въ Аѳинахъ эпохи Перикла и продолжалъ развиваться въ послѣдующіе вѣка. Рабство должно быть вычеркнуто изъ числа существенныхъ факторовъ экономическаго развитія древняго міра. Мейеръ настойчиво возвращается къ этой мысли, а для позднѣйшаго періода доказываетъ и въ особомъ приложеніи: «Къ вопросу о роли рабства въ императорскій періодъ». Въ связи съ этимъ, онъ тщательно собираетъ извѣстія о существованіи, во всѣ періоды древней исторіи, вольнаго наемнаго труда и производства на неопредѣленный рынокъ. Положеніе труда въ античномъ мірѣ рисуется нашему автору въ такихъ чертахъ, что оно лишь количественно, а не качественно отличается отъ современнаго. На стр. 55-й онъ дѣлаетъ мѣткое сопоставленіе античныхъ и современныхъ мнѣній о достоинствѣ трудовой жизни, усматривая въ нихъ полное тождество. Капиталистическій строй хозяйства, вотъ что ищетъ Мейеръ въ древней Элладѣ. Строй этотъ обусловливался развитіемъ широкаго международнаго торговаго оборота. И не только въ экономическомъ, но и въ культурномъ отношеніи древняя Эллада, какъ позднѣе Римъ, не жила замкнутою, узко-національною жизнью. «Мнѣніе, будто древніе греки и римляне съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣ другіе народы—и будто въ этомъ заключается характерная разница между античнымъ и современнымъ міровоззрѣніемъ—ни на чемъ не основано». Этого презрѣнія въ древности было не больше, чѣмъ теперь, и «въ христіанскомъ міровоззрѣніи, не придающемъ никакого значенія политическимъ и національнымъ различіямъ и цѣнящимъ лишь человѣческую личность, нѣтъ ничего новаго, созданнаго самимъ христіанствомъ; оно только усвоило общераспространенные взгляды». Высокую и сложную культуру, до которой доработался древній міръ въ V вѣкѣ до Р. Х. Мейеръ готовъ признать близкой, по существу, къ культурѣ современной. Эллинистическій періодъ — время разложенія этой культуры въ Элладѣ, которая перестала составлять политическое и торговое средоточіе міра. Но разложеніе сказалось въ такомъ страшномъ запустѣніи страны и безпрерывномъ упадкѣ благосостоянія, что объяснять его міровыми перемѣнами было бы недостаточно. Объясненіе дается сопоставленіемъ съ лучше извѣстными причинами разложенія римскаго міра въ эпоху имперіи. Та же, созданная эллинами культура охватила весь римскій «orbis terrarum», и въ этомъ міровомъ значеніи своемъ античная культура раскрыла внутреннюю свою несостоятельность. «Въ картинѣ упадка античнаго міра,—говоритъ Мейеръ,—мы имѣемъ дѣло исключительно съ распаденіемъ культуры, достигшей наивысшаго развитія и разлагающейся извнутри, при полной исправности внутренняго строя, безъ вмѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага». Причины этого явленія лежатъ въ основныхъ свойствахъ самой этой культуры: «какъ разъ совершенство культурнаго государства ведетъ къ его гибели». Это совершенство опиралось на гибельномъ экономическомъ строѣ, который велъ къ «без-

прерывному росту крупнаго капитала и неизбѣжному рядомъ съ нимъ увеличенію неимущаго пролетаріата». Городъ безпрерывно притягивалъ къ себѣ сельское населеніе и всасывалъ его; деревня не только политически, но и матеріально поглощалась городомъ. Процессъ этотъ естественно ведетъ къ кризису: «благодаря матеріальнымъ и соціальнымъ выгодамъ, которыя доставляетъ городъ и которыя дѣйствуютъ, какъ магнитъ на сельское населеніе... особенно же благодаря полному развитію капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права со всѣми ихъ послѣдствіями, посредствомъ которыхъ онъ пересиливаетъ сельскій строй и систематически уничтожаетъ естественныя и необходимыя для послѣдняго жизненныя и торговыя отношенія,—городъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе сельскаго населенія». Но долженъ наступить моментъ, когда разореніе сельскаго населенія отразится и на городѣ. Городское государство живетъ покупнымъ хлѣбомъ, но когда городской быть охватываетъ весь культурный міръ—производство съѣстныхъ припасовъ перестаетъ быть достаточнымъ. Такова, по мнѣнію Мейера, основная причина страшнаго кризиса III в. послѣ Р. Х. Города начинаютъ пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни. «Городъ, первоначально бывшій главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиною колоссальнаго роста благосостоянія, въ концѣ концовъ, уничтожаетъ это благосостояніе, культуру, и, наконецъ, самого себя».

Дойдя до этого гибельнаго предѣла, экономическое развитіе древняго міра начало регрессировать. «Одновременно во многихъ отрасляхъ государственнаго быта совершается возвратъ къ натуральному хозяйству; совершается онъ и въ народномъ хозяйствѣ. Та форма хозяйственнаго быта, которая Бюхеру представляется характерный для всего античнаго міра—есть результатъ этой реакціи. «Замкнутое домашнее хозяйство» и почти полное отсутствіе дѣйствительнаго «народнаго хозяйства»—это явленія, доминирующія въ началѣ жизни средневѣковой Европы потому, что «съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя давно уже были пройдены».

Такъ было, говоритъ Мейеръ; такъ и будетъ, прибавляетъ онъ, выдерживая свою излюбленную аналогію между античной и современной культурами. Онъ разсмотрѣлъ общій вопросъ объ экономическомъ развитіи древняго міра, чтобы показать, «какое большое значеніе имѣетъ еще и для нашего времени правильное пониманіе проблеммъ древней исторіи». Что же долженъ дать намъ урокъ, прочитанный историкомъ? Должны ли мы бояться саморазложенія нашей городской и капиталистической культуры? Мейеръ думаетъ, что да. Приведя въ приложеніи наглядный примѣръ быстраго умиранія «греческаго провинціальнаго города въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х.», онъ замѣчаетъ: «тѣ же явленія начали въ нашемъ столѣтіи обнаруживаться въ Ирландіи и теперь рѣзко бросаются въ глаза всякому, кто посѣтитъ Дублинъ или проѣзжаетъ по странѣ».

Аналогія, на которой Мейеръ основываетъ свои мрачные выводы, самая слабая сторона его конструкціи. Она заставила его съ нѣкоторою искусственностью выдвигать на первый планъ тѣ стороны древней жизни, которыя сходны съ основными чертами жизни новой Европы. Нѣмецкой критикой были уже указаны пробѣлы и преувеличенія въ рефератѣ Мейера. Настаивая на широкомъ значеніи всемірной торговли въ древности, которое раскрывается въ рядѣ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, онъ упускаетъ изъ виду, что роль потребителей въ этомъ широкомъ обмѣнѣ играютъ, почти исключительно, государство, скупавшее привозный хлѣбъ, монополизировавшее важные промыслы и т. п., затѣмъ немногіе крупные города и верхній слой общества, сравнительно немногочисленные богачи-олигархи. «Крупное» производство, поставлявшее товары на всемірный рынокъ, далеко не могло бы назваться такимъ, съ нашей, современной точки зрѣнія. Всего же существеннѣе то, что Мейеръ сильно пре-

увеличиваетъ размѣры эволюціи города на счетъ деревни. «Было бы совершенно ошибочно,—замѣчаетъ, по этому поводу, одинъ изъ критиковъ Мейера,—если бы стали приравнивать экономическое развитіе среднихъ городовъ древняго міра—развитію среднихъ городовъ не только нѣмецкихъ, но и русскихъ». Три четверти Эллады и почти всѣ провинціи римской имперіи оставались и въ эпоху разложенія далеки отъ сильно развитой городской жизни и капиталистическій строй хозяйства не проникалъ въ нихъ глубоко. «Всемірный рынокъ» античнаго міра не имѣлъ опоры въ потребленіи народныхъ массъ; «крупная» промышленность не работала для удовлетворенія потребностей всѣхъ слоевъ общества, включая сюда и рабочій классъ, и сельское населеніе. Зданіе эллино-римской цивилизаціи не покоилось на широкомъ фундаментѣ дѣйствительнаго объединенія матеріальныхъ и культурныхъ интересовъ населенія римской имперіи. И когда въ отдѣльныхъ частяхъ ея пробудилась мѣстная жизнь, обезсиленный центръ не нашелъ въ этомъ поддержки для себя. Его экономическая и государственная система лишила его возможности жить самостоятельными средствами и не дала ему возможности крѣпче опереться на силы подвластныхъ провинцій.

Несомнѣнно, что тѣ черты экономическаго быта античнаго міра, на которыхъ настаиваетъ Мейеръ, были существеннымъ, быть можетъ, основнымъ факторомъ въ гибели античной цивилизаціи. Но несомнѣнно и то, что эти черты не дѣлали еще экономическаго строя древняго міра—капиталистическимъ durch und durch, такъ какъ въ жизни массы населенія продолжала господствовать иная, болѣе архаичная система хозяйства. Древній міръ и сталъ жертвою такого противорѣчія своей экономической организаціи.

Неполнота мейеровской аналогіи между древней и новой цивилизаціей всего ярче сказывается въ попыткѣ отождествить принципы современнаго и античнаго міровоззрѣній. Конечно, не составитъ особенной трудности цитатами обосновать мнѣніе автора, что лучшіе люди древняго міра возвышались до высокаго взгляда на человѣческую личность и на трудовую жизнь, освобождались отъ узко-національныхъ и классовыхъ предразсудковъ; не трудно показать и то, что подобныхъ предразсудковъ болѣе, чѣмъ достаточно и въ нашей средѣ. Но Мейеръ, какъ въ вопросахъ хозяйства, такъ и въ вопросахъ идей, упускаетъ изъ виду различіе между отдѣльными, хотя бы и очень распространенными чертами, и основными принципами господствующей системы, которая дѣйствительно опредѣляетъ складъ общественной жизни. Въ силу этой ошибки, его блестящая характеристика экономическаго развитія древняго міра оказывается недостаточно глубокой и, подчасъ, парадоксальной.

Каковы бы ни были недостатки очерка, представленнаго Мейеромъ, онъ слишкомъ эскизенъ, чтобы на немъ основывать оцѣнку воззрѣній знаменитаго ученаго. Въ рефератѣ Мейера лучшая часть та, гдѣ онъ резюмируетъ свое подробное изложеніе экономическаго развитія Эллады, которое вошло въ составъ второго тома его «Исторіи древняго міра». И на остальную часть реферата слѣдуетъ смотрѣть, какъ на протекстъ дальнѣйшихъ томовъ этого обширнаго труда. Въ нихъ взгляды Мейера найдутъ развитіе и обоснованіе; въ нихъ, при детальной разработкѣ матеріала, они потеряютъ, вѣроятно, то, что есть въ рефератѣ недодуманнаго и парадоксальнаго. Тогда только и явится возможность критикѣ свести счеты съ теоріей Мейера. Пока она можетъ ограничиться указаніемъ на «экономическое развитіе древняго міра», какъ на талантливую книгу, которая будитъ много вопросовъ, вызываетъ много сомнѣній и въ которой односторонніе замѣчанія чередуются съ содержательными и вѣрными мыслями.

Ю. Липпертъ. Исторія семьи. Переводъ съ нѣмецкаго Шатерникова. Спб. 1897. (VIII+206 стр. 8°). Цѣна 60 к. Исторія семьи имѣетъ очень богатую литературу. Можно сказать даже, что всѣ вопросы древнѣйшей исторіи

человѣческой культуры группируются въ послѣднее время вокругъ этого центральнаго пункта. Съ одной стороны несомнѣнна связь различныхъ формъ семейной организаціи съ общимъ уровнемъ матеріальной культуры, съ другой стороны очевидна зависимость позднѣйшихъ формъ общественной жизни отъ первоначальнаго строя семейныхъ отношеній. Вопросы, связанные съ исторіей семьи, выяснялись постепенно, при чемъ главную роль играла здѣсь полемика между сторонниками и противниками теоріи такъ называемаго матріархата, выдвинутой въ 1861 году Бахофеномъ. Полемика эта и до сихъ поръ не окончилась вполнѣ, хотя уже и теперь ясно, что наиболѣе талантливые изслѣдователи примкнули къ теоріи матріархата, и окончательная побѣда несомнѣнно на ихъ сторонѣ. При такомъ положеніи дѣла выборъ популярной книжки для перевода дѣло довольно трудное: поневолѣ приходится примкнуть къ той или другой изъ полемизирующихъ сторонъ и отказаться отъ мысли дать въ популярномъ изложеніи ясное представленіе о современномъ положеніи вопроса. Всякая книжка съ этой точки зрѣнія должна имѣть свои недостатки.

Выборъ для перевода на русскій языкъ популярной книжки Липперта во всякомъ случаѣ нужно признать удачнымъ. Авторъ ея отличается большими знаніями и выдающейся способностью къ широкимъ обобщеніямъ. Въ его изложеніи читатель всегда чувствуетъ присутствіе общей руководящей мысли, видитъ связь отдѣльныхъ явленій между собою и выноситъ впечатлѣніе ясной и стройной картины. Но книга Липперта имѣетъ и свои недостатки, въ которыхъ мы не можемъ винить самого автора. Не надо забывать, что книжка Липперта появилась въ 1884 году, а въ 14 лѣтъ не мало было сдѣлано въ области исторіи семьи. Такое позднее появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ дѣлаетъ ее въ настоящее время нѣсколько устарѣлой.

Исторія семьи представляетъ очень много оригинальнаго. Между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ областяхъ культуры мы встрѣчаемся съ постояннымъ усложненіемъ, исторія семьи представляетъ какъ разъ обратное явленіе. Первоначальная сложность семейной организаціи упрощается и въ концѣ концовъ приходитъ къ индивидуальной семьѣ. Такимъ образомъ исторія семьи есть исторія разложенія. Это характерное явленіе очень ясно отражается въ системахъ именъ родства, которыя всѣ постепенно утрачиваютъ большую часть своего состава. И у насъ теперь забываются такія названія, какъ шуринъ, сноха, деверь, золовка и т. п., между тѣмъ какъ у крестьянъ эти названія еще живутъ. Липпертъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на эту сторону дѣла и не даетъ тѣхъ весьма важныхъ выводовъ изъ изслѣдованія системъ родства, которое сдѣлалъ Морганъ. Въ связи съ этимъ мало обращено вниманія и на то, что первоначальная семья по существу своему является группой, имѣющей цѣлью вовсе не спеціально поддержаніе рода, а группой, совмѣстно добывающей себѣ тѣмъ или инымъ способомъ средства къ жизни. Если эта группа въ то же самое время является группой родственниковъ, то это только естественное послѣдствіе совмѣстной жизни, а не основа общественной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ группу, хотя бы человѣкъ въ 40, живущую долгое время общею жизнью, то она уже черезъ нѣсколько поколѣній должна превратиться въ группу родственниковъ: смерть естественно исключитъ изъ этой группы людей, не вступившихъ въ бракъ, а каждый бракъ создастъ непремѣнно мелкія групы родственниковъ, которыя породнятся между собою послѣдующими браками. Противъ такого объясненія можно было-бы возразить, что оно страдаетъ пристрастіемъ къ экономическимъ толкованіямъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что совершенно произвольно класть въ основу древнѣйшей организаціи семьи именно экономическій факторъ, а не наоборотъ—экономическую организацію объяснять строемъ семьи. Однако, если вдуматься въ факты исторіи семьи, то станетъ совершенно ясно, что именно

въ этой области экономическое толкованіе фактовъ — единственно возможное. Уже давно изслѣдователи пришли къ тому выводу, что подъ понятіемъ семьи въ древнѣйшемъ смыслѣ разумѣется далеко не то, что мы привыкли понимать подъ этимъ терминомъ. И понятіе родства для народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, гораздо шире, чѣмъ современное. Поэтому тѣ теоретики, которые предполагаютъ, что представленія о родствѣ развились изъ основного представленія о кровномъ родствѣ матери съ дѣтьми, и допускаютъ, что первобытные люди не знали даже родства между дѣтьми и отцомъ, попадаютъ въ большое затрудненіе. Какъ объяснить тотъ фактъ, что эти же первобытные люди, не понимавшіе родства отца съ дѣтьми, оказываются очень тонкими наблюдателями даже такихъ отдаленныхъ ступеней родственныхъ отношеній, которыя съ трудомъ усваиваются современнымъ культурнымъ человѣкомъ? Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія пришлось-бы допустить, что первобытный человѣкъ, совершенно не понимавшій родства, сразу достигаетъ высшей ступени пониманія его и потомъ постепенно утрачиваетъ это пониманіе. При этомъ исторически мы не можемъ прослѣдить того пути, который привелъ его къ такому пониманію: народовъ, у которыхъ не было бы уже развитой системы родства, мы не знаемъ. Уже и это обстоятельство должно навести насъ на мысль, что эти сложныя системы родства не были придуманы ради самихъ себя и что они возникли благодаря окружающимъ условіямъ, которыя давали какія-нибудь точки опоры для этихъ системъ. Что эти системы предполагаютъ извѣстную группировку лицъ, видно изъ того, что измѣненія системъ родства совершаются параллельно съ измѣненіями экономическихъ условій жизни народовъ, влекущими за собою новую группировку отдѣльныхъ личностей. Это заставляетъ насъ признать, что семейная организація развивалась на основѣ экономической. Ученые, желающіе объяснить исторію семьи развитіемъ понятія родства и свести всѣ историческіе факты къ физіологическимъ и психологическимъ причинамъ, забываютъ, что физіологія и психологія человѣка постоянны, и уже потому не могутъ объяснить разнообразія историческихъ семейныхъ организацій. Даже если допустить существованіе измѣненій въ физіологическомъ и психологическомъ складѣ людей по временамъ и расамъ, то и тогда останется неразъясненнымъ вопросъ, почему у различныхъ расъ и въ различныя времена появляются почти тождественныя семейныя организаціи.

Липпертъ въ своей «Исторіи семьи» слишкомъ мало обращаетъ вниманія на экономическую сторону. Онъ ограничивается тѣмъ, что иллюстрируетъ свои общія положенія о развитіи семьи указаніями на обычаи народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, и на сохранившіяся въ обычаяхъ историческихъ народовъ пережитки прежнихъ формъ семейной организаціи. Онъ дѣлитъ всю исторію семьи на два періода: матріархатъ и патріархатъ. Неудобство такого дѣленія заключается въ томъ, что этими двумя формами далеко не исчерпывается все разнообразіе семейныхъ организацій. Кромѣ того, у него остается невыясненнымъ терминъ матріархатъ. Такого матріархата, какъ онъ его изображаетъ, въ чистомъ видѣ мы нигдѣ не находимъ, и въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ томъ, что матріархатъ—явленіе далеко не первоначальное. Генрихъ Куно доказалъ, что у австралійскихъ негровъ существуютъ несомнѣнные признаки перехода къ матріархату, т.-е. къ счету родства по женской линіи, между тѣмъ какъ въ настоящее время ихъ племена дѣлятся на группы, въ которыхъ главенство принадлежитъ старшему мужчинѣ, своего рода патріархату.

Не смотря, однако, на эти недостатки, книжка Липперта и теперь можетъ быть полезна. Она сообщаетъ много фактовъ, знакомство съ которыми необходимо всякому интересующемуся исторіей семьи; а недостатки его теоріи могутъ быть сглажены для русскаго читателя другими сочиненіями, ставящими во-

просъ шире, чѣмъ Липпертъ. Изъ нихъ можно назвать книжку Фр. Энгельса «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», излагающую теорію Моргана, и М. Ковалевскаго «Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности».

Что касается русскаго перевода книги Липперта, то онъ, хотя въ общемъ и удовлетворителенъ, но въ частностяхъ не безъ промаховъ. На стр. 53 слѣдовало бы указать, что подъ «индѣйскими племенами» разумѣются американскіе краснокожіе. Нѣкоторые греческіе термины и имена собственныя пояснены поставленными въ скобкахъ нѣмецкими словами подлинника, что можетъ несвѣдущаго читателя привести къ мысли, что въ скобкахъ сообщенъ греческій терминъ; напр. «кровавая месть (Blutgericht)» (стр. 64). На стр. 99 «левиратъ» объясняется какъ бракъ съ левиромъ, т.-е братомъ или, вѣрнѣе, своякомъ». Очевидно, что подъ «левиромъ» надо разумѣть деверя, а подъ «братомъ»—брата мужа. Но наиболѣе странное впечатлѣніе производитъ оглавленіе: нѣкоторыя заглавія отдѣловъ въ оглавленіи не вполнѣ совпадаютъ съ заглавіями въ текстѣ, и, кромѣ того, ни одна страница, указанная въ оглавленіи, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному мѣсту статьи въ текстѣ. Повидимому, добросовѣстный переводчикъ помѣстилъ и въ русскомъ переводѣ оглавленіе нѣмецкаго подлинника.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. Д. Спасовичъ «Новыя направленія и науки уголовнаго права».—*А. Эсменъ* «Общія основанія конституціоннаго права. —*Н. П. Дружининъ* «Общепонятное законовѣдѣніе».

В. Д. Спасовичъ. Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права. Москва 1898. Цѣна 35 коп. Изд. книжнаго магазина Гроссманъ и Кнебель (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни, № 17). Талантливая статья нашего ученаго юриста, появившаяся впервые въ «Вѣстникѣ Европы» за 1891 годъ, вышла теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Статья эта рекомендована коммиссіей по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, въ качествѣ необходимаго пособія при занятіяхъ уголовнымъ правомъ. Авторъ ставитъ себѣ нелегкую задачу изобразить въ сжатомъ очеркѣ перемѣны, происшедшія въ послѣднее время въ наукѣ уголовнаго права, и выполняетъ ее блестяще. Указывая на Дарвина и Герберта Спенсера, какъ на стволъ дерева, изъ котораго выросли, въ видѣ вѣтокъ, капитальныя произведенія итальянской школы криминалистовъ, авторъ излагаетъ ученіе трехъ видныхъ представителей этой школы—Ломброзо, Ферри и Гарофало, а также и соціолога Тарда. Ученіе Тарда и предшествовавшіе ему труды итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, которые Тардъ опровергаетъ и на которые онъ дастъ остроумные и своеобразные отвѣты, рисуютъ въ совокупности картину того могучаго броженія и движенія, которыя закипаютъ въ уголовномъ правѣ, пребывавшемъ многіе годы въ застоѣ. Открываются новые горизонты, расшатываются основныя положенія, считавшіяся очевидными истинами. Можетъ быть, заканчиваетъ свою статью г. Спасовичъ, не все то пройдетъ и сбудется, о чемъ мечтаютъ храбрые радикальные реформаторы, но, несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовнаго права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новомъ видѣ.

Несмотря на сжатость изложенія, статья почтеннаго автора вполнѣ знакомитъ даже неподготовленнаго читателя съ новыми направленіями въ наукѣ

уголовнаго права, а потому можетъ быть рекомендована всѣмъ интересующимся новѣйшими теченіями въ криминалистикѣ. Благодаря талантливости изложенія и образцовому литературному слогу, свойственными автору, произведеніе его читается съ увлеченіемъ.

Статья г. Спасовича любезно предоставлена авторомъ въ полное распоряженіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. Кромѣ авторскаго гонорара въ пользу комиссіи поступаетъ также и вся чистая прибыль отъ изданія настоящаго выпуска «Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни».

Проф. А. Эсменъ (A. Esmein). Общія основанія конституціоннаго права. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф В. Дерюжинскаго. СПБ., 1898 года. Изд. О. Н. Поповой. Цѣна 1 руб. 75 коп. Обширный трактатъ профессора Эсмена, посвященный основамъ конституціоннаго права («Elémenis de droit constitutionnel»), состоитъ изъ двухъ частей: первая часть, подъ заглавіемъ «La liberté moderne, principes et institutions», даетъ изложеніе общихъ основаній конституціоннаго права и содержитъ въ себѣ юридическую теорію тѣхъ основныхъ учрежденій и высшихъ нормъ, которыя въ XIX столѣтіи фигурируютъ, обязательно или альтернативно, въ конституціонномъ правѣ свободныхъ народовъ Европы и Америки. Вторая часть посвящена конституціонному праву французской республики, какимъ оно является подъ дѣйствіемъ конституціонныхъ законовъ 1875 года. Вторая часть сочиненія проф. Эсмена пріобрѣтаетъ особенный интересъ, такъ какъ здѣсь, по многимъ вопросамъ, не нашедшимъ себѣ мѣста въ первой части, авторъ сопоставляетъ дѣйствующее французское право съ прежними конституціями Франціи, а также съ конституціями иностранныхъ государствъ. Къ сожалѣнію, изданіе г-жи Поповой даетъ въ переводѣ на русскій языкъ только первую часть книги проф. Эсмена. Правда, эта первая часть, какъ имѣющая общій характеръ и наибольшій интересъ, продставляется важнѣйшей. Но при бѣдности нашей литературы по французскому конституціонному праву, было бы очень желательно, чтобы сочиненіе проф. Эсмена появилось въ русскомъ переводѣ цѣликомъ. По конституціонному праву Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки имѣются въ русскомъ переводѣ капитальныя и классическія сочиненія Дайси («Основы государственнаго права Англіи») и Брайса («Американская республика»). По государственному же праву Франціи мы не имѣемъ до сихъ поръ на русскомъ языкѣ ни одного сочиненія, подобнаго книгамъ Дайси и Брайса. Будемъ, поэтому, надѣяться, что въ непродолжительномъ времени появится въ русскомъ переводѣ и вторая часть сочиненія проф. Эсмена.

Первая часть трактата проф. Эсмена написана по строго обдуманному плану и въ основѣ своей имѣетъ установленное авторомъ соотношеніе между конституціоннымъ правомъ и соціологіей. Эта послѣдняя, которая, въ сущности, есть естественная наука, имѣетъ цѣлью открыть и установить тѣ естественные законы, по которымъ образуются, организуются, развиваются и разлагаются человѣческія общества. Въ область соціологіи входитъ, конечно, и образованіе государствъ и правленій, но не въ ихъ историческомъ ростѣ, а въ ихъ органической эволюціи. Конституціонное право, наука юридическая, имѣетъ совершенно другую цѣль. Оно беретъ государство или правленіе въ той опредѣленной формѣ, какой они достигли и которую установилъ обычай или законодательство; оно раскрываетъ ихъ духъ и основные принципы, изъ которыхъ извлекаетъ ихъ слѣдствія, и, такимъ образомъ, конструируетъ логическую и юридическую систему ихъ. Но, продолжаетъ Эсменъ, если конституціонное право, такимъ образомъ понимаемое, и не есть соціологія, то исторія конституціоннаго права какого-нибудь народа и въ особенности сравнительная исторія конституціоннаго права разныхъ народовъ, безспорно, является однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ вспомогательныхъ средствъ соціологіи, однимъ изъ тѣхъ

средствъ, которыя въ наибольшей степени даютъ ей возможность раскрывать тѣ естественные законы, по которымъ развиваются государства и правленія. Изъ этого сопоставленія соціологіи съ конституціоннымъ правомъ, казалось бы, слѣдуетъ, что нѣтъ вовсе общихъ принциповъ конституціоннаго права; существуютъ лишь частные принципы каждой отдѣльной конституціи, каждаго государства и правленія. Дѣйствительно, такъ это и было на Западѣ до XVIII вѣка. Но философія XVIII вѣка вызвали новое направленіе умовъ. Поскольку она была примѣнена къ политическимъ теоріямъ, она сдѣлала чрезвычайно много для переустройства новѣйшихъ обществъ по законамъ разума и естественной справедливости. Это была могучая закваска, которая должна была преобразовать міръ. Теоретическіе принципы философіи XVIII вѣка, завоевавшіе умы, были примѣнены на практикѣ американской и французской революціями. Оттуда, путемъ непреодолимаго и плодотворнаго зараженія, они завоевали большую часть націй въ Европѣ и Америкѣ, которыя сформировали свои конституціи въ томъ же духѣ и по подобнымъ же формамъ. Такимъ образомъ создался общій источникъ принциповъ и учрежденій, которые служатъ дѣйствительными выразителями новѣйшей свободы. Но, помимо философскаго мышленія XVIII ст., принципы и институты, выработанные англійскихъ правомъ, т.-е., англійская конституція, являются вторымъ источникомъ, откуда проистекаютъ общіе принципы конституціоннаго права. Проф. Эсменъ широко пользуется въ разбираемомъ сочиненіи историко-сравнительнымъ методомъ при изученіи институтовъ конституціоннаго права культурныхъ народовъ. Въ результатѣ такого изученія является въ высшей степени плодотворный выводъ, который резюмируется слѣдующимъ положеніемъ: въ наше время для свободныхъ народовъ Европы и Америки существуютъ общіе принципы конституціоннаго права.

Основная идея, изъ которой исходитъ проф. Эсменъ, намѣчаетъ уже планъ всего сочиненія. Институты — типы и принципы, служащіе выраженіемъ новѣйшей свободы, раздѣляются проф. Эсменомъ на двѣ группы по ихъ происхожденію: сначала онъ разсматриваетъ тѣ, которые происходятъ изъ Англіи, потомъ тѣ, которые были раскрыты философіей XVIII вѣка и провозглашены революціями американской и французской. Къ учрежденіямъ и принципамъ, доставленнымъ англійскимъ правомъ, авторъ разбираемаго сочиненія относитъ: представительное правленіе (стр. 29—47), систему двухъ законодательныхъ палатъ (стр. 47—66), отвѣтственность министровъ (стр. 66—78) и парламентское правленіе или правленіе кабинета (стр. 78 — 118). Къ принципамъ, выработаннымъ философіей XVIII вѣка и провозглашеннымъ французской революціей, проф. Эсменъ причисляетъ: теорію національнаго суверенитета (стр. 123—231), теорію раздѣленія властей (стр. 231 — 301), теорію индивидуальныхъ правъ (стр. 301—325) и теорію писанныхъ конституцій (стр. 325—357).

Указанные выше основная идея и планъ сочиненія профессора Эсмена свидѣтельствуютъ объ интересѣ, какимъ отличается книга французскаго ученаго. Талантливое изложеніе всѣхъ затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ конституціоннаго права, всесторонее освѣщеніе каждаго спорнаго положенія и методологическіе пріемы, которыми пользуется профессоръ Эсменъ, дѣлаютъ его книгу еще болѣе цѣнной и вполнѣ пригодной для детальнаго ознакомленія съ общими основаніями современнаго конституціонализма. Можно не соглашаться съ отдѣльными положеніями и выводами автора, напр., по вопросу о цѣлесообразности системы двухъ законодательныхъ палатъ, о роли и значеніи referendum'а, объ избирательныхъ правахъ женщинъ, объ опредѣленномъ и легальномъ мѣстожительствѣ или пребываніи, какъ условіи пользованія избирательнымъ правомъ, о множественности вотумовъ и др., но необходимо признать за его книгой то громадное достоинство, что она даетъ возможность читателю разобраться въ каж-

домъ спорномъ вопросѣ и установить себѣ опредѣленную точку зрѣнія. Къ числу достоинствъ разбираемой книги нужно отнести также многочисленныя литературныя указанія, которыя профессоръ Эсменъ дѣлаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ чуть ли не на каждой страницѣ своего труда. Между прочимъ, онъ цитируетъ неоднократно сочиненіе извѣстнаго русскаго ученаго М. М. Ковалевскаго «Происхожденіе современной демократіи», которое читалъ въ оригиналѣ.

Послѣ всего сказаннаго о достоинствахъ сочиненія Эсмена, приходится высказать искреннее сожалѣніе о томъ, что переводъ сдѣланъ не вполнѣ удовлетворительно и изданіе редактировано не совсѣмъ тщательно. Кромѣ чисто корректурныхъ недосмотровъ и погрѣшностей, переводъ не только отступаетъ порою отъ литературныхъ формъ рѣчи, но и передаетъ иногда не вполнѣ точно мысли автора, при чемъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ трудно возстановить смыслъ, заключавшійся въ оригиналѣ. Укажемъ, напр., на слѣдующія мѣста: ...дать этимъ стремленіямъ нѣкоторыя удовлетворенія... (стр. 113), ...помѣстилъ въ рубрикѣ *чрезъ* (rêves), вмѣсто грёзъ (стр. 136), ...если *бы* министры сами являлись *бы*... (стр. 244), ...индивидуальныя права, *высшія правъ* государства... (стр. 304), такъ *какъ какъ* онъ одинъ... (стр. 305), ...проявились два противоположныхъ теченія. *Оно*... и т. д., вмѣсто Одно (стр. 338). На стр. 117 слова «l'opposition des forces élémentaires et contraires»... переведены такъ: *оппозиція* элементарныхъ и противоположныхъ силъ... На стр. 248 попадается такая фраза: Единственно возможный, даже легкій, но *экстралегальный* (extralegal) обходъ и т. д. Не лучше ли и не понятнѣе ли было бы сказать: *не вполнѣ законный пріемъ* или *дѣлаемый in fraudem legis пріемъ* и т. д. На стр. 304 весь періодъ отъ словъ: «Отказываясь отъ этой абсолютной свободы» и до словъ: «должны быть уважаемы имъ» переведенъ совершенно не точно. Особенно характерна заключительная фраза: *И то, что они сохранили за собою, этотъ остатокъ ихъ природной свободы, составлялъ индивидуальныя права, высшія правъ государства, такъ какъ они предшествовали его образованію и, сохранившись, должны быть уважаемы имъ*. На стр. 345 сказано такъ: *Тщетно республиканскіе депутаты, съ Гамбеттою во главѣ, пытались сдержать и успокоить ее* (т. е. толпу), *при чемъ Гамбетта заявлялъ, «что однимъ изъ первыхъ условій освобожденія народа являются порядокъ и правильность», требуя «правильнаго вліянія дѣлъ»*. Этотъ отрывокъ уясняется изъ подлинника, гдѣ сказано (стр. 415): En vain les députés républicains cherchèrent à la contenir et à la calmer, Gambetta en tête déclarant «qu'une des conditions premières de l'émancipation d'un peuple, c'était l'ordre et la régularité», demandant *qu'on «fît des choses régulières»*. Наконецъ, на стр. 355 попадается такая фраза: *...если вы хотите дать конституціи надлежащую охрану, спасительную узду, которая бы удерживала всякую представительную дѣятельность* (action représentative) *въ предѣлахъ ея спеціальнаго полномочія, — установить jurie constitutionnaire*. Не правильнѣе ли было бы сказать: дѣятельность представительныхъ учрежденій и т. д.?

Заканчивая нашъ обзоръ пожеланіемъ самаго широкаго распространенія сочиненію профессора Эсмена, не можемъ не высказать надежды, что въ непродолжительномъ времени появится въ переводѣ на русскій языкъ и вторая часть трактата Эсмена, но въ болѣе тщательно и точно редактированномъ переводѣ.

Н. П. Дружининъ. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и т. п. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія» (для самообразованія). Москва, 1898 года, цѣна 1 рубль. Изд. автора.—Юридическія знанія, свѣдѣнія о законахъ, понятія о правѣ, болѣе или менѣе обширныя, справед-

ливо замѣчаетъ авторъ въ предисловіи къ своему полезному труду, представляются настолько ясно необходимыми для всѣхъ и каждаго, что это усвоено у насъ давнымъ давно,—и въ законодательствѣ, и въ жизни, и въ теоріи, и въ практикѣ. Признавая съ одной стороны, что преподаванію и популяризаціи права предстоитъ у насъ широкое развитіе, и съ другой стороны, что особыя мѣры содѣйствія юридическому самообразованію тѣмъ естественнѣе, что юридическія знанія легче, нежели какія-либо иныя могутъ быть усвоиваемы самостоятельно, путемъ чтенія и наблюденія надъ жизненными отношеніями, авторъ составилъ разбираемое пособіе, какъ опытъ научно-популярнаго юридическаго пособія, получающій особенное значеніе въ виду бѣдности литературы подобнаго рода.

Авторъ даетъ краткое, но цѣльное общее пособіе по законовѣдѣнію, родъ популярной юридической энциклопедіи, не отличающейся ни слишкомъ теоретическимъ, отвлеченнымъ, умозрительнымъ характеромъ, ни простымъ перечнемъ или пересказомъ дѣйствующихъ законовъ. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ—составить на общепонятномъ языкѣ пособіе научно-практическаго характера для желающихъ ознакомиться съ основами нашего законовѣдѣнія—разрѣшена имъ вполнѣ удовлетворительно. Въ разбираемой книжкѣ, вмѣстѣ съ отвѣтами на чисто практическіе запросы, предъявляемые жизнью, изложены начала и важнѣйшія дѣйствующія постановленія изъ области права государственнаго, гражданскаго, полицейскаго, финансоваго, уголовнаго и судебнаго или процессуальнаго. Особенно подробно изложены законы о крестьянахъ и о сельскомъ и волостномъ управленіи, какъ въ виду существенной важности этихъ законовъ, такъ и въ виду того, что у насъ никогда не ослабѣвалъ интересъ къ крестьянскому дѣлу. Особое приложеніе заключаетъ въ себѣ изложеніе общихъ правилъ и свѣдѣній о составленіи дѣловыхъ бумагъ и самые образцы различныхъ актовъ: гражданскихъ договоровъ, различныхъ прошеній, жалобъ, духовныхъ завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и проч.

Составленное ясно и просто, пособіе г. Дружинина можетъ быть рекомендовано какъ для цѣлей самообразованія, такъ и для тѣхъ, кто желалъ бы навести справку по какому-нибудь вопросу практической юриспруденціи.

ФИЛОСОФІЯ.

Ремке. «Очеркъ исторіи философіи».—*С. Г. Ковнеръ.* «Спиноза, его жизнь и сочиненія».—*Виндельбандъ.* «Исторія древней философіи».—*Фр. Іодль.* «Исторія этики».

I. Ремке. Очеркъ исторіи философіи. Знакомство съ историческимъ развитіемъ философской мысли имѣетъ первостепенное значеніе для общаго образованія и выработки міровоззрѣнія. Настоящая исторія философіи еще не написана, такая исторія должна была бы привести въ связь развитіе философіи съ развитіемъ общественныхъ отношеній, она была бы исторіей умственнаго развитія человѣчества. Это прекраснѣйшая задача сторонниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Но пока историкамъ философіи, вышедшимъ изъ совершенно непригодныхъ для подобной работы общественныхъ слоевъ, приходится предъявлять несравненно болѣе скромныя требованія. Ясное, вѣрное и послѣдовательное изложеніе различныхъ философскихъ ученій имѣетъ несомнѣнную цѣнность. Русская философская литература долгое время была очень бѣдна. Извѣстная «Исторія философіи» Льюиса, блестящая въ литературномъ отношеніи, но устарѣвшая и мѣстами невѣрная, была чуть ли не единственной книжкой, по которой русская публика знакомилась съ философіей. Въ 1880 г., какъ извѣстно у насъ расцвѣла доморощенная философія, служившая покро-

вомъ общественной реакціи, но русская философская литература отъ этого весьма мало обогатилась. Только въ послѣдніе годы въ самыхъ прогрессивныхъ слояхъ нашего общества замѣчается оживленный интересъ къ философскимъ вопросамъ, основалась также и переводная философская литература, по исторіи философіи появилось нѣсколько недурныхъ книгъ. Среди нихъ небольшей очеркъ Ремке занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто, его положительно можно рекомендовать вниманію читателей, какъ одно изъ лучшихъ пособій. По своему направленію Ремке принадлежитъ къ тому развѣтвленію нѣмецкой критической философіи, которое носитъ наименованіе гносеологическаго монизма. Монизмомъ въ теоріи познанія называется такое направленіе, которое признаетъ единое бытіе, данное въ опытѣ нашему сознанію, и не раздѣляетъ міра на феноменальный и нуменальный, познаваемый и непознаваемый. Врядъ ли Ремке претендуетъ дать сколько-нибудь полную и разностороннюю исторію философіи. Какъ истинный сынъ критической философіи, онъ концентрируетъ свое вниманіе на вопросахъ теоріи познанія и даетъ историческій очеркъ гносеологіи, лишь вкратцѣ затрогивая ученія о бытіи и нравственности. Центральнымъ вопросомъ Ремке считаетъ вопросъ о познаніи, объ отношеніи между субъектомъ и объектомъ (мышленіемъ и бытіемъ). Съ этой точки зрѣнія онъ довольно высоко ставитъ древнихъ софистовъ, полагавшихъ, что міръ въ своемъ бытіи зависитъ отъ познающаго субъекта, смотритъ на нихъ, какъ на предшественниковъ Канта. Очень хороши на нашъ взглядъ главы, посвященныя англійскимъ мыслителямъ Локку и Юму, прекрасное изложеніе ихъ изслѣдованій по теоріи познанія подготовляетъ къ пониманію ученія Канта, которому, конечно, отводится центральное мѣсто. Довольно удачно Ремке подмѣчаетъ столь свойственное англичанамъ смѣшеніе теоріи познанія съ психологіей. Намъ только кажется, что онъ недостаточно подчеркиваетъ различіе между идеализмомъ и тѣмъ монизмомъ въ теоріи познанія, къ которому приводитъ философія Канта, послѣ устраненія фикціи вещей въ себѣ. Французская просвѣтительная философія изложена, неудовлетворительно, что впрочемъ, неудивительно, такъ какъ ни одинъ еще спеціалистъ по исторіи философіи не умѣлъ понять ея великаго значенія въ исторіи человѣческой мысли. Философіи Канта отведено болѣе пятидесяти страницъ. Эту главу можно посовѣтовать прочитать всякому, интересующемуся философіей, такъ какъ это одно изъ самыхъ ясныхъ и на нашъ взглядъ правильныхъ изложеній Кантовой критики познанія. Ремке даетъ также критику самой слабой стороны Кантовскаго ученія, именно признанія міра вещей въ себѣ на ряду съ міромъ явленій. Онъ строго различаетъ гносеологическую и психологическую точку зрѣнія на познаніе и полагаетъ, что Кантъ признавъ существованіе вещей въ себѣ, смѣшалъ эти двѣ точки зрѣнія. «Кантъ съ геніальною силою держался выше той психологически-гносеологической точки зрѣнія, въ основѣ которой лежитъ догматическое предположеніе о какой-то существующей до всякаго опыта и независимой отъ сознанія вещи въ себѣ и міра въ себѣ; но онъ подчинился этому самому предположенію эмпиризма, какъ только сталъ опять принимать само всеобщее сознаніе въ той мѣрѣ, въ какой оно носитъ чувственный характеръ, за единичную душу и сталъ затѣмъ противопоставлять ему въ мысли «дѣйствительность». Такимъ образомъ, сдѣлавъ опять свое трансцедентальное сознаніе единичнымъ сознаніемъ, онъ сталъ понимать его, какъ получающее воздѣйствіе отъ чего-то «другого». Благодаря этому Кантъ покинулъ чисто гносеологическую точку зрѣнія и замѣнилъ ее психологической. Онъ думалъ, что иначе нельзя избавиться отъ упрека въ «идеализмѣ», обосновывающемъ міръ опыта на индивидуальномъ сознаніи, которому данъ этотъ міръ, и не замѣтилъ, что въ трансцедентальномъ всеобщемъ сознаніи заключается единственное надежное оружіе противъ этого упрека. Если бы

онъ воспользовался этимъ оружіемъ, онъ бы освободился отъ другого справедливо дѣлаемаго ему упрека въ томъ, что, допустивъ существованіе чего-то посторонняго, воздѣйствующаго на сознаніе, т. е. допустивъ существованіе «вещи въ себѣ», онъ попалъ въ противорѣчіе съ слѣдующимъ своимъ утвержденіемъ: все, что намъ дано и что, поэтому, мы можемъ утверждать, какъ «дѣйствительное», есть явленіе, т. е. предметъ нашего опыта. Между тѣмъ, вопреки этому основному положенію своей философіи, Кантъ утверждалъ, что существуетъ само по себѣ нѣчто воздѣйствующее на сознаніе, что почти никогда не можетъ быть дано въ опытѣ, слѣдовательно, не есть «феноменъ».

Мы позволили себѣ сдѣлать такую длинную выписку, такъ какъ она представляется намъ въ высшей степени интересной. Современная философія создается общественными группами, которыя склонны ко всякаго рода компромиссамъ, ихъ общественная обстановка парализуетъ смѣлость выводовъ. Одна изъ самыхъ зловредныхъ фикцій, созданныхъ компромиссомъ, это фикція «вещи въ себѣ», широко открывающая дверь всякаго рода религіознымъ построеніямъ и проникающая человѣческую мысль призракомъ «непознаваемаго». Намъ представляются особенно цѣнными попытки современныхъ представителей критической философіи одинаково возвыситься и надъ «павшимъ разумомъ», и надъ «идеализмомъ», и надъ дуалистическимъ разложеніемъ бытія на познаваемыя явленія и непознаваемыя вещи въ себѣ. Реальность бытія исчерпывается явленіями, относительными къ познающему субъекту, и эта реальность цѣликомъ познаваема,—вотъ выводъ, къ которому должна придти теорія познанія, не нуждающаяся въ фикціяхъ и компромиссахъ. Ремке принадлежитъ къ числу мыслителей, идущихъ по этому пути. Довольно вниманія Ремке удѣляетъ также Фихте, что же касается Гегеля, этого величайшаго послѣ Канта философа Германіи, то ему посвящается всего шесть страничекъ, изъ которыхъ врядъ ли можно вынести какое-нибудь понятіе о гегеліанской философіи. Къ сожалѣнію, новѣйшая философія у Ремке совершенно отсутствуетъ; онъ заканчиваетъ свой очеркъ Гербартомъ и Лотце, мыслителями во всякомъ случаѣ второстепенными; ни одного слова ни о французскомъ и англійскомъ позитивизмѣ, ни о новѣйшей нѣмецкой критической философіи. Это большой пробѣлъ, такъ какъ главная задача исторіи философіи помочь ориентироваться въ этихъ важныхъ ученіяхъ XIX в. Въ общемъ книжка Ремке можетъ быть прочитана съ пользою.

Спиноза, его жизнь и сочиненія. Очеркъ, составленный д-ромъ С. Г. Ковнеромъ. Авторъ очерка о Спинозѣ С. Г. Ковнеръ далеттантъ въ философіи, онъ докторъ и извѣстенъ главнымъ образомъ своей «Исторіей медицины». Предлагаемый очеркъ, единственное философское произведеніе Ковнера, былъ имъ написанъ еще на третьемъ курсѣ университета и одновременно печатался въ «Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» и появился отдѣльнымъ изданіемъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Теперь появилось второе, уже посмертное и, по правдѣ сказать, довольно-таки небрежное изданіе. Біографическая часть изложена преимущественно по Бертольду Ауэрбаху, въ изложеніи же ученія Спинозы Ковнеръ слѣдовалъ главнымъ образомъ за Куно Фишеромъ. Кто имѣетъ возможность прочитать главы, посвященныя Спинозѣ въ извѣстной «Geschichte der neuern Philosophie» Куно Фишера, тому книжка Ковнера даетъ мало. Не смотря на то, что очеркъ написанъ довольно живо, нельзя сказать, чтобы обзоръ великаго мыслителя и человѣка обрисовывался достаточно ярко. Впрочемъ, геометрическій методъ Спинозы чрезвычайно затрудняетъ изложеніе его ученія. Въ послѣдней главѣ Ковнеръ пытается охарактеризовать сущность спинозизма. Онъ утверждаетъ, что ученіе Спинозы не есть ни атеизмъ, ни фатализмъ, ни теизмъ и что сущность спинозизма заключается въ «натуралистическомъ міровоззрѣніи» и признаніи «причинной связи всѣхъ вещей». Особенно идея причинной связи всѣхъ вещей, по мнѣнію Ковнера, можетъ слу-

жить мѣриломъ для опредѣленія значенія и достоинства Спинозы и его участія въ общечеловѣческомъ движеніи. О философскомъ направленіи самого Ковнера нельзя сдѣлать никакихъ заключеній, онъ не даетъ критики спинозизма. Скорѣе всего онъ не имѣетъ никакого твердаго направленія, кромѣ горячаго сочувствія къ Спинозѣ. Во всякомъ случаѣ, роль Спинозы въ развитіи философской мысли, его отношеніе къ предшествующимъ и послѣдующимъ ученіямъ недостаточно выяснены. Въ заключеніе къ очерку приложена новѣйшая критика о Спинозѣ, безъ которой смѣло можно было бы обойтись. Приведены мнѣнія Льюиса, Вормса, г. Волынскаго и Ван-Влотена, подборъ именъ довольно-таки странный. Вниманія заслуживаетъ на нашъ взглядъ только мнѣніе Льюиса, который посвятилъ Спинозѣ самыя горячія страницы своей «Исторіи философіи». Особенно насъ удивляютъ длинныя выдержки изъ г. Волынскаго. Неужели полуистерическія выкрикиванія г. Волынскаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія?

Виндельбандъ. Исторія древней философіи. 2-е изданіе. Первое изданіе «Исторіи древней философіи» Виндельбанда уже разошлось и нельзя не привѣтствовать появленія этой прекрасной книги во второмъ изданіи. Виндельбандъ по справедливости пользуется репутаціей самаго выдающагося въ наше время историка философіи. Его «Die Leselexikon der neueren Philosophie», лучшій изъ существующихъ курсовъ. Виндельбандъ пытается связать исторію философіи съ общей исторіей отдѣльныхъ наукъ Нельзя сказать, чтобы подобную задачу онъ вполнѣ удовлетворительно выполнилъ, но другіе историки даже не пытаются этого сдѣлать. Въ качествѣ сторонника критической философіи, онъ смотритъ на философскіе вопросы болѣе или менѣе научно. Разбираемая нами книга можетъ быть рекомендована, какъ лучшее пособіе для изученія древней философіи. Врядъ ли она даже нуждается въ подобной рекомендаціи, такъ какъ во всѣхъ русскихъ программахъ по самообразованію Виндельбандъ ставится на первое мѣсто. О Виндельбандѣ говорилось при появленіи перваго изданія, второе же изданіе не представляетъ никакихъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій, хотя текстъ перевода заново пересмотрѣнъ и исправленъ по второму нѣмецкому изданію. Приложеніе, заимствованное изъ «Исторіи философіи» Фулье, пополнено новой главой объ эпохѣ возрожденія, которая какъ и все сочиненіе Фулье, особенной цѣнности не имѣетъ. Второе изданіе отличается еще тѣмъ, что къ нему прибавлена карта городовъ. Надѣемся, что это второе изданіе встрѣтитъ столь же сочувственный пріемъ, какъ и первое.

Фр. Іодль. Исторія этики въ новой философіи. Томъ второй. При бѣдности нашей этической литературы нельзя не привѣтствовать появленія второго тома «Исторіи этики» Іодля. Кромѣ исторической части «Этики» Вунта, у «насъ нѣтъ книгъ по исторіи нравственныхъ ученій», а въ исторіяхъ философіи этическіе вопросы затрагиваются слишкомъ мимоходомъ. Второй томъ Іодля посвященъ Канту и этикѣ девятнадцатаго столѣтія. Іодль задается цѣлью разсмотрѣть только самые важные принципіальные вопросы этики, каковыми онъ считаетъ вопросъ о происхожденіи нравственности, прикладной части этики онъ не касается. Отношеніе между нравственностью и религіей составляетъ излюбленную тему Іодля и на нашъ взглядъ онъ посвящаетъ ей слишкомъ много мѣста. Матеріалъ онъ распредѣляетъ по тремъ странамъ: Германіи, Франціи и Англіи. Особенно много мѣста посвящается этикѣ въ Германіи, къ которой Іодль питаетъ нѣкоторое патріотическое пристрастіе. Сюда входитъ; этика категорическаго императива Канта, «прекрасная нравственность» Шиллера, этика творческой геніальности Фихте, умозрительный идеализмъ Краузе и Гегеля, умозрительныя преобразованія церковнаго ученія (Баадеръ, Шеллингъ, Гегель, Шлейермахеръ, Гербартъ), этика пессимизма Шопенгауера и эвдемонизмъ Бекона и Фейер-

баха. Изъ нѣмецкихъ мыслителей особенно сочувственно Іодль относится къ Фихте и Фейербаху, который, по его мнѣнію, не былъ еще достаточно оцѣненъ. Послѣ германской этики слѣдуетъ французская этика, которая, по мнѣнію Іодля исчерпывается двумя главными направленіями: спиритуализмомъ и позитивизмомъ. Подъ рубрикой спиритуализма объединены эклектики Кузенъ и Жоффруа и столь отличный отъ нихъ Прудонъ. Не смотря на свою излишнюю снисходительность и склонность во всѣхъ видѣть хоть что-нибудь хорошее, Іодль произноситъ довольно суровый и справедливый приговоръ надъ спиритуализмомъ Кузена и Жоффруа, но Прудономъ онъ склоненъ слишкомъ увлекаться. Насъ особенно удивляетъ заявленіе Іодля, будто Прудонъ удачно примѣнялъ діалектическій методъ Гегеля. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Прудонъ совсѣмъ не понималъ Гегеля, это было достаточно доказано авторомъ «Нищеты философіи». Послѣ спиритуализма онъ разсматриваетъ позитивизмъ Ог. Конта, къ которому относится чрѣзвычайно сочувственно. Отдѣльно онъ разсматриваетъ свою излюбленную тоже религіозную проблему. Тутъ онъ указываетъ на запгрываніе съ религіей со стороны спиритуализма, останавливается на религіи человѣчества Ог. Конта и съ видимымъ сочувствіемъ присоединяется къ мнѣнію Прудона: «Не культъ, а культура—вотъ то слово, которое раскрываетъ врата будущаго: не поклоняться мы должны человѣчеству, а просвѣщать и развивать его». Затѣмъ Іодль обозрѣваетъ англійскую этику и даетъ сначала общую характеристику англійской философіи XIX в., онъ указываетъ на бѣдность философской мысли Англіи и на тѣсную связь съ XVIII вѣкомъ. Онъ разсматриваетъ индуктивную школу и утилитаризмъ Бентама и Д. С. Милля. Іодль не даетъ надлежащей оцѣнки и критики утилитаризма, на который, конечно, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на переживаніе раціоналистическаго міровоззрѣнія XVIII в., недостаточно онъ также подчеркиваетъ неэволюціонный характеръ утилитарной этики. Вообще, хотя Іодль часто противопоставляетъ нашъ вѣкъ «вѣку просвѣщенія», но онъ на нашъ взглядъ недостаточно внимательно относится къ самой характерной идеѣ XIX вѣка, идеѣ эволюціи, между тѣмъ какъ для этики эта идея имѣетъ первостепенное значеніе. Къ Д. С. Миллю Іодль относится восторженно и проводитъ параллель между нимъ и своимъ любимымъ Фихте. Іодль любитъ параллели, онъ это дѣлаетъ даже относительно столь различныхъ мыслителей, какъ Краузе и Ог. Контъ. Послѣдняя глава посвящается этико-религіозной проблемѣ въ Англіи. Іодль пытается разсмотрѣть «религію и церковь, какъ орудіе классовой борьбы», и даетъ удачное объясненіе отношенія англійскаго общества къ религіи. Мы это отмѣчаемъ потому, что это единственное мѣсто, въ которомъ нашъ профессоръ пытается вывести идеологію изъ общественныхъ отношеній. Въ заключеніе излагаются взгляды Милля на религію. Іодль заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими словами: «Идеалы вѣры за насъ и вѣра въ все болѣе возрастающее осуществленіе этого идеала черезъ насъ—вотъ формула новой религіи человѣчества, которою проводятся къ единству Миллевы идеи: оно положительное восполненіе къ протесту поэтическаго пессимизма, пунктъ глубочайшей общности между Миллемъ и наиболѣе передовыми мыслителями двухъ другихъ великихъ культурныхъ націй—Контомъ и Фейербахомъ; это, однимъ словомъ, задача будущаго. Настанетъ день, когда лучи идеи, освѣщающей теперь только высочайшія и свободнѣйшія горныя вершины, проникнутъ во все человѣчество до самыхъ глубочайшихъ его слоевъ». Самыхъ новѣйшихъ теченій этики Іодль не касается: онъ находитъ, что еще не настало время для ихъ безпристрастной исторической оцѣнки. Такъ, у него нѣтъ ни одного слова ни о Гербертѣ Спенсерѣ, который очень много сдѣлалъ для научной этики, ни объ этикѣ Вундта. Насъ, конечно, не удивляетъ со стороны оффиціальнаго представителя современной философіи полное игнорированіе взглядовъ знаменитыхъ

основателей матеріалистическаго пониманія исторіи, хотя мы полагаемъ, что именно эти взгляды могутъ направить этику, какъ науку соціологическую, на единственно правильный и плодотворный путь. Въ предисловіи къ первому тому Іодль выразилъ надежду дать въ концѣ изслѣдованія сводъ достигнутыхъ имъ результатовъ, но намѣренія этого онъ не выполнилъ, такъ что о взглядахъ самого Іодля мы можемъ дѣлать заключенія лишь по тому особенному сочувствію, съ которымъ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ мыслителяхъ (таковы: Фихте, Фейербахъ, Контъ, Прудонъ и Милль). Онъ не прочь иногда затронуть соціальный вопросъ, который рѣшаетъ, конечно, съ этической точки зрѣнія (на русскій языкъ переведена брошюра Іодля «Этика и политическая экономія»). Онъ ставитъ въ особенную заслугу Миллю внесеніе этической точки зрѣнія въ политическую экономію и восторгается совершенно несостоятельнымъ взглядомъ Милля на распредѣленіе, какъ что-то вполнѣ независимое отъ производства, подчиненнаго законамъ природы, и потому зависящее отъ человѣческой воли. Не смотря на недостатки Іодля, свойственные почти всѣмъ современнымъ философамъ, его книжка, можетъ быть положительно рекомендована для прочтенія. «Исторія этики» не принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ популярныхъ книжекъ; она написана тяжеловато и требуетъ нѣкоторой философской подготовки. Безъ предварительнаго знакомства съ исторіей философіи, исторія этики не можетъ быть понятна. Это несомнѣнная заслуга Іодля, что онъ ставитъ этическое мѣровоззрѣніе въ непосредственную связь съ обще-философскимъ мѣровоззрѣніемъ. Переводъ хорошъ, но переводчикъ видимо слишкомъ ужъ держался подлинника, что дѣлаетъ его нѣсколько тяжелымъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го мая по 15-е іюня 1898 года.

Поль де-Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Перев. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. Поповой «Экономическая библіотека». Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изд. Поповой. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

Статистическое описаніе Калужской губерніи. Томъ I. Козельскій уѣздъ. Вып. II. 1) Общія условія хозяйства. 2) Крестьянское хозяйство. Калуга. 1898.

— Томъ I. Выпускъ I. Основныя таблицы. Калуга. 1897.

А. Эмсенъ. Основныя начала государственнаго права. Перев. съ франц. Н. К. подъ ред. и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Т. I. Изд. Солдатенкова. Москва. 1898. Ц. 1 р.

Эр. Лависъ и Альф. Ламбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. IV. Возрожденіе и реформація. Новый свѣтъ 1492—1559. Пер. В. Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. Москва. 1898. Ц. 3 р.

Сергѣй Югорскій. По берегамъ Средиземнаго моря. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Алфавитъ дачамъ генеральнаго межеванія Александрійскаго уѣзда. Херсонской губерніи. Изд. Статистическаго Отдѣла. Александрія. 1898.

Общій отчетъ Александрійской земской управы за 1897 г. Александрія. 1898.

Статистическое обозрѣніе поселковъ изъ безземельныхъ разнаго званія людей, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Александрійскаго уѣзда. Александрія. 1898.

Движеніе населенія въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., въ 1895—1896 гг. (По даннымъ текущей статистики). Александрія. 1898.

Состояніе землевладѣнія въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонск. губ., въ эпоху генеральнаго межеванія. Александрія. 1898.

Отчетъ о дѣятельности Новочеркасской коммиссіи народныхъ чтеній и комитета безплатной народной библіотеки-читальни за 1897 г. Новочеркасскъ. 1898.

В. Коринъ. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 1898. Ц. 50 к.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году и первое посольство въ Хиву въ 1849 году. Изд. Сойкина. Спб. 1898. Ц. 50 к.

A. Pachalery. Dictionnaire phraséologique de la langue francaise à l'usage des français et des russes. Odessa. 1898. Prix = 2 roubles.

И. В. Михайловъ. Венерическія болѣзни въ Россійской Имперіи, по оффиціальнымъ даннымъ Медиц. Департамента за 1896 г. Москва. 1898.

Отчетъ Нижегородской городской общественной библіотеки за 1897 г. Нижній-Новгородъ. 1898.

Возможно ли русско-польское сближеніе? Письма и статьи наблюдателя. Спб. 1898.

Ц. Балталонъ. Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. Москва. 1898. Ц. 20 к.

— Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополн. Москва. 1898. Ц. 1 р.

Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи для семьи и школы, подъ ред. В. П. Острогорскаго. Съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ, портретомъ и факсимиле. Изд. ред. журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1898. Ц. 1 р.

Ив. Ив. Ивановъ. Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1898. Ц. 10 к.

Семь статей В. Г. Бѣлинскаго. Юбилейное изданіе, подъ ред. Ефремова и Якушкина. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1898. Ц. 1 р.

А. Алферовъ. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Съ портретомъ. Москва. 1898. Ц. 5 к.

Отчетъ совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. за 1897 г. Нижн.-Новг. 1898.

Отчетъ о дѣятельности Орловскаго комитета народныхъ чтеній съ 1-го сент. 1895 г. по 1-е сент. 1896 г. Орелъ. 1898.

И. Шафровъ. Пропедевтика геометріи. Курсъ 3-го года городскихъ училищъ. Изд. 2-е, испр. Москва. 1898. Ц. 25 к.

Д-ръ Морисъ Флери. Лѣнь и ея лѣченіе. Пер. съ франц. Н. Л. Изд. Сомова. Москва. 1898. Ц. 25 к.

Лѣтняя колонія для учениковъ начальн. евр. учеб. заведеній г. Одессы. 1898.

Сборникъ статей для упражненія въ чтеніи рукописей различныхъ почерковъ. Москва. 1898. Ц. 25 к.

Ив. Ив. Ивановъ. Національная героиня Франціи Жанна Д'Аркъ. Біографическій очеркъ. Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1898. Ц. 30 к.

Лордъ Байронъ. Еврейскія мелодіи въ переводѣ русскихъ писателей. Съ прил. статьи: «Лордъ Байронъ и его евр. мелодіи». Екатеринославъ. 1898. Ц. 20 к.

Н. Арепьева. Женское медицинское образованіе въ Россіи и женскій медицинскій институтъ. Москва. 1898.

О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ. Вып. I. Спб. 1898.

Ф. Филимоновъ. Стихотворенія. I. Пѣсни сибиряка. II. Шутки и пародіи. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Н. И. Позняковъ. По захолустьямъ. Очерки

и разсказы. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Н. Гіацинтовъ. О періодахъ. Пособіе для духовн. училищъ. 3-е изданіе. Зарайскъ. 1898. Ц. 20 к.

Р. Р. Келеръ. Правда по одному общественному вопросу. 2-е испр. и дополн. изд. Москва. 1898.

Ѳ. Ѳ. Пуциковичъ. Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа. Евреи. Цыганы. Сіамцы. Индѣйцы. Афганцы. Румыны. Греки. Швейцарцы. Голландцы. Южно-американцы. Поляки. Финны. Изд. книжн. магаз. Луковникова. Спб. 1898 г. Цѣна каждаго выпуска съ картой 5 к.

Д. Л. Мордовцевъ. Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть. Изд. Сойкина. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Открытое письмо къ графу Л. Н. Толстому.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Пер. Пятницкаго съ послѣдн. нѣм. изд. Изд. Поповой. «Общедоступная научная библіотека». Спб. 1898. Цѣна 1 р. 50 к.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Къ статистикѣ кавказской патологіи. Тифлисъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Бемэ. Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матери. Пер. съ нѣм. Н. Федоровой. Спб. 1898. Ц. 35 к.

Выборный мировой судъ. Сборникъ статей. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Д-ръ Статкевичъ. Общедоступныя бесѣды о человѣческомъ тѣлѣ. Изд. Музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ. 1898. Ц. 15 к.

П. Злотчанскій. Сборникъ упражненій и задачъ прямолинейной тригонометріи для средн. учебн. заведеній. Одесса. 1898. Ц. 75 к.

Соображенія по вопросу объ устройствѣ московскимъ городскимъ управленіемъ посреднической конторы для указанія работы въ г. Москвѣ.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества взаимнаго вспомоществованія учащимся въ Томской губ. 1898.

В. Г. Бѣлинскій. Избранныя сочиненія. Съ предисловіемъ Котляревскаго. 2 тома. Изд. Поповой. Спб. 1898. Цѣна каждаго тома 1 р. 20 к., двухъ—2 р. 40 к.

Д. П. Шантепи де-ла-Соссей. Иллюстрированная исторія религій Пер. съ нѣм. послѣдн. изд. подъ ред. Линдъ. Вып. III и IV. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1898. Цѣна по подпискѣ 4 р. безъ дост.

Вилльямъ Джемсъ. Стоитъ ли жить? Пер. съ англ. Н. Н. С. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Москва. 1898. Ц. 20 к.

Ф. Ле-Дантекъ. Живое вещество. Жизнь и смерть. Пер. съ фр. В. К. Агафонова. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1898. Ц. 75 к.

І. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Вып. XXV (послѣдній). Изд. Байкова. Москва.

Бріо и Букэ. Прямолинейная тригонометрія. 2-е изд. Пер. Мамонтова. Москва. 1898. Ц. 50 к.

Труды Якутской экспедиціи, снаряженной на средства Сибирякова. Отд. Ш, т. X, часть 3. Спб. 1898.

Петръ Руцкій. Къ оазисамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Н. Ланге. Учебникъ логики, удостоенный преміи Петра Великаго. Одесса. 1898. Ц. 1 р.

П. И. Кедровъ. Вліяніе жилищъ на заболѣваемость, продолжительность жизни и нравственность рабочаго населенія. Изд. Русскаго Технич. Общества. Ц. 40 к.

Ф. Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Пер. И. А. Базанова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. «Библіотека для самообразованія». X. Москва. 1898. Ц. 1 р. 40 к. въ перепл.

Альфредъ Руссель Уоллэсъ. Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естеств. подбора и нѣкот. изъ ея приложеній. Пер. проф. Меншбира. Съ портретомъ и рисунками въ текстѣ. «Библіотека для самообразованія». Москва. 1898. Ц. 3 р.

Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпуски I и II. «Библіотека для самообразованія». Москва. 1898. Цѣна каждаго выпуска въ перепл. 1 р. 75 к.

Финляндія. Подъ ред. Протопопова. Изд. Поповой. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

Соціологія Конта въ излож. Риголажа. Съ прил. 2-хъ вступит. лекцій Конта въ «Курсѣ положительной философіи». Пер. съ франц. Лосскаго. Изд. Пантелѣева. Спб. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

Лабутинъ. По волѣ невримаго «я» экскурсія въ сферѣ неразрѣшимыхъ проблемъ. 1870—1898 г. Спб. 1898. Ц. 10 к.

Хижняковъ. Земская медицина и санитарное состояніе Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губ., за 1897 г. Елисаветградъ. 1898.

Докладъ Елисаветградской земской управы очередному земскому собранію сессіи 1898 г. о взиманіи платы съ амбулаторныхъ больныхъ.

Peter M. Noïkow, Das activitäts princip in der Pädagogik Jean Jacqves Rousseau. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doctorwürde. Leipzig. 1898.

Парвусъ. Міровой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Пер. съ нѣм. Л. Я. Изд. Поповой «Образовательная библіотека». Серія 2-я, № 2. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Чемберсъ. Солнечная система. Пер. съ англ. В. Щиглевой, подъ ред. Березина. Съ 78 рис. Изд. Поповой. «Образов. библ.». Серіи 2-я, № 1. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Іоганнъ Шерръ. Комедія всемірной исторіи. Историческій очеркъ событій 1848 года. Пер. съ нѣм., въ 2-хъ томахъ. Т. I. Изд. Поповой. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Эволюція вѣрующаго духа.

По поводу книги *Lettres inédites de Lamennais à Montalambert*, avec avant-propos et des notes par Eugène Forgues. Paris 1898.

I.

Недавно весь культурный міръ благоговѣйно провожалъ въ могилу великаго государственнаго человѣка Англіи. Голоса всѣхъ политическихъ партій и націй слились въ согласный хоръ похвалъ и восторговъ, и одинъ особенно яркій мотивъ славы преобладалъ надъ всѣми.

Гладстонъ, въ теченіе своей долголѣтней жизни, совершилъ эволюцію духа, безпримѣрную по силѣ и по направленію. Обыкновенно годы умудряютъ людей опытомъ, обогащаютъ осторожностью въ дѣйствіяхъ и скромностью въ желаніяхъ, поумнѣть значитъ проникнуться уваженіемъ къ существующему во имя одного факта существованія. Безпрестанно случается и хуже: многимъ даже существующее кажется слишкомъ мечтательнымъ и опрометчивымъ, и они съ радостью замѣнили бы его почтенной сѣдой старинной, хотя бы даже со всѣми старинными недугами и немощами.

И именно нашъ вѣкъ особенно богатъ примѣрами такой *естественной* эволюціи. Сколько блестящихъ именъ онъ можетъ назвать, свидѣтельствующихъ о непрочности идеальныхъ стремленій у самыхъ, повидимому глубокихъ и мужественныхъ идеалистовъ, о призрачности человѣческой мысли на ясныхъ, независимыхъ путяхъ — у рѣшительныхъ защитниковъ положительной философіи и науки! Шеллингъ, усерднѣйшій поклонникъ естественныхъ наукъ, основатель философіи природы—въ заключеніе философъ-символистъ, проповѣдникъ смутныхъ романтическихъ вѣроученій и тайнъ. Контъ—фанатикъ позитивизма, порывающій связи съ учителемъ въ интересахъ строгой, точной мысли,—умираетъ создателемъ храма и изобрѣтателемъ культа!..

Это—первостепенные образцы, за ними стоятъ ряды крупныхъ и мелкихъ, они пополняются ежедневно и возводятъ въ нѣкій законъ природы самообличеніе идеализма и самообманъ ума.

Естественно, всѣ, кому доступно простѣйшее чувство человѣческаго достоинства и у кого нѣтъ достаточно животнаго эгоизма—ужиться съ отчаяніемъ въ свободныхъ широкихъ путяхъ человѣческой мысли, тѣ ухватились за имя Гладстона, какъ за подлинный нравственный свѣтъ и неопровержимое утѣшеніе.

Онъ—въ молодые годы рыцарь преданій и авторитета, въ глубокой старости — демократическій законодатель, сбрасываетъ съ себя будто изношенное платье не только осужденныя временемъ убѣжденія, но даже исконно національные предразсудки своего народа. Юноша, превознесенный людьми косности и исключительности, на старости лѣтъ попадаетъ въ революціонеры и демагоги! И совершаетъ этотъ головокружительный путь не по легкомысленному вдохновенію или личному разсчету, а съ твердымъ и яснымъ спокойствіемъ духа, увлекая за собой цѣлую могущественную партію.

Такими примѣрами вообще не богата исторія, а мы давно уже привыкли думать, что пережили всѣ увлеченія и разоблачили всѣ утопіи. Но Гладстонъ не единственное, столь необыкновенное явленіе XIX-го вѣка. У него есть предшественникъ, менѣе знаменитый, но едва ли не болѣе любопытный, по крайней мѣрѣ, психологически.

Въ преобразованіяхъ Гладстона нѣтъ никакого драматизма. Можно припомнить нѣсколько моментовъ и положеній изъ его политической карьеры, чрезвычайно сильныхъ и эффектныхъ. Но все это результаты законченнаго духовнаго обновленія. Мы ничего не знаемъ о *распаденіяхъ* великаго ума, о междоусобіяхъ нравственныхъ стихій человѣка — виновникахъ его глубочайшихъ страданій, но зато окружающихъ свою жертву загадочно-влекущимъ поэтическимъ интересомъ. Гамлеты — вѣчные и избранные любимцы даже тѣхъ, кого благосклонная природа заранѣе предохранила отъ всякаго гамлетизма. И вотъ нашъ девятнадцатый вѣкъ создалъ стремительнаго, до болѣзненности искренняго и страстнаго героя наступательной эволюціи убѣжденій и вѣрованій. Предъ *его* жизнью и *его* настроеніями идеи и подвиги великаго старца кажутся счастливѣйшими созерцаніями и законномѣрнѣйшими дѣйствіями.

Въ этомъ можно убѣдиться по тому суду, какой произносили современники и потомки надъ удивительнымъ человѣкомъ. Что они не признали его, какъ философа и политика, ничего нѣтъ удивительнаго. Они отвергли въ немъ *человѣческую* основу его политики и философіи; они приписали ему натуру мятежнаго падшаго ангела, т. е. свели его личность къ чувству злобы и побужденіямъ гордости. Они громко спрашивали: что любилъ этотъ человѣкъ? и въ отвѣтъ приводили рѣчи, исполненныя гнѣва, на современное общество, на его политическій строй, на людей и время, на мыслителей и дѣятелей. Рѣчи заканчивались мрачными прорицаніями, осужденіемъ современности на разрушеніе и постыдную гибель.

Да, это вопли Іереміи и чья судьба зависѣла отъ процвѣтанія Вавилона, долженъ былъ защищаться насмѣшками или уликами пророка во лжи и безуміи.

Но исторія оправдала пророка. Вавилонъ дѣйствительно палъ. Осужденное общество съ закрытыми глазами и со смѣхомъ на устахъ впало внезапно въ революцію, и доказало немощь и омертвѣніе своего организма. Значитъ, страшнаго человѣка слѣдовало слушать и въ его ненавистническихъ возгласахъ искать нѣкоей силы, подсказавшей ему будущее?

Нѣтъ. Это все-таки только «краснорѣчивая ненависть, при-

мѣняемая къ самымъ разнообразнымъ предметамъ». Даже хуже. Это человѣкъ, измѣнившій Христу и утратившій всякое благоразуміе и нравственную принципіальность. Онъ—мѣдь звенящая и кимвалъ звучащій, въ лучшемъ случаѣ развѣ «геніальный маньякъ» или «артистъ высшаго порядка». Опредѣленія противорѣчатъ другъ другу, но они легко рѣшаютъ задачу: маньякъ не подлежитъ законамъ здраваго смысла, а артистамъ вообще никакіе законы не писаны: понятно, нѣтъ необходимости почтительно считаться съ припадками и вдохновеніями больного человѣка.

Наконецъ, критика достигнетъ предѣла своихъ чувствъ. Она задастъ вопросъ: что бы сталось съ безпокойнымъ искателемъ истины, если бы его осыпали почестями? Онъ навѣрное иначе смотрѣлъ бы на вещи и явилъ бы міру совсѣмъ другое зрѣлище,—какъ разъ слуги и обожателя лицъ и порядковъ, возбуждавшихъ желчь его неудовлетвореннаго честолюбія.

Дальше идти некуда. Отречься отъ Христа—даже не по убѣжденію, а за сребренники,—это ниже невмѣняемой маніи и самаго разнузданнаго художества.

И вотъ мы такого человѣка сравниваемъ съ Гладстономъ, находимъ даже нѣчто трагическое и глубоко-трогательное въ его личности и судьбѣ. Противъ насъ чрезвычайно авторитетные судьи. Назовемъ двухъ: имъ принадлежатъ нѣкоторыя черты изъ только что изложеннаго обвинительнаго акта. Сентъ-Бёвъ: онъ былъ ближайшимъ другомъ подсудимаго, такъ онъ самъ заявляетъ, ему нашъ бѣдный герой поручилъ печатать свое самое революціонное сочиненіе, и Сентъ-Бёвъ отплатилъ ему за довѣріе и дружбу ни болѣе, ни менѣе, какъ догадкой на счетъ пожертвованія идеями почестямъ.

Потомъ Ренанъ: тонкій психологъ и артистическая натура: ему ли не понять, по какимъ побужденіямъ дѣйствуетъ человѣкъ—любви или ненависти и промахнуться въ опредѣленіи именно артистическихъ чертъ въ личности дѣятеля?

Всѣ основанія повѣрить нашимъ приговорщикамъ, и имъ повѣрили. Почти на-дняхъ преступникъ вновь подвергся суду и ему вынесли еще болѣе тяжкій приговоръ: измѣнникъ Христу! и «божественный владыка больше не обиталъ въ его сердцѣ, лишенномъ мира». Началась оргія эгоизма и самовластія. Кто не шелъ за нимъ, тотъ сразу становился для него безразличнымъ, даже если бы теснѣйшая дружба предшествовала неповиновенію. Онъ—эта воплощенная демоническая сила—отдавалъ свое сердце только тѣмъ, кто приносилъ ему въ жертву свой разумъ...

Какой отталкивающій и противоестественный образъ! Можно подумать, Нитче рисовалъ своего сверхъчеловѣка съ этого подлинника. И замѣтьте, среди столь безпощадныхъ судей нѣтъ ни одного фанатика. Все люди въ высшей степени терпимые и культурные, можно сказать, цвѣтъ современнаго просвѣщенія, и многимъ, вѣроятно, только одинъ разъ на своемъ вѣку и пришлось извлекать изъ классическаго французскаго словаря не вполнѣ изящныя выраженія именно ради нашего отверженца. Но ненависть еще не послѣднее зло. Она тоже слава и весьма часто даже болѣе почетная, чѣмъ самыя горячія привѣтствія. Высшая кара писателю—забвеніе и молчаніе, какъ правило и сужденіе о немъ по наслышкѣ, по традиціоннымъ шаблонамъ въ

рѣдкихъ случайныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Такая участь, повидимому, угрожаетъ имени человѣка, осужденнаго внушительными авторитетами французской критики и науки.

Одно только обстоятельство нѣсколько умѣряетъ грозу. Судьи съ поразительной, имъ совершенно не свойственной, наивностью раскрываютъ свою жестокую игру, вѣроятно, отъ излишней увѣренности въ выигрышѣ. Ренанъ заканчиваетъ свою обвинительную рѣчь чрезвычайно милой аллегоріей, явно разсчитанной на одобреніе всего прекраснаго пола.

Этотъ полъ, какъ извѣстно, занималъ очень большое мѣсто въ ясномъ, убаюкивающемъ міросозерцаніи философа. Ренанъ посвятилъ много остроумія и даже учености своимъ рыцарскимъ обязанностямъ не преминулъ съ блескомъ выполнить свою роль и въ нашемъ случаѣ. Человѣкъ краснорѣчивой ненависти при всей своей артистичности весьма сурово относился къ женщинамъ.

Правда, по общественному положенію, ему было бы странно и даже зазорно разыгрывать изъ себя дамскаго кавалера. Но тогда ужъ лучше совсѣмъ не касаться деликатнаго предмета! А то вдругъ онъ будто бы не встрѣчалъ ни одной женщины, способной внимательно слѣдить за развитіемъ серьезной мысли въ теченіе четверти часа. Какая дикая и односторонняя схоластика! Какъ можно не знать, что женщины постигаютъ рѣшительно *все*, не съ помощью философіи, а путями, имъ только однѣмъ извѣстными, какимъ-то таинственнымъ, но тонкимъ и вѣрнымъ тактомъ. И что̀ удивительнѣе всего, этотъ тактъ для философа и ученаго несравненно болѣе воспріимчивая почва, чѣмъ какой угодно мужской умъ.

Необыкновенно лестно, жаль только бездоказательно. Впрочемъ, дальше слѣдуетъ именно такая философія, что дѣйствительно умъ и знанія мужчинъ становятся лишними. Она для насъ любопытна, потому что она—резюме процесса надъ нашимъ писателемъ.

Истина—та же капризная женщина. Ея не слѣдуетъ пламенно любить и слишкомъ за ней ухаживать: иначе она ускользнетъ изъ рукъ. До извѣстной степени безразличное отношеніе имѣетъ больше успѣха. Если за женщиной, а также и за истиной, гоняются, она убѣгаетъ. Но стоитъ остановиться, почувствовать усталость, разочарованіе, и она тутъ, какъ тутъ. Только непремѣнно нѣсколько холода. А идеальныя души имъ-то и не обладаютъ. Отсюда возъ бѣды: и ненависть, и проклятія, и заблужденія...

Такъ вотъ, значитъ, за что̀ осужденъ нашъ герой. Онъ безразсудно любилъ истину и ни на шагъ не отставалъ отъ нея, ни на минуту не чувствуя себя усталымъ и разочарованнымъ. Не правда ли, трудно изобрѣсти болѣе сильное смягчающее обстоятельство, хотя бы даже для ненависти и проклятій, чѣмъ подобное преступленіе? И можно ли представить болѣе оригинальное положеніе обвинителя, тонкаго ума и пронизывающей иронiи, совершенно искренне воздвигающаго апостольскій пьедесталъ, явно чужой и даже антипатичной для него личности?

Теперь мы можемъ смѣлѣе подойти къ нашей задачѣ. Очевидно, предъ нами не просто споръ изъ-за таланта или нравственности писателя, а борьба цѣлыхъ міросозерцаній, процессъ совершенно разныхъ міровъ. До такой степени разныхъ, что воз-

вышенное и героическое для одного—безуміе и забава для другого, истинно человѣческій долгъ и жалкое донъ-кихотство, патетическая трагедія и недостатокъ здраваго смысла, и такъ безъ конца, все наизнанку: въ политикѣ, въ религіи, въ морали. Вопросъ въ высшей степени разростается далеко за предѣлы личной характеристики, захватываетъ вѣчные принципы общественнаго порядка и прогресса и сливается съ насущнѣйшими культурными задачами нашего времени.

II.

Мы до сихъ поръ не назвали имени того, кому приписываемъ такую великую историческую роль. Но въ данномъ случаѣ имя дѣйствительно звукъ пустой. Оно едва ли извѣстно даже просвѣщенной русской публикѣ. Ни одного сочиненія писателя никогда не появлялось на русскомъ языкѣ, мы не встрѣчали ни одной статьи, просто замѣтки, посвященной автору или его книгамъ. Его дѣятельность развивалась на Западѣ въ то время, когда Россія могла похвалиться идейнѣйшимъ и благороднѣйшимъ поколѣніемъ молодежи. И это именно поколѣніе проглядѣло замѣчательнаго человѣка. Мы слышимъ только рѣдкіе и случайные отголоски грознаго шума, напомнившаго Европѣ времена Лютера. Папскій престолъ вновь изрекалъ проклятія и разсылалъ по всему міру молніеносные приговоры, а единственный виновникъ всего этого оставался невѣдомымъ и неинтереснымъ, уступая мѣсто и славу Гегелю и даже гегельятамъ!

Единственный разъ только русскій путешественникъ сообщалъ читателямъ русскаго журнала слѣдующее происшествіе:

«Тридцать перваго декабря выпущенъ былъ изъ темницы Ламеннэ. Толпа молодежи и учениковъ собралась передъ его окнами, кричала *vive!*—требовала появленія его на балконъ, какъ вдругъ будто изъ земли появился отрядъ солдатъ, заперъ улицу съ одной стороны, взялъ ружье подъ прикладъ и по командѣ офицера пошелъ тихо на толпу, сдавилъ ее, выгналъ на бульваръ и скрылся» *).

Въ журналѣ, гдѣ печаталось это сообщеніе, первое мѣсто занималъ Бѣлинскій, не пропустившій на своемъ вѣку безъ страстнаго отзвука ни одного живого явленія мысли и дѣйствительности. А выпущенный изъ темницы Ламеннэ, привѣтствуемый молодежью, ускользнулъ отъ его вниманія. Только однажды, еще въ періодъ гегельянскаго идолослужительства, критикъ возмутился книгой Ламеннэ — *Les paroles d'un croyont*, какъ книгой рѣзкаго отрицательнаго направленія и, слѣдовательно, крайне вредной **).

Позже, когда, казалось, Бѣлинскій совсѣмъ близко подходилъ къ этимъ «вреднымъ» идеямъ, когда онъ жадно искалъ новаго слова въ западномъ соціальномъ движеніи, осужденный писатель не дождался оправданія. Встрѣчались, повидимому, западники, ближе знавшіе предметъ и умѣвшіе цѣнить его. Чаадаеву, напримѣръ, въ ряду другихъ преступленій, приписывалась московскими патріотами дружба съ Ламеннэ. Но въ чемъ состояла

*) Письмо Анненкова въ *Отечественныя Записки* отъ 7 февраля 1842 года.
**) Письмо отъ 7 августа 1837 года.

эта дружба—намъ неизвѣстно, и мало ли какія укоризны можетъ изобрѣтать патріотическое усердіе!

Наконецъ, существовалъ еще одинъ поводъ для русской интеллигенціи заинтересоваться Ламеннэ. Польскій вопросъ въ тридцатыхъ годахъ былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ политическихъ вопросовъ на Западѣ и въ Россіи. Кромѣ того, имя польскаго поэта Мицкевича пользовалось въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ почти такой же популярностью, какъ имя его друга — Пушкина. Ламеннэ принималъ живѣйшее участіе въ Польшѣ, въ судьбѣ Мицкевича, преклонялся предъ его талантомъ; одинъ изъ его ближайшихъ учениковъ—графъ Монталамберъ—издавалъ произведенія Мицкевича на французскомъ языкѣ и снабжалъ ихъ настолько краснорѣчивыми предисловіями, что и здѣсь требовались папскія энциклики для охлажденія политическаго, но не политичнаго жара защитника польской націи.

Все это происходило въ тридцатые годы, когда въ идейной жизни Ламеннэ совершился рѣшительный переворотъ и всколебалъ глубочайшіе слои западно-европейской демократіи. Въ Россіи ничего не замѣтили. Только годъ спустя тотъ же путешественникъ въ краткомъ обозрѣніи парижскихъ литературныхъ новостей сознавался, что его особенно глубоко тронуло новое произведеніе Ламеннэ, тронуло воплемъ отчаянія! *). Человѣкъ долго искалъ рѣшенія общественныхъ задачъ, и не пришелъ ни къ какому успокоительному выводу...

Вотъ и вся лѣтопись славы нашего героя въ нашемъ отечествѣ. Мало опредѣленнаго можно извлечь изъ этой исторіи, и мы не думаемъ, чтобы ее можно было измѣнить. *Текущія новости* о Ламеннэ все такого свойства, что врядъ ли найдется особенно много охотниковъ съ нихъ начинать знакомство съ писателемъ минувшей эпохи. Французы усердно собираютъ переписку Ламеннэ, наполняютъ ею журналы и книги, но кто же читаетъ письма совсѣмъ невѣдомой знаменитости? Нужно предварительно чувствовать очень большое влеченіе къ личности и таланту автора, чтобы заинтересоваться его корреспонденціей. И все усердіе друзей и поклонниковъ Ламеннэ можетъ разсчитывать на весьма ограниченную публику.

Это во всѣхъ отношеніяхъ несправедливо и прискорбно.

Въ самомъ дѣлѣ, бросьте самый бѣглый взглядъ на эту фигуру, васъ непремѣнно захватитъ и увлечетъ безпримѣрная, необъяснимо-противорѣчивая судьба человѣка съ громаднымъ талантомъ и великой нравственной силой. Начать свою духовную жизнь настойчивымъ сомнѣніемъ, превратиться въ фанатика церкви и закончить—ея убѣжденнѣйшимъ врагомъ, въ молодости воскрешать средніе вѣка, а въ старости разрушать все, что только причастно темному прошлому, развѣ это не любопытное приключеніе? Священникъ-революціонеръ и ультромантанъ-домократъ въ новѣйшемъ смыслѣ слова, развѣ это не похоже на сказку и небылицу? Такъ именно и думали очевидцы удивительнаго превращенія. Можетъ быть, и до сихъ поръ иначе не слѣдовало бы думать, если бы жизнь весьма скоро не оправдала невмѣняемость мечтаній и невѣроятное не сдѣлала фактомъ дѣйствительности.

*) Письмо отъ 9 марта 1843 года.

Ламеннэ—бретонецъ, уроженецъ той самой Бретани, какая искони производила людей образцовой энергіи, глубокой привязанности къ старинѣ и преданіямъ—людей, вѣрующихъ до нетерпимости и любящихъ до деспотизма. Такимъ родился и Ламеннэ, но съ однимъ лишь отличіемъ отъ своихъ земляковъ: природа снабдила его одинаково безпокойнымъ умомъ и сердцемъ. Безъ вѣры у него не будетъ жизни, но зато не будетъ и вѣры безъ совершенной гармоніи всѣхъ его нравственныхъ силъ. Онъ никогда не увѣруетъ, потому что предметъ вѣры «нелѣпъ», недоступенъ человѣческому разуму. Нѣтъ. Вѣра—это длящійся восторгъ, это самопожертвованіе безъ конца, безъ малѣйшихъ колебаній, въ полномъ единеніи разума и чувства. Горе если избранное божество не останется на высотѣ чистаго энтузіазма или впадетъ въ заблужденіе, гармонія въ то же мгновеніе распадется, и осиротѣлая душа станетъ вопіять о новой религіи и о новомъ храмѣ.

Что происходило съ Ламеннэ въ ранней молодости мы не знаемъ, но несомнѣнно одно: католическая церковь не дала ему прочныхъ утѣшеній. При первомъ же важномъ вопросѣ духовной жизни мы застаемъ Ламеннэ во власти сомнѣній и даже невѣрія. Онъ не желаетъ принимать причастія. Семья, братъ-священникъ безсильны убѣдить юношу. Только въ двадцать два года онъ причащается въ первый разъ. Почему? Что̀ вынудило его на уступку? Подробности неизвѣстны, но въ общемъ отвѣтить не трудно. Ламеннэ, очевидно, продолжалъ внѣ церкви искать предмета вѣры, непремѣнно всеобъемлющей, героической, вѣры, достойной первыхъ христіанъ. Гдѣ могъ онъ найти подобное сокровище немедленно послѣ революціи и восемнадцатаго вѣка? Не въ произведеніяхъ Вольтера и Руссо: вся Франція видѣла въ нихъ первоисточникъ якобинства и атеизма. Не въ слабомъ протестующемъ лепетѣ новообращенныхъ христіанъ, бывшихъ прихвостней энциклопедистовъ: истому бретонцу, по натурѣ мученику и крестоносцу, эти апостолы вѣры должны казаться еще презрѣннѣе, чѣмъ насмѣшники и матеріалисты. Остается одно: католичество безъ оттѣнковъ и ограниченій. Вѣдь только эту дѣйствительно мощную вѣру и выработала исторія Запада—величественную, всемогущую, почти внѣземную по благородству своего происхожденія и величію своихъ цѣлей. Папа—императоръ въ тройной коронѣ, папа — неограниченный властитель небесной благодати и земныхъ церуновъ, что можетъ сравниться съ нимъ въ блескѣ и славѣ?

И Ламеннэ, въ порывѣ страстнаго восторга, палъ ницъ... Нестерпимая жажда духа утолена, онъ несказанно счастливъ, у него есть за что страдать и кому молиться. Онъ въ своей стихіи...

Семья спѣшитъ воспользоваться счастливой судьбой, и толкнуть новаго прозелита въ самое жерло открытаго имъ блаженства. Ламеннэ долженъ стать священникомъ, т. е. однимъ ударомъ порвать и съ прежними сомнѣніями, еще столь свѣжими, и заранѣе отречься отъ привычки прислушиваться къ голосу своего сознанія, разсудка и совѣсти. Онъ разъ навсегда отдастъ свою душу въ распоряженіе того самаго земного божества, какое теперь рисуется ему въ ослѣпительной красотѣ и силѣ.

Навсегда и свою душу!.. Какія простыя и страшныя слова! И все зависитъ отъ минутнаго согласія, отъ одного обряда, и съ *человѣкомъ*, съ *личностью* покончено безвозвратно. Нѣтъ, это

не такъ просто. Отринуть свое я можно, но только во имя ясно сознанной истины, во имя отождествленія себя съ ней. А развѣ католическая церковь такая истина? Развѣ не пришлось пройти тягостный извилистый путь испытаній и поисковъ вѣры раньше чѣмъ произнести слово «вѣрую»?

И еще не зажившія раны вскрываются, еще не изжитыя сомнѣнія поднимаютъ новую бурю. Ламеннэ опять на пути къ отрицанію и больше чѣмъ когда либо добыча инквизиціонныхъ страданій неудовлетвореннаго духа.

А искусители не даютъ ни отдыха, ни срока. Братъ, духовникъ тяготѣютъ надъ душой несчастнаго, и какое было бы торжество художественной психологіи, если бы кто съумѣлъ изобразить эту глубочайшую изъ драмъ искушенія!

Побѣда одержана, но она досталась не легко. Побѣдители говорятъ намъ о мукахъ, объ ударѣ, потрясшемъ все существо побѣжденнаго. Они сравниваютъ его съ жертвой предъ алтаремъ. Онъ будетъ служить свою первую мессу на горѣ Голгоѳѣ!..

Если на посторонній взглядъ событіе являлось такимъ исключительнымъ, походило на самозаклапіе и добровольную крестную смерть, что же перечувствовалъ самъ «агнецъ»? Можно выразить удивленіе, зачѣмъ онъ уступилъ?

Мы не знаемъ подробностей, Ламеннэ никогда не разсказывалъ о своемъ роковомъ рѣшеніи, только отъ его руководителей мы слышимъ краткіе намеки на глубину драмы, пережитой новымъ служителемъ алтаря. Но не каждому дано здѣсь произносить свое слово. Кто самъ родился подвижникомъ вѣры—все равно, религіозной или иной, для кого отъ природы безуміе жить безъ непоколебимаго, воодушевляющаго принципа, только тотъ можетъ призвать на свой судъ Ламеннэ и только тому личное самосознаніе можетъ подсказать справедливый приговоръ. А для всѣхъ другихъ, даже если бы они носили имена Ренановъ, останется недоступнымъ истинное рѣшеніе загадки. Они, рѣшая ее, даже не обнаружатъ своего обычнаго ума и остроумія, столь полезнаго оружія во многихъ случаяхъ, только не въ вопросахъ истины, какъ единственной животворящей силы.

Ламеннэ—священникъ, и съ этой минуты покой и миръ окончательно покидаютъ его душу. Если бы онъ дѣйствительно обладалъ сокровищемъ вѣры, какъ ясно и блаженно онъ совершалъ бы свой путь священническаго служенія! Но эта вѣра именно теперь дальше, чѣмъ когда-либо. Именно теперь ея малѣйшимъ проблескамъ особенно опасно всякое сомнѣніе и порицаніе. Теперь предстоитъ бороться съ врагомъ безпощадно и неустанно, иначе всякій смыслъ жизни будетъ потерянъ. Я *долженъ* вѣровать и я *не могу* вѣровать: положеніе, созданное для Ламеннэ священническимъ саномъ. Слабая натура предоставила бы все на волю судьбы и покорно влекла бы свое бремя до конца. Но для Ламеннэ немыслима, сдѣлка, всякое подозрѣніе, даже смутное предчувствіе рабскаго униженія и немощнаго смиренномудрія,—жгутъ огнемъ его сердце и мозгъ. Онъ самъ долженъ сдѣлать вызовъ, онъ пойдетъ на встрѣчу всѣмъ, кто посмѣетъ усомниться въ признанной имъ истинѣ, все равно, *какъ* признанной. Достаточно, что онъ, Ламеннэ, въ ея станѣ, и пока онъ не покинетъ поста, никто не дерзнетъ безнаказанно поднять руку на святилище.

И начинается бурная, стихійная война во имя католичества. Со времени глубокихъ среднихъ вѣковъ римскій престолъ не видѣлъ такого мужественнаго и пламеннаго рыцаря. Казалось, на поляхъ Бретани возстали легендарные образы паладиновъ и на Ватиканскомъ холмѣ на встрѣчу имъ поднялись тѣни Григорія VII и Иннокентія III. Въ мірѣ готовилось нѣчто до безумія дерзкое и сверхъестественное: народамъ XIX-го вѣка предлагали перешагнуть за предѣлы всей новой исторіи, по ту сторону реформаціи, вплоть до Каноссы...

III.

Католичество и атеизмъ—вотъ два единственныхъ пути человѣчества. Никакихъ другихъ и быть не можетъ. Всѣ церкви внѣ католической, всѣ философскія и религіозныя ученія, не клянущіяся римскимъ первосвященникомъ, равны атеизму. Нѣтъ никакой разницы между деистомъ и послѣдовательнымъ отрицателемъ божества, между протестантомъ и исповѣдникомъ Бога безъ культа и церкви, слѣдовательно, протестантство—атеизмъ.

Атеизмъ и всякаго рода терпимость въ религіозныхъ вопросахъ. Нельзя одновременно быть убѣжденнымъ и терпимымъ. Вѣровать въ истину значитъ желать ея торжества, т. е. преслѣдовать заблужденіе. Предоставить ему свободу, значитъ подвергать сомнѣнію истину.

И посмотрите, какія мрачныя перспективы предстоятъ народу, усвоившему терпимость! Вѣдь это безразличіе—нравственная смерть, равнодушіе ко всему чистому и высокому. Это величайшее бѣдствіе, какое только можно представить для человѣческаго общества.

Авторъ увлекательно краснорѣчивъ и вы понимаете почему. Онъ пишетъ свою исповѣдь, защищая вѣру, неотразимую въ своемъ развитіи, убѣжденіе, безпощадное къ препятствіямъ,—онъ рисуетъ себя самого во весь ростъ и на всю жизнь. Вѣровать значитъ любить, а любить то же, что ненавидѣть, если только любовь дѣятельна и убѣждена въ своемъ достоинствѣ.

Не менѣе стремительна рѣчь автора и въ его нападеніяхъ на философію, на личный разумъ, на разсудочныя истины. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, безпомощенъ человѣкъ въ своихъ неустанныхъ, но безплодныхъ поискахъ истины? Гдѣ у него средство распознавать ее? Декартъ говоритъ: законъ очевидности. Но развѣ неизвѣстно, что одна и та же вещь очевидна для одного и совершенно невѣроятна для другого? Сведите вмѣстѣ картезіанца и сумасшедшаго, воображающаго себя Декартомъ, вы увидите, картезіанецъ на основаніи своей философіи рѣшительно ничего не найдется возразить противъ непосредственной увѣренности безумнаго.

Нѣтъ, тщетны наши надежды на какой бы то ни было сильный умъ отдѣльнаго человѣка. Истину слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ же?

Мы должны запомнить отвѣтъ: онъ многое объяснитъ въ позднѣйшихъ идеяхъ Ламеннэ. Онъ переброситъ мостъ между средневѣковымъ католикомъ и новѣйшимъ демократомъ. Онъ возведетъ папу на всемірный тронъ и онъ же низвергнетъ его въ прахъ.

Эта могущественная истина очень проста. Истина во всеобщемъ сознаніи человѣчества, т. е. истинно то, что признано всѣми. Лич-

ность съ своими мнѣніями ничего не стоитъ, дѣйствительный разумъ—достояніе общества, всего человѣческаго рода. Достовѣрность истины зависитъ отъ количества ея исповѣдниковъ. Философія самая непосредственная, но таящая въ себѣ ядовитѣйшія двусмыслицы.

Нѣтъ нужды опровергать ее по существу. Всякому ясно, что всеобщее признаніе истины слагается изъ индивидуальныхъ, слѣдовательно, ничего не стоющихъ. Правда, философъ утверждаетъ, будто это признаніе богооткровенное Но, по объясненію того же философа, существованіе Бога доказывается всеобщностью идеи божества. Выходитъ, Богъ зависитъ отъ всеобщаго сознанія, а истинность всеобщаго сознанія зависитъ отъ откровенія Бога. Логика не обстоятельная, а потомъ католическій Богъ далеко не можетъ похвалиться признаніемъ «человѣческаго рода»: католиковъ во всякомъ случаѣ незначительное меньшинство въ человѣчествѣ.

Очевидно, въ доказательствахъ Ламеннэ не имѣетъ успѣха, и не можетъ имѣть: безусловную всеобъемлющую истину одинаково трудно открыть и доказать путемъ разсудка, будетъ ли авторъ говорить во имя Декарта или Григорія VII.

Да и не въ этомъ дѣло. Для насъ важны догматы философа. Всѣ они сводятся къ идеѣ папства. Истина пребываетъ въ сознаніи человѣчества, выразителемъ этого сознанія является римскій первосвященникъ. Ради этой вершины и создалось все зданіе. Легко представить, какимъ ореоломъ окружитъ Ламеннэ своего спасителя, какими розами усѣетъ его историческій путь въ прошломъ и будущемъ и какой грозой двинется на невѣрующихъ и непокорныхъ! Такъ могъ говорить представитель средневѣковой римской куріи, но такую рѣчь вынужденъ вести и человѣкъ новаго времени, неприкосновенно, сквозь столѣтія, до эпохи философской критики и научнаго изслѣдованія донесшій неистребимую потребность вѣрующаго духа славословить и страдать. И, кажется, именно въ тѣ минуты, когда становится особенно подавляющимъ краснорѣчіе проповѣдника, когда его мысль выбивается изъ силъ въ поискахъ за новыми доказательствами и на помощь призывается воображеніе и даже драматическій талантъ, въ эти минуты намъ невольно чувствуется болѣзненная напряженность настроенія и слышатся будто надорванные звуки голоса. Философъ волнуется и спѣшитъ, геройствуетъ и беретъ приступомъ свою побѣду. Но ни эта напряженность, ни эти звуки даромъ не пройдутъ, не столько рыцарю, сколько его дамѣ.

Онъ, взамѣнъ своихъ нравственныхъ, подавленныхъ мукъ, деспотически потребуетъ отъ нея невмѣстимыхъ для человѣка совершенствъ. Онъ за свое самоотверженіе потребуетъ высшей награды, какая только можетъ удовлетворить такое доблестное сердце, неизглаголанной красоты, сверхчеловѣческой силы, недосягаемо-идеальной власти. Папство должно быть всѣмъ, что̀ есть на землѣ высшаго и могущественнаго, или... Пока намъ неизвѣстна вторая часть дилеммы изъ устъ самого Ламеннэ, но угадать ее не трудно. Такіе люди не мирятся на срединѣ и половинѣ, недоконченное и недоговоренное въ ихъ глазахъ или обманъ, или малодушіе, и все, что принято называть мѣщанскимъ идеаломъ, практическимъ разсчетомъ, политическимъ тактомъ, никогда не находило болѣе свирѣпаго врага, чѣмъ этотъ аббатъ...

Мы намѣтили дилемму въ руководящемъ настроеніи философа. Можно пойти дальше, открыть весь путь предстоящей эволюціи и подивиться близорукости или легкомыслію людей, уличавшихъ Ламеннэ въ непослѣдовательности и даже въ измѣнѣ.

Совершенно напротивъ. Такія натуры или до конца идутъ однимъ путемъ или падаютъ на немъ. Повернуть въ сторону, вступить въ сдѣлку это значитъ быть политикомъ и дипломатомъ, т. е. не имѣть даже и приблизительнаго представленія объ истинѣ и никакой любви къ ней. И ничего не могло бы такъ глубоко оскорбить и удивить Ламеннэ, какъ улика его въ принципіальной метаморфозѣ, въ перемѣнѣ убѣжденій: для него это тождественно съ пересозданіемъ своего *я*, т. е. съ абсолютной невозможностью.

Ему и не надо мѣняться, достаточно учиться, ближе знакомиться съ дѣйствительностью. Истина—всеобщее убѣжденіе: это—одинъ принципъ, другой, папа—его призванный выразитель; очевидно, практическіе выводы системы будутъ обусловлены *убѣжденіемъ* «рода человѣческаго» и *способностью* папы осуществить это убѣжденіе. Но оно вѣдь зависитъ отъ времени, историческихъ условій, культурныхъ и экономическихъ вліяній, оно, слѣдовательно, измѣнчиво. Папа, по своему назначенію, обязанъ отражать въ себѣ самомъ эти измѣненія, иначе онъ утратитъ право быть носителемъ всеобщей истины.

Вполнѣ логическое разсужденіе, а между тѣмъ оно началось съ среднихъ вѣковъ, можетъ окончиться какимъ угодно вѣкомъ, открылось католическими догматами о духовной и свѣтской власти, но ничто не мѣшаетъ ему придти къ соціальной демократической реформѣ государства и общества. Все зависитъ отъ идейной чуткости и гражданскаго мужества самого создателя системы. А въ этихъ способностяхъ Ламеннэ никто и никогда не могъ сомнѣваться: въ теченіе всей жизни у него только и было интересовъ, что идеи. Всѣ его письма заняты исключительно общими вопросами, а о себѣ онъ говоритъ только по поводу своей философской и общественной дѣятельности. Человѣчество—его семья, слабые и обездоленные—его дѣти и даже друзей своихъ онъ непремѣнно превращаетъ въ своихъ послѣдователей.

Ясно, поступательное движеніе системы при такихъ условіяхъ обезпечено, тѣмъ болѣе, что для философа немыслимо было оставаться въ предѣлахъ чистой теоріи.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ первой книгой, прославившей Ламеннэ—*Опытомъ объ индифферентизмѣ*. Книга выяснила принципъ. Современники называли его *ультрамонтанскимъ*, такъ какъ онъ власть папы ставилъ выше всѣхъ властей на землѣ и уничтожалъ всѣ вольности мѣстныхъ церквей, напримѣръ галликанской. Практика не замедлила послѣдовать за принципомъ. Пророкъ легко превратился въ политика и проповѣдникъ въ трибуна. Вмѣстѣ съ горячими сторонниками—изъ нихъ наиболѣе любимый и усердный графъ Монталамберъ—Ламеннэ принимается за изданіе газеты *L'Avenir*. Это *Будущее*—логическое продолженіе прошедшаго и только по жестокому недоразумѣнію въ редакторѣ-*республиканцѣ* можно видѣть другое лицо, чѣмъ прежняго аббата-*паписта*.

Намъ даже и не требуется пространныхъ психологическихъ объясненій. Къ какой *политической* партіи могъ принадлежать

правовѣрный католикъ-французъ при реставраціи? По самой сущности онъ врагъ свѣтской власти, слѣдовательно, одинаково и короля, и конституціи. При либеральномъ правительствѣ онъ вдвойнѣ врагъ, потому что оно терпимо ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, а такая терпимость въ глазахъ паписта оскорбленіе его вѣры, одна изъ формъ гоненія. Очевидно, католикъ станетъ въ рѣзкую оппозицію и по закону необходимости превратится въ *политическаго радикала*, оставаясь *церковнымъ инквизиторомъ*. Это фактъ вовсе не исключительный. Онъ просто продолженіе исконныхъ историческихъ преданій папства. Оно безпрестанно вступало въ союзъ въ народами противъ монарховъ и прибѣгало къ демагогіи въ борьбѣ съ свѣтской властью. Сила средневѣковыхъ папъ покоилась именно на повиновеніи и сочувствіи народныхъ массъ. Ламеннэ не преминулъ припомнить этотъ вѣковой союзъ и построилъ на немъ грозную политическую систему, далеко оставлявшую за собой самыя смѣлыя вожделѣнія свѣтскихъ либераловъ и чистополитическихъ радикаловъ.

Вполнѣ естественно было Ламеннэ и Монталамберу свои демократическія планы сопровождать яростными нападками на всѣхъ монарховъ Европы и взывать къ обновленію міра руками народовъ въ союзѣ съ церковью.

До сихъ поръ Римъ могъ оставаться спокойнымъ. Правда, республиканскій азартъ и возбужденіе демократическихъ страстей совсѣмъ не входило въ его программу тридцатыхъ годовъ. Но, внѣ политики судьба Карла X или иного какого монарха для папы могла быть безразлична.

Радикально мѣнялся вопросъ, когда рѣчь заходила о церкви. Чѣмъ ниже опускался престижъ свѣтской власти на столбцахъ *Будущаго*, тѣмъ выше всходила звѣзда католическаго духовенства. На его плечи падало въ высшей степени почетное бремя— воплощать на землѣ небесную красоту духа и жизни. Ему надлежало блескомъ своего самоотреченія и безкорыстной мудрости затмить тьму эгоистическихъ страстей и низменныхъ инстинктовъ внѣшняго міра.

Да, бремя несказанно лестно, но настолько же неудобоносимо. За ослѣпительнымъ духовнымъ свѣтомъ скрывались удручающія практическія предписанія, формулированныя все тѣмъ же неугомоннымъ и неумолимымъ ревнителемъ церкви.

Всѣ они могутъ быть выражены чрезвычайно кратко: *отдѣленіе церкви отъ государства*. Церковь призвана властвовать, прежде всего она должна быть свободна, и не зависѣть отъ государства ни въ какихъ отношеніяхъ, не состоять у него на иждивеніи, отказаться отъ жалованья епископамъ и священникамъ, вернуться къ первобытному христіанству — бѣдному, неимущему, набирающему себѣ послѣдователей среди нищихъ и несчастныхъ, возстановить даже древнюю простоту богослуженія. Духовенство должно покинуть старыя роскошныя церкви и скорѣе перенести алтари въ житницы, чѣмъ воздвигать ихъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ государству.

Ламеннэ готовъ самому папѣ вручить апостольскій посохъ и отправить его на распутья и торжища. Пусть духовенство пребываетъ въ бѣдности, оно богато обѣтованіями Евангелія. У

него—пролетарія—достояніемъ будетъ Богъ и милліоны душъ, связанныя любовью со своими отцами по духу...

И Ламеннэ неистощимъ въ перечисленіи нравственныхъ богатствъ и въ раскрытіи всей мерзости униженій, позорящихъ церковь — подданную свѣтской власти и рабыню матеріальныхъ благъ...

Такъ проповѣдовалъ аббатъ съ искреннѣйшимъ жаромъ сердца и твердой вѣрой, что первосвященникъ слушаетъ его рѣчи съ чуствами умиленія и благодарности. Ему надо было такъ вѣрить, потому что вблизи его рѣчи вызывали негодованіе и злобу.

Церковь не желала вступать на подвижническій путь безкорыстія и самоотреченія. На Ламеннэ со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія во вмѣшательствѣ не въ свое дѣло: кто далъ ему власть за другихъ отказываться отъ чего бы то ни было? Какая преступная наивность—въ XIX вѣкѣ мечтать возстановить христіанскую церковь временъ апостоловъ и мучениковъ!

Ламеннэ не могли не смутить эти голоса. Газета его среди подавляющаго большинства духовенства вызывала или ожесточенную ненависть, или презрительный смѣхъ. Тогда онъ рѣшился обратиться къ верховному судьѣ и въ послѣднемъ выпускѣ *Будущаго* объявилъ о своемъ путешествіи въ Римъ.

Какъ трогательно и смиренно звучала рѣчь воинственнаго мечтателя! Онъ падетъ къ стопамъ Христова намѣстника и станетъ умолять его обратить свой отеческій взоръ на своихъ бѣдныхъ дѣтей, уличаемыхъ въ неповиновеніи его священной власти. Пусть онъ проникнетъ въ ихъ сердца, и если онъ найдетъ хотя бы одну мысль, не согласную съ его предначертаніями, она будетъ отвергнута. Его слово даетъ жизнь, и пусть его рука благословитъ покорность и любовь его дѣтей.

Никто не сомнѣвался въ искренности этой исповѣди, но врядъ ли кто понималъ, съ какой мучительной тоской ждалъ Ламеннэ рѣшенія папы. Вся жизнь, все личное счастіе теперь были въ рукахъ первосвященника, и какое это будетъ пораженіе, когда ему, восторженному идеалисту, наканунѣ пятидесятилѣтней годовщины придется сознаться, что онъ жилъ и дышалъ грѣхомъ и заблужденіями!..

IV.

Ламеннэ взывалъ къ папѣ, какъ сынъ и вѣрный слуга; папа не захотѣлъ принять такого призыва. Онъ взглянулъ на мятущуюся душу аббата съ высоты первосвященническаго престола и предпочелъ оскорблять и карать, а не увѣщевать и ободрять.

Сначала папа хранитъ молчаніе. Подсудимый не знаетъ, какъ понимать эту политику. Зачѣмъ, думаетъ онъ, папа не призоветъ его и просто не заявитъ ему: твои намѣренія благородны, но ты обманываешься въ ихъ осуществленіи. Я, папа, лучше тебя знаю нужды церкви. Иди и впредь не мѣшайся въ ея дѣла.

И Ламеннэ повиновался бы.

А теперь на него едва обращаютъ вниманіе, ведутъ съ нимъ переговоры чрезъ посредниковъ, наконецъ, даютъ аудіенцію... Но какую? Съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Ламеннэ ничего не говорилъ папѣ о своемъ дѣлѣ.

Аудіенція длится четверть часа. Папа предлагаетъ Ламеннэ понюхать табаку изъ его табакерки, потомъ показываетъ ему статуетку работы Микель Анджело и говоритъ: «Узнаете лапу льва?» И въ заключеніе: «Прощайте, господинъ аббатъ!..»

И только въ отвѣтъ на цѣлые годы одинокой безкорыстной борьбы во славу этого самаго папы! Вмѣстѣ съ Ламеннэ отвѣта ждутъ и его друзья. Ихъ вѣра въ своего учителя видимо колеблется. Странное, почти пренебрежительное поведеніе святого отца оказываетъ свое дѣйствіе. Что̀ долженъ пережить Ламеннэ—онъ, никогда не имѣвшій въ прошломъ другихъ интересовъ, кромѣ своихъ убѣжденій, и ни на что̀ не разсчитывавшій въ будущемъ, кромѣ возвеличенія католической церкви въ союзѣ съ ея вѣрными сынами?

Онъ, наконецъ, устаетъ ждать. Онъ объявляетъ публично, что вновь начнетъ издавать свою газету, и покидаетъ Римъ.

Несомнѣнно, безъ большихъ затрудненій можно обвинить Ламеннэ въ явномъ непослушаніи. Если Римъ не желаетъ говорить, значитъ онъ недоволенъ. Слѣдовало понять молчаніе папы и не вызывать его на громкое проявленіе гнѣва. Ламеннэ, вѣроятно, и понималъ. Онъ только не могъ допустить мысли, чтобы съ нимъ—усерднѣйшимъ служителемъ церкви—не сто́ило совсѣмъ говорить. Онъ не находилъ въ себѣ силъ помириться съ уничтожающимъ величественнымъ поведеніемъ папы, по отношенію къ нему, благоговѣйно склонившему голову предъ его престоломъ. Наконецъ, всѣ благороднѣйшіе инстинкты Ламеннэ были возмущены политикой и дипломатіей куріи не съ какимъ-либо сомнительнымъ союзникомъ, или завѣдомымъ врагомъ, а съ преданнѣйшимъ оруженосцемъ и другомъ.

Если такъ, пусть снова церковь услышитъ правду. Сотрудники покидаютъ Ламеннэ; они не дерзаютъ идти противъ молчаливаго дурного настроенія Рима. Это безразлично: онъ одинъ будетъ продолжать правое дѣло. И Риму навѣрное придется раскаяться въ своемъ дурно разсчитанномъ величіи.

Римъ понимаетъ опасность и, наконецъ, рѣшается заговорить. Энциклика догоняетъ Ломеннэ уже въ Германіи. Ламеннэ читаетъ, вся кровь поднимается въ немъ, онъ лихорадочно ломаетъ печать и мнетъ свитокъ и говоритъ прерывающимся голосомъ своимъ спутникамъ: «Мы должны немедленно подчиниться...»

И публика читаетъ заявленіе объ окончательномъ прекращеніи *Будущаго*, папа получаетъ сначала одно письмо: въ немъ изъявляется покорность во всѣхъ вопросахъ церкви, но въ политикѣ авторъ оставляетъ за собой свободу. Папѣ этого недостаточно: и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ—по католическимъ порядкамъ и идеаламъ—можно положить границу политикѣ и религіи? Отъ Ламеннэ требуютъ покорности безъ оговорки и ограниченій, и онъ шлетъ ее...

Таковъ исходъ долголѣтней борьбы, путешествія въ Римъ, пламенныхъ надеждъ. Приговоръ, будто молнія изъ яснаго неба, и впереди темное безличное прозябаніе рядового солдата, жаждавшаго работать на великомъ поприщѣ и однимъ ударомъ сброшеннаго на землю. А откуда же этотъ ударъ?

Въ отвѣтъ Ламеннэ припоминаетъ римскія впечатлѣнія, и со временъ Лютера еще ни у кого не скоплялось столько горечи и

гнѣва послѣ лицезрѣнія вѣчнаго города, какъ у этого до фанатизма восторженнаго апостола папства.

Ни одного проблеска. Гигантскаго стока Тарквинія едва хватило бы на то, чтобы вобрать всѣ нечистоты Рима. Единственный богъ—корысть. Продаются цѣлые народы, продали бы даже Св. Троицу за клокъ земли или горсть червонцевъ. «Я все это видѣлъ,—пишетъ Ламеннэ,—и сказалъ себѣ: зло превыше человѣческихъ силъ, и я отвратилъ взоры съ омерзеніемъ и ужасомъ».

И вотъ этотъ-то Римъ теперь гремитъ громами надъ человѣкомъ, не имѣющимъ на себѣ ни единаго пятна, не знающимъ за собой ни единаго себялюбиваго или корыстнаго помысла! И этому-то Риму приходится подчиниться, заглушить вопіющій голосъ своей совѣсти и замкнуть уши предъ всеобщимъ воплемъ негодованія на вражду Рима къ народной свободѣ, на его равнодушіе къ бѣдствіямъ націй.

Да, иначе Ламеннэ не можетъ понять энциклику папы противъ польскихъ патріотовъ. Съ его точки зрѣнія, поляки правы въ своихъ мечтахъ вернуть старину, и именно римскій первосвященникъ обязанъ былъ привѣтствовать эти мечты. А онъ ополчается на нихъ, и Ламеннэ теряетъ послѣднюю надежду на союзъ церкви съ народами, свободы съ Римомъ.

Послѣ вторичнаго отреченія Ламеннэ снова начинаетъ переживать драму своей молодости, ту самую, какая слѣдовала за его посвященіемъ. Только теперь вопросъ стоитъ неизмѣримо рѣшительнѣе, ни болѣе, ни менѣе, какъ о безповоротной измѣнѣ личнымъ задушевнѣйшимъ идеаламъ и безгласномъ повиновеніи внѣшней силѣ. Ламеннэ, можетъ быть, не испугался бы и такого конца. Но для этого силѣ необходимо стоять на идеальной высотѣ нравственныхъ побужденій и дѣйствій. Чтобы повиноваться, Ламеннэ долженъ обожать, задушить собственныя стремленія, значитъ въ другомъ найти достойное воплощеніе человѣческой совѣсти.

И Ламеннэ не выдержалъ, нарушилъ свои обѣты и порвалъ всѣ связи съ Римомъ и католичествомъ, порвалъ не ради измѣны принципамъ, а именно во имя вѣрности имъ, порвалъ, исправляя минутное малодушіе и возстановляя права своего сознанія, порвалъ, осуществляя для своей личности ту самую свободу, какую онъ проповѣдывалъ и готовился проповѣдывать для другихъ. И намъ незачѣмъ искать отдаленныхъ объясненій факта: они даны самимъ виновникомъ.

Католичество продолжаетъ существовать внѣ времени, внѣ стремленій живыхъ культурныхъ обществъ. Оно замкнулось въ іерархію и само отрѣзало себѣ пути нравственнаго вліянія на человѣчество. Оно повсюду въ разладѣ съ народами, дѣло свободы совершается помимо его. Оно даже усиливается свернуть человѣчество съ его историческихъ путей, забывая, что историческій процессъ человѣчества ведетъ самъ Богъ и кто усиливается остановить движеніе, тотъ противъ своей воли ускоряетъ его.

Правда, онъ было послушался папы и сложилъ предъ нимъ оружіе. Онъ сдѣлалъ это ради мира, но не сдержалъ своего сердца. Именно сердца. Ему показалось «подлымъ чувствомъ» самоотреченіе и «позоромъ» молчаніе въ то время, когда со всѣхъ сторонъ несутся стоны бѣдствующихъ и угнетаемыхъ. «Я пожелалъ

громко протестовать, чтобы спасти мою совѣсть и мою честь», не допуская и мысли пребыть въ «эгоистическомъ и бездушномъ квіетизмѣ» среди невзгодъ и мучительныхъ настойчивыхъ задачъ современнаго общества.

И Ламеннэ заговорилъ громче и свободнѣе, чѣмъ когда-либо. Ему грозило одиночество, онъ шелъ на встрѣчу ему, сознавая всю его тяжесть и съ проницательностью психолога-художника рисуя минуты смертной тоски одинокаго борца.

«Въ писаніи сказано *Горе одному*! и это справедливо во многихъ отношеніяхъ. Одиночество становится гнетущимъ, въ особенности когда приближается старость. Въ молодости весь міръ носишь въ себѣ, но этотъ міръ съ годами улетучивается. Тогда душа блуждаетъ по развалинамъ, и онѣ, въ свою очередь, сглаживаются, остается мертвая пыль, разсѣеваемая вѣтромъ. Нѣтъ больше ни иллюзій, ни сладкихъ мечтаній, ни отдаленныхъ надеждъ, ни желаній. Жизнь—земля безъ горизонта. Сидишь будто на безплодной скалѣ, у стараго дуплистаго обнаженнаго дерева... И когда видишь летящее облако, хотѣлъ бы исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ, унестись въ страны, куда гонитъ его буря; хотя бы затеряться бы въ безднахъ морей вмѣстѣ съ потокомъ, который гремитъ и стоитъ въ глубинѣ пустынной долины».

Это невольный стонъ никѣмъ нераздѣленныхъ напряженныхъ усилій идеальной мысли. Но это не пессимизмъ, даже не мимолетный упадокъ духа, это голосъ глубокой сердечности, столь же свойственной природѣ Ламеннэ, какъ и энтузіазмъ во имя идей.

Объ эти черты сообщили всю силу и власть первому же произведенію Ламеннэ, какимъ онъ ознаменовалъ свой разрывъ съ римскимъ католичествомъ.

V.

Самъ авторъ, его друзья и противники разсказываютъ удивительныя происшествія, сопровождавшія появленіе *Словъ вѣрующаго*. Книга быстро разлетѣлась по всѣмъ странамъ Запада и произвела потрясающій эффектъ. Этого слѣдовало ожидать еще во время печатанія.

Наборщики пріостанавливали работы и читали вслухъ чарующія страницы. Восторгъ дошелъ до такой степени, что владѣлецъ типографіи отказался выставить свою фирму на книгѣ. Неописанный энтузіазмъ, по словамъ очевидца, овладѣлъ рабочими, они собирались въ кружокъ и упивались притчами новаго пророка, будто откровеніемъ.

Сотни тысячъ экземпляровъ разошлись съ неслыханной быстротой. Въ книжныхъ магазинахъ и въ библіотекахъ брали книгу на часы. На улицахъ и въ садахъ собирались группы молодежи, читая и поясняя ее съ страстнымъ увлеченіемъ. Считался счастливцемъ, кому удавалось заручиться собственнымъ экземпляромъ. Книга перешла за границу Франціи и встрѣтила такой же пріемъ.

Въ Бельгіи вышло восемь изданій, въ Швейцаріи, по крайней мѣрѣ, столько же, немедленно явились переводы на всѣхъ языкахъ и бѣдные итальянцы въ складчину покупали экземпляръ и проводили ночи за чтеніемъ.

Не дремали, конечно, и враги.

Католическая печать поспѣшила уличить Ламеннэ въ ереси, въ сенъ-симонизмѣ. Правительство, съ своей стороны, вознамѣрилось прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Особенно рѣзко настаивалъ на преслѣдованіи Гизо. Но слышались голоса и противъ нетерпимости. Въ министерствѣ оказались искренніе поклонники таланта, если не идей Ламеннэ. Гоненіе не могло осуществиться въ той мѣрѣ, въ какой хотѣлось бы представителямъ властвовавшаго мѣщанства. Но достаточно было и угрозъ. Онѣ на смерть перепугали даже тѣхъ, кто еще не порывалъ окончательно дружескихъ отношеній съ Ламеннэ.

Одинъ такой другъ горячо благодарилъ небо, что оно одарило его «простымъ и среднимъ умомъ» и не навязало ему геніальности. До чего доводитъ она—видно изъ примѣра автора *Paroles d'un croyant*. Другой—Монталамберъ—увидѣлъ пропасть, куда его можетъ завлечь учитель и принялся осыпать его поученіями, предостереженіями, укоризнами. Усердіе привело къ естественному концу: Ламеннэ остался самимъ собой, его бывшій товарищъ всѣми силами своей деликатной и мечтательной души отдался папской десницѣ.

Чѣмъ же въ дѣйствительности такъ восхищала и ужасала книга Ламеннэ?

Въ настоящее время намъ трудно пережить настроенія читателей тридцатыхъ годовъ. Мы можемъ достойно оцѣнить оригинальную форму сочиненія, преклониться предъ искусствомъ писателя и искренностью идеалиста, понять всю высоту и мужественность его стремленій, но насъ не охватитъ дрожь восторга и мы не почувствуемъ себя на вершинахъ всеобъемлющей истины.

Ламеннэ писалъ для народа, къ нему онъ и обращается на первой же страницѣ. Онъ выбралъ языкъ притчей, переполнилъ книгу разсказами и аллегоріями, украсилъ ее нравственными изреченіями и проповѣдническими монологами, обнаружилъ рѣдкое умѣнье упрощать сложные общественные вопросы, вскрывать ихъ смыслъ въ образахъ, глубоко волнующихъ воображеніе, и въ истинахъ, неизгладимо остающихся въ памяти.

Всѣ сравненія и иносказанія взяты изъ природы и обыденной жизни и всѣмъ вполнѣ доступны. Примѣръ растеній, деревьевъ, птицъ доказываетъ необходимость единенія среди людей, стадо барановъ и волкъ, рѣжущій барановъ по одиночкѣ, картина къ порядкамъ человѣческаго общества, діалогъ хозяина и рабочаго наглядно рѣшаетъ вопросъ о рабочемъ днѣ и заработной платѣ, сцена изъ жизни Спасителя съ фарисеями и съ народомъ иллюстрируетъ соціальное и культурное положеніе народа и современныхъ «книжниковъ» и «законниковъ». И здѣсь же рядъ остроумныхъ эпизодовъ, неожиданныхъ сопоставленій и громовыхъ пророчествъ... Книга должна была подѣйствовать, но время ограничило силу дѣйствія.

Всѣ истины, вдохновившія «вѣрующаго», давно общее достояніе. Жизнь не осуществила ихъ во всей полнотѣ, на какую разсчитывалъ Ламеннэ но она подтвердила естественность и законность его стремленій. Онъ дѣйствительно шелъ на встрѣчу новымъ путямъ человѣчества, повинуясь голосу совѣсти и чести. На сторонѣ

Рима осталось все, осужденное исторіей, лишенное жизнедѣятельности въ настоящемъ и надеждъ на будущее. До какой степени аббатъ, отвергнутый церковью, былъ правъ въ своемъ возстаніи, не замедлила доказать сама церковь.

Она, послѣ безплодныхъ усилій во имя прошлаго, немощныхъ реакціонныхъ соревнованій съ современнымъ движеніемъ народовъ, оказалась вынужденной присвоить программу мятежнаго священника. Она принялась изслѣдовать культурную почву конца столѣтія, нельзя ли привить къ ней сѣмена либеральнаго и даже демократическаго католичества? Она, въ лицѣ Льва XIII, признающая французскую республику и разрѣшающая соціальные вопросы въ пользу труда — она вѣрный послѣдователь когда-то отвергнутыхъ и гонимыхъ идей. Ламеннэ—истиный родоначальникъ современной римской политики, ищущей себѣ почетнаго и прочнаго мѣста среди новаго демократическаго человѣчества.

Въ болѣе внушительномъ оправданіи не нуждается осужденный сынъ церкви. Не онъ измѣнилъ себѣ, а его судьи. Онъ только, одаренный болѣе острымъ зрѣніемъ и отважнымъ сердцемъ, раньше ихъ уразумѣлъ пути Провидѣнія. Въ этой вѣрѣ заключалось его единственное утѣшеніе въ тягостныя минуты одинокой борьбы и грустнаго раздумья, до самой смерти посѣщавшаго его.

Въ письмахъ къ Монталамберу личность Ламеннэ возстаетъ съ особенной яркостью и цѣльностью. Молодой графъ сынъ его сердца. Старый боецъ не находитъ достаточно нѣжныхъ словъ обратиться къ своему «возлюбленному Карлу», «дорогому, очень дорогому дитяти». Онъ горюетъ въ разлукѣ съ нимъ, неотступно слѣдитъ за его судьбой и даже настроеніями, охраняетъ его отъ очерствляющихъ вліяній свѣта, предостерегаетъ отъ увлеченій воображенія въ ущербъ разуму и вдумчивому знанію, готовъ отправиться съ нимъ въ путешествіе, куда ему угодно, лишь бы исцѣлить его душу.

А болѣзнь заключалась въ постепенно надвигающемся рѣшительномъ разрывѣ Монталамбера съ Ламеннэ. Графъ поспѣшилъ торжественно поклясться въ безусловной покорности папской волѣ, хотя его, свободнаго и свѣтскаго человѣка, ничто не вынуждало на такую торжественность. Ламеннэ сѣтовалъ на неразумную стремительность своего друга, но не охладѣвалъ къ нему. Отношенія прервались, когда Монталамберъ сталъ предлагать своему учителю примирить его съ папой. Ламеннэ, повидимому, даже не отвѣтилъ на это предложеніе, и теперь уже совершенно одинъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ пошелъ своей дорогой.

Она вполнѣ опредѣлилась немедленно послѣ папскихъ энцикликъ. Переписка Ламеннэ—превосходное дополненіе къ его первой «революціонной» книгѣ. Онъ и здѣсь на половину художникъ, на половину философъ и политикъ. Поэтическая струя необыкновенно сильна въ душѣ Ламеннэ и безпрестанно прорывается среди спокойныхъ разсужденій, среди заурядныхъ фактическихъ сообщеній. Иногда его рѣчь поднимается на высоту истиннаго вдохновенія и блещетъ художественной красотой. Недаромъ этотъ суровый идеологъ и воинственный демократъ приходитъ въ ужасъ предъ пониженіемъ художественнаго чувства у французовъ. Оно погибнетъ вмѣстѣ съ послѣдними памятниками, и уже они цвѣтутъ

*

на ея почвѣ, будто цвѣты другого міра. Это значитъ *La France se barbarise*!.. Какая улика противъ Ренана, отвергавшаго уживчивость демократическихъ убѣжденій съ эстетическими способностями и вкусами!

Предъ нами въ лицѣ демократа подлинный поэтъ природы и человѣческой души; нѣкоторыя страницы его писемъ могли бы украсить талантливѣйшую поэму, тѣмъ болѣе художественную, что герой—лицо реальное и со всѣми своими поэтическими грезами ни на минуту не забывающій своего долга предъ ближними. Вотъ примѣры созерцаній, овладѣвавшихъ духомъ Ламеннэ въ его уединеніи. Письмо, изъ послѣднихъ, писано незадолго до разрыва съ Монталамберомъ, когда бремя одиночества съ новой силой налегало на пятидесятитрехлѣтняго философа.

«Я теперь понимаю то, что раньше я понималъ очень смутно: счастья, столь желаннаго и столь рѣдкаго, слѣдуетъ искать только въ Богѣ и въ самомъ себѣ, *oblitus omnium oblivescendus et illis*: забывъ обо всѣхъ и всѣми забытый, исключая только случаевъ, когда долгъ вынуждаетъ насъ помогать и служить нашимъ братьямъ, никогда ничего не ожидая отъ нихъ... Тогда, въ сокровеннѣйшихъ глубинахъ нашей природы совершается какой-то праздникъ любви и, будто потокъ жизни, соединяетъ насъ со всѣмъ, что одарено чувствомъ, и растворяетъ наше существо въ нѣдрахъ творенія. Какая тогда разница между тѣми, кто близко и кто далеко, кто когда-то былъ среди насъ и кого теперь нѣтъ? Развѣ они могутъ быть за предѣлами вселенной? Нигдѣ нѣтъ пустыни, мрачной, молчаливой и темной, всюду все существующее пребываетъ въ великомъ лонѣ любви, все объемлющей, все заключающей въ себѣ, даже если бы кто и противился этому закону. Глухой ропотъ людей, ихъ открытыя или хитроумныя обвиненія, ихъ болѣе или менѣе искреннія поношенія жужжать надъ ухомъ души, будто шумъ невидимыхъ насѣкомыхъ, вечеромъ, надъ водой, подъ спокойнымъ и чистымъ небомъ. И внутри насъ поднимается другой таинственный шепотъ, будто далекій голосъ творца міровъ, зовущій и влекущій къ себѣ черезъ безграничное пространство нашу бѣдную, изнемогающую душу. Она, вѣчно поднимаясь, стремится погрузиться и затеряться въ безконечномъ источникѣ чудесъ, ее окружающихъ, надвигающихся на нее со всѣхъ сторонъ... Я останавливаюсь, мнѣ не достаетъ словъ, дальше—безсильна выразительность языковъ земли».

И немедленно за этимъ блаженнымъ покоемъ новый подъемъ воинствующей мысли, новый гнѣвъ на всѣхъ, кто бѣжитъ съ поля жизненной борьбы, кто плаваетъ въ очарованномъ мірѣ воображенія и не смотритъ прямыми, ясными глазами въ лицо жестокой и уродливой дѣйствительности. Ламеннэ всей силой своего краснорѣчія возстаетъ противъ увлеченія Монталамбера средними вѣками, романтической стариной, яркими и разнообразными красками прошлаго.

Какъ часто слѣдовало бы и намъ вспоминать эти мудрыя рѣчи человѣка, молодымъ вошедшаго въ храмъ великихъ преданій и священной косности, а на старости лѣтъ зовущаго къ молодой жизни и исполненной надеждъ дѣятельности! И зовъ его проникнутъ религіознымъ, христіанскимъ чувствомъ, потому что поклоняться только прошлому и не смѣть пролагать иныхъ путей,

кромѣ завѣщанныхъ отцами, значитъ отчаяваться въ величайшемъ дарѣ Божьемъ—въ человѣческомъ разумѣ и не признавать ни цѣли, ни мудрости въ мірозданіи. Всепоглощающая страсть къ старому принадлежитъ умамъ слабымъ и безплоднымъ; отчаяніе характеризуетъ людей прошлаго, людей смерти.

Міръ смотритъ впередъ, а не назадъ, и напрасно Монталамберъ воображаетъ найти красоту и истину въ среднихъ вѣкахъ. Факты могутъ быть поучительны, но смыслъ эпохи менѣе всего соотвѣтствуетъ нашему времени. Ее надо изучать разсудкомъ, а не воображеніемъ: иначе въ результатѣ получится одна мечта. Графъ увлекается доблестями средневѣкового общества, но въ дѣйствительности это общество, глубоко варварское, во всѣхъ отношеніяхъ, ниже современнаго. Да избавитъ Богъ, чтобы міръ вновь увидѣлъ подобную эпоху!

Графъ, очевидно, поэтъ и лирикъ. Да, могилы имѣютъ свою прелесть, но такой человѣкъ не тамъ полагаетъ свое жилище. Ему нуженъ яркій свѣтъ, движеніе, жизнь, и онъ хорошо сознаетъ, что ему не затѣмъ дана жизнь, чтобы тратить ее на копанье въ пыли мертвецовъ.

Случалось, рѣчь Ламеннэ становилась еще энергичнѣе. Онъ не могъ спокойно смотрѣть на всякаго рода поддѣлки и трусливыя уловки тамъ, гдѣ время ясно ставило свои задачи и требовало честнаго и прямого отвѣта. Печальнѣйшее изъ зрѣлищъ—человѣкъ, истощающій свои силы въ сожалѣніяхъ, когда нужны надежды, когда все кругомъ въ мірѣ мѣняется и обновляется. Если бури, посланныя Богомъ, разорвали всѣ человѣческія знамена, нѣтъ смысла терять время на сшиванье лоскутьевъ.

И философъ не способенъ придти въ отчаяніе и разочарованіе отъ какого бы то ни было факта, судьбы отдѣльнаго человѣка, даже отъ своей собственной неудачи. Если міръ идетъ не тѣми путями, какіе намъ желательны, это не значитъ, будто движеніе не цѣлесообразно и будто въ насъ, въ нашемъ пониманіи только и заключалась вѣрная программа. Монталамберъ не могъ рѣшиться на подобное самоотреченіе. Тогда учитель доказывалъ ему:

«Когда человѣкъ обрекаетъ себя на какое-нибудь дѣло, онъ именно дѣлу отдаетъ себя, а не той непремѣнно точкѣ зрѣнія, съ какой онъ смотритъ на дѣло. Развѣ знали первые христіане, какими путями христіанство поведетъ человѣчество къ цѣли? Если въ настоящее время ясно, что міръ не направляется той дорогой, какую ты ему намѣтилъ, развѣ это основаніе для тебя остановиться и не идти дорогой міра? И развѣ ты могъ бы не идти, если бы и хотѣлъ? Не долженъ ли ты, напротивъ, сказать: мое желаніе было благородно, но я обманулся; Провидѣніе знаетъ больше, чѣмъ я; оно мудрѣе меня, пойдемъ же, куда оно ведетъ. Боже сохрани меня приводить себя самого въ примѣръ, но я шелъ уже по многимъ стезямъ, хотя цѣль моя ни на одно мгновеніе не измѣнялась». Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцехъ благоволеніе».

Да, мы знаемъ,—цѣль Ламеннэ не измѣнялась, и—что еще важнѣе—не измѣнялся духъ, съ какимъ онъ шелъ къ этой цѣли. Разсорившись съ Римомъ, онъ не утратилъ прежняго религіознаго чувства, отчаявшись въ обожаемой католической церкви,

онъ ни шагу не уступилъ людямъ борьбы и самъ пошелъ впереди ихъ; обездоленный въ личной жизни, онъ нашелъ утѣшеніе и счастіе въ думахъ и заботахъ о человѣчествѣ. Онъ говорилъ, что ему жаль людей, никогда не мѣнявшихся, и это чувство въ подобномъ человѣкѣ—высшее выраженіе идеализма и принципіальности.

Когда надъ нимъ загремѣлъ послѣдній громъ римской куріи, когда со всѣхъ сторонъ къ нему направились соболѣзнованія, увѣщанія смириться, страхъ за его будущее, когда онъ увидѣлъ предъ собой сначала рѣдѣющіе, а потомъ и окончательно исчезающіе ряды еще вчерашнихъ учениковъ и благоговѣйныхъ послѣдователей, онъ поднялся во весь ростъ и бросилъ Риму и малодушнымъ друзьямъ вызовъ, оправданный временемъ даже скорѣе, чѣмъ онъ помышлялъ.

Онъ предсказывалъ: противъ Рима поднимется все, что̀ владѣетъ чувствомъ, что̀ одарено жизнью, что̀ принадлежитъ будущему обществу, столь тягостно рождающемуся среди новыхъ народовъ.

Онъ могъ бы предсказать еще больше: этотъ самый Римъ, проклинающій мои рѣчи къ народу, доживетъ до своей Каноссы, и высокимъ обитателемъ этой новой Каноссы будетъ именно народъ.

А что касается настоящаго—прочь подлое униженіе. «Необходимо пострадать—вотъ и все. Необходимо пройти сквозь *Страсти* и явиться ради спасенія народа предъ Пилатомъ, Иродомъ и Каіафой. Всѣ ихъ насилія не помѣшаютъ быть тому, чему надлежитъ быть. Истины они не одолѣютъ».

Это было прощальнымъ словомъ Ламеннэ Риму и его церкви... Будущему предстояло отвѣчать на эту рѣчь безсмертной славой.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Auld Lang Syne*» *by prof. Max Müller* (*Charles Scribner's Sons*). (*Воспоминанія профессора Макса Мюллера*). Трудно представить себѣ, читая эту книгу, что она написана ученымъ, посвятившимъ свою жизнь изученію ведъ и арійцевъ, изслѣдованію разныхъ доисторическихъ документовъ. Воспоминанія проф. Макса Мюллера представляютъ настоящую идиллію, написанную необыкновенно увлекательно: притомъ же почтенный профессоръ такъ много видѣлъ на своемъ вѣку. Изъ оконъ одного дома въ Парижѣ онъ наблюдалъ революцію 1848 года; онъ посѣщалъ стараго Уланда въ Лейпцигѣ, изучилъ персидскій языкъ подъ руководствомъ Рюкерта, видѣлъ молодого Листа въ его роскошномъ венгерскомъ костюмѣ, разговаривалъ съ Гумбольдтомъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, который, между прочимъ, сказалъ, что ему достаточно проспать четыре часа въ сутки, чтобы чувствовать себя способнымъ къ работѣ. Въ Парижѣ Максъ Мюллеръ, въ бытность свою студентомъ, очень нуждался, но съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ времени. Далѣе онъ разсказываетъ о первыхъ шагахъ своей карьеры въ Англіи и объ оксфордскомъ университетѣ, о своихъ научныхъ занятіяхъ и разныхъ выдающихся людяхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ теченіе своей долгой научной дѣятельности.

(The Citizen).

«*Outlines of Sociology*» *by Lester F. Ward. Columbian University Washington.* (*Очерки соціологіи*). Талантливый соціологъ раздѣляетъ свою книгу на двѣ части: первую онъ посвящаетъ соціальной философіи и отдѣляетъ соціологію отъ другихъ наукъ, указывая на ихъ взаимныя отношенія; во второй же части онъ изучаетъ соціальную науку, основывая ее на законахъ и принципахъ, доступныхъ строго научному изслѣдованію. (The Citizen).

«*Studies in Brown Humanity, being Scrawls and Smudges in Sepia, White and Yellow*». *By Hugh Clifford* (*Grant Richards*). (*Очерки коричневаго человѣчества*). Авторъ, очевидно, очень тщательно изучилъ малайцевъ и постарался понять душу этого народа. Въ его разсказахъ сквозитъ симпатическое отношеніе къ «коричневому человѣчеству», съ которымъ онъ знакомитъ читателя въ своихъ короткихъ очеркахъ, изображающихъ жизнь малайцевъ, нравы, обычаи, природу и характеръ населенія. Очерки эти не только интересны, какъ художественные разсказы, но не лишены значенія и съ точки зрѣнія фольклора. Нѣкоторые изъ нихъ написаны въ беллетристической формѣ, но въ основу ихъ, по словамъ автора, положенъ истинный фактъ, а не вымыселъ.

(Literary World).

«*On Blue water*» *by Edmondo de Amicis. Translated by Jacob B. Brown.* (*Putnam's Sons*). (*На голубыхъ водахъ*). Чрезвычайно увлекательно написанное путешествіе изъ Генуи въ Бразилію на эмигрантскомъ кораблѣ. Передъ глазами читателя проходитъ рядъ картинъ южной природы и образы эмигрантовъ, заброшенныхъ судьбой на палубу корабля. Невольное сближеніе и сосредоточеніе на узкомъ пространствѣ людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ и характеровъ порождаетъ цѣлый рядъ психологическихъ явленій и инцидентовъ, носящихъ подчасъ драматическій характеръ.

(Bookseller).

«*Indian Village Folk; Their Works and Ways*». *Beinga Series of Sketches of Life in the Village of India. By T. B. Pandian.* (*Сельское населеніе въ Индіи*) Авторъ—уроженецъ Мадраса и, судя по его описаніямъ, провелъ почти всю свою жизнь среди сельскаго населенія Индіи. Его картины жизни этого населенія не только живо и литературно написаны, но и не лишены юмора. Во всякомъ случаѣ, про его очерки можно сказать, что отъ нихъ вѣетъ свѣжестью, запахомъ полей и луговъ, такъ что ясно, что онъ писалъ ихъ съ натуры. Къ очеркамъ приложено нѣсколько хорошенькихъ рисунковъ съ фотографій. Можно смѣло

рекомендовать эту книгу всѣмъ тѣмъ, кто интересуется жизнью туземнаго населенія Индіи. (Literary World).

«*Introduction aux études historiques*» *par Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos.* (*Введеніе къ изученію исторіи*). Прекрасная, занимательная и полезная книга гг. Ланглуа и Сеньобоса, въ которой излагаются условія и методы изученія исторіи, можетъ послужить руководствомъ не только для тѣхъ, кто готовитъ себя къ профессіи историка, но и для всѣхъ, просто интересующихся исторіей, какъ наукой, хотя бы и не предполагающихъ посвятить себя ея изученію. (Revue de Paris).

«*History of Intellectual Development: on the Lines of modern Evolution*» *by John Beattie Crozier.* (*Longmans, Green and C°*). (*Исторія интеллектуальнаго развитія въ предѣлахъ современной эволюціи*). Авторъ разсматриваетъ интеллектуальное развитіе, какъ одинъ главный факторъ цивилизаціи, обнимающій три великіе отдѣла: религію, науку и философію, и пытается начертить кривую эволюціи этого фактора. Въ первой части своей книги авторъ говоритъ о языческой философіи и изображаетъ эволюцію этой философіи и ея конечный предѣлъ въ христіанствѣ. Чтобы опредѣлить эволюціонное развитіе этой философіи, авторъ прибѣгаетъ къ метафорѣ, изображающей эту философію въ видѣ маленькой барки, плывущей по потоку, берега котораго составляютъ религія и наука. Философы не могли пристать къ берегу, гдѣ господствовалъ политеизмъ, наука также не оказывала имъ поддержки и они, такимъ образомъ, постоянно переходили отъ матеріализма къ идеализму, пока не попали въ царство воли и не пристали въ гавань христіанства. Во второй части авторъ говоритъ объ эволюціи индійской мысли и о вліяніи восточной философіи на интеллектуальное развитіе Европы. Въ этой части особенно интересны главы, анализирующія и критикующія современное теософическое ученіе. Въ третьей части авторъ провсдитъ сравненіе между духомъ христіанства и язычества. Въ послѣднихъ главахъ авторъ говоритъ объ эволюціи христіанства до временъ Юстиніана и посвящаетъ отдѣльный очеркъ исторіи іудейства. (The Citizen).

«*Ancient India, its Language and Religions*» *by M. H. Oldenberg. Chicago* (*Open Court publishing Company*). (*Древняя Индія; ея языкъ и религія*). Небольшая, очень интересно составленная книга, заключающая въ себѣ слѣдующія три главы: о санскритскомъ языкѣ, буддизмѣ и религіи ведъ. Въ главѣ о буддизмѣ авторъ занятъ преимущественно изученіемъ аналогій, существующихъ между буддизмомъ и религіозными доктринами Греціи. Вообще, книга эта, несмотря на сжатость изложенія, заключаетъ въ себѣ очень много свѣдѣній и можетъ возбудить интересъ къ дальнѣйшему изученію вопроса. (Revue Scientifique).

«*Voyage au pays des fjords*» *par Antoin Sallès (Plon et Nourrit) Paris 1898. Pri 4 francs.* (*Путешествіе въ страну фіордовъ*). Интересъ къ сѣвернымъ странам очень увеличился въ послѣднее время, осо бенно съ тѣхъ поръ, какъ сѣверная лите ратура заняла столь выдающееся мѣст среди европейской литературы и оказал на нее такое замѣтное вліяніе. Имѣя именно это въ виду, авторъ и издалъ свою книгу, заключающую въ себѣ чрезвычайно занимательное описаніе живописной страны фіордовъ и ея обитателей. Книга эта въ особенности можетъ служить хорошимъ путеводителемъ для путешественниковъ, впервые отправляющихся въ эту страну. (Revue Scientifique).

«*Le régime Socialiste. Principes de son organisation politique et économique par Georges Renard. Paris* (*Félix Alcan*). (*Соціалистическій режимъ*). Авторъ разбираетъ въ своей книгѣ всѣ принципы, содѣйствовавшіе развитію и распространенію соціализма въ послѣднее время, и затѣмъ, опираясь на эти принципы, рисуетъ образъ будущаго общества, въ которомъ наибольшая индивидуальная свобода будетъ совмѣстима съ наибольшею степенью общаго благосостоянія. Книга написана очень талантливо и проникнута возвышенными идеями и вѣрою въ человѣчество, причемъ автора никакъ нельзя назвать утопистомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а лишь человѣкомъ, имѣющимъ вполнѣ опредѣленные идеалы и вѣрящимъ въ ихъ осуществленіе рано или поздно. (Journal des Débats).

«*Popular Readings in Science*» *by John Gall, professor of Mathematics and Phisics. Price 4 s.* (*Популярныя научныя чтенія*). Очень хорошо и популярно составленныя лекціи изъ области математическихъ и физическихъ наукъ. Въ особенности могутъ быть рекомендованы людямъ, не обладающимъ серьезною научною подготовкою, но желающимъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ знанія. (University Extension Journal).

«*The Story of Forest and Stream*» *by James Rodway, автора книги* «*In the Guiana Forest*». (*Исторія лѣса и потока*). Книга эта входитъ въ составъ полезной библіотеки (The Library of useful stories) и даетъ очень интересное, хотя и вполнѣ научное описаніе происхожденія лѣсовъ и потоковъ. Иллюстраціи сдѣланы очень хорошо. (University Extension Journal).

«*The Evolution of the Idea of God; an Inquiry into the origins of Religions*» *by*

Grant Allen. London (*Grant Richards*). (*Эволюція идеи божества; опытъ изслѣдованія происхожденія религій*). Авторъ посвящаетъ свой довольно обширный трудъ «той незначительной части читающей публики, которая живо интересуется религіозными вопросами». Цѣль его: представить въ общихъ чертахъ эволюцію идеи божества отъ самаго ранняго ея зарожденія въ умѣ первобытнаго человѣка, до тончайшихъ ея проявленій въ абстрактной формѣ современнаго философскаго и теологическаго мышленія. Матеріалъ для своей книги Грэнтъ Алленъ собиралъ болѣе двадцати лѣтъ и писалъ ее болѣе десяти.

(Daily News).

«*William Harvey*» *by d'Arcy Power*. (*Fisher Unwin*). (*Вильямъ Гарвей*). Этотъ новый выпускъ серіи изданій «Masters of Medicine» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересную біографію знаменитаго Гарвея, англійскаго врача, жившаго въ XVI вѣкѣ, съ именемъ котораго связано открытіе кровообращенія, вызвавшее настоящій переворотъ въ медицинской наукѣ. Жизнь Гарвея была полна событіями; эпоха, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, также очень любопытна, въ особенности же интересно описаніе способовъ лѣченія, употреблявшихся въ тѣ времена, и тѣхъ воззрѣній, которыя господствовали тогда въ медицинѣ. (Daily News).

«*The Development of Australian Literature*» *by Henry Gyles Turner and Alexander Sutherland*. (*Longmans and C°*). (*Развитіе австралійской литературы*). Оба автора этой книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстно редактировали и издавали одинъ изъ лучшихъ и важнѣйшихъ австралійскихъ литературныхъ періодическихъ журналовъ—«Melbourne Review», слѣдовательно, имѣли полную возможность ознакомиться съ развитіемъ австралійской литературы. Отказавшись отъ изданія журнала, они предприняли изслѣдованіе австралійской литературы, результатомъ котораго и явился названный трудъ. Первыя главы своего труда они посвящаютъ изученію началъ литературы въ Австраліи. Начала эти выразились главнымъ образомъ въ поэзіи, лучшими представителями которой были Адамъ Линдсей Гордонъ и Генри Кендаль. Но въ современной австралійской литературѣ преобладаетъ романъ, такъ что въ настоящее время Австралія обладаетъ очень богатою беллетристическою литературой. Авторы даютъ въ своемъ обзорѣ характеристику главнѣйшихъ литературныхъ произведеній Австраліи, такъ что читатель можетъ составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о современной австралійской литературѣ.

(Literary World).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

НОВЫЯ КНИГИ:

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть I. Изданіе 3-е, значительно дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“. Спб. Лиговская, 25.

Ив. Ивановъ. „Исторія русской критики“. Части I и II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“. Спб. Лиговская, 25 и въ книжномъ складѣ Н. П. Карбасникова, Спб. Гостиный дворъ, № 19.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

1. М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ.

Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Томъ I.

Историческое развитіе руской фабрики въ XIX в.

Цѣна 3 р. Складъ изданія въ книжн. маг. Н. Карбасникова. Изданіе Л. Пантелѣева.

---

2. Проф. ПАВЛОВЪ.

МОРСКОЕ ДНО.

СЪ 43 РИС. ВЪ ТЕКСТѢ И 2 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНКАМИ.

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Спб., Литейная, 46, и Москва, Моховая, Неелоной.

НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ.

РОМАНЪ А. ЛУНДЕГОРДА.

Переводъ со шведскаго **В. ФИРСОВА.**

Der edle Tannhäuser, ein Ritter gut,
Wollt' Lieb' und Lust gewinnen,
Da zog er in den Wennsberg,
Blieb sieben Jahre drinnen.

H. Heine.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сходка ищущихъ работы была окончена. Изъ полуразвалившагося зданія заброшеннаго загороднаго театра, служившаго мѣстомъ сходки, люди расходились во всѣ стороны. Однимъ изъ послѣднихъ вышелъ Томасъ Галль.

Томасъ Галль былъ не простой рабочій, по профессіи онъ былъ инженеръ. Пробывъ десять лѣтъ въ Америкѣ, онъ отвыкъ отъ шведскихъ порядковъ и сидѣлъ у себя на родинѣ безъ мѣста уже въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Въ послѣдніе дни онъ буквально голодалъ. Это и привело его на сходку ищущихъ работы; онъ смутно надѣялся найти среди людей въ одинаковомъ съ нимъ положеніи если не помощь, то совѣтъ и нравственную поддержку.

И вотъ, неожиданно для себя, ему вдругъ самому захотѣлось сказать нѣсколько словъ ободренія своимъ товарищамъ по несчастію. Онъ потребовалъ слова, взошелъ на каѳедру и сказалъ горячую рѣчь. О чемъ онъ говорилъ, отъ теперь не могъ бы объяснить въ точности. Никакихъ практическихъ совѣтовъ дать онъ, конечно, не могъ. Но онъ былъ самъ голоденъ и глубоко сочувствовалъ собравшимся здѣсь бѣднякамъ. Ему страстно хотѣлось ободрить ихъ, утѣшить,—онъ по себѣ зналъ, что въ данную минуту это такъ же нужно, какъ и кусокъ хлѣба. И онъ заговорилъ обо всемъ, что поддерживало его самого, заговорилъ съ увлеченіемъ... Въ его словахъ звучала глубокая искренность и неподдѣльный энтузіазмъ, постепенно передавшійся слушателямъ. Въ толпѣ поднялось движеніе. Послышались бурныя одобренія. Одни апплодировали, другіе кричали «браво», притоптывая ногами, какъ на ярмарочныхъ представленіяхъ.

Томасъ Галль, довольный сочувствіемъ своихъ слушателей, хотѣлъ еще что-то сказать, какъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, закачался и долженъ былъ ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть съ каѳедры.

Предсѣдатель сходки—извѣстный редакторъ газеты «Работникъ» и глава рабочей партіи въ Стокгольмѣ, Густавъ Кесслеръ, быстро протянулъ къ нему руку, чтобы поддержать его. Но инженеръ Галль уже оправился, пробормоталъ, что ему больше нечего сказать и, пошатываясь, сошелъ съ каѳедры.

О, да, онъ замѣтилъ провожавшіе его сочувственные взгляды. Видно, искренность его передалась всѣмъ, да и могъ ли кто сомнѣваться, что онъ самъ одинъ изъ голодающихъ? Когда онъ зашатался и чуть не упалъ, а потомъ тихо сошелъ съ каѳедры, его пожалѣли, какъ онъ жалѣлъ другихъ, и проводили цѣлымъ громомъ рукоплесканій...

Выйдя на улицу, Томасъ Галль пошелъ неторопливой походкой человѣка, которому безразлично, куда идти. Онъ былъ средняго роста, сухощавый, во всей его фигурѣ было что-то угловатое; движенія были неловки и принужденны. По наружности было бы трудно опредѣлить его званіе; въ выраженіи его лица было нѣчто особенное, свойственное людямъ много мыслящимъ, а пожалуй, и мечтателямъ; но въ то же время въ немъ было что-то рѣзкое, жосткое, совсѣмъ не мирившееся съ представленіемъ о мечтателѣ и свойственное скорѣе людямъ

дѣла и труда. Платье на немъ было сильно поношено и некрасиво сидѣло на его исхудаломъ тѣлѣ. Наконецъ, въ самомъ складѣ его лица было нѣчто сбивчивое: оно было совсѣмъ не скандинавскаго типа, съ блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ кожи, очень черными волосами и темными съ металлическимъ отливомъ глазами. По лицу и по платью его можно бы принять за простолюдина изъ южанъ; и ни на одно мгновеніе нельзя было бы усомниться въ томъ, что это интеллигентный человѣкъ.

Онъ шелъ понуривъ голову. Его энтузіазмъ прошелъ, оставивъ по себѣ только большую усталость. Мысли кружились въ головѣ, какъ усталыя птицы поздней осенью въ ненастный день, когда пищу находить имъ бываетъ уже трудно, а голодъ отъ холода становится особенно томителенъ.

Позади послышались шаги. Томасъ Галль оглянулся и увидѣлъ исполинскую фигуру догонявшаго его редактора Кеслера.

— Намъ по пути? Пойдемте вмѣстѣ,— предложилъ редакторъ.

Галль ничего не отвѣтилъ. Но великанъ уже шелъ рядомъ съ нимъ и поглядывалъ на него съ любопытствомъ.

— Вы согрѣли насъ тамъ своей рѣчью,—началъ онъ, тяжело ступая и постукивая палкой по тротуарнымъ плитамъ. — Ваши чувства были искренни; оттого-то слова ваши и шли прямо къ сердцу, хотя новаго вы вѣдь ничего не сказали. Да... въ искренности мы знаемъ толкъ! На нашихъ сходкахъ постоянно выскакиваютъ разные фразеры; ихъ не оберешься... Слушая васъ, мы точно освѣжились. Скажите, вы уже давно въ Стокгольмѣ?

Все это было сказано грубоватымъ, дѣловымъ тономъ. Кеслеръ всегда такъ говорилъ съ чужими людьми, точно хотѣлъ имъ дать понять, что не намѣренъ любезничать, даже когда приходилось говорить что-либо и лестное.

— Уже два мѣсяца,—вяло отвѣтилъ инженеръ.—Я покинулъ свое мѣсто въ западныхъ штатяхъ полгода тому назадъ.

— Зачѣмъ покинули?

— Мать умирала...

— Она была бѣдна, разумѣется?

— Она жила моимъ заработкомъ. Ей хотѣлось проститься со мною передъ смертью; она не думала, что я буду здѣсь безъ мѣста. Къ счастью, она не дожила до того дня, когда у насъ не стало куска хлѣба.

— У васъ все время не было заработка?

— Почти, что такъ...

— Гдѣ вы жили?

Инженеръ Галль усмѣхнулся.

— Повидимому, вы хотите, чтобы я исповѣдалъ вамъ все мое прошлое?

— По правдѣ сказать—да!—проворчалъ Кеслеръ, и въ его голосѣ послышалось что-то ласковое. — Если вамъ охота разсказать о себѣ — разскажите. Меня это интересуетъ и не изъ пустого любопытства — намъ необходимо знать, кто наши друзья.

Томасъ Галль шелъ нѣкоторое время молча. Онъ соображалъ, слѣдуетъ ли ему довѣриться этому чужому человѣку. Потомъ онъ какъ бы принялъ рѣшеніе и заговорилъ безъ околичностей:

— Мы изъ Готенбурга. Мой отецъ въ молодости служилъ при окружномъ судѣ, считался выдающимся юристомъ и, какъ всѣ ожидали, долженъ былъ сдѣлать блестящую карьеру. Но вдругъ онъ покинулъ судъ и принялъ должность простого лэнсмана въ селѣ. Говорятъ, всѣ называли его поступокъ безумнымъ. Но дѣло было въ томъ, что въ судѣ ему еще долго пришлось бы служить безъ жалованья, а онъ хотѣлъ жениться, и лучшаго мѣста сразу не нашелъ. При томъ онъ намѣренъ былъ жениться на дочери простого мужика, да еще происходившаго, какъ говорили, изъ цыганъ. Вотъ ему и казалось лучше переселиться въ деревню. Я былъ ихъ единственнымъ ребенкомъ...

— О моихъ дѣтскихъ годахъ у меня ничего не осталось въ памяти отраднаго. Бѣдность у насъ въ домѣ была большая... Отецъ пилъ. Онъ пропивалъ все, что у насъ было, и, когда бывалъ пьянъ, билъ и мою мать, и меня. Потомъ, протрезвившись, онъ терзался угрызеніями совѣсти и, бывало, другой разъ тяжелѣе

видѣть его горе, чѣмъ переносить его побои. Въ концѣ концовъ онъ вступилъ въ число «пробужденныхъ» и успокоился на убѣжденіи, что все зло творилъ его руками дьяволъ, а самъ онъ былъ только несчастный страдалецъ. «Не я васъ бью, а сатана. Онъ пользуется моими руками и моей палкой, какъ орудіемъ. А я васъ люблю и жалѣю».— Онъ спился и умеръ въ бѣлой горячкѣ, когда мнѣ пошелъ тринадцатый годъ.

До того времени я почти ничему не учился. Послѣ отца у насъ остались только долги. Но мать была дѣльная женщина, не боявшаяся труда, и кромѣ того намъ выхлопотали маленькое пособіе. Съ этимъ мы перебрались въ городъ. Тамъ я поступилъ въ профессіональную школу, потомъ подготовился и перешелъ въ технологическій институтъ. Мать работала, я давалъ уроки; этимъ мы жили, пока я учился. Но этого намъ не всегда хватало, потому что работы и уроковъ иногда не бывало; и понемногу у насъ образовались долги. Мы ожидали лучшаго времени, когда я окончу курсъ инженеромъ. Но наши ожиданія не оправдались: я получилъ дипломъ, но не нашелъ мѣста и попрежнему долженъ былъ довольствоваться тѣмъ немногимъ, что заработывалъ уроками; а мать къ тому времени выбилась изъ силъ и стала неспособна къ труду. Сдѣлалось такъ тяжело, что я рѣшился перебраться въ Америку. Мы уговорились, что мать переселится ко мнѣ, какъ только я тамъ найду опредѣленный и вѣрный заработокъ.

Ну-съ, объ Америкѣ здѣсь вѣдь очень невѣрныя понятія! Десять лѣтъ пошло у меня на пріисканіе вѣрнаго заработка и на уплату нашихъ долговъ, далеко не большихъ. Я побывалъ и кондукторомъ на конкѣ, и наборщикомъ, и разносчикомъ афишъ, и чернорабочимъ, и кочегаромъ, и, наконецъ, машинистомъ. Впрочемъ, заработокъ былъ не слишкомъ плохъ, а когда я размѣнивалъ для отсылки свои доллары на кроны, выходило даже не мало. И не могу пожаловаться: хватало и на жизнь моей матери, и на меня самого.

— Подъ конецъ стало совсѣмъ хорошо: изъ машинистовъ я перешелъ старшимъ рабочимъ на большую пильню на западѣ, потомъ меня сдѣлали десятникомъ и, наконецъ, управляющимъ всего завода, Я поспѣшилъ написать матери, чтобы она скорѣе ѣхала ко мнѣ. Но было поздно. Она отвѣтила мнѣ, что лучше мнѣ самому побывать на родинѣ, если я хочу застать ее въ живыхъ, потому что дни ея сочтены. Она не скрывала отъ меня, что сильно тосковала всѣ эти годы и что сочла бы себя счастливой повидать меня передъ смертью...

Ну, я попросилъ отпуска, а когда не получилъ его, отказался отъ своего мѣста и выѣхалъ сюда. Три мѣсяца просидѣлъ я у изголовья ея постели; затѣмъ она умерла. Она была единственнымъ существомъ, къ которому я былъ привязанъ, единственнымъ мнѣ близкимъ человѣкомъ... Разумѣется мнѣ было тяжело лишиться ея... Гм!.. Однако, не буду надоѣдать вамъ разсужденіями о своихъ чувствахъ. Скажу только, что горе отозвалось на мнѣ плохо. Я былъ почти въ отчаяніи и чуть не сошелъ съ ума. Я потерялъ даже вѣру. Съ молоду я вѣдь былъ очень религіозенъ, какъ вся наша семья. Но теперь, когда въ своемъ горѣ я по привычкѣ обращалъ взоръ въ небу, оно оказывалось для меня пусто. Моего бога тамъ уже не было. Сердце отказывалось допустить Бога, потому что пришлось бы представить Его себѣ жестокимъ. За что я страдалъ съ самаго рожденія? За что моя мать умерла, не познавъ въ жизни ни одной радости? Душа возмущалась. Я проклиналъ теперь все, чему прежде поклонялся, и ненавидѣлъ то, что когда-то любилъ. Я перешелъ сразу изъ одной крайности въ другую: выходило вѣдь, точно меня обманули!.. Ну, разумѣется жизнь отъ этого стала еще мрачнѣе. Куда я ни глядѣлъ, всюду вокругъ себя я видѣлъ только напрасное зло, напрасныя мученія... И я полюбилъ несчастныхъ людей всею силою того чувства, которое я отдавалъ прежде Творцу. Такъ, приблизительно, обстояло тогда въ моей душѣ, да и потомъ не все измѣнилось...

Онъ умолкъ. Его лобъ пылалъ, а щеки

оставались блѣдными. Въ глазахъ сверкали недобрые огоньки.

Кеслеръ посмотрѣлъ на него почти добродушно.

— Не тревожьтесь, вы не утратили своихъ вѣрованій,—сказалъ онъ.—Ваше возмущеніе противъ Бога доказываетъ, что вы еще вѣрите. Вѣдь нельзя ненавидѣть то, чего нѣмъ... Однако, объясните, почему вы не вернулись въ Америку?

— Не стоило!—возразилъ Галль, опять впадая въ тонъ апатіи.—Вѣдь меня тамъ тотчасъ же замѣнили другимъ инженеромъ. Въ Америкѣ, какъ и вездѣ, на каждое свободное мѣсто является цѣлая толпа желающихъ занять его. Замѣнить меня было нетрудно... Ну, а начинать все съизнова и силъ не было, да и не стоило. Когда остаешься одинъ и надо заботиться только о себѣ, жизнь получаетъ вѣдь совсѣмъ иную цѣну, чѣмъ когда сознаешь, что существованіе любимой матери зависитъ отъ того, уцѣлѣешь или погибнешь въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Я жилъ и работалъ для этой бѣдной крестьянки, которая родила меня на свѣтъ и отдала мнѣ весь жаръ своей безъискусственной, честной души. Потомъ, когда я уложилъ ея, сломленное тяжелой жизнью, тѣло въ черный досчатый гробъ и когда закопали этотъ гробъ въ землю, стало казаться, что мнѣ уже ничего не осталось дѣлать на этомъ свѣтѣ. О работѣ я даже сразу не вспомнилъ. Трудъ, какъ и пища, потеряли для меня всякій вкусъ. Но время шло, сбереженія были окончательно прожиты и когда мнѣ сталъ грозить голодъ, я невольно встрепенулся. Я перебрался сюда въ поискахъ какой-нибудь работы. Мнѣ казалось, что человѣкъ съ нѣкоторыми познаніями и съ порядочной опытностью въ разнаго рода трудѣ не могъ же остаться совсѣмъ безъ заработка; по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ этого не бывало. Я вѣдь согласенъ былъ на что придется: хоть въ чернорабочіе, хоть улицы мести. Оказалось однако, что даже такой трудъ здѣсь достается не всякому. Все переполнено, все осаждается голодающими... Да... Два мѣсяца я здѣсь брожу въ поискахъ работы; объ этомъ мнѣ каждый день напоминаетъ моя квартирная хозяйка, давно уже переставшая меня кормить... И ничего нѣтъ...

Онъ замолчалъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что въ своей откровенности онъ зашелъ слишкомъ далеко и что его послѣднія слова этотъ чужой человѣкъ можетъ истолковать по своему. Чего добраго, еще приметъ всю исповѣдь за, прикрытую разными измышленіями, просьбу о подаяніи!

При этой мысли онъ сильно покраснѣлъ и насупился. А Густавъ Кеслеръ шелъ возлѣ него молча и не смотрѣлъ на него... Это молчаніе окончательно разстроило Галля. Онъ почувствовалъ настоятельную необходимость немедленно прервать это тягостное молчаніе и такъ, чтобы тотъ понялъ, что передъ нимъ не нищій. Онъ напрягъ всѣ свои способности, стараясь найти что-нибудь шутливое и веселое или насмѣшливое. Но онъ ничего не находилъ и это бѣсило его. Однако, что-нибудь надо было сказать—лучше глупость, чѣмъ-ничего. И онъ проговорилъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Банальнѣйшая исторія—не правда ли? Въ сущности вѣдь даже глупая до смѣшного! Да, да,— жизнь траги-комедія...

Кеслеръ попрежнему шелъ задумчивый и серьезный. На послѣднюю выходку инженера онъ даже не обратилъ вниманія. Онъ видимо обдумывалъ что-то, и Томасъ Галль попытался угадать его мысли.

«Навѣрное, онъ теперь соображаетъ: дать или нѣтъ, какую-нибудь крону этому бѣдняку?—думалъ онъ.—Навѣрное, онъ вообразилъ тамъ въ залѣ, что у меня закружилась голова отъ голода, и теперь, послѣ моихъ признаній, сочтетъ себя вправѣ подать мнѣ сколько можетъ на хлѣбъ»...

Брови его сдвинулись. Все лицо приняло суровое выраженіе недоступности.

Редакторъ еще разъ покосился на него и заговорилъ сухо, дѣловымъ тономъ:

— Стало быть, вы хорошо ознакомлены съ положеніемъ и жизнью рабочихъ въ Америкѣ? Сами вѣдь прошли черезъ

всѣ ступени? Намъ было бы не только любопытно, но и полезно узнать разныя подробности... Гдѣ вы живете?

— На южной сторонѣ, въ дешевыхъ квартирахъ.—Онъ назвалъ улицу и нумеръ дома.

— Не возьметесь ли написать для насъ нѣсколько статей о положеніи рабочихъ за океаномъ? У насъ не хватаетъ средствъ платить такіе гонорары, какъ въ большихъ газетахъ, но то, что можемъ, мы платимъ исправно...

Эта выдумка показалась Галлю даже забавной. Ясно вѣдь было, что вся затѣя была только предлогомъ, чтобы сунуть ему нѣсколько кронъ какъ бы въ счетъ гонорара! Но это не удастся!.. И онъ отвѣтилъ съ злорадствомъ:

— Я въ жизни не писалъ для печати ни строчки. Это искусство мнѣ незнакомо.

— Вздоръ!—заворчалъ Опасный, таково было уличное прозвище Густава Кеслера.—Вѣдь писали же вы на своемъ вѣку письма? Напримѣръ, къ матери?

— Разумѣется, но...

— Такъ о чемъ же вы тревожитесь? Вообразите, что вы описываете своей матери все, что тамъ случилось съ вами и что вы наблюдали. Бо́льшаго и не требуется... Наконецъ, кое въ чемъ и мы поможемъ—на то мы сидимъ въ редакціи. Неужели вы воображаете, что нужны таланты для работы въ нашихъ газетахъ? Во всей толпѣ газетныхъ сотрудниковъ столицы не найдется и десяти талантливыхъ писателей. А какъ публицисты ничего себѣ... годятся. Приходите завтра ко мнѣ въ редакцію и принесите первую статью, т.-е. письмо. Вотъ вамъ моя карточка съ адресомъ. А теперь до свиданія.

Томасъ Галль не успѣлъ даже отвѣтить. Онъ машинально пожалъ протянутую ему огромную руку, принялъ карточку и черезъ минуту стоялъ уже одинъ на углу улицы, по которой удалялся Кеслеръ.

II.

Онъ постоялъ нѣкоторое время въ раздумьи, разсѣянно оглядѣлся по сторонамъ, замѣтилъ вскользь, что попалъ въ совершенно незнакомую ему часть города, но остался къ этому равнодушенъ и побрелъ прямо впередъ наудачу. Ему пришлось идти какими-то узкими темными улицами съ огромными домами по обѣимъ сторонамъ. Потомъ онъ неожиданно вышелъ на широкій бульваръ съ блестящими магазинами, съ толпою пѣшеходовъ на тротуарахъ, съ множествомъ снующихъ взадъ и впередъ экипажей. Онъ шелъ въ толпѣ также равнодушно, какъ и пустынными улицами и очутился, наконецъ, на какой то большой площади, гдѣ опять было тихо и безлюдно.

Начинало смеркаться; становилось холодно. Галль невольно ежился въ своемъ легкомъ пальто, когда налетали порывы вѣтра. Вокругъ вспыхивали огоньки: то зажигали уличные фонари... Стало быть, и этотъ день конченъ, а впереди опять ночь... Ночь и зима! Теперь, небось, и медвѣдь въ лѣсу позаботился уже о своей берлогѣ на зиму; поди, залегъ уже, и спитъ, и будетъ ему тепло... чѣмъ больше снѣга, тѣмъ теплѣе...

Томасъ Галль чувствовалъ мучительные приступы голода и дрожалъ отъ холода. Онъ соображалъ, что медвѣдь счастливѣе его. Хорошо ему залечь на цѣлую зиму и нѣжиться въ своей теплой шубѣ, и беззаботно спать, въ спокойной увѣренности, что когда онъ проснется, будетъ уже весна. Этакъ бы проспать хоть въ могилѣ до лучшихъ временъ, до весны трудящагося человѣчества!..

Онъ уже миновалъ площадь и шелъ по набережной. Мысли попрежнему бродили въ его головѣ быстро и безпорядочно. По временамъ онъ точно забывался.

Вотъ онъ на какомъ-то красивомъ мосту... Стоитъ прислонясь къ периламъ и опершись рукою на вызолоченную корону... Онъ стоитъ и разсѣянно поглядываетъ черезъ перила въ воду...

Столица забавлялась игрою въ лѣто. Былъ воскресный день, и не смотря на холодъ, на островкѣ прямо противъ дворца было гулянье—послѣднее гулянье въ этомъ году. Флаги и пестрыя украшенія скрашивали опустошенія поздней осени. Вдоль набережныхъ, среди порѣдѣвшей и

побурѣвшей листвы деревьевъ мелькали огни разноцвѣтныхъ фонариковъ; изъ такихъ же фонариковъ, увѣшенныхъ рядами, вырисовывался какъ бы остовъ фантастическаго храма веселья, въ которомъ гремѣла духовая музыка; веселье, праздничные звуки гулко неслись по водѣ, заманивая гуляющихъ.

Инженеръ Галль стоялъ и мрачно поглядывалъ на островокъ. Отъ голода въ немъ точно горѣли всѣ внутренности, а кожу коробило отъ холода. Злой насмѣшкой надъ нимъ казались ему веселые звуки музыки, и вся эта толпа, и храмъ веселья изъ разноцвѣтныхъ огней. И, какъ это часто бывало съ нимъ въ минуты сильнаго волненія, ему стало казаться, что онъ слышитъ гдѣ-то внутри себя чудную, строгую музыку, чистые звуки которой то и дѣло покрывались шумомъ съ островка.

«Ну и пусть будетъ такъ! Пусть веселятся тѣ, которымъ надо придумывать всякія ухищренія, чтобы примѣнить свои избытки»...

Онъ видѣлъ передъ собою посинѣлыя лица своихъ слушателей на сходкѣ. Ему были дороги эти люди во всей ихъ забитости, во всемъ ихъ униженіи среди пороковъ и всякихъ преступленій—этихъ естественныхъ плодовъ нищеты. Ему хотѣлось всѣхъ ихъ прижать къ груди, плакать нам ними, утѣшать ихъ, какъ мать утѣшаетъ ребенка, влить въ ихъ сердца довѣріе къ себѣ, смѣлость и гордость. Страстное чувство поднялось въ немъ и такъ сдавило ему сердце, что опять, какъ тамъ въ залѣ, у него закружилась голова, что-то красное застлало глаза, и онъ зашатался, чувствуя, точно мостъ раздвигался подъ нимъ. Онъ судорожно ухватился за перила, припалъ къ нимъ всѣмъ ослабѣвшимъ тѣломъ и опершись подгибавшимися колѣнями на гранитное основаніе перилъ. Черезъ минуту припадокъ миновалъ: онъ успокоился, силы возвращались.

Теперь одна мысль оставалась въ его усталомъ мозгу: «Разумнѣе всего идти домой! Разумнѣе всего идти домой!» повторялъ онъ себѣ. Онъ осторожно всталъ на ноги. Ничего, идти еще можно было... И, шатаясь, онъ побрелъ черезъ мостъ обратно.

Опять онъ шелъ по безконечнымъ набережнымъ. Подъ нимъ въ водѣ колебались отраженные огни. На водѣ было большое движеніе. То и дѣло скользили по волнамъ темные предметы, должно быть, лодки, послѣ которыхъ нѣкоторое время оставался на водѣ широкій свѣтлый слѣдъ.

Но все это движеніе не оживляло залива, потому что тьма была сильнѣе всѣхъ этихъ скользившихъ въ ней огоньковъ, и тьма придавала водѣ что то пустынное. Такъ вѣдь и во всей вселенной: тьма—основной тонъ; пустынность и смерть—основной принципъ. Что значили отдѣльныя искорки свѣта во всей этой громадѣ мрака? Что значила ничтожная жизнь, кое-гдѣ на поверхностяхъ небесныхъ тѣлъ, въ сравненіи со всей этой громадой пустыни? Да и въ самой жизни радости развѣ не были жалкими искорками, безсильными протестами свѣта противъ печальнаго мрака, какъ основы?..

Глубже и глубже забиралось его воображеніе въ это размышленіе о мракѣ, и мракъ скоро проникъ въ самыя его мысли. Онъ уже ничего не могъ сообразить и шелъ, не разбирая улицъ, не зная, гдѣ идетъ, повинуясь какому-то чисто животному инстинкту. Такъ онъ дошелъ до своего дома, пробрался въ свою комнату и очнулся уже раздѣтый въ своей постели. Это его удивило: но страшная усталость тотчасъ же придавила его и онъ уснулъ.

III.

Когда онъ проснулся, было свѣтло. Сонъ подкрѣпилъ и успокоилъ его; настроеніе было далеко не такое, какъ наканунѣ. Какъ вчера его подавлялъ мракъ, такъ теперь его точно оживлялъ и успокоивалъ яркій свѣтъ. Ему было пріятно слышать громкое чириканье воробьевъ, возившихся за его окномъ на какой-то крышѣ. Онъ чувствовалъ себя хорошо и пока лежалъ безъ движенія, голодъ вовсе не давалъ знать о себѣ.

Довольно долго пролежалъ онъ, раздумывая объ отвлеченныхъ предметахъ съ безпечностью человѣка, которому не о

чемъ тревожиться. Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ предложеніе Кеслера и совершенно спокойно задалъ себѣ вопросъ: не можетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ написать для «Работника» нѣсколько очерковъ всего, что онъ видѣлъ въ Америкѣ и самъ пережилъ въ суровой борьбѣ за существованіе?

Онъ началъ обдумывать свой «матеріалъ», привелъ въ порядокъ главнѣйшія воспоминанія и сдѣлалъ имъ въ умѣ общій обзоръ. Выходило, что ему дѣйствительно было что разсказать, и что дѣло оказывалось не особенно замысловатымъ... Онъ взялъ свою записную книжку, вооружился карандашемъ и началъ писать-лежа въ постели. Онъ послѣдовалъ совѣту Кеслера и совсѣмъ серьезно писалъ длинное, обстоятельное письмо къ своей покойной матери.

Когда оно было окончено, онъ всталъ и выглянулъ изъ окна: на башенныхъ часахъ пробило уже половину второго... При первыхъ же движеніяхъ онъ ощутилъ такую слабость, что голова закружилась, колѣни задрожали и все тѣло показалось ему ужасной тяжестью. Но онъ превозмогъ нездоровые, одѣлся, тщательно вычистилъ свое платье и даже досталъ изъ шкафа нѣсколько поношенный, но еще годный къ употребленію цилиндръ, который уцѣлѣлъ благодаря тому, что въ ссудной кассѣ отказались принять такую поношенную шляпу. Затѣмъ онъ вырвалъ изъ записной книжки исписанные листки, положилъ ихъ въ боковой карманъ и медленной поступью, чтобы опять не вызвать головокруженій, пошелъ въ редакцію «Работника».

Черезъ полчаса онъ стоялъ въ передней редакціи и обдумывалъ, не лучше-ли уйти, не срамясь понапрасну. Его сердце усиленно стучало. Сколько жизнь ни трепала его, онъ не могъ отдѣлаться отъ застѣнчивости, постоянно парализовавшей его дѣятельность; а тутъ ему казалось почти наглостью предлагать въ качествѣ «статьи» жалкій опытъ, который онъ только что окончилъ...

Нѣсколько разъ онъ протягивалъ руку къ дверной скобкѣ, и снова опускалъ ее. Но вотъ позади него послышались шаги... Это разрѣшило его сомнѣнія. Онъ постучалъ въ дверь и вошелъ.

Въ довольно просторной, но темноватой и плохо обставленной комнатѣ какіе-то два господина сидѣли у большого стола. Оба курили. Одинъ съ напряженіемъ смотрѣлъ на полоску бумаги, на которой чернѣли строчки начатой работы и что-то обдумывалъ; другой просматривалъ газеты, не выпуская изъ рукъ большихъ ножницъ. Какая-то блѣдная молодая женщина сидѣла за отдѣльнымъ столикомъ и вписывала что-то въ конторскую книгу.

— Нельзя ли видѣть редактора Кеслера? — спросилъ инженеръ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности.

Размышлявшій господинъ приподнялъ голову и молча указалъ перомъ дверь прямо противъ окна. Томасъ Галль направился къ этой двери и постучалъ; ворчливый голосъ Кеслера, пригласилъ его войти.

Густавъ Кеслеръ, занятый какою-то работой поднялъ голову. Сегодня онъ былъ еще болѣе всклокоченъ, чѣмъ вчера, на сходкѣ. Его огромная фигура у маленькаго письменнаго стола самой дешевой работы, покачивавшагося на жидкихъ ножкахъ, казалась еще больше. Какъ этотъ столъ не разваливался подъ его локтями? Лицо его было багроваго цвѣта, а брови гнѣвно сдвинуты. Видно было, что его что то волновало...

Онъ сейчасъ же узналъ вошедшаго и кивнулъ ему головой.

— Присядьте, пожалуйста!—сказалъ онъ отрывисто.—Я только допишу нѣсколько строкъ.

Онъ опять склонился надъ своимъ хрупкимъ столикомъ, перо его быстро заходило по бумагѣ, на которую онъ сурово поглядывалъ, точно видѣлъ передъ собою противниковъ, которыхъ громилъ.

Томасъ Галль сѣлъ. Довольно долго въ комнатѣ слышался только легкій скрипъ пера редактора, да изъ другой комнаты доносилось позвякиванье ножницъ сотрудника.

Но вотъ Кеслеръ окончилъ свою статью. Онъ расправилъ спину, собралъ со стола разбросанныя полоски бумаги, задумчиво прошелся по комнатѣ, потомъ пріотво-

рилъ дверь и сунулъ исписанныя полоски подошедшему сотруднику.

Когда онъ вернулся и снова опустился въ кресло, на лицѣ его уже не осталось и тѣни суроваго выраженія. Онъ даже улыбнулся.

— Ну-съ, написали вы что-нибудь для насъ?—спросилъ онъ инженера.

Галль подалъ свои листки изъ записной книжки.

— Я сдѣлалъ, какъ вы совѣтовали, но самъ знаю, что это никуда не годится.

— А вотъ сейчасъ посмотримъ.

Онъ плотнѣе усѣлся въ креслѣ и началъ читать. Томасъ Галль не спускалъ глазъ съ его лица, стараясь подмѣтить выраженіе и приготовиться къ приговору, котораго ждалъ. Но всклокоченная голова великана покачивалась, точно въ тактъ чтенію, отнюдь не грозно; въ лицѣ было что то, позволявшее даже надѣяться на самое лучшее...

Наконецъ онъ дочиталъ. Снова вооружившись перомъ, онъ разложилъ листки на столѣ и сталъ исправлять статью чиркая, надписывая что-то между строкъ, но безъ всякаго напряженія, почти машинально...

— Ну-съ, что вамъ сказать? — началъ онъ, не отрываясь отъ своей работы.—Вышло очень интересно. Сейчасъ видно, что не наврано, а правдивый разсказъ человѣка, все это пережившаго. Совсѣмъ другая, совсѣмъ другая цѣна правдивымъ словамъ въ глазахъ читателей... А то эти витіеватыя разглагольствованія спеціальныхъ корреспондентовъ, которые ни минуты не забываютъ, что получаютъ по десяти эре за строчку и... и нанизываютъ фразу на фразу, какъ бусы... При томъ врутъ безбожно, иногда просто для красоты слога... Да... Эта статья написана плохо, очень плохо, но намъ годится. Намъ нужны факты, правда, а не... а не красивыя фразы. Наши читатели въ грошъ не ставятъ красивыя фразы... Ну-съ, вотъ и все!

Онъ кончилъ править и положилъ перо.

— Это пойдетъ въ завтрашнемъ же нумерѣ. Выйдетъ...

Развернувъ передъ собою листки, точно карты, онъ окинулъ ихъ опытнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Выйдетъ строкъ двѣсти, я полагаю. Десять кронъ вы можете получить сейчасъ же. Потрудитесь написать квитанцію.

Томасъ Галль послушно написалъ на положенномъ передъ нимъ лоскуткѣ бумаги то, что ему продиктовали. Редакторъ сдѣлалъ на квитанціи разрѣшительную надпись.

— Деньги вы получите въ той комнатѣ, у барышни. Зайдите ко мнѣ сегодня вечеркомъ—на мою квартиру; мы уговоримся о вашихъ дальнѣйшихъ статьяхъ. А теперь до свиданія!

Инженеръ поклонился и вышелъ. Онъ подалъ квитанцію блѣдной барышнѣ и получилъ отъ нея кредитный билетъ въ десять кронъ. Затѣмъ онъ медленно вышелъ изъ редакціи и остановился на тротуарѣ.

Неужели это все на яву? Неужели правда, что онъ заработалъ цѣлыхъ десять кронъ, написавъ статью, которая завтра появится въ газетѣ?

Но вдругъ онъ почувствовалъ хорошо знакомую жгучую боль, которою возвѣщали о себѣ приступы голода. На этотъ разъ онъ не испугался. Онъ взглянулъ на деньги, которыя все еще были у него въ рукѣ, засмѣялся и быстро направился въ ближайшую кухмистерскую.

IV.

— Ну, мой медвѣдь!—весело привѣтствовала Сигна Кеслеръ своего мужа.— Много ли ты сдѣлалъ сегодня для человѣчества?

Она стояла на ларѣ въ передней и шаловливо покачивалась на этой высотѣ на своихъ маленькихъ, совсѣмъ дѣтскихъ ножкахъ. Такъ она иногда встрѣчала своего великана мужа, которому доходила ростомъ едва до груди. «Мнѣ надоѣло всегда смотрѣть на тебя снизу, мой медвѣдь! — говорила она ему.— Отсюда я могу гордо смотрѣть на тебя сверху внизъ».

Понятно, это была только шутка. Въ ея глазахъ онъ былъ такой же ве-

ликанъ душой, какъ и тѣломъ. Когда она полюбила его, ее больше всего плѣнило въ немъ, что при необыкновенной физической и нравственной силѣ, онъ былъ во многихъ отношеніяхъ безпомощенъ, какъ дитя. Человѣкъ науки и грозный общественный дѣятель, въ своей частной жизни это былъ добрякъ, мягкій, сердечный и совсѣмъ несостоятельный въ житейскихъ дѣлахъ. Зато его жена, какъ ни мала она была ростомъ, прекрасно дополняла его во всемъ, чего ему недоставало. Это была славная, умная женщина, умѣвшая постоять за свое счастье, не забывая и другихъ, и всегда практичная въ повседневной жизни. Ея мужъ, этотъ «опасный» демагогъ въ глазахъ постороннихъ людей, ютился у сердца своей маленькой жены, какъ нѣжно опекаемое дитя.

Она была дочь богатаго заводчика изъ сѣверной провинціи. Пріѣхавъ слушать лекціи въ университетѣ, она познакомилась съ приватъ-доцентомъ Кеслеромъ, читавшимъ спеціальный курсъ о народнемъ хозяйствѣ, въ его аудиторіи. Уже тогда становилось очевиднымъ, что съ его идеями ему придется скоро промѣнять каѳедру на роль вожака крайней народной партіи. Но это не испугало ее; наоборотъ, это согласовалось съ ея собственными убѣжденіями и только содѣйствовало влеченію, которое она почувствовала къ нему. Далѣе все пошло обычнымъ порядкомъ: ея отецъ и слышать не хотѣлъ о «демагогѣ»; но она была совершеннолѣтняя, самостоятельно располагала небольшимъ состояніемъ, полученнымъ отъ матери, и считала себя вправѣ устраивать свою судьбу по своему. И она вышла замужъ за Густава Кеслера, вопреки угрозамъ отца отречься отъ нея.

Они поселились въ столицѣ. Тамъ на средства жены Кеслеръ основалъ свою газету. Теперь эта газета была главнымъ органомъ рабочей партіи и считалась очень вліятельной; но въ матеріальномъ отношеніи она, вслѣдствіе крайне низкой подписной цѣны, попрежнему поддерживалась только благодаря затратамъ Кеслера.

У домашняго очага этого бурнаго дѣятеля царили миръ и тихое счастье. Сигна была ему не только женой, но и добрымъ товарищемъ, всегда способнымъ понять его и сочувствовать его стремленіямъ. Онъ имѣлъ большія познанія и трезвый умъ; но ему недоставало воображенія. Онъ, такъ сказать, былъ слишкомъ тяжелъ, чтобъ приподняться надъ цифрами и фактами для необходимыхъ обобщеній. Тутъ-то на помощь ему и являлась жена. Она успѣла, въ значительной степени благодаря ему, достичь недюжинныхъ познаній; но при этомъ она обладала еще смѣлымъ воображеніемъ, которое помогало ей схватывать совокупность явленій, какъ бы съ птичьяго полета. Притомъ съ женской потребностью скрашивать всякое дѣло чувствомъ, она съумѣла построить изъ экономическихъ идей мужа цѣлое, какъ бы религіозное, ученіе, которое являлось настоящей находкой для вліянія на людей, неспособныхъ увлекаться одними разсужденіями ума. Всѣмъ этимъ она дѣлилась съ мужемъ сильно помогая ему въ его дѣятельности.

Въ ней онъ находилъ еще и трезваго и всегда доброжелательнаго критика своихъ поступковъ. Она бывала иногда очень строга въ своихъ сужденіяхъ; но такъ какъ онъ зналъ ея безграничную привязанность къ себѣ, то всегда внимательно прислушивался къ ея отзывамъ, и почти всегда находилъ, что она бывала права. Поэтому онъ привыкъ полагаться на ея мнѣнія, и во всемъ совѣтовался съ нею. Избалованная его довѣрчивостью, она даже усвоила привычку выслушивать его разсужденія съ выраженіемъ нѣкотораго превосходства надъ нимъ, иногда даже ироніи. Но это не оскорбляло его самолюбія—онъ хорошо зналъ, что имѣетъ въ ней восторженную поклонницу, не смотря на всѣ ея шутки.

Кто-то выразился однажды, что если общественный дѣятель непопуляренъ, несмотря на то, что его полезная дѣятельность никѣмъ не оспаривается, очень часто въ этомъ виновата его семья. Во всякомъ случаѣ, Густавъ Кеслеръ былъ увѣренъ, что своей популярностью онъ больше всего обязанъ женѣ, потому что только благодаря ей, онъ находилъ въ

своихъ рѣчахъ и статьяхъ оттѣнки, трогавшіе сердца. Иначе онъ былъ бы слишкомъ далекъ отъ толпы и оставался бы непонятъ. А теперь всѣ его понимали, всѣ отдавали справедливость его уму, и даже противники отзывались о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ.

— Ну-съ, такъ что ты сдѣлалъ сегодня хорошаго, мой медвѣдь?—повторила она свой вопросъ.

— Написалъ не слишкомъ холодную статью о причинахъ безработицы,—отвѣтилъ онъ, приближаясь къ ней.

— Надѣюсь, мы не зарвались въ этой статьѣ.

Онъ засмѣялся.

— Это ты увидишь, когда принесутъ корректуры.

— Посмотримъ, а что еще у васъ было сегодня?

— Меня навѣстилъ въ редакціи инженеръ Галль.

— Ну, и что же?

— Онъ написалъ для насъ статейку, которую я тебѣ потомъ покажу. Статейка далеко не глупая... Кстати, я просилъ его зайти сюда вечеркомъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что ты о немъ скажешь.

— Ты хочешь сдѣлать изъ него постояннаго сотрудника?

— Да. Я подозрѣваю, что онъ жестоко голодаетъ...

— Ахъ ты, мой медвѣдь!..

Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги и тотчасъ же въ гостиную вбѣжала семилѣтняя дѣвочка съ вьющимися бѣлокурыми волосами и красивыми сѣрыми глазами. Она поцѣловала мать, а затѣмъ бросилась къ отцу. Черезъ минуту она очутилась у него на рукахъ, но, не удовольствовавшись этимъ, вскарабкалась къ нему на плечо. Тамъ она усѣлась поудобнѣе, ухватилась рукою за его голову и стала барабанить ножками по его груди.

Это доставляло ему величайшее удовольствіе. Онъ счастливо улыбался и влюбленными глазами косился на нее сверху внизъ.

— Папочка, вѣдь обѣдъ поданъ!—вспомнила она вдругъ, зачѣмъ ее прислали.

— Поданъ, Тони? Такъ поѣдемъ къ столу.

Онъ шутливо подалъ женѣ руку, а Тони осталась на плечѣ, и такимъ образомъ семья направилась въ столовую.

Послѣ обѣда Кеслеръ ушелъ работать въ свой кабинетъ. Это была маленькая комнатка, стѣны которой были сплошь заставлены полками съ книгами и въ которой царилъ пуританскій вкусъ самого хозяина. Мебель состояла только изъ письменнаго стола и трехъ простыхъ стульевъ. Въ этой обстановкѣ онъ чувствовалъ себя непринужденнѣе, хотя не препятствовалъ женѣ обставить прочія комнаты квартиры удобнѣе и изящнѣе.

Вечеромъ пришелъ Томасъ Галль.

— Я рада съ вами познакомиться,— сказала ему Сигна.—Въ сущности, я уже знаю васъ по разсказамъ моего отца.

Онъ раскланялся довольно неловко, покраснѣлъ и еще болѣе смутился.

— Много-ли это!—пролепеталъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы возбудить мое любопытство.

— Такое ужъ мое несчастіе, сударыня.

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что когда человѣкъ возбуждаетъ любопытство, отъ него ждутъ хоть чего-нибудь особеннаго. Потомъ обыкновенно получается полное разочарованіе... Большая часть людей интересны только издали; а что касается меня...

— Объ этомъ разрѣшите мнѣ составить мое собственное мнѣніе,—остановила она его, смѣясь.—Пока я во всякомъ случаѣ буду считать это знакомство интереснымъ! Во-первыхъ, вчера, какъ говорятъ, вы съумѣли своей рѣчью поднять духъ цѣлой толпы голодныхъ людей. Какъ хотите, а вѣдь это уже нѣчто на общественномъ поприщѣ. Во-вторыхъ, завтра появится ваша первая статья въ «Работникѣ»... Вѣдь все это интересно, тѣмъ болѣе, что—почемъ мы знаемъ?—вы, можетъ быть, въ концѣ-концовъ для насъ будете сильнымъ союзникомъ.

Она говорила дружески, точно со старымъ знакомымъ, и это тотчасъ же ободрило его. Кеслеръ замѣшкался въ ка-

бинетѣ со своими бумагами; но инженеръ уже не чувствовалъ своей обычной застѣнчивости и отлично справлялся одинъ.

— Вы, конечно, шутите,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Моя роль всегда останется самой незначительной.

— Кто знаетъ? Многіе изъ тѣхъ, которые теперь считаются могущественными дѣятелями, начали скромнѣе васъ. Умѣнье вліять на народныя массы—это вѣдь сила! И должно быть что-то опьяняющее и въ то же время возвышающее въ сознаніи способности вызывать чувства въ цѣлой толпѣ. Но, говорятъ, популярность, какъ морфинъ: испытавшій ее, уже не можетъ обходиться безъ нея, и также какъ морфинъ, она сначала воодушевляетъ, но затѣмъ разслабляетъ человѣка, ибо дѣйствуетъ на его тщеславіе. Припомните, каковы всѣ старые актеры, старыя кокетки, старыя знаменитости вообще, пережившія свою славу! Надѣюсь, что вамъ успѣхъ не сослужитъ такой службы?

— Во всякомъ случаѣ, опасность не близка!—возразилъ онъ, улыбаясь, и довѣрчиво посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

Въ разговоръ вмѣшался вошедшій тѣмъ временемъ Кеслеръ, и его густой басъ раздался въ воздухѣ точно звуки литавровъ.

— Я думаю, ваша статья возьметъ за живое здѣшнихъ рабочихъ,—заговорилъ онъ.—Наши читатели больше всего любятъ объясненія на примѣрахъ. Такъ вотъ, если у васъ нѣтъ ничего лучшаго, призаймитесь-ка пока для нашей газеты. Я съ удовольствіемъ приму отъ васъ цѣлый рядъ статей въ томъ же родѣ, какъ первая; матеріалъ у васъ долженъ быть неистощимый. Продолжайте представлять себѣ, что вы пишете письма доброму другу—вѣдь такъ оно и въ дѣйствительности, если бѣдный человѣкъ вамъ другъ—и не бойтесь говорить по душѣ все, что подскажетъ сердце. Тогда выйдетъ, что надо. Главное, припоминайте мелочи, все, что васъ поражало и волновало. Вы пробовали свои силы на столькихъ поприщахъ, значитъ всякій разъ должны были дѣлать новыя наблюденія. Вы можете, напримѣръ, начать съ описанія вашей службы на конкахъ. Разскажите, сколько вамъ платили, во что обходилась ваша жизнь, какъ къ вамъ относились и прочее. Это вѣдь сильно заинтересуетъ всѣхъ здѣшнихъ многочисленныхъ служащихъ на конкахъ. Потомъ вы съ такою же обстоятельностью разскажете о вашей работѣ въ типографіяхъ—и этимъ вы сразу привлечете всѣхъ наборщиковъ. Точно также напишите статьи для кочегаровъ, для машинистовъ, для чернорабочихъ. Вы говорите, что вамъ доводилось даже мести улицы? Объ этомъ можетъ выйти прекрасная статейка, именно потому, что здѣсь этотъ трудъ въ безсмысленномъ пренебреженіи. Всякаго наведетъ на размышленія, что въ Америкѣ этимъ трудомъ не брезгалъ инженеръ и что онъ вспоминаетъ это безъ всякой горечи, какъ нѣчто совсѣмъ обычное. Въ заключеніе дайте цѣлый рядъ самыхъ подробныхъ статей о пильняхъ, на которыхъ вы работали и которыми вы потомъ управляли. У насъ лѣсопильныхъ заводовъ такъ много и порядки на нихъ такъ плохи, что это животрепещущій вопросъ для Швеціи. Меня лично особенно интересуютъ лѣсопильные заводы еще потому, что сестра жены владѣетъ большимъ заводомъ въ Норботенѣ и искренно желаетъ обставить дѣло какъ можно разумнѣе и справедливѣе... Итакъ, если вы возьметесь за этотъ рядъ статей, вамъ это дастъ кусокъ хлѣба, пока вы пріискиваете себѣ мѣсто, а намъ—вы окажете большую услугу, заинтересовавъ нашей газетой очень многихъ. Васъ самихъ должна увлекать возможность подѣлиться своимъ опытомъ съ множествомъ бѣдняковъ, которые часто не умѣютъ улучшить своего положенія только потому, что не знаютъ лучшаго.

Томасъ Галль легко поддавался энтузіазму. Въ его глазахъ загорѣлись огоньки; онъ весь оживился.

— Вы серьезно думаете, что я могу принести этими статьями пользу?—заговорилъ онъ съ живостью.—Вы допускаете, что не безполезны будутъ такія статьи даже въ моемъ неумѣломъ изложеніи? Для меня вѣдь это вопросъ совѣсти. Я самъ побывалъ въ числѣ тѣхъ, которымъ приходится голодать въ на-

граду за всѣ свои труды... при первомъ же несчастіи. Я знаю, что такое страданія не изъ книгъ, а изъ жизни; я самъ рабочій человѣкъ, живалъ въ нищетѣ, въ конурахъ безъ свѣта и воздуха... Но я недостаточно образованъ; я хорошо знакомъ только со своею спеціальностью. Могу ли я быть увѣренъ, что своими статьями я принесу пользу, а не вредъ? Это вѣдь такіе сложные вопросы, и никогда я не мечталъ сдѣлаться журналистомъ; я даже часто ужасался отвѣтственности, какую берутъ на себя пишущіе люди, люди ученые и развитые. Но вы вѣдь знаете, что вредно и что полезно! Признаться, когда вы предложили мнѣ написать статью, я подумалъ, что вы просто хотите помочь мнѣ... деньгами. Меня тронула ваша доброта, несказанно тронула, хотя я не хотѣлъ подаянія... Но теперь все измѣняется: если вы можете примѣнить меня къ полезному дѣлу, это болѣе, чѣмъ честный кусокъ хлѣба, это цѣлая задача, которая можетъ снова дать цѣль къ жизни. Повѣрьте, за трудомъ и охотой дѣло не станетъ...

Густавъ Кеслеръ протянулъ руку, привѣтливо улыбаясь.

Сигна поглядывала на него и тоже улыбалась. Она уже составила о немъ опредѣленное мнѣніе и онъ ей нравился. Теперь она припоминала, со словъ мужа, его рѣчь и фантастическое утвержденіе, что голодъ приведетъ къ благу, потому что облагораживаетъ людей... Да, этотъ молодой человѣкъ несомнѣнно имѣлъ въ себѣ все, что требуется для того, чтобы быть фанатикомъ! И на него физическія лишенія несомнѣнно дѣйствовали только возвышающимъ душу образомъ.

— Ну? Какъ онъ тебѣ показался?— съ любопытствомъ спросилъ жену Густавъ Кеслеръ, когда инженеръ ушелъ.

Въ ея лицѣ появилось задумчивое выраженіе.

— Онъ мнѣ нравится,—сказала она.— Въ глубинѣ его души, должно быть, много нѣжныхъ, возвышенныхъ чувствъ... Но — это мечтатель! Я даже не удивилась бы, если бы, научившись писать, онъ сдѣлался бы поэтомъ. Подъ твоимъ руководствомъ онъ будетъ вамъ полезенъ. Съ женщинами онъ, вѣроятно, мало встрѣчался въ жизни; это я сразу замѣтила по робости, съ какой онъ вначалѣ говорилъ со мною. Но я увѣрена, что горючаго матеріала въ его сердцѣ много, и когда онъ встрѣтится съ женщиной, которую полюбитъ, пожаръ будетъ порядочный. Разумѣется, пламя продержится не особенно долго—я вообще сомнѣваюсь, чтобы въ немъ было много устойчивости, въ добрѣ, какъ и въ злѣ. Его энергія, повидимому, не высокаго достоинства—полная противоположность твоей, мой милый медвѣдь. Ты годами можешь идти все въ одномъ и томъ же направленіи, съ одинаковой силой въ послѣдній, какъ и въ первый день; а онъ, вѣроятно, способенъ на самые изумительные прыжки, но только на слѣдующій же день обезсилитъ и свалится, какъ вѣтошка. По моему, въ немъ сидитъ мечтатель и поэтъ.

— Гм! Ну, спасибо за такого!—заворчалъ Кеслеръ.—Если изъ него ничего лучшаго не выйдетъ, такъ не стоитъ и возиться съ нимъ. Поэтъ! Скажите, пожалуйста! Поэтовъ—никуда не годныхъ-то у насъ больше, чѣмъ надо... Я съ удовольствіемъ бы отдалъ дюжину такихъ поэтовъ за одного дѣятеля!

— И я бы тоже, мой медвѣдь!—смѣясь согласилась она.—Сколько такихъ поэтиковъ потребовалось бы, чтобы вытянуть то, что ты вѣсишь! Но незьзя же искать одни совершенства.

V.

Статьи Томаса Галля о положеніи рабочихъ въ Америкѣ обратили на себя общее вниманіе какъ въ печати, такъ и среди читателей. Безъискусственность изложенія казалась мастерскимъ пріемомъ для лучшаго выраженія того, что въ нихъ сообщалось: каждое слово производило впечатлѣніе глубоко прочувствованнаго и дѣйствительно пережитаго. Притомъ, все было окрашено горячимъ энтузіазмомъ, съ какимъ авторъ говорилъ о будущемъ труженниковъ, хотя это будущее было еще также далеко въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ. Онъ не скрывалъ недостатковъ и Америки;

и въ концѣ концовъ приходилъ къ заключенію, что въ Америкѣ труженики проходятъ болѣе суровую школу, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, вслѣдствіе чего болѣе способны постоять за себя и поработать для будущаго; тѣмъ не менѣе, улучшенія условій труда, по его мнѣнію, можно скорѣе ждать въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ были идеи, разбросанныя среди любопытныхъ фактическихъ сообщеній въ статьяхъ инженера Галля. Цѣлыхъ полгода эти статьи изо дня въ день появлялись въ «Работникѣ», одинаково горячія, одинаково любопытныя и содержательныя. Томасъ Галль блистательно опровергалъ предположеніе Сигны о недостаткѣ у него выдержки и въ короткое время сдѣлался чрезвычайно популярнымъ человѣкомъ среди шведскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ столичныхъ.

Съ Густавомъ Кеслеромъ его отношенія были наилучшія. Ему не разъ удалось выказать этому дѣятелю свою привязанность и благодарность. При всякомъ случаѣ онъ объяснялъ сторонникамъ рабочей партіи, какого рѣдкаго человѣка они имѣютъ своимъ главою и какой невознаградимой потерей для партіи было бы всякое умаленіе его авторитета. Самъ онъ слѣпо подчинялся ему, какъ предводителю партіи, чѣмъ подавалъ хорошій примѣръ дисциплины—люди вѣдь отнюдь не отличаются склонностью къ подчиненію, хотя бы и ради общихъ цѣлей.

Все это производило тѣмъ большее впечатлѣніе, что обыкновенно поступаютъ не такъ. Новый, внезапно поднявшійся дѣятель очень часто начинаетъ съ того, что пользуется своей популярностью, чтобы уронить прежнихъ главарей, въ которыхъ видитъ соперниковъ своему дальнѣйшему возвышенію.

Общность работы и задачъ понемногу сблизила и сдружила ихъ. Много содѣйствовала ихъ сближенію также сердечность Томаса Галля, не умѣвшаго отдаваться людямъ наполовину и съ первыхъ же дней знакомства относившагося къ Кеслерамъ, какъ къ друзьямъ. Вездѣ они стали появляться вмѣстѣ: въ редакціи работали за однимъ столомъ; на сходкахъ сидѣли рядомъ. Томасъ Галль сдѣлался любимымъ ораторомъ на этихъ сходкахъ, онъ лучше Кеслера умѣлъ говорить съ толпой и добиваться нужнаго впечатлѣнія. Кеслеръ не всегда умѣлъ становиться на точку зрѣнія темныхъ людей.

Въ домѣ редактора Галль сдѣлался постояннымъ гостемъ, которому всегда бывали одинаково рады. У Кеслеровъ кругъ знакомства былъ обширный, но чисто оффиціальный. Прежніе друзья и родственники избѣгали близости съ опаснымъ предводителемъ рабочихъ. Къ тому же Сигна плохо сходилась съ женщинами, которыя, въ свою очередь, холодно относились къ ней. Все это повело къ тому, что Кеслеры поневолѣ жили очень одиноко. Только Томасъ Галль, да нѣсколько товарищей Кеслера, не успѣвшихъ еще составить себѣ общественнаго положенія, которое могло бы пострадать отъ сношеній съ демагогомъ, бывали у нихъ. И съ ними госпожа Кеслеръ, отъ природы веселая и общительная, отводила душу въ оживленной, товарищеской болтовнѣ. Съ ними она шутила, бывала очень остроумна и умѣла расшевелить каждаго. Прелесть бесѣды съ ней въ томъ и заключалась, что не смотря на уваженіе которое она всѣмъ внушала къ себѣ, всѣ чувствовали себя съ ней весело и непринужденно.

Томасъ Галль сдѣлался ея любимцемъ. Онъ такъ прекрасно дополнялъ ея «медвѣдя» во всемъ, что требовало поэзіи, а въ основѣ, какъ теперь уже никто не сомнѣвался, былъ такимъ же непоколебимо честнымъ и человѣколюбивымъ. Притомъ, какъ и Кеслеръ, онъ плохо умѣлъ заботиться о себѣ и очень нуждался въ ея наставленіяхъ и материнскомъ покровительствѣ, а это женщинамъ всегда нравится.

— Вы настоящій дикарь!—смѣялась она надъ нимъ въ первый же разъ, что онъ обѣдалъ у нихъ. — Вы не умѣете ѣсть за европейскимъ столомъ! Вотъ какъ вы должны держать ножъ, а этакъ вилку... И стаканъ... Берите стаканъ проще, вотъ такъ...

Онъ добросовѣстно исполнялъ все, что

она совѣтовала, выслушивалъ каждое ея поученіе серьезно, какъ научную новость и вовсе не тяготился ролью «воспитанника». Зато и успѣхи его были таковы, что она приходила въ восхищеніе.

— Отлично, отлично!—расхваливала она его.—Скоро вы будете настоящимъ свѣтскимъ кавалеромъ.

Иногда она посылала его въ цирюльню постричься.

— Волосы у меня совсѣмъ не длинны! — съ непритворнымъ изумленіемъ протестовалъ онъ въ первый разъ.

Она хохотала.

— Да вѣдь у васъ образовались космы!—объясняла она. — Посмотрите въ зеркало. Ваши волосы касаются воротника... А борода! Такая лохматая борода къ лицу только пророку.

Онъ возражалъ не безъ основанія, что Кеслеръ бывалъ всегда не менѣе лохматъ, но повиновался и шелъ стричься.

Она же заставила его нанять лучшую комнату и заказать себѣ платье у порядочнаго портного.

— Приличенъ ли я теперь? — спросилъ онъ ее, когда въ первый разъ пришелъ въ своемъ новомъ платьѣ.

— Да, теперь вы одѣты прилично.

— И держусь какъ слѣдуетъ?

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ...

Онъ работалъ очень много. Кромѣ своихъ статей, онъ взялъ на себя много мелкой редакціонной работы и все выполнялъ не только усердно, но съ какимъ то сосредоточеннымъ увлеченіемъ, точно молодой священникъ, которому впервые приходится выполнять священныя для него обязанности въ ризницѣ. Онъ былъ весьма проникнутъ величіемъ задачи, которую преслѣдовала газета, и не могъ себѣ представить лучшей цѣли, какъ содѣйствовать успѣху газеты.

Въ сущности, онъ жилъ въ мечтахъ, при помощи которыхъ незамѣтно для себя дополнялъ событія окружающей его дѣйствительности. Поэтому, самыя ничтожныя событія получали въ его глазахъ серьезное значеніе. И такова была сила его искренности, что онъ невольно заражалъ своимъ увлеченіемъ окружающихъ, и всѣ вокругъ него, какъ и самъ онъ, начинали жить въ постоянномъ возбужденіи, съ новымъ запасомъ энергіи, съ удвоенными силами.

VI.

Такъ прошли зима и весна. Наступило лѣто и Густавъ Кеслеръ переселился со своей семьей на дачу въ шкеры. Въ редакцію онъ сталъ пріѣзжать всего два раза въ недѣлю; въ прочіе дни всѣ его обязанности по редактированію «Работника» сталъ исполнять Томасъ Галль. Такое довѣріе льстило его самолюбію и онъ сталъ работать съ бо́льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ когда-либо. Благодаря ему, газета положительно процвѣтала, и это радовола его.

Но безъ Кеслеровъ городъ сталъ казаться ему пустыннымъ. Онъ привыкъ проводить у нихъ свободные часы; теперь онъ скучалъ, не зная, куда дѣваться. Другихъ близкихъ людей у него не было; не даромъ онъ всегда говорилъ, что они замѣнили ему мать.

Покончивъ съ дневнымъ трудомъ, его душа требовала тепла, а внѣ общенія съ друзьями онъ этого тепла не находилъ. Онъ сходился съ людьми трудно и только благодаря особенно счастливымъ случайностямъ. Такъ было съ Кеслерами. Другіе люди, которыхъ онъ встрѣчалъ, были ему чужды и мало его интересовали.

Поэтому ему оставалась только работа, какъ занятіе и какъ развлеченіе. Такъ онъ и относился къ ней.

Прошли цѣлыя недѣли. Въ опустѣвшей столицѣ было тихо и душно, какъ въ могилѣ Въ іюльскомъ раскаленномъ воздухѣ было что-то такое, что совсѣмъ обезсилило Томаса Галля, и онъ палъ духомъ.

Однажды, въ пятницу, Густавъ Кеслеръ уговорилъ его отдохнуть и увезъ съ собою на дачу.

— Вы что-то опять похудѣли и выглядите нехорошо,—сказала Сигна, увидѣвъ его.—Отъ чего это?

Онъ покраснѣлъ.

— Вѣроятно, отъ тоски по васъ,— отвѣтилъ онъ съ обычной ему прямотой. Онъ сопровождалъ эти слова взглядомъ, которымъ окинулъ не только ее, но и

Кеслера, и маленькую Тони. Тѣмъ не менѣе Сигна потупилась и въ этотъ день была молчалива.

Въ воскресенье вечеромъ, когда онъ уѣхалъ, Кеслеръ и его жена еще долго сидѣли на верандѣ. Видъ открывался съ нея на проливъ. Въ воздухѣ было тихо. Зарево заката красиво отражалось въ потемнѣвшей водѣ пролива. Мѣстами вода точно искрилась.

Въ глазахъ госпожи Кеслеръ тоже горѣли искорки.

— А знаешь, что не очень-то благовидно удерживать Галля на черной работѣ въ газетѣ!—сказала она неожиданно.—Онъ трудится, какъ негръ, а самъ ты вѣдь знаешь, что будущности у него на этомъ поприщѣ нѣтъ...

— Это даетъ ему честный кусокъ хлѣба! Не вижу тутъ ничего неблаговиднаго!—возразилъ Кеслеръ.—Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ голодать безъ работы.

— Разумѣется! Но это затянулось на слишкомъ долго, точно навсегда... Развѣ онъ не предполагаетъ уже вернуться въ Америку или здѣсь—къ своей спеціальности?

— Нѣтъ. Онъ увлекся нашимъ общимъ дѣломъ, а какъ ты знаешь, почву для этого онъ находитъ въ Старомъ Свѣтѣ болѣе удобною и газету—самымъ сильнымъ средствомъ. Признаюсь, и я не охотно бы отказался отъ такого сотрудника, въ особенности теперь, когда самъ, какъ и всѣ наши читатели, привыкъ къ его работѣ.

— Однако, мой медвѣдь, попытаемся взглянуть на дѣло безкорыстнѣе!—замѣтила она улыбаясь.—Согласись, что для его будущности было бы лучше, если бы онъ нашелъ себѣ дѣло по своей спеціальности, какъ инженеръ.

Густавъ Кеслеръ задумчиво и какъ бы нехотя кивнулъ раза два своей лохматой головой.

— Сомнѣваюсь, чтобы онъ этого желалъ,—сказалъ онъ медленно.—И какъ бы онъ ужился на какомъ-нибудь заводѣ съ хозяевами? Онъ умѣренъ, но въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ и справедливымъ, онъ не сдѣлаетъ уступки. Наконецъ, онъ такъ привязанъ къ намъ...

Лицо молодой женщины приняло странное выраженіе: губы ея подернулись усмѣшкой, а глаза остались серьезными; въ то же время во всемъ лицѣ разлилось что-то не то ироническое, не то печальное, хотя на мужа она поглядывала съ бо̀льшей любовью, чѣмъ когда-нибудь. Можетъ быть, она думала: «Мой славный, глупый медвѣдь! Ничего-то ты не видишь и не понимаешь въ повседневной жизни. Какъ ты наивенъ, не смотря на весь твой умъ и на всю твою ученость—и какъ ты мнѣ милъ именно такимъ неуклюжимъ, и недогадливымъ, и славнымъ».

Но этого она не высказала, а выраженія ея лица онъ даже не замѣтилъ.

— Такъ ты успѣлъ замѣтить его привязанность къ намъ, мой медвѣдь?—сказала она насмѣшливо.—Да, да... онъ въ самомъ дѣлѣ привязанъ къ намъ... даже настолько, что скоро это будетъ неудобно! По крайней мѣрѣ, мнѣ!

— Что ты хочешь этимъ скаааать?—спросилъ озадаченный Густавъ Кеслеръ.

— Я хочу сказать, что у меня очень обширное сердце, но оно цѣликомъ занято твоей объемистой личностью, и я не могу заключить въ это сердце и его!

— Неужели ты думаешь?..—пробормоталъ онъ растерянно.—Неужели ты думаешь, что этотъ парень...

Она встала и, приблизившись къ нему, ласково заглянула ему въ лицо.

— О такихъ вещахъ не думаютъ!—сказала она тихо.—Такія вещи знаютъ или не знаютъ. Онъ-то, конечно, еще ничего не знаетъ! Онъ похожъ на человѣка, котораго поставили на стеклянную скамейку и заряжаютъ электричествомъ безъ его вѣдома. Мнѣ стоило бы протянуть ему палецъ, чтобы изъ него посыпались искры. Ясно, что надо прекратить это заряжаніе и удалить его!.. Не ради меня, конечно, — прибавила она съ усмѣшкой,—а ради него. Понимаешь теперь?

Да, теперь онъ кое-что понималъ! Но такія размышленія были ему настолько непривычны, что онъ не могъ въ нихъ разобраться и озабоченно почесывалъ въ затылкѣ, не зная, что сказать.

— Но вѣдь Галль не хочетъ съ нами разстаться,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Разумѣется, не хочетъ! Но я-то хочу, чтобы онъ уѣхалъ! По счастью, его не хитро уговорить на что угодно, и все можно будетъ устроить очень гладко.

— Ты думаешь?

— Да, навѣрно. Я до сихъ поръ не раздумывала объ этомъ, потому что сама не знала, насколько все это серьезно. Но теперь...

Она задумалась; нѣкоторое время оба молчали.

— Ну, на что-нибудь надо же рѣшиться!—сказала она вдругъ, прерывая свои размышленія.—Знаешь что? Мнѣ хочется написать сестрѣ Гедвигѣ. Я разскажу ей въ письмѣ о прошломъ инженера Галля и постараюсь изобразить его въ самомъ романическомъ свѣтѣ. Ты вѣдь знаешь, какая она мечтательница! Если мнѣ удастся заинтересовать ее, она поговоритъ съ своимъ мужемъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что для Томаса Галля найдется какое-нибудь мѣсто на ея большихъ заводахъ.

Кеслеръ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Неужели ты думаешь, что Карлъ согласится принять на заводы человѣка съ такими взглядами на рабочій вопросъ, какъ взгляды инженера Галля?—сказалъ онъ недовѣрчиво.

Она кивнула утвердительно.

— Непремѣнно согласится, въ особенности, если Гедвига будетъ настаивать. Онъ вѣдь гордится прочностью своихъ добрыхъ отношеній къ рабочимъ, и взялъ бы къ себѣ хоть анархиста, чтобы доказать, что никто не можетъ поколебать довѣрія къ нему рабочихъ. А Томасъ Галль человѣкъ умѣренный, съ которымъ онъ даже легко столкуется. Онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ справедливѣе многихъ.

— Что же, попробуй!—сказалъ Кеслеръ задумчиво. — Если тебѣ удастся устроить это дѣло, я тогда самъ попробую уговорить его взять мѣсто.

— Нѣтъ, ужъ лучше предоставь мнѣ!— возразила, она улыбаясь. — По правдѣ сказать, я не предвижу даже трудностей. Вы, мужчины, очень гордитесь своей стойкостью, а въ дѣйствительности каждаго изъ васъ можно обвить вокругъ пальца, какъ тесемку —была бы только охота!

VII.

Въ сентябрѣ Кеслеры вернулись на городскую квартиру. Инженеръ Галль тотчасъ же возобновилъ свои посѣщенія. Онъ являлся обыкновенно въ сумеркахъ, и, видно было по довольному выраженію, которое появлялось на его лицѣ, едва онъ опускался въ кресло и переводилъ духъ, что онъ находилъ наслажденіе вдыхать самый воздухъ квартиры. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ оставаться въ своемъ креслѣ одинъ, когда хозяева бывали заняты, и все-таки щурился отъ удовольствія, точно котъ передъ затопленной печкой.

Въ одинъ ненастный осенній день надъ книгой у круглаго стола склонялись двѣ головы—одна съ темными волосами, другая—свѣтлая. То были Сигна и ея дочь. Вошелъ Томасъ Галль. При появленіи гостя онѣ поднялись. Маленькая Тони пододвинула ему стулъ.

— Теперь дядя Томъ поможетъ намъ!— сказала она весело.

— А Густава нѣтъ дома? — освѣдомился онъ у госпожи Кеслеръ.

— Да, онъ вышелъ; но онъ скоро вернется. Садитесь и помогите намъ. Я взялась переводить для Тони «The Paradise and the Peri» Томаса Мура. Большое вѣдь наслажденіе въ видѣ отдыха отъ печальной дѣйствительности окунуться въ такую лазурь чистѣйшаго идеализма. Но нѣкоторыхъ выраженій я не умѣю перевести. Вы лучше владѣете англійскимъ языкомъ: поправляйте меня, когда я буду ошибаться.

Онъ усѣлся и сталъ слушать. Отъ времени до времени онъ вспоминалъ порученную ему обязанность, и дѣлалъ замѣчанія; но больше онъ молчалъ, съ любовью поглядывая на мать и на ребенка.

Наконецъ, чтеніе было окончено. Тони поцѣловала мать, пожелала ему покойной ночи и ушла.

— А мнѣ надо поговорить съ вами о дѣлѣ,—сказала Сигна, когда они остались одни.

— Ого! Видно, о чемъ-нибудь очень серьезномъ?—замѣтилъ онъ.—Заключаю это по энергическому выраженію, съ какимъ вы это сказали.

— Видите, я получила сегодня письмо отъ сестры, и въ этомъ письмѣ есть нѣчто, касающееся вашей будущности.

— Моей будущности?

Онъ произнесъ это съ удивленіемъ и слегка пожалъ плечами. Не въ его натурѣ было вообще серьезно задумываться о завтрашнемъ днѣ; а теперь онъ и подавно не желалъ думать о будущемъ, такъ какъ слишкомъ дорожилъ настоящимъ. Притомъ онъ находилъ до такой степени естественнымъ, что долженъ оставаться при дѣлѣ, въ которомъ оказывался полезенъ и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, что ему и въ голову не приходило затѣвать что-нибудь новое ради заботъ о своемъ будущемъ.

Госпожа Кеслеръ пристально посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Такъ какъ сами вы слишкомъ озабочены будущностью человѣчества, чтобы вспоминать о своей собственной, поневолѣ ваши друзья должны подумать за васъ. Теперь выслушайте, что мы задумали. Моя сестра сообщила мнѣ, что на ея заводѣ нуженъ технически подготовленный и хорошо знакомый съ лѣсопильнымъ дѣломъ, человѣкъ для занятія должности завѣдующаго рабочими. Кажется, это у нихъ называется старшимъ мастеромъ, или какъ-то въ этомъ родѣ. Заводъ въ Бьерне. Тамъ пилятъ доски и, кромѣ того, имѣется токарный отдѣлъ, въ которомъ дѣлаются катушки, мебельныя составныя части и многое другое. Не согласитесь ли вы принять эту должность?

Лицо Томаса Галля потемнѣло; прошло довольно много времени прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Я очень вамъ благодаренъ за попеченія обо мнѣ; но, если мнѣ предоставленъ свободный выборъ, я могу только сказать: нѣтъ.

Она привѣтливо кивнула ему. Отвѣтъ былъ именно такой, какого она ждала, и потому она продолжала совершенно спокойно:

— Вы бы все таки обдумали это предложеніе. Въ вашемъ теперешнемъ дѣлѣ виды на будущее очень плохи. Ваше положеніе при газетѣ не имѣетъ основанія; все дѣло вѣдь непрочно. До сихъ поръ газета поддерживалась—въ экономическомъ отношеніи, конечно—только благодаря моему мужу; но можетъ наступить день, когда ему самому будетъ нечего давать, потому что наше состояніе быстро истощается. Мы вѣдь небогаты. И безъ того тяжело думать, что врядъ ли намъ удастся оставить хоть что-нибудь бѣдной Тони... Черезъ восемь лѣтъ она будетъ уже взрослая, а къ тому времени—согласитесь—вамъ не удастся передѣлать людей настолько, чтобы она не пострадала отъ бѣдности. Имѣемъ ли мы право растратить и ея маленькую часть? Добровольно не слѣдуетъ опускаться до нищеты; это такъ же глупо, какъ выброситься въ окно, потому что даже для дѣла подезнѣе, чтобы руководящіе имъ люди оставались хоть въ нѣкоторой матеріальной независимости.

Онъ ничего не возразилъ и старался не встрѣчаться съ нею взглядомъ. Потому, какъ она сразу вооружилась такими щекотливыми доводами, какъ вопросъ о личныхъ средствахъ семьи Кеслера, онъ почувствовалъ, что она рѣшилась заставить его принять это мѣсто и что сопротивляться будетъ трудно. Ему была ненавистна самая мысль о такой перемѣнѣ въ своей судьбѣ; онъ вообще имѣлъ отвращеніе къ перемѣнамъ, можетъ быть, именно потому, что судьба много кидала его изъ стороны въ сторону, а теперь ему меньше чѣмъ когда-либо хотѣлось перемѣны. Но онъ не находилъ ни одного подходящаго аргумента для возраженія: онъ былъ сбитъ съ толку и подавленъ ея словами о ихъ можетъ близкомъ разореніи.

Между тѣмъ госпожа Кеслеръ снова заговорила. Она доказывала, какъ много добра онъ можетъ сдѣлать на заводѣ практически; она напоминала, что красноречивый примѣръ возможности согласованія интересовъ хозяевъ съ интересами рабочихъ можетъ сдѣлать не меньше, чѣмъ самыя блестящія разсужденія пе-

чати... Но чѣмъ убѣдительнѣе становились ея слова, тѣмъ онъ дѣлался мрачнѣе и съ тоскою поглядывалъ на дверь передней, поджидая самого Кеслера. Отъ него онъ ждалъ помощи и защиты! Но Кеслеръ не являлся...

Сигна стала разсказывать о мѣстахъ, гдѣ были заводы ея сестры:

— Вы знаете, я вѣдь родилась тамъ, на сѣверѣ. Какъ ни мѣняешься съ годами, а трудно разлюбить тотъ клочокъ земли, на которомъ прошли дѣтскіе годы. И я, признаюсь, всегда вспоминаю о тѣхъ мѣстахъ съ горячимъ чувствомъ. Мнѣ дороги и милы наши огромные сѣверные лѣса, хотя три четверти года надъ ними стоитъ холодная, темная зима. Меня часто туда тянетъ, въ особенности, когда что-нибудь напомнитъ о банальности здѣшней столичной жизни и когда начинаютъ донимать здѣшнія мелочи... Не то было тамъ, на сѣверѣ! Всѣ мои дѣтскія воспоминанія освѣщены такимъ своеобразнымъ свѣтомъ. Лѣтнія ночи тамъ не такія, какъ здѣсь; свѣтло, какъ передъ сумерками, но свѣтъ какой-то странный, таинственный... А зимою ночи такія длинныя, тяжелыя, захватываютъ сутки настолько, что день является точно грифельной чертой на черной аспидной доскѣ... Вы не можете себѣ представить, какая это диковинная страна! Не смотря на холодъ, это страна глубокихъ чувствъ, страна воображенія и мечтаній.

Она говорила горячо, но взгляды ея скользили мимо него. Томасъ Галль только покашливалъ.

— Ну, конечно, конечно, — продолжала она, — все это не можетъ имѣть значенія для васъ. Я даже не отрицаю, что, можетъ быть, мое пристрастіе къ роднымъ мѣстамъ украшаетъ ихъ для меня особенностями, которыхъ другой тамъ не увидитъ. И много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинула родной край. Но все-таки я увѣрена, что въ будущемъ наши сѣверныя провинціи будутъ играть важнѣйшую роль. Тамъ легче, чѣмъ здѣсь, все устраивается по новому, потому что тамъ нужнѣе, чѣмъ въ болѣе благопріятномъ климатѣ, успѣхи культуры. Да и заселяться стали тѣ мѣста въ новѣйшее время, новыми людьми, безъ укоренившихся мѣстныхъ традицій. Тамъ быстро размножаются фабрики и заводы... Тамъ будетъ центръ фабричной дѣятельности Швеціи, и это въ самомъ скоромъ времени. Человѣку, который служитъ установленію лучшихъ отношеній между рабочими и работодателями, тамъ есть къ чему приложить свои силы!

Этими словами она задѣла въ немъ чувствительныя струны, и онъ вдругъ весь оживился.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, тамъ все еще только возникаетъ! — сказалъ онъ, уже не избѣгая ея взгляда. — Объ этомъ я не думалъ... это дѣйствительно важно!.. Можетъ быть, тамъ можно будетъ основать очагъ разумныхъ отношеній, и оттуда справедливость пойдетъ по всей странѣ... дойдетъ даже сюда и дальше.

Эти слова онъ проговорилъ задумчиво; въ немъ уже начиналъ работать наивный мечтатель. Но этотъ быстрый переходъ былъ слишкомъ неожиданнымъ испытаніемъ природной веселости Сигны и она не удержалась. Она громко расхохоталась и проговорила прерывистымъ отъ смѣха голосомъ.

— Однако, какія у васъ смѣлыя надежды! По совѣсти говоря, вы можете иногда превзойти самого Рудбека, когда даете волю своему творчеству.

Ея смѣхъ былъ для него, какъ ведро холодной воды, и онъ опять насупился.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Кеслеръ, и обсужденіе вопроса возобновилось, на этотъ разъ въ дѣловомъ тонѣ, трезво и логично. Кеслеръ перечислилъ всѣ доводы за принятіе Томасомъ Галлемъ предлагаемаго мѣста, сначала съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ самого инженера, потомъ — партійныхъ. Выходило ясно, какъ день, что отказываться не слѣдовало.

— Я вижу, ты хочешь во что бы то ни стало отдѣлаться отъ меня! — сказалъ Томасъ Галль упавшимъ голосомъ.

— Глупости... вздоръ! — заворчалъ Опасный. — Ты самъ знаешь, какъ мнѣ будетъ тяжело безъ тебя. Въ моемъ положеніи важно имѣть возлѣ себя друга,

на котораго можно полагаться. Давно ли мы сошлись?—а я уже не знаю, какъ и обходиться безъ тебя, и много разъ ты меня положительно выручалъ... Такъ стоитъ ли говорить пустяки! Всѣ мы будемъ тосковать по тебѣ... Но такъ какъ дѣло идетъ о твоей будущности, и вообще... Спроси жену, какъ трудно мнѣ было побороть свои этоистическія чувства и отказаться отъ твоей помощи въ газетѣ. Но пришлось согласиться, что удерживать тебя было бы непростительно. Видишь ли...

Онъ снова началъ разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ, говорилъ умно, методично и безстрастно, точно читалъ лекцію. Оказывалось, что можно было съ увѣренностью предсказать Томасу Галлю быстрое повышеніе въ должностяхъ и пріобрѣтеніе большого вліянія на цѣлый округъ съ постоянно развивающеюся фабричной дѣятельностью. Въ интересахъ партіи нельзя было этимъ пренебрегать и уступать такіе шансы противникамъ. Хотя Томасъ Галль и чувствовалъ вели чайшую неохоту разстаться съ столицей, но онъ былъ со всѣхъ сторонъ оцѣпленъ такими неопровержимыми доводами, что ему оставался только одинъ выходъ: на все согласиться и ѣхать.

Только два раза въ жизни—когда онъ уѣзжалъ въ Америку и десять лѣтъ спустя, когда онъ прощался съ умирающей матерью—ему было такъ тяжело на душѣ, какъ теперь. Но онъ не жаловался и не возражалъ: онъ вѣрилъ, что подчиняется тяжелой необходимости.

VIII.

Когда онъ пожелалъ друзьямъ покойной ночи и ушелъ домой, онъ былъ блѣденъ и печаленъ. Дома онъ тотчасъ же раздѣлся и легъ въ постель, но даже не попытался заснуть, а сталъ раздумывать о томъ, что случилось.

Итакъ, его удаляли! Конечно, съ благими намѣреніями, но все-таки отставляли и удаляли! Что же это составляло для него? Это значило разстаться съ Густавомъ Кеслеромъ, который сдѣлался для него тѣмъ, чѣмъ бывалъ славный рыцарь для молодого оруженосца—учителемъ, и другомъ, и олицетвореніемъ всего, къ чему онъ стремился. Это значило покинуть и Сигну! Можетъ быть, навсегда! Это значило никогда уже не увидѣть больше дѣтской головки Тони, которая въ его отсутствіи выростетъ и забудетъ его. Это значило лишиться точно собственной семьи и опять начать жизнь бобылемъ среди чужихъ, холодныхъ людей! Вдобавокъ, выйти изъ боя, гдѣ уже бывало столько побѣдъ, гдѣ жизнь пріобрѣла для него столько прелести и смысла, гдѣ трудъ казался наслажденіемъ и кипучая дѣятельность только ободряла! Уйти какъ разъ передъ главнымъ сраженіемъ, передъ выборами! Промѣнять все это на жизнь въ отдаленной провинціи, гдѣ не будетъ и тѣни здѣшней борьбы, гдѣ долго еще придется довольствоваться кропотливыми, просвѣтительными приготовленіями.

Онъ прищурился, точно отъ физической боли, такъ это его огорчало.

Но его сильное воображеніе, ярко изобразивъ передъ нимъ картину всего, чего онъ лишался, и доведя его до полнаго отчаянія, на этомъ не остановилось. Оно продолжало работать и теперь рисовало ему картины будущаго. Онъ уже видѣлъ себя въ таинственной, своеобразной странѣ крайняго сѣвера, въ странѣ, которую госпожа Кеслеръ называла своей дорогой родиной. Яснѣе и яснѣе рисовались передъ нимъ горы, укутанныя дремучимъ лѣсомъ, и бурные потоки, надъ которыми быстро размножались фабрики и заводы, и новыя селенія, и энергичные предприниматели, которые не боялись нововведеній и хотѣли строить свое счастіе не на нуждѣ, а на благоденствіи зависящихъ отъ нихъ людей. Такъ онъ мечталъ когда-то объ Америкѣ, стоя на палубѣ парохода, на которомъ переплывалъ океанъ. Положимъ, въ прелестяхъ Америки ему пришлось разочароваться. Но теперь другое дѣло...

Огорченіе уже почти не чувствовалось. Онъ съ любопытствомъ присматривался къ тому, что рисовало ему воображеніе, точно это было наяву. И онъ представлялъ себѣ удивительную страну, населенную совсѣмъ не такими людьми, какъ другія страны. Это вѣдь были люди «глу-

онъ ни шагу не уступилъ людямъ борьбы и самъ пошелъ впереди ихъ; обездоленный въ личной жизни, онъ нашелъ утѣшеніе и счастіе въ думахъ и заботахъ о человѣчествѣ. Онъ говорилъ, что ему жаль людей, никогда не мѣнявшихся, и это чувство въ подобномъ человѣкѣ—высшее выраженіе идеализма и принципіальности.

Когда надъ нимъ загремѣлъ послѣдній громъ римской куріи, когда со всѣхъ сторонъ къ нему направились соболѣзнованія, увѣщанія смириться, страхъ за его будущее, когда онъ увидѣлъ предъ собой сначала рѣдѣющіе, а потомъ и окончательно исчезающіе ряды еще вчерашнихъ учениковъ и благоговѣйныхъ послѣдователей, онъ поднялся во весь ростъ и бросилъ Риму и малодушнымъ друзьямъ вызовъ, оправданный временемъ даже скорѣе, чѣмъ онъ помышлялъ.

Онъ предсказывалъ: противъ Рима поднимется все, что̀ владѣетъ чувствомъ, что̀ одарено жизнью, что̀ принадлежитъ будущему обществу, столь тягостно рождающемуся среди новыхъ народовъ.

Онъ могъ бы предсказать еще больше: этотъ самый Римъ, проклинающій мои рѣчи къ народу, доживетъ до своей Каноссы, и высокимъ обитателемъ этой новой Каноссы будетъ именно народъ.

А что касается настоящаго—прочь подлое униженіе. «Необходимо пострадать—вотъ и все. Необходимо пройти сквозь *Страсти* и явиться ради спасенія народа предъ Пилатомъ, Иродомъ и Каіафой. Всѣ ихъ насилія не помѣшаютъ быть тому, чему надлежитъ быть. Истины они не одолѣютъ».

Это было прощальнымъ словомъ Ламеннэ Риму и его церкви... Будущему предстояло отвѣчать на эту рѣчь безсмертной славой.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Auld Lang Syne» by prof. Max Müller (*Charles Scribner's Sons*). (*Воспоминанія профессора Макса Мюллера*). Трудно представить себѣ, читая эту книгу, что она написана ученымъ, посвятившимъ свою жизнь изученію ведъ и арійцевъ, изслѣдованію разныхъ доисторическихъ документовъ. Воспоминанія проф. Макса Мюллера представляютъ настоящую идиллію, написанную необыкновенно увлекательно; притомъ же почтенный профессоръ такъ много видѣлъ на своемъ вѣку. Изъ оконъ одного дома въ Парижѣ онъ наблюдалъ революцію 1848 года; онъ посѣщалъ стараго Уланда въ Лейпцигѣ, изучилъ персидскій языкъ подъ руководствомъ Рюкерта, видѣлъ молодого Листа въ его роскошномъ венгерскомъ костюмѣ, разговаривалъ съ Гумбольдтомъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, который, между прочимъ, сказалъ, что ему достаточно проспать четыре часа въ сутки, чтобы чувствовать себя способнымъ къ работѣ. Въ Парижѣ Максъ Мюллеръ, въ бытность свою студентомъ, очень нуждался, но съ удовольствіемъ вспоминаетъ объ этомъ времени. Далѣе онъ разсказываетъ о первыхъ шагахъ своей карьеры въ Англіи и объ оксфордскомъ университетѣ, о своихъ научныхъ занятіяхъ и разныхъ выдающихся людяхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ теченіе своей долгой научной дѣятельности.

(The Citizen).

«Outlines of Sociology» by Lester F. Ward. Columbian University Washington. (*Очерки соціологіи*). Талантливый соціологъ раздѣляетъ свою книгу на двѣ части: первую онъ посвящаетъ соціальной философіи и отдѣляетъ соціологію отъ другихъ наукъ, указывая на ихъ взаимныя отношенія; во второй же части онъ изучаетъ соціальную науку, основывая ее на законахъ и принципахъ, доступныхъ строго научному изслѣдованію. (The Citizen).

«Studies in Brown Humanity, being Scrawls and Smudges in Sepia, White and Yellow». By Hugh Clifford (*Grant Richards*). (*Очерки коричневаго человѣчества*). Авторъ, очевидно, очень тщательно изучилъ малайцевъ и постарался понять душу этого народа. Въ его разсказахъ сквозитъ симпатическое отношеніе къ «коричневому человѣчеству», съ которымъ онъ знакомитъ читателя въ своихъ короткихъ очеркахъ, изображающихъ жизнь малайцевъ, нравы, обычаи, природу и характеръ населенія. Очерки эти не только интересны, какъ художественные разсказы, но не лишены значенія и съ точки зрѣнія фольклора. Нѣкоторые изъ нихъ написаны въ беллетристической формѣ, но въ основу ихъ, по словамъ автора, положенъ истинный фактъ, а не вымыселъ.

(Literary World).

«On Blue water» by Edmondo de Amicis. Translated by Jacob B. Brown. (*Putnam's Sons*). (*На голубыхъ водахъ*). Чрезвычайно увлекательно написанное путешествіе изъ Генуи въ Бразилію на эмигрантскомъ кораблѣ. Передъ глазами читателя проходитъ рядъ картинъ южной природы и образы эмигрантовъ, заброшенныхъ судьбой на палубу корабля. Невольное сближеніе и сосредоточеніе на узкомъ пространствѣ людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ и характеровъ порождаетъ цѣлый рядъ психологическихъ явленій и инцидентовъ, носящихъ подчасъ драматическій характеръ.

(Bookseller).

«Indian Village Folk; Their Works and Ways». Beinga Series of Sketches of Life in the Village of India. By T. B. Pandian. (*Сельское населеніе въ Индіи*) Авторъ—уроженецъ Мадраса и, судя по его описаніямъ, провелъ почти всю свою жизнь среди сельскаго населенія Индіи. Его картины жизни этого населенія не только живо и литературно написаны, но и не лишены юмора. Во всякомъ случаѣ, про его очерки можно сказать, что отъ нихъ вѣетъ свѣжестью, запахомъ полей и луговъ, такъ что ясно, что онъ писалъ ихъ съ натуры. Къ очеркамъ приложено нѣсколько хорошенькихъ рисунковъ съ фотографій. Можно смѣло

рекомендовать эту книгу всѣмъ тѣмъ, кто интересуется жизнью туземнаго населенія Индіи. (Literary World).

«*Introduction aux études historiques*» *par Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos.* (*Введеніе къ изученію исторіи*). Прекрасная, занимательная и полезная книга гг. Ланглуа и Сеньобоса, въ которой излагаются условія и методы изученія исторіи, можетъ послужить руководствомъ не только для тѣхъ, кто готовитъ себя къ профессіи историка, но и для всѣхъ, просто интересующихся исторіей, какъ наукой, хотя бы и не предполагающихъ посвятить себя ея изученію. (Revue de Paris).

«*History of Intellectual Development: on the Lines of modern Evolution*» *by John Beattie Crozier.* (*Longmans, Green and C°*). (*Исторія интеллектуальнаго развитія въ предѣлахъ современной эволюціи*). Авторъ разсматриваетъ интеллектуальное развитіе, какъ одинъ главный факторъ цивилизаціи, обнимающій три великіе отдѣла: религію, науку и философію, и пытается начертить кривую эволюціи этого фактора. Въ первой части своей книги авторъ говоритъ о языческой философіи и изображаетъ эволюцію этой философіи и ея конечный предѣлъ въ христіанствѣ. Чтобы опредѣлить эволюціонное развитіе этой философіи, авторъ прибѣгаетъ къ метафорѣ, изображающей эту философію въ видѣ маленькой барки, плывущей по потоку, берега котораго составляютъ религія и наука. Философы не могли пристать къ берегу, гдѣ господствовалъ политеизмъ, наука также не оказывала имъ поддержки и они, такимъ образомъ, постоянно переходили отъ матеріализма къ идеализму, пока не попали въ царство воли и не пристали въ гавань христіанства. Во второй части авторъ говоритъ объ эволюціи индійской мысли и о вліяніи восточной философіи на интеллектуальное развитіе Европы. Въ этой части особенно интересны главы, анализирующія и критикующія современное теософическое ученіе. Въ третьей части авторъ провсдитъ сравненіе между духомъ христіанства и язычества. Въ послѣднихъ главахъ авторъ говоритъ объ эволюціи христіанства до временъ Юстиніана и посвящаетъ отдѣльный очеркъ исторіи іудейства. (The Citizen).

«*Ancient India, its Language and Religions*» *by M. H. Oldenberg. Chicago* (*Open Court publishing Company*). (*Древняя Индія; ея языкъ и религія*). Небольшая, очень интересно составленная книга, заключающая въ себѣ слѣдующія три главы: о санскритскомъ языкѣ, буддизмѣ и религіи ведъ. Въ главѣ о буддизмѣ авторъ занятъ преимущественно изученіемъ аналогій, существующихъ между буддизмомъ и религіозными доктринами Греціи. Вообще, книга эта, несмотря на сжатость изложенія, заключаетъ въ себѣ очень много свѣдѣній и можетъ возбудить интересъ къ дальнѣйшему изученію вопроса. (Revue Scientifique).

«*Voyage au pays des fjords*» *par Antoine Sallès (Plon et Nourrit) Paris 1898. Prix: 4 francs.* (*Путешествіе въ страну фіордовъ*). Интересъ къ сѣвернымъ странамъ очень увеличился въ послѣднее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сѣверная литература заняла столь выдающееся мѣсто среди европейской литературы и оказала на нее такое замѣтное вліяніе. Имѣя именно это въ виду, авторъ и издалъ свою книгу, заключающую въ себѣ чрезвычайно занимательное описаніе живописной страны фіордовъ и ея обитателей. Книга эта въ особенности можетъ служить хорошимъ путеводителемъ для путешественниковъ, впервые отправляющихся въ эту страну. (Revue Scientifique).

«*Le régime Socialiste. Principes de son organisation politique et économique par Georges Renard. Paris* (*Félix Alcan*). (*Соціалистическій режимъ*). Авторъ разбираетъ въ своей книгѣ всѣ принципы, содѣйствовавшіе развитію и распространенію соціализма въ послѣднее время, и затѣмъ, опираясь на эти принципы, рисуетъ образъ будущаго общества, въ которомъ наибольшая индивидуальная свобода будетъ совмѣстима съ наибольшею степенью общаго благосостоянія. Книга написана очень талантливо и проникнута возвышенными идеями и вѣрою въ человѣчество, причемъ автора никакъ нельзя назвать утопистомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а лишь человѣкомъ, имѣющимъ вполнѣ опредѣленные идеалы и вѣрящимъ въ ихъ осуществленіе рано или поздно. (Journal des Débats).

«*Popular Readings in Science*» *by John Gall, professor of Mathematics and Phisics. Price 4 s.* (*Популярныя научныя чтенія*). Очень хорошо и популярно составленныя лекціи изъ области математическихъ и физическихъ наукъ. Въ особенности могутъ быть рекомендованы людямъ, не обладающимъ серьезною научною подготовкою, но желающимъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ знанія. (University Extension Journal).

«*The Story of Forest and Stream*» *by James Rodway, автора книги «In the Gviana Forest».* (*Исторія лѣса и потока*). Книга эта входитъ въ составъ полезной библіотеки (The Library of useful stories) и даетъ очень интересное, хотя и вполнѣ научное описаніе происхожденія лѣсовъ и потоковъ. Иллюстраціи сдѣланы очень хорошо. (University Extension Journal).

«*The Evolution of the Idea of God; an Inquiry into the origins of Religions*» *by*

Grant Allen. London (*Grant Richards*). (*Эволюція идеи божества; опытъ изслѣдованія происхожденія религій*). Авторъ посвящаетъ свой довольно обширный трудъ «той незначительной части читающей публики, которая живо интересуется религіозными вопросами». Цѣль его: представить въ общихъ чертахъ эволюцію идеи божества отъ самаго ранняго ея зарожденія въ умѣ первобытнаго человѣка, до тончайшихъ ея проявленій въ абстрактной формѣ современнаго философскаго и теологическаго мышленія. Матеріалъ для своей книги Грэнтъ Алленъ собиралъ болѣе двадцати лѣтъ и писалъ ее болѣе десяти.

(Daily News).

«*William Harvey*» *by d'Arcy Power*. (*Fisher Unwin*). (*Вильямъ Гарвей*). Этотъ новый выпускъ серіи изданій «Masters of Medicine» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересную біографію знаменитаго Гарвея, англійскаго врача, жившаго въ XVI вѣкѣ, съ именемъ котораго связано открытіе кровообращенія, вызвавшее настоящій переворотъ въ медицинской наукѣ. Жизнь Гарвея была полна событіями; эпоха, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, также очень любопытна, въ особенности же интересно описаніе способовъ лѣченія, употреблявшихся въ тѣ времена, и тѣхъ воззрѣній, которыя господствовали тогда въ медицинѣ. (Daily News).

«*The Development of Australian Literature*» *by Henry Gyles Turner and Alexander Sutherland*. (*Longmans and C°*). (*Развитіе австралійской литературы*). Оба автора этой книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстно редактировали и издавали одинъ изъ лучшихъ и важнѣйшихъ австралійскихъ литературныхъ періодическихъ журналовъ—«Melbourne Review», слѣдовательно, имѣли полную возможность ознакомиться съ развитіемъ австралійской литературы. Отказавшись отъ изданія журнала, они предприняли изслѣдованіе австралійской литературы, результатомъ котораго и явился названный трудъ. Первыя главы своего труда они посвящаютъ изученію началъ литературы въ Австраліи. Начала эти выразились главнымъ образомъ въ поэзіи, лучшими представителями которой были Адамъ Линдсей Гордонъ и Генри Кендаль. Но въ современной австралійской литературѣ преобладаетъ романъ, такъ что въ настоящее время Австралія обладаетъ очень богатою беллетристическою литературой. Авторы даютъ въ своемъ обзорѣ характеристику главнѣйшихъ литературныхъ произведеній Австраліи, такъ что читатель можетъ составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о современной австралійской литературѣ.

(Literary World).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

НОВЫЯ КНИГИ:

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

П. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Часть I. Изданіе 3-е, значительно дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“. Спб. Лиговская, 25.

Ив. Ивановъ. „Исторія русской критики“. Части I и II. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Складъ изданія въ конторѣ журн. „Міръ Божій“. Спб. Лиговская, 25 и въ книжномъ складѣ Н. П. Карбасникова, Спб. Гостиный дворъ, № 19.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

1. М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ.

Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Томъ I.

Историческое развитіе руской фабрики въ XIX в.

Цѣна 3 р. Складъ изданія въ книжн. маг. Н. Карбасникова. Изданіе Л. Пантелѣева.

---

2. Проф. ПАВЛОВЪ.

МОРСКОЕ ДНО.

СЪ 43 РИС. ВЪ ТЕКСТѢ И 2 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНКАМИ.

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Спб., Литейная, 46, и Москва, Моховая, Неелловой.

НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ.

РОМАНЪ А. ЛУНДЕГОРДА.

Переводъ со шведскаго **В. ФИРСОВА.**

Der edle Tannhäuser, ein Ritter gut,
Wollt' Lieb' und Lust gewinnen,
Da zog er in den Wennsberg,
Blieb sieben Jahre drinnen.

H. Heine.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сходка ищущихъ работы была окончена. Изъ полуразвалившагося зданія заброшеннаго загороднаго театра, служившаго мѣстомъ сходки, люди расходились во всѣ стороны. Однимъ изъ послѣднихъ вышелъ Томасъ Галль.

Томасъ Галль былъ не простой рабочій, по профессіи онъ былъ инженеръ. Пробывъ десять лѣтъ въ Америкѣ, онъ отвыкъ отъ шведскихъ порядковъ и сидѣлъ у себя на родинѣ безъ мѣста уже въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Въ послѣдніе дни онъ буквально голодалъ. Это и привело его на сходку ищущихъ работы; онъ смутно надѣялся найти среди людей въ одинаковомъ съ нимъ положеніи если не помощь, то совѣтъ и нравственную поддержку.

И вотъ, неожиданно для себя, ему вдругъ самому захотѣлось сказать нѣсколько словъ ободренія своимъ товарищамъ по несчастію. Онъ потребовалъ слова, взошелъ на каѳедру и сказалъ горячую рѣчь. О чемъ онъ говорилъ, отъ теперь не могъ бы объяснить въ точности. Никакихъ практическихъ совѣтовъ дать онъ, конечно, не могъ. Но онъ былъ самъ голоденъ и глубоко сочувствовалъ собравшимся здѣсь бѣднякамъ. Ему страстно хотѣлось ободрить ихъ, утѣшить,—онъ по себѣ зналъ, что въ данную минуту это такъ же нужно, какъ и кусокъ хлѣба. И онъ заговорилъ обо всемъ, что поддерживало его самого, заговорилъ съ увлеченіемъ... Въ его словахъ звучала глубокая искренность и неподдѣльный энтузіазмъ, постепенно передавшійся слушателямъ. Въ толпѣ поднялось движеніе. Послышались бурныя одобренія. Одни апплодировали, другіе кричали «браво», притоптывая ногами, какъ на ярмарочныхъ представленіяхъ.

Томасъ Галль, довольный сочувствіемъ своихъ слушателей, хотѣлъ еще что-то сказать, какъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ, закачался и долженъ былъ ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть съ каѳедры.

Предсѣдатель сходки—извѣстный редакторъ газеты «Работникъ» и глава рабочей партіи въ Стокгольмѣ, Густавъ Кесслеръ, быстро протянулъ къ нему руку, чтобы поддержать его. Но инженеръ Галль уже оправился, пробормоталъ, что ему больше нечего сказать и, пошатываясь, сошелъ съ каѳедры.

О, да, онъ замѣтилъ провожавшіе его сочувственные взгляды. Видно, искренность его передалась всѣмъ, да и могъ ли кто сомнѣваться, что онъ самъ одинъ изъ голодающихъ? Когда онъ зашатался и чуть не упалъ, а потомъ тихо сошелъ съ каѳедры, его пожалѣли, какъ онъ жалѣлъ другихъ, и проводили цѣлымъ громомъ рукоплесканій...

Выйдя на улицу, Томасъ Галль пошелъ неторопливой походкой человѣка, которому безразлично, куда идти. Онъ былъ средняго роста, сухощавый, во всей его фигурѣ было что-то угловатое; движенія были неловки и принужденны. По наружности было бы трудно опредѣлить его званіе; въ выраженіи его лица было нѣчто особенное, свойственное людямъ много мыслящимъ, а пожалуй, и мечтателямъ; но въ то же время въ немъ было что-то рѣзкое, жосткое, совсѣмъ не мирившееся съ представленіемъ о мечтателѣ и свойственное скорѣе людямъ

дѣла и труда. Платье на немъ было сильно поношено и некрасиво сидѣло на его исхудаломъ тѣлѣ. Наконецъ, въ самомъ складѣ его лица было нѣчто сбивчивое: оно было совсѣмъ не скандинавскаго типа, съ блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ кожи, очень черными волосами и темными съ металлическимъ отливомъ глазами. По лицу и по платью его можно бы принять за простолюдина изъ южанъ; и ни на одно мгновеніе нельзя было бы усомниться въ томъ, что это интеллигентный человѣкъ.

Онъ шелъ понуривъ голову. Его энтузіазмъ прошелъ, оставивъ по себѣ только большую усталость. Мысли кружились въ головѣ, какъ усталыя птицы поздней осенью въ ненастный день, когда пищу находить имъ бываетъ уже трудно, а голодъ отъ холода становится особенно томителенъ.

Позади послышались шаги. Томасъ Галль оглянулся и увидѣлъ исполинскую фигуру догонявшаго его редактора Кеслера.

— Намъ по пути? Пойдемте вмѣстѣ,— предложилъ редакторъ.

Галль ничего не отвѣтилъ. Но великанъ уже шелъ рядомъ съ нимъ и поглядывалъ на него съ любопытствомъ.

— Вы согрѣли насъ тамъ своей рѣчью,—началъ онъ, тяжело ступая и постукивая палкой по тротуарнымъ плитамъ. — Ваши чувства были искренни; оттого-то слова ваши и шли прямо къ сердцу, хотя новаго вы вѣдь ничего не сказали. Да... въ искренности мы знаемъ толкъ! На нашихъ сходкахъ постоянно выскакиваютъ разные фразеры; ихъ не оберешься... Слушая васъ, мы точно освѣжились. Скажите, вы уже давно въ Стокгольмѣ?

Все это было сказано грубоватымъ, дѣловымъ тономъ. Кеслеръ всегда такъ говорилъ съ чужими людьми, точно хотѣлъ имъ дать понять, что не намѣренъ любезничать, даже когда приходилось говорить что-либо и лестное.

— Уже два мѣсяца,—вяло отвѣтилъ инженеръ.—Я покинулъ свое мѣсто въ западныхъ штатахъ полгода тому назадъ.

— Зачѣмъ покинули?

— Мать умирала...

— Она была бѣдна, разумѣется?

— Она жила моимъ заработкомъ. Ей хотѣлось проститься со мною передъ смертью; она не думала, что я буду здѣсь безъ мѣста. Къ счастью, она не дожила до того дня, когда у насъ не стало куска хлѣба.

— У васъ все время не было заработка?

— Почти, что такъ...

— Гдѣ вы жили?

Инженеръ Галль усмѣхнулся.

— Повидимому, вы хотите, чтобы я исповѣдалъ вамъ все мое прошлое?

— По правдѣ сказать—да!—проворчалъ Кеслеръ, и въ его голосѣ послышалось что-то ласковое. — Если вамъ охота разсказать о себѣ — разскажите. Меня это интересуетъ и не изъ пустого любопытства — намъ необходимо знать, кто наши друзья.

Томасъ Галль шелъ нѣкоторое время молча. Онъ соображалъ, слѣдуетъ ли ему довѣриться этому чужому человѣку. Потомъ онъ какъ бы принялъ рѣшеніе и заговорилъ безъ околичностей:

— Мы изъ Готенбурга. Мой отецъ въ молодости служилъ при окружномъ судѣ, считался выдающимся юристомъ и, какъ всѣ ожидали, долженъ былъ сдѣлать блестящую карьеру. Но вдругъ онъ покинулъ судъ и принялъ должность простого ленсмана въ селѣ. Говорятъ, всѣ называли его поступокъ безумнымъ. Но дѣло было въ томъ, что въ судѣ ему еще долго пришлось бы служить безъ жалованья, а онъ хотѣлъ жениться, и лучшаго мѣста сразу не нашелъ. При томъ онъ намѣренъ былъ жениться на дочери простого мужика, да еще происходившаго, какъ говорили, изъ цыганъ. Вотъ ему и казалось лучше переселиться въ деревню. Я былъ ихъ единственнымъ ребенкомъ...

— О моихъ дѣтскихъ годахъ у меня ничего не осталось въ памяти отраднаго. Бѣдность у насъ въ домѣ была большая... Отецъ пилъ. Онъ пропивалъ все, что у насъ было, и, когда бывалъ пьянъ, билъ и мою мать, и меня. Потомъ, протрезвившись, онъ терзался угрызеніями совѣсти и, бывало, другой разъ тяжелѣе

видѣть его горе, чѣмъ переносить его побои. Въ концѣ концовъ онъ вступилъ въ число «пробужденныхъ» и успокоился на убѣжденіи, что все зло творилъ его руками дьяволъ, а самъ онъ былъ только несчастный страдалецъ. «Не я васъ бью, а сатана. Онъ пользуется моими руками и моей палкой, какъ орудіемъ. А я васъ люблю и жалѣю».— Онъ спился и умеръ въ бѣлой горячкѣ, когда мнѣ пошелъ тринадцатый годъ.

До того времени я почти ничему не учился. Послѣ отца у насъ остались только долги. Но мать была дѣльная женщина, не боявшаяся труда, и кромѣ того намъ выхлопотали маленькое пособіе. Съ этимъ мы перебрались въ городъ. Тамъ я поступилъ въ профессіональную школу, потомъ подготовился и перешелъ въ технологическій институтъ. Мать работала, я давалъ уроки; этимъ мы жили, пока я учился. Но этого намъ не всегда хватало, потому что работы и уроковъ иногда не бывало; и понемногу у насъ образовались долги. Мы ожидали лучшаго времени, когда я окончу курсъ инженеромъ. Но наши ожиданія не оправдались: я получилъ дипломъ, но не нашелъ мѣста и попрежнему долженъ былъ довольствоваться тѣмъ немногимъ, что заработывалъ уроками; а мать къ тому времени выбилась изъ силъ и стала неспособна къ труду. Сдѣлалось такъ тяжело, что я рѣшился перебраться въ Америку. Мы уговорились, что мать переселится ко мнѣ, какъ только я тамъ найду опредѣленный и вѣрный заработокъ.

Ну-съ, объ Америкѣ здѣсь вѣдь очень невѣрныя понятія! Десять лѣтъ пошло у меня на пріисканіе вѣрнаго заработка и на уплату нашихъ долговъ, далеко не большихъ. Я побывалъ и кондукторомъ на конкѣ, и наборщикомъ, и разносчикомъ афишъ, и чернорабочимъ, и кочегаромъ, и, наконецъ, машинистомъ. Впрочемъ, заработокъ былъ не слишкомъ плохъ, а когда я размѣнивалъ для отсылки свои доллары на кроны, выходило даже не мало. И не могу пожаловаться: хватало и на жизнь моей матери, и на меня самого.

— Подъ конецъ стало совсѣмъ хорошо: изъ машинистовъ я перешелъ старшимъ рабочимъ на большую пильню на западѣ, потомъ меня сдѣлали десятникомъ и, наконецъ, управляющимъ всего завода. Я поспѣшилъ написать матери, чтобы она скорѣе ѣхала ко мнѣ. Но было поздно. Она отвѣтила мнѣ, что лучше мнѣ самому побывать на родинѣ, если я хочу застать ее въ живыхъ, потому что дни ея сочтены. Она не скрывала отъ меня, что сильно тосковала всѣ эти годы и что сочла бы себя счастливой повидать меня передъ смертью...

Ну, я попросилъ отпуска, а когда не получилъ его, отказался отъ своего мѣста и выѣхалъ сюда. Три мѣсяца просидѣлъ я у изголовья ея постели; затѣмъ она умерла. Она была единственнымъ существомъ, къ которому я былъ привязанъ, единственнымъ мнѣ близкимъ человѣкомъ... Разумѣется мнѣ было тяжело лишиться ея... Гм!.. Однако, не буду надоѣдать вамъ разсужденіями о своихъ чувствахъ. Скажу только, что горе отозвалось на мнѣ плохо. Я былъ почти въ отчаяніи и чуть не сошелъ съ ума. Я потерялъ даже вѣру. Съ молоду я вѣдь былъ очень религіозенъ, какъ вся наша семья. Но теперь, когда въ своемъ горѣ я по привычкѣ обращалъ взоръ въ небу, оно оказывалось для меня пусто. Моего бога тамъ уже не было. Сердце отказывалось допустить Бога, потому что пришлось бы представить Его себѣ жестокимъ. За что я страдалъ съ самаго рожденія? За что моя мать умерла, не познавъ въ жизни ни одной радости? Душа возмущалась. Я проклиналъ теперь все, чему прежде поклонялся, и ненавидѣлъ то, что когда-то любилъ. Я перешелъ сразу изъ одной крайности въ другую: выходило вѣдь, точно меня обманули!.. Ну, разумѣется жизнь отъ этого стала еще мрачнѣе. Куда я ни глядѣлъ, всюду вокругъ себя я видѣлъ только напрасное зло, напрасныя мученія... И я полюбилъ несчастныхъ людей всею силою того чувства, которое я отдавалъ прежде Творцу. Такъ, приблизительно, обстояло тогда въ моей душѣ, да и потомъ не все измѣнилось...

Онъ умолкъ. Его лобъ пылалъ, а щеки

оставались блѣдными. Въ глазахъ сверкали недобрые огоньки.

Кеслеръ посмотрѣлъ на него почти добродушно.

— Не тревожьтесь, вы не утратили своихъ вѣрованій,—сказалъ онъ.—Ваше возмущеніе противъ Бога доказываетъ, что вы еще вѣрите. Вѣдь нельзя ненавидѣть то, чего нѣмъ... Однако, объясните, почему вы не вернулись въ Америку?

— Не стоило!—возразилъ Галль, опять впадая въ тонъ апатіи.—Вѣдь меня тамъ тотчасъ же замѣнили другимъ инженеромъ. Въ Америкѣ, какъ и вездѣ, на каждое свободное мѣсто является цѣлая толпа желающихъ занять его. Замѣнить меня было нетрудно... Ну, а начинать все съизнова и силъ не было, да и не стоило. Когда остаешься одинъ и надо заботиться только о себѣ, жизнь получаетъ вѣдь совсѣмъ иную цѣну, чѣмъ когда сознаешь, что существованіе любимой матери зависитъ отъ того, уцѣлѣешь или погибнешь въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Я жилъ и работалъ для этой бѣдной крестьянки, которая родила меня на свѣтъ и отдала мнѣ весь жаръ своей безъискусственной, честной души. Потомъ, когда я уложилъ ея, сломленное тяжелой жизнью, тѣло въ черный досчатый гробъ и когда закопали этотъ гробъ въ землю, стало казаться, что мнѣ уже ничего не осталось дѣлать на этомъ свѣтѣ. О работѣ я даже сразу не вспомнилъ. Трудъ, какъ и пища, потеряли для меня всякій вкусъ. Но время шло, сбереженія были окончательно прожиты и когда мнѣ сталъ грозить голодъ, я невольно встрепенулся. Я перебрался сюда въ поискахъ какой-нибудь работы. Мнѣ казалось, что человѣкъ съ нѣкоторыми познаніями и съ порядочной опытностью въ разнаго рода трудѣ не могъ же остаться совсѣмъ безъ заработка; по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ этого не бывало. Я вѣдь согласенъ былъ на что придется: хоть въ чернорабочіе, хоть улицы мести. Оказалось однако, что даже такой трудъ здѣсь достается не всякому. Все переполнено, все осаждается голодающими... Да... Два мѣсяца я здѣсь брожу въ поискахъ работы; объ этомъ мнѣ каждый день напоминаетъ моя квартирная хозяйка, давно уже переставшая меня кормить... И ничего нѣтъ...

Онъ замолчалъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что въ своей откровенности онъ зашелъ слишкомъ далеко и что его послѣднія слова этотъ чужой человѣкъ можетъ истолковать по своему. Чего добраго, еще приметъ всю исповѣдь за, прикрытую разными измышленіями, просьбу о подаяніи!

При этой мысли онъ сильно покраснѣлъ и насупился. А Густавъ Кеслеръ шелъ возлѣ него молча и не смотрѣлъ на него... Это молчаніе окончательно разстроило Галля. Онъ почувствовалъ настоятельную необходимость немедленно прервать это тягостное молчаніе и такъ, чтобы тотъ понялъ, что передъ нимъ не нищій. Онъ напрягъ всѣ свои способности, стараясь найти что-нибудь шутливое и веселое или насмѣшливое. Но онъ ничего не находилъ и это бѣсило его. Однако, что-нибудь надо было сказать—лучше глупость, чѣмъ-ничего. И онъ проговорилъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Банальнѣйшая исторія—не правда ли? Въ сущности вѣдь даже глупая до смѣшного! Да, да,— жизнь траги-комедія...

Кеслеръ попрежнему шелъ задумчивый и серьезный. На послѣднюю выходку инженера онъ даже не обратилъ вниманія. Онъ видимо обдумывалъ что-то, и Томасъ Галль попытался угадать его мысли.

«Навѣрное, онъ теперь соображаетъ: дать или нѣтъ, какую-нибудь крону этому бѣдняку?—думалъ онъ.—Навѣрное, онъ вообразилъ тамъ въ залѣ, что у меня закружилась голова отъ голода, и теперь, послѣ моихъ признаній, сочтетъ себя вправѣ подать мнѣ сколько можетъ на хлѣбъ»...

Брови его сдвинулись. Все лицо приняло суровое выраженіе недоступности.

Редакторъ еще разъ покосился на него и заговорилъ сухо, дѣловымъ тономъ:

— Стало быть, вы хорошо ознакомлены съ положеніемъ и жизнью рабочихъ въ Америкѣ? Сами вѣдь прошли черезъ

всѣ ступени? Намъ было бы не только любопытно, но и полезно узнать разныя подробности... Гдѣ вы живете?

— На южной сторонѣ, въ дешевыхъ квартирахъ.—Онъ назвалъ улицу и нумеръ дома.

— Не возьметесь ли написать для насъ нѣсколько статей о положеніи рабочихъ за океаномъ? У насъ не хватаетъ средствъ платить такіе гонорары, какъ въ большихъ газетахъ, но то, что можемъ, мы плотимъ исправно...

Эта выдумка показалась Галлю даже забавной. Ясно вѣдь было, что вся затѣя была только предлогомъ, чтобы сунуть ему нѣсколько кронъ какъ бы въ счетъ гонорара! Но это не удастся!.. И онъ отвѣтилъ съ злорадствомъ:

— Я въ жизни не писалъ для печати ни строчки. Это искусство мнѣ незнакомо.

— Вздоръ!—заворчалъ Опасный, таково было уличное прозвище Густава Кеслера.—Вѣдь писали же вы на своемъ вѣку письма? Напримѣръ, къ матери?

— Разумѣется, но...

— Такъ о чемъ же вы тревожитесь? Вообразите, что вы описываете своей матери все, что тамъ случилось съ вами и что вы наблюдали. Большаго и не требуется... Наконецъ, кое въ чемъ и мы поможемъ—на то мы сидимъ въ редакціи. Неужели вы воображаете, что нужны таланты для работы въ нашихъ газетахъ? Во всей толпѣ газетныхъ сотрудниковъ столицы не найдется и десяти талантливыхъ писателей. А какъ публицисты ничего себѣ... годятся. Приходите завтра ко мнѣ въ редакцію и принесите первую статью, т.-е. письмо. Вотъ вамъ моя карточка съ адресомъ. А теперь до свиданія.

Томасъ Галль не успѣлъ даже отвѣтить. Онъ машинально пожалъ протянутую ему огромную руку, принялъ карточку и черезъ минуту стоялъ уже одинъ на углу улицы, по которой удалялся Кеслеръ.

II.

Онъ постоялъ нѣкоторое время въ раздумьи, разсѣянно оглядѣлся по сторонамъ, замѣтилъ вскользь, что попалъ въ совершенно незнакомую ему часть города, но остался къ этому равнодушенъ и побрелъ прямо впередъ наудачу. Ему пришлось идти какими-то узкими темными улицами съ огромными домами по обѣимъ сторонамъ. Потомъ онъ неожиданно вышелъ на широкій бульваръ съ блестящими магазинами, съ толпою пѣшеходовъ на тротуарахъ, съ множествомъ сновавшихъ взадъ и впередъ экипажей. Онъ шелъ въ толпѣ также равнодушно, какъ и пустынными улицами и очутился, наконецъ, на какой то большой площади, гдѣ опять было тихо и безлюдно.

Начинало смеркаться; становилось холодно. Галль невольно ежился въ своемъ легкомъ пальто, когда налетали порывы вѣтра. Вокругъ вспыхивали огоньки: то зажигали уличные фонари... Стало быть, и этотъ день конченъ, а впереди опять ночь... Ночь и зима! Теперь, небось, и медвѣдь въ лѣсу позаботился уже о своей берлогѣ на зиму; поди, залегъ уже, и спитъ, и будетъ ему тепло... чѣмъ больше снѣга, тѣмъ теплѣе...

Томасъ Галль чувствовалъ мучительные приступы голода и дрожалъ отъ холода. Онъ соображалъ, что медвѣдь счастливѣе его. Хорошо ему залечь на цѣлую зиму и нѣжиться въ своей теплой шубѣ, и беззаботно спать, въ спокойной увѣренности, что когда онъ проснется, будетъ уже весна. Этакъ бы проспать хоть въ могилѣ до лучшихъ временъ, до весны трудящагося человѣчества!..

Онъ уже миновалъ площадь и шелъ по набережной. Мысли попрежнему бродили въ его головѣ быстро и безпорядочно. По временамъ онъ точно забывался.

Вотъ онъ на какомъ-то красивомъ мосту... Стоитъ прислонясь къ периламъ и опершись рукою на вызолоченную корону... Онъ стоитъ и разсѣянно поглядываетъ черезъ перила въ воду...

Столица забавлялась игрою въ лѣто. Былъ воскресный день, и не смотря на холодъ, на островкѣ прямо противъ дворца было гулянье—послѣднее гулянье въ этомъ году. Флаги и пестрыя украшенія скрашивали опустошенія поздней осени. Вдоль набережныхъ, среди порѣдѣвшей и

побурѣвшей листвы деревьевъ мелькали огни разноцвѣтныхъ фонариковъ; изъ такихъ же фонариковъ, увѣшенныхъ рядами, вырисовывался какъ бы остовъ фантастическаго храма веселья, въ которомъ гремѣла духовая музыка; веселье, праздничные звуки гулко неслись по водѣ, заманивая гуляющихъ.

Инженеръ Галль стоялъ и мрачно поглядывалъ на островокъ. Отъ голода въ немъ точно горѣли всѣ внутренности, а кожу коробило отъ холода. Злой насмѣшкой надъ нимъ казались ему веселые звуки музыки, и вся эта толпа, и храмъ веселья изъ разноцвѣтныхъ огней. И, какъ это часто бывало съ нимъ въ минуты сильнаго волненія, ему стало казаться, что онъ слышитъ гдѣ-то внутри себя чудную, строгую музыку, чистые звуки которой то и дѣло покрывались шумомъ съ островка.

«Ну и пусть будетъ такъ! Пусть веселятся тѣ, которымъ надо придумывать всякія ухищренія, чтобы примѣнить свои избытки»...

Онъ видѣлъ передъ собою посинѣлыя лица своихъ слушателей на сходкѣ. Ему были дороги эти люди во всей ихъ забитости, во всемъ ихъ униженіи среди пороковъ и всякихъ преступленій—этихъ естественныхъ плодовъ нищеты. Ему хотѣлось всѣхъ ихъ прижать къ груди, плакать намъ ними, утѣшать ихъ, какъ мать утѣшаетъ ребенка, влить въ ихъ сердца довѣріе къ себѣ, смѣлость и гордость. Страстное чувство поднялось въ немъ и такъ сдавило ему сердце, что опять, какъ тамъ въ залѣ, у него закружилась голова, что-то красное застлало глаза, и онъ зашатался, чувствуя, точно мостъ раздвигался подъ нимъ. Онъ судорожно ухватился за перила, припалъ къ нимъ всѣмъ ослабѣвшимъ тѣломъ и оперся подгибавшимися колѣнями на гранитное основаніе перилъ. Черезъ минуту припадокъ миновалъ: онъ успокоился, силы возвращались.

Теперь одна мысль оставалась въ его усталомъ мозгу: «Разумнѣе всего идти домой! Разумнѣе всего идти домой!» повторялъ онъ себѣ. Онъ осторожно всталъ на ноги. Ничего, идти еще можно было... И, шатаясь, онъ побрелъ черезъ мостъ обратно.

Опять онъ шелъ по безконечнымъ набережнымъ. Подъ нимъ въ водѣ колебались отраженные огни. На водѣ было большое движеніе. То и дѣло скользили по волнамъ темные предметы, должно быть, лодки, послѣ которыхъ нѣкоторое время оставался на водѣ широкій свѣтлый слѣдъ.

Но все это движеніе не оживляло залива, потому что тьма была сильнѣе всѣхъ этихъ скользившихъ въ ней огоньковъ, и тьма придавала водѣ что то пустынное. Такъ вѣдь и во всей вселенной: тьма—основной тонъ; пустынность и смерть—основной принципъ. Что значили отдѣльныя искорки свѣта во всей этой громадѣ мрака? Что значила ничтожная жизнь, кое-гдѣ на поверхностяхъ небесныхъ тѣлъ, въ сравненіи со всей этой громадой пустыни? Да и въ самой жизни радости развѣ не были жалкими искорками, безсильными протестами свѣта противъ печальнаго мрака, какъ основы?..

Глубже и глубже забиралось его воображеніе въ это размышленіе о мракѣ, и мракъ скоро проникъ въ самыя его мысли. Онъ уже ничего не могъ сообразить и шелъ, не разбирая улицъ. не зная, гдѣ идетъ, повинуясь какому-то чисто животному инстинкту. Такъ онъ дошелъ до своего дома, пробрался въ свою комнату и очнулся уже раздѣтый въ своей постели. Это его удивило: но страшная усталость тотчасъ же придавила его и онъ уснулъ.

III.

Когда онъ проснулся, было свѣтло. Сонъ подкрѣпилъ и успокоилъ его; настроеніе было далеко не такое, какъ наканунѣ. Какъ вчера его подавлялъ мракъ, такъ теперь его точно оживлялъ и успокоивалъ яркій свѣтъ. Ему было пріятно слышать громкое чириканье воробьевъ, возившихся за его окномъ на какой-то крышѣ. Онъ чувствовалъ себя хорошо и пока лежалъ безъ движенія. голодъ вовсе не давалъ знать о себѣ.

Довольно долго пролежалъ онъ, раздумывая объ отвлеченныхъ предметахъ съ безпечностью человѣка, которому не о

чемъ тревожиться. Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ предложеніе Кеслера и совершенно спокойно задалъ себѣ вопросъ: не можетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ написать для «Работника» нѣсколько очерковъ всего, что онъ видѣлъ въ Америкѣ и самъ пережилъ въ суровой борьбѣ за существованіе?

Онъ началъ обдумывать свой «матеріалъ», привелъ въ порядокъ главнѣйшія воспоминанія и сдѣлалъ имъ въ умѣ общій обзоръ. Выходило, что ему дѣйствительно было что разсказать, и что дѣло оказывалось не особенно замысловатымъ... Онъ взялъ свою записную книжку, вооружился карандашемъ и началъ писать-лежа въ постели. Онъ послѣдовалъ совѣту Кеслера и совсѣмъ серьезно писалъ длинное, обстоятельное письмо къ своей покойной матери.

Когда оно было окончено, онъ всталъ и выглянулъ изъ окна: на башенныхъ часахъ пробило уже половину второго... При первыхъ же движеніяхъ онъ ощутилъ такую слабость, что голова закружилась, колѣни задрожали и все тѣло показалось ему ужасной тяжестью. Но онъ превозмогъ нездоровые, одѣлся, тщательно вычистилъ свое платье и даже досталъ изъ шкафа нѣсколько поношенный, но еще годный къ употребленію цилиндръ, который уцѣлѣлъ благодаря тому, что въ ссудной кассѣ отказались принять такую поношенную шляпу. Затѣмъ онъ вырвалъ изъ записной книжки исписанные листки, положилъ ихъ въ боковой карманъ и медленной поступью, чтобы опять не вызвать головокруженій, пошелъ въ редакцію «Работника».

Черезъ полчаса онъ стоялъ въ передней редакціи и обдумывалъ, не лучше-ли уйти, не срамясь понапрасну. Его сердце усиленно стучало. Сколько жизнь ни трепала его, онъ не могъ отдѣлаться отъ застѣнчивости, постоянно парализовавшей его дѣятельность; а тутъ ему казалось почти наглостью предлагать въ качествѣ «статьи» жалкій опытъ, который онъ только что окончилъ...

Нѣсколько разъ онъ протягивалъ руку къ дверной скобкѣ, и снова опускалъ ее. Но вотъ позади него послышались шаги... Это разрѣшило его сомнѣнія. Онъ постучалъ въ дверь и вошелъ.

Въ довольно просторной, но темноватой и плохо обставленной комнатѣ какіе-то два господина сидѣли у большого стола. Оба курили. Одинъ съ напряженіемъ смотрѣлъ на полоску бумаги, на которой чернѣли строчки начатой работы и что-то обдумывалъ; другой просматривалъ газеты, не выпуская изъ рукъ большихъ ножницъ. Какая-то блѣдная молодая женщина сидѣла за отдѣльнымъ столикомъ и вписывала что-то въ конторскую книгу.

— Нельзя ли видѣть редактора Кеслера? — спросилъ инженеръ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности.

Размышлявшій господинъ приподнялъ голову и молча указалъ перомъ дверь прямо противъ окна. Томасъ Галль направился къ этой двери и постучалъ; ворчливый голосъ Кеслера, пригласилъ его войти.

Густавъ Кеслеръ, занятый какою-то работой поднялъ голову. Сегодня онъ былъ еще болѣе всклокоченъ, чѣмъ вчера, на сходкѣ. Его огромная фигура у маленькаго письменнаго стола самой дешевой работы, покачивавшагося на жидкихъ ножкахъ, казалась еще больше. Какъ этотъ столъ не разваливался подъ его локтями? Лицо его было багроваго цвѣта, а брови гнѣвно сдвинуты. Видно было, что его что то волновало...

Онъ сейчасъ же узналъ вошедшаго и кивнулъ ему головой.

— Присядьте, пожалуйста!—сказалъ онъ отрывисто.—Я только допишу нѣсколько строкъ.

Онъ опять склонился надъ своимъ хрупкимъ столикомъ, перо его быстро заходило по бумагѣ, на которую онъ сурово поглядывалъ, точно видѣлъ передъ собою противниковъ, которыхъ громилъ.

Томасъ Галль сѣлъ. Довольно долго въ комнатѣ слышался только легкій скрипъ пера редактора, да изъ другой комнаты доносилось позвякиванье ножницъ сотрудника.

Но вотъ Кеслеръ окончилъ свою статью. Онъ расправилъ спину, собралъ со стола разбросанныя полоски бумаги, задумчиво прошелся по комнатѣ, потомъ пріотво-

рилъ дверь и сунулъ исписанныя полоски подошедшему сотруднику.

Когда онъ вернулся и снова опустился въ кресло, на лицѣ его уже не осталось и тѣни суроваго выраженія. Онъ даже улыбнулся.

— Ну-съ, написали вы что-нибудь для насъ?—спросилъ онъ инженера.

Галль подалъ свои листки изъ записной книжки.

— Я сдѣлалъ, какъ вы совѣтовали, но самъ знаю, что это никуда не годится.

— А вотъ сейчасъ посмотримъ.

Онъ плотнѣе усѣлся въ креслѣ и началъ читать. Томасъ Галль не спускалъ глазъ съ его лица, стараясь подмѣтить выраженіе и приготовиться къ приговору, котораго ждалъ. Но всклокоченная голова великана покачивалась, точно въ тактъ чтенію, отнюдь не грозно; въ лицѣ было что то, позволявшее даже надѣяться на самое лучшее...

Наконецъ онъ дочиталъ. Снова вооружившись перомъ, онъ разложилъ листки на столѣ и сталъ исправлять статью чиркая, надписывая что-то между строкъ, но безъ всякаго напряженія, почти машинально...

— Ну-съ, что вамъ сказать? — началъ онъ, не отрываясь отъ свой работы.—Вышло очень интересно. Сейчасъ видно, что не наврано, а правдивый разсказъ человѣка, все это пережившаго. Совсѣмъ другая, совсѣмъ другая цѣна правдивымъ словамъ въ глазахъ читателей... А то эти витіеватыя разглагольствованія спеціальныхъ корреспондентовъ, которые ни минуты не забываютъ, что получаютъ по десяти эре за строчку и... и нанизываютъ фразу на фразу, какъ бусы... При томъ врутъ безбожно, иногда просто для красоты слога... Да... Эта статья написана плохо, очень плохо, но намъ годится. Намъ нужны факты, правда, а не... а не красивыя фразы. Наши читатели въ грошъ не ставятъ красивыя фразы... Ну-съ, вотъ и все!

Онъ кончилъ править и положилъ перо.

— Это пойдетъ въ завтрашнемъ же нумерѣ. Выйдетъ...

Развернувъ передъ собою листки, точно карты, онъ окинулъ ихъ опытнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Выйдетъ строкъ двѣсти, я полагаю. Десять кронъ вы можете получить сейчасъ же. Потрудитесь написать квитанцію.

Томасъ Галль послушно написалъ на положенномъ передъ нимъ лоскуткѣ бумаги то, что ему продиктовали. Редакторъ сдѣлалъ на квитанціи разрѣшительную надпись.

— Деньги вы получите въ той комнатѣ, у барышни. Зайдите ко мнѣ сегодня вечеркомъ—на мою квартиру; мы уговоримся о вашихъ дальнѣйшихъ статьяхъ. А теперь до свиданія!

Инженеръ поклонился и вышелъ. Онъ подалъ квитанцію блѣдной барышнѣ и получилъ отъ нея кредитный билетъ въ десять кронъ. Затѣмъ онъ медленно вышелъ изъ редакціи и остановился на тротуарѣ.

Неужели это все на яву? Неужели правда, что онъ заработалъ цѣлыхъ десять кронъ, написавъ статью, которая завтра появится въ газетѣ?

Но вдругъ онъ почувствовалъ хорошо знакомую жгучую боль, которою возвѣщали о себѣ приступы голода. На этотъ разъ онъ не испугался. Онъ взглянулъ на деньги, которыя все еще были у него въ рукѣ, засмѣялся и быстро направился въ ближайшую кухмистерскую.

IV.

— Ну, мой медвѣдь!—весело привѣтствовала Сигна Кеслеръ своего мужа.— Много ли ты сдѣлалъ сегодня для человѣчества?

Она стояла на ларѣ въ передней и шаловливо покачивалась на этой высотѣ на своихъ маленькихъ, совсѣмъ дѣтскихъ ножкахъ. Такъ она иногда встрѣчала своего великана мужа, которому доходила ростомъ едва до груди. «Мнѣ надоѣло всегда смотрѣть на тебя снизу, мой медвѣдь! — говорила она ему.— Отсюда я могу гордо смотрѣть на тебя сверху внизъ».

Понятно, это была только шутка. Въ ея глазахъ онъ былъ такой же ве-

ликанъ душой, какъ и тѣломъ. Когда она полюбила его, ее больше всего плѣнило въ немъ, что при необыкновенной физической и нравственной силѣ, онъ былъ во многихъ отношеніяхъ безпомощенъ, какъ дитя. Человѣкъ науки и грозный общественный дѣятель, въ своей частной жизни это былъ добрякъ, мягкій, сердечный и совсѣмъ несостоятельный въ житейскихъ дѣлахъ. Зато его жена, какъ ни мала она была ростомъ, прекрасно дополняла его во всемъ, чего ему недоставало. Это была славная, умная женщина, умѣвшая постоять за свое счастье, не забывая и другихъ, и всегда практичная въ повседневной жизни. Ея мужъ, этотъ «опасный» демагогъ въ глазахъ посторонніхъ людей, ютился у сердца своей маленькой жены, какъ нѣжно опекаемое дитя.

Она была дочь богатаго заводчика изъ сѣверной провинціи. Пріѣхавъ слушать лекціи въ университетъ, она познакомилась съ привать-доцентомъ Кеслеромъ, читавшимъ спеціальный курсъ о народнемъ хозяйствѣ, въ его аудиторіи. Уже тогда становилось очевиднымъ, что съ его идеями ему придется скоро промѣнять каѳедру на роль вожака крайней народной партіи. Но это не испугало ее; наоборотъ, это согласовалось съ ея собственными убѣжденіями и только содѣйствовало влеченію, которое она почувствовала къ нему. Далѣе все пошло обычнымъ порядкомъ: ея отецъ и слышать не хотѣлъ о «демагогѣ»; но она была совершеннолѣтняя, самостоятельно располагала небольшимъ состояніемъ, полученнымъ отъ матери, и считала себя вправѣ устраивать свою судьбу по своему. И она вышла замужъ за Густава Кеслера, вопреки угрозамъ отца отречься отъ нея.

Они поселились въ столицѣ. Тамъ на средства жены Кеслеръ основалъ свою газету. Теперь эта газета была главнымъ органомъ рабочей партіи и считалась очень вліятельной; но въ матеріальномъ отношеніи она, вслѣдствіе крайне низкой подписной цѣны, попрежнему поддерживалась только благодаря затратамъ Кеслера.

У домашняго очага этого бурнаго дѣятеля царили миръ и тихое счастье. Сигна была ему не только женой, но и добрымъ товарищемъ, всегда способнымъ понять его и сочувствовать его стремленіямъ. Онъ имѣлъ большія познанія и трезвый умъ; но ему недоставало воображенія. Онъ, такъ сказать, былъ слишкомъ тяжелъ, чтобъ приподняться надъ цифрами и фактами для необходимыхъ обобщеній. Тутъ-то на помощь ему и являлась жена. Она успѣла, въ значительной степени благодаря ему, достичь недюжинныхъ познаній; но при этомъ она обладала еще смѣлымъ воображеніемъ, которое помогало ей схватывать совокупность явленій, какъ бы съ птичьяго полета. Притомъ съ женской потребностью скрашивать всякое дѣло чувствомъ, она съумѣла построить изъ экономическихъ идей мужа цѣлое, какъ бы религіозное, ученіе, которое являлось настоящей находкой для вліянія на людей, неспособныхъ увлекаться одними разсужденіями ума. Всѣмъ этимъ она дѣлилась съ мужемъ сильно помогая ему въ его дѣятельности.

Въ ней онъ находилъ еще и трезваго и всегда доброжелательнаго критика своихъ поступковъ. Она бывала иногда очень строга въ своихъ сужденіяхъ; но такъ какъ онъ зналъ ея безграничную привязанность къ себѣ, то всегда внимательно прислушивался къ ея отзывамъ, и почти всегда находилъ, что она бывала права. Поэтому онъ привыкъ полагаться на ея мнѣнія, и во всемъ совѣтовался съ нею. Избалованная его довѣрчивостью, она даже усвоила привычку выслушивать его разсужденія съ выраженіемъ нѣкотораго превосходства надъ нимъ, иногда даже ироніи. Но это не оскорбляло его самолюбія—онъ хорошо зналъ, что имѣетъ въ ней восторженную поклонницу, не смотря на всѣ ея шутки.

Кто-то выразился однажды, что если общественный дѣятель непопуляренъ, несмотря на то, что его полезная дѣятельность никѣмъ не оспаривается, очень часто въ этомъ виновата его семья. Во всякомъ случаѣ, Густавъ Кеслеръ былъ увѣренъ, что своей популярностью онъ больше всего обязанъ женѣ, потому что только благодаря ей, онъ находилъ въ

своихъ рѣчахъ и статьяхъ оттѣнки, трогавшіе сердца. Иначе онъ былъ бы слишкомъ далекъ отъ толпы и оставался бы непонятъ. А теперь всѣ его понимали, всѣ отдавали справедливость его уму, и даже противники отзывались о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ.

— Ну-съ, такъ что ты сдѣлалъ сегодня хорошаго, мой медвѣдь?—повторила она свой вопросъ.

— Написалъ не слишкомъ холодную статью о причинахъ безработицы,—отвѣтилъ онъ, приближаясь къ ней.

— Надѣюсь, мы не зарвались въ этой статьѣ.

Онъ засмѣялся.

— Это ты увидишь, когда принесутъ корректуры.

— Поемотримъ, а что еще у васъ было сегодня?

— Меня навѣстилъ въ редакціи инженеръ Галль.

— Ну, и что же?

— Онъ написалъ для насъ статейку, которую я тебѣ потомъ покажу. Статейка далеко не глупая... Кстати, я просилъ его зайти сюда вечеркомъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что ты о немъ скажешь.

— Ты хочешь сдѣлать изъ него постояннаго сотрудника?

— Да. Я подозрѣваю, что онъ жестоко голодаетъ...

— Ахъ ты, мой медвѣдь!..

Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги и тотчасъ же въ гостиную вбѣжала семилѣтняя дѣвочка съ вьющимися бѣлокурыми волосами и красивыми сѣрыми глазами. Она поцѣловала мать, а затѣмъ бросилась къ отцу. Черезъ минуту она очутилась у него на рукахъ, но, не удовольствовавшись этимъ, вскарабкалась къ нему на плечо. Тамъ она усѣлась поудобнѣе, ухватилась рукою за его голову и стала барабанить ножками по его груди.

Это доставляло ему величайшее удовольствіе. Онъ счастливо улыбался и влюбленными глазами косился на нее сверху внизъ.

— Папочка, вѣдь обѣдъ поданъ!—вспомнила она вдругъ, зачѣмъ ее прислали.

— Поданъ, Тони? Такъ поѣдемъ къ столу.

Онъ шутливо подалъ женѣ руку, а Тони осталась на плечѣ, и такимъ образомъ семья направилась въ столовую.

Послѣ обѣда Кеслеръ ушелъ работать въ свой кабинетъ. Это была маленькая комнатка, стѣны которой были сплошь заставлены полками съ книгами и въ которой царилъ пуританскій вкусъ самого хозяина. Мебель состояла только изъ письменнаго стола и трехъ простыхъ стульевъ. Въ этой обстановкѣ онъ чувствовалъ себя непринужденнѣе, хотя не препятствовалъ женѣ обставить прочія комнаты квартиры удобнѣе и изящнѣе.

Вечеромъ пришелъ Томасъ Галль.

— Я рада съ вами познакомиться,— сказала ему Сигна.—Въ сущности, я уже знаю васъ по разсказамъ моего отца.

Онъ раскланялся довольно неловко, покраснѣлъ и еще болѣе смутился.

— Много-ли это!—пролепеталъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы возбудить мое любопытство.

— Такое ужъ мое несчастіе, сударыня.

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что когда человѣкъ возбуждаетъ любопытство, отъ него ждутъ хоть чего-нибудь особеннаго. Потомъ обыкновенно получается полное разочарованіе... Большая часть людей интересны только издали; а что касается меня...

— Объ этомъ разрѣшите мнѣ составить мое собственное мнѣніе,—остановила она его, смѣясь.—Пока я во всякомъ случаѣ буду считать это знакомство интереснымъ! Во-первыхъ, вчера, какъ говорятъ, вы съумѣли своей рѣчью поднять духъ цѣлой толпы голодныхъ людей. Какъ хотите, а вѣдь это уже нѣчто на общественномъ поприщѣ. Во-вторыхъ, завтра появится ваша первая статья въ «Работникѣ»... Вѣдь все это интересно, тѣмъ болѣе, что—почемъ мы знаемъ?— вы, можетъ быть, въ концѣ-концовъ для насъ будете сильнымъ союзникомъ.

Она говорила дружески, точно со старымъ знакомымъ, и это тотчасъ же ободрило его. Кеслеръ замѣшкался въ ка-

бинетѣ со своими бумагами; но инженеръ уже не чувствовалъ своей обычной застѣнчивости и отлично справлялся одинъ.

— Вы, конечно, шутите,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Моя роль всегда останется самой незначительной.

— Кто знаетъ? Многіе изъ тѣхъ, которые теперь считаются могущественными дѣятелями, начали скромнѣе васъ. Умѣнье вліять на народныя массы—это вѣдь сила! И должно быть что-то опьяняющее и въ то же время возвышающее въ сознаніи способности вызывать чувства въ цѣлой толпѣ. Но, говорятъ, популярность, какъ морфинъ: испытавшій ее, уже не можетъ обходиться безъ нея, и также какъ морфинъ, она сначала воодушевляетъ, но затѣмъ разслабляетъ человѣка, ибо дѣйствуетъ на его тщеславіе. Припомните, каковы всѣ старые актеры, старыя кокетки, старыя знаменитости вообще, пережившія свою славу! Надѣюсь, что вамъ успѣхъ не сослужитъ такой службы?

— Во всякомъ случаѣ, опасность не близка!—возразилъ онъ, улыбаясь, и довѣрчиво посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

Въ разговоръ вмѣшался вошедшій тѣмъ временемъ Кеслеръ, и его густой басъ раздался въ воздухѣ точно звуки литавровъ.

— Я думаю, ваша статья возьметъ за живое здѣшнихъ рабочихъ,—заговорилъ онъ.—Наши читатели больше всего любятъ объясненія на примѣрахъ. Такъ вотъ, если у васъ нѣтъ ничего лучшаго, призаймитесь-ка пока для нашей газеты. Я съ удовольствіемъ приму отъ васъ цѣлый рядъ статей въ томъ же родѣ, какъ первая; матеріалъ у васъ долженъ быть неистощимый. Продолжайте представлять себѣ, что вы пишете письма доброму другу—вѣдь такъ оно и въ дѣйствительности, если бѣдный человѣкъ вамъ другъ—и не бойтесь говорить по душѣ все, что подскажетъ сердце. Тогда выйдетъ, что надо. Главное, припоминайте мелочи, все, что васъ поражало и волновало. Вы пробовали свои силы на столькихъ поприщахъ, значитъ всякій разъ должны были дѣлать новыя наблюденія. Вы можете, напримѣръ, начать съ описанія вашей службы на конкахъ. Разскажите, сколько вамъ платили, во что обходилась ваша жизнь, какъ къ вамъ относились и прочее. Это вѣдь сильно заинтересуетъ всѣхъ здѣшнихъ многочисленныхъ служащихъ на конкахъ. Потомъ вы съ такою же обстоятельностью разскажете о вашей работѣ въ типографіяхъ—и этимъ вы сразу привлечете всѣхъ наборщиковъ. Точно также напишите статьи для кочегаровъ, для машинистовъ, для чернорабочихъ. Вы говорите, что вамъ доводилось даже мести улицы? Объ этомъ можетъ выйти прекрасная статейка, именно потому, что здѣсь этотъ трудъ въ безсмысленномъ пренебреженіи. Всякаго наведетъ на размышленія, что въ Америкѣ этимъ трудомъ не брезгалъ инженеръ и что онъ вспоминаетъ это безъ всякой горечи, какъ нѣчто совсѣмъ обычное. Въ заключеніе дайте цѣлый рядъ самыхъ подробныхъ статей о пильняхъ, на которыхъ вы работали и которыми вы потомъ управляли. У насъ лѣсопильныхъ заводовъ такъ много и порядки на нихъ такъ плохи, что это животрепещущій вопросъ для Швеціи. Меня лично особенно интересуютъ лѣсопильные заводы еще потому, что сестра жены владѣетъ большимъ заводомъ въ Норботенѣ и искренно желаетъ обставить дѣло какъ можно разумнѣе и справедливѣе... Итакъ, если вы возьметесь за этотъ рядъ статей, вамъ это дастъ кусокъ хлѣба, пока вы пріискиваете себѣ мѣсто, а намъ—вы окажете большую услугу, заинтересовавъ нашей газетой очень многихъ. Васъ самихъ должна увлекать возможность подѣлиться своимъ опытомъ съ множествомъ бѣдняковъ, которые часто не умѣютъ улучшить своего положенія только потому, что не знаютъ лучшаго.

Томасъ Галль легко поддавался энтузіазму. Въ его глазахъ загорѣлись огоньки; онъ весь оживился.

— Вы серьезно думаете, что я могу принести этими статьями пользу?—заговорилъ онъ съ живостью.—Вы допускаете, что не безполезны будутъ такія статьи даже въ моемъ неумѣломъ изложеніи? Для меня вѣдь это вопросъ совѣсти. Я самъ побывалъ въ числѣ тѣхъ, которымъ приходится голодать въ на-

граду за всѣ свои труды... при первомъ же несчастіи. Я знаю, что такое страданія не изъ книгъ, а изъ жизни; я самъ рабочій человѣкъ, живалъ въ нищетѣ, въ конурахъ безъ свѣта и воздуха... Но я недостаточно образованъ; я хорошо знакомъ только со своею спеціальностью. Могу ли я быть увѣренъ, что своими статьями я принесу пользу, а не вредъ? Это вѣдь такіе сложные вопросы, и никогда я не мечталъ сдѣлаться журналистомъ; я даже часто ужасался отвѣтственности, какую берутъ на себя пишущіе люди, люди ученые и развитые. Но вы вѣдь знаете, что вредно и что полезно! Признаться, когда вы предложили мнѣ написать статью, я подумалъ, что вы просто хотите помочь мнѣ... деньгами. Меня тронула ваша доброта, несказанно тронула, хотя я не хотѣлъ подаянія... Но теперь все измѣняется: если вы можете примѣнить меня къ полезному дѣлу, это болѣе, чѣмъ честный кусокъ хлѣба, это цѣлая задача, которая можетъ снова дать цѣль къ жизни. Повѣрьте, за трудомъ и охотой дѣло не станетъ...

Густавъ Кеслеръ протянулъ руку, привѣтливо улыбаясь.

Сигна поглядывала на него и тоже улыбалась. Она уже составила о немъ опредѣленное мнѣніе и онъ ей нравился. Теперь она припоминала, со словъ мужа, его рѣчь и фантастическое утвержденіе, что голодъ приведетъ къ благу, потому что облагораживаетъ людей... Да, этотъ молодой человѣкъ несомнѣнно имѣлъ въ себѣ все, что требуется для того, чтобы быть фанатикомъ! И на него физическія лишенія несомнѣнно дѣйствовали только возвышающимъ душу образомъ.

— Ну? Какъ онъ тебѣ показался?— съ любопытствомъ спросилъ жену Густавъ Кеслеръ, когда инженеръ ушелъ.

Въ ея лицѣ появилось задумчивое выраженіе.

— Онъ мнѣ нравится,—сказала она.— Въ глубинѣ его души, должно быть, много нѣжныхъ, возвышенныхъ чувствъ... Но— это мечтатель! Я даже не удивилась бы, если бы, научившись писать, онъ сдѣлался бы поэтомъ. Подъ твоимъ руководствомъ онъ будетъ вамъ полезенъ. Съ женщинами онъ, вѣроятно, мало встрѣчался въ жизни; это я сразу замѣтила по робости, съ какой онъ вначалѣ говорилъ со мною. Но я увѣрена, что горючаго матеріала въ его сердцѣ много, и когда онъ встрѣтится съ женщиной, которую полюбитъ, пожаръ будетъ порядочный. Разумѣется, пламя продержится не особенно долго—я вообще сомнѣваюсь, чтобы въ немъ было много устойчивости, въ добрѣ, какъ и въ злѣ. Его энергія, повидимому, не высокаго достоинства—полная противоположность твоей, мой милый медвѣдь. Ты годами можешь идти все въ одномъ и томъ же направленіи, съ одинаковой силой въ послѣдній, какъ и въ первый день; а онъ, вѣроятно, способенъ на самые изумительные прыжки, но только на слѣдующій же день обезсилитъ и свалится, какъ вѣтошка. По моему, въ немъ сидитъ мечтатель и поэтъ.

— Гм! Ну, спасибо за такого!—заворчалъ Кеслеръ.—Если изъ него ничего лучшаго не выйдетъ, такъ не стоитъ и возиться съ нимъ. Поэтъ! Скажите, пожалуйста! Поэтовъ—никуда не годныхъ-то у насъ больше, чѣмъ надо... Я съ удовольствіемъ бы отдалъ дюжину такихъ поэтовъ за одного дѣятеля!

— И я бы тоже, мой медвѣдь!—смѣясь согласилась она.—Сколько такихъ поэтиковъ потребовалось бы, чтобы вытянуть то, что ты вѣсишь! Но незьзя же искать одни совершенства.

V.

Статьи Томаса Галля о положеніи рабочихъ въ Америкѣ обратили на себя общее вниманіе какъ въ печати, такъ и среди читателей. Безъискусственность изложенія казалась мастерскимъ пріемомъ для лучшаго выраженія того, что въ нихъ сообщалось: каждое слово производило впечатлѣніе глубоко прочувствованнаго и дѣйствительно пережитаго. Притомъ, все было окрашено горячимъ энтузіазмомъ, съ какимъ авторъ говорилъ о будущемъ труженниковъ, хотя это будущее было еще также далеко въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ. Онъ не скрывалъ недостатковъ и Америки;

и въ концѣ концовъ приходилъ къ заключенію, что въ Америкѣ труженики проходятъ болѣе суровую школу, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, вслѣдствіе чего болѣе способны постоять за себя и поработать для будущаго; тѣмъ не менѣе, улучшенія условій труда, по его мнѣнію, можно скорѣе ждать въ Европѣ, чѣмъ въ Америкѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ были идеи, разбросанныя среди любопытныхъ фактическихъ сообщеній въ статьяхъ инженера Галля. Цѣлыхъ полгода эти статьи изо дня въ день появлялись въ «Работникѣ», одинаково горячія, одинаково любопытныя и содержательныя. Томасъ Галль блистательно опровергалъ предположеніе Сигны о недостаткѣ у него выдержки и въ короткое время сдѣлался чрезвычайно популярнымъ человѣкомъ среди шведскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ столичныхъ.

Съ Густавомъ Кеслеромъ его отношенія были наилучшія. Ему не разъ удалось выказать этому дѣятелю свою привязанность и благодарность. При всякомъ случаѣ онъ объяснялъ сторонникамъ рабочей партіи, какого рѣдкаго человѣка они имѣютъ своимъ главою и какой невознаградимой потерей для партіи было бы всякое умаленіе его авторитета. Самъ онъ слѣпо подчинялся ему, какъ предводителю партіи, чѣмъ подавалъ хорошій примѣръ дисциплины—люди вѣдь отнюдь не отличаются склонностью къ подчиненію, хотя бы и ради общихъ цѣлей.

Все это производило тѣмъ большее впечатлѣніе, что обыкновенно поступаютъ не такъ. Новый, внезапно поднявшійся дѣятель очень часто начинаетъ съ того, что пользуется своей популярностью, чтобы уронить прежнихъ главарей, въ которыхъ видитъ соперниковъ своему дальнѣйшему возвышенію.

Общность работы и задачъ понемногу сблизила и сдружила ихъ. Много содѣйствовала ихъ сближенію также сердечность Томаса Галля, не умѣвшаго отдаваться людямъ наполовину и съ первыхъ же дней знакомства относившагося къ Кеслерамъ, какъ къ друзьямъ. Вездѣ они стали появляться вмѣстѣ: въ редакціи работали за однимъ столомъ; на сходкахъ сидѣли рядомъ. Томасъ Галль сдѣлался любимымъ ораторомъ на этихъ сходкахъ, онъ лучше Кеслера умѣлъ говорить съ толпой и добиваться нужнаго впечатлѣнія. Кеслеръ не всегда умѣлъ становиться на точку зрѣнія темныхъ людей.

Въ домѣ редактора Галль сдѣлался постояннымъ гостемъ, которому всегда бывали одинаково рады. У Кеслеровъ кругъ знакомства былъ обширный, но чисто оффиціальный. Прежніе друзья и родственники избѣгали близости съ опаснымъ предводителемъ рабочихъ. Къ тому же Сигна плохо сходилась съ женщинами, которыя, въ свою очередь, холодно относились къ ней. Все это повело къ тому, что Кеслеры поневолѣ жили очень одиноко. Только Томасъ Галль, да нѣсколько товарищей Кеслера, не успѣвшихъ еще составить себѣ общественнаго положенія, которое могло бы пострадать отъ сношеній съ демагогомъ, бывали у нихъ. И съ ними госпожа Кеслеръ, отъ природы веселая и общительная, отводила душу въ оживленной, товарищеской болтовнѣ. Съ ними она шутила, бывала очень остроумна и умѣла расшевелить каждаго. Прелесть бесѣды съ ней въ томъ и заключалась, что не смотря на уваженіе которое она всѣмъ внушала къ себѣ, всѣ чувствовали себя съ ней весело и непринужденно.

Томасъ Галль сдѣлался ея любимцемъ. Онъ такъ прекрасно дополнялъ ея «медвѣдя» во всемъ, что требовало поэзіи, а въ основѣ, какъ теперь уже никто не сомнѣвался, былъ такимъ же непоколебимо честнымъ и человѣколюбивымъ. Притомъ, какъ и Кеслеръ, онъ плохо умѣлъ заботиться о себѣ и очень нуждался въ ея наставленіяхъ и материнскомъ покровительствѣ, а это женщинамъ всегда нравится.

— Вы настоящій дикарь!—смѣялась она надъ нимъ въ первый же разъ, что онъ обѣдалъ у нихъ. — Вы не умѣете ѣсть за европейскимъ столомъ! Вотъ какъ вы должны держать ножъ, а этакъ вилку... И стаканъ... Берите стаканъ проще, вотъ такъ...

Онъ добросовѣстно исполнялъ все, что

она совѣтовала, выслушивалъ каждое ея поученіе серьезно, какъ научную новость и вовсе не тяготился ролью «воспитанника». Зато и успѣхи его были таковы, что она приходила въ восхищеніе.

— Отлично, отлично!—расхваливала она его.—Скоро вы будете настоящимъ свѣтскимъ кавалеромъ.

Иногда она посылала его въ цирюльню постричься.

— Волосы у меня совсѣмъ не длинны! — съ непритворнымъ изумленіемъ протестовалъ онъ въ первый разъ.

Она хохотала.

— Да вѣдь у васъ образовались космы!—объясняла она. — Посмотрите въ зеркало. Ваши волосы касаются воротника... А борода! Такая лохматая борода къ лицу только пророку.

Онъ возражалъ не безъ основанія, что Кеслеръ бывалъ всегда не менѣе лохматъ, но повиновался и шелъ стричься.

Она же заставила его нанять лучшую комнату и заказать себѣ платье у порядочнаго портного.

— Приличенъ ли я теперь? — спросилъ онъ ее, когда въ первый разъ пришелъ въ своемъ новомъ платьѣ.

— Да, теперь вы одѣты прилично.

— И держусь какъ слѣдуетъ?

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ...

Онъ работалъ очень много. Кромѣ своихъ статей, онъ взялъ на себя много мелкой редакціонной работы и все выполнялъ не только усердно, но съ какимъ то сосредоточеннымъ увлеченіемъ, точно молодой священникъ, которому впервые приходится выполнять священныя для него обязанности въ ризницѣ. Онъ былъ весьма проникнутъ величіемъ задачи, которую преслѣдовала газета, и не могъ себѣ представить лучшей цѣли, какъ содѣйствовать успѣху газеты.

Въ сущности, онъ жилъ въ мечтахъ, при помощи которыхъ незамѣтно для себя дополнялъ событія окружающей его дѣйствительности. Поэтому, самыя ничтожныя событія получали въ его глазахъ серьезное значеніе. И такова была сила его искренности, что онъ невольно заражалъ своимъ увлеченіемъ окружающихъ, и всѣ вокругъ него, какъ и самъ онъ, начинали жить въ постоянномъ возбужденіи, съ новымъ запасомъ энергіи, съ удвоенными силами.

VI.

Такъ прошли зима и весна. Наступило лѣто и Густавъ Кеслеръ переселился со своей семьей на дачу въ Шкеры. Въ редакцію онъ сталъ пріѣзжать всего два раза въ недѣлю; въ прочіе дни всѣ его обязанности по редактированію «Работника» сталъ исполнять Томасъ Галль. Такое довѣріе льстило его самолюбію и онъ сталъ работать съ бо́льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ когда-либо. Благодаря ему, газета положительно процвѣтала, и это радовола его.

Но безъ Кеслеровъ городъ сталъ казаться ему пустыннымъ. Онъ привыкъ проводить у нихъ свободные часы; теперь онъ скучалъ, не зная, куда дѣваться. Другихъ близкихъ людей у него не было; не даромъ онъ всегда говорилъ, что они замѣнили ему мать.

Покончивъ съ дневнымъ трудомъ, его душа требовала тепла, а внѣ общенія съ друзьями онъ этого тепла не находилъ. Онъ сходился съ людьми трудно и только благодаря особенно счастливымъ случайностямъ. Такъ было съ Кеслерами. Другіе люди, которыхъ онъ встрѣчалъ, были ему чужды и мало его интересовали.

Поэтому ему оставалась только работа, какъ занятіе и какъ развлеченіе. Такъ онъ и относился къ ней.

Прошли цѣлыя недѣли. Въ опустѣвшей столицѣ было тихо и душно, какъ въ могилѣ Въ іюльскомъ раскаленномъ воздухѣ было что-то такое, что совсѣмъ обезсилило Томаса Галля, и онъ палъ духомъ.

Однажды, въ пятницу, Густавъ Кеслеръ уговорилъ его отдохнуть и увезъ съ собою на дачу.

— Вы что-то опять похудѣли и выглядите нехорошо,—сказала Сигна, увидѣвъ его.—Отъ чего это?

Онъ покраснѣлъ.

— Вѣроятно, отъ тоски по васъ,— отвѣтилъ онъ съ обычной ему прямотой. Онъ сопровождалъ эти слова взглядомъ, которымъ окинулъ не только ее, но и

Кеслера, и маленькую Тони. Тѣмъ не менѣе Сигна потупилась и въ этотъ день была молчалива.

Въ воскресенье вечеромъ, когда онъ уѣхалъ, Кеслеръ и его жена еще долго сидѣли на верандѣ. Видъ открывался съ нея на проливъ. Въ воздухѣ было тихо. Зарево заката красиво отражалось въ потемнѣвшей водѣ пролива. Мѣстами вода точно искрилась.

Въ глазахъ госпожи Кеслеръ тоже горѣли искорки.

— А знаешь, что не очень-то благовидно удерживать Галля на черной работѣ въ газетѣ!—сказала она неожиданно.—Онъ трудится, какъ негръ, а самъ ты вѣдь знаешь, что будущности у него на этомъ поприщѣ нѣтъ...

— Это даетъ ему честный кусокъ хлѣба! Не вижу тутъ ничего неблаговиднаго!—возразилъ Кеслеръ.—Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ голодать безъ работы.

— Разумѣется! Но это затянулось на слишкомъ долго, точно навсегда... Развѣ онъ не предполагаетъ уже вернуться въ Америку или здѣсь—къ своей спеціальности?

— Нѣтъ. Онъ увлекся нашимъ общимъ дѣломъ, а какъ ты знаешь, почву для этого онъ находитъ въ Старомъ Свѣтѣ болѣе удобною и газету—самымъ сильнымъ средствомъ. Признаюсь, и я не охотно бы отказался отъ такого сотрудника, въ особенности теперь, когда самъ, какъ и всѣ наши читатели, привыкъ къ его работѣ.

— Однако, мой медвѣдь, попытаемся взглянуть на дѣло безкорыстнѣе!—замѣтила она улыбаясь.—Согласись, что для его будущности было бы лучше, если бы онъ нашелъ себѣ дѣло по своей спеціальности, какъ инженеръ.

Густавъ Кеслеръ задумчиво и какъ бы нехотя кивнулъ раза два своей лохматой головой.

— Сомнѣваюсь, чтобы онъ этого желалъ,—сказалъ онъ медленно.—И какъ бы онъ ужился на какомъ-нибудь заводѣ съ хозяевами? Онъ умѣренъ, но въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ и справедливымъ, онъ не сдѣлаетъ уступки. Наконецъ, онъ такъ привязанъ къ намъ...

Лицо молодой женщины приняло странное выраженіе: губы ея подернулись усмѣшкой, а глаза остались серьезными; въ то же время во всемъ лицѣ разлилось что-то не то ироническое, не то печальное, хотя на мужа она поглядывала съ бо́льшей любовью, чѣмъ когда-нибудь. Можетъ быть, она думала: «Мой славный, глупый медвѣдь! Ничего-то ты не видишь и не понимаешь въ повседневной жизни. Какъ ты наивенъ, не смотря на весь твой умъ и на всю твою ученость—и какъ ты мнѣ милъ именно такимъ неуклюжимъ, и недогадливымъ, и славнымъ».

Но этого она не высказала, а выраженія ея лица онъ даже не замѣтилъ.

— Такъ ты успѣлъ замѣтить его привязанность къ намъ, мой медвѣдь?—сказала она насмѣшливо.—Да, да... онъ въ самомъ дѣлѣ привязанъ къ намъ... даже настолько, что скоро это будетъ неудобно! По крайней мѣрѣ, мнѣ!

— Что ты хочешь этимъ скааать?—спросилъ озадаченный Густавъ Кеслеръ.

— Я хочу сказать, что у меня очень обширное сердце, но оно цѣликомъ занято твоей объемистой личностью, и я не могу заключить въ это сердце и его!

— Неужели ты думаешь?..—пробормоталъ онъ растерянно.—Неужели ты думаешь, что этотъ парень...

Она встала и, приблизившись къ нему, ласково заглянула ему въ лицо.

— О такихъ вещахъ не думаютъ!—сказала она тихо.—Такія вещи знаютъ или не знаютъ. Онъ то, конечно, еще ничего не знаетъ! Онъ похожъ на человѣка, котораго поставили на стеклянную скамейку и заряжаютъ электричествомъ безъ его вѣдома. Мнѣ стоило бы протянуть ему палецъ, чтобы изъ него посыпались искры. Ясно, что надо прекратить это заряжаніе и удалить его!.. Не ради меня, конечно, — прибавила она съ усмѣшкой,—а ради него. Понимаешь теперь?

Да, теперь онъ кое-что понималъ! Но такія размышленія были ему настолько непривычны, что онъ не могъ въ нихъ разобраться и озабоченно почесывалъ въ затылкѣ, не зная, что сказать.

— Но вѣдь Галль не хочетъ съ нами разстаться,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Разумѣется, не хочетъ! Но я-то хочу, чтобы онъ уѣхалъ! По счастью, его не хитро уговорить на что угодно, и все можно будетъ устроить очень гладко.

— Ты думаешь?

— Да, навѣрно. Я до сихъ поръ не раздумывала объ этомъ, потому что сама не знала, насколько все это серьезно. Но теперь...

Она задумалась; нѣкоторое время оба молчали.

— Ну, на что-нибудь надо же рѣшиться!—сказала она вдругъ, прерывая свои размышленія.—Знаешь что? Мнѣ хочется написать сестрѣ Гедвигѣ. Я разскажу ей въ письмѣ о прошломъ инженера Галля и постараюсь изобразить его въ самомъ романическомъ свѣтѣ. Ты вѣдь знаешь, какая она мечтательница! Если мнѣ удастся заинтересовать ее, она поговоритъ съ своимъ мужемъ, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что для Томаса Галля найдется какое-нибудь мѣсто на ея большихъ заводахъ.

Кеслеръ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Неужели ты думаешь, что Карлъ согласится принять на заводы человѣка съ такими взглядами на рабочій вопросъ, какъ взгляды инженера Галля?—сказалъ онъ недовѣрчиво.

Она кивнула утвердительно.

— Непремѣнно согласится, въ особенности, если Гедвига будетъ настаивать. Онъ вѣдь гордится прочностью своихъ добрыхъ отношеній къ рабочимъ, и взялъ бы къ себѣ хоть анархиста, чтобы доказать, что никто не можетъ поколебать довѣрія къ нему рабочихъ. А Томасъ Галль человѣкъ умѣренный, съ которымъ онъ даже легко столкуется. Онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ справедливѣе многихъ.

— Что же, попробуй!—сказалъ Кеслеръ задумчиво. — Если тебѣ удастся устроить это дѣло, я тогда самъ попробую уговорить его взять мѣсто.

— Нѣтъ, ужъ лучше предоставь мнѣ!— возразила, она улыбаясь. — По правдѣ сказать, я не предвижу даже трудностей. Вы, мужчины, очень гордитесь своей стойкостью, а въ дѣйствительности каждаго изъ васъ можно обвить вокругъ пальца, какъ тесемку —была бы только охота!

VII.

Въ сентябрѣ Кеслеры вернулись на городскую квартиру. Инженеръ Галль тотчасъ же возобновилъ свои посѣщенія. Онъ являлся обыкновенно въ сумеркахъ, и, видно было по довольному выраженію, которое появлялось на его лицѣ, едва онъ опускался въ кресло и переводилъ духъ, что онъ находилъ наслажденіе вдыхать самый воздухъ квартиры. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ оставаться въ своемъ креслѣ одинъ, когда хозяева бывали заняты, и все-таки щурился отъ удовольствія, точно котъ передъ затопленной печкой.

Въ одинъ ненастный осенній день надъ книгой у круглаго стола склонялись двѣ головы—одна съ темными волосами, другая—свѣтлая. То были Сигна и ея дочь. Вошелъ Томасъ Галль. При появленіи гостя онѣ поднялись. Маленькая Тони пододвинула ему стулъ.

— Теперь дядя Томъ поможетъ намъ!— сказала она весело.

— А Густава нѣтъ дома? — освѣдомился онъ у госпожи Кеслеръ.

— Да, онъ вышелъ; но онъ скоро вернется. Садитесь и помогите намъ. Я взялась переводить для Тони «The Paradise and the Peri» Томаса Мура. Большое вѣдь наслажденіе въ видѣ отдыха отъ печальной дѣйствительности окунуться въ такую лазурь чистѣйшаго идеализма. Но нѣкоторыхъ выраженій я не умѣю перевести. Вы лучше владѣете англійскимъ языкомъ: поправляйте меня, когда я буду ошибаться.

Онъ усѣлся и сталъ слушать. Отъ времени до времени онъ вспоминалъ порученную ему обязанность, и дѣлалъ замѣчанія; но больше онъ молчалъ, съ любовью поглядывая на мать и на ребенка.

Наконецъ, чтеніе было окончено. Тони поцѣловала мать, пожелала ему покойной ночи и ушла.

— А мнѣ надо поговорить съ вами о дѣлѣ,—сказала Сигна, когда они остались одни.

— Ого! Видно, о чемъ-нибудь очень серьезномъ?—замѣтилъ онъ.—Заключаю это по энергическому выраженію, съ какимъ вы это сказали.

— Видите, я получила сегодня письмо отъ сестры, и въ этомъ письмѣ есть нѣчто, касающееся вашей будущности.

— Моей будущности?

Онъ произнесъ это съ удивленіемъ и слегка пожалъ плечами. Не въ его натурѣ было вообще серьезно задумываться о завтрашнемъ днѣ; а теперь онъ и подавно не желалъ думать о будущемъ, такъ какъ слишкомъ дорожилъ настоящимъ. Притомъ онъ находилъ до такой степени естественнымъ, что долженъ оставаться при дѣлѣ, въ которомъ оказывался полезенъ и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, что ему и въ голову не приходило затѣвать что-нибудь новое ради заботъ о своемъ будущемъ.

Госпожа Кеслеръ пристально посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Такъ какъ сами вы слишкомъ озабочены будущностью человѣчества, чтобы вспоминать о своей собственной, поневолѣ ваши друзья должны подумать за васъ. Теперь выслушайте, что мы задумали. Моя сестра сообщила мнѣ, что на ея заводѣ нуженъ технически подготовленный и хорошо знакомый съ лѣсопильнымъ дѣломъ, человѣкъ для занятія должности завѣдующаго рабочими. Кажется, это у нихъ называется старшимъ мастеромъ, или какъ-то въ этомъ родѣ. Заводъ въ Бьерне. Тамъ пилятъ доски и, кромѣ того, имѣется токарный отдѣлъ, въ которомъ дѣлаются катушки, мебельныя составныя части и многое другое. Не согласитесь ли вы принять эту должность?

Лицо Томаса Галля потемнѣло; прошло довольно много времени прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Я очень вамъ благодаренъ за попеченія обо мнѣ; но, если мнѣ предоставленъ свободный выборъ, я могу только сказать: нѣтъ.

Она привѣтливо кивнула ему. Отвѣтъ былъ именно такой, какого она ждала, и потому она продолжала совершенно спокойно:

— Вы бы все таки обдумали это предложеніе. Въ вашемъ теперешнемъ дѣлѣ виды на будущее очень плохи. Ваше положеніе при газетѣ не имѣетъ основанія; все дѣло вѣдь непрочно. До сихъ поръ газета поддерживалась—въ экономическомъ отношеніи, конечно—только благодаря моему мужу; но можетъ наступить день, когда ему самому будетъ нечего давать, потому что наше состояніе быстро истощается. Мы вѣдь небогаты. И безъ того тяжело думать, что врядъ ли намъ удастся оставить хоть что-нибудь бѣдной Тони... Черезъ восемь лѣтъ она будетъ уже взрослая, а къ тому времени—согласитесь—вамъ не удастся передѣлать людей настолько, чтобы она не пострадала отъ бѣдности. Имѣемъ ли мы право растратить и ея маленькую часть? Добровольно не слѣдуетъ опускаться до нищеты; это такъ же глупо, какъ выброситься въ окно, потому что даже для дѣла подезнѣе, чтобы руководящіе имъ люди оставались хоть въ нѣкоторой матеріальной независимости.

Онъ ничего не возразилъ и старался не встрѣчаться съ нею взглядомъ. Потому, какъ она сразу вооружилась такими щекотливыми доводами, какъ вопросъ о личныхъ средствахъ семьи Кеслера, онъ почувствовалъ, что она рѣшилась заставить его принять это мѣсто и что сопротивляться будетъ трудно. Ему была ненавистна самая мысль о такой перемѣнѣ въ своей судьбѣ; онъ вообще имѣлъ отвращеніе къ перемѣнамъ, можетъ быть, именно потому, что судьба много кидала его изъ стороны въ сторону, а теперь ему меньше чѣмъ когда-либо хотѣлось перемѣны. Но онъ не находилъ ни одного подходящаго аргумента для возраженія: онъ былъ сбитъ съ толку и подавленъ ея словами о ихъ можетъ близкомъ разореніи.

Между тѣмъ госпожа Кеслеръ снова заговорила. Она доказывала, какъ много добра онъ можетъ сдѣлать на заводѣ практически; она напоминала, что краснорѣчивый примѣръ возможности согласованія интересовъ хозяевъ съ интересами рабочихъ можетъ сдѣлать не меньше, чѣмъ самыя блестящія разсужденія пе-

*

чати... Но чѣмъ убѣдительнѣе становились ея слова, тѣмъ онъ дѣлался мрачнѣе и съ тоскою поглядывалъ на дверь передней, поджидая самого Кеслера. Отъ него онъ ждалъ помощи и защиты! Но Кеслеръ не являлся...

Сигна стала разсказывать о мѣстахъ, гдѣ были заводы ея сестры:

— Вы знаете, я вѣдь родилась тамъ, на сѣверѣ. Какъ ни мѣняешься съ годами, а трудно разлюбить тотъ клочокъ земли, на которомъ прошли дѣтскіе годы. И я, признаюсь, всегда вспоминаю о тѣхъ мѣстахъ съ горячимъ чувствомъ. Мнѣ дороги и милы наши огромные сѣверные лѣса, хотя три четверти года надъ ними стоитъ холодная, темная зима. Меня часто туда тянетъ, въ особенности, когда что-нибудь напомнитъ о банальности здѣшней столичной жизни и когда начинаютъ донимать здѣшнія мелочи... Не то было тамъ, на сѣверѣ! Всѣ мои дѣтскія воспоминанія освѣщены такимъ своеобразнымъ свѣтомъ. Лѣтнія ночи тамъ не такія, какъ здѣсь; свѣтло, какъ передъ сумерками, но свѣтъ какой-то странный, таинственный... А зимою ночи такія длинныя, тяжелыя, захватываютъ сутки настолько, что день является точно грифельной чертой на черной аспидной доскѣ... Вы не можете себѣ представить, какая это диковинная страна! Не смотря на холодъ, это страна глубокихъ чувствъ, страна воображенія и мечтаній.

Она говорила горячо, но взгляды ея скользили мимо него. Томасъ Галль только покашливалъ.

— Ну, конечно, конечно, — продолжала она, — все это не можетъ имѣть значенія для васъ. Я даже не отрицаю, что, можетъ быть, мое пристрастіе къ роднымъ мѣстамъ украшаетъ ихъ для меня особенностями, которыхъ другой тамъ не увидитъ. И много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинула родной край. Но все-таки я увѣрена, что въ будущемъ наши сѣверныя провинціи будутъ играть важнѣйшую роль. Тамъ легче, чѣмъ здѣсь, все устраивается по новому, потому что тамъ нужнѣе, чѣмъ въ болѣе благопріятномъ климатѣ, успѣхи культуры. Да и заселяться стали тѣ мѣста въ новѣйшее время, новыми людьми, безъ укоренившихся мѣстныхъ традицій. Тамъ быстро размножаются фабрики и заводы... Тамъ будетъ центръ фабричной дѣятельности Швеціи, и это въ самомъ скоромъ времени. Человѣку, который служитъ установленію лучшихъ отношеній между рабочими и работодателями, тамъ есть къ чему приложить свои силы!

Этими словами она задѣла въ немъ чувствительныя струны, и онъ вдругъ весь оживился.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, тамъ все еще только возникаетъ! — сказалъ онъ, уже не избѣгая ея взгляда. — Объ этомъ я не думалъ... это дѣйствительно важно!.. Можетъ быть, тамъ можно будетъ основать очагъ разумныхъ отношеній, и оттуда справедливость пойдетъ по всей странѣ... дойдетъ даже сюда и дальше.

Эти слова онъ проговорилъ задумчиво; въ немъ уже начиналъ работать наивный мечтатель. Но этотъ быстрый переходъ былъ слишкомъ неожиданнымъ испытаніемъ природной веселости Сигны и она не удержалась. Она громко расхохоталась и проговорила прерывистымъ отъ смѣха голосомъ.

— Однако, какія у васъ смѣлыя надежды! По совѣсти говоря, вы можете иногда превзойти самого Рудбека, когда даете волю своему творчеству.

Ея смѣхъ былъ для него, какъ ведро холодной воды, и онъ опять насупился.

Вскорѣ послѣ того пришелъ Кеслеръ, и обсужденіе вопроса возобновилось, на этотъ разъ въ дѣловомъ тонѣ, трезво и логично. Кеслеръ перечислилъ всѣ доводы за принятіе Томасомъ Галлемъ предлагаемаго мѣста, сначала съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ самого инженера, потомъ — партійныхъ. Выходило ясно, какъ день, что отказываться не слѣдовало.

— Я вижу, ты хочешь во что бы то ни стало отдѣлаться отъ меня! — сказалъ Томасъ Галль упавшимъ голосомъ.

— Глупости... вздоръ! — заворчалъ Опасный. — Ты самъ знаешь, какъ мнѣ будетъ тяжело безъ тебя. Въ моемъ положеніи важно имѣть возлѣ себя друга,

на котораго можно полагаться. Давно ли мы сошлись?—а я уже не знаю, какъ и обходиться безъ тебя, и много разъ ты меня положительно выручалъ... Такъ стоитъ ли говорить пустяки! Всѣ мы будемъ тосковать по тебѣ... Но такъ какъ дѣло идетъ о твоей будущности, и вообще... Спроси жену, какъ трудно мнѣ было побороть свои эгоистическія чувства и отказаться отъ твоей помощи въ газетѣ. Но пришлось согласиться, что удерживать тебя было бы непростительно. Видишь ли...

Онъ снова началъ разсматривать вопросъ со всѣхъ сторонъ, говорилъ умно, методично и безстрастно, точно читалъ лекцію. Оказывалось, что можно было съ увѣренностью предсказать Томасу Галлю быстрое повышеніе въ должностяхъ и пріобрѣтеніе большого вліянія на цѣлый округъ съ постоянно развивающеюся фабричной дѣятельностью. Въ интересахъ партіи нельзя было этимъ пренебрегать и уступать такіе шансы противникамъ. Хотя Томасъ Галль и чувствовалъ вели чайшую неохоту разстаться съ столицей, но онъ былъ со всѣхъ сторонъ оцѣпленъ такими неопровержимыми доводами, что ему оставался только одинъ выходъ: на все согласиться и ѣхать.

Только два раза въ жизни—когда онъ уѣзжалъ въ Америку и десять лѣтъ спустя, когда онъ прощался съ умирающей матерью—ему было такъ тяжело на душѣ, какъ теперь. Но онъ не жаловался и не возражалъ: онъ вѣрилъ, что подчиняется тяжелой необходимости.

VIII.

Когда онъ пожелалъ друзьямъ покойной ночи и ушелъ домой, онъ былъ блѣденъ и печаленъ. Дома онъ тотчасъ же раздѣлся и легъ въ постель, но даже не попытался заснуть, а сталъ раздумывать о томъ, что случилось.

Итакъ, его удаляли! Конечно, съ благими намѣреніями, но все-таки отставляли и удаляли! Что же это составляло для него? Это значило разстаться съ Густавомъ Кеслеромъ, который сдѣлался для него тѣмъ, чѣмъ бываетъ славный рыцарь для молодого оруженосца—учителемъ, и другомъ, и олицетвореніемъ всего, къ чему онъ стремился. Это значило покинуть и Сигну! Можетъ быть, навсегда! Это значило никогда уже не увидѣть больше дѣтской головки Тони, которая въ его отсутствіи вырастетъ и забудетъ его. Это значило лишиться точно собственной семьи и опять начать жизнь бобылемъ среди чужихъ, холодныхъ людей! Вдобавокъ, выйти изъ боя, гдѣ уже бывало столько побѣдъ, гдѣ жизнь пріобрѣла для него столько прелести и смысла, гдѣ трудъ казался наслажденіемъ и кипучая дѣятельность только ободряла! Уйти какъ разъ передъ главнымъ сраженіемъ, передъ выборами! Промѣнять все это на жизнь въ отдаленной провинціи, гдѣ не будетъ и тѣни здѣшней борьбы, гдѣ долго еще придется довольствоваться кропотливыми, просвѣтительными приготовленіями.

Онъ прищурился, точно отъ физической боли, такъ это его огорчало.

Но его сильное воображеніе, ярко изобразивъ передъ нимъ картину всего, чего онъ лишался, и доведя его до полнаго отчаянія, на этомъ не остановилось. Оно продолжало работать и теперь рисовало ему картины будущаго. Онъ уже видѣлъ себя въ таинственной, своеобразной странѣ крайняго сѣвера, въ странѣ, которую госпожа Кеслеръ называла своей дорогой родиной. Яснѣе и яснѣе рисовались передъ нимъ горы, укутанныя дремучимъ лѣсомъ, и бурные потоки, надъ которыми быстро размножались фабрики и заводы, и новыя селенія, и энергичные предприниматели, которые не боялись нововведеній и хотѣли строить свое счастіе не на нуждѣ, а на благоденствіи зависящихъ отъ нихъ людей. Такъ онъ мечталъ когда-то объ Америкѣ, стоя на палубѣ парохода, на которомъ переплывалъ океанъ. Положимъ, въ прелестяхъ Америки ему пришлось разочароваться. Но теперь другое дѣло...

Огорченіе уже почти не чувствовалось. Онъ съ любопытствомъ присматривался къ тому, что рисовало ему воображеніе, точно это было наяву. И онъ представлялъ себѣ удивительную страну, населенную совсѣмъ не такими людьми, какъ другія страны. Это вѣдь были люди «глу-

бокихъ чувствъ, воображенія и мечтаній», такъ говорила госпожа Кеслеръ. Стало быть, это были ему родные братья!.. Едва пронеслась въ его мозгу эта мысль, какъ цѣлый рой мечтаній подхватилъ его и въ душѣ шевельнулось что-то горячее, точно онъ услышалъ звуки родной народной пѣсни гдѣ-то далеко на чужбинѣ.

Его сердце забилось быстрѣе; дыханіе ускорилось; ему даже стало жарко. Онъ всталъ, открылъ окно и оперся на подоконникъ.

Ночной холодный воздухъ освѣжилъ его. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ, не чувствуя холода. Подъ нимъ разстилался спящій городъ. Лишь кое-гдѣ, точно золотые блестки на черномъ сукнѣ, желтѣли непогашенные уличные фонари. Было очень тихо.

— Тамъ будетъ еще тише! — подумалъ онъ.

И вдругъ его мечтательное настроеніе точно погасло. Не оставалось и душившаго его передъ тѣмъ остраго горя. Онъ вдругъ сталъ спокоенъ и холоденъ, точно проникся спокойствіемъ холодной ночи.

Онъ закрылъ окно, вернулся въ свою постель и тотчасъ же крѣпко уснулъ. Но какъ это всегда съ нимъ бывало послѣ сильныхъ волненій, у него сдѣлался точно легкій бредъ, и яркія прачудливыя сновидѣнія овладѣли имъ.

Вотъ онъ точно летитъ высоко въ воздухѣ надъ какою-то страною, которая ему казалась знакомою, хотя онъ видѣлъ подъ собою только неясныя темныя пятна, среди которыхъ кое-гдѣ сверкали свѣтлыя точки. Онъ зналъ, что сейчасъ упадетъ на землю и замиралъ отъ страха...

Вотъ онъ падаетъ... Все быстрѣе и быстрѣе, точно камень, брошенный съ горы. Вокругъ него воздухъ свиститъ, какъ вьюга. Его леденитъ морозъ, и чѣмъ ниже онъ опускается, тѣмъ становится холоднѣе...

Онъ проснулся, но тотчасъ же снова уснулъ.

Теперь онъ стоялъ на землѣ. Онъ былъ одинокъ; на немъ болтались какія-то лохмотья; онъ былъ босъ и ноги, проваливавшіяся въ снѣгу по колѣна, ныли отъ холода. Была ночь; но ни одной звѣзды не было видно на небѣ. Его путь лежалъ черезъ большую снѣжную поляну прямо къ темнѣвшему вдали лѣсу. Ужасно было пустынно! Вдругъ, когда онъ приблизился къ лѣсу, послышалась вдали музыка... Онъ вошелъ въ лѣсъ.

Тамъ оказался замокъ, сверкавшій въ ночномъ мракѣ множествомъ ярко освѣщенныхъ оконъ. Изъ замка доносились звуки музыки; ясно было, что тамъ былъ веселый праздникъ. А онъ стоялъ передъ воротами замка и дрожалъ на морозѣ въ своемъ рубищѣ. Ему очень хотѣлось войти и тоже обогрѣться въ теплѣ ярко освѣщенныхъ комнатъ; онъ даже угадывалъ, что его тамъ ждали и приняли бы радушно. Но подъемный мостъ былъ поднятъ, а ровъ вокругъ замка былъ полонъ незамерзшей воды. Тогда онъ рѣшился вплавь перебраться черезъ ровъ. Черезъ минуту онъ уже плылъ въ холодной мутной водѣ, а потомъ вскарабкался на террасу замка, добрался до ближайшаго окна, плотно приложилъ лицо къ стеклу и сталъ смотрѣть въ комнаты.

Да, въ замкѣ было блестящее празднество. На раззолоченномъ тронѣ сидѣла ослѣпительно прекрасная женщина—очевидно, королева—черты которой ему кого-то напоминали, но кого именно, онъ не могъ вспомнить, и это его огорчало. Она была блѣдна и задумчива. Ярко сверкали въ ея волосахъ и на обнаженной прекрасной шеѣ драгоцѣнные камни; ея нарядъ былъ ослѣпительно красивъ; но она этому не радовалась.

Музыка играла какой-то торжественный медленный танецъ. Нарядные кавалеры и нарядныя дамы въ яркихъ, легкихъ платьяхъ танцовали въ залахъ. А передъ королевой стояли на колѣняхъ рыцари, одѣтые въ шелкъ и въ бархатъ... Они упрашивали ее отдать одному изъ нихъ странный цвѣтокъ, который она держала въ рукѣ. Цвѣтокъ былъ нѣжный и красивый, но съ длинными острыми шипами, торчавшими изъ подъ нѣжныхъ лепестковъ, точно тонкіе ножи.

Онъ понялъ, что получить этотъ цвѣ-

токъ величайшее счастіе, и онъ тоже захотѣлъ счастія страстно, неудержимо. Но вѣдь на немъ были лохмотья нищаго, и онъ даже не могъ войти въ замокъ, а другіе были тамъ, у самыхъ ногъ королевы, нарядные и смѣлые...

Вдругъ она встала, обернулась прямо къ окну, за которымъ онъ стоялъ, и поманила его рукой. Тогда однимъ движеніемъ онъ вышибъ раму окна и бросился къ ней... Вотъ уже цвѣтокъ на его груди! Онъ протягиваетъ руки, и сама королева тихо опускается въ его объятія. Онъ ощущаетъ ея теплое тѣло у своей груди и невыразимо счастливъ, такъ счастливъ, что его даже не безпокоитъ острая боль въ боку: это шипы придавленнаго ею цвѣтка впились ему въ самое сердце и убиваютъ его; но онъ все-таки радъ и замираетъ въ блаженствѣ.

Онъ наполовину проснулся, попытался что-то вспомнить и понять, но снова уснулъ.

Теперь уже не было ни замка, ни королевы. Онъ былъ одинъ на какой-то высокой горѣ. Все, что онъ видѣлъ на землѣ съ горы, казалось ему мелкимъ и ничтожнымъ: рѣки были точно бѣлыя измятыя ниточки; озера казались не больше опавшихъ съ серебристаго тополя листьевъ; самыя большія строенія походили на карточные домики. Живыя существа на землѣ всѣ казались одинаково мелкими букашками, и онъ не могъ отличить людей отъ животныхъ. Да и ничто не интересовало его. Велика ли важность, что такія букашки мерзнутъ и погибаютъ? Все это ничто въ природѣ, и ничего не измѣнится, если изъ нихъ умретъ нѣсколько бо́льшее число, чѣмъ обыкновенно. Тужить о нихъ онъ во всякомъ случаѣ не можетъ: его сердце стало холоднымъ и тяжелымъ, какъ камень.

Онъ сидитъ одинъ на своей горѣ и равнодушно поглядываетъ вокругъ себя. Ему холодно; но и къ этому онъ равнодушенъ.

Но вотъ къ нему на гору хлопотливо взбирается маленькая бѣлокурая дѣвочка. Она смотритъ на него своими веселыми дѣтскими глазками, и вдругъ отъ ея взгляда его замерзшее сердце начинаетъ согрѣваться, оттаивать. Его спокойствіе исчезаетъ; ему уже не безразлично его одиночество. Дѣвочка протягиваетъ ему ручку, и онъ жадно хватается за эту теплую, мягкую ручку. Она ведетъ его внизъ на землю. И вдругъ все, что казалось ничтожнымъ, въ его глазахъ выростаетъ и пріобрѣтаетъ значеніе, все, что было издали сѣро и однообразно, получаетъ совсѣмъ другой видъ: на озерахъ играетъ рябь отъ вѣтерка; горные потоки пѣнятся и шумятъ; высокія ели въ лѣсу точно указываютъ ему синее небо. И живыя существа оказываются не букашками и не похожи другъ на дружку. Вонъ идетъ медвѣдь, вонъ лисица, а это... это вѣдь люди, такіе же люди, какъ онъ самъ, и тоже непохожіе одинъ на другого! Какое множество между ними блѣдныхъ, несчастныхъ, съ искаженными отъ страданія лицами! Онъ заглядываетъ имъ въ глаза; онъ сочувствуетъ имъ и любитъ ихъ больше всего на свѣтѣ. Но тутъ онъ спохватывается, что самъ несчастенъ, несчастнѣе всѣхъ другихъ. Чѣмъ же ему утѣшить ихъ?

А вотъ и стемнѣло вокругъ него... Или это онъ умираетъ, не видитъ больше свѣта? Онъ уже не чувствуетъ въ своей рукѣ дѣтской ручки. Онъ опять одинъ. Онъ задыхается. Онъ хватается за голову, и оказывается, что волоса его покрыты инеемъ. Какъ холодно... холодно!..

Онъ просыпается и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

Вотъ оно что! Онъ плохо заперъ окно, и оно раскрылось вѣтромъ. Въ комнатѣ, дѣйствительно, было очень холодно!..

IX.

Въ концѣ октября Томасъ Галль выѣхалъ на сѣверъ къ мѣсту своей новой дѣятельности. Онъ выѣхалъ моремъ съ послѣднимъ «рабочимъ» пароходомъ.

Изъ телеграммъ съ метеорологическихъ станцій было извѣстно, что въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи уже начались довольно сильные морозы и что мѣстами Ботническій заливъ уже покрылся льдомъ. Между немногочисленными пасажирскими пароходами царила тревога. Удастся ли добраться до Норботена и не будетъ

ли пароходъ затертъ льдами гдѣ-нибудь въ пустынныхъ шхерахъ? Это была бы настоящая катастрофа, такъ какъ пришлось бы нѣсколько недѣль просидѣть среди утесовъ впроголодь—запасовъ на пароходѣ было немного.

Первыя сутки все шло благополучно. День былъ пасмурный; было холодно и сыро, но тихо. Можно было плыть полнымъ ходомъ. На другой день повалилъ густой снѣгъ. Пароходъ пошелъ тихимъ ходомъ. Корабельный колоколъ непрерывно звонилъ. Отъ времени до времени подавался протяжный свистокъ для предостереженія могущихъ встрѣтиться судовъ. Ничего не было видно за пеленой заливщаго тяжелыми хлопьями снѣга и приходилось плыть точно съ завязанными глазами.

Томасъ Галль ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. Онъ былъ укутанъ въ мягкій плэдъ и холодъ его не безпокоилъ. Теперь онъ всецѣло былъ охваченъ свойственной почти всякому сѣверянину страстью къ путешествіямъ. О своемъ горѣ онъ не вспоминалъ. Ему нравилась опасность этого рейса глубокой осенью, подъ снѣгомъ, среди моря, уже замерзавшаго у береговъ. Именно такъ, сквозь таинственную тучу снѣга надо было плыть къ таинственной странѣ снѣга, къ невѣдомой будущности!

Уже три дня длилось путешествіе. Наконецъ, прояснилось; воздухъ былъ чистъ и прозраченъ; на небѣ ярко сверкали звѣзды... Зато морозъ усилился и при безвѣтріи это не обѣщало ничего хорошаго. Отъ времени до времени раздавался точно оглушительный скрежетъ: это желѣзный корпусъ парохода прорѣзалъ образовавшійся на поверхности моря тонкій слой льда.

Утромъ, на четвертый день, когда Томасъ Галль вышелъ на палубу, море разстилалось вокругъ парохода гладкое, какъ зеркало. Но зеркало было ледяное... И пароходъ былъ неузнаваемъ: весь онъ былъ покрытъ пушистымъ инеемъ, а снасти казались свитыми изъ бѣлаго бархата.

На западѣ виднѣлся берегъ. Когда Томасъ Галль поднялся на капитанскій мостикъ, сталъ смотрѣть черезъ большой морской бинокль, и увидѣлъ довольно гористую мѣстность. Далеко на горизонтѣ бѣлѣли вершины хребта, уже покрытаго снѣгомъ; ближе всѣ склоны горъ были покрыты густымъ лѣсомъ, а въ каждой долинѣ виднѣлась рѣка или несся, сверкая на солнцѣ, горный потокъ.

Теперь пароходу приходилось уже безпрерывно пробиваться черезъ ледъ. Еще разъ солнце зашло, а цѣль все еще не была достигнута, хотя была уже недалека. Ночью Томасъ Галль вовсе не могъ заснуть. Близость страны, въ которую онъ переселялся, волновала его. Подъ оглушительный трескъ ломавшагося вокругъ парохода льда онъ опять старался представить себѣ все, что ожидало его въ новыхъ мѣстахъ. Только подъ утро онъ уснулъ, а когда проснулся, пароходъ уже тихо входилъ въ устье рѣки, на которой стоялъ городокъ. Тутъ не было льда вслѣдствіе быстраго теченія рѣки и скоро пароходъ благополучно причаливалъ къ пристани. Такое счастливое окончаніе путешествія даже немного разочаровало Томаса Галля; ему хотѣлось приключеній. Зато онъ былъ почти у цѣли: до заводовъ, на которыхъ ему предстояло служить, оставалось не болѣе семи миль, которыя надо было проѣхать на лошадяхъ.

На набережной онъ безъ труда нашелъ мужика, который взялся доставить его въ своихъ розвальняхъ на заводъ. Запряжка состояла изъ двухъ маленькихъ мохнатыхъ лошаденокъ, запряженныхъ гуськомъ. Розвальни были узки, но очень длинны. Въ нихъ пришлось лечь, какъ въ постель, на мягкое сѣно и сверху укрыться одѣяломъ изъ волчьяго мѣха. Ямщикъ щелкнулъ бичемъ и маленькія лошадки побѣжали быстрой, ровной рысцой.

Въ чистомъ воздухѣ солнце такъ и сверкало. Мѣстность возлѣ городка была довольно пустынна, такъ какъ огромныя площади лѣса были до чиста вырублены и теперь оголенная почва подъ снѣгомъ, скрывавшимъ пни срубленныхъ деревьевъ, казалась безотрадной пустыней. Въ глубинѣ на западѣ сверкали на солнцѣ снѣжныя горы. Позже, когда солнце сѣло, наступили сумерки, горы погасли и стало

совсѣмъ темно; только свѣтъ отъ звѣздъ и бѣлизна снѣга не давали мраку сгуститься настолько, чтобы не видно было дороги. Но въ еловомъ лѣсу, гдѣ темныя деревья стояли сплошной стѣной, не было и этого свѣта. Тамъ была черная ночь, и, вглядываясь въ темноту, Томасъ Галль почувствовалъ нѣкоторое волненіе, точно въ этихъ лѣсахъ съ нимъ неминуемо должно было приключиться что-то необыкновенное. Да, да! Въ такихъ дремучихъ лѣсахъ немудрено было вѣрить въ волшебство и всякую чертовщину! Какіе-то странные звуки то и дѣло доносились изъ чащи: то слышался трескъ и точно тихое пощелкиванье; то проносился шорохъ, точно лѣсъ вздрагивалъ. Большая птица, вѣроятно, испуганная бубенцами лошадей, тихо перелетѣла черезъ дорогу.

— Далеко намъ еще?—спросилъ инженеръ своего возницу.

— Это какъ кому покажется!—добродушно отозвался мужикъ изъ-за поднятаго выше ушей воротника своего тулупа.

— А въ которомъ часу мы будемъ на заводѣ?

— Да надо бы къ седьмому часу добраться.

Теперь повозка выбралась изъ лѣса. Дорога шла лугомъ, на которомъ было сравнительно свѣтло. Опять видна была рѣка. Вода казалась совсѣмъ черной; кое гдѣ плыли бѣлѣвшія въ потьмахъ льдины. Вдали, за холмомъ, слышался ровный гулъ.

— Это что такъ гудитъ?—спросилъ инженеръ.

— Водопадъ!.. Чему же больше гудѣть тутъ?—отозвался ямщикъ, видимо удивленный, что проѣзжающій не зналъ даже такихъ простыхъ вещей.

Томасъ Галль усмѣхнулся. Не очень-то удобно было разговаривать съ этимъ тулупомъ, даже не оборачивавшимся къ нему. Но ему хотѣлось кое-что узнать о людяхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и онъ продолжалъ свои разспросы.

— Ты самъ изъ здѣшнихъ?—спросилъ онъ.—Изъ заводскихъ?

— Изъ заводскихъ...

— А хорошо живутъ рабочіе между собою?

— Рабочіе? Варнаки они, всѣ эти рабочіе, вотъ что! Мы мужики; мы землю пашемъ. Намъ дѣла нѣтъ до рабочихъ, вотъ что!

Голосъ, которымъ былъ данъ этотъ неожиданный отвѣтъ, дрожалъ отъ горечи. Очевидно, затронутъ былъ щекотливый вопросъ. Инженеръ догадался, что между мѣстными крестьянами и пришлыми заводскими рабочими царитъ непримиримая вражда... Его это озадачило. Онъ даже спросилъ себя, къ которой партіи онъ болѣе склоненъ примкнуть. Но вопросъ оказывался мудренымъ, хотя ясно было, что иначе и быть не могло—непонятно, какъ онъ не предвидѣлъ этого обстоятельства?.. Продолжать разговоръ съ ямщикомъ на столь щекотливую тему было неудобно, и онъ замолчалъ.

Грохотъ водопада становился все громче и громче. Вотъ послышались хорошо знакомые звуки пилъ, сталъ видѣнъ и самый заводъ. Огромныя его зданія, сверкавшія множествомъ оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ мастерскихъ, стояли въ глубинѣ долины по ту сторону рѣки. Два большихъ прямоугольныхъ дома, очевидно, лѣсопильный заводъ и фабрика деревянныхъ издѣлій, составляли центръ; вокругъ были расположены второстепенныя заводскія постройки и жилища рабочихъ; далѣе шли безконечные штабеля напиленныхъ досокъ подъ навѣсами. Все вмѣстѣ представлялось цѣлымъ хорошо освѣщеннымъ городкомъ, которому придавала щеголеватый видъ хорошая набережная вдоль всего сѣвернаго берега рѣки.

— А гдѣ же домъ владѣльцевъ?—спросилъ ямщика заинтересованный Томасъ Галль.

Ямщикъ указалъ кнутомъ въ сторону.

— Тамъ, въ лѣсу,—сказалъ онъ.—Отсюда почти не видно. А вотъ это домъ главнаго инженера...

И онъ указалъ двухъ-этажный домъ на набережной.

Черезъ минуту сани спустились на широкій мостъ, а вскорѣ уже весело скользили по хорошо расчищенной отъ снѣга заводской набережной.

О прибытіи Томаса Галля на заводѣ уже знали. Объ этомъ, очевидно, сооб-

щено было изъ городской конторы по телефону. Едва повозка остановилась передъ крыльцомъ двухъэтажнаго дома, какъ со двора приблизился человѣкъ, одѣтый въ простой полушубокъ и кожаную фуражку. Онъ назвалъ себя. Это былъ оставлявшій мѣсто начальника рабочихъ инженеръ Вибель, тотъ, котораго Томасъ Галль долженъ былъ замѣнить.

— Позвольте васъ привѣтствовать здѣсь, инженеръ Галль!—сказалъ онъ ему любезно.—Прошу васъ въ комнаты. Пока вамъ придется удовольствоваться двумя комнатками возлѣ конторы... Я вѣдь могу выѣхать только черезъ мѣсяцъ. Но затѣмъ вамъ будетъ передана моя квартира, и эта квартира недурна. Мы сдѣлали для васъ, что могли.

— Благодарю васъ!— отозвался Томасъ Галль.—Двухъ комнатъ съ меня довольно хоть навсегда. Я вѣдь холостякъ.

— Ну, это въ такой глуши плохо! Я женатъ. У меня жонка великая мастерица стряпать превкусныя вещи! Впрочемъ, вы сами будете судить о ея искусствѣ, если не откажетесь отъужинать съ нами. Прошу васъ, войдите... Нѣтъ, здѣсь нельзя быть холостякомъ! Нѣтъ, нѣтъ... Въ этакой трущобѣ безъ семейнаго очага... хо, хо! Стаканчикъ тодди съ дороги?.. неправда-ли? Пожалуйте! Навѣрно все уже на столѣ.

Они вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, направляясь къ квартирѣ Вибеля.

X.

На слѣдующее утро инженеръ Галль прохаживался въ пріемной егермейстера Хегреуса—мужа владѣлицы заводовъ—и дожидался его выхода изъ кабинета, чтобы представиться ему. У него сердце билось учащенно; его мучила застѣнчивость. Все въ этомъ домѣ свидѣтельствовало о богатствѣ и утонченныхъ привычкахъ людей, отъ которыхъ ему предстояло зависѣть. Почему-то онъ этого не ожидалъ. Его забыли предупредить, а самъ онъ вообразилъ, что въ такой глуши даже богатые заводчики живутъ просто, какъ бывало въ Америкѣ. И въ немъ поднималось враждебное чувство противъ этихъ «баръ». Онъ даже чувствовалъ себя униженнымъ, точно неожиданно превратился въ жалкаго просителя, ищущаго милостей у богача.

Онъ остановился передъ однимъ изъ оконъ, выходившихъ въ паркъ. Прямо отъ круглой площадки передъ крыльцомъ дома, виднѣлась аллея, которая вела къ заводу. Справа и слѣва разстилался красиво разбитый паркъ. Съ одной стороны виднѣлся горный хребетъ; съ другой открывался широкій видъ на долину къ рѣкѣ.

Томасъ Галль смотрѣлъ на все это разсѣянно. Онъ припоминалъ все, что слышалъ въ домѣ Кеслеровъ о ихъ родственникахъ, въ особенности объ егермейстерѣ.

Карлъ Хегреусъ—такъ его звали—былъ сынъ бѣднаго маіора на пенсіи. Самъ онъ занималъ маленькую должность въ придворномъ вѣдомствѣ и былъ столь же бѣденъ, какъ его отецъ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ случайно попалъ въ Бьерне, командированный туда по дѣламъ своей службы. Тогда еще жилъ старый заводчикъ, отецъ Сигны. Это былъ суровый человѣкъ, который никогда не могъ примириться съ мыслью, что его старшая дочь вышла замужъ противъ его воли. Онъ до конца жизни не произнесъ больше ни ея имени, ни имени ея мужа, и боясь повторенія подобнаго же и съ младшей дочерью Гедвигой, держалъ ее точно плѣнницу, никогда не спуская съ глазъ.

Ей наступилъ двадцать второй годъ, а она еще не видѣла изъ всего божьяго міра ничего, кромѣ клочка лѣсистой мѣстности, гдѣ стоялъ заводъ. Воспитаніе она получила при помощи учительницъ, которыя каждую весну смѣнялись вмѣстѣ съ перелетными птицами. Отца она боялась, матери не знала. Единственнымъ другомъ ей была тетя Вивн, двоюродная сестра ея отца, заправлявшая хозяйствомъ въ ихъ домѣ.

Молодой чиновникъ дворцовой конторы долженъ былъ слѣдить за выполненіемъ крупныхъ казенныхъ заказовъ на заводѣ и пробылъ въ Бьерне нѣсколько мѣсяцевъ. За это время рѣшилась участь

бѣдной Гедвиги. Онъ успѣлъ заручиться расположеніемъ ея отца—о ея собственномъ расположеніи онъ не хлопоталъ—и этого было достаточно. Передъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе, сначала отца, а потомъ самой Гедвиги, которой и въ голову не пришло противиться.

Какъ все это произошло, она и сама хорошенько не поняла. Она написала сестрѣ, съ которой никогда не прерывала переписки, и попросила ея совѣта, когда все уже было рѣшено. Она не знала, нравится ли ей женихъ, которому дала слово... Она была съ нимъ едва знакома. Но признавалась, что съ удовольствіемъ думаетъ о бракѣ. Ей просто хотѣлось немножко свободы, хотѣлось вырваться изъ отцовскаго дома, который былъ для нея тюрьмой; ни худого, ни хорошаго, она о немъ не знала. Знала только, что онъ намѣревался увезти ее въ путешествіе, обѣщалъ любить ее, и былъ, по словамъ ея отца, хорошій человѣкъ. Ей стало только жутко и невыразимо тяжело на душѣ, когда онъ обнялъ ее, какъ невѣсту, и поцѣловалъ...

Все письмо было похоже на испуганный лепетъ ребенка, который вдругъ очутился въ потьмахъ, чувствуетъ подъ ногами колеблющуюся почву и съ недоумѣніемъ добивается отъ взрослыхъ, дѣйствительно ли страшно, или онъ безпричинно пугается?

Сигна совѣтовала ей хорошо обдумать свои чувства. Лучше вѣдь разстроить помолвку, чѣмъ сдѣлаться женою нелюбимаго человѣка и потомъ возненавидѣть самую жизнь.

Это предостереженіе ни къ чему не повело. Гедвига не рѣшилась идти противъ отца, свадьба состоялась, и молодые выѣхали въ свадебное путешествіе. Потомъ они вернулись въ Бьерне и поселились вмѣстѣ съ отцомъ. Очевидно, Гедвига сильно ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ, и счастлива ли она была, объ этомъ никто не зналъ. Ни однимъ словомъ въ своихъ письмахъ молодая женщина не давала права предположить, что она несчастна. Но ничего не говорила и о своемъ счастіи.

Однако худого о господинѣ Хегреусѣ никто не могъ сказать. Онъ оказался дѣльнымъ и очень порядочнымъ человѣкомъ. Послѣ смерти тестя онъ взялъ въ свои руки управленіе дѣлами, и безъ того большое состояніе стало увеличиваться быстрѣе прежняго, хотя плата рабочимъ была почти удвоена и для мѣстнаго населенія сдѣлано было столько, что, незабытый въ придворномъ вѣдомствѣ, Хегреусъ былъ награжденъ званіемъ егермейстера.

Въ то время, какъ Томасъ Галль размышлялъ обо всемъ этомъ, позади него послышался звукъ отпираемой двери. Онъ быстро обернулся и увидѣлъ передъ собою человѣка лѣтъ тридцати пяти, державшагося по военному, очень прямо и самоувѣренно. Лицо у него было невыразительное, съ безцвѣтными глазами, блѣднымъ цвѣтомъ лица и свѣтлыми усами. Онъ былъ сухощавъ и казался моложе своихъ лѣтъ. Но во всей его наружности было что-то достойное и открытое, внушавшее уваженіе и заставлявшее относиться къ нему довѣрчиво.

Его наружность произвела на инженера хорошее впечатлѣніе.

Хозяинъ движеніемъ руки пригласилъ Томаса Галля сѣсть и заговорилъ негромкимъ, отчетливымъ голосомъ.

— Намъ не о чемъ, собственно говоря, разговарить, пока мы не поработаемъ вмѣстѣ,—началъ онъ.—Вы, конечно, знаете, что я положился на рекомендацію моей свояченицы... Впрочемъ, то, что намъ сообщили о васъ съ американскаго лѣсопильнаго завода, тоже дѣлаетъ вамъ величайшую честь. Но вѣдь условія здѣсь совсѣмъ не тѣ, что въ Америкѣ, да и вообще очень своеобразныя, въ чемъ вы не замедлите убѣдиться сами. Относительно вашихъ взглядовъ, я могу только сказать, что для меня важны нравственныя достоинства человѣка, а не тѣ или другія его убѣжденія. Я знаю, что у васъ очень передовыя... идеи, но не вижу въ этомъ ничего такого, что могло бы насъ разъединить и во всякомъ случаѣ не намѣренъ стѣснять вашу совѣсть. Съ меня довольно, если вы будете исполнять принятыя на себя обязанности и позаботи-

тесь, чтобы то же дѣлали и рабочіе. Я забочусь о нихъ, насколько умѣю, и у насъ они обезпечены на случай болѣзни или старости. Полагаю, что сохраненіе этихъ преимуществъ, связанное съ прочностью нашихъ дѣлъ, должно быть желательно имъ самимъ.

Томасъ Галль хотѣлъ что-то возразить, но хозяинъ продолжалъ, не давъ ему время это сдѣлать.

— Относительно всѣхъ вашихъ обязанностей поговорите съ инженеромъ Вибелемъ. Онъ пробудетъ здѣсь еще цѣлый мѣсяцъ, чтобы дать вамъ время освоиться съ дѣломъ. Ну-съ, больше мнѣ нечего вамъ сказать о дѣлахъ. Но моя жена тоже хотѣла бы познакомиться съ вами, и поручила мнѣ пригласить васъ сегодня въ половинѣ восьмого къ обѣду. Приглашеніе послано также господину и госпожѣ Вибель.

Сказавъ это, егермейстеръ поднялся и подалъ инженеру руку. Аудіенція была кончена.

«Прослушалъ настоящую проповѣдь!» подумалъ Томасъ Галль, направляясь лѣсной дорогой обратно на заводъ.— «И я все это прослушалъ безъ возраженій!»

Онъ презиралъ себя за почтительное безмолвіе, съ какимъ сидѣлъ передъ ораторствовавшимъ хозяиномъ. Неужели во всемъ, что тотъ наговорилъ, было все такъ безспорно, что принуждало къ почтительному молчанію? Нѣтъ! Очевидно, вся сила господина Хегреуса заключалась въ его самоувѣренности и въ томъ, что онъ принадлежалъ къ особому типу людей, съ которыми Томасу Галлю еще не приходилось встрѣчаться.

«Обѣдъ въ половинѣ восьмого!»—пробормоталъ онъ, усмѣхаясь. — «Можетъ быть, господинъ егермейстеръ хотѣлъ сказать «ужинъ» и только обмолвился!»

Однако онъ рѣшился быть на обѣдѣ, не желая оскорбить хозяйки и вообще не довѣряя своимъ первымъ, чисто внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Въ седьмомъ часу онъ принарядился. Надѣлъ свой новый черный сюртукъ, и лучшій шелковый галстукъ съ красными крапинками, въ который заткнулъ бронзовую булавку съ поддѣльнымъ камнемъ.

Онъ внимательно осмотрѣлъ свой нарядъ въ зеркалѣ и самодовольно подумалъ, что даже строгая Сигна на этотъ разъ осталась бы имъ довольна. Но черезъ минуту ему пришлось разочароваться. Вошедшій за нимъ Вибель съ нетерпѣніемъ вскричалъ:

— Какъ, вы еще не одѣты? Вѣдь пора уже ѣхать!..

— Разумѣется, я одѣтъ!—съ недовольнымъ видомъ и краснѣя возразилъ Томасъ Галль.—Я даже воображалъ, что одѣтъ настоящимъ щеголемъ! — прибавилъ онъ тотчасъ же, смягчаясь и подтрунивая надъ собою.

— Нечего шутить!—заторопилъ его Вибель.—Сейчасъ подадутъ сани и моя жена сойдетъ внизъ. Скорѣе надѣвайте фракъ!

Только теперь Томасъ Галль увидѣлъ, что на немъ фракъ и бѣлый галстухъ. Но противъ такой дичи нельзя было не возмутиться! Этакія затѣи, да еще здѣсь, у полюса! Было бы менѣе удивительно, если бы сказали, что можно остаться въ рабочей блузѣ.

— Развѣ будутъ еще гости? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, но тамъ обѣдаютъ всегда во фракѣ. Даже когда они одни и за столомъ сидятъ только егермейстеръ и его супруга, да тетя Вивн между ними, они всегда одѣты, какъ на вечеръ: онъ во фракѣ, дама въ шелку... Иначе, полагаю, они не съумѣли бы даже ѣсть!

Въ головѣ Томаса Галля закопошились нехорошія мысли. Егермейстеръ и даже его жена—сестра Сигны—были ему просто противны. И какъ всегда бывало, когда онъ серьезно бывалъ недоволенъ, онъ не сталъ даже возражать.

Молча досталъ онъ со дна чемодана свою фрачную пару, сшитую по требованію госпожи Кеслеръ и надѣтую не болѣе двухъ разъ за все время. Съ тѣмъ же зловѣщимъ молчаніемъ онъ переодѣлся, почистился и вышелъ въ другую комнату къ Вибелю.

— Ну-съ, достаточно ли я теперь хорошъ для вашего егермейстера?—спросилъ онъ съ ироніей.

— Нѣтъ, видитъ Богъ, недостаточно! — расхохотался Вибель.—Вы забыли перемѣнить галстухъ.

Томасъ Галль побагровѣлъ отъ негодованія, но опять-таки подчинился требованію и ушелъ перемѣнить галстухъ. Когда онъ черезъ минуту вернулся въ бѣломъ галстухѣ, его губы вздрагивали.

— Въ этакомъ видѣ я сталъ честнѣе и лучше?—спросилъ онъ Вибеля сурово.

Тотъ опять расхохотался.

— Экій вѣдь вы какой!—сказалъ онъ весело.

— Ну зачѣмъ все это?—уже мягче замѣтилъ незлобивый инженеръ.

— Обычаи—что подѣлаешь противъ нихъ! Вчера я замѣтилъ, напримѣръ, что вы ѣдите ножомъ и вилкой, а не руками...

— Причемъ же тутъ ножъ и вилка?

— При томъ, что и это не у всякаго въ обычаяхъ. Дикарь сказалъ бы навѣрное: «Зачѣмъ эти ухищренія? Есть руками гораздо естественнѣе».

— Это сравненіе неудачно. Есть руками нечистоплотно, а тутъ вѣдь только тщеславіе.

— Ахъ, милѣйшій товарищъ—понятія о культурности, да и о самой чистоплотности такъ различны! Дикарю не противно ѣсть руками; а есть люди, которымъ противно употреблять ваши желѣзныя вилки. Наконецъ, есть такіе, которые привыкли передъ обѣдомъ брать ванну и переодѣваться съ ногъ до головы, и это вошло въ ихъ понятія объ опрятности, стало для нихъ дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. Все вѣдь относительно.

Томасъ Галль промолчалъ. Онъ былъ оскорбленъ въ своихъ демократическихъ идеалахъ и почувствовалъ неудовольствіе даже противъ Вибеля, котораго находилъ передъ тѣмъ симпатичнымъ. Очевидно, Вибель не имѣлъ достаточнаго уваженія къ народу, хотя самъ былъ изъ народа, и еще очевиднѣе, что онъ способенъ на компромисы!..

XI.

На пути къ господскому дому всѣ были молчаливы. Томасъ Галль сидѣлъ возлѣ госпожи Вибель, рослой и здоровой женщины, оживлявшейся только, когда заходила рѣчь объ ея образцовомъ хозяйствѣ.

У подъѣзда мужчины помогли госпожѣ Вибель вылѣзти изъ глубокихъ саней, а затѣмъ всѣ трое поднялись на лѣстницу. Нарядный лакей въ ливреѣ помогъ имъ снять шубы въ хорошо натопленной обширной передней, затѣмъ открылъ передъ ними дверь въ гостиную и скрылся.

Послѣднимъ вошелъ Томасъ Галль. Послѣ яркаго электрическаго свѣта въ передней, гостиная показалась ему почти темной, и онъ съ трудомъ различалъ предметы. Онъ видѣлъ только, что госпожа Вибель здоровалась съ какими то двумя дамами и ждалъ своей очереди. Голосъ одной изъ дамъ поразилъ его своею мелодичностью.

— Позволь тебѣ представить инженера Галля!—гдѣ-то раздался голосъ егермейстера.

Томасъ Галль сдѣлалъ два шага впередъ и поклонился. Передъ нимъ была женская фигура, лица которой онъ однако еще не видѣлъ. На удачу онъ протянулъ руку и тотчасъ же къ его рукѣ прикоснулась маленькая теплая ручка. Это было первое впечатлѣніе его первой встрѣчи съ госпожей Гедвигой.

Минуту спустя онъ сидѣлъ въ креслѣ возлѣ нея. Теперь уже онъ различалъ ея лицо и замѣтилъ, что она улыбалась. Ему пришло въ голову, что она улыбается надъ его неуклюжей фигурой и надъ его измявшимся въ чемоданѣ фракомъ; отъ этой догадки онъ густо покраснѣлъ. Но голосъ ея звучалъ мягко и привѣтливо.

— Я очень рада познакомиться съ вами, инженеръ Галль,— говорила она.— Сигна писала о васъ столько интереснаго...

Она пріостановилась, а онъ ничего не нашелъ, что сказать.

Однако ему удалось сдѣлать надъ собой усиліе и найти, наконецъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ въ отвѣтъ хозяйкѣ, которая, съ тактомъ воспитанной женщины и предупрежденная сестрой о его застѣнчивости, снова заговорила съ нимъ

и нарочно тянула свою рѣчь, чтобы дать ему время оправиться. И ему дѣйствительно удалось оправиться; ему даже удалось настроиться соотвѣтственно общему настроенію въ этой гостиной. Онъ добился такой побѣды надъ собою, чтобы не быть посмѣшищемъ этихъ баръ. Но зато на сердцѣ у него кипѣла горечь, и онъ въ душѣ смѣялся самъ надъ собою, находя себя похожимъ на дресированнаго медвѣдя, пляшущаго для потѣхи людей, которыхъ охотнѣе бы растерзалъ.

Лакей распахнулъ двери въ столовую. Тамъ мелькнула бѣлизна скатерти накрытаго стола, освѣщеннаго яркимъ свѣтомъ. Граненый хрусталь и серебро отражали свѣтъ, какъ самоцвѣтные камни. Томасъ Галль замѣтилъ это лишь мелькомъ, потому что въ это время мягкая рука проскользнула подъ его руку, и ему пришлось вести хозяйку дома къ столу. За ними егермейстеръ велъ дородную госпожу Вибель. Инженеръ Вибель съ тетей Виви замыкали шествіе.

За обѣдомъ настроеніе общества стало веселѣе. Самъ Томасъ Галль, не смотря на свои убѣжденія, находилъ большую прелесть въ этой роскоши и утонченности, въ красотѣ и изяществѣ украшавшихъ столъ предметовъ, пожалуй, даже въ изысканности наряда обѣдавшихъ. Одно вѣдь согласовалось съ другимъ. И помимо его воли, негодованіе въ немъ слабѣло. Его точно ласкало и убаюкивало что-то; все вмѣстѣ,—и вкусная пища, и вина, и роскошь, и самая атмосфера надо всѣмъ этимъ, слегка опьяняло его. И въ концѣ концовъ онъ отдался пріятнымъ ощущеніямъ минуты, откладывая размышленія до болѣе удобнаго времени.

Возлѣ него сидѣла хозяйка. Теперь онъ уже не чувствовалъ къ ней враждебности. Онъ успѣлъ разглядѣть, что она была хороша собою и сильно походила лицомъ на свою старшую сестру; недоставало только всего того, что жизнь запечатлѣла въ лицѣ Сигны. Сестры имѣли такое же сходство, какъ растенія одной и той же породы, изъ которыхъ одно было давно уже высажено въ садъ, а другое продолжало развиваться въ теплицѣ. И тепличное растеніе было пышнѣе; зато другое, росшее на вольномъ воздухѣ, было крѣпче, самостоятельнѣе. Лицо Гедвиги не выражало ни энергіи, ни смѣлости; но оно было прекраснѣе лица Сигны: оно было нѣжнѣе, женственнѣе. Только очень ужъ оно было спокойно! Такое невозмутимое спокойствіе бываетъ обыкновенно въ лицахъ только тѣхъ женщинъ, которыя никогда не любили.

Ей было уже за тридцать лѣтъ, но красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ.

Томасъ Галль все больше и больше засматривался на нее. Его особенно поражала нѣжность цвѣта ея лица. Да, смотрѣть на нее было пріятно! Но это не значило, что онъ уже былъ обезоруженъ. Нѣтъ! Красота этой выхоленной барыни его ни съ чѣмъ не примиряла. Пожалуй, даже наоборотъ: эта красота, какъ и роскошь обстановки въ домѣ, сильнѣе напоминала ему о пропасти, которая была между нимъ, плебеемъ, и этими тепличными представителями человѣческаго рода.

Его радовало, что, не смотря на испытываемыя удовольствія, въ глубинѣ его души враждебность къ этимъ «барамъ» только усиливалась. Значитъ, онъ съ спокойной совѣстью могъ находить удовольствіе въ ихъ обидѣ—это не колебало его убѣжденій.

По временамъ ему приходило въ голову, что было бы хорошо бросить мысль о смерти и всякихъ страданіяхъ въ это общество беззаботныхъ людей, которые умѣли только наслаждаться жизнью изо дня въ день и которымъ дѣла не было до несчастій тысячъ своихъ ближнихъ. Не дурно было бы, напримѣръ, сказать этой красивой и нарядной дамѣ, которая такъ мило разсказываетъ ему всякіе пустячки, что, можетъ быть, завтра она будетъ въ горѣ или на смертномъ одрѣ, и что тогда въ ней пробудятся другія мысли! И онъ будетъ радъ, что она страдаетъ, потому что ему ненавистны она и всѣ ей подобныя! Она ненавистна ему именно потому, что обворожила его своей красотой и показала прелесть утонченной, барской роскоши...

Между тѣмъ она разсказывала что-то спокойно, съ довольнымъ видомъ.

Бесѣда текла непринужденно. Госпожа Вибель съ гордостью разсказывала егермейстеру объ изобрѣтенномъ ею особаго рода пудингѣ, и егермейстеръ съ непритворнымъ интересомъ выслушивалъ всѣ подробности приготовленія этого пудинга. Петръ Вибель занималъ тетю Виви разсказами объ опустошеніяхъ, сдѣланныхъ въ лѣсу послѣднимъ ураганомъ. Сама хозяйка мило и непринужденно занимала своего новаго гостя разными сообщеніями объ особенностяхъ сѣверной природы. Только Томасъ Галль оставался молчаливъ и сдержанъ. На вопросы хозяйки онъ отвѣчалъ вѣжливо; по временамъ поддерживалъ бесѣду въ томъ же духѣ, въ какомъ всѣ здѣсь разговаривали. Но все это, какъ онъ самъ замѣчалъ, выходило у него натянуто и не занимательно.

Но вотъ госпожа Гедвига начала разспрашивать его о своей сестрѣ. Тогда онъ внезапно оживился. Его вдругъ охватило злорадное чувство при мысли, что онъ можетъ выказать пренебреженіе къ роскоши и утонченнымъ нравамъ, разсказавъ, до какой степени содержательна и счастлива жизнь въ домѣ Кеслеровъ. Да, да, они счастливы, они чрезвычайно счастливы! Они находятъ ни съ чѣмъ несравнимое нравственное удовлетвореніе въ своей человѣколюбивой дѣятельности, въ великодушіи, съ какимъ отдаютъ ближнимъ свои средства, и силы, и знанія! Они счастливы, потому что ихъ жизнь полна и не требуетъ никакихъ искусственныхъ прикрасъ, какъ въ природѣ не нужны декораціи. Они не могутъ не быть счастливыми, потому что все у нихъ прочно въ жизни: ихъ взаимная любовь основана на нравственной близости.

Онъ разгорячился и сталъ краснорѣчивъ, какъ, бывало, на сходкахъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ замолкли и стали его слушать. Въ лицѣ егермейстера появилось выраженіе глубокой затаенной печали; въ глазахъ Гедвиги засверкали огоньки. Тогда, въ своемъ злорадствѣ, онъ еще больше оживился. Ему казалось, что, говоря о Кеслерахъ, онъ говорилъ о самомъ себѣ, и вдругъ онъ почувствовалъ себя выше и лучше этихъ богачей. Тогда всякія мелочныя чувства точно отъ него отпали: онъ даже почувствовалъ нѣчто похожее на снисходительное состраданіе къ хозяевамъ. Полнаго торжества онъ достигъ, когда заговорилъ о Тони. Эту дѣвочку онъ дѣйствительно любилъ; но теперь, въ этомъ бездѣтномъ домѣ богатыхъ баръ, она вспомнилась ему въ особенно привлекательномъ свѣтѣ, и онъ описалъ милаго ребенка мастерски, въ красивыхъ и прочувствованныхъ выраженіяхъ.

Теперь онъ видѣлъ по лицамъ хозяевъ, что при всемъ ихъ богатствѣ и среди всѣхъ своихъ сокровищъ они вдругъ почувствовали себя жалкими бѣдняками, гораздо бѣднѣе его, въ его помятомъ фракѣ изъ дешеваго сукна. И онъ умолкъ, упиваясь своимъ торжествомъ, вполнѣ удовлетворенный, отомщенный. Ни малѣйшаго стѣсненія онъ уже не чувствовалъ. Въ то же время ему казалось, точно онъ оправдался передъ самимъ собою и другими въ тѣхъ уступкахъ которыя сдѣлалъ сегодня отчасти поневолѣ, отчасти вслѣдствіе ненаходчивости. И въ сознаніи одержанной побѣды онъ захотѣлъ даже быть великодушнымъ: воспользовавшись первымъ благопріятнымъ случаемъ, онъ поднялъ стаканъ и попросилъ позволенія провозгласить тостъ за радушныхъ хозяевъ.

Теперь ему оставалось только одержать еще одну побѣду: доказать этимъ богачамъ, что они благоденствуютъ только вслѣдствіе недостатковъ нынѣшняго строя, что ихъ благодѣянія лишь ничтожная уступка справедливости и что уже недалеко будущее, когда прихотливыхъ благотворителей не будетъ. Пусть только просвѣщеніе людей достигнетъ того, чтобы всѣ располагали одинаковымъ умственнымъ развитіемъ—а это вѣдь недалеко—и тогда не нужны будутъ иниціаторы въ видѣ предпріимчивыхъ богачей...

Послѣ обѣда онъ пошелъ домой пѣшкомъ, одинъ, черезъ лѣсъ. Была звѣздная морозная ночь. Вдали гремѣлъ водопадъ. Съ главной аллеи доносилось позвякиванье бубенчиковъ: то инженеръ Вибель со своей супругой ѣхали домой.

Томасъ Галль шелъ въ раздумьи. Онъ размышлялъ о госпожѣ Гедвигѣ и объ егермейстерѣ. И сильнѣе прежняго въ

немъ шевельнулась ненависть къ богатымъ людямъ.

Сколько онъ помнилъ себя, никогда онъ не былъ доволенъ существующими отношеніями между людьми. Всегда онъ находилъ, что общественный строй долженъ быть весь передѣланъ съизнова. Но по слабости характера его недовольство не всегда бывало одинаково и обострялось большею частью лишь когда ему самому приходилось страдать отъ столкновенія съ общимъ строемъ, когда что-нибудь напоминало ему, насколько самъ онъ неподходящъ для этого строя. Такой толчекъ онъ испыталъ теперь, въ домѣ своего новаго хозяина. И онъ остановился среди лѣса. Вся желчь прилила къ его сердцу. Онъ сжалъ кулаки и сдавилъ зубы отъ ненависти.

Но что это? Почему ему вдругъ показалось, что онъ видитъ передъ собою красивую женскую головку? И кто это ему вспомнился? Ахъ, да, это она, королева полночныхъ странъ, которая ему разъ приснилась!.. Вѣдь можетъ же такой пустякъ врѣзаться въ память...

XII.

Инженеръ Галль оффиціально запросилъ принципала, имѣетъ ли онъ что-нибудь противъ того, чтобы рабочіе собирались иногда на сходки для обсужденія путей, которыми могутъ стремиться къ улучшенію своего положенія. Егермейстеръ велѣлъ отвѣтить, что не только этому не препятствуетъ, но даже сочувствуетъ всему, что можетъ вести законнымъ путемъ къ столь желательной цѣли.

Тогда Томасъ Галль началъ дѣйствовать съ спокойной совѣстью и въ ближайшее воскресеніе собралъ сходку.

Рабочіе собрались всѣ, сколько ихъ было на заводѣ, и молодой инженеръ произнесъ замѣчательно блестящую рѣчь. Онъ понималъ, что отъ перваго впечатлѣнія зависитъ успѣшность всей его дальнѣйшій дѣятельности въ этихъ мѣстахъ, и пустилъ въ ходъ всѣ пріемы, помощью которыхъ столько разъ воспламенялъ сердца столичныхъ рабочихъ. Онъ говорилъ о единеніи, о необходимости разсчитывать только на себя, о преимуществахъ полной независимости отъ хозяевъ и объ образованіи взаимопомощи на артельныхъ началахъ. Въ столицѣ такая рѣчь поминутно бы прерывалась аплодисментами и криками восторга. Но здѣсь толпа осталась безучастна и ни единымъ знакомъ одобренія не наградила оратора.

Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что въ первомъ ряду слушателей сидѣли сами владѣльцы завода? Во всякомъ случаѣ они были на сходкѣ и госпожа Гедвига слушала рѣчь съ непритворнымъ восхищеніемъ.

— Вы хорошо говорите,—сказалъ инженеру егермейстеръ, когда рабочіе очистили залу.—Моя жена въ полномъ восторгѣ отъ вашей рѣчи.

Въ тонѣ принципала было невыносимое для самолюбія Томаса Галля сознаніе своего превосходства, и онъ покраснѣлъ отъ досады, выслушивая это снисходительное одобреніе.

Но, можетъ быть, госпожа Гедвига думала о немъ иначе?

Томасъ Галль приписалъ свою неудачу тому, что онъ хотѣлъ зажечь энтузіазмъ въ своихъ слушателяхъ, тогда какъ, обращаясь къ этимъ холоднымъ сѣверянамъ, надо было только дѣйствовать на ихъ разсудокъ. Черезъ недѣлю онъ снова собралъ сходку и на этотъ разъ говорилъ безъ всякихъ прикрасъ, дѣловито излагая лишь самую суть вопроса о взаимопомощи. Но вышло еще неудачнѣе перваго раза. По сконфуженному виду, съ какимъ расходившіеся послѣ сходки рабочіе поглядывали на него, онъ могъ понять, что они нашли его рѣчь пустячною, а можетъ быть, даже заподозрили его въ какихъ-то дурныхъ намѣреніяхъ. Вѣдь онъ предлагалъ имъ промѣнять пенсіи, которыя выдавались отъ хозяевъ рабочимъ, впавшимъ въ инвалидность, на какіе-то гроши взаимопомощи, которые вдобавокъ они же должны были отдавать изъ своего заработка! По ихъ понятіямъ, тутъ было что-то нечисто...

Сообразивъ это, онъ проникся величайшимъ презрѣніемъ къ этимъ рабскимъ натурамъ, и сразу охладѣлъ къ мѣстнымъ рабочимъ. Его искреннія уси-

Плѣнныхъ индѣйцы по большей части мучили и убивали, только нѣкоторые изъ нихъ оставлялись въ живыхъ и считались тогда собственностью всего селенія. Но женщины всегда составляли предметъ торговли. Калифорнійскіе индѣйцы всегда покупали себѣ женъ, плата вручалась отцу, а дѣвушка уводилась въ вигвамъ своего новаго владѣльца, вопросъ о ея желаніи или не желаніи, повидимому, даже никогда не подымался. Такая покупка женъ на столько вошла въ обычай, что стала нравственно обязательной. Всѣ окружающіе презирали дѣтей женщины, ничего не стоившей своему мужу. Индѣйцы племени ута сдѣлали изъ торговли женщинами свой промыселъ. Они похищали женщинъ у сосѣднихъ племенъ и перепродавали ихъ другимъ. Настоящая же торговля рабами у сѣверо-западныхъ краснокожихъ. Во всей этой области индѣйцы владѣли рабами; впрочемъ, они обыкновенно охотнѣе покупали, чѣмъ продавали ихъ. Пріобрѣтя раба, индѣецъ обыкновенно очень неохотно разстается съ нимъ.

При торговлѣ между собой индѣйцы чаще всего практикуютъ непосредственный обмѣнъ товаровъ. Впрочемъ, нѣкоторыя племена имѣютъ и принятые денежные знаки. Изъ нихъ первую роль играютъ, также какъ въ Африкѣ, особый видъ раковинъ. Это чрезвычайно крѣпкія раковины, которыя индѣйцы съ большимъ трудомъ отдѣлываютъ, придаютъ имъ форму маленькихъ цилиндровъ и нанизываютъ на шнурокъ. Такія нитки раковинъ служатъ денежными единицами; они называются *вампумъ* или ожерелья. Какъ показываетъ самое слово, они играли раньше роль украшеній.

Торговля съ европейцами оказала, какъ и слѣдовало ожидать очень сильное и пагубное вліяніе на краснокожихъ. Особенно гибельно вліяли на нихъ спиртные напитки, къ которымъ они быстро пристрастились. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, замѣтивъ, какъ вымираютъ индѣйцы, живущіе по сосѣдству съ бѣлыми, приняло нѣкорыя мѣры для огражденія ихъ. Оно отвело имъ особыя мѣста, гдѣ торговать съ ними разрѣшалось только купцамъ, имѣвшимъ особое позволеніе и подчинявшимся извѣстнымъ правиламъ, напримѣръ, запрещенію продавать спиртные напитки. Но контролировать эту торговлю оказалось чрезвычайно трудно. Купцы, снабженные правительственными бумагами злоупотребляли своимъ правомъ, обирали несчастныхъ индѣйцевъ, ссужали имъ товары въ долгъ по неслыханнымъ цѣнамъ, а подъ рукой торговали и водкой.

Но главное, отъ чего невозможно оградить индѣйцевъ—это все растущій наплывъ бѣлыхъ. Поселенія бѣлыхъ вторглись въ мѣста, отведенныя для краснокожихъ. У индѣйцевъ не осталось уже свободныхъ мѣстъ для охоты, но они вольны покупать все необходимое въ городахъ бѣлыхъ и разоряться окончательно. Противъ этого всѣ мѣры безсильны.

V. О промышленности и торговлѣ индѣйцевъ вообще.

Промышленность индѣйскихъ племенъ, населяющихъ материки обѣихъ Америкъ, отъ Огненной Земли до полярныхъ странъ, стоитъ на очень низкой ступени развитія. Всѣ они дознакомства съ европейцами не вышли еще изъ каменнаго періода. Тѣ изъ ремеслъ, какія были имъ извѣстны—ткаческое, гончарное и т. п.—находились еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Изъ животныхъ они успѣли приручить только собаку. Племена, жившія ближе къ очагамъ древней цивилизаціи—Мексикѣ и Перу, стояли въ общемъ нѣсколько выше въ промышленномъ отношеніи, но по мѣрѣ удаленія отъ этихъ центровъ—промышленный уровень все понижался. При этихъ условіяхъ торговля естественно не могла развиться. Единственными предметами обмѣна у нѣкоторыхъ племенъ были рабы и женщины.

Съ появленіемъ бѣлыхъ картина мѣняется. Видомъ неизвѣстныхъ товаровъ—желѣза, украшеній, но, главное, водкой, европейцы быстро пробуждаютъ въ индѣйцахъ страсть къ обмѣну и торговыя сношенія немедленно устанавливаются.

Какой переворотъ въ нравственномъ отношеніи произвела торговля на дикихъ, можно судить главнымъ образомъ по краснокожимъ. Въ предъидущемъ столѣтіи и путешественники и миссіонеры единодушно восхваляли благородный и великодушный характеръ краснокожихъ. «Они не знали, что такое *мое* и *твое*,—говоритъ Шарлевуа.—Они заботились о своихъ вдовахъ и сиротахъ; они проявляли изумительное гостепріимство». Между индѣйцами не было богатыхъ и бѣдныхъ. Они даже не могли понять неравномѣрнаго распредѣленія богатства у бѣлыхъ. «Никогда ни одинъ омаха,—разсказываетъ Дорсей,—не отказывался одолжить что бы то ни было своему сосѣду, а занявшій всегда считалъ своимъ долгомъ отдать взятую вещь или замѣнить ее другой, если она была испорчена».

Теперь всѣ эти идиллическіе нравы отошли въ область прошлаго. Торговля быстро развила страсть къ наживѣ и корыстолюбіе. Отъ прежняго равенства не осталось и слѣда. Нищіе индѣйцы, по словамъ одного миссіонера въ Макензи, могутъ умирать съ голоду и ихъ богатые одноплеменники не протянутъ руки. Индѣецъ теперь ничего не сдѣлаетъ даромъ, его первый вопросъ всегда, «Что ты мнѣ дашь, если я сдѣлаю тебѣ это?»

Однажды этотъ миссіонеръ, дѣлавшій много добра туземцамъ, сломалъ себѣ ногу и лежалъ на дорогѣ, не будучи въ силахъ подняться. Индѣйцы проходили мимо и ни одинъ не подошелъ помочь ему. Наконецъ, онъ подозвалъ одного изъ нихъ и попросилъ довести до селенія. «А что ты мнѣ дашь, если я снесу тебя?» отвѣтилъ тотъ.

Характерно также отношеніе индѣйцевъ къ христіанству. Вотъ молитва краснокожихъ, сообщаемая м-ромъ Фародомъ. «Создатель, я

не знаю тебя, но я знаю, что ты сотворилъ всѣ вещи. Сдѣлай, чтобы я жилъ долго; дай мнѣ много здоровыхъ дѣтей, чтобы они кормили меня, когда я состарюсь. Дай мнѣ напасть на слѣды оленей и лосей» и т. д.

Въ общемъ нельзя не сознаться, что, утративъ свою первобытную наивность, краснокожіе далеко не прогрессировали въ нравственномъ отношеніи.

Глава VIII.

Торговля въ центральной Америкѣ.

I. Перу. Государственный коммунизмъ въ Перу.—Роль государства.—Организація промышленности и земледѣлія.—Содержаніе ламъ.—Промышленные классы.—Спеціализація профессій.—Общественные магазины.—Ткацкое ремесло предоставлено исключительно женщинамъ.—Раздѣленіе труда и наблюденіе за нимъ.—Королевскіе ремесленники-артисты.—Копи и металлургія.—Употребленіе благородныхъ металловъ.—Архитектура.—Первоначальное кораблестроеніе.—Отсутствіе внѣшней торговли.—Внутренніе рынки.—Караваны ламъ.—II. Мексика. Земледѣліе и натуральныя повинности.—Текстильная промышленность.—Ремесленники и ремесленныя корпораціи.—Употребленіе каменныхъ и металлическихъ орудій.—Копи и металлургія.—Произведенія ювелировъ. — Сравненіе перувіанской и мексиканской промышленности.—III. Мексиканская торговля. Преобладающій видъ торговли.—Мирная торговля тольтековъ.—Союзы купцовъ-ацтековъ.—Военный характеръ торговли.—Караваны для внѣшней торговли.—Предметы вывоза.—Купцы-соглядатаи.—Внутренніе рынки.—Обращеніе товаровъ.—Металлическая монетная единица.—Первоначальные денежные знаки.—Мастерскія рабовъ послѣ испанскаго завоеванія.—Сравненіе торговли въ обоихъ государствахъ. Противоположность перувіанскаго и мексиканскаго національнаго характера.

I. Перу.

Государства центральной Америки, къ которымъ мы теперь обращаемся, представляютъ и еще долго будутъ представлять значительный интересъ какъ для соціолога, такъ и для этнографа. При изученіи соціологіи они часто ставятъ втупикъ изслѣдователя и задаютъ ему неразрѣшимыя или трудноразрѣшимыя задачи. Какимъ образомъ они возникли и къ какому времени, по крайней мѣрѣ, приблизительно слѣдуетъ относить ихъ возникновеніе? Слѣдуетъ ли допустить, какъ утверждаютъ преданія, участіе иноземныхъ элементовъ въ ихъ образованіи? Какія именно страны оказали на нихъ наибольшее вліяніе Европа, Азія или Африка? Почему цивилизаціи Перу и Мексики такъ различны? Какая судьба ожидала бы ихъ, если бы испанское завоеваніе не положило насильственнаго предѣла ихъ развитію? Мы не будемъ теперь рѣшать этихъ вопросовъ и остановимся исключительно на изученіи промышленности и торговли въ обоихъ государствахъ. Организація труда въ Мексикѣ и Перу, конечно, чрезвычайно различна, такъ какъ Мексика

представляетъ собой типъ феодальной монархіи, а въ Перу осуществлялся такъ или иначе идеалъ государственнаго соціализма, который принято вообще считать утопичнымъ и неосуществимымъ. Коренное различіе въ политическомъ и соціальномъ устройствѣ обоихъ государствъ вело за собой естественно и разные способы распредѣленія богатства въ нихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ промышленность достигла и тутъ, и тамъ, приблизительно, одинаковой ступени развитія.

Въ Перу центральная власть, играя роль Провидѣнія, всѣми силами заботилась о томъ, чтобы всѣ насущныя потребности подданныхъ были удовлетворены; чтобы впасть въ нищету было также немыслимо для перуанца, какъ и сильно разбогатѣть. Никто не пользовался полной свободой, но зато никто не могъ чувствовать себя покинутымъ. Каждый перуанецъ владѣлъ участкомъ земли, съ котораго онъ могъ свободно прокормить и себя, и свою семью. Взамѣнъ этого, государство требовало отъ него содѣйствія при исполненіи разныхъ работъ для пользы всего общества и для содержанія короля, сановниковъ, жрецовъ и представителей административной власти. Впрочемъ, организація государственнаго соціализма въ Перу была уже много разъ описана. Достаточно будетъ напомнить, что въ Перу никто не могъ произвольно выбирать себѣ профессію и измѣнять ее безъ правительственнаго разрѣшенія. Всѣ профессіи тамъ были наслѣдственныя и значительная часть жизни каждаго — не меньше двухъ трехъ мѣсяцевъ въ годъ, — была посвящена общественнымъ работамъ. Отъ нихъ ничто не избавляло и откупиться не было ни малѣйшей возможности. Эти общественныя работы составляли натуральную повинность гражданъ и во все продолженіе ихъ государство обязывалось содержать, кормить и одѣвать работающихъ. Государство Перу не было окружено цивилизованными сосѣдями, съ которыми оно могло бы организовать выгодный обмѣнъ, оно должно было собственными средствами удовлетворять потребности своего населенія и поэтому главнымъ источникомъ его существованія естественно должно было служить земледѣліе. Инка — перуанскій монархъ, какъ въ наши дни китайскій императоръ, — считался первымъ земледѣльцемъ своей страны. Каждый годъ, въ большіе праздники, въ сопровожденіи всего своего двора, онъ собственной высочайшей особой вспахивалъ золотымъ плугомъ опредѣленный участокъ поля. Конечно, этотъ обычай превратился въ символическій обрядъ, предназначенный для того, чтобы дѣйствовать на впечатлительность народа. Но рядомъ съ этимъ правительство организовало цѣлую систему дѣйствительно полезныхъ мѣропріятій. Многочисленные каналы и акведуки проводили воду съ горъ на поля, особенно въ безводныя приморскія области. Планъ орошенія былъ составленъ правительствомъ очень широко и осуществлялся при помощи общественныхъ работъ. Нѣкоторые изъ акведуковъ тянулись на сотни миль, они строились изъ камней, обточенныхъ такъ аккуратно, что они складывались безъ помощи цемента. Акведуки брали

воду изъ горныхъ озеръ, и, кромѣ того, на всемъ ихъ протяженіи въ нихъ впадали разныя небольшія рѣчки и ручьи. Въ случаѣ надобности прорывались даже горы, чтобы очистить путь для нихъ. Эти каналы, орошая поля, предохраняли въ то же время отъ наводненій; такъ, они поддерживали постоянный уровень воды въ озерахъ, что при періодическихъ дождяхъ является чрезвычайно необходимымъ.

Почва въ Перу вообще довольно безплодна, но искуственныя орошенія и удобренія сдѣлали ее почти плодородной. Главную роль въ качествѣ удобренія играло тамъ съ незапамятныхъ временъ *гуано*. На небольшихъ прибрежныхъ островахъ Америки скопляется его такое множество, что даже до сихъ поръ тамъ дѣлаются обильные сборы его. Инки очень тщательно организовали эксплуатацію этихъ драгоцѣнныхъ острововъ. Самые маленькіе изъ нихъ назначались обыкновенно въ пользованіе ближайшей провинціи. Большіе же дѣлились на отдѣльные участки и предназначались разнымъ, болѣе отдаленнымъ частямъ страны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ роль гуано исполняли различные кухонные остатки, особенно головки сардинокъ, старательно сохранявшіяся перуанцами. Для воздѣлыванія маиса, напримѣръ, въ песчаной почвѣ рылись небольшія ямки и въ каждую изъ нихъ насыпалось нѣсколько зеренъ маиса и клалась головка сардинки.

Такіе посѣвы отдѣльными зернами напоминаютъ китайскіе пріемы земледѣлія; при хорошемъ удобреніи они даютъ поистинѣ изумительные урожаи. Они практикуются вообще въ тѣхъ странахъ, гдѣ неизвѣстно употребленіе плуга и гдѣ земледѣліе приближается къ садовой культурѣ. Въ древнемъ Перу, гдѣ земля раздѣлена была на небольшіе семейные участки, такая культура была наиболѣе удобна.

Устройство поверхности Перу обусловливало самые разнообразные способы обработки земли. Отъ низменныхъ прибрежныхъ равнинъ мѣстность постепенно повышалась, переходя въ возвышенныя плоскогорья, среди которыхъ высились снѣжныя вершины. Перуанцы успѣли приспособить свою земледѣльческую культуру къ этимъ разнообразнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. У подножія горъ, подъ знойнымъ солнцемъ расли кокосовыя пальмы, кассавы и бананы, листья которыхъ часто встрѣчаются въ гробницахъ древнихъ перуанцевъ. Выше сѣялся преимущественно маисъ, изъ котораго изготовляли главнымъ образомъ родъ опьяняющаго напитка. На плоскогорьяхъ съ умѣреннымъ климатомъ воздѣлывали алоэ, употреблявшееся на выдѣлку бумаги, траву *кока* и табакъ. Еще выше, на склонахъ Кордильеръ, гдѣ уже не можетъ расти маисъ, сажали картофель, родиной котораго было, по всей вѣроятности, Чили. Картофель служилъ главной пищей для жителей возвышенныхъ равнинъ; они умѣли сохранять его даже на зимнее время.

Въ случаѣ надобности, земледѣліе само по себѣ могло бы удовлетворять всѣмъ потребностямъ перуанцевъ. Но, кромѣ него, въ Перу

процвѣтало также и скотоводство. Тамъ, въ отличіе отъ всѣхъ почти странъ Новаго Свѣта, съ незапамятныхъ временъ извѣстны были и кромѣ собаки многія другія млекопитающія животныя. При воспоминаніи о Перу въ умѣ сама собой возникаетъ мысль о ламѣ, родственномъ барану животномъ, котораго давнымъ-давно приручили перуанцы. Содержаніе ламъ составляло въ Перу тоже родъ общественной повинности. Огромныя стада ламъ паслись на прекрасныхъ лугахъ, расположенныхъ выше воздѣланныхъ полей; опытные пастухи перегоняли ихъ съ одного пастбища на другое, смотря по времени года; они должны были при этомъ слѣдовать самымъ строгимъ и точнымъ правиламъ. Каждый годъ значительное число ламъ-самцовъ приводилось въ столицу; они употреблялись тамъ въ пищу для двора, а также для религіозныхъ жертвоприношеній; убивать самокъ было строго запрещено. Впрочемъ, перуанцы цѣнили ламъ, главнымъ образомъ за ихъ шерсть, а не за мясо; нѣкоторыя породы ихъ—наиболѣе крупныя—служили въ то же время вьючнымъ скотомъ. Доить ихъ перуанцы совсѣмъ не умѣли.

Въ качествѣ вьючныхъ животныхъ ламы не отличались особой силой и выносливостью, но зато ихъ можно было имѣть въ громадномъ количествѣ. На одну ламу можно было нагрузить не болѣе двухсотъ фунтовъ и съ такимъ грузомъ она могла пройти не болѣе трехъ, четырехъ верстъ въ день, но стоила она чрезвычайно дешево и не требовала никакихъ заботъ—ни подковъ, ни упряжи, поклажа перекидывалась просто на спину животнаго; густая шерсть замѣняла сѣдло. Вечеромъ съ нихъ снимали вьюкъ и отпускали на волю пастись, и они ужъ сами находили себѣ кормъ.

Кромѣ ламъ, перуанцы пользовались шерстью еще нѣкоторыхъ породъ дикихъ животныхъ—гуанако, вигони и др., пасшихся на волѣ по снѣжнымъ вершинамъ горъ. Тамъ эти животныя питаются травой *ишу*, которая растетъ по всей цѣпи Кордильеръ отъ Патагоніи до экватора, но не сѣвернѣе. Поэтому, гуанако и вигонь водятся только на широтѣ Квито и Новой Гранады. Эти дикія стада охранялись отъ истребленія такими же строгими законами, какъ и стада домашнихъ ламъ. Каждый годъ устраивались большія охоты, во время которыхъ ловили арканами этихъ животныхъ, но исключительно для того, чтобы остричь ихъ; потомъ ихъ въ цѣлости и невредимости отпускали на волю. Для кожевенныхъ издѣлій употреблялись исключительно шкуры ланей. Ихъ мясо тоже шло въ пищу и въ свѣжемъ, и особенно въ сушеномъ видѣ, такъ же какъ мясо мелкихъ породъ ламъ. Сушеное мясо составляло главную пищу низшихъ слоевъ населенія.

Инки обращались съ этимъ низшимъ перуанскимъ населеніемъ, приблизительно, какъ съ полезными домашними животными, сохранить которыхъ, конечно, составляетъ прямую выгоду для владѣльца. Съ момента рожденія и до смерти каждаго подданнаго правительство заботилось о немъ, воспитывало, направляло, а въ случаѣ надобности и поддерживало его.

Прикрѣпленный навѣки къ тому сословію, въ которомъ онъ родился, перуанецъ жилъ спокойно, безъ страха, но и безъ надеждъ, безъ сожалѣній и безъ тревогъ; честолюбіе молчало въ немъ. Внимательное и заботливое правительство снабжало его и пищей, и одеждой, опредѣляло ему образъ жизни, а въ случаѣ несчастья протягивало ему руку помощи; все это подъ условіемъ, чтобы онъ исполнялъ опредѣленныя государственныя повинности, за чѣмъ правительство тщательно слѣдило.

Всѣ профессіи были въ Перу строго наслѣдственны; но нѣкоторыя общественныя работы исполнялись всѣми безъ различія. Проведеніе большихъ дорогъ, устройство акведуковъ и обработка полей, принадлежавшихъ инкамъ и жрецамъ, лежало одинаково на обязанности всѣхъ подданныхъ. Всѣ индѣйцы, жившіе не далѣе 15, 20 верстъ отъ столицы, должны были также поочередно доставлять воду и лѣсъ для инковъ. Кромѣ того, всякій долженъ былъ умѣть прокормить и одѣть себя своими руками, слѣдовательно, всякій былъ земледѣльцемъ, ткачемъ и портнымъ. Остальныя ремесла были спеціализированы.

Все, что произрастало на земляхъ инковъ и жрецовъ, собиралось въ общественные магазины, откуда брали сами инки, жрецы, сановники и служащіе, а излишекъ, когда онъ оказывался, могъ тоже, въ случаѣ надобности, употребляться на удовлетвореніе потребностей низшихъ классовъ. То же самое можно сказать и относительно волокнистыхъ веществъ. Всѣ стада составляли государственную собственность. Послѣ стрижки, совершавшейся въ опредѣленные сроки, шерсть складывалась въ общественные магазины; то же самое дѣлалось съ хлопкомъ и пенькой. Шерсть предназначалась для одежды горныхъ жителей; бумага и пенька—для жителей долинъ. И то, и другое распредѣлялось между отдѣльными семьями и выдавалось женщинамъ, такъ какъ пряжа, тканье и шитье составляли ихъ главныя занятія. Въ то же время народъ долженъ былъ работать на инковъ и на высшіе классы. Тканье нарядныхъ матерій поручалось обыкновенно мужчинамъ. Каждый долженъ былъ представить кусокъ матеріи опредѣленной длины и опредѣленнаго качества, смотря по его способностямъ. Особые чиновники раздавали работу и слѣдили за ея исполненіемъ. Профессіональными занятіями считались искусство золотыхъ дѣлъ мастера, художника, музыканта, лодочника, счетчика и горшечника.

Ткацкій станокъ устраивался чрезвычайно просто; отдѣльныя части его встрѣчаются въ могилахъ женщинъ. Онъ состоялъ изъ двухъ палокъ, укрѣпленныхъ на два фута отъ земли. На нихъ ровными рядами наматывалась основа и ткань выходила чрезвычайно ровной и тонкой. Окрашивалась она въ такіе прочные цвѣта, что куски матеріи, находимые теперь въ гробницахъ, нисколько не выиграли отъ времени. Особые артисты ткали для королевской семьи изъ тонкой шерсти вигони одежды и шали, для дворцовъ и храмовъ они изготовляли занавѣсы и ковры. Матеріи эти ткались на обѣ стороны; по блеску онѣ

не уступали шелку, а цвѣтъ ихъ, обыкновенно желтый и красный, превосходилъ по яркости и прочности цвѣта всѣхъ европейскихъ тканей. Особенно прочныя матеріи получались при смѣшеніи шерсти разныхъ животныхъ. Спеціальные мастера изготовляли искусные уборы изъ перьевъ, а изъ волоконъ нѣкоторыхъ растеній (главнымъ образомъ агавы) плелась обувь.

Гончарное искусство тоже процвѣтало въ Перу; мастера выдѣлывали посуду самыхъ разнообразныхъ формъ, напоминающихъ разныя животныя, плоды и даже человѣка; они не умѣли только придавать имъ шарообразной формы. Металлургія перуанцевъ стояла тоже на довольно высокой ступени, если не считать одного крупнаго пробѣла въ ней—полнаго незнакомства съ самымъ полезнымъ изъ металловъ—желѣзомъ. Впрочемъ, желѣзо не было извѣстно на всемъ материкѣ Америки. Его замѣняла мѣдь, изъ которой они изготовляли оружіе, орудія, зеркала и особыя булавки, которыми женщины скрѣпляли свои одежды. Мѣдь въ Перу цѣнилась гораздо выше серебра. Рядомъ съ мѣдными орудіями употреблялись также и каменныя. Но самыя прочныя, которыми работали надъ наиболѣе неподатливымъ матеріаломъ, изготовлялись изъ особой смѣси мѣди и олова, т. е. изъ бронзы. Какими-то особыми способами, оставшимися неизвѣстными, они умѣли придавать бронзѣ такую крѣпость, что бронзовыми инструментами они свободно обтачивали гранитъ и порфиръ и даже шлифовали драгоцѣнные камни.

Серебро, золото и свинецъ тоже употреблялись для разныхъ издѣлій. Изъ сплава этихъ трехъ металловъ они дѣлали родъ цемента которымъ заливали камни при постройкѣ нѣкоторыхъ храмовъ. Позднѣе испанцы даже разрушали эти храмы, чтобы добыть драгоцѣнные металлы. Плавить и ковать золото и серебро перуанцы умѣли съ незапамятныхъ временъ; они изготовляли изъ этихъ металловъ разнаго рода украшенія, вазы, бездѣлушки. Впрочемъ, на предметы роскоши употреблялось очень незначительное количество благородныхъ металловъ, для народа золотыя и серебряныя украшенія были совершенно запрещены, поэтому золотыя и серебряныя копи мало разработывались и часто по минованіи надобности совершенно забрасывались. Въ перуанскихъ могилахъ находятъ теперь часто браслеты, ожерелья, уборы и зеркала, сдѣланные изъ серебрянаго колчедана. Золото перуанцы находили, большею частью, въ рѣчномъ пескѣ. Ихъ рудники представляютъ собой просто горизонтальныя подземныя галлереи. Вообще въ обработкѣ металловъ они не отличались особымъ искусствомъ и не умѣли выдѣлять серебро изъ тѣхъ соединеній, въ которыхъ оно обыкновенно встрѣчается въ природѣ; они не пользовались для этой цѣли даже ртутью, которая въ изобиліи встрѣчается въ Перу.

Перуанскіе мастера приготовляли изъ благородныхъ металловъ разнаго рода издѣлія. Такъ, для украшенія храмовъ они чрезвычайно искусно дѣ-

лали серебряныя и золотыя растенія, цвѣты и даже фигурки людей, и мужчинъ, и женщинъ. Эти храмы, какъ и всѣ вообще перуанскія постройки, носили грубый, но величественный характеръ. Громадныя плиты гранита или порфира, искусно подогнанныя одна къ другой и не скрѣпленныя никакимъ цементомъ, образовали стѣны. Крыша дѣлалась обыкновенно изъ земли или изъ соломы. Свѣтъ проникалъ въ эти зданія только черезъ двери; окна еще не были изобрѣтены. Балки, служившія основаніемъ крыши, накладывались одна на другую и держались собственной тяжестью, ни какого рода скрѣпленія не были еще извѣстны. Стѣны — низкія и толстыя, складывались изъ цѣльныхъ камней или изъ особаго рода большихъ кирпичей, приготовленныхъ изъ глины и соломы. Между отдѣльными комнатами этихъ зданій никогда не было внутреннихъ дверей, попадать въ каждую изъ нихъ надо было снаружи. Всѣ эти постройки были чрезвычайно просты и бѣдны въ архитектурномъ отношеніи, форма у нихъ всегда оставалась прямоугольная. Богатство, можно сказать, роскошь внутренняго убранства маскировали однообразную простоту архитектурнаго плана. Золотыя и серебряныя украшенія покрывали внутри всѣ стѣны.

Искусство кораблестроенія въ Перу стояло еще ниже архитектуры. Перуанцы ушли въ немъ немногимъ дальше постройки самаго первобытнаго плота. Такіе плоты, называемые *бальза*, и до сихъ поръ употребляются въ центральной Америкѣ. На нихъ довольно удобно можно переправляться черезъ рѣку и спускаться внизъ по теченію. Впрочемъ, перуанцы усовершенствовали до нѣкоторой степени свои бальзы; они снабжали ихъ парусами и строили довольно значительной величины, такъ что на нихъ можно было даже отваживаться плавать по морю, конечно, вблизи берега. Завоеватель Пизарро, во время своего путешествія вдоль перуанскихъ береговъ, встрѣтилъ пять такихъ морскихъ бальзъ; на одной изъ нихъ ему везли въ подарокъ стадо ламъ. Позднѣе, въ 1813 году, американецъ Портеръ тоже встрѣтилъ подобную бальзу около Пейты на семь миль отъ берега. Издали онъ принялъ ее за парусное судно. Эта новѣйшая *бальза* состояла изъ восьми толстыхъ продольныхъ бревенъ, отъ 25 до 30 футовъ длины, скрѣпленныхъ тремя поперечными. Соединены они были просто съ помощью веревокъ, безъ всякихъ гнѣздъ и скрѣпленій. Посрединѣ плота возвышалась мачта, на которой укрѣпленъ былъ парусъ изъ бумажной матеріи. Одно весло служило рулемъ, а большой камень, привязанный мочальной веревкой, исполнялъ роль якоря. На плоту лежали разныя приспособленія для ловли рыбъ, такъ какъ провизіи, забранной изъ дому, не хватало. Эта бальза оказалась купеческимъ судномъ; на ней находился большой грузъ кокосовыхъ орѣховъ. Она ѣхала изъ Гваякиля, откуда вышла за мѣсяцъ передъ тѣмъ, и направлялась въ Лиму. Экипажъ состоялъ изъ шести человѣкъ, а путешествіе должно было продлиться около двухъ мѣсяцевъ. Портеръ къ большому своему изумленію узналъ, что подобныя

путешествія составляли тамъ обычное явленіе. Начало ихъ слѣдуетъ отнести еще ко временамъ инковъ. Подобныя бальзы вполнѣ удовлетворяли въ то время при незначительномъ развитіи торговли. Дѣйствительно, во время разсцвѣта государственнаго соціализма въ Перу, торговля никакимъ образомъ не могла развиться — для возникновенія ея не было никакихъ побудительныхъ стимуловъ. Государство не позволяло отдѣльнымъ личностямъ ни спекулировать, ни вообще стремиться къ обогащенію. Конечно, благодѣтельное государство могло бы, пожалуй даже, должно было въ интересахъ всего общества завязывать торговыя сношенія съ сосѣдними городами; но у Перу совсѣмъ не было цивилизованныхъ сосѣдей. Поэтому его торговля должна была оставаться исключительно внутренней и ограничиваться обмѣномъ между отдѣльными личностями. Перевозъ на большія разстоянія съ помощью каравановъ ламъ по сушѣ или на бальзахъ по морю предпринимался только по распоряженію правительства въ видахъ общественной пользы. Такіе транспорты организовались для снабженія отдаленныхъ провинцій тѣми сырыми продуктами, которые не произрастали въ нихъ.

Обмѣны между частными людьми происходили на базарахъ, которые устраивались по три раза въ мѣсяцъ въ важнѣйшихъ городахъ. Базары эти служили для простого народа праздниками, когда они отдыхали отъ своей повседневной работы. Ходячей монеты въ Перу тогда еще не существовало и эта мелкая торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмѣна.

Между тѣмъ, перуанцамъ было извѣстно одно изобрѣтеніе, которое предполагаетъ обыкновенно существованіе денежныхъ знаковъ; они знали употребленіе вѣсовъ, положимъ, небольшихъ серебряныхъ вѣсовъ, на которыхъ взвѣшивались только благородные металлы. Во время одного изъ своихъ путешествій Рюисъ, товарищъ Пизарро, видѣлъ вѣсы на бальзѣ, потомъ такіе же вѣсы находились въ гробницахъ инковъ; это показываетъ, что они были мало распространены и простые рабочіе, конечно, не употребляли ихъ.

Обыкновенно товары перевозились по сушѣ на ламахъ. Гарсія деля-Вега встрѣчалъ такіе караваны и послѣ завоеванія. Торговые караваны направлялись обыкновенно изъ Куско въ Потози или обратно, и совершали путь въ одну сторону въ теченіе, приблизительно, двухъ мѣсяцевъ.

Эти караваны устраивались и испанцами, и индѣйцами, и перевозили они главнымъ образомъ одежду для индѣйцевъ и траву *кока*. По всей вѣроятности, такой способъ торговли представляетъ простое переживаніе древнихъ обычаевъ, когда перуанское правительство распредѣляло по разнымъ провинціямъ матеріи и другіе продукты, необходимые для потребленія его подданныхъ. Въ древней Мексикѣ мы встрѣтимъ совершенно иной порядокъ вещей, ничѣмъ не напоминающій эту государственную торговлю.

II. Мексика.

Между двумя великими государствами центральной Америки—Мексикой и Перу можно найти нѣчто общее въ отношеніи торговли, но въ области политики, они діаметрально противоположны другъ другу. Въ государствѣ ацтековъ сохранились, конечно, тоже нѣкоторые обычаи отъ эпохи родового быта, но ничего подобнаго перуанскому коммунизму мы тамъ не встрѣтимъ. Торговля, доведенная до минимума въ Перу, развилась тамъ даже до излишества. Только промышленность обѣихъ странъ представляла нѣкоторыя черты сходства, хотя и она въ частностяхъ сильно различалась. Въ Мексикѣ, какъ и въ Перу, земледѣліе было сильно развито, тѣмъ болѣе что въ Мексикѣ подати взимались натурою и, главнымъ образомъ, земледѣльческими продуктами. Кромѣ воиновъ и знатныхъ вельможъ, всѣ, даже городскіе жители, пахали землю и земледѣліе имѣло своихъ особыхъ боговъ-покровителей. Какъ и въ Перу, разумная система орошенія спасала поля отъ засухъ. Но растенія, въ обоихъ государствахъ культивировались не одни и тѣ же. Въ Мексикѣ, напримѣръ, совсѣмъ не сѣяли картофеля и на этотъ фактъ опираются даже для доказательства того, что между этими двумя государствами не существовало совсѣмъ никакихъ сношеній. Бананы, кокосовыя пальмы и особенно маисъ были одинаково распространены въ обоихъ государствахъ. Въ Мексикѣ маисъ достигалъ огромной величины и исполнялъ въ то же время роль сахарнаго тростника. Кромѣ того, въ Мексикѣ культивировали ваниль, какао и особый видъ агавы. Это послѣднее растеніе приносило очень много пользы. Изъ его листьевъ выдѣлывали бумагу, изъ сока получался особый опьяняющій напитокъ, *пульк;* листьями покрывали также крыши домовъ; изъ колючекъ дѣлали булавки и иголки; изъ волоконъ—нитки, веревки и т. п.

Хлопокъ воздѣлывался въ странѣ ацтековъ такъ же какъ и въ странѣ инковъ. Изъ него ткали разныя матеріи, иногда его перемѣшивали съ шерстью какого-нибудь животнаго, напримѣръ, зайца, чтобы придать имъ больше теплоты. Они умѣли также ткать очень тонкія матеріи, украшенныя вышивками и окрашенныя въ яркіе цвѣта, главнымъ образомъ въ пунцовый, который получался изъ кошенили. Европейцы именно въ Мексикѣ научились пользоваться этимъ драгоцѣннымъ насѣкомымъ. Грубыя ткани, въ которыя примѣшивались волокна агавы, служили для ковровъ, занавѣсей и гамаковъ.

Работы изъ перьевъ процвѣтали въ Мексикѣ еще больше, чѣмъ въ Перу. Мастера, занимавшіеся ими, составляли цѣлую корпорацію, съ особыми праздниками и жертвоприношеніями; эти мастера стояли на лѣстницѣ общественныхъ отношеній не ниже купцовъ и обыкновенно праздновали и пировали вмѣстѣ съ ними.

Искусство керамики у ацтековъ тоже стояло довольно высоко; они умѣли выдѣлывать изъ глины посуду самыхъ разнообразныхъ формъ

и она употреблялась у нихъ наравнѣ съ деревянной крашеной и лакированной посудой, напоминающей татарскую.

Мексиканскіе мастера употребляли орудія двухъ сортовъ. Одни предпочитали по старой памяти каменныя, другіе перешли уже къ металлическимъ. Нѣкоторыя волканическія горныя породы доставляли мексиканцамъ камни, положительно не уступавшія по прочности металлу; они дѣлали даже рѣзецъ скульптора изъ особаго камня обсидіана, который въ изобиліи встрѣчался въ Мексикѣ. Одна гора, изъ которой добывали особенно много обсидіана, называлась даже «горою ножей». Сабли и бритвы мексиканцевъ тоже выдѣлывались изъ обсидіана.

Такое широкое распространеніе обсидіана вело начало съ очень отдаленныхъ временъ; но и металлургія не была чужда ацтекамъ и, пожалуй, даже не уступала перуанской. Въ горахъ они устраивали настоящіе рудники съ множествомъ подземныхъ ходовъ, сообщавшихся другъ съ другомъ. Они умѣли получать свинецъ, олово, мѣдь, киноварь и серебро. Золото добывали или, собирая большіе самородки, разсѣянные кое-гдѣ на поверхности земли, или промывая золотоносный рѣчной песокъ. Мексика, а особенно ея южныя провинціи, были такъ богаты золотомъ, что жители могли выплачивать подати этимъ металломъ. Желѣзо, которымъ была мѣстами положительно пропитана почва Мексики, осталось тамъ, однако, совершенно неизвѣстнымъ такъ же, какъ и въ царствѣ инковъ; но зато они умѣли приготовлять бронзу изъ сплава мѣди и олова, прибавляя въ этотъ сплавъ родъ кремнезема, они получали чрезвычайно прочное вещество; сдѣланными изъ него инструментами они могли шлифовать базальтъ, порфиръ, аметисты и изумрудъ. Этимъ драгоцѣннымъ камнямъ мексиканскіе ювелиры любили придавать самыя фантастическія формы. Такіе артисты имѣли тоже не менѣе четырехъ своихъ боговъ и свои особые праздники. По преданію, украшенія для женскихъ одеждъ изобрѣла одна богиня; но искусство шлифованья и такія украшенія, какъ браслеты, серьги, ожерелья, считались изобрѣтеніемъ боговъ. Золотыхъ дѣлъ мастера имѣли тоже собственнаго патрона—бога Тотека, которому они, по обычаю, приносили человѣческія жертвоприношенія. При этомъ съ убитыхъ жертвъ сдиралась обыкновенно кожа, которая употреблялась при религіозныхъ церемоніяхъ. Золотыхъ дѣлъ мастера дѣлились на двѣ группы: одни занимались ковкой металла и умѣли при помощи молотовъ и камней придавать золоту видъ тонкихъ лепестковъ; другіе занимались собственно выдѣлкой разныхъ золотыхъ украшеній; изъ этихъ послѣднихъ каждый имѣлъ обыкновенно свою особую спеціальность.

Кортецъ, въ своихъ письмахъ къ Карлу V, разсказываетъ, что мексиканскіе золотыхъ дѣлъ мастера достигаютъ поистинѣ изумительнаго совершенства въ своихъ работахъ.

Своеобразный способъ употреблялся въ древней Мексикѣ для полученія серебра. Въ землѣ вырывалась яма и въ нее накладывалась

слоями серебряная руда и уголь; потомъ уголь зажигался, а вокругъ ямы становились индѣйцы и дули въ нее черезъ камыши. Этотъ пріемъ напоминаетъ способъ добыванія желѣза африканскими неграми и малайцами.

Съ помощью такихъ первобытныхъ пріемовъ и своихъ грубыхъ орудій, мексиканскіе мастера совершали настоящія чудеса; они выковывали, напримѣръ, такія большія серебряныя вазы, что одинъ человѣкъ не могъ обнять ихъ; они дѣлали разныхъ животныхъ, рыбъ, птицъ и такъ искусно, что каждое перышко птицы, каждая рыбья чешуйка приготовлялась отдѣльно изъ золота или изъ серебра. Съ помощью своихъ орудій изъ обсидіана они обтачивали громадные камни для постройки; ими же они гранили громадный монолитъ изъ чернаго порфира, на которомъ и до сихъ поръ виденъ знаменитый мексиканскій календарь. Замѣтимъ, что, несмотря на отсутствіе домашнихъ животныхъ и какой бы то ни было механической силы, этотъ монолитъ былъ перенесенъ въ городъ за нѣсколько верстъ.

Вся эта промышленность, гдѣ терпѣніе, время и масса рабочихъ замѣняли машины и знанія, очень напоминаетъ перуанскую промышленность. То же самое можно сказать и о кораблестроеніи. Всѣ большія путешествія по водѣ совершались на такихъ же бальзахъ, какъ и въ Перу. Кромѣ того, въ Мексикѣ выдалбливали небольшія лодочки изъ цѣльнаго куска дерева, чего, повидимому, не умѣли дѣлать перуанцы.

III. Торговля.

Простая и первобытная по своимъ пріемамъ, мексиканская промышленность пріобрѣла тѣмъ не менѣе серьезное значеніе. Всѣ эти корпораціи ремесленниковъ, цехи, какъ ихъ называли въ средневѣковой Европѣ, доказываютъ самымъ своимъ существованіемъ, что промышленность въ Мексикѣ не ограничивалась удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Строго организованное рабочее населеніе обусловливаетъ многочисленный классъ купцовъ, занимающихся перепродажей ихъ произведеній. Прибавимъ, что въ древнемъ государствѣ ацтековъ подати выплачивались большей частью натурою и въ каждомъ городѣ существовали общественные магазины, въ которые сносились продукты земледѣлія и обрабатывающей промышленности; такихъ городовъ насчитывалось до 370 и свои подати они уплачивали въ самые разнообразные сроки, нѣкоторые разъ или два въ годъ, нѣкоторые разъ въ 20 дней и даже разъ въ четыре дня. Подати эти уплачивались хлопкомъ, перьями и т. п., т. е. такими продуктами, которые надо было немедленно употребить или продать. Мексиканское правительство, ведшее, кромѣ того, многочисленныя войны и облагавшее побѣжденные народы разными контрибуціями, должно было часто освобождать свои переполненные магазины.

Естественно вслѣдствіе этого, что торговля оказывалась совершенно необходимой въ Мексикѣ; поэтому-то она и пользовалась тамъ такимъ уваженіемъ, которое съ перваго взгляда кажется мало понятнымъ. Обыкновенно въ воинственныхъ аристократическихъ государствахъ съ наслѣдственнымъ кастовымъ устройствомъ, купцы не пользуются уваженіемъ. Быть можетъ, чтобы объяснить эту аномалію, слѣдовало бы задаться вопросомъ о происхожденіи тѣхъ переселенцевъ, которые еще до появленія ацтековъ смѣняли другъ друга на возвышенностяхъ Анакуака; нѣкоторые изъ нихъ по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежали къ торговымъ племенамъ. Извѣстно, что Оаяко, Табаско и мѣстность къ югу отъ Вера-Крупъ были заселены купцами, которые вели морскую торговлю съ прибрежными жителями. Тольтеки тоже прослыли ловкими торговцами. Но тольтеки, эти древнѣйшіе обитатели Мексики, вели мирную торговлю; ацтеки же смотрѣли на дѣло нѣсколько иначе, ихъ купцы служили помощниками ихъ солдатъ.

Эти купцы-ацтеки были точно такъ же, какъ ремесленники и художники, организованы въ особую корпорацію, и ихъ корпорація была очень богата и могущественна. У нея, какъ и у остальныхъ, были свои особые боги, и одинъ изъ нихъ назывался «Владыка съ орлинымъ носомъ». Отмѣтимъ это названіе, такъ какъ оно, конечно, не могло принадлежать богу монгольской расы.

По примѣру всѣхъ мексиканскихъ корпорацій, у купцовъ были также свои дикія празднества съ человѣческими жертвоприношеніями и каннибальскими пирами. Одинъ богатый мексиканскій купецъ не хотѣлъ умирать, не задавши такого пира своимъ роднымъ и друзьямъ. Роль мексиканскихъ купцовъ достаточно характеризуется тѣмъ почитаніемъ, которымъ пользовался съ ихъ стороны богъ войны Уитзилопохтли; въ честь его они устраивали празднества, состоявшія въ умерщвленіи рабовъ, мясо которыхъ они съѣдали съ маисомъ.

Торговымъ центромъ Анакуака служилъ Тлателулко, ближайшій къ Мексико городъ; Тлателулко считался торговой столицей и главнымъ центромъ купеческой корпораціи. Нѣкоторые мексиканскіе купцы носили княжескій титулъ и принадлежали къ аристократіи. Члены купеческой корпораціи пользовались важными привилегіями; они были избавлены отъ военной службы, имѣли свой судъ и даже свои особые законы съ правомъ карать за нарушеніе ихъ и лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи.

Эта могущественная купеческая корпорація Тлателулко предпринимала отдаленныя экспедиціи даже въ чужестранныя земли. Иногда самъ король давалъ соотвѣтствующее распоряженіе въ политическихъ видахъ. Передъ отъѣздомъ устраивался большой пиръ для старѣйшихъ городскихъ купцовъ; эти послѣдніе давали отъѣзжающимъ указанія относительно тѣхъ странъ, по которымъ имъ придется ѣхать, совѣтовали, по какой дорогѣ ѣхать, какіе товары брать съ собой и даже да-

вали имъ иногда на коммиссію свои товары, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться потомъ долей барыша. Путешествія совершались караваномъ подъ начальствомъ выбраннаго предводителя. Товары разбивались на небольшіе тюки, по силамъ одного человѣка, такъ какъ вьючныхъ животныхъ въ Мексикѣ совсѣмъ не было. Въ дорогу забиралось большое количество провизіи, всѣ шли вооруженые и въ такомъ количествѣ, что въ случаѣ надобности сейчасъ же могли вступить въ битву. Караванъ то замедлялъ, то ускорялъ свое движеніе въ зависимости отъ того, по дружеской или вражеской странѣ онъ шелъ, а также отъ того, входилъ ли онъ туда открыто, чтобъ завязать торговыя сношенія съ жителями, или тайно въ качествѣ королевскихъ развѣдчиковъ. Въ первомъ случаѣ немедленно по пріѣздѣ купцы предлагали государю данной страны, отъ имени пославшаго ихъ короля, юбки, бурнусы, драгоцѣнныя женскія рубашки и т. п., потомъ они дѣлали подобные же подарки главнымъ вельможамъ и получали отъ нихъ взамѣнъ работы изъ перьевъ для своего государя. Получивъ такимъ образомъ право торговли, путешественники распаковывали и начинали продавать свои товары; это были преимущественно вещи небольшія по величинѣ, но очень цѣнныя: драгоцѣнные камни, золотыя короны, золотыя вазы, въ которыя женщины, когда пряли, клали веретено, золотыя или хрустальныя серьги для богатыхъ покупательницъ, серьги изъ чернаго камня или изъ полированной мѣди для людей побѣднѣе, ножи для стрижки волосъ, ланцеты для кровопусканія, бубенчики, кошенили, кренки и т. п. Рядомъ съ этимъ мексиканскіе купцы не пренебрегали и живымъ товаромъ и охотно торговали рабами обоего пола тѣмъ, болѣе, что во время пути они же несли на себѣ другіе товары.

Но если приходилось проходить вражескую страну, тогда шли ночью или же старались принять видъ мѣстныхъ жителей, одѣвались такъ, какъ они, старались подражать ихъ манерамъ, говорить на ихъ языкѣ и т. п. Иногда во время этихъ опасныхъ путешествій купцы одѣвались въ лохмотья, изображали изъ себя чуть не нищихъ и говорили про свои товары: «Все, что мы несемъ, не наше, это принадлежитъ нашимъ благодѣтелямъ купцамъ» и т. п.

Если, по несчастью, мѣстное населеніе узнавало такихъ купцовъ-шпіоновъ, мошенническимъ образомъ проникшихъ въ его страну, ихъ немедленно предавали смерти; но тогда мексиканскій государь вступался обыкновенно за своихъ подданныхъ и объявлялъ войну ихъ убійцамъ. Если же путешественникамъ удавалось благополучно вернуться въ Мексико, они старались незамѣтно, ночью пробраться въ свои дома, и первымъ дѣломъ отдавали отчетъ старѣйшинамъ своей корпораціи, которые, въ свою очередь, докладывали о результатахъ ихъ предпріятія королю. Когда кто-нибудь изъ купцовъ умиралъ въ пути, его трупъ, раздѣтый и обвѣшанный мистическими надписями и раскрашенными символическими изображеніями, помѣщался въ клѣтку и вѣшался на деревѣ на

вершинѣ какой-нибудь горы. Если онъ былъ убитъ во время битвы, деревянное изображеніе его, напоминавшее египетскія изображенія, получало всѣ почести, слѣдовавшія его тѣлу.

Послѣ благополучнаго возвращенія каждый изъ участниковъ приглашалъ обыкновенно друзей «на чашку шеколаду въ свою бѣдную хижину»; но чашка шеколада превращалась въ роскошный пиръ. Во время этихъ пировъ обильное угощеніе сопровождалось не менѣе обильной выпивкой, танцами, пѣніемъ и свистомъ; мексиканцы имѣли привычку свистать, заложивши въ ротъ согнутый мизинецъ.

Вслѣдствіе такихъ экспедицій мексиканскіе купцы были обыкновенно опытными и знающими путешественниками; нѣкоторые изъ нихъ доставили Кортецу подробную карту своей страны. Они были воинами постолько же, посколько и купцами. Члены корпораціи Тлателулко завоевывали провинціи и выдерживали осады. «Вѣдь въ дѣйствительности мы переодѣтые солдаты», сказали они разъ королю на торжественномъ пріемѣ. Король всегда совѣтовался съ купцами, нѣкоторые изъ нихъ постоянно находились при его особѣ и онъ называлъ ихъ ласковыми именами «дядюшка», «братъ» и т. п.

Но эта военная торговля съ отдаленными странами нисколько не мѣшала внутренней, болѣе мирной торговлѣ. Въ Мексикѣ устраивалось много базаровъ въ разныхъ городахъ, но самые важные и многолюдные происходили въ торговой столицѣ Тлателулко. Тамъ засѣдали старѣйшины купеческой корпораціи, тамъ они судили своихъ сочленовъ и произносили порой даже смертные приговоры. Съ правительственными чиновниками эти старѣйшины всегда были въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Базаръ въ Тлателулко устраивался на площади, окруженной галлереями, въ которыхъ располагались товары. Тамъ продавались одежды, простыя и вышитыя, драгоцѣнные камни, металлическія украшенія, уборы изъ перьевъ и изъ камней, кольца, ожерелья, далѣе какао, кошениль, дерево, уголь, кожи, мебель, строительные матеріалы, разные напитки, посуда и т. п. Кортецъ нашелъ, что этотъ базаръ вдвое больше Саламанкскаго; по его словамъ, на немъ могло помѣститься 60.000 человѣкъ. Базары въ Мексико вмѣщали до 200.000 человѣкъ. Мексико былъ тоже по преимуществу торговый городъ. Цѣлая толпа носильщиковъ предлагала тамъ свои услуги желающимъ; тысячи судовъ привозили и увозили оттуда товары.

Изъ одного города въ другой товары перекочевывали на спинахъ людей, запакованные въ кожи, въ цыновки или въ ящики. Каждый такой тюкъ вѣсилъ отъ 50 до 60 и даже отъ 70 до 80 фунтовъ. Упражняясь съ дѣтства въ своемъ ремеслѣ, носильщики довольно легко справлялись съ своей работой. Они клали товаръ за спину и привязывали его лямкой, которая перекидывалась черезъ голову и поддерживалась лбомъ. Нагруженные такимъ образомъ, носильщики могли проходить отъ 12 до 15 миль въ день. Такой способъ переноски товаровъ и до

сихъ поръ практикуется въ центральной Америкѣ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропической Африки.

Какимъ образомъ велась эта обширная торговля? Частью путемъ непосредственнаго обмѣна, частью при помощи особой монеты, представлявшей собой куски мѣди и олова, обточенные въ формѣ греческой буквы «тау». Кромѣ того, ацтеки употребляли еще нѣкоторые виды денежныхъ знаковъ, напримѣръ, прозрачныя птичьи перья, наполненныя золотымъ пескомъ, или зерна какао, заключенные въ мѣшки опредѣленной величины, такъ что въ нихъ входило опредѣленное количество зеренъ. 8.000 зеренъ составляли денежную единицу, носившую названіе *ксиквипили*; для крупныхъ сдѣлокъ употреблялись мѣшки, содержавшіе три *ксиквипили*. Наконецъ, для мелкихъ покупокъ употреблялись, какъ и въ Африкѣ, небольшіе куски бумажной пряжи. Всѣ товары въ Мексикѣ измѣрялись по величинѣ и по количеству, и никогда по вѣсу, такъ какъ вѣсы не были извѣстны ацтекамъ. Въ этомъ отношеніи перуанцы перегнали ихъ, хотя вообще въ отношеніи торговли мексиканцы далеко оставили ихъ за собой. Въ противоположность Перу, мексиканскіе ремесленники работали на продажу, для заработка.

Послѣ завоеванія испанцы-побѣдители воспользовались этимъ развитіемъ промышленности. Они заключили мѣстныхъ ремесленниковъ въ темныя мастерскія, какъ въ тюрьмы, и выпускали ихъ оттуда только по воскресеньямъ видѣться съ женами и дѣтьми; въ то же время они посылали ихъ массами въ рудники на вѣрную смерть; однимъ словомъ они создали имъ такое невыносимое существованіе, что цѣлыя семьи рабочихъ вѣшались, чтобы избавиться отъ него. Одинъ испанецъ выдумалъ остроумное средство, чтобы остановить эти массовыя самоубійства: онъ увѣрилъ индѣйцевъ, что и онъ повѣсится вслѣдъ за ними и будетъ также мучить и истязать ихъ въ загробномъ мірѣ, такъ что ихъ самоубійство утрачивало свой смыслъ.

IV. Сравненіе обоихъ государствъ въ отношеніи торговли.

Если мы сравнимъ оба государства съ точки зрѣнія промышленности и торговли, мы получимъ нѣсколько интересныхъ сопоставленій, имѣющихъ несомнѣнное соціологическое значеніе. Эти государства не знали другъ друга и никакой могущественный сосѣдній народъ не вліялъ на ходъ ихъ развитія, они развивались совершенно самостоятельно, и если ихъ жизнь сложилась такъ различно, то причины этого слѣдуетъ искать въ различіи ихъ происхожденья. Въ Перу развился государственный соціализмъ, централизованный, попечительный и деспотическій; въ Мексикѣ сложился феодальный строй, нѣсколько напоминающій средневѣковыя европейскія отношенія; личности, особенно на верхнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, была предоставлена тамъ почти полная свобода. Въ Перу торговли почти не существовало, она

ограничивалась лишь незначительными обмѣнами между сосѣдями; внѣшней торговли тамъ совсѣмъ не было, такъ что частный человѣкъ былъ совершенно лишенъ возможности разбогатѣть; всякій несъ свои обязанности и исполнялъ то дѣло, къ которому былъ предназначенъ отъ рожденія. Жизнь каждаго человѣка была опредѣлена съ самаго момента рожденія, крупныя богатства были неизвѣстны перуанцамъ, также какъ и полная нищета и разореніе. Въ Мексикѣ цѣлый вліятельный классъ людей жилъ торговлей, даже главнымъ образомъ, опасной, полной приключеній, внѣшней торговлей, родственной разбою и ведущей къ завоеваніямъ; купецъ долженъ былъ быть и соглядатаемъ, и солдатомъ. За караванами мексиканскихъ купцовъ шли арміи завоевателей; они покоряли сосѣдніе народы, облагали ихъ контрибуціями, приносили ихъ въ жертву своимъ жестокимъ богамъ, такимъ же кровожаднымъ, какъ и ихъ почитатели. Перу воевалъ совсѣмъ съ иными цѣлями: онъ пытался цивилизовать дикія племена, окружавшія его, побѣждать словомъ убѣжденія, а не оружіемъ.

Судьба подданныхъ внутри обоихъ государствъ тоже не имѣла ничего общаго. Въ Перу не было нищихъ, не было произвольныхъ административныхъ притѣсненій. Правительство старалось по мѣрѣ возможности дѣлать счастливымъ свой народъ, а народъ, въ свою очередь, добровольно и охотно служилъ правительству. Въ Мексикѣ правительство угнетало населеніе и всѣ дороги были усѣяны нищими.

Короче говоря, въ одной странѣ господствовали нравы ягненка, въ другой—нравы тигра. Между тѣмъ, населеніе государства инковъ и страны ацтековъ, въ сущности, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга; глубокаго, коренного различія расъ между ними не было, и образованіе такихъ двухъ діаметрально противоположныхъ нравственныхъ типовъ надо приписать глубокому различію въ организаціи обоихъ государствъ, сказавшемуся съ самаго ихъ возникновенія. При сравненіи этихъ государствъ сочувствіе навряд-ли склонится на сторону того, гдѣ торговля развивалась такъ широко и всесторонне. Добавимъ, что съ точки зрѣнія прогресса промышленности, умственнаго развитія, вообще того, что подразумѣвается подъ словомъ цивилизація, Мексика немного опередила Перу, и такимъ образомъ потеря въ одномъ отношеніи не выкупалась ничѣмъ другимъ.

Глава IX.

Кочующіе монголы и родственныя имъ племена.

I. Торговля у кочующихъ монголовъ. Главнѣйшія группы ихъ.—Пастушескій образъ жизни и его условія.—Жилища и домашнія животныя.—Караваны.—Культура номадовъ.—Осѣдлые татары.—Вліяніе китайцевъ.—Смѣшеніе ихъ съ монголами.—Постепенное разореніе послѣднихъ.—Промышленность номадовъ.—Работы женщинъ.—Металлургія у татаръ.—Первобытныя колеса.—Промышленность въ Бухарѣ.—Мѣсторожденія золота и Китай.—Внѣшняя торговля.—Вывозъ каменной соли.—Ввозъ чаю.—Металлическіе слитки въ качествѣ денежныхъ знаковъ.—Торговля путемъ непосредственнаго обмѣна.—Степные базары.—Разбои въ степяхъ.—Право прохода.—II. Торговля въ Тибетѣ. Кочующее и осѣдлое населеніе.—Семейная промышленность.—Ея несложность.—Металлургія.—Земледѣліе.—Вывозная торговля.—Караваны и носильщики.—Священные товары.—Свобода промышленности.—Непосредственный обмѣнъ и денежные знаки.—III. Торговля на Малайскомъ архипелагѣ. Происхожденіе малайцевъ.—Туземная торговля.—Базары баттаковъ.—Страсть къ желѣзу у малайцевъ.—Вліяніе арабовъ на промышленность.—Первобытные пріемы.—Металлургія.—Золото и его роль въ торговлѣ.—Мѣстные и иностранные денежные знаки.—Китайцы, положившіе начало торговлѣ и промышленности.—IV. Торговля въ Индо-Китаѣ. Вліяніе Индіи и Китая.—Деспотическія монархіи.—Ихъ вредное вліяніе на торговлю.—Несложность промышленности.—Сіамскій король и его торговыя монополіи.—Металлургія.—Внѣшняя торговля иностранцевъ.—Процвѣтаніе внутренней торговли.—Первобытные и металлическіе денежные знаки.—Торговля путемъ обмѣна.—Права кредитора.—V. Фазисы въ развитіи промышленности и торговли у народовъ, окружающихъ Китай.

I. Торговля у кочующихъ монголовъ.

Мы обратимся теперь къ изученію торговли у народовъ, находившихся такъ или иначе подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи. Народы эти окружаютъ кольцомъ самую Небесную имперію. Къ югу отъ Китая живутъ малайцы и индо-китайцы; къ сѣверу и западу—татары, монголы, тибетцы; наконецъ, къ востоку—японцы. Японію мы будемъ разсматривать въ связи съ Китаемъ, такъ какъ до послѣдняго времени Китай оказывалъ на нее преобладающее вліяніе. Прежде всего мы займемся кочующими племенами, ведущими въ значительной степени и до сихъ поръ пастушескій образъ жизни на обширномъ пространствѣ между Россіей и Каспійскимъ моремъ съ запада, Китаемъ и Тихимъ океаномъ на востокѣ. Эти племена, носящія различныя названія, сходны по своему внѣшнему виду, по нравамъ и религіи. Всѣ эти племена, кромѣ тибетцевъ, ведутъ кочующій образъ жизни и могутъ дать намъ довольно ясное представленіе объ общественномъ устройствѣ и умственномъ уровнѣ тѣхъ ордъ, которыя много вѣковъ тому назадъ образовали Китайскую имперію.

Разсѣянныя на громадныхъ пространствахъ, эти кочующія орды разбились вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ войнъ, на маленькіе кочующіе народы. Всѣ эти народы имѣютъ

приблизительно одинаковое устройство, они распадаются на аристократію и полусвободный народъ и управляются князьями. Только туркмены сохранили до нашихъ дней республиканскій, почти анархическій образъ правленія. На короткое время монгольскіе завоеватели соединили подъ своею властью эти многочисленныя племена, но послѣ нихъ они не замедлили снова распасться. Въ настоящее время, по словамъ путешественника Гюка (Huc), ихъ можно раздѣлить на восточныхъ татаръ или манчжуръ, кочующихъ на сѣверъ отъ Китая, западныхъ татаръ, частью покоренныхъ Россіей, извѣстныхъ подъ названіемъ калмыковъ и киргизовъ и, наконецъ, монголовъ, занимающихъ средину между западными и восточными татарами. Населеніе странъ, находящихся къ югу отъ великой татарской степи—Бухары, Хивы и Тибета, перешли теперь къ болѣе осѣдлому образу жизни.

Всѣ эти кочевыя, пастушескія племена ведутъ, въ сущности, болѣе или менѣе одинаковый образъ жизни. Эта часть сѣверной Азіи представляетъ собой ровную, безлѣсную степь, мѣстами болотистую, пересѣкаемую въ разныхъ направленіяхъ рѣчками. Это громадная пустынная равнина, производящая на европейскаго путешественника такое же впечатлѣніе, какъ море. Въ общемъ она хорошо орошается и изобилуетъ прекрасными пастбищами; это—«страна травы». Путешествовать по ней приходится, приблизительно, такъ же, какъ по океану; впрочемъ, туземцы привыкли къ этому, они смѣло идутъ впередъ, не смущаясь отсутствіемъ дорогъ и никогда не теряютъ направленія.

Пастушескій бытъ требуетъ постоянной перемѣны мѣстъ; впрочемъ, каждая орда кочуетъ все же въ извѣстномъ районѣ; вся страна раздѣлена на опредѣленныя области, принадлежащія различнымъ ордамъ; но величина этихъ областей очень значительна, такъ что каждая орда рѣдко проводитъ болѣе недѣли на одномъ мѣстѣ, особенно въ теченіе лѣта. Многочисленныя рѣчки не служатъ препятствіемъ для передвиженій, ихъ переходятъ или въ бродъ, или привязывая кожаные мѣшки къ лошадинымъ хвостамъ, или устраивая плавучіе мосты изъ прибрежнаго камыша, или, наконецъ, ихъ переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ. Каждый день киргизы совершаютъ въ разныя стороны поѣздки въ нѣсколько верстъ, разыскивая новыя пастбища.

Постоянные переходы съ мѣста на мѣсто составляютъ не только привычку, но прямую потребность для татаръ. Ихъ образъ жизни нисколько не измѣнился со временъ Марко Поло, удивлявшагося ихъ замѣчательной подвижности: «Они способны на то, на что не способенъ никто другой. Они могутъ въ случаѣ надобности идти цѣлый мѣсяцъ, не имѣя съ собой никакихъ запасовъ, они пьютъ молоко своихъ кобылъ и ѣдятъ мясо тѣхъ животныхъ, которыхъ имъ удастся подстрѣлить своими стрѣлами. Лошади ихъ кормятся травой, имъ не нужно давать ни пшеницы, ни соломы, ни овса, и онѣ всегда чрезвычайно послушны. На нихъ не надѣваютъ никакой сбруи, а просто перекиды-

ваютъ черезъ спину два козьихъ мѣшка, въ которые наливается молоко и кладется горшечекъ, въ которомъ они варятъ мясо, и небольшая палатка на случай дождя». Въ случаѣ крайности, разсказываетъ другой путешественникъ, они пускаютъ кровь своимъ лошадямъ и пьютъ ее. Татары умѣютъ приготовлять сгущенное молоко, которое только недавно было изобрѣтено въ Европѣ. «У нихъ есть сухое молоко, и они всегда берутъ его съ собой. Передъ тѣмъ, какъ ѣсть его, они кладутъ его въ воду и бьютъ, пока оно не растаетъ, тогда они пьютъ его». Зимой татары обыкновенно устраиваются въ такой мѣстности, гдѣ ихъ скотъ можетъ найти себѣ какой-нибудь кормъ; вообще зима для нихъ опасное время, когда, въ случаѣ сильныхъ морозовъ, они могутъ потерять весь свой скотъ; день, когда они покидаютъ, наконецъ, мѣсто зимней стоянки, считается у нихъ большимъ праздникомъ.

Жилища ихъ все тѣ же, какъ и во времена Марко Поло: войлочныя юрты, поддерживаемыя легкимъ деревяннымъ срубомъ въ формѣ купола. Ѣздятъ они въ такихъ же легкихъ двухколесныхъ кибиткахъ, покрытыхъ чернымъ войлокомъ, въ которыхъ запряжены, по словамъ Марко Поло, быки или верблюды; въ дѣйствительности почти исключительно быки. Верблюдъ служитъ, главнымъ образомъ, вьючнымъ животнымъ и носитъ поклажу на спинѣ. Гюкъ описываетъ, что онъ встрѣтилъ цѣлую длинную вереницу такихъ кибитокъ, нагруженныхъ солью и запряженныхъ волами; въ ноздри каждаго животнаго было продѣто желѣзное кольцо, и къ кольцу привязана веревка, прикрѣпленная другимъ концомъ къ предъидущей кибиткѣ, такъ что весь караванъ представлялъ собой неразрывную цѣпь. Къ такому способу перевозки товаровъ прибѣгаютъ только за недостаткомъ верблюдовъ, играющихъ въ Азіи такую же важную роль, какъ и въ Африкѣ. Азіатскіе караваны организуются, приблизительно, такъ же, какъ африканскіе; проводниками служатъ туземцы, а одинъ изъ купцовъ является начальникомъ всего каравана. Опасности, приблизительно, тѣ же, что и въ Сахарѣ. Путешественники рискуютъ умереть отъ голода или жажды и подвергнуться нападенію степныхъ разбойниковъ. По большей части караваны организуются киргизами, играющими тутъ, приблизительно, ту же роль, какъ туареги въ Африкѣ. Двигаются караваны обыкновенно по одному и тому же направленію, хотя, конечно, не по дорогамъ, такъ какъ послѣднихъ тутъ не имѣется. Одинъ изъ такихъ путей идетъ отъ Пекина на Кяхту, по нему двигаются непрерывныя цѣпи верблюдовъ, нагруженныхъ цибиками, тщательно обернутыми въ буйволову кожу. Другіе караваны направляются въ Бухару, Хиву и въ Оренбургскую губернію.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ татарскія, монгольскія и манчжурскія племена принадлежатъ къ чистымъ кочевникамъ. Тобольскіе татары, напримѣръ, обрабатываютъ землю и сѣютъ рожь и ячмень. Ячмень и пшеница культивируются также въ самой Монголіи, хотя монголы предпочитаютъ просо. Въ Манчжуріи примѣръ подаютъ ки-

тайцы; они воздѣлываютъ землю и сѣютъ просо, индѣйскую пшеницу (сорго), изъ которой они приготовляютъ опьяняющій напитокъ, ленъ, коноплю, табакъ и нѣкоторыя другія растенія, вывезенныя изъ Китая. Конопля, достигающая поразительной величины, растетъ тутъ часто сама собой. Туземцы, менѣе цивизизованные и съ меньшими потребностями, чѣмъ китайцы, довольствуются тѣмъ, что сѣютъ на своей безплодной песчаной землѣ просо и гречу, эти нищенскіе хлѣба.

Впрочемъ, и кочевой образъ жизни не вполнѣ исключаетъ возможность земледѣлія. Такъ, киргизы, культивирующіе просо, ячмень, пшеницу и рожь и даже прибѣгающіе съ этою цѣлью къ искусственному орошенію, до сихъ поръ не отстали отъ кочевой жизни. Каждый годъ, послѣ жатвы, они прячутъ зерно въ землю и до слѣдующаго посѣва свободно кочуютъ по степи.

Такимъ образомъ, въ сѣверной Азіи мы встрѣчаемъ прежде всего орды, ведущія исключительно кочевой и пастушескій образъ жизни; затѣмъ племена, совмѣщающія земледѣліе со скотоводствомъ, полукочевыя, полуосѣдлыя; и, наконецъ, племена, осѣвшія на мѣстахъ и перешедшія окончательно къ земледѣльческому быту.

Въ Манчжуріи и китайской Монголіи измѣненію быта жителей способствовали главнымъ образомъ постоянныя переселенія туда китайцевъ. Китайцы мирнымъ путемъ совершали свои завоеванія; безъ шума, по одиночкѣ начинали они селиться въ какой-нибудь мѣстности, мало-по-малу укрѣплялись тамъ и кончали тѣмъ, что выживали коренныхъ жителей. Въ китайской Монголіи они въ широкихъ размѣрахъ примѣняли этотъ методъ. «Монголы,—говоритъ Гюку одинъ старый монголъ,—созданы для того, чтобы жить въ юртѣ и пасти свой скотъ, Пока эти обычаи сохранялись въ нашей странѣ, мы были счастливы и богаты. Теперь, когда монголы принялись обработывать землю и строить дома, они стали бѣдными, китайцы завладѣли нашей страной. Стада, земли, дома, все перешло въ ихъ руки». Пріемы, которыми пользуются при этомъ китайцы, непремѣнно одни и тѣ же; они всячески потворствуютъ вкусамъ туземцевъ, подъ личиной дружбы окутываютъ ихъ сѣтями и дѣлаютъ изъ нихъ своихъ неоплатныхъ должниковъ.

Обитатель степей мало интересуется торговлей. Во времена Марко Поло онъ предоставлялъ даже всю торговлю женщинамъ. «Мужчины занимаются только охотой, дрессировкой соколовъ и верховой ѣздой, а по большей части они просто ничего не дѣлаютъ». Кромѣ того, промышленность, являющаяся всегда матерью торговли, очень мало и неравномѣрно развита у кочующихъ племенъ. Туркмены, напримѣръ, въ началѣ предъидущаго столѣтія употребляли для одежды только овечьи шкуры и лошадиныя кожи. У настоящихъ номадовъ вся промышленность ограничивается обыкновенно умѣньемъ грубо отдѣлывать кожи и приготовлять войлокъ для юртъ и кибитокъ. Выдѣлка войлока чрезвычайно проста. На кусокъ стараго войлока кладутъ по возможности

ровный слой шерсти и конскаго волоса, поливаютъ его кипяткомъ, потомъ скатываютъ все вмѣстѣ потуже, топчутъ ногами, нѣсколько разъ подбрасываютъ въ воздухъ и дѣло сдѣлано. Остается развернуть свертокъ и въ немъ сверхъ стараго войлока оказывается точно такой же кусокъ новаго. Обыкновенно въ этой легкой работѣ принимаетъ участіе все семейство. Болѣе сложныя работы предоставляются женщинамъ. Пока мужчины охотятся, ходятъ другъ къ другу въ гости, пьютъ чай и водку, играютъ въ шашки, въ кости, курятъ и спятъ, ихъ жены и дочери шьютъ сапоги, одежды, шапки и вышиваютъ ихъ.

Металлургія татаръ по первобытности своихъ пріемовъ напоминаетъ вполнѣ негритянскую. Они также плавятъ металлы въ вырытыхъ въ землѣ углубленіяхъ. Кузнечное ремесло стоитъ у нихъ такъ невысоко, что желѣзные ободья на колесахъ у русскихъ приводили въ полное недоумѣніе ихъ кузнецовъ. Монгольскія колеса устроены чрезвычайно просто и грубо; они накрѣпко придѣланы къ оси и вращаются вмѣстѣ съ ней. Ни ступицы, ни обода въ нихъ нѣтъ совсѣмъ— это просто два куска дерева, положенные накрестъ и прикрѣпленные къ концамъ оси. Концы образовавшагося такимъ образомъ креста соединяются грубыми деревянными дугами.

Хивинскіе киргизы не умѣютъ даже сами дѣлать свою упряжь; они вымѣниваютъ ее у туркменовъ на верблюдовъ, лошадей и овецъ. Даже войлокъ въ Хивѣ дѣлаютъ только туркмены, которые умѣютъ также нѣсколько ковать желѣзо и даже ткутъ простыя шелковыя ткани.

Въ южныхъ татарскихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Бухарѣ, промышленность развита, конечно, гораздо больше. Женщины умѣютъ тамъ прясть хлопокъ и ткать бумажныя матеріи. Смѣшивая хлопчатую бумагу съ шерстью и верблюжьимъ волосомъ, они ткутъ и одѣяла, и различныя матеріи. Бухарскіе ремесленники дѣлаютъ желѣзные ножи и дамасскія ружья. Другія шьютъ бархатные сапожки для женщинъ. Наконецъ, искусство вышиванья развито тамъ въ высшей степени.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ страна, гдѣ кочуютъ монголы, слыла очень богатой золотомъ. Сибирскіе пріиски достаточно доказываютъ это. Но въ областяхъ, принадлежащихъ Китаю, китайское правительство всегда очень ограничивало добываніе его. Оно опасалось, во-первыхъ, сильнаго паденія цѣны золота, а, во-вторыхъ, безтолковаго истощенія богатыхъ мѣсторожденій. Конечно, несмотря на эти запрещенія, хищническое добываніе золота монголами, подъ руководствомъ китайскихъ бандитовъ, практикуется въ широкихъ размѣрахъ и до сихъ поръ.

При такомъ низкомъ уровнѣ промышленности и почти полномъ отсутствіи земледѣлія, кочующія монгольскія племена, конечно, почти не имѣютъ внутренней торговли. Если они торгуютъ понемножку, то исключительно съ другими странами—съ Китаемъ, Россіей, Хивой и Бухарой. Въ Россію и въ Китай они поставляютъ мѣха пушныхъ звѣрей—

лисицъ, бобровъ, куницъ, соболей, выдръ, медвѣдей, пантеръ, волковъ, антилопъ и кабановъ. Самые лучшіе изъ этихъ мѣховъ предназначаются китайскому императору и оцѣниваются по установленной закономъ таксѣ..

Большую роль въ торговлѣ съ Китаемъ играетъ каменная соль, которую туземцы добываютъ обыкновенно также подъ руководствомъ китайскихъ предпринимателей, отвозятъ ее караванами на китайскіе рынки и получаютъ за нее кирпичный чай, табакъ и рисовую водку. Безъ этихъ предметовъ монголы совершенно не могутъ обойтись; чай служитъ для нихъ и пищей, и питьемъ. Табакъ, трубка и кирпичъ чая составляютъ ихъ постоянную дорожную провизію. Центромъ торговли съ Россіей служитъ Кяхта; туда татары пригоняютъ стада быковъ и верблюдовъ, табуны лошадей, привозятъ кирпичный чай, табакъ, и кожи. Въ городѣ царствуетъ всегда большое оживленіе: по улицамъ взадъ и впередъ снуютъ разнощики, купцы зазываютъ ихъ въ свои лавки, а китайцы служатъ посредниками между ними и умѣютъ извлечь изъ этого значительную выгоду.

Самыя важныя сдѣлки происходятъ между русскими и китайскими купцами; но и тутъ до послѣдняго времени торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмѣна. Съ одной стороны, русское правительство запрещало вывозъ монеты, а съ другой—китайцы могли предложить въ качествѣ денегъ только свои металлическіе слитки. Въ Хивѣ и Бухарѣ татарскіе купцы тоже не довѣряли иностраннымъ денежнымъ знакамъ и не принимали ихъ.

До распространенія господства Россіи киргизы вели довольно большую торговлю рабами; они ловили людей на русской границѣ и продавали ихъ въ Бухарѣ за шолкъ, хлопокъ, ружья, порохъ и сабли.

Бухара служитъ вообще торговымъ центромъ для татаръ, русскихъ и китайцевъ. На ея обширныхъ базарахъ можно найти всевозможные товары, даже европейскіе.

Базары происходятъ также и внутри монгольскихъ степей, только тамъ они, конечно, бѣднѣе товарами и носятъ совсѣмъ иной характеръ. Киргизы, и мужчины, и женщины торгуютъ, не сходя съ лошадей и не употребляя при обмѣнѣ ни мѣры, ни вѣсовъ, ни денежныхъ знаковъ.

Говоря о монгольской промышленности и торговлѣ, нельзя не упомянуть о буддійскихъ монастыряхъ, служащихъ обыкновенно въ то же время маленькими промышленными и торговыми центрами. Ихъ ламы занимаются по большей части, кромѣ своихъ непосредственныхъ духовныхъ обязанностей разными ремеслами—они и портные, и сапожники, и шапочники, и красильщики. Всѣ предметы они производятъ отчасти для собственнаго употребленія, отчасти на продажу и въ ихъ монастыри постоянно приходятъ караваны съ чаемъ и другими товарами, которые обмѣниваются на произведенія ламъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя братства ламъ занимаются собираніемъ навоза, который продается въ прессованномъ видѣ въ качествѣ топлива.

Торговля номадовъ встрѣчаетъ, кромѣ неблагопріятныхъ внутреннихъ условій, еще серьезныя внѣшнія препятствія для своего развитія. Во-первыхъ, самыя путешествія по степямъ очень опасны для караванов, съ одной стороны имъ грозятъ голодъ и жажда, съ другой—нападенія разбойниковъ; во-вторыхъ, при переходахъ изъ территоріи одного племени въ другую ихъ всячески обираютъ мелкіе ханы, требуя съ нихъ и за право проѣзда, и за право торговли. Только сильное стремленіе къ наживѣ заставляетъ купцовъ пренебрегать всѣми этими опасностями и неудобствами и отправлять вопреки всему ежегодно множество каравановъ.

II. Торговля въ Тибетѣ.

Изъ всѣхъ цивилизованныхъ монгольскихъ странъ, промышленность и торговля получили нѣкоторое развитіе только въ Тибетѣ.

Тибетъ и его столица Хласса или Ласса служитъ умственнымъ и главнымъ образомъ религіознымъ центромъ всѣхъ кочующихъ монголовъ-буддистовъ. Многочисленное ламайское духовенство, разсѣянные повсюду буддійскіе монастыри, караваны пилигримовъ, постоянно путешествующіе въ Хлассу и обратно,—все это, конечно, оказываетъ большое вліяніе на номадовъ и держитъ ихъ въ постоянной духовной зависимости отъ Тибета.

Само населеніе Тибета на половину осѣдлое, на половину кочевое; гористая мѣстность Тибета сильно мѣшаетъ пастушескому образу жизни. Характеръ стадъ въ Тибетѣ тоже совершенно иной. О верблюдахъ тутъ уже не можетъ быть и рѣчи, они совершенно непригодны къ путешествіямъ по горнымъ дорогамъ. Здѣсь ихъ роль играетъ такъ называемый *якъ*,—порода, родственная быку. Онъ служитъ, впрочемъ исключительно въ качествѣ вьючнаго скота, для обработки земли его совершенно не употребляютъ. Зато изъ его шерсти ткутъ матерію для одежды и особенно для покрышки палатокъ и, кромѣ того, онъ даетъ массу молока, изъ котораго туземцы бьютъ масло. Масло служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли съ кочующими монголами. Его кладутъ въ мѣшки и потомъ развозятъ съ караванами по всѣмъ азіатскимъ степямъ.

Для кочующихъ монголовъ-буддистовъ Тибетъ играетъ роль Рима для католиковъ. Для нихъ это обѣтованная земля, центръ и предѣлъ вселенной; они думаютъ даже, что за Тибетомъ тянется только безбрежный океанъ. Страшная вышина тибетскихъ горъ дѣлала всегда эту страну неприступной крѣпостью въ глазахъ степныхъ номадовъ. И до сихъ поръ въ Тибетѣ встрѣчается очень мало иностранцевъ. Туда переселяются, главнымъ образомъ, индійцы изъ Бутана, мусульмане изъ Кашмира, торгующіе предметами роскоши, и больше всего китайцы, такъ какъ Тибетъ находится въ вассальной зависимости отъ Китая и китайскій намѣстникъ со своимъ штатомъ постоянно живетъ тамъ.

Окруженный естественными границами, Тибетъ развивался самостоятельно, внѣ всякаго чужеземнаго вліянія. Промышленность тибетская, хотя и довольно несложная, достигла все-таки значительнаго процвѣтанія. Ткацкое искусство тамъ чрезвычайно распространено. Въ небольшихъ селеніяхъ можно, проѣзжая, видѣть цѣлыя семьи, занятыя тканьемъ толстыхъ, но узкихъ, шерстяныхъ тканей. Восточные тибетцы, до сихъ поръ еще не перешедшіе къ осѣдлому быту, тоже умѣютъ ткать, но для пряжи нитокъ они всегда употребляютъ верблюжій волосъ. Одна изъ тибетскихъ долинъ—долина Янъ-Сикіанга прославилась своими двухцвѣтными сукнами, теплыми, легкими и прочными, какъ всѣ тибетскія ткани. Кромѣ того, мужчины ткутъ тамъ красную матерію, называемую пулу, тоже очень прочную, но узкую, идущую спеціально на облаченіе ламъ. Наконецъ, они ткутъ изъ овечьей шерсти великолѣпныя тибетскія шали.

Золотомъ Тибетъ очень богатъ; оно часто встрѣчается въ рѣчномъ пескѣ и добываютъ его самымъ простымъ способомъ, почти безъ всякихъ приспособленій. Самое чистое золото продается обыкновенно въ монастыри и оттуда уже идетъ дальше. Но удивительно, что всѣ издѣлія изъ металловъ, изъ золота, серебра, желѣза и пр., дѣлаются обыкновенно не туземными, а пришлыми мастерами.

Изъ естественныхъ богатствъ Тибета слѣдуетъ еще упомянуть киноварь и буру, которой пользуются для сплавовъ золота и серебра.

Тибетскіе мастера обладаютъ еще однимъ искусствомъ, чуждымъ большинству нецивилизованныхъ народовъ: они умѣютъ дѣлать бумагу, хотя и очень первобытнымъ способомъ. Для этого они толкутъ, растираютъ и разводятъ древесную кору, такъ что изъ нея получается бѣловатая масса. Въ эту массу погружается плетенье изъ прутьевъ въ формѣ доски и тихонько вынимается оттуда. На воздухѣ тонкій слой массы, прилипшей къ нему, высыхаетъ, и листъ бумаги готовъ.

Такимъ же простымъ способомъ каждая тибетская семья приготовляетъ для себя порохъ изъ угля, селитры и сѣры.

Гончарное искусство тоже извѣстно тибетцамъ, но деревянная посуда, ведущая свое начало отъ самой глубокой древности, и до сихъ поръ еще конкуррируетъ съ глиняной. Деревянные сосуды, изящнаго фасона, покрытые лакомъ, цѣнятся тамъ очень высоко; по мѣстному повѣрью, они имѣютъ свойство уничтожать дѣйствіе яда.

Наконецъ, довольно замѣтный предметъ вывоза изъ Тибета, преимущественно въ Китай, составляютъ ароматическія палки, цѣнящіяся тоже очень высоко.

Въ общемъ тибетская промышленность все же мало развита и, главное, совершенно не спеціализирована; каждый туземецъ производитъ все. Земледѣліе стоитъ тоже на невысокой степени развитія; культивируется тамъ почти исключительно пшеница, рисъ и ячмень, изъ котораго выдѣлываютъ кисловатый напитокъ. Населеніе, исключая духо-

венства, крайне бѣдно; мясо составляетъ для него предметъ роскоши, хотя оно пасетъ стада быковъ и барановъ.

Вывозная торговля Тибета питается, главнымъ образомъ, сырыми продуктами. Производится она также посредствомъ караванов яковъ, сопровождаемыхъ всадниками; на пути караваны эти кормятся насильственными поборами съ жителей. Съ Китаемъ Тибетъ ведетъ довольно оживленную торговлю ляписъ-лазурью, рогами сернъ и ревенемъ. Къ этимъ свѣтскимъ предметамъ торговли надо прибавить еще разные священные предметы, реликвіи и предметы культа. Этотъ послѣдній видъ торговли особенно выгоденъ. Караваны татаръ-пилигримовъ, притекающіе со всѣхъ сторонъ въ Тибетъ съ благочестивымъ рвеніемъ отдаютъ слитки золота и серебра за лоскутки отъ одежды Далай-Ламы или за кусочки бумаги, содержащіе священныя изреченія.

Надо, впрочемъ, въ одномъ отношеніи отдать справедливость духовному правительству Тибета—оно ни въ чемъ не стѣсняетъ торговлю и иностранцевъ. Всякій можетъ свободно вступать въ страну и торговать чѣмъ угодно, или заниматься какимъ угодно промысломъ. Сами тибетцы вообще склонны къ торговлѣ, базары у нихъ часты и многолюдны; торговля совершается почти исключительно путемъ прямого обмѣна.

Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія промышленности и торговли Тибетъ далеко оставилъ за собой обширныя степи, по которымъ кочуютъ разныя монгольскія племена.

III. Торговля на Малайскомъ архипелагѣ.

Малайскій архипелагъ и полуостровъ Малакка былъ первоначально населенъ племенемъ чернокожихъ; весьма вѣроятно, что эта малайская раса ни откуда не переселилась, а возникла именно тамъ. Доказательствомъ этого служатъ встрѣчающіяся тамъ антропоморфныя обезьяны. Кромѣ того, въ недавнее время на островѣ Явѣ найденъ былъ скелетъ питекантропуса, заполняющаго въ анатомическомъ отношеніи пробѣлъ между обезьяною и человѣкомъ. Но эта первобытная чернокожая раса, отъ которой, вѣроятно, произошли австралійцы и папуасы, въ послѣдующее время не разъ смѣшивалась съ разными другими народами. Самое сильное вліяніе на нее оказали монгольскія и родственныя имъ племена; быть можетъ, въ числѣ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать и полинезійцевъ, что объяснило бы сродство малайскаго и полинезійскаго языка.

Происхожденіе современныхъ малайцевъ трудно опредѣлить съ точностью, но характерныя черты метисовъ видны въ нихъ съ перваго взгляда.

Болѣе чистыя племена малайской расы живутъ преимущественно на берегу моря; занимаются они торговлей и морскимъ разбоемъ, два

рода занятій, которыя въ началѣ были почти повсемѣстно слиты. Уровень культуры на разныхъ берегахъ далеко не одинаковъ. Тамъ, гдѣ завоеватели не внесли еще своихъ порядковъ, особенно тамъ, гдѣ саговая пальма доставляетъ пищу почти безъ всякаго труда, туземцы живутъ настоящими помѣщиками, предоставляя всю необходимую работу рабамъ-папуасамъ. Чтобы выплачивать тидорскому султану небольшую дань райскими птицами, черепахами и саго, они ловятъ въ морѣ трепанговъ и ведутъ небольшую торговлю.

Батаки на Суматрѣ гораздо выше по развитію, несмотря на господствующій среди нихъ каннибализмъ. Живя на берегу, они ведутъ оживленную торговлю съ иноземными купцами, вымѣнивая у нихъ на ладанъ и камфору желѣзо и соль; и то, и другое они перепродаютъ потомъ туземцамъ, живущимъ далеко отъ берега; въ глубинѣ острова устраиваются періодическіе базары, на которые жители являются съ зелеными вѣтвями, въ знакъ мира. Общепринятаго денежнаго знака Батаки не имѣютъ, но часто они употребляютъ въ качествѣ мѣновой единицы лепешки изъ ладона и мотки проволоки

Въ прошедшемъ столѣтіи у малайцевъ была такая же страсть къ желѣзу, какъ у полинезійцевъ. За желѣзо они готовы были отдать все и, получивъ его, выказывали бурную радость. Они дѣлали изъ него разныя орудія и оружіе. Это относится, конечно, къ наименѣе цивилизованнымъ малайцамъ; тѣ изъ нихъ которые испытали вліяніе китайцевъ, индусовъ и арабовъ, обладаютъ уже нѣсколько болѣе развитой промышленностью; они умѣютъ вырѣзывать на деревѣ и слоновой кости, дѣлаютъ очень изящныя ручки для своихъ кинжаловъ. Наконецъ, они ткутъ тонкія матеріи, положимъ, на очень грубыхъ станкахъ, но употребляютъ все же нѣчто вродѣ челнока.

Малайцы на Суматрѣ умѣютъ, также какъ и китайцы, изготовлять порохъ домашнимъ способомъ. Вообще они сохранили въ своей промышленности вполнѣ первобытные пріемы. Такъ, для своихъ работъ изъ золота они плавятъ его въ простыхъ глиняныхъ горшкахъ, для варки рису. Чтобы огонь, разложенный подъ горшкомъ, горѣлъ сильнѣе, они сами дуютъ на него; иногда, когда надо расплавить довольно большой кусокъ металла, вокругъ горшка становится нѣсколько человѣкъ и изо всѣхъ силъ дуютъ на огонь. Иногда, впрочемъ они употребляютъ и искусственныя поддувала изъ перьевъ, махая которыми они производятъ довольно значительный вѣтеръ. Сплавляя золото съ оловомъ, малайцы получаютъ родъ золотой бронзы, идущей на выдѣлку разныхъ украшеній, пуговицъ, клинковъ кинжаловъ и т. п.

Малакка и Малайскій архипелагъ очень богаты золотомъ; добывать его не трудно, такъ какъ оно обыкновенно находится въ чистомъ видѣ въ рѣчномъ пескѣ. Добывъ его оттуда, малайцы спѣшатъ обыкновенно принести его на морской берегъ и тамъ вымѣнять европейцамъ на опіумъ и на разные товары изъ Бенгала и Мадраса. По примѣру ки-

стр.

15. ДНИ БѢЛИНСКАГО ВЪ ПЕНЗѢ. (26-е и 27-е мая 1898 г.). Письмо изъ Пензы. **Виктора Острогорскаго**. 20
16. **За границей.** Что читаетъ нѣмецкій народъ? **М. Рафаилова.**— Лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ. — «Бюро новостей» въ Нью-Іоркѣ.—Японскій министръ о просвѣщеніи. 26
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue scientifique».—«Nineteenth Century». — «Revue des deux Mondes». — «Ethical World». — «Revue des Revues» 36
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новости ботаники за истекшій 1897 годъ. **И. Б.** 42
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія.** 1) Каналы Марса и каналы луны. 2) Разстояніе отъ земли звѣздъ «Большой Медвѣдицы». **Физика и физическая географія.** 1) Превращеніе водорода въ жидкое состояніе. 2) Морскія глубины. **Біологія.** 1) Пахучія железы у насѣкомыхъ. 2) Вліяніе сильно сжатыхъ газовъ на микроорганизмы. 3) Чума и муравьи. **Техника. Агрономія.** 1) Утилизація силы морскихъ волнъ. 2) Нитрагинъ.—**Некрологъ.** Бессемеръ. **В. Агафонова.** 48
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Е. Водовозовой.** 56
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Исторія. — Соціологія. — Юридическія науки.—Философія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 58
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Эволюція вѣрующаго духа. **Ив. Иванова.** 82
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 103

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. НОВЫЙ ТАНГЕЙЗЕРЪ. Романъ **А. Лундегорда.** Переводъ со шведскаго **В. Фирсова.** 1
25. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. **Шарля Летурно.** Переводъ съ французскаго **Т. Богдановичъ.** (Продолженіе) 59

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** **присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей**

2) **Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.**

3) **Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.**

4) ***Лица,*** **адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.**

5) **Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.**

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** **Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.**

7) **При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.**

8) **Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.**

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

JUN 22 1966 20	
JUN 9 '66 73R00	
MAR 12 1970 87	
REC'D	
APR 3 1970	
NOV 04 1991	
REC'D OCT 24 '91	

LD 21A-60*m*-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C038497954